ОТЦЫ И УЧИТЕЛИ ЦЕРКВИ III ВЕКА

АНТОЛОГИЯ

ПАМЯТНИКИ СВЯТООТЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

АНТОЛОГИЯ

ОТЦЫ И УЧИТЕЛИ ЦЕРКВИ III ВЕКА

2 ТОМА

Составление, биографические и библиографические статьи
иеромонаха ИЛАРИОНА (Алфеева)

ТОМ II

ОРИГЕН,
ГРИГОРИЙ ЧУДОТВОРЕЦ,
ИППОЛИТ РИМСКИЙ,
КИПРИАН КАРФАГЕНСКИЙ,
МЕФОДИЙ ОЛИМПИЙСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ОРИГЕН

Святитель ГРИГОРИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Священномученик ИППОЛИТ РИМСКИЙ

Священномученик КИПРИАН КАРФАГЕНСКИЙ »

Священномученик МЕФОДИЙ ОЛИМПИЙСКИЙ

ОРИГЕН

ЖИЗНЬ

Центральной фигурой в богословской жизни христианского Востока III в. был, несомненно, александрийский пресвитер Ориген — •«выдающийся педагог и ученый ранней Церкви, человек незапятнанного характера, энциклопедической образованности, один из самых оригинальных мыслителей, которых когда-либо видел мир» *(Quasten J.,* p. 37), и в то же время богослов, допустивший серьезные догматические ошибки, повлекшие за собой его последующее осуждение. Оригена «поистине можно назвать основателем христианского богословия, — считает протоиерей Иоанн Мейендорф. — В то время как Ириней, Игнатий, Тертуллиан и Киприан были церковниками, которым приходилось иметь дело с насущными богословскими проблемами, диктуемыми конкретной обстановкой, Ориген был великим христианским философом, впервые предпринявшим попытку систематического объяснения христианства в категориях эллинской мысли (Прот. *Мейендорф И.* Введение в святоотеческое богословие, с. 88-89). Прежде Оригена Климент Александрийский ставил перед собой ту же задачу — сформулировать христианское учение на языке, который был бы понятен его современникам, воспитанным в эллинистической культурной традиции. Оба александрийца понимали, что «Церковь, утрачивая контакт с людьми, спасение которых есть ее миссия, отказывается от своей кафоличности [всеобщности], превращается в секту» (Там же). Однако по размаху своей литературной и учительской деятельности Ориген несравненно превзошел Климента. Последний «дал только некоторые части богословской догматики и спекулятивной этики. Ориген же, стоя на плечах Климента, способен был дать систематическую обработку всему церковному христианскому преданию... Он сть отец церковной науки в широком смысле» *(Поснов М.* История - христианской Церкви, с. 86).

О жизни Оригена подробно говорит Евсевий Кесарийский в 6-й книге своей «Церковной истории». Ориген родился около 185 г., вероятнее всего, в Александрии. Его отец, Леонид, давший ему образование в области Священного Писания и светских наук, мученически скончался в гонение императора Септимия Севера в 202 г. Юный Ориген горел желанием разделить судьбу отца и хотел пос-

ледовать за ним в темницу, но мать старалась воспрепятствовать его намерению. «Сначала она умоляла его пожалеть мать, так его любящую, но юноша, узнав, что отец взят и сидит в тюрьме, всем существом своим тянулся к мученичеству. Видя это, она прятала всю его одежду: пришлось сидеть дома. Ничего другого не оставалось делать... как послать письмо отцу и горячо уговаривать его идти на мученичество» *(Евсевий.* Церк. ист., 6, 2). После смерти отца шестнадцатилетний Ориген остался один с матерью и шестью меньшими братьями. Имущество их было конфисковано, и Ориген начал добывать пропитание уроками грамматики. Своими необычайными способностями и ревностью о вере он быстро снискал известность в кругах христиан. Поскольку в Александрии после начала гонений не оказалось никого, кто был бы способен исполнять обязанности огласителя, епископ Димитрий возложил это служение на юного Оригена. В 18 лет он стал главой Александрийского огласительного училища, сменив на этом посту Климента, бежавшего в Палестину.

Евсевий Кесарийский яркими красками рисует нравственный облик Оригена в александрийские годы его служения: «Когда он увидел, что учеников приходит все больше и больше, а труд оглашения поручен епископом Димитрием ему одному, он пришел к мысли, что преподавание грамматики не совместимо с изучением Слова Божия, и немедленно отказался от него, как от бесполезного и противоречащего святой науке. Благоразумно рассудив, что не следует ему нуждаться в чужой поддержке, он продал сочинения древних писателей, которые еще недавно с такой любовью изучал; купивший их приносил ему ежедневно четыре обола, которых ему хватало. Много лет он жил такой жизнью философов, отбрасывая все, что питает юношеские страсти; в течение дня он нес тяжкий труд своей аскезы, большую часть ночи посвящал занятиям Священным Писанием, упорно вел жизнь самого строгого философа, то упражняя себя в посте, то строго отмеривая время сна; спал он... на голой земле... Его крайнее нестяжание повергало в изумление окружающих... В течение многих лет он вовсе не обувался и ступал по земле босиком; многие годы отказывался от вина и от всякой пищи, кроме самой необходимой; в конце концов ему стала грозить тяжелая легочная болезнь. Естественно, многие из учеников, видя эту философскую жизнь, устремились к подобной; из неверующих язычников его учение привлекало людей не последних по своему образованию и философским познаниям. Искренне приняли они в глубине души веру в божественное учение, и некоторые прославились в час тогдашнего гонения, скончавшись мучениками» *(Евсевий.* Церк. ист., 6, 4). Евсевий так же сообщает, что Ориген, поняв евангельские слова о скопцах, «которые сами себя сделали скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19, 12), в буквальном смысле поторопился осуществить эту заповедь на деле. Евсевий называет самооскопление Оригена «детским проступком», свидетельствующим «о душе юной, незрелой и в то же

время глубоко верующей и стремящейся к самообузданию» (*Евсевий.* Церк. ист., 6, 8). История ранней Церкви знает много примеров, когда аскетизм приобретал крайние формы и даже уводил людей от Церкви (как произошло с Тертуллианом в его поздние годы). В случае с Оригеном следует помнить, что в своей аскетической практике, так же как и в богословских исканиях, он был одним из первопроходцев, ценой собственных ошибок прокладывавших путь последующим поколениям христиан. Ориген одним из первых попытался осуществить на деле идеал «истинного философа», который впоследствии (в IV—V вв.) воплотился в христианском монашестве.

В Александрии Ориген основательно изучил еврейский язык и собрал большую библиотеку еврейских и греческих списков Библии. Из найденных им греческих переводов Библии он составил так называемые «Гекзаплы» — сборник, в котором различные переводы были помещены в параллельных столбцах (см. о нем ниже). Этот уникальный сборник, представлявший собой первую в истории Церкви попытку критического издания Библии, был плодом исключительного трудолюбия и эрудиции Оригена: в течение последующих веков он служил для богословов Востока и Запада своего рода энциклопедией библейской учености (в IV веке, например, его изучал блаженный Иероним).

В своей преподавательской деятельности Ориген всегда ставил на первое место богословие и толкование Священного Писания. Однако, прежде чем переходить к изучению Библии, он предлагал своим слушателям подготовительный курс, включавший диалектику, физику, математику, геометрию и астрономию; затем изучались философия и богословие. В Александрийском училище еще со времен Пантена и Климента царило уважение к классической античной учености, и Ориген стремился поддерживать этот дух. Когда Ориген по причине увеличения количества слушателей перестал справляться с преподавательской работой, он поручил ведение подготовительного курса своему ученику Ираклу, впоследствии епископу Александрийскому, а сам сосредоточился на преподавании богословия и Священного Писания.

Представляют интерес контакты Оригена с александрийскими неоплатониками его времени. По свидетельству Порфирия, сохраненному Евсевием Кесарийским, Ориген посещал лекции Аммония Саккаса, у которого впоследствии учился великий философ-неоплатоник Плотин (ок. 205—270). В *Жизни Плотина» Порфирий рассказывает, что однажды, когда Плотин вел занятия в своей школе, в зал неожиданно вошел Ориген: «Плотин весь покраснел и хотел тотчас же встать с места; Ориген просил его продолжать, но он ответил, что когда говоришь перед тем, кто заранее знает, что ты скажешь, то надо скорее кончать; и, сказав еще несколько слов, закончил занятие» (Жизнь Плотина, 14). Весьма вероятно, что речь

здесь идет о другом Оригене — неоплатонике, так как Ориген-христианин был старше Плотина примерно на 20 лет, а описываемое событие могло происходить, по-видимому, в Риме не ранее 244 г. Однако многие исследователи, в том числе Вл. Лосский, считают, что Ориген и Плотин были знакомы: «Не следует воображать, будто между христианами и язычниками существовали непроницаемые стены, а особенно в Александрии, где как одни, так и другие были носителями одной и той же культуры, участниками одной и той же интеллектуальной жизни. Ориген и Плотин вместе учились у Аммония Саккаса, основателя неоплатонической школы. Эти два человека друг друга знали и уважали... Эти два человека, языческий философ и христианский богослов, в разных религиозных обрамлениях параллельно развивали одни и те же темы, характерные для духовного аспекта эллинизма: побег, исчезновение из мира чувственного. Это небесное путешествие совершается не ногами, говорит Плотин, а созерцанием, уподобляющим душу Богу, восстанавливающим в ней подобие Ему тем, что возвращает ее в ее отечество, где ждет ее Отец... Здесь тот же интеллектуальный мир, почти что тождественный духовный строй, как у Плотина, так и у Оригена» (*Лосский В.* Александрия, с. 226—227). Крупнейший исследователь Оригена А. Крузель также допускает, что Ориген посещал лекции Аммония и был знаком с Плотином (*Crouzel H.* Origen, p. 10—12). Во всяком случае, дошедшие до нас сочинения Оригена свидетельствуют о том, что он глубоко знал неоплатоническую философию и разделял многие воззрения неоплатоников. В частности, влияние Аммония Саккаса прослеживается, по мнению И. Куастена, в космологии и психологии Оригена, а так же в его философском методе (*Quasten J.,* p. 38).

Учительская деятельность Оригена в Александрии прерывалась случайными, иногда довольно продолжительными поездками. Около 212 г. он путешествовал в Рим, «пожелав увидеть самую древнюю Церковь — Римскую» (*Евсевий.* Церк. ист., 6, 14). Там он познакомился с пресвитером Ипполитом, одним из наиболее известных западных богословов III в., произнесшим в его присутствии проповедь (*Блаженный Иероним.* О знаменитых мужах, с. 61). Около 215 г. или немного ранее Ориген был послан епископом Димитрием в Аравию для переговоров с правителем этой области. Оттуда он по приглашению матери Септимия Севера поехал в Антиохию и затем вновь вернулся в Александрию. В 216 г., во время гонения императора Каракаллы, Ориген нашел убежище в Палестине, где он по просьбе епископов Феоктиста Кесарийского и св. Александра Иерусалимского проповедовал в храме и изъяснял Священное Писание. Однако епископ Димитрий Александрийский был недоволен популярностью Оригена в Палестине и послал за ним своих диаконов вместе с письмом, в котором упрекал палестинских епископов в том, что они позволили Оригену-мирянину — проповедовать в своем

присутствии. Феоктист и св. Александр, однако, в ответном письме указали, что, «где найдутся люди, способные принести пользу братьям, оттуда и приглашают их святые епископы проповедовать народу» *(Евсевий.* Церк. ист., 6, 19). Ориген вернулся в Александрию и продолжил обычные занятия.

В период между 215 и 220 гг. Ориген начал создавать свои крупные экзегетические сочинения. Его литературная активность в это время связана с обращением в христианство некоего Амвросия, состоятельного человека, предоставившего в распоряжение Оригена отдельное помещение и оплачивавшего труд более семи стенографов, писавших под диктовку Оригена, а также не меньшего числа «переписчиков и красиво писавших девушек, которых Амвросий щедро снабжал всем необходимым» (Там же, 6, 23). Ориген был благодарен Амвросию, побуждавшему его к литературным занятиям. В шутку он называл его своим «работодателем», по аналогии с египтянами, заставлявшими евреев работать в эпоху перед их Исходом (Толкование на Иоанна, кн. 5, SChr, t. 120, p. 372).

Около 231 г. Ориген отправился по церковным делам в Грецию. Проезжая через Палестину, он принял в Кесарии от рук епископов Феоктиста и Александра пресвитерскую хиротонию. Что побудило палестинских иерархов рукоположить Оригена вопреки канонам, запрещавшим хиротонию клириков из чужой епархии, остается неизвестным. Можно предполагать, что к этому моменту Ориген уже был в конфликте со своим правящим епископом. Во всяком случае, как только весть о рукоположении Оригена дошла до Димитрия Александрийского, он созвал собор, на котором отлучил Оригена от Церкви. На другом соборе Димитрий лишил Оригена священства. Александрийский епископ мотивировал свои прещения тем, что Ориген, будучи скопцом, не вправе исполнять священническое служение: «Ориген был в это время весьма известен, пользовался у всех людей во всем мире славой за свою мудрость и добродетель, и Димитрий, не зная, в чем его обвинить, придрался к его давнему детскому проступку, страшно оклеветал его, осмелившись при этом задеть и тех, кто продвинул его в пресвитеры», — пишет Евсевий *{Евсевий.* Церк. ист., 6, 8). Блаженный Иероним также говорит, что Ориген был осужден «не за ересь, не за новости догматические, как клевещут теперь на него бешеные, но потому, что не могли выносить славы его красноречия и знаний, потому что, когда он говорил, все казались немыми» (Письмо 32, к Павле). После смерти Димитрия в 232 г. Ориген вернулся в Александрию, однако новый епископ Иракл подтвердил прещения, наложенные его предшественником. Собор в Риме поддержал решение александрийских епископов, тогда как епископы Палестины и Аравии, кажется, игнорировали их. Оригену не оставалось ничего, кроме как навсегда оставить Александрию и пересилиться в Кесарию Палестинскую.

Здесь он основал по образцу Александрийского училища богословскую школу, которой руководил в течение 20 лет до своей смерти. Курс обучения в Кесарийском училище был примерно таким же, как и в Александрийском. В этот период у Оригена учился св. Григорий, впоследствии епископ Неокесарийский, написавший в его честь «Благодарственную речь». В ней св. Григорий называет Оригена «мужем, который по внешнему виду и по общему мнению — человек, но для тех, кто может проникать своим взором в глубины его внутренних качеств, он уже наделен высшими преимуществами, которые приближают его к Божеству». Св. Григорий благодарит Оригена за то, что последний обратил его из язычества к истинной вере, обучил всем наукам, внушил любовь к Священному Писанию.

О педагогическом даре Оригена св. Григорий пишет следующее: «Он употреблял всевозможные доводы, трогал, как говорит пословица, за всякую веревку, прилагал все свои силы. Он восхвалял философию и любителей философии обширными, многочисленными и приличествующими похвалами, говоря, что они одни живут жизнью разумных существ, так как стремятся жить правильно и достигают знания о самих себе... а затем об истинно благом, к чему человек должен стремиться, и об истинно злом, чего дблжно избегать... его речь представляла в некотором роде смешение приятной привлекательности, убедительности и какой-то принудительной силы... Он стремился не просто одолеть меня своими доводами, но благоприятным, человеколюбивым и благородным расположением спасти и сделать причастником как тех благ, которые проистекают из философии, так и других, особенно тех, которые Божество даровало ему одному превыше многих или, может быть, превыше всех нынешних людей — [я имею в виду]... спасительное Слово, Которое ко многим приходит и всех, с кем встречается, покоряет» (74 — 82). Ориген, согласно св. Григорию, пользовался «сократическим» способом доказательства (97). Новоначальных он обучал диалектике, физиологии, геометрии и астрономии (109—114), а затем «эллинской философии» (133) и, наконец, богословию (150). Из античных философов и поэтов он советовал читать всех, кроме «безбожников» (151 — 153). Ориген, будучи сам энциклопедически образован, стремился привить любовь и уважение к знанию своим ученикам; «Для меня не было ничего запретного, ибо не было ничего сокровенного и недоступного, — пишет св. Григорий. — Но я имел возможность получить знание о всяком учении, и варварском, и эллинском, из области тайн веры или из государственной жизни, и о божественном, и о человеческом... и насыщаться, наслаждаться всеми благами души. Если бы кто-нибудь мог назвать какое-либо древнее учение истины или что-либо иное в этом роде, то я обладал в нем (Оригене) удивительным и полным собранием и обилием прекрасных созерцаний — короче сказать, он был для меня поистине раем...» (182 — 183). Однако главным для христианина Ориген считал изучение Священного Писания; он сам был, по свидетельству св. Григо-

рия, «в высшей степени проницательным слушателем Божиим», получившим непосредственно от Святого Духа дар истолкования Писаний (174-181).

Известность Оригена в последний период его жизни была настолько велика, что каждая его лекция записывалась стенографами. Епископ Кесарии Каппадокийской Фирмилиан неоднократно приглашал Оригена в свой город для проповеди или сам приезжал к нему в Кесарию Палестинскую «и проводил с ним некоторое время, совершенствуясь в вопросах богословских» *(Евсевий.* Церк. ист., 6, 27). Около 244 г. Ориген путешествовал в Аравию, где противостал епископу Бериллу, впавшему в монархианскую ересь (Там же, 6, 33).

Во время гонения на христиан императора Декия (251 г.) Ориген был арестован и подвергнут истязаниям: «Что и сколько пережил Ориген в это гонение... что и сколько выдержал за веру Христову этот человек: оковы, телесные муки, истязание железом, тюремное подземелье, многодневное сидение с растянутыми ногами... угрозу сожжения, и вообще что только ни делали с ним враги, — все он мужественно вынес» (Там же, 6, 39). Ориген был освобожден из-под стражи, однако пытки и тюремное заключение разрушили его здоровье, и он умер около 253 г. в Тире. «Хотя его юношеская мечта умереть мучеником не сбылась, он несомненно принадлежит к числу исповедников», — считает прот. Иоанн Мейендорф (Введение в святоотеческое богословие, с. 93).

Значение Оригена для христианского богословия трудно переоценить. В своих произведениях он разрабатывал триадологические и христологические вопросы в тех аспектах, в каких они рассматривались богословской мыслью в течение многих последующих столетий. Он заложил фундамент богословской терминологии, которой после него пользовались все крупные церковные писатели. Он сформулировал основополагающие принципы библейской экзегетики, и все позднейшие комментаторы Ветхого и Нового Заветов в большей или меньшей степени шли по его стопам. Он предпринял беспрецедентную в ранней Церкви попытку критико-текстологического сравнительного анализа греческих переводов Библии, чего не делал никто ни до, ни после него (только европейская библейская критика XVIII— XIX вв. на новом уровне вернулась к исследования в области библейской текстологии). Аскетические сочинения Оригена оказали огромное влияние на развитие монашеской письменности.

Однако в своем богословском дерзновении Ориген иногда высказывал частные мнения, не согласующиеся с православным Преданием и заимствованные им из чуждых христианству учений («Ориген совершил ошибку, позволив философии Платона влиять на его богословие больше, чем он сам думал», — считает И. Куастен). Так, например, в сочинениях Оригена можно найти следы античного учения о предсуществовании душ. Он был сторонником теории «апокатастасиса» — восстановления всей твари в ее первоначальном состоянии после кончины мира. В триадологии Оригена усматриваются признаки субординационизма. Высказанные им спорные мнения Ориген не выдавал за общецерковное учение, и, возможно, он отрекся бы от них, если бы при его жизни Поместный или Вселенский Собор указал на их ошибочный характер. Такого, однако, не произошло, поскольку богословская мысль его времени еще не доросла до той догматической проблематики, которую он затрагивал в своих сочинениях. Церкви понадобилось три столетия, чтобы осмыслить Оригена, оценить его сильные и слабые стороны и вынести над ним свой суд.

Споры об Оригене начались еще при его жизни и продолжались после его смерти. Есть основания предполагать, вопреки Евсевию, что Ориген был отлучен Димитрием Александрийским не только по дисциплинарным мотивам, но и за свои догматические заблуждения. На это косвенно указывает сам Евсевий, когда говорит *(Евсевий.* Церк. ист., 6, 36), что Ориген «писал письма к Фабиану, епископу Римскому, и многим другим епископам, о своем православии» (следовательно, в его православии сомневались). Блаженный Иероним, в ранних письмах отрицавший «клевету» о том, что Ориген был осужден за свои догматические заблуждения (см. Письмо 32, к Павле), в поздних письмах, напротив, подтверждает ее (см. Письмо 81, к Паммахию и Маркелле).

В III —IV вв. каждый крупный богослов должен был занять какую-то позицию в отношении Оригена: среди его защитников и горячих почитателей в этот период — св. Григорий Чудотворец, св. Александр Иерусалимский, мученик Памфил Кесарийский (автор «Апологии Оригена» в пяти книгах), Руфин Аквилейский, блаженный Иероним (в ранние годы), церковные историки Евсевий Кесарийский и позднее Сократ Схоластик; среди противников Оригена — св. Мефодий Олимпийский, св. Петр Александрийский, Феофил Александрийский (обвинивший в оригенизме св. Иоанна Златоуста и добившийся его низложения), св. Епифаний Кипрский, блаженный Иероним (в поздние годы). Святой Афанасий Александрийский и великие Каппадокийцы изучали Оригена и ссылались на него как на авторитет. Однако даже многие сторонники Оригена в IV в. видели его ошибки: Василий Великий и Григорий Богослов, вероятно предчувствуя, что трактат Оригена «О началах» не получит общецерковного признания, сделали из него выборки, включив их в антологию сочинений Оригена под названием «Филокалия» (туда вошли также фрагменты экзегетических произведений Оригена), а Руфин при переводе трактата «О началах» на латинский язык сглаживал сомнительные в догматическом отношении места. Святые Отцы периода христологических споров (V —VI вв.) прямо указали на догматические заблуждения Оригена. В середине VI в., в связи с появлением в Палестине ереси «оригенистов», выросшей на почве

чрезмерного увлечения эсхатологическими идеями александрийского дидаскала, которые были доведены еретиками до крайности, вопрос о наследии Оригена встал с новой остротой. Император Юстиниан составил 15 анафематизмов против Оригена, которые были утверждены Поместным Собором 543 г. в Константинополе и затем V Вселенским Собором 553 г. Многие сочинения Оригена после этого были утрачены, некоторые дошли до нас в отрывках или в латинском переводе. Тем не менее память о великом александрийце не была полностью уничтожена, и Оригена продолжали изучать на протяжении всей последующей истории христианской Церкви.

ТВОРЕНИЯ

Полный список творений Оригена, составленный Евсевием Кесарийским в качестве приложения к «Апологии Оригена» св. Памфила, включал, по свидетельству блаженного Иеронима (Против Руфина, 22), две тысячи наименований. Святой Епифаний Кипрский (Панарион, 64, 63) исчислял трактаты Оригена цифрой в шесть тысяч. Блаженный Иероним пишет, что Ориген «сказал тысячу и более бесед в Церкви, издал, кроме того, бесчисленное множество комментариев... Кто из нас может столько прочитать, сколько он написал?» (Письмо 77, к Паммахию и Океану). Ориген был одним из самых плодовитых писателей за всю историю Церкви. Лишь малая часть его литературного наследия сохранилась, но и она составляет семь объемистых томов в Патрологии Миня.

Критико-текстологические

Составленный Оригеном свод библейских переводов под названием «Гекзаплы» был первым известным истории научным изданием библейского текста. В сборнике Оригена различные переводы были помещены в параллельных столбцах: в первом столбце Ориген поместил оригинальный еврейский текст (в масоретской редакции), во втором — тот же текст в греческой транскрипции, в третьем — перевод Акилы, в четвертом — Симмаха, в пятом — Семидесяти толковников, в шестом — Феодотиона. Переводы еврейских авторов Акилы (эпохи императора Адриана), Симмаха (эпохи императора Септимия Севера) и Феодотиона (около 180 г.) не были в широком употреблении во времена Оригена: по свидетельству Евсевия, Ориген «извлек их на свет Божий из каких-то тайников, где они лежали давным-давно». *(Евсевий.* Церк. ист., 6, 16). Для некоторых разделов Библии Ориген нашел и другие переводы: например, Псалтирь была написана им в восьми и даже девяти параллельных столбцах (Октаплы и Эннеаплы). Перевод Семидесяти толковников в рукописи Оригена был снабжен специальными надстрочными знаками, указывавшими на пропуски или дополнения сравнительно с еврейским текстом: знак обелис (:) указывал на прибавление; «астериск» (X) обозначал лакуну (пропуск). По-видимому, в целом виде сборник Оригена никем, кроме него самого, не переписывался: оригинал, написанный Оригеном в одном экземпляре, хранился в Кесарийской библиотеке; там его видел в IV в. блаженный Иероним (Комментарии на Псалмы, 5). Только пятый столбец, включавший критический текст перевода Семидесяти, переписывался неоднократно. Из всего колоссального труда Оригена до нас дошли незначительные фрагменты.

Экзегетические

Ориген в своей жизни истолковал все книги Ветхого и Нового Заветов. Он работал в трех жанрах: толкований (систематических последовательных комментариев библейского текста), омилий (бесед на отдельные места) и схолий (кратких объяснений отдельных наиболее трудных фрагментов).

Из толкований Оригена на ветхозаветные книги сохранились лишь фрагменты. Наиболее значительными из них представляется часть «Толкования на Песнь Песней», включающая первые четыре книги из десяти, написанных Оригеном, в латинском переложении Руфина (ок. 410 г.). Согласно Евсевию (Церк. ист., 6, 32), книги 1—5 были написаны Оригеном около 244 г. в Афинах, тогда как книги 6—10 — позднее в Кесарии. Блаженный Иероним считал Толкование Оригена на Песнь Песней самой важной из его экзегетических работ. Святой Григорий Нисский читал оригеновское толкование Песни Песней и пользовался им в своих комментариях к этой книге (см. его Точное изъяснение Песни Песней Соломона, предисловие к Олимпиаде). Ориген видит в женихе и невесте из Песни Песней аллегорическое изображение Христа и Церкви. Другое понимание образов библейской книги — любовь человеческой души к Жениху—Христу. Оба понимания со времен Оригена стали классическими в святоотеческой письменности.

Согласно Евсевию, Ориген написал 13 книг «Толкований на книгу Бытия», 46 книг «На Псалмы», 30 «На пророка Исайю», 5 «На Плач Иеремии», 25 «На Пророка Иезекииля», не менее 25 «На малых пророков» (Церк. ист., 6, 24; 6, 32). Лишь незначительные фрагменты из этих комментариев сохранились. В «Катенах на Ветхий Завет», цитатах у позднейших авторов и переводах сохранились также фрагменты из других библейских толкований Оригена. Фрагменты греческого текста «Толкования на Книги Царств» найдены в 1941 г. в Туре. Сохранившиеся в латинской версии три книги «Толкований на Иова», надписанные именем Оригена, едва ли принадлежат ему.

Из 25 книг «Толкования на Евангелие от Матфея», составленно-

го в Кесарии после 244 г., сохранилось лишь 8 книг **в** оригинальной греческой версии (толкование на Мф. 13, 36 — 22, 33). В анонимном латинском переводе сохранилась другая часть оригеновского Толкования на Матфея (включающая комментарии к Мф. 16, 13 — 27, 65). В своих толкованиях Ориген следует александрийскому аллегорическому методу, обращая внимание не столько на буквальное значение текста, сколько на его сокровенный, «духовный» смысл. Некоторые аллегории Оригена искусственны; другие, напротив, стали классическими в святоотеческой письменности. В толкованиях Оригена содержатся многочисленные филологические, текстологические, этимологические и исторические замечания, а также богословские и философские рассуждения.

На греческом языке сохранилось восемь книг из «Толкования на Евангелие от Иоанна», которое состояло из не менее 32 книг и было посвящено Амвросию. Первые 4 книги, вероятнее всего, написаны в Александрии между 226 и 229 гг., 5-я — во время путешествия на Восток в 230 — 231 гг.; работа над 6-й книгой была прервана в 232 г. изгнанием Оригена из Александрии. Остальные книги «Толкования на Иоанна» написаны в Кесарии. Работа является главным источником сведений об Оригене-мистике и о его концепции духовной жизни.

Ориген также составил «Толкование на Послание к Римлянам» в 15 книгах, из которых на греческом языке дошли фрагменты из «Филокалии», «Катенах» и папирусе, найденном в Туре. Сохранились также 10 книг в свободном латинском переложении Руфина. Толкование на Послание к Римлянам написано, вероятно, до 244 г., когда Ориген начал работу над «Толкованием на Евангелие от Матфея».

Из библейских омилий Оригена на греческом языке сохранились 20 «Бесед на Иеремию» и одна «Беседа на 1-ю Книгу Царств, 28, 3 — 25» (об аэндорской волшебнице), а так же фрагменты из 35-й «Беседы на Евангелие от Луки» и 25-й «Беседы на Евангелие от Матфея». В латинском переводе Руфина дошли 16 «Бесед на Книгу Бытия», 13 «На Исход», 16 «На Левит», 28 «На Числа», 26 «На Иисуса Навина», 9 «На Судей» и 9 «На Псалмы»; в латинском переводе блаженного Иеронима — 2 «Беседы на Песнь Песней», 9 «На Исайю», 14 «На Иеремию», 14 «На Иезекииля» и 39 «На Евангелие от Луки». Фрагменты из 20 «Бесед на Иова» сохранились в латинском переводе св. Илария Пиктавийского и «Беседа на 1-ю Книгу Царств, 1—2» в анонимном латинском переводе. Другие фрагменты из «Бесед Оригена» в греческой и латинской версиях вошли в «Катенах». Омилии Оригена представляют большую ценность как для истории христианской проповеди, так и для изучения творчества самого александрийского дидаскала. Историк Сократ (Церк. ист., 5, 22) говорит, что Ориген проповедовал в храме каждую неделю по средам и пятницам; другие биографы Оригена утверждают, что он проповедовал едва ли не ежедневно.

Согласно блаженному Иерониму (Письмо 33, к Павле), Ориген написал схолии «На Исход», «Левит», «Исайю», «Псалмы 1 — 15», «Екклезиаста» и «Евангелие от Иоанна». Лишь незначительные фрагменты из этих схолий сохранились в «Филокалии», «Катенах» и латинском переводе Руфина.

Апологетические

Главным апологетическим сочинением Оригена, сохранившимся полностью, являются восемь книг «Против Цельса», написанных по просьбе Амвросия около 244 г., когда Оригену было около 60 лет (*Евсевий.* Церк. ист., 6, 36). Это опровержение книги «Истинное слово» языческого философа Цельса (Кельса), которая была написана около 178 г. и адресована христианам, обращенным из язычества. В своей книге Цельс не повторял вслед за предшествующими антихристианскими авторами вульгарные обвинения в адрес христиан, на которые приходилось отвечать апологетам II в. Он тщательно изучил Библию и раннехристианскую литературу; он умел отличить учение Церкви от учений гностических сект. Однако книга Цельса, по-видимому, не произвела большого впечатления на христианских авторов 1-й половины III в.: ни один из них не упоминает о ней. Сам Ориген до того, как Амвросий указал ему на эту книгу, не слышал ни о ней, ни о ее авторе. В предисловии Ориген указывает, что Христос молчал, когда против него выступали лжесвидетели, и самым лучшим ответом на нападки язычников было бы молчание в их адрес; тем не менее Ориген по просьбе Амвросия принимается за опровержение Цельса, адресуя свой труд не христианам, а тем, кто или вовсе не знаком с христианской верой, или «немощен в вере» (Рим. 14, 1) (Предисловие к Амвросию). В восьми книгах своего труда Ориген последовательно опровергает обвинения Цельса, доказывая Божество Иисуса Христа, истинность евангельского свидетельства, высоту христианской нравственности. Трактат Оригена является важнейшим источником по истории взаимоотношений между христианством и язычеством в первые века существования Церкви, памятником выдающейся эрудиции Оригена, его ревности о защите истинной веры.

Догматические

Трактат Оригена «О началах» является первым в истории Церкви систематическим изложением христианской догматики. Он написан в Александрии между 220 и 230 гг. На греческом языке сохранились значительные фрагменты (1-я глава из 3-й книги и бб̀льшая часть 4-й книги) в «Филокалии», составленной Василием Великим

и Григорием Богословом (IV в.), а также несколько фрагментов в двух эдиктах императора Юстиниана (VI в.). Полный текст сохранился в свободном латинском переложении Руфина. Трактат состоит из четырех книг. В предисловии Ориген указывает, что его главным руководителем будет Священное Писание и апостольское Предание, сохраняемое Церковью. Согласно Оригену, христианское учение развивается, однако не в смысле изобретения новых догматов, а в смысле уточнения и изъяснения изначальной апостольской веры. В 1-й книге Ориген излагает учение о Боге как Духе, о Христе как Боге и человеке, о Святом Духе, об ангельском мире. Во 2-й книге речь идет о материальном мире, о сотворении человека, грехопадении Адама и его искуплении Воплотившимся Словом, о Воскресении, последнем Суде и будущей жизни. 3-я книга посвящена по-преимуществу антропологическим проблемам, в частности свободе воли человека, основам общечеловеческой и христианской нравственности. В 4-й книге речь идет об источниках христианского вероучения, главным образом о Священном Писании, его богодухновенности и способах толкования. Взгляд Оригена на Священное Писание как книгу, вдохновленную Святым Духом и состоящую из тела, души и духа (т. е. буквального, нравственного и мистико-аллегорического смысла), был усвоен большинством последующих толкователей Библии. Трактат Оригена «О началах», будучи наиболее ранним синтезом христианского вероучения, оказал беспримерное влияние на всю святоотеческую письменность. За исключением ряда ошибок, допущенных Оригеном из-за его чрезмерного увлечения философией Платона, основные положения догматической системы Оригена стали классическими для всего христианского богословия. В этом смысле появление трактата «О началах» было событием эпохального значения.

В числе папирусов, найденных в 1941 г. в Туре, оказалась рукопись конца VI в., содержащая «Диалоги Оригена с Ираклидом и епископами, которые с ним». Это воспроизведение публичной беседы, имевшей место в Аравийской Церкви около 245 г. Мнения Ираклида относительно тринитарного вопроса смутили его собратьев-епископов, заподозривших его в монархианстве и призвавших на помощь Оригена. Диспут был записан стенографами и озаглавлен «Об Отце и Сыне и о душе». В первой части диалога речь идет о Божестве Отца и Сына, причем Ориген говорит об Отце и Сыне как о «двух Богах», обладающих одной силой. Ираклид и другие епископы сначала затруднялись принять эту формулу, опасаясь, что она недостаточно монотеистична. Ориген тогда привел в доказательство места из Священного Писания, где говорится о единстве двух субъектов: Адам и Ева были одной плотью (Быт. 2, 24), соединяющийся с Господом есть один дух с Ним (1 Кор. 6, 17) и, наконец, Христос и Отец — одно (Ин. 10, 30). В первом случае единство заключается в плоти, во втором — в духе, в третьем — в Боге. Божество Христа

является фактором единства между Сыном и Отцом. После того как аргументация Оригена была принята обеими сторонами, собеседники перешли к рассмотрению мнения о том, что душа и кровь в человеке — одно и то же. Ориген указал на различие между физической кровью и кровью внутреннего человека, идентичной душе. В заключительной части диалога речь идет о бессмертии души. Ориген говорит о трех смертях: 1) смерти для греха (Рим. 6, 2), означающей жизнь для Бога; 2) смерти для Бога (Иез. 18,4), означающей жизнь для греха, и 3) смерти физической. Если иметь в виду первые два вида смерти, то о душе можно говорить, что она смертна; если говорить только о физической смерти, в таком случае душа бессмертна. Диалог, прошедший в атмосфере дружелюбия и уважения, закончился взаимным согласием сторон. Диалог показывает, насколько разработанной была в III в. богословская терминология, допускавшая бблыпую свободу в интерпретации Священного Писания и христианских догматов.

В том же папирусе VI в., содержащем «Диалог с Ираклидом», имеется сочинение Оригена «О Пасхе», сохранившееся в поврежденном виде.

В трактате «О началах» (2, 10) Ориген упоминает свое сочинение «О Воскресении». Из этого сочинения, состоявшего, по свидетельству Евсевия (Церк. ист., 6, 24), из двух книг, сохранились незначительные фрагменты у св. Мефодия Олимпийского (О воскресении), блаженного Иеронима (Против Иоанна Ерм., 25 — 26) и Памфила (Апология Оригена, 7). Согласно Мефодию, Ориген в своем произведении отвергал идею идентичности тела человека по воскресении с его земным материальным телом.

Также лишь фрагменты сохранились из сочинения Оригена «Строматы», написанного, по свидетельству Евсевия (Церк. ист., 6, 24), в Александрии до изгнания оттуда Оригена. Блаженный Иероним указывает, что в этом произведении Ориген сравнивал христианскую веру с учениями античных философов — Платона, Аристотеля, Нумения и Корнута (Письмо 70).

Нравственно-аскетические

Трактат «О Молитве», написанный Оригеном по просьбе Амвросия и его жены (или сестры) Татианы в 233 — 234 гг., сохранился полностью. Он дает наиболее полное представление о глубокой внутренней жизни самого Оригена. Трактат состоит из двух частей. В 1-й части (гл. 3 —17) речь идет о молитве вообще — это самое раннее в христианской письменности исследование о необходимости молитвы. Ориген говорит о различии между библейскими терминами «молитва» и «прошение»; о том, что молитва — путь к единению с Богом, что она привлекает к человеку ангела-хранителя, защищает от искушений. Комментируя 1 Тим. 2, 1, Ориген приводит примеры

«молитвы», «прошения», «моления» и «благодарения». В пример усердной молитвы Ориген приводит слова Иисуса Христа, Который научил людей молится Отцу во имя Его. Ориген пытается доказать, что не следует молиться Христу, поскольку Тот, Кто не захотел, чтобы Его называли «благим» (Мф. 19, 17), тем более не захочет, чтобы ему воздавали поклонение. «Ориген остался одиноким в этой теории, которая, вероятнее всего, проистекала из субординационистской концепции Логоса и преувеличенного монотеизма», — считает И. Куастен *(Quasten J.* p. 67). Насколько Ориген был одинок в своем отрицании молитвы Иисусу — это еще остается под вопросом, так как святоотеческое учение о молитве Иисусовой, хотя и уходит корнями в апостольскую традицию, было окончательно сформировано лишь в V в., в эпоху расцвета египетского монашества. В таком классическом памятнике аскетической письменности IV в., как «153 главы о молитве» Евагрия (впоследствии приписанном св. Нилу Синайскому), нет ни слова о молитве Иисусу (см. *Meyendorff J.* St. Gregory Palamas and Orthodox Spirituality. New York, 1974, p. 23). Все известные нам древние литургии адресованы Богу Отцу (литургии, обращенные к Сыну, например коптская литургия св. Григория Богослова, появились значительно позже, в эпоху христологических споров). Не исключено, что рассуждения Оригена отражали не только его личную молитвенную практику, но и практику определенных церковных кругов его времени. 2-я часть трактата «О молитве» (гл. 18 — 30) содержит наиболее ранний из известных истории комментариев на молитву «Отче наш». Ориген указывает на различия в изложении этой молитвы у Матфея и Луки и затем последовательно разбирает текст молитвы. Оригеновская трактовка прошений Молитвы Господней в основном была воспринята последующими толкователями. В заключительной части трактата (гл. 31 — 33) речь идет о практической стороне молитвы — положении тела, выборе места, разновидностях молитвы. Трактат оригена оказал исключительное влияние на аскетическую письменность христианского Востока. В IV — V вв. египетские монахи читали этот трактат, ранние монашеские правила отражают его влияние, в особенности там, где речь в них идет о молитве и сокрушении.

«Увещание к мученичеству» написано в Кесарии Палестинской в 235 г., когда началось гонение на христиан императора Максимиана. Ориген, с 17 лет мечтавший о мученической кончине, будучи в зрелом возрасте, не потерял свой юношеский пыл. Обращаясь к Амвросию и Протекту, а в их лице ко всей христианской общине, Ориген доказывает, что христианин должен не только тайной веровать во Христа, но, если понадобится, открыто свидетельствовать о своей вере, не боясь смерти. В 1-й части трактата (гл. 1—5) Ориген говорит, что кратковременное страдание на земле — ничто по сравнению с блаженной вечностью; всякий христианин должен стремиться к мученичеству, если он любит Бога; только тот может войти в вечное блаженство, кто исповедал свою веру. Во 2-й части (гл. 6 — 10) Ориген указывает, что отступничество и поклонение идолам, даже если они совершены по принуждению и неискренне, являются величайшим грехом. 3-я часть (гл. 11—21), собственно, является увещанием к мученическому подвигу. В 4-й части (гл. 22 — 27) Ориген приводит примеры мученичества из Священного Писания, говорит о Елеазаре и Маккавеях. В 5-й части (гл. 28 — 44) обсуждаются необходимость, смысл и виды мученичества, говорится о «крещении кровью», о ненависти к миру как пути в Царство Небесное; кто отрекается от Сына Божия, тот отрекается также и от Отца — Сын Божий отречется от него перед Отцом; напротив, кто следует за Христом и пьет чашу Его, тот будет утешен Господом. В гл. 45 — 46 речь идет о поклонении демонам и истинном богопоклонении. В заключительных главах (47—50) Ориген суммирует сказанное прежде и выражает надежду, что его труд принесет пользу адресатам. Трактат свидетельствует о смелости Оригена, неоднократно доказанной им во времена гонений, о его непреклонной решимости свидетельствовать о своей вере и любви к Спасителю. Кроме того, трактат является важным источником по истории Церкви в эпоху гонения Максимиана.

Письма

30-я глава «Филокалии» содержит «Письмо Оригена св. Григорию Чудотворцу», написанное между 238 и 243 гг. Обращаясь к своему бывшему ученику, Ориген говорит об «общеобразовательных науках» (геометрии, музыке, грамматике, риторике и астрономии) как о подготовительных к философии и о самой философии как пропедевтике к изучению Священного Писания. Как евреи при исходе из Египта обокрали египтян, взяв с собой «золотые сосуды и серебряные одежды» (Исх. 11, 2), так и христианин может заимствовать у эллинов философию и светские науки. Но главное — заниматься внимательным чтением Священного Писания, отыскивая в нем «скрытый от многих смысл» и молитвенно испрашивая у Бога способности правильно понимать его.

Сохранился полный текст «Письма к Юлию Африкану», написанного около 240 г. в Никомидии в доме Амвросия. Ориген говорит об истории Сусанны, повествовании о Виле и Драконе, молитве Азарии и гимне трех отроков, содержащихся в греческой версии Книги пророка Даниила, но отсутствующих в еврейском тексте. В своем ответе Юлию Африкану, отвергавшему каноничность этих повествований, Ориген, демонстрируя глубокую лингвистическую эрудицию, утверждает, что, поскольку они содержатся в переводах Семидесяти толковников и Феодотиона, христианская Церковь справедливо включила их в состав Библии. Ссылаясь на церковную традицию, Ориген советует своему адре-

сату «не передвигать межи давней, которую провели отцы» (Притч. 22, 28).

Несколько других писем Оригена сохранены Евсевием в 6-й книге его «Церковной истории», фрагмент письма Оригена «О междупсалмии» содержится в 27-м письме блаженного Иеронима. Из множества других писем Оригена не сохранилось ничего, кроме упоминаний о них. В частности, Евсевий Кесарийский говорит о ста томах (!) собранных им писем Оригена: «Имеется его письмо к императору Филиппу и другое — к его супруге Севере, есть и иные письма к разным людям. Я собирал их сколько мог — их хранили у себя по разным местам разные люди — и составил из них особые тома: их больше ста. Писал Ориген письма к Фабиану, епископу Римскому, и многим другим епископам о своем православии. Они приведены в 6-й книге Апологии, написанной нами об этом великом человеке» (*Евсевий.* Церк. ист., 6, 36).

БИБЛИОГРАФИЯ

Творения, оригинальный текст

Origenes. Werke. — Bd. 1—13. — Berlin, 1899—1955. — (Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderts; Bd. 2, 3, 6, 10, 22, 29,30,33,35,38,40,41/1,41/2).

Творения, русский перевод

Ориген Александрийский. Творения Оригена, учителя Александрийского, в русском переводе. — Вып. 1: О началах. — Казань, 1899.
Ориген Александрийский. О молитве: Творение учителя Церкви Оригена/Пер. Н. Корсунского. — Ярославль, 1884.
Ориген Александрийский. О молитве и Увещание к мученичеству: Творение учителя Церкви Оригена/Пер. Н. Корсунского. — 2-е изд. - СПб., 1897.
Ориген Александрийский. Письмо Оригена к Григорию Чудотворцу//Творения св. Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского/Пер. Н. Сагарда. — Пг., 1916. — С. 53—56.
Ориген Александрийский. Против Цельса. — Ч. 1, кн. 1—4/Пер. Л. Писарева. — Казань 1903. — То же: 2-е изд. — Казань, 1912.
Ориген Александрийский. Увещание к мученичеству: Творение учителя Церкви Оригена/Пер. Н. Корсунского. — Ярославль, 1886.
А. П. Рец. на кн.: Творения Оригена, учителя Александрийского, в русском переводе. — Вып. 1: О началах. — Казань, 1899// Вера и Церковь. - 1900. - Кн. 2. - С. 297-302.
А. С. Эсхатология Оригена: (Общая и эзотерическая)//Вера и разум. - 1916. - № 2. - С. 214-235.

Литература

Архангельский М., священник. Учитель Церкви Ориген: (К 1700-летней годовщине его смерти)//Журнал Московской Патриархии. - 1953. - № 12. - С. 28-32.
Болотов В. Троякое понимание учения Оригена о Святой Троице//Христианское чтение. — 1880. — Ч. I. — № 1. — С. 68-76.
Болотов В. В. Учение Оригена о Святой Троице. — СПб., 1879.
Верига В., диакон. Христология Оригена. — Загорск, 1979. — (Машинопись).
Григорий Чудотворец, св. Благодарственная речь Оригену//Творения св. Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского/Пер. Н. Сагарда. - Пг., 1916. - С. 18-52.
Гусев Д. В. Апология Лица Иисуса Христа и Его земной жизни и

деятельности в сочинении Оригена «Против Цельса». — Казань, 1886.
Евсевий Памфил. Церковная история: Кн. 6//Богословские труды. - М., 1984. - Сб. 25. - С. 29-53.
Елеонский Ф. П. Учение Оригена о Божестве Сына Божия и Духа Святого и об отношении Их к Богу Отцу. — СПб, 1879.
Жизнь Оригена//Христианское чтение. — 1845. — .№ 5. — С. 260-282; № 6. - С. 379-440.
Зяблицее Георгий, диакон. Богословие Оригена//Журнал Московской Патриархии. — 1992. — № 2. — С. 47—52.
Иннокентий (Махлаченко), иеродиакон. Догматическая система Оригена, ее содержание и анализ на основе православно-церковного учения. — Загорск, 1965. — (Машинопись).
К. С. Ориген как проповедник//Труды Киевской Духовной Академии. - 1869. - МЬ 2. - С. 195-210.
Катанский А. Учение о благодати Божией: § 7: Оригена//Христианское чтение. - 1900. - Т. 210. - Ч. 2. - № 10. - С. 476-500.
Лебедев А. Учение Оригена о духах//Вера и разум. — 1914. — № 5. - С. 593-613.
Лебедев Д. А., священник. Св. Александр Александрийский и Ориген. — Киев, 1915.
Лебедев Н. И. Сочинение Оригена «Против Цельса»: Опыт исследования по истории литературной борьбы христианства с язычеством. - М., 1878.
Леонардов Д. Теория боговдохновенности Библии в александрийской школе: Теория Оригена//Вера и разум. — 1907. — Jsfe 4. - С. 443-465; JM? 5. — С. 583-600; № 6. - С. 764-774; № 9. - С. 330-348; № 12. - С. 765-788; № 18. - С. 71 1-736.
Малеванский Г. В., священник. Догматическая система Оригена. — Киев, 1870.
Ориген: (Из Пресансе)//Труды Киевской Духовной Академии. — 1865. - № 7. - С. 265-320.
Орлов А. К характеристике христологии Оригена//Богословский вестник. — 1909. — Июль—август. — С. 370—394.
Певницкий В. Ф. Ориген и его проповеди//Труды Киевской Духовной Академии. - 1879. - № 2. - С. 161-203; № 11. - С. 295-340; 1880. - № 3. - С. 395-439; № 4. - С. 523-563.
Петров Н. Можно ли считать аллегоризм причиной догматических заблуждений Оригена?//Православный собеседник. — 1900. - Ч. 2. - С. 173-187.
Петров Н. Сочинение Оригена «О началах»//Православный собеседник. - 1889. - Ч. 2. - С. 90-105; 219-250.
Троицкий Н. И. Ориген как апологет. — Тула, 1908.
Учение святого Варсануфия о мнениях Оригена, Евагрия и Дидима

//Христианское чтение. - 1827. - Ч. 25. - С. 257-270.
Хитрое М. Климент и Ориген — учители александрийские и их век. — См. библиографию к разделу «Климент Александрийский».
Христианский Восток и Запад в Ш-м веке: Ориген и Киприан//Христианское чтение. — 1865. — Ч. 1. — С. 3—37; 167—187; 227-254.
[Хупотский *П.J* О трудах Оригена в изъяснении новозаветных книг Св. Писания//Творения святых отцов в русском переводе: Прибавления. - М., 1861. - Ч. 20. - С. 100-144.
Юстиниан. Послание к Мине; Грамота об Оригене//Деяния Вселенских Соборов. — Казань, 1868. — Т. 5. — С. 460—513.
Aeby G. Les Missions divines de saint Justin й Orig£ne. — Fribourg (Suisse), 1958.
Andersen C. Logos und Nomos: Die Polemik des Kelson wider das Christentum. — Berlin, 1955.
Baltasar H. U. von. Parole et mystère chez Origdne. — Paris, 1957.
Bardy G. Origfcne. — Paris, 1931.
BertrandFr. Mystique de Jdsus chez Orig£ne. — Paris, 1951.
Bigg Ch. The Christian Platonists of Alexandria. — Oxford, 1886.
Bonnefoy J. Fr. Orig£ne, thdoricien de la m6thode th6ologique//Melanges offerts au R. P. Ferdinand Cavallera. — Toulouse, 1948. — P. 88—145.
Cadiou R. Introduction au syst£me d'Origdne. — Paris, 1932.
Cadiou R. La Jeunesse d'Origfcne: Histoire de 1'ёco1e d'Alexandrie au d£but du III[e] sidcle. — Paris, 1935.
ChénevertJ. L'Eglise dans les Commentaire d'Orig£ne sur le Cantique des Cantiques. — Montreal, 1969.
Crouzel H. Origfcne. — Paris, 1985. — (In English: Edinburgh, 1989).
Crouzel H. Origdne et la "connaissance mystique". — Paris; Bruges, 1961.
CrouzelH. Origene et la philosophie. — Paris, 1962.
Crouzel H. Th6ologie de l'image de Dieu chez Origfcne. — Paris, 1956.
Crouzel H. Virginity et Mariage chez Origene. — Bruges; Paris, 1963.
Danielou J. M6ssage 6vangelique et culture heltenistique aux II[e] et III[e] si£cles. — Tournai, 1961. — (In English: Gospel Message and Hellenistic Culture. — London, 1973).
Danielou J. Origdne. — Paris, 1948.
De Lange N. R. M. Origen and the Jews: Studies in Jewish — Christian Relations in 3d Century. — Cambridge, 1977.
Denis J. De la philosophie d'Origdne. — Paris, 1884.
Diekamp Fr. Die origenistischen Streitigkeiten im sechsten Jahrhundert und das fUnfte allgemeine Concil. — Miinster i.W., 1899.
Drewery B. Origen and Doctrine of Grace. — London, 1960.
DupuisJ. "L'esprit de l'homme": Etude sur Г anthropologic religieuse d'Origene. — Paris; Bruges, 1967.
Eichinger M. Die Verkiarung Christi bei Origenes: Die Bedeutung des Menschen Jesus in seiner Christologie. — Wien, 1969.
Fairweather W. Origen and Greek Patristic Theology. — Edinburgh, 1901.

FasslerFr. Der Hagios-Begriffbei Origenes. — Freiburg (Schweitz), 1958.
FayeE. de. Orig&ie: Sa vie, son oeuvre, sa решёе. — T. 1—3.—Paris, 1923—1928.
FebvreL. Origdne et des P6riers, ou l'6nigme du "Cymbalum Mundi". — Paris, 1942.
Freppel Ch. E. Origdne: Cours d'61oquence sacrde fait & la Sorbonne pendant les amuSes 1866 et 1867. — T. 1—2. — París, 1868.
GenetD. L'enseinment d'Origdne sur la prtere. — Cahors, 1903.
GodinA. Ersme lecteur d'Origdne. — Geneva, 1982.
Goegler R. Zur Theoloie des biblischen Wortes bei Origenes. — Dttsseldorf, 1963.
GrantR. M. The Letter and the Spirit. — London, 1957.
Gruber G. Zoi: Wesen, Stufen und Mitteilung des wahren Lebens bei Origenes. — Mtinchen, 1962.
Gruber W. Die pneumatische Exegese bei den Alexandrinern. — Graz, 1957.
GuillaumontA. "Le KёрЬаНа Gnostica" d'Evagre le Pontique et l'histoire de l'orig6nisme chez les Grecs et chez les Syriens. — Paris, 1962.
Hanson R. P. C. Allegory and Event: A Study on the Sources of Origen's Interpretation of Scripture. — London, 1959.
HansonR. P. C. Origen's Doctrine of Tradition. — London, 1954.
HarlM. Origdne et la fonction r£v61atrice du Verbe 1псагпё. — Paris, 1958.
IvánkaE. von. Zur geistgeschichtlichen Einordnung des Origenismus//Byzantínische Zeitschrift. — 1951. — Bd. 44. — Hft. 1. — S. 129—303.
Kelber W. Die Logoslehre von Heraklit bis Origenes. — Stuttgart, 1958.
Kerr H. T. The First Systematic Theologian, Origen of Alexandria. — Prínceton, 1958.
Klostermann E. Analecta zur Septuaginta, Hexapla und Patrístík. — Leipzig, 1895.
KochH. Pronoia und Paideusis: Studien ttber Origenes und sein Verhaltnis zum Platonismus. — Berlin, 1932.
Kyrillos, Catholic Patriarch of Alexandria. Reconstitution de la synthase scientifique d'Orig£ne, prёc^Лё d'une introduction sur Origdne, TOr^n^sme et le jugement de la critique moderne. — T. 1—2. —Alexandria, 1907.
Laforge F. M. de. Orig£ne. — Sens, 1905.
Latko E. F. Origen's Concept of Penance. — Quebec, 1949.
LieskeA. Die Theologie des Logosmystik bei Origenes. — Milnster i. W., 1938.
Lubac H. de. Histoire et Esprit: L'intelligence de l'Ecriture d'aprds Origdne. — París, 1950.
Martin Ch. Exposition du systdme dogmatique d'Origdne. — Gendve, 1866.
Miura—Stange A. Celsus und Origenes: Das gemeinsame ihrer Weltanschauung nach der acht BUchern des Origenes gegen Celsus. — Giessen, 1926.
Muth J. F. S. Der Kampf des heidnischen Philosophen Celsus gegen das Christentum: Eine apologetisch-patristische Abhandlung. — Mainz, 1899.
Nautin P. Origdne: Sa vie et son oeuvre. — Paris, 1977.
Nemeshegyi R. P. P. La paternte de Dieu chez Origdne. — Paris, 1960.
Origeniana: Premier colloque internationale des ëtudes orig£niennes/H. Crouzel, G.Lomiento, J.Ruis-Camps; Montserrat, 18—21 sept. 1973. —Bari, 1975.

Patrick J. The Apology of Origen in Reply to Celsus: A Chapter in the History of Apologetics. — London; Edinburgh, 1892.
***Pedepenning** E. R.* Origens, eine Darstellung seines Lebens und seiner Lehre. — Bd. 1—2, —Bonn, 1841—1846.
Pelagaud E. Un conservateur au second si£cle: Etude sur Celse et la premiere escarmouche entre la philosophie antique et le Christianisme naissant. — Lyon, 1878.
PratF. Orig£ne, le Tl^Aologien et Гexëgëte. — 3. ed. — Paris, 1907.
Rahner K. Le debut d'une doctrine des cinq sens spirituels chez Origene// Revue d'Ascëtique et de Mystique. — Toulouse, 1932. — 13. — P. 113—145.
Rahner K. La doctrine d'Origène sur la рёпкепсе//ЛесЬегсЬе5 de science relígíeuse. — París, 1950. — T. 37. — P. 47—49; 252—286; 422—456.
RistJ. M. Eros and Psyche: Studies in Plato, Plotinus and Orígen. — Toronto, 1964.
Sherwood P. The Earlier Ambigua of Saint Maximus the Confessor and his Refutation of Orígenísm. — Romae, 1955.
SteinerM. La tentation de Jesus dans Г interpétation patristique de saint Justin a Origene. — Paris, 1962.
StelzenbergJ. Syneidesis bei Origenes. — Padeborn, 1963.
Teichtweier G. Die Siindenlehre des Origenes. — Regensburg, 1958.
Thomasius G. Origenes: Ein Beitrag zur Dogmengeschichte des dritten Jahrhunderts.—Numberg, 1837.
Tollinton R. B. Alexandrine Teaching on the Universe. — London, 1932.
Volker W. Das Vollkommenheitsideal des Origenes. — Tubingen, 1931.
WasselynckR. Origene. — Paris, 1968.
Weber K. O. Origenes der Neuplatoniker. — Munchen, 1962.
ZoelligA. Die Inspirationslehre des Origenes. — Freiburg i. B., 1902.

УВЕЩАНИЕ К МУЧЕНИЧЕСТВУ*

[1] *От молока отвыкшие, от матерней груди отнятые! Печали на печаль ожидай; ожидай надежды на надежду. Только еще короткое время; только малое время еще — из-за издевательства уст, из-за чуждого языка* (Ис. 28, 9—11). А так как вы, богоугоднейший Амвросий и богобоязливейший Протоктет, уже мыслите не по-плотски и не дети во Христе, но достигли духовного вашего возраста и *более не нуждаетесь в молоке, а в пище твердой* (Евр. 5, 12 — 15); так как вы, по Исайе, *от молока отвыкли и от матерней груди отняты* (Ис. 28, 9), то слушайте, как *от матернего молока отвыкшим* и как бы борцам не простая печаль предвозвещается, а печаль на печаль (Ис. 28, 10). И кто этой *печали на печаль* от себя не отстраняет, а в качестве благородного бойца ожидает ее, тот ожидает вместе с тем и *надежды на надежду,* участником которой он становится после перенесенной из-за этой надежды короткой печали, потому что именно это означают слова: *Только еще короткое время; только малое время еще* (Ис. 28, 10).

[2] Пусть чуждые [нехристиане] презирают нас и унижают, называют нас бездельниками и безумцами; мы желаем помнить слово Священного Писания, что *надежда на надежду,* даруемая нам *через короткое время,* даруется ради уничижения [нас] устами, языком чуждым (язычниками). И кто же не будет ожидать *печали на печаль,* чтобы после этого тотчас *ожидать и надежды на надежду,* если он вместе с Павлом подумает о том, что *нынешние времена страдания,* которыми мы как бы покупаем себе блаженство, — что эти страдания *не могут быть и сравниваемы с той славой, которая должна открыться в нас* (Рим. 8, 18); и особенно, когда наше *кратковременное легкое страдание,* — которое для лиц стоящих около и не беспокоимых легко и может быть названо легким, — тем большую и тем преизобильнейшую *доставляет нам вечную полноту славы* (2 Кор. 4, 17), чем безмернее оно. Но мы должны в то время, когда нашу душу преследуют и как бы раздавить стараются, духовное наше око от страданий отвращать и взирать им не на настоящие страдания, а на то, что *законосообразно подвизающимися во Христе* (2 Тим. 2, 5) за их твердость в страданиях сохраняется благодатью Божиею, которая осыпает благодеяниями и вознаграждает больше, чем стоят труды борца, а именно вознаграждает так, как подобает Богу, расточающему дары не мелочные, а великие и удвояющему и утрояющему Свои милости тем, кто со своим земным сосудом (т. е. телом, ср. 2 Кор. 4, 7) как можно пренебрежительнее обращались и, таким образом, показали, что они всей душой Бога любят (Мф. 22, 37).

[3] Но я полагаю, что всей душой Бога любят те, кто вследствие

* Пер. Н. Корсунского.

искреннего желания соединиться с Ним не только отделяют себя от земного тела, но отрешаются и от общения со всяким телом (со всякого рода телесными вещами). Такие без неудовольствия и без сопротивления это *тело уничижения* (Фил. 3,21) оставляют, как только время приходит в так называемой смерти совлечься *тела смерти.* Тогда-то они *молятся с* апостолом и говорят: *Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти* (Рим. 7, 24)? Ибо кто же, живя в этой хижине своей и вздыхая под тяжестью этого смертного тела (2 Кор. 5,4), даже благодарить не будет, если в ответ на слова: *Кто меня избавит от сего тела смерти* (Рим. 7, 24) — вдруг увидит, что после продолжавшейся до тех пор совместной жизни с телом он от него освобождается смертью; кто по достоинству не воскликнет: *Благодарение Богу чрез посредство Господа нашего Иисуса Христа* (Рим. 7, 25)! Если же кому кажется это тяжелым, то не *ощущает ли он* по крайней мере *жажды по Боге крепком, живом* (Пс. 41, 3), не *стремится* ли он *к Богу, как олень устремляется к потокам воды* (Пс. 41, 3); по крайней мере не говорит ли: *Когда же приду я и явлюсь перед лице Божие* (Пс. 41,3)? И не внутри только самого себя сознает он то, что сознавал и пророк, но и устами то исповедует; ибо пророк на вопрос: *Где Бог твой?* (Пс. 41,4 — 11) — ежедневно изливает душу свою, упрекая ее, что в бедствии она печалится и смущается, и потом взывает: *Пойду к местонахождению дивной скинии, вступлю в дом Божий среди торжественных звуков радости и хвалебных песней* (Пс. 41, 5).

[4] Поэтому я желал бы, чтобы во время предстоящего подвига, — помня о *богатой награде на небесах,* сохраняемой для тех, кто *за правду* и *ради Сына человеческого преследуем* бывает *и позорим* (Мф. 5, 10—12), — вы радовались, ликовали и торжествовали, подобно тому как апостолы радовались, что *удостоились принять бесчестие за имя Господа Иисуса* (Деян. 5, 41). Когда же почувствуете уныние в своей душе, то дух Христов, который живет в нас (Рим. 8, 9) и который ею, поскольку это и от нее зависит, точно так же может доведен быть до уныния, пусть говорит в вас: *К чему, душа моя, так унываешь ты и к чему смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо я буду еще славить Его* (Пс. 41, 6—12). О, если бы душа ничем не смущалась, но перед лицом даже и самих судей и при виде обнаженных, сверкающих над затылком мечей была под покровительством *превосходящего всякое понятие Божественного мира* (Флп. 4, 7) и оставалась спокойною, проникаясь той уверенностью, что *оставляющие это тело отходят в обители Самого Господа Вселенной* (2 Кор. 5, 8)! Если же мы не настолько тверды духом, чтобы постоянно поддерживать в себе неустрашимость, то пусть бы только во время самого подвига не обнаружилось замешательство души и чуждыми (язычниками) не было замечено, чтобы иметь время оправдаться перед Богом и сказать Ему: *Боже мой! Душа моя сильно потрясена* (Пс. 42, 4; 6, 4). Разум же требует от нас, чтобы

мы помнили и следующее изречение у Исаии: *Не страшитесь порицания у людей и не позволяйте себе побежденными быть их презиранием* (Ис. 51, 7). Ибо если движением неба и небесных тел и всем тем Бог управляет, что на земле и на море Его Божественною силою создано, охраняется, питается и умножается в виде различных животных и растений, то неразумно было бы закрывать глаза и взирать не на Бога, а пугливо взор свой на тех устремлять, кто вскоре умрет и получит заслуженное наказание.

[5] Аврааму Бог некогда повелел: *Выйди из земли твоей* (Быт. 12, 1). Быть может, и нам вскоре даст Он повеление: «Оставьте мир этот». Благо нам будет, если последуем этому зову. Вскоре Бог даст увидеть нам небо, где находится то, что зовется Царством Небесным.

Подвизающиеся в борьбе [мученики] могут видеть, что жизнь эта вся состоит из борьбы за многие добродетели. Оказывается, что многие и из тех, которые не имели части в Боге, стремились к воздержанности; многие геройски умирали, чтобы сохранить верность главе государства; обращавшиеся к научным исследованиям прилагали старание к тому, чтобы поумнеть; посвящавшие себя правоведению старались жить право. И противоборствуют каждой добродетели, с одной стороны, *помышления плотские* (Рим. 8, 5 — 6), с другой стороны, бблыная часть внешних обстоятельств. Но, между тем как прочие люди даже и вида не подают, что в случае какого-либо несчастья, разражающегося над благочестивыми, готовы за благочестие умереть и смерть в благочестии предпочесть нечестивой жизни, *род избранный, царственное священство, святое множество, народ приобретенный* [Богом] *в собственность* (2 Пет. 2, 9; Исх. 19, 6), предпринимает подвиги за добродетель. Это те из верных, которые *сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению* (Рим. 10, 10). Они понимают, что не будут оправданы, если не будут веровать в Бога без сердечной расположенности к тому, и что не достигнут спасения, если с расположением их сердца не будут согласоваться и слова их. Верящие, что для достижения цели во Христе достаточно одного — *сердцем веровать к праведности,* обольщают себя, если не присоединяют [к своей вере] и другого, т. е. *исповедания устами ко спасению* (Рим. 10, 10). Можно даже сказать, что лучше уже чествовать Бога одними устами, если сердце *далеко отстоит от Него* (Мф. 15, 8; Мк. 5, 6; Ис. 29, 13), нежели чествовать Его сердцем, а устами не произносить свидетельства *во спасение* [т. е. отказываться от исповедания и, следовательно, наружным образом отрекаться от Бога].

[6] Желаю я даже то утверждать, что те, кто перед судебным трибуналом или где-либо в другом месте от христианства отрекаются, хотя бы пред идолами внутренне они и не благоговели, [наружно] им все-таки поклоняются и, таким образом, *именем Господа Бога* пользуются как предметом ничтожным и бездушным (Исх. 20, 7).

Так, народ, обесславивший себя распутством с дочерьми Моава, хотя и не поклонялся идолам, уже самым делом воздал служение им. По крайней мере, передано об этом в таких словах: *И приглашали они* [евреев] *к жертвам богов своих, и народ ел от жертв их и воздал почтение идолам их; и Израиль посвящен был* [в служение] *Веельфегору* (Числ. 25, 2 — 3). Обращай здесь внимание на то, что не говорится: «И они служили идолам»; после столь многих знамений и чудес это ведь было и невозможно, чтобы в одну минуту — положим, что это была тяжелая минута, — жены, с которыми евреи впали в распутство, могли убедить их считать своих идолов за богов. Равным образом и отлив себе, по книге Исход (32, 4), тельца, этому на глазах у них отлитому тельцу евреи, быть может, поклонялись чисто наружным образом (Исх. 32, 8), а не благоговейное почитание воздавали ему.

На угрожающее [вам] искушение, [когда пытками будут склонять вас к идолослужению], поэтому мы можем смотреть как на опыт, в котором дблжно засвидетельствовать свою любовь к Богу; это испытание ее. *Господь искушает вас,* как написано во Второзаконии (13, 3), *чтобы видеть, любите ли Господа, Бога вашего, от всего вашего сердца и от всей души вашей.* Но вы *последуйте в искушении за Господом, Богом вашим, Его убойтесь и заповеди Его соблюдайте,* особенно эту заповедь: *Да не будет у тебя других богов подле Меня* (Исх. 20, 3); и эту: *Гласа Его слушайтесь и Его держитесь* (Втор. 13, 4), — Его, который нас отсюда берет и с Собой соединяет *в возраст Божий,* как выражается апостол (Кол. *2,* 19).

[7] Если уже каждое злое слово перед Господом *есть мерзость* (Притч. 15, 27), то во столько же раз злейшим словом оказывается перед Ним слово призывания другого бога и злая клятва человеческой судьбой — богиней вовсе и не существующей. Когда желают от нас такой клятвы, должны мы вспомнить о Том, Кто учил: *А Я говорю вам: вы не должны клясться* (Мф. 5, 34). Потому что если уже *Небом клянущийся* нарушает справедливость по отношению к *престолу Божию* и если уж *землею клянущийся* бесчинствует, ибо делает богом *подножие ног Божиих* (Мф. 5, 34—35; Ис. 66, 1); и если уже *Иерусалимом клянущийся* грех совершает, хотя это все же *город великого Царя;* и если уже *головою клянушийся в грех впадает* (Мф. 5, 36), — то сколь же больший грех — клясться судьбою человека? Следует нам помнить тогда и об изречении: *За всякое праздное слово вы воздадите ответ в день суда* (Мф. 12, 36), а какое другое *слово* по бессодержательности может сравниться с клятвенным отречением от веры? Никоим образом не позволено тварям воздавать [Божеское] почитание при существовании Творца, Который может все желания исполнить и даже предупреждает их. Даже и само солнце не может желать воздаяния ему почестей от тех, кто составляет удел Божий, но, конечно, оно и ни от кого не может

желать подобного, но, подражая сказавшему: *Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог* Отец (Мк. 10, 18; Лк. 18, 19; Мф. 19, 17), и оно тому, кто желает почести ему оказывать, как бы так говорит: «К чему ты называешь меня богом? один только есть истинный Бог. И к чему воздаешь мне почести? *Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи* (Мф. 4,10; Втор. 6, 13), и я имею начало своего существования. Зачем же ты кланяешься тому, что само поклоняется? И я ведь почитаю Бога Отца и послушно поклоняюсь Ему и Его повелениям, и покоряюсь суете *по воле Покорившего* *надежде;* и я *освобожден буду от рабства тления во славу свободы чад Божиих* (Рим. 8, 20 — 21), потому что и я точно так же скован преходящим телом».

[8] Ожидаем появления и некоего пророка нечестия, и, быть может, даже не одного, а многих. Они, дабы умертвить нас словом уст своих, будут возвещать нам в качестве слова Господня то, чего *возвещать Господь не позволял* (Втор. 18, 20 — 22), или в качестве *слова мудрости* (1 Кор. 12, 8) то, что мудрости противоречит. Мы же, когда грешник предстанет нам, скажем: *Я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих; и стал я как человек, который не слышит* (Пс. 37, 13—14). Прекрасно на нечестивые речи и внимания не обращать, если мы не надеемся на исправление тех, кто говорит дурное.

[9] Небесполезно во времена прельщений ко злу обращать внимание и на то, чему нас Бог хочет научить, когда говорит: *Я Господь Бог твой, Бог ревнитель.* (Исх. 20, 5). Подобно тому как жених, стараясь привлечь свою невесту (молодую новобрачную жену) к честной жизни с ним, к тому, чтобы она всецело отдалась ему, предостерегает ее, чтобы она не отдавала своих чувств другому; но он мудро поступил бы даже и ревность обнаружив, чтобы этим внешним средством сохранить себе невесту (жену); точно так же, по моему мнению, и законодатель (Исх. 20, 5), будучи *перворожденным всея твари* (Кол.1, 15), и особенно по отношению к своей невесте (каким именем называется душа, например, в «Песни Песней»; ср. Мф. 9, 15), называет Себя *Богом ревнителем,* дабы слышащих это удержать от любодейства (идолослужения) с демонами и так называемыми богами. И в качестве такого *Бога-ревнителя* к тем, которые постоянно уклонялись к любодейству с чуждыми богами, говорит Он: *Они возбудили во мне ревность против не-бога: и Я возбужу в них ревность против не-народа; их подвигну к гневу против народа неразумного, потому что огонь возгорелся во гневе Моем и гореть будет даже до ада преисподнего* (Втор. 32, 21—22; Рим. 10, 19; Иер. 15, 14).

[10] А в случае, если жених хранит невесту от всякого прикосновения к ней нечистоты не ради самого себя, потому что он мудр и бесстрастен, то он делает это по-крайней мере ради ее самой; видя же прикосновение скверны к ней и безобразия, не все ли средства

будет он употреблять, чтобы уврачевать и улучшить ее положение, и не постарается ли в ее собственной природе заложить основания, **которым** свойственно отклонять ее от любодеяния? А как полагаешь ты — не призыванием ли иного бога и не отречением ли от Того, кто один есть единый Бог и Господь, не отречением ли от исповедания этого единого Бога душа сильнее всего оскверняется? Подобно тому как *с блудницею совокупляющийся становится одно тело с нею (1* Кор. 6, 16), точно так же, по моему мнению, соединяется теснейшим союзом с Богом и тот, кто публично Его исповедует — особенно во времена пыток и преследований за веру. Тот же, напротив, кто от Бога отрекается, чрез это самое отречение себя как бы острым мечом отделяет от Того, от Кого отрекся, и таким образом порывает общение с Тем, Кого отвергся. Поэтому обдумай слово: *Кто исповедует Меня перед людьми, исповедаю того и Я перед Отцом Моим Небесным* (Мф. 10, 32; Лк. 12, 8). Слово это не потому ли сказано, что для исповедника оно естественным образом составляет и исповедание, и необходимое следствие, и проявление его веры; а для отрицателя столь же естественно отрицание, и составляет он необходимое следствие живущего в нем духа отрицания. И Тот, Кто есть *Слово* и сама *Истина* (Ин. 1, 1; 1, 14; 14, 6), как исповеднику, так и отрицателю, конечно, имел право говорить: *Какою мерою мерите, и вам такою мерить будут* (Мф. 7, 2; Мк. 4, 24; Лк. 6, 38). И потому ты, который отмерил Мне мерою тобою данного свидетельства обо Мне, и от Меня получишь *мерою утрясенною, нагнетенною и переполненною* и *то полученное положишь себе 4за пазуху** (Лк. 6, 38). Ты же, который, напротив, мерой отвержения Меня отмерил Мне и Меня отрекся, Ты и от Меня получишь мерой, соответствующей Твоему отречению от Меня.

[11] А что это за мера свидетельства полная и что это за мера свидетельства неполная, или недостаточная, можем пояснить следующим образом. Если в продолжение всего времени испытания и искушения мы не даем в своем сердце места диаволу, как бы ни старался он осквернить нас злыми мыслями об отречении, сколько бы ни колебал нашу решимость, какими бы заманчивыми понуждениями ни отклонял нас от мученичества и от совершенства к тому, что им противоречит; если при этом мы не оскверняем своих уст ни единым словом, несогласным с исповеданием; если мы переносим от противников наших всякого рода бесчестье, равно как насмешки, язвительный смех и брань, не трогаемся и сожалением, какое они с виду обнаруживают к нам, [ибо они называют нас заблуждающимися, безумцами и обманутыми]; еще более, если мы не связываем своей свободы ни нежной любовью к жене, детям или к какому-либо мнимо задушевному другу, или к имуществу, или к этой жизни; напротив, если о всем этом забываем и его покидаем, всецело предаемся Богу, погружаемся в Него жизнью своего духа и душою пребываем с Ним в качестве будущих причастников единородного Его Сына

и Его избранных, — тогда можем мы говорить о полной мере исповедничества. Если же хотя бы в каком-то из этих условий мы погрешаем, тогда мера нашего исповедничества будет неполной, тогда умаляем мы его меру, а потому и нужду будем ощущать в том, в чем нуждаются, *построившие дом на фундаменте из дерева, или из соломы, или же из сена* (1 Кор. 3, 12).

[12] И то дблжно нам иметь в виду, что в завете, заключенном с Богом, мы вступили с Ним в то, что называется союзом, причем обязались жить по-христиански. И в завет наш с Богом включено было и то, чтобы поступать во всем по заповедям Евангелия. А Евангелие говорит: *Если кто хочет идти за Мною, тот да отвергнется себя и возьмет крест свой и последует за Мною. Ибо, кто хочет душу свою сохранить, тот потеряет ее; а кто душу свою потеряет ради Меня, тот сохранит ее. Какая польза человеку, если он весь мир приобретет, а души своей лишится? Или какие выкупные деньги человек даст за душу свою? Ибо приидет Сын человеческий во славе Отца Своего с ангелами своими и воздаст каждому по делам его* (Мф. 16, 24 — 27; 10, 39). А что себя самого отречься дблжно, принять крест свой на себя и следовать за Иисусом, об этом написано не только у Матфея, слова которого мы привели, но и у Луки, и у Марка. Выслушай, как у Луки об этом говорится: *Если кто хочет последовать за Мною* (стать моим учеником), *да отречется он самого себя, возьмет крест свой на себя и последует за Мною. Ибо кто хочет душу* (жизнь) *свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он весь мир приобретет, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою* (Мк. 8, 34 — 37)?

Уже давным-давно, значит, мы обязаны отрекаться от самих себя и говорить: *И уже не я живу* (Гал. 2, 20). В настоящее время должно быть показано, приняли ли мы на себя крест свой и последовали ли за Иисусом, что тогда только мы можем признать за собой, если *Христос живет в нас* (Гал. 2, 20). Если желаем мы *свою душу спасти,* дабы ее снова получить не в виде души, а в лучшем виде, то должны мы потерять ее в мученичестве. Если мы потеряем ее Христа ради и сложим ее к Его стопам, умерев ради Него, то доставим ее истинное спасение. В противном же случае мы должны иметь в виду, что никакой не принесет нам пользы, если бы мы и весь видимый мир приобрели, а самих себя потеряли (Мф. 16, 26), потому что, кто раз потерял свою душу или ее лишился, тогда если бы и весь мир он приобрел, не будет иметь возможности отдать его за потерянную душу. Ибо она, будучи создана по образу Божию, ценнее всего на свете. Один только за нашу до того времени потерянную душу мог выкуп дать — это Искупивший нас Своею *драгоценною кровию* (1 Пет. 1, 19).

[13] Итак, если вы любознательны во Христе и одушевлены же-

ланием стать выше познаний, приобретаемых *как бы сквозь тусклое стекло и в загадках* (1 Кор. 13, 12); если вы спешите к Нему, Который зовет вас, то в качестве друзей Небесного Отца вскоре и **увидите** [Христа] *лицом к лицу* (1 Кор. 13, 12), потому что друзья познают [друг друга] через лицезрение, а не в *загадках* и не через понимание лишь слов одних и выражений, символов и типов; они постигают сущность духовных вещей и красоту действительности. Веря тому, что Павел *был восхищен на третье небо*и там *слышал таинственные слова, которых человек выразить не может* **(2** Кор. 12, 2; 12, 4), вы можете отсюда вывести, что, по сравнению с *таинственными словами,* открытыми тогда Павлу, после чего он с третьего неба сошел, и важнейшее познаете, и после постижения его с неба уже не сойдете, *взяв на себя крест и последовав за Иисусом* (Мф. 16, 24), *нашим великим первосвященником, прошедшим небеса* (Евр. 4, 14). Если из числа его учеников себя не выделяете, то точно так же и вы *пройдете небеса* и возвыситесь не только над земными тайнами, но станете превыше и неба, и вещей небесных. Потому что в Боге, как бы в сокровищнице, содержится несравненно более, чем возможно зреть; и содержащегося в Нем ни одно облеченное телом существо прежде отрешения от тела постигнуть не в состоянии. Я убежден, что в Боге сокрыто и соблюдается куда большее, чем видят в Нем солнце и луна, и сонм звезд, и даже большее, чем видят в Нем святые ангелы, которых Бог делает *ветром и пламенем огненным* (Пс. 103, 4), дабы тогда сокрытое это открыть, когда вся тварь освобождена будет *от рабства тлению во славу свободы чад Божиих* (Рим. 8, 21).

[14] Ты же, достопочтенный Амвросий, если построже вдумаешься в одно изречение Евангелия, то увидишь, что, быть может, никогда и никто не достигал столь чрезвычайной и большей полноты счастья, чем какое на твою долю выпадает, если ты пребудешь в борьбе несомневающимся; по крайней мере, такое счастье выпадало на долю лишь немногих. Место это читается так: *Раз Петр сказал Спасителю: Вот мы оставили все и последовали за Тобою, что же* [хорошего] *будет нам за это? Иисус сказал же им: Истинно говорю вам, что вы, в пакибытии* [при возрождении, при воскресении], *когда Бог возсядет на престоле славы Своея, так же сядете на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых. И всякий, кто оставит братьев или сестер, родителей или детей, поле или дома ради имени Моего, тот получит за это во много раз более и наследует жизнь вечную* (Мф. 19, 27 — 29; Мк. Ю, 28 — 30; Лк. 18, 28 — 30). Из-за этих слов я желал бы на земле владеть столь же великим богатством, как и ты, или еще даже большим, и потом быть для Бога мучеником во Христе, чтобы во много раз столько же или, как Марк говорит, *во сто крат более* получить за это (Мк. 10, 30). Гораздо бблыним, *сторицею* это мученичество вознаграждается, нежели то немногое, что, призываемые к

нему, мы оставляем [здесь, на земле]. Потому, когда придется мне быть мучеником, желал бя я ради Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, *от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле* (Еф. 3, 15), вместе с полями и домами и детей оставить, дабы назваться отцом во много раз большего количества таких же мучеников или, говоря определеннее, чтобы стать отцом сотен мучеников и святых чад [Божиих].

[15] Если же кто-нибудь некоторым образом из *ревности о дарах больших* (1 Кор. 12, 31) прославляет блаженство мучеников [из людей] богатых, равно как тех мучеников, которые приходятся отцами мученикам, ибо они сотни детей породят и получат сторицею за свои поля и дома, и если при этом он спрашивает, справедливо ли, чтобы эти мученики из людей богатых вознаграждаемы были во много раз ббльшим количеством духовных благ, нежели мученики из людей, в этой жизни бывших бедными, — то ему на это надо будет ответить так. Подобно тому как подвергавшиеся пыткам и мучениям своим мученичеством блестящим образом доказали силу мужества блитательнее, чем не испытанные этими мучениями и пытками, — точно так же отличившимися еще бблыиим мужеством нужно считать тех, которые, кроме привязанности к телу и жизни, [приносившимися в жертву и мучениками из людей бедных], разрушали и сокрушали такие крепкие оковы, как привязанность к земному имуществу, сокрушали их силою своей великой любви к Богу и принятием к сердцу Слова Божия, которое, будучи *живым, действенным и острейшим всякого обоюдоострого меча* (Евр. 4, 12), могло разрывать и эти крепкие оковы, мучеников тех крыльями снабжать и, подобно орлу, возвращать в дом их Господа. Но если справедливо, чтобы не испытавшие мук и пыток над собой преимущество предоставили доказавшим свою твердость на пыточной скамье и в разных пытках и муках и в огне, — точно так же и со стороны нас, бедных, если нас постигнет мученичество, разумно отказаться от преимущества в пользу вас, которые из христианской любви к Богу ногами попирают столь желанные большей частью людей почести, столь великие богатства и естественную любовь к детям.

[16] Обращай внимание здесь вместе с тем и на возвышенность писания, которое дает обетование о во много раз большем количестве — о сотнях братьев, детей, родителей, полей и домов, а о жене при этом не упоминается. Не говорит: *Всякий, кто оставит братьев или сестер, родителей или детей или свою жену*[1] *ради имени Моего, получит за это во много раз более* (Мф. 19, 29). *Потому что когда мертвые воскреснут, то не будут ни жениться, ни замуж выходить, но пребывать будут на небесах, как ангелы Божии* (Мф. 22, 30; Мк. 12, 25).

[1] Синодальный перевод данного места включает в себя и слово «жену», содержащееся в большинстве греческих рукописей.

[17] О чем Иисус [Навин] говорил народу [израильскому], когда **вводил** их (израильтян) во владение обетованной землей, о том же самом Писание и поныне говорит, конечно, и нам. Место это гласит: *Итак, бойтесь Господа и служите Ему в прямоте и правде* (Ис. 24, 14). А когда мы соблазняемся к идол ос лужению, писание оглашает нас и словами, следующими непосредственно и за ними: *Отвергните чуждых богов, которым отцы ваши служили в стране по ту сторону реки* [Евфрата, т. е. в Месопотамии], (Ис. 24, 2—3), *и служите Господу* (Ис. 24, 14). Первоначально, когда вам передавались лишь первые основоположения веры, естественно было обращаться к вам и с такими воззваниями: *Если вам не угодно служить Господу, то изберите себе ныне же, кому служить, богам ли, которым служили отцы ваши, живя по ту сторону реки, или богам аммореев, в земле которых теперь живете* (Ис. 24, 15). И катехизатор ваш мог тогда, обращаясь к вам, говорить: *А я и мой дом будем служить Господу, потому что Он Свят* (Ис. 24, 15). Ныне же неприлично уже обращаться к вам с такими словами, ибо тогда вы говорили: *Далеки мы от того, чтобы оставить Господа для служения богам чужим. Бог наш есть Господь; Он наш Бог.* (Ис. 24, 16—18). Но и при заключении союза веры [во Св. Крещении] своим катехизаторам некогда вы отвечали: *Поэтому желаем мы служить Господу, потому что Он есть Господь наш* (Ис. 24, 18). Но если уже тот, кто нарушает договоры с людьми, считается вероломным и спасения лишается, то что же о тех сказать, которые через отречение нарушают договоры, заключенные с самим Богом, возвращаясь к сатане, отвергнутому ими при крещении? Не могут ли быть к таким обращены слова Илии: *Если согрешит человек против человека, то помолятся за него Богу: если же человек согрешит против Господа, то кто будет молиться за него* (1 Цар. 2, 25)?

[18] Собирается вокруг нас многочисленная толпа, она хочет быть свидетельницей нашего подвига, когда нас призывают к мученичеству. Подобное происходит лишь при состязании весьма знаменитых атлетов, потому что на зрелище борьбы их собирается множество народа. И когда дело дойдет до подвига, то ни что иное в состоянии будете сказать о себе, как то же, что [некогда] сказал о себе Павел: *Мы сделались зрелищем для мира, для ангелов и для людей* (1 Кор. 4.9).

Весь мир, следовательно, все добрые и злые ангелы и все люди — как те, которые держат сторону Бога, так и на другой стороне (на стороне языческих идолов) стоящие — услышат, когда мы возьмем на себя борьбу за веру. И тогда ангелы на небесах или возрадуются о нас и *рукоплескать будут* (Пс. 97, 8), *а все дерева в поле со своими ветвями и горы — радоваться* (Ис. 4, 12), или же — чего да не случится с нами — будут ликовать подземные силы, приветствующие радостью все злое.

А чтобы пред злодейским отречением заставить нас еще более содрогнуться, не будет неуместным обратить внимание и на то, что написано в книге Исаии, а именно что жители ада говорят побежденным и от небесного мученичества отказавшимся. По моему мнению, это сказано об отступниках: *Ад преисподний огорчен твоим прибытием, проснулись из-за тебя все исполины, князья земли; они подняли с престолов их всех царей народов. Все они будут отвечать тебе и говорить тебе* (Ис. 14, 9 — 10). А эти пораженные силы к побежденным и диаволом плененным, ко впавшим в грех отступничества говорить будут следующее: *Итак, и ты в плен попал, подобно нам* (Ис. 14, 10)! И, хотя кто и питал [некогда] великую и славную надежду на Бога, а потом осилен был малодушием или наставшими страданиями, услышит все-таки от Бога: *Во ад сошла слава твоя; постелью под тобою будет гниль, а покровом твоим червь* (Ис. 14, 11). И, хотя кто в среде христианских общин и блистал, и казался им утреннею звездою, потому что блистал он перед людьми своими добрыми делами (Мф. 5, 16), но, если после того в великом противоборстве потерял право на победный венок, ниспосылаемый со столь высокого престола (ср. и Мф. 19, 28), все же услышит: *Как упала ты с неба, рано на заре восходящая звезда утра? Раздробилась о землю* (Ис. 14, 12). И как через отступничество отступник уподобляется диаволу, то и следующее услышит он*: На горах они будут повержены, как омерзительный труп посреди мертвых; подобно тому, как запятнанная кровью одежда нечиста, точно так же и ты нечист* (Ис. 14, 19 — 20). Как может быть он чистым, когда осквернил себя кровью и убийством, отвратительным преступлением отступничества и оказался столь злостным?

Будем наблюдать за собою, чтобы не рождалось в нас даже и малого сомнения, отречься ли нам или решиться на исповедничество, чтобы не простерлось и нас слово Илии: *Долго ли вы будете хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте Ему* (3 Цар. 18, 21).

[19] Вероятно, некоторые будут над нами насмехаться; соседи, нас окружая и покачивая головами (Пс. 21, 8; Мф. 28, 39), будут издеваться над вами. Мы же, если это случится с нами, будем к Богу взывать: *Ты содеял нас поношением у соседей наших; отдал нас на посмеяние и поругание живущим вокруг нас: Ты сделал нас притчею между язычниками,* [которые стали относится к нам как к людям чрезвычайно странным и жалким], *предметом, на который головой кивать стали народы. Целый день стоит предо мною посрамление мое, и стыд мой покрывает лицо мое от голоса насмешника и клеветника, от взоров врага и преследователя* (Пс. 43, 14 — 17). Кроме того, должны мы обращаться к Богу и с праводушным словом пророка: *Все это пришло на нас, но мы не забывали о Тебе и не преступили с Тобой завета, и сердце наше не отступило* [от тебя] (Пс. 43, 18-19).

[20] Будем помнить о том, что уже в этой жизни, размышляя о путях, которые вне ее, мы должны взывать к Богу: *Ты уклонил* ***наши*** *стези от пути Твоего,* [т. е. от пути блаженства, которым шел человек прежде, чем начал жить этой земной жизнью] (Пс. 43, 19). Помнить должны мы и о том, что это место, [эта земля], на котором мы находимся в состоянии уничижения, для души есть место наказания. Будем поэтому взывать к Богу молитвенно: *Ты смирил нас в месте уничижения* [нашего] *и покрыл нас тению смертною* (Пс. 43, 20). Но, проникаясь надеждой, будем мы и такое слово напоминать себе: *Если мы забудем имя Бога нашего и прострем руки наши к какому-либо чуждому богу, то не взыщет ли Он* [с нас за это] (Пс. 43, 21)?

[21] Но не только публично будем свидетельствовать о своей вере, а и в сокровенных глубинах своей души будем исповедовать ее совершеннейшим образом, чтобы иметь нам право вместе с апостолом восклицать: *Потому что это наша похвала, свидетельство совести нашей, что мы в святости и чистоте пред Богом жили в мире* (2 Кор. 1, 12). К слову апостола присоединим и слово пророка: *Он знает тайны сердца* (Ис. 43, 22); особенно когда, ведомые на смерть, мы должны будем взывать Богу словами, с какими к нему могут обращаться только мученики: *За Тебя нас умерщвляют каждый день* (т. е. ежедневно мы подвергаемся смертной опасности; или: каждый день из нас кто-нибудь бывает умерщвляем); *считают за овец обреченных на заклание* (Пс. 43, 22).

Если же *образ мыслей плотской* (Рим. 8, 6) внушит нам страх перед судьями, угрожающими нам смертью, тогда мы приведем себе на память изречение из Притчей: *Сын мой! Чти Господа, и будет благо тебе: кроме Него, не бойся никого* (Притч. 7, 1).

[22] Годно для нашего предмета и следующее. В книге Екклезиаст Соломон говорит следующее: *Прославил я всех мертвых, как более счастливых, чем живые, сколько бы их ни жило даже до сего часа* (Еккл. 4, 2). Но кто же из умерших больше прав имеет прославляемым быть за свое счастье, если не тот, кто добровольно потерпел смерть за веру? Таков был Елеазар, который *достославнейшую смерть предпочел гнуснейшей жизни и добровольно пошел на муки* (2 Мак. 4, 19). Утвердившись в блестящей мысли, достойной его девятидесяти лет, высоты своего старческого возраста, благородства своих седых волос и превосходного с самого детства воспитания и еще более (т. е. утвердившись в мысли достойной) святого и Богом данного закона, он отвечал: *Недостойно нашего возраста лицемерить, дабы многие из молодых людей в предположении, что девяностолетний Елеазар перешел в язычество, и сами вследствие моего лицемерия и ради короткого времени этой жизни точно так же не впали в соблазн, и таким образом чтоб не запятнать мне* *глубоким позором моей старости. Кроме того, если бы в настоящее время и избег я мучений от людей, не избегу десницы Всемогу-*

щего ни в сей жизни, ни по смерти. Посему желаю я лучше уже теперь мужественно расстаться с жизнью и оказаться достойным моей высокой старости, юношам же благородный пример оставить, чтобы они смело и решительно умирали достославной смертью за досточтимые и святые законы (2 Мак. 4, 23 — 28). И я молюсь, дабы вы, стоя во вратах смерти или, лучше, свободы, — особенно если вы будете подвергнуты пыткам, — говорили: *Господу всеведущему известно, что я имел возможность избавиться от смерти; но все-таки отдаю себя на мучения и терплю жестокие телесные страдания, душою же охотно переношу их по страху перед Ним* (2 Мак. 4, 30). Так умер Елеазар, *не только юношам, но и большинству из народа оставив пример великодушия и памятник добродетели* (2 Мак. 4, 30).

[23] И в Маккавейских книгах изображенные семь братьев, которых Антиох (IV, Епифан) приказал *терзать бичами и жилами* (2 Мак. 7, 1), [что произошло в 166-м году до Р. Х. в Антиохии], поскольку они оставались верны своей вере, могут служить славным примером геройского мученичества для каждого, кто рассудит, хорошо ли ему уступить малым мальчишкам, из которых не только сам по себе каждый муки потерпел, но еще и видя мучения своих братьев, и все вместе они выказали великую твердость в вере. Один из них — первый (старший), как называется он в Писании, — говорил, обращаясь к тирану: О *чем ты хочешь спросить или узнать от нас? Мы готовы лучше умереть, нежели преступить отеческие законы* (2 Мак. 7, 2).

Что мне вдобавок сказать о том, сколько они выстрадали, когда *разожжены были котлы и сковороды* (2 Мак. 7, 3), чтобы на них мучить их, тогда как еще ранее этого каждый уже вынес различные мучения? А именно: когда названному [в Писании] первым был вырезан язык, начали затем сдирать с головы кожу его (2 Мак. 7, 4), и это сдирание кожи он вынес так, как иные выносят обрезание [во исполнение] Божественного закона; и он верил, что исполняет слово, [подписание] завета с Богом. Не удовлетворившись этим, Антиох приказал *на глазах у прочих братьев и матери отсечь ему члены тела* (2 Мак. 7, 4), желая через то уязвить мать и братьев и таким для них, как он думал, ужасным делом склонить их к исполнению своей воли. Не удовольствовавшись и этим, Антиох приказал предшествующими муками изувеченного, но еще живого *отнести к костру,* где приготовлены были котлы и сковороды, и его жарить (2 Мак. 7, 5). А когда от поджаривания тела великодушного борца за веру, которое совершалось по воле тирана, начал распространяться дым, тогда *прочие братья вместе с матерью увещевали друг друга к мужественной смерти* (2 Мак. 7, 5), ободряя себя мыслию, что Бог призирает на это; для того чтобы твердыми оставаться [в раз принятом намерении], достаточно им было убеждения, что Божие око смотрит на страдальцев. Так пер-

венец в страданиях, ободренный и, можно сказать, обрадованный теми, кто стали выше таких страданий, ободрял их собою.

И нам в подобном положении вполне пристойно будет повторять **слова,** которыми они себя ободряли. Слова Эти таковы: *Господь Бог призирает на нас и нашей верностью утешается* (2 Мак. 7, 6).

[24] После того, как первый [из братьев] прошел таким образом через испытание, подобно тому, как испытывается *золото в плавильной печи* (Прем. 3, 6), *был выведен на поругание второй;* и, когда слуги тиранической жестокости, *с головы содравши кожу с волосами,* стали стали предлагать страдальцу изменить образ мыслей, спрашивая его, *согласен ли он вкусить от идоложертвенного мяса, прежде чем подвергнуть мукам все тело его, член за членом,* он от предложенного отказался (2 Мак. 7, 8). Тогда он подвергнут был следующей пытке, [как и старший из братьев], причем даже до последнего вздоха оставался мужественным, пребыв непреклонным, и, орудий пытки нисколько не испугавшись, обратился он к нечестивцу со следующими словами: *Ты, злодей, освобождаешь нас от настоящей сей жизни: Царь же мира нас, умирающих за Его законы, воскресит для новой, вечной жизни* (2 Мак. 7, 9).

[25] Третий [из братьев], на муки не обращавший никакого внимания, из любви к Богу ими пренебрегавший, по требованию мучителей не только тотчас высунул язык, но неустрашимо подставил им руки, говоря: *Теряя сии члены* ради/соблюдения] *законов Божиих, я снова надеюсь получить их в таком состоянии,* в каком Богу угодно будет возвратить их подвизающимся за веру в Него (2 Мак. 7, 10-12).

Подобным же мучениям был подвергнут и четвертый, который, претерпевая их, говорил: *Прекрасно умереть от руки человеческой, ожидая* [исполнения] *обетований Божиих и быть от Него воскрешенным, между тем как тиран этот не будет воскрешен,* потому что це для жизни, а для вечного позора и стыда будет он воскрешен (2 Мак. 7, 13—14).

Затем *начали мучить пятого.* Этот, взглянув на Антиоха, напомнил ему о бренности его, [не щадя его высокомерия]. «Бренность твоя не обуздывает твоего высокомерия, так власть, доставшуюся тебе лишь на немногие годы, считаешь ты за великое могущество». И во время мучений утверждал он, что *народ их не оставлен Богом,* между тем как Антиох и его семя через короткое время смирит Он [необычным образом] (2 Мак. 7, 15—17).

После этого шестой, готовясь к смерти, сказал: *Не обольщайся; мы терпим это наказание за свои грехи, и терпим его охотно, чтобы через страдание очиститься* (2 Мак. 7, 18). И еще говорил, чтобы [мучитель] не думал остаться безнаказанным, ведя борьбу против Бога (2 Мак. 7, 19), ибо тот борется против Бога, кто против причастников Божией природы борется.

[26] Наконец, самого младшего Антиох заключил в свои объя-

тия; зная что и этот — брат тех, которые пренебрегли столь жестокими мучениями, и что он проникнут одинаковою с теми решимостью, прибег к другому средству и выбрал иной путь [для преклонения его на свою сторону]. Он полагал, что ему удастся уговорить его и склонить к послушанию клятвенными уверениями, что обогатит его и осчастливит, примет в число своих друзей, доверит государственные должности, если только откажется он от исполнения своих отечественных законов (2 Мак. 7, 24).

Но, ничего этим не достигнув, потому что юноша на его слова даже и внимания не обратил, как на заключавшие в себе предложения, противоречившие его намерению, Антиох *подозвал к себе мать юноши и увещевал ее подать мальчику спасительный* [в его положении] *совет.* Мать притворилась, как будто она расположена убедить сына к исполнению желания царя, и в насмешку над тираном обратилась к сердцу своего сына со многими словами, внушившими ему мужество (2 Мак. 7, 27—29), так что юноша и не стал ожидать палача, а сам вызвал его словами: *Чего ждете вы и почему медлите? Мы послушны Богом данному закону и не можем согласиться ни на какое повеление, которое противно слову Божию* (2 Мак. 7, 25—30). И выразил он такое суждение о тиране, как если бы он не подсудимый был, а сам царь, произносящий приговор над осужденными, как если бы он судьею был над ним, а не судимым от него. А именно, юноша утверждал, что он, тиран, *наложивший руку на небесных чад, не избегнет суда Бога всемогущего и всеведующего* (2 Мак. 31-36).

[27] Тогда [мучители] сделались свидетелями того, как и мать замученных страдания своих сыновей и смерть перенесла с крепким мужеством, ибо роса страха Божия и веяние благочестия не допускали, чтобы в ней, внутри ее, потух тот материнский огонь, [огонь естественной и материнской любви], который во многих матерях возгорается при тяжелейших их (сыновей) несчастиях, [как, например при мученической кончине их].

Эти извлечения нашел я целесообразным в настоящем случае привести из Писания, дабы нам видеть, к чему может подвигнуть и среди суровейших страданий, и при жесточайших муках страх Божий и любовь к Богу, которая несравненно к большему способна, чем всякая другая любовь.

[28] Какое значение имеет мученичество и каким по отношению к Богу оно проникает нас праводушием, можно уяснить на основании следующего. Так как святой в известном смысле честолюбив и за благодеяния, какими взыскал его Бог, признает себя обязанным Ему платить, то допытывыается он, чем бы таким мог он воздать Богу за все, что от Него получил. И находит он, что за благодеяния эти человек благомыслящий не может дать иного соответствующего величию их удовлетворения, кроме мученической смерти. Именно о сем написано: *Что воздам я Господу за все, что Он мне оказал?* И затем он (т. е. Псалмопевец) прибавляет: *Чашу спасения приму и и имя Господа призову* (Пс. 115, 3—4). Но чашей спасения обыкновенно называется мученичество, что находим мы в Евангелии. Когда желавшие в Царстве Иисуса сесть по правую Его сторону и по левую обнаружили этим стремление к высшим почетным местам, Господь сказал им: *Можете ли вы чашу пить, которую Я пью* (Мф. 20, 21—22)? *Чашей* при этом он называл мученичество, что открывается из следующего места: *Отче! Если возможно, пронеси эту чашу мимо Меня, однако* [пусть будет] *не чего Я хочу, а чего Ты* (Мк. 14, 36; Мф. 24, 39; Лк. 22, 42). Кроме того, отсюда узнаем мы, что пьющий чашу, которую Иисус пил, сядет на престоле вместе с Царем царей, будет вместе с Ним господствовать и судить. Вот что значит *чаша спасения;* кто приимет ее, тот и имя Господне призовет; *а всякий, кто имя Господне призовет, блажен будет* (Иоил. 2, 32; Рим. 10, 13).

[29] Не постигающий точно смысла Писания — быть может, изза слов: *Отче! Если возможно, да минует Меня чаша сия* (Мф. 26, 39), — держаться будет того мнения, будто бы и Спаситель пред страданиями страшился; а если Он страшился, то кто же после этого сможет постоянно поддерживать в себе неустрашимость?

Думающих так о Спасителе прежде всего желаем мы спросить, ниже ли Он стоял того, кто говорил: *Господь свет мой и Спаситель мой: кого мне бояться? Господь защитник моей жизни: пред кем мне трепетать? Если злодеи будут наступать на меня, чтобы пожрать плоть мою, то обессилят они, враги и притеснители мои, и падут на землю. Если* [целое] *войско против меня станет лагерем, не убоится сердце мое* и т. д. (Пс. 26, 1—3). Слова эти относятся у пророка, без сомнения, не к кому другому, как к Спасителю, Который, будучи просвещаем Своим Отцом и Им спасаемый, никого не боялся и, защищаемый Богом, никого не трепетал. Ничем Его сердце не было устрашаемо, когда выступила против Него вся сила сатаны; напротив, когда этот возбудил против Него войну, Его проникнутое святыми учениями сердце возлагало надежду на Бога. Но один и тот же человек не мог ведь, с одной стороны, по робости говорить: *Отче! Если это возможно, да минует Меня чаша сия* (Мф. 26, 39), а, с другой стороны, решительно взывать: *Если целое войско станет против Меня лагерем, не убоится сердце Мое* (Пс. **26, 3).**

Чтобы в разбираемом месте ничего не ускользнуло от нас, обращай внимание и на указательное местоимение, приставленное у трех евангелистов к слову *чаша.* Матфей пишет, что Господь сказал так: *Отче! Если это возможно, да минует Меня чаша сия* (Мф. 26, 39); Лука: *Отче! о, если бы была на то воля Твоя, отклонить от Меня чашу сию* (Лк. 22, 42). Марк: *Авва, Отче! Для Тебя все возможно, пронеси мимо чашу сию* (Мк. 14, 36). Но подумай, всякую ли мученическую смерть, по какому бы поводу она ни воспоследова-

ла, можешь ты назвать *чашей?* Подумай, не должен ли ты утверждать, что словами: *Да минует Меня чаша сия* (Мф. 26, 39) — Спаситель хотел отклонить от Себя не вообще мученичество — тогда Он сказал бы: *Да минует Меня чаша* «та», — а, быть может, хотел отклонить от Себя только этот, особенный род мученичества? И посуди: этот особенный род мученической смерти молитвенной Своей просьбой Спаситель не потому ли хотел отклонить, что имел в виду различные, так сказать, виды чаш, взвешивал действия той или другой из них и различные их преимущества, которые были известны Его неисчерпаемо глубокой мудрости? Вместо чаши, предназначенной Ему, быть может, в глубине души Он желал для Себя чаши тягчайшей, чтобы другой чашей оказать такое благодеяние, которое отличалось бы большей всеобщностью и могло распространиться на большее количество людей? Но не такова была воля Отца, более премудрая, чем [человеческая] воля Сына. Воля Отца направляет вещи иными средствами и путями, нежели те, о которых думал Спаситель.

А что касается псалмов, то очевидно, что чашей Спасителя здесь называется смерть мучеников. Потому-то со словами: *Чашу спасения приму и имя Господне призову* — и соединены здесь следующие: Драгоценна *в очах Господних смерть святых Его* (Пс. 105, 4 — 6). И потому предстоит нам в качестве святых Божиих, и притом Его не недостойных, смерть *драгоценная,* т. е. если за христианство и за веру мы не общей и благочестием не отмеченной смертью умираем, но особенной смертью избранных.

[30] Будем помнить и о совершенных нами грехах, и о том, что без крещения невозможно получить их прощение, что законы евангельские не дозволяют водой и [Святым] Духом во оставление грехов креститься вторично, и что [вместо этого] даровано нам право на крещение лишь мученичеством. Имено так оно (т. е. мученичество) и называется, и это видно из того, что к словам: *Можете ли вы иметь чашу, которою Я пью* — прибавлены: *Или крещением креститься, которым Я крещусь* (Мк. 10, 38; Мф. 20, 22)? И в другом месте говорится: *Крещением должен Я креститься: и как Я томлюсь, пока не совершится* (Лк. 12, 50)!

Рассуди, крещение исповедничества не точно ли так же служит во спасение и очищение многим, как крещение Спасителя сделалось очистительным средством для мира? Подобно тому, как жрецы, проходившие свое служение по предписанию Моисеева закона, ходатайствовали о прощении грехов [израильтянам] при посредстве волов и овнов (Лев. 16, 3 и далее; Евр. 9, 13), так и *души убиенных за свое свидетельство об Иисусе* (Откр. 20, 4; 6, 9) не напрасно находятся *под небесным жертвенником:* они ходатайствуют о прощении грехов тем, кто воссылает к ним молитвы. Равным образом и то нам известно, что, как Первосвященник Иисус Христос принес Самого Себя в жертву (Евр. 9, 14), точно так же и пресвитеры, Первосвя-

щенником которых Он является, приносят самих себя в жертву и вследствие этого при алтаре оказываются поистине на своем месте. Но из жрецов одни были озабочены Божественною службою — это беспорочные, приносившие и жертвы беспорочные; другие же, преданные грехам, перечисленным Моисеем в книге Левит (21, 17 — 21), были от алтаря устранены. Но кто же пресвитер беспорочный, приносящий и жертву непорочную, как не тот, который тверд в исповедании и в полной мере все совершил, что требуется понятием мученичества, о чем выше (11) было уже сказано?

[31] Не должно нас удивлять то обстоятельство, что столь великое счастье мучеников, связанное с миром, с тишиною и спокойствием, начинается временем, с виду мрачным и, так сказать, зимним. Каждый из избранных первоначально должен испытать зимнее время *на тесном и узком пути* [этой земной жизни (Мф. 7, 14)] и через это показать, научился ли он править кормилом, дабы затем воспоследовало то, о чем после перенесенной зимы в книге «Песнь Песней» говорится. А здесь сказано: *Возлюбленный мой начал говорить мне: Встань, подруга моя, прекрасная моя, голубица моя! Вот зима уже прошла, дождю конец, он перестал* (Песн. 2, 10 — 11). И вы должны помнить, что слово *зима пришла* следует понимать не иначе, как таким образом, что в теперешнюю зиму (времена преследования христиан) должны вы заявить свою силу и мужество. А когда зима пройдет, дождь кончится и перестанет, тогда *цветы покажутся* (Песн. 2, 12), потому что *насажденные в доме Господнем расцветут в преддвериях Бога нашего* (Пс. 91, 14).

[32] И то должны мы знать, что враг наш, после того как мы были убеждены Иисусом оставить идолов и многобожие, хочет склонить нас к идолослужению не при посредстве слов, но силой. Поэтому-то к тем из нас, над которыми получает он власть, и применяет такое насилие, [т. е. преследования и муки, по внушению диавола применяемые к христианам]. При посредстве этого он пытается обратить нас или в мучеников, или в идолослужителей. Но очень часто говорит он еще и поныне: *Все это тебе дам, если падши мне поклонишься* (Мф. 4, 9).

Будем поэтому бдительны, дабы не воздать нам почитания идолам и не подчиниться демонам. Идолы язычников — именно демоны (Пс. 95, 5; 105, 37; 1 Кор. 10, 20). Но бессмысленным делом было бы покидать сладкое иго Иисуса Христа и Его *легкое бремя* (Мф. 11, 30) и снова склоняться под ярмо демонов и принимать на себя обременительную тяжесть грехов, после того, как поняли мы — *сердце идолослужителя пепел и жизнь его никчемнее помета* (Прем. 15, 10), и после того, как мы объявили, что отцы наши поклонялись ложным идолам и *ни один из них не мог пролить дождя на землю* (Иер. 14, 22).

[33] Навуходоносор приказал некогда выстроить золотую статую и грозил Анании, Азарии и Мисаилу ввергнуть их в раскаленную

огнем печь, если они не поклонятся ей (Дан. 3, 1 — 15). Но Навуходоносор и поныне обращается с тем же требованием к нам, пришедшим с той стороны реки и являющимся истинными евреями. Будем подражать святым Анании, Азарии и Мисаилу (Дан. 3, 16 и т. д.), дабы и нам ощутить ту небесную росу, которая всякий огонь в нас погасит и наш разум освежит. Может быть, и теперь Аман желает, чтобы вы, новые Мардохеи, ему воздали почитание (Есф. 3, 5); вы же должны говорить ему: *Не желаю я воздать человеку славу, высшую славы Бога Израилева* (Есф. 4, 17). Вместе с Даниилом попытаемся словом Божиим разрушить Вила (идола вавилонян) и умертвить дракона (Дан. 14, 2 — 26), дабы львы, когда мы будем близки к пасти их, не причинили нам вреда; напротив, чтобы они, будучи не в состоянии поглотить нас, пожрали бы только виновников настоящего нашего испытания (Дан. 14, 22 — 24; 30 — 41).

[34] И то должны мы принять к сведению, что предсказания Спасителя о мученичестве содержатся в речах Его не к народу, а к апостолам. После того, как перед тем сказано было: *Сих двенадцать послал Иисус и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите* и т. д. (Мф. 10, 5) — говорится: *Остерегайтесь людей: будут они отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям из-за Меня для свидетельства пред ними и язычниками. Когда же будут вас сдавать им на руки, не заботьтесь, что или как сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предавать будет брат брата на смерть и отец свое дитя; и восставать будут дети против родителей и умерщвлять их. И будете ненавидимы всеми за имя Мое; тот же, кто претерпит все до конца, блажен будет. Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в ближайший; если же гнать вас будут и из этого, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов израилевых, как приидет Сын человеческий* (Мф. 10, 17 — 23).

И Лука пишет так: *Когда же приведут вас с синагоги, к начальникам и властителям, тогда не печальтесь, как вам защищаться или что вам говорить, ибо Святой Дух научит вас, что вам говорить* (Лк. 12, 11 — 12). И далее: *Итак, положите себе на сердце о защите себя не заботиться, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не в состоянии будут противоречить, ни противостоять все противящиеся вам. Преданы так же будете и родителями, родственниками, друзьями и братьями, и некоторых из вас они умертвят, и будете ненавидимы всеми за имя Мое, но и волос с головы вашей не пропадет. Терпением вашим спасайте души ваши* (Лк. 21, 14-19).

Точно так же говорит и Марк: *Когда же поведут и предадут вас, тогда не заботьтесь и не печальтесь заранее, но что внушено будет вам в тот час, то и говорите, потому что не вы будете говорить, а Дух Святой. Предаст же брат брата на смерть и отец свое дитя, и восстанут дети на родителей и умертвят их. И будете ненавидимы за имя Мое; претерпевший до конца блажен будет* (Мк. 13, 11-13).

И следующее ободрение к мученичеству у Матфея обращено не к другому кому, как к двенадцати [апостолам]. И его должны мы выслушать, ибо если выслушаем, то будем братьями апостолам, которые ему вняли, и причтемся к числу их. Слова эти гласят следующее: *Не бойтесь убивающих тело, души же убить не могущих. Бойтесь же Того, Кто тело и душу может погубить в геенне* (Мф. 10, 28).

В связи с этими словами Господь учит нас и тому, что без Божественного Провидения никто не может доведен быть до подвига мученичества. *Не двух ли воробьев можно купить на один ассарий? И ни один из них не падает на землю без [воли] Отца Небесного. У вас же и волосы на голове все сочтены. Не бойтесь же: вы больше стЬите, чем множество птиц. Итак, всякого, кто исповедает Меня пред людьми, исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным* (Мф. 10, 29 — 33). Ровнозначно этому и у Луки: *Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело, и потом не могущих ничего более сделать: Скажу же вам, кого бояться: бойтесь Того, Кто по убиении имеет власть ввергнуть в генну; ей говорю вам: того бойтесь. Не пять ли воробьев продаются за два ассария, и ни один из них не забыт у Бога. А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак, не бойтесь: вы дороже всего множества малых птиц. Сказываю же вам: всякого, кто исповедает Меня пред человеками, и Сын человеческий исповедает пред ангелами Божиими* (Лк. 12, 4—9). И в другом месте: *Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того и Сын человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых ангелов* (Лк. 9, 26).

Умерщвляющие нас отнимают жизнь от нашего тела; именно это утверждается утверждением, приведенным у Матфея и Луки в одних и тех же словах: *не бойтесь убивающих тело* (Мф. 10, 28; Лк. 12, 4), *а потом,* по убиении тела, *души убить не могущих,* хотя бы того и желали, потому что *ничего более не могут сделать* (Лк. 12, 4). Как могла бы и умерщвлена быть душа, которую исповедание оживляет? Тот, Который у Исаии ободряет нас к свидетельству, не свидетельствует ли о ней как Сам, так и Сыном Своим: *Будьте о Мне свидетелями, и Я, Господь Бог, буду свидетельствовать о вас вместе с Сыном, Которого Я избрал* (Ис. 43, 10, по LXX). И на то обращай внимание, что не слугам своим, но своим братьям дал Иисус эту заповедь: Не *бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать* (Лк. 12, 14; Мф. 10, 28). Страшиться Дблжно *Того, Кто и душу и тело может погубить в геенне* (Мф. Ю, 28) и *Кто власть имеет по убиении власть ввергнуть в генну* (Лк. 12, 5).

Но если у кого, [кроме апостолов], *волосы на голове сочтены,* то именно у тех, которые из-за Иисуса обезглавливаются. Поэтому объявим себя исповедниками Сына, объявим перед Богом, перед людьми и перед не богами (т. е. языческими идолами; Втор. 32, 21), дабы Он, Чьими исповедниками мы себя объявим, в награду за это исповедал нас перед Богом, Своим Отцом, и дабы того, кто Его исповедал на земле, исповедал и Он на небе.

[35] Кто из размышляющих об этом не воскликнет вместе с апостолом: *Нынешние временные страдания ничего не стоят по сравнению с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18). А если так, то исповедание [нас] перед Отцом не славнее ли будет исповедания [нашего] перед людьми? И свидетельство о Сыне Божием, изрекаемое мучениками на земле, может ли и сравниться со свидетельством о них на небе со стороны Того, о Ком они здесь дали свидетельство? Тот же, кто намерен пред людьми [от сына Божия] отречься, пусть вспомнит и об Изрекшем и такое слово: *И я отрекусь от него пред Отцом Моим Небесным* (Мф. 10, 33).

Далее и о том нужно подумать, что, если кто исповедует Сына человеческого пред людьми, тот, насколько это от него зависит, тем самым славу воздаст Виновнику христианской религии, перед Которым исповедует ее; Тот же, кого *Перворожденный всея твари* (Кол. 1, 15) и Сын человеческий исповедует, Тот за исповедание Сына Божия и Человеческого прославление восприимет у Отца Небесного и ангелов Божиих. Но если *не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого Господь хвалит* (2 Кор. 10, 18), то как же не считать прославляемым того, кто признается достойным прославления у Отца Небесного и у ангелов Божиих? Если же и этот прославляется, и подобные ему, которых муками и пытками *Господь испытывает, как золото в плавильной печи, и принимает, как жертву всесожжения* (Прем. 3, 6), то что сказать о тех, которые в печи испытания были испытаны и [от Сына Божия] при этом отреклись, от которых как отрекшихся от Него пред Отцом Небесным и пред ангелами Божиими и Тот отречется, Который от всякого отрекается, кто заслуживает отвержения?

[36] Дблжно в подвиге [исповедания нашей веры] не до той только степени заявлять свое постоянство, чтобы не отрекаться [от Христа], но чтобы и не стыдиться, если противящимся Богу будем казаться, будто бы мы сами подвергаем себя позору. В особенности тебе, достойнопочтенный Амвросий, не дблжно этого стыдиться, — тебе, который от такого множества городов получал знаки уважения и с такими почестями был в них принимаем. Не дблжно тебе стыдиться, когда, как бы в триумфе, поведут тебя, а ты крест Иисуса понесешь, за Ним последовав (Мф. 10, 38; 16, 24) — за Тем, Кто тебе будет предшествовать на пути твоем к правителям и царям (Мф. 10, 18), дабы в качестве сопутника дать тебе уста и премудрость (Лк. 21, 15); равно как [не дблжно этого стыдиться] и тебе, Про-

ктет, его сподвижнику, а так же и вашим сотоварищам по мученичеству, которые то *восполняете, чего в страданиях за Христа еще* ***недостает*** (Кол. 1, 24). Он [Христос] сопутствовать вам будет на пути к раю и покажет вам, как вы можете пройти мимо *херувима и его пламенного меча, обоюдообращаемого, стерегущего путь к древу жизни* (Быт. 3, 24). Потому что, *охраняя путь к древу жизни,* оба они — [и херувим, и пламенный меч] — охраняют его затем, чтобы никто недостойный не прошел им к древу жизни. Те, которые на заложенном уже основании Иисуса Христа, так сказать, нагромоздили дерево, сено и солому (1 Кор. 3, 11 — 12), или же эти, так легко воспламеняющиеся и еще легче вспыхивающие дрова отречения, пламенным тем мечом бывают возвращаемы вспять. Напротив, тех, кого соответственно их свойствам тот пламенный меч не может коснуться, потому что они в своей жизни не совершили никаких дел, которые могли бы ему доставить пищу, — тех херувимы встречают и провожают до дерева жизни и до всех других деревьев, которые на Востоке насадил Бог и произрастил из почвы (Быт. 2, 8 — 9).

Сопровождаемые до рая Иисусом, вы не обратите внимания на побежденного Им и ногами растоптанного змия (Быт. 3, 1 и далее; Рим. 16, 20), потому что Он (Христос) *дал нам власть наступать на змей, и скорпионов, и на всю силу вражию, так что не может она причинить нам никакого вреда* (Лк. 10, 19).

[37] Итак, от Сына Божия не дблжно ни отрекаться, ни стыдиться Его, а внимать изречению Его: *Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцом Моим Небесным* (Мф. 10, 33; Лк. 12, 9), равно как и другому: *Кто постыдится Меня и Моих слов, того и Сын Человеческий постыдится, когда приидет во славе Своей и Отца Своего и святых ангелов* (Лк. 9, 26).

Некогда Иисус *крест претерпел, пренебрегши посрамлением,* и потому *воссел одесную Бога* (Евр. 12, 2). И последователи Его, если они пренебрегут посрамлением, воссядут с Ним на небе на престолах и будут господствовать с Ним, Который *не затем пришел на землю, чтобы мир принести, но меч* (Мф. 10, 34).

Так как *слово Божие живо и действенно и острее всякого обоюдоострого меча; так как оно проникает до разделения души и духа, мозга и костей и судит чувствования и помышления сердечные* (Евр. 4, 12), то предлагает оно нашей душе в качестве победной награды тот *превышающий все понятия мир* (Фил. 4, 7), который оставил Христос своим апостолам (Ин. 14, 27). Меч же поверг Он между образом земного и небесного (между образом Адама и Христа), т. е., между низшим человеком в нас и высшим (1 Кор. 15, 47 —49), дабы уже в настоящей жизни овладеть Ему нашим небесным человеком, а позднее, если не заслужим мы отлучения [от Него], соделать нас и всецело небесными. И не только меч принести на землю пришел Он (Мф. 10, 34), но и огонь, о котором говорит так: *Желал бы Я, чтобы он уже возгорелся* (Лк. 12, 49).

О, если бы и в нас этот огонь возгорелся и потребил все земные и плотские помышления; о, если бы вы со всей готовностью решились креститься тем крещением, [кровавым крещением мученичества], о котором Он *желал, чтобы оно скорее совершилось* (Лк. 12, 50).

И ты, [Амвросий], имеющий жену и детей, братьев и сестер, вспомни о слове: *Если кто приходит ко мне и не возненавидит отца и мать, жену и детей, братьев и сестер, тот не может быть Моим учеником* (Лк. 14, 26). Оба же вы вспомните слова: *Если кто ко мне приходит* и вместе со всем только что упомянутым *не возненавидит и самой жизни своей, тот не может быть учеником Моим* (Лк. 14, 26). Возненавидев свою душу, вы сохра* ните ее через эту самую ненависть для вечной жизни. Ибо говорится: *Ненавидящий свою душу сохранит ее для вечной жизни* (Ин. 12, 25).

Итак, возненавидьте ваши души ради вечной жизни, будучи убеждены в том, что Иисус учит ненависти доброй и полезной. Но подобно тому, как мы души свои должны ненавидеть, чтобы сохранить их для вечной жизни, так и ты, [Амвросий], имеющий жену и детей, братьев и сестер, должен их ненавидеть, дабы этой ненавистью им? же принести пользу, потому что именно из-за этой ненависти сделаешься ты другом Божиим и достигнешь того положения, в котором сможешь оказывать им благодеяния.

[38] Вместе с тем и о том помни, кто, вдохновляемый Святым Духом, молился за чад-мучеников, им оставленных из-за любви к Богу, и говорил: *Усынови и умерщвленных сыновей их* (Пс. 78, 11). Знай только, что *не плотские дети суть дети Божии* (Рим. 9, 8); и подобно тому, как к потомству Авраама (т. е. к плотскому потомству Авраама или к потомству Авраама по его естественному происхождению, как, например, к Измаилу) сказано было: *Знаю, что вы семя Авраамово* (Ин. 8, 37), и это: *Если бы вы были детьми Авраама, то дела Авраама делали бы* (Ин. 8, 39); точно так же и к твоим детям сказано будет: «Знаю, что вы семя Амвросиево», и еще: «Будучи детьми Амвросия, вы творите и дела Амвросиевы». Но, без сомнения, они и будут творить такие дела, потому что таким своим отшествием ты больше пользы принесешь, нежели если бы ты с ними остался. Потому что, когда познаешь ты, что они твои чада, а не семя только, тогда станешь ты их более рассудительно любить и разумнее о них молиться.

Поэтому пусть и не сходит с уст твоих изречение: Кто сына или дочь *любит более, чем Меня, тот не достоин Меня* (Мф. 10, 37), и это: *Обретший душу* (жизнь) *свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сохранит ее* (Мф. 10, 39).

[39] Вы, горячо расположенные к мученичеству, дозвольте говорить в вашей душе *Духу вашего Отца,* говорящего к тем, кого предают (Мф. 10, 19). Видя, что ненавидят вас, презирают и считают

за нечестивцев, положите себе на душу изречение: *Потому вас мир и ненавидит, что вы не от мира сего; потому что если бы вы были от мира сего, то мир свое любил бы* (Ин. 15, 18—19). Начиная с того времени, как сделались вы верными, вынесши за Христа много злоречия, перенеся много опасностей, пребудьте в вашем терпении до конца, ибо *претерпевший до конца блажен будет* (Мф. 10, 22; 24, 13). Знайте, что вы радоваться должны, если теперь по *необходимости малую от различных искушений скорбь потерпите, дабы доказательство вами вашей веры к похвале, славе и чести при явлении Иисуса Христа найдено было во много раз драгоценнейшим, нежели преходящее и огнем испытываемое золото* (1 Пет. 1, 6 — 7). «Скорбь терпеть» должны вы считать за выражение, равнозначное другому — «печаль переносить» (т. е. в мученичестве), что открывается и из следующего места: *В печалях будешь ты детей рождать* (Быт. 3, 16). Ибо не в скорбном настроении рождает жена, а в печали. *Не любите мира,* говорится, *ни того, что в мире. Кто любит мир, в том нет любви Отчей, ибо все, что в мире, пожелание плоти, пожелание очес и тщеславие житейское, не есть от Отца, а от мира сего; а мир приходит вместе с пожеланиями его* (1 Ин. 2, 15—17). Поэтому не питайте любви к преходящему, а *творите волю Божию* (1 Ин. 2, 17) и через это соделывайте себя достойными того, чтобы вам вместе с Сыном быть едино со Отцом и Святым Духом, по молитве Спасителя, говорившего: *Да будут и они в Нас едино, подобно тому как Я и Ты едино* (Ин. 17, 21—22). Да много ли дней и выгадает тот, кто *любит мир и то, что в мире* (1 Ин. 2, 15), кто *душе своей повредит или потеряет ее* (Мф. 16, 26; Лк. 9, 25) и совесть свою обременит преступлением отречения больше, чем тяжелой ношей? Вспомните о том, как часто каждый из нас подвергался опасности умереть обыкновенной смертью. Для того, может быть, жизнь эта нам и сохранена, чтобы мы имели возможность креститься собственно нашею кровию, очиститься от всех грехов и потом занять место подле небесного жертвенника вместе с нашими соратниками (Откр. 6, 9).

[40] Если же кто — вследствие сильной привязанности к жизни, или из страха перед муками, или вследствие мнимо убедительных доводов тех, кто пытается соблазнять нас ко злу, — уступает и от единого Бога и от Его Помазанника отрекается, исповедует же, напротив, демонов или богинь судьбы, то пусть знает он, что приготовивший демону трапезу и наполнивший кубок в честь богини счастья отрекается от Господа; и так как забывает он святую гору Его [Сион, на которой построен Иерусалим], то упреки, изложенные у Исаии, относятся и к нему. Вот они: А вас, *которые Меня оставили и забыли святую гору Мою, приготовляете трапезу демону и в честь богини счастья кубок наполняете, вас Я предам мечу. Все вы в сече должны пасть; потому что Я звал вас и вы не вняли Мне; говорил, и вы не обращали внимания на то и делали злое*

предо Мною, и что было неугодно Мне, то вы избрали. Посему так говорит Господь: вот, рабы Мои будут есть, а вы будете голодать; вот, рабы Мои будут радоваться, а вы останетесь в стыде; вот, рабы Мои, ликуя, будут торжествовать, а вы от сердечной скорби будете кричать и от сокрушения духа рыдать. И оставите имя Мое для насыщения избранным Моим; вас же Господь убьет (Ис. 65, 11 — 15).

Далее, если мы размыслим о том, что такое *трапеза Господня,* и если пожелаем в ней принять участие, то должны помнить и следующее изречение: *Не можете принимать участие в трапезе Господней и в трапезе демонов* (1 Кор. 10, 21). И кто же из слышащих слово *сына громова* (Мк. 3, 17): *Всякий отвергающий Сына не имеет и Отца, а исповедующий Сына имеет и Отца* (1 Ин. 2, 23) — не отступит в страхе перед этим отречением, кто не побоится утверждать о себе, что он не христианин, когда с отвержением Сына он отвергается и Отца? Напротив, не всякий ли будет стремиться и словом и делом заявить о своем христианстве, чтобы иметь Отца? Потому что исповедующие Сына тем самым свидетельствуют об исповедании ими и Отца.

[41] Перешедшим *от смерти к жизни* (Ин. 5, 24), — ибо неверие мы променяли на веру, — нам нечего удивляться, что мир нас ненавидит. Ибо никто из тех, которые не перешли от смерти к жизни, а остаются в смерти, не может любить тех, котрые, так сказать, из темного жилища смерти перешли в здание, освещенное *светом жизни* (Ин. 8, 12), построенное *из живых камней* (1 Пет. 2, 5).

За нас Иисус жизнь Свою положил (1 Ин. 3, 16), поэтому и мы должны жертвовать своей жизнью — не скажу за Него, а за самих себя; а кроме того, полагаю, и за тех, для кого наше мученичество может быть назидательным.

Настало для нас время христианской славы. *Не только этим* (надеждой на прославление у Бога) *хвалимся, а и скорбями; ибо мы знаем, что и от скорби происходит терпение, от терпения — опытность, от опытности — надежда, а надежда стыда не приносит; лишь бы изливалась в наши сердца любовь Божия Духом Святым* (Рим. 5, 3 — 5). Павел, [хвалясь скорбями], говорил: *По рассуждению человеческому я боролся с дикими зверями в Ефесе* (1 Кор. 15, 32); мы же [добиваться будем того, чтобы иметь право сказать]: «По человеческому рассуждению я умерщвлен в Германии»[1].

[42] Хотя страдания, выносимые нами ради Христа, и чрезмерны, но за то и утешены Христом будем мы преизобильно (2 Кор. 1, 5). А если так, то с полнейшей готовностью должны мы обрекать себя на страдания. Пусть они чрезмерно отяготят нас, желающих преизбыточествующего утешения от Христа. Все *плачущие* действительнейшим образом *будут Ин утешены* (Мф. 5, 4), но, конечно, не в равной мере. Если бы утешение было равномерным, то не было бы написано: *Подобно тому как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше* (2 Кор. 1, 5). Этому научает вас тот, кто в полной уверенности говорил: *Знаем мы, что вы как в страданиях принимаете участие, так и в утешении* (2 Кор. 1, 7).

Через пророка Бог говорит: *Во время благоприятное Я слышу тебя и в день спасения помогаю тебе* (Ис. 49, 8; 2 Кор. 1, 7). А какое другое время благоприятнее того, когда за христианскую веру под стражей мы выходим на виду у всех и скорее как триумфаторы, нежели как пленные. Если мученики за Христа обезоруживают с Его помощью *начальства и власти* (Еф. 6, 12, т. е. злых духов, равно как и находящиеся под их влиянием языческие власти), то, следовательно, они, мученики, вместе со Христом и торжествуют. Как в страданиях они ему соучастники, так принимают они участие и в геройских делах, совершенных Им среди страданий. К этим геройским подвигам надо причислить торжество над *начальствами и властями,* которых вы вскоре преодолеете и увидите побежденными. А *днем спасения* какой другой день может быть назван, как не тот, в который вы именно таким образом отойдете из этого мира? Молю вас: *Не послужите никому и ни в чем соблазном, чтобы не было порицаемо служение* [ваше]; *но явите себя через великое терпение во всем служителями Божиими* (2 Кор. 6, 3 — 4), говоря: *И ныне в чем надежда моя? Не в Господе ли* (Пс. 38, 8)? *В скорбях* (2 Кор.6, 4) проникайтесь убеждением, что *на праведных приходят многие скорби* (Пс. 33, 20); *в нуждах* (2 Кор. 6, 4) — что добиваемся мы столь необходимого для нас блаженства; *в стесненных обстоятельствах* (2 Кор. 6,4) — *что неутомимо должны мы идти путем узким и тесным* (Мф. 7, 14) и таким образом достигать жизни. В случае необходимости заявим себя *и в трудах, и в бдениях, и в постах* (2 Кор. 6, 5). Ибо *вот Господь грядет с возмездием в руках, дабы каждому воздать по делам его* (Ис. 40, 10; Откр. 22, 12).

[43] Время теперь показать нам, что мы стремимся к высшему познанию ради дел, сответствующих высшему познанию. Должны мы отличаться еще большей чистотой. В качестве сынов долготерпеливого Бога и братьев долготерпеливого Христа будем свидетельствовать о себе долготерпением во всех злоключениях, потому что *долготерпеливый муж обнаруживает много разума, малодушный же, напротив, чрезвычайно нерассудителен* (Притч. 14, 29).

Если дблжно *являть себя с оружием правды в правой и левой*

[1] Когда в 236 г. императором Максимином объявлено было гонение на христиан, Амвросий, вероятно, носил уже сан диакона. Где он был схвачен за веру, в Кесарии или в Александрии, остается неизвестным. Вместе с Протоктетом они ожидали окончания своего дела в темнице. Думали, что император вызовет их в Германию, где в то время он находился. Но догадки не оправдались. Гражданские войны, а вскоре и низложение Максимина, остановили гонение.

руке (2 Кор. 6, 7), то теперь настало время для нас претерпеть *бесчестие,* после того, как мы заявили себя [служителями Божиими] *в чести* и не возгордились. И своим образом жизни, заслуживающим доброе мнение и достигшим *доброй славы,* почему же не вынести теперь и *бесчестия* со стороны нечестивых? И далее, если в глазах друзей истины мы показали себя *любящими истину и стяжали этим их удивление, то не следует нам лишь смеяться, когда теперь говорят о нас, будто мы заблуждаемся* (2 Кор. 6, 8)? Во многих опасностях, от которых мы были избавлены, многие говорили, будто Бог промышляет о нас; пусть говорят теперь кому угодно, что не ведает Он нас, между тем как, может быть, именно теперь мы более всего известны Ему. Перенося злополучие, мы, конечно, несем наказание, но не умираем; походим *на опечаленных,* в то время как *радуемся* (2 Кор. 6, 9—10).

[44] К тем, кто вначале заявил себя твердым, Павел, ободряя их, говорит в одном месте, чтобы и будущие опасности из-за слова Божия они переносили с прежней своей твердостью. *Вспомните прежние дни ваши, когда по просвещении выдержали вы великий подвиг страданий* (подразумеваются прежде всего первые гонения на христиан в Иудее), *то сами среди бесчестия и скорбей служа зрелищем* [для других], *то принимая участие в других, оказывавшихся в том же положении. Ибо и заключенным в темницы вы оказывали сострадание и расхищение имения вашего вы переносили с радостью, хорошо зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее. Итак, не ослабевайте в надежде вашей, за которую ожидается великая награда. Терпение необходимо для вас* (Евр. 10, 32 — 36). И мы в настоящее время постараемся с твердостью выдержать великий подвиг страданий; не устыдимся, когда люди увидят нас в бесчестии и бедствующими; перенесем расхищение нашего имущества с радостью. Мы верим ведь, что получим взамен имущество, которое все превосходит, — не земное и даже не телесное, а невидимое и невещественное. *Смотрим мы не на видимо, ибо видимое временное, невидимое же вечно* (2 Кор. 4, 18).

[45] Так как у многих нет никаких здравых понятий о демонах и так как жертвы демонам считаются ими за дело совершенно безразличное и маловажное — те самые жертвы, в которых демоны особенно нуждаются, чтобы остаться в этом плотном, облегающем землю воздухе, ибо пищей для них служит запах жертв, и оттого они выведывают, нет ли где жертвенного дыма, чуют кровь, обоняют курения, — то против этого должны мы возразить следующее. Если оказывающие поддержку разбойникам, убийцам и чужеземным врагам великого царя (т. е. римского императора) наказываются, как „враги общественного благосостояния, то не больше ли оснований обвинять тех, кто, поддерживая жертвами служителей зла, через это удерживает их поблизости от земли? Не становятся ли они еще виновнее, если знают изречение: *Приносящий жертву другим богам должен быть искоренен* (Исх. 22, 20)? По всей справедливости **они** должны подлежать обвинению за то, что, помимо единого Господа, приносят жертвы виновникам зла на земле. И в тех огорчениях, какие демоны доставляют человеку, питающему их жертвами, по-моему, не менее виновны, чем и сами демоны, деятели зла. Ведь демоны и удерживающие их на земле причиняют людям зло как бы **сообща:** без запаха жертв и той пищи, которая более всякой другой соответствует их телу, демоны не могли бы здесь и находиться.

[46] Кроме того, многие держатся еще мнения, что имена даны предметам произвольно и не имеют внутренней связи с их существом. Оттого многие полагают, что безразлично, скажут ли они «Я почитаю высшего Бога», или же «Юпитера», или «Зевса»; а то и так: «Почитаю и прославляю солнце, или Аполлона, или луну, или Артемиду, жизненную силу земли, или Деметру, или другое что-либо, о чем говорят греческие мудрецы».

На это мы возразим следующее. Об именах идет издревле глубокомысленный спор; и, кто в него вникнет, тот поймет, что, если бы имена [предметам] даны были произвольно, тогда демоны и другие невидимые силы не отзывались бы на заклинания тех, кто их самих не знает, а называет лишь усвоенные им имена. Напротив, произнесение известных звуков и слогов и известных имен — мягко или с придыханием, с соблюдением их долготы или краткости — может быть, вследствие неизвестной нам естественной связи [между именами и называемыми существами] бывает причиной вызова призываемых. А если так и если имена [предметам] даны непроизвольно, то высшего Бога, следовательно, нельзя называть никакими другими именами, кроме тех, какими его называют «служитель» [Моисей], пророки и Сам Господь наш и Спаситель. Таковы имена «Саваоф», «Адонаи», «Саддаи», а кроме того «Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова». Об этом последнем имени говорится [Самим Богом]: *Вот имя Мое вечное и в памятование о Мне всем родам* (Исх. 3, 15). Нечего удивляться тому, что демоны переносят свои имена на высшего Бога; это они делают для того, чтобы воздавали им почитание как бы Ему Самому. Такое употребление имен языческих идолов Для поименования истинного Бога у нашего «служителя» [Моисея] и у пророков, равно как и у Христа, Который есть *«исполнение закона»* (Мф. 5, 17; Рим. 10, 4; 13, 10), и у апостолов не в обычае. Об этом мы должны были напомнить, чтобы никто не смог ввести нас в обман и постыдить наш разум. Обратите особое внимание и на сказанное нами, если не желаете остаться безответными против ложных доказательств противников ваших.

[47] Человек продолжает любить жизнь и после того, как воспитает в себе убеждение, что по внутреннейшему своему существу разумная душа его родственна Богу. И Бог, и душа суть существа мыслящие, невидимые и — что подтверждается разительнейшими Доказательствами от разума — бестелесные. А иначе зачем Творец

вложил в нас влечение к благочестию и стремление к единению с Ним, Кто и в заблудших поддерживает многие проявления Своей воли, если для разумных существ невозможно достичь того, к чему влечет их природа? Подобно тому, как каждый из наших членов имеет естественное сродство с какого-либо рода вещами: глаз — с видимым, ухо — со слышимым, то очевидно, что и дух точно так же имеет сродство с вещами духовными и с Богом, который выше вещей духовных. К чему тогда нам было бы медлить и запаздывать с отложением этого лишь затрудняющего нас *тленного тела, которое душу обременяет,* и с отложением этой *земной храмины, которой* о многом думающий ум *подавляется* (Прем. 9, 15)? К чему медлить и колебаться, если нам представляется возможность освободить дух свой от оков тела, покинув волнующееся море плоти и крови для наслаждения блаженным покоем со Христом Иисусом, когда в полной и совершенной мере явится очам нашим само живое Слово, Которым будем питаться, чью безмерно разнообразную мудрость будем постигать, чей образ на нас будет напечатлеваться, кто истинным и непреходящим светом познания нас будет просвещать и даст нам узреть то, что при посредстве этого света (света славы) естественно будет усмотрено очами, *законом Господним просвещенными* (Пс. 18, 9)?

[48] Уже с давних пор известны нам слова Иисуса, и долгое время мы жили по Евангелию и все построили себе дом (Мф. 7, 24). А на чем мы его построили, *на скале ли, углубившись,* или *на песке без основания* (Мф. 7, 24 — 26; Лк. 6, 48 — 49), это покажет наступившая в настоящее время борьба (объявленное Максимином гонение). Грозит нам непогода, несущая *дождь, разлитие рек и ветры* или, как Лука выражается, *наводнение* (Мф. 7, 25; Лк. 6, 48). И если теперь все это *устремится на дом,* то или не *сможет поколебать* его, и дом тот не упадет, потому что *он основан на скале,* т. е. на Христе, или же, коль скоро здание падет, обнаружится его слабость, чего да не случится с нашими домами, ибо чрезвычайно *велико падение* при отречении или, как Лука говорит, *велико разрушение* дома, не утвержденного на основании (Мф. 7, 25 — 27; Лк. 6, 48 — 49). Будем поэтому молиться, дабы *уподобиться благоразумному мужу, который построил свой дом на скале* (Мф. 7, 24). Пусть тогда проливается на наше здание ливень *поднебесными духами злобы;* пусть насылается на него *разлитие рек* со стороны враждебно к нам расположенных *начальства и властей',* пусть насылаются суровые *ветры* со стороны *мироправителей тьмы века сего* (Еф. 6, 12; Мф. 7, 25, 27) или обступает его наводнение подземных духов; пусть напирают они на наше здание, построенное на утесе: им (злым духам) не под силу не только низвергнуть, но даже и поколебать его — напротив, скорее сами они убедятся в нашей силе, нежели надломят ее. А поражая противников, каждый из вас (т. е. и ты, Амвросий, и ты, Проктет) пусть говорит: *Так бьюсь я не для того, чтобы только воздух бить* (1 Кор. 9, 26).

[49] Далее, так как *Сеятель вышел за тем, чтобы сеять* (Мф. 13, 3), то покажем, что нашей душой семя Его воспринято, — воспринято не так, как оно воспринимается теми, кто стоит *при дороге,* и не так, как воспринимается *каменистым местом,* — и не так, как воспринимается *тернием;* покажем, что семя то воспринято нами, как его принимает *земля добрая* (Мф. 13, 4 — 8; Мк. 4, 4 — 8; Лк. 8, 5-8).

Итак, если слово Иисусово пало, насколько это зависело от нас, не *на дорогу* и не *между тернием,* то можем мы *в сердце хвалиться* (2 Кор. 10, 17) и, значит, слова те мы *поняли',* а потому *лукавый не похитит посеянного в нашем сердце* (Мф. 13, 19). А что и не между *тернием* пало семя, это засвидетельствуют многие, которые видят, что ни *забота этого мира,* ни *обольщение богатства,* ни *наслаждения житейские* не могли воспрепятствовать проникновению слова Божия в нашу душу (Мф. 13, 22; Мк. 4, 19; Лк. 8, 14). Остается только спросить: *на каменистое место или на добрую почву* в нас пало слово Божие? *Из-за того слова* в настоящее время *настали скорбь и преследование* и предстоит время великого испытания, когда обнаружится, кто *на каменистое место сеял* (Мф. 13, 20) тот, кто в глубину не проник и Иисуса в глубину души не воспринял. Напротив, кто *слово* то *разумеет,* тот *приносит плод, сохраняет то слово в терпении* до самого конца и *приносит плод сторицею* (Мф. 13, 23; Лк. 8, 15). Мы знаем ведь, какое суждение Писание произносит о тех, кто ранее святое учение, по-видимому, радостно приняв, во время скорби и гонения соблазняются; а соблазняются именно потому, что не имеют корня в себе и содержат веру лишь в течение некоторого времени. У Матфея говорится: *Посеявший на место каменистое есть тот, кто слову тому внемлет и тотчас с радостью принимает оное; но он не имеет корня в себе и непостоянен; когда настает скорбь или гонение за то слово, тотчас соблазняется* (Мф. 13, 20 — 21). По Марку: *Посеявшие на каменистом месте суть те, которые, когда услышат слово, тотчас принимают его с радостью, но не имеют корня в себе и непостоянны; потому, когда настает скорбь или гонение за то слово, тотчас соблазняются* (Мк. 4, 16—17). И по Луке: *А упавшее на камень — это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня и временем веруют, а во время искушения отпадают* (Лк. 8, 13). О тех, которые приносят надлежащий плод, Писание учит так: *Посеянное на доброй земле означает слышащего слово и разумеющего, который и приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать* [семян] (Мф. **13,** 23). Или: *Посеянное на доброй земле означает тех, которые слушают слово и принимают и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат* (Мк. 4, 20). Или: *Упавшее*

на добрую землю — это те, которые, услышав слово, хранят его в прекрасном и добром сердце и приносят плод в терпении (Лк. 8, 15).

Так как, по апостолу, вы — *Божия нива, Божие строение* (1 Кор. 3, 9) и нива именно *на доброй почве* разведенная (Мф. 13, 23); так как вы представляете собой *здание, построенное на утесе* (Мф. 7, 24), то в качестве *здания Божия* станем непоколебимо против непогоды (Лк. 6, 48) и, будучи *Божией нивой,* не будем ни *злом* опечаливаться, *ни скорбью и гонением, какие настают из-за слова,* ни *забавами сего мира,* или *обольщением богатства,* или *удовольствиями жизни* (Мф. 13, 19-22; Мк. 4, 15-19; Лк. 8, 12, 14) - пренебрежем всем этим. Восприняв в себя свободный от забот *дух мудрости* (Еф. 1, 17), обновим его в себе; устремимся к неложному богатству; поспешим в усладительный сад рая (Быт. 2, 8), при всякого рода злоключениях проникаясь мыслью, что наше *кратковременное легкое страдание доставит нам в безмерном преизбытке вечную славу, если взор наш мы будем обращать не на видимое, а на невидимое* (2 Кор. 4, 17—18).

[50] И то важно знать нам, что изречение об Авеле, который умерщвлен был человекоубийцею и злодеем Каином (Быт. 4, 8), приложимо ко всем, чья кровь проливается невинно. А именно, мы можем думать, что слова: *Голос брата твоего вопиет ко Мне с земли* (Быт. 4, 10) — применимы и ко всем мученикам, ибо голос их крови вопиет от земли к Богу. И подобно тому, как мы *искуплены драгоценную кровию Иисуса* (1 Пет. 1, 19; 1 Кор. 6, 20), между тем как Сам Он получил *имя выше всякого имени* (Флп. 2, 9), точно так же, может быть, искуплены будут многие кровью и мучеников; сами же они возвышены будут более, чем если бы были только праведниками, а не мучениками. Вот причина, почему по большей части мученическая смерть называется *возвышением,* что видно из слов: *Когда Я от земли возвышен буду, всех привлеку к Себе* (Ин. 12, 32). Прославим посему Бога и мы, возвышая Его своей смертью, потому что мученик своей смертью прославляет Бога. И этому научены мы точно так же Иоанном, который говорит: *Сие же говорил Он, де вая разуметь, какою смертию прославит Бога* (Ин. 12, 33; 21, 19).

Вот что, насколько хватило у меня сил, мог я написать вам, [Амвросий и Проктет]; и одного только желал бы, чтобы это принесло вам пользу в нынешнем подвиге. Если же вы, удостоенные — особенно теперь — более глубокого проникновения в Божественные тайны, мыслите на этот счет выше, драгоценнее и целесообразнее и поэтому принадлежащей вам работой моей пренебрежете, как детской и малоценной, то и я вам желаю этого. Ибо не то важно, чтобы настоящий предмет исчерпан был для вас именно нами, а то, чтобы он каким бы то ни было образом, а был бы исчерпан. И насколько лучше, если бы он был изложен пре^дростью Божией, и притом в словах более возвышенных, более вразумительных и всякий человеческий талант превосходящих!

НАСТАВЛЕНИЯ О МОЛИТВЕ
(из трактата «О молитве»)^

[8] Так как теперь возражения против молитвы нас не могут более отклонять от нее, то для поощрения к ней и удержания от нерадения о ней пристойно будет воспользоваться следующим примером. Подобно тому как рождение детей невозможно без жены и производительной силы, точно так же многого нельзя достигать иначе, чем некоего рода молитвой, проникнутой известным расположением, полной верой и жизнью, сответствующей такого рода молитве.

При молитве не в многословии дело, поэтому не следует молиться о пустяках; далее, не следует молиться о земном, приступать к молитве в страстном возбуждении и с рассеянными мыслями. Не очистившись от греха, нельзя понять даже и того, что следует соблюдать при молитве; с другой стороны, молящийся не может просить об оставлении и ему самому грехов, если он от сердца не прощает обид своему брату, упрашивающему его о том.

Для того же, кто правым образом молится или посильно к этому стремится отсюда, насколько я понимаю, многоразличная польза. И прежде всего, несомненно, полезны духовная сосредоточенность при молитве и представление себя в молитвенном состоянии пред лицом Божиим, разговор с Ним как с лицом, которое видишь и слышишь. Подобно тому как некоторого рода представлениями и воспоминаниями пятнаются возникающие при них мысли относительно предмета наших воспоминаний, так да дозволено нам будет находиться в убеждении, что и представление о вездесущем Боге, проникающем в самые тайные движения нашей души, приносит нам пользу. Душа тогда настраивается так, что становится угодной Богу. Он, Который *испытует сердца и испытывает внутреннее человека* (Пс. 7, 10), делается, так сказать, свидетелем этого ее состояния, наблюдает нашу душу, входит в каждую ее мысль. Предположим, что обратившийся к молитве не извлек бы из нее никакой пользы, кроме этой, — не дблжно и такому человеку плакать, будто он, приходя во время молитвы в столь благоговейное настроение, получает от этого незначительную выгоду. Сколь от многих грехов это поставление пред лицом Божиим нас удерживает, к скольким добродетелям устремляет, если оно часто повторяется! А более усердные в молитве знают это по собственному опыту. Ибо если уже воспоминание и памятование о знаменитом муже, ознаменовавшем себя мудростью, побуждает нас к соревнованию ему, а часто и склонность ко злу в

* Пер. Н. Корсунского.

нас подавляет, то во сколько же раз более помогает нам памятование о Боге, Отце всего сотворенного, соединенное с молитвой к Нему! Во сколько раз большую пользу приносит оно убежденным, что во время молитвы они стоят перед Богом, Который тут присутствует и слышит их, и представляющих себя самих говорящими с Ним!

[9] Сказанное может быть подтверждено из Священного Писания следующим образом. Молящийся должен *воздевать чистые руки* (1 Тим. 2,8), всем прощая причиненные ему несправедливости (что именно и делает его достойным оставления грехов Богом и ему самому) (Мф. 6, 14); он должен изгнать из сердца всякое страстное возбуждение и ни на кого не гневаться. Потом, во время молитвы дблжно все забывать, что не имеет к ней отношения, поскольку в это время дух не должен быть тревожим никакими посторонними мыслями. Кто усомнится, что такое состояние молящейся души — наисчастливейшее? О нем в 1-м послании к Тимофею Павел говорит следующее: *Желая, чтобы мужи на всяком месте произносили молитвы, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1 Тим. 2, 8).

Женщина же, кроме того, особенно при молитве должна соблюдать скромность и быть благоукрашенною и по душе и по телу более всего, и особенно во время молитвы, страшась Бога, изгоняя из души все разнузданные и не свойственные женщинам воспоминания и украшаясь не плетением волос, не золотом, не перлами или дорогими одеждами, а наряжаясь так, как это прилично обещавшей хранить страх Божий (1 Тим. 2,9 — 10). И для меня было бы удивительным, если бы кто-нибудь сомневался, считать ли женщину блаженной уже и из-за этого одного, т. е. если она является на молитву в таком виде, о каком учил Павел в том же самом послании словами: *Желаю я, чтобы и жены в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, ни золотом, ни жемчугом, ни многоценною одеждою, но тем, что прилично женам, посвятившим себя благочестию, добрым делам* (1 Тим. 2, 9—10).

А так как пророк Давид говорит, что человек богобоязненный отличается при молитве еще и многим другим, то и это уместно вспомнить, чтобы уяснить, сколь для посвящающего себя Богу полезно — даже если бы на это только и обращалось внимание — правое душевное состояние при молитве и приготовление к ней. Пророк говорит: *К Тебе возвожу очи мои, Живущий на небесах* (Пс. 122, 1); *К Тебе, Господи, возношусь я душой моей* (Пс. 24, 1). Ибо, когда душевные очи бывают устремлены в такую высоту, что уже не на земном чем-либо задерживаются и не земными образами наполняются, но в такой степени воспаряют ввысь, что сотворенными вещами совершенно пренебрегают, а останавливаются лишь на созерцании Бога и занимаются благоговейной и смиренной беседой с Ним, Который одаряет их Своим благоволением, — то как не сказать, что уже и сами глаза тогда приносят пользу молящимся, поскольку те тогда *как бы в зеркале в несокровенном блеске славу Господа зрят и преобразуются в тот же образ, восходя от славы к славе* (2 Кор. 3, 18)? Ибо тогда нисходит на них как бы некое божественное излияние от Бога, что видно из изречения: *Яви нам свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7). И так как возносящаяся при этом душа следует за духом и от тела отделяется и даже не только следует за духом, но теснейшим образом и соединяется с ним, как это явствует из изречения: *К Тебе, Господи, возношусь я душой моей* (Пс. 24, 1), то как же не сказать, что она отрешается тогда от своей природы и становится душой уже духовной?

Далее, если забвение перенесенных несправедливостей составляет столь важную добродетель, то в ней содержится весь закон, ибо у пророка Иеремии говорится: *Не то и не это говорил Я отцам вашим в день выведения из земли Египетской, но заповедал им это* (Иер. 7, 23 — 22). *Зла друг против друга не мыслите в сердце своем* (Зах. 7, 10), и если мы приступаем к молитве, оставив мстительные мысли во исполнение заповеди Спасителя, Который говорит: *И когда стоите на молитве, прощайте если что имеете на кого* (Мк. И, 25), то очевидно, что нам, отдающимся так молитве, уже свойственны прекраснейшие добродетели.

[10] Мы считаем доказанным, что молитва, будь она даже бесполезна, все-таки дает нам величайшую выгоду, если мы знакомы с правым образом молитвы и упражняемся в нем. Но ясно, что так молящийся лишь тогда проникнет во время молитвы в деятельность Слышащего ее и услышит из Его уст: *Вот Я* (Ис. 58, 9), если сперва изгонит он из души всякое недовольство Провидением. Это открывается из слов: *Если снимешь ты с себя путы, распростирать руки перестанешь и оставишь ропот* (Ис. 58, 9). Ибо, кто доволен тем, что есть, тот свободен от всех пут, [свободен как чадо Божие], и не простирает рук своих к Богу, [сопротивляясь установленным от него порядкам, ибо Он устанавливает известные порядки для упражнения нас в добродетели], тот не ропщет ни тайно в мыслях, ни вслух перед людьми. Ропщут на Бога, подобно тяготящимся работой рабам, открыто не смеющим выразить недовольства распоряжениями своих господ, только те, которые явно и от всей души не осмеливаются поносить Провидение за происходящее и причину своей досады на него хотят утаить даже от Самого Господа всего творения. Это, полагаю я, подразумевается в книге Иова, в изречении: *При всех этих происшествиях Иов не согрешил своими устами против Бога* (Иов 2, 10), тогда как при искушении, предшествовавшем этим происшествиям, говорится: *При всех этих происшествиях Иов не согрешил перед Богом* (Иов 1, 22). Книга Второзакония, в которой воспрещается такой ропот на Бога, говорит об этом так: *Берегись, чтобы в твое сердце не вошла какая-нибудь нечестивая мысль против этого закона и чтобы не говорить тебе: приближается седьмой год, год прощения долгов* и проч. (Втор. 15, 9).

Тот, кто так молится, прежде всего испытывает ранее указанную

нами пользу, а потом он становится способнее и к более тесному общению с Духом Господним, наполняющим всю вселенную (Прем. I, 7), с Тем, Кто наполняет всю землю и небо, потому что Он через пророка говорит так: *Не наполняю ли Я небо и землю* (Иер. 23, 24)?

Кроме того, о чем мы ранее упоминали, он может, вследствие своей чистоты от греха и вследствие своей молитвы, иметь участие в молитве Сына Божия, Который становится посреди даже и не знающих Его (Ин. 1, 26), Который никого не оставляет без помощи и вместе со взыскиваемым от Него человеком молится ко Отцу. Ибо Сын Божий есть первосвященник, возносящий наши жертвы к Отцу и ходатайствующий за нас пред Ним; Он молится за молящихся и умоляет Отца вместе с умоляющими Его. Но, конечно, не как за близких Ему молится он за тех, которые сами не молятся неустанно во имя Его; и не как заступник за тех ходатайтствует Он перед Богом, которые не следуют Его наставлениям, что постоянно дблжно молиться и не тяготиться молитвой. *Сказал Он,* говорится, *притчу и о том, что всегда должно молиться и не ослабевать, говоря: В некотором городе был судья* и пр. (Лк. 18, 1—2). И ранее: *Положим, что кто-нибудь из вас, имея друга, пришел к нему в полночь и сказал ему: Друг, дай мне взаймы три хлеба, ибо зашел ко мне с дороги друг мой и мне нечего предложить ему* (Лк. И, 5 — 6). И сразу вслед за тем: *Говорю вам: если он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то встанет и ему даст сколько просит по неотступности просьбы его* (Лк. 11, 8).

И потому, кто из верующих неложным устам Иисусовым не найдет для себя побуждения к молитве в словах Его: *Просите и дано будет вам; потому что всякий просящий получает* (Лк. 11,9 — 10)? Ибо когда мы просим Небесного нашего Отца о хлебе естественном, то Он, благой, дает нам, которые приняли от Него дух сыновства (Рим. 8, 15), не камень, какой по желанию сатаны должен был служить пищею Иисусу и ученикам Его (Мф. 4, 3; ср. Лк. II, 11), но дает просящим у Него дар добрый (т. е. настоящий хлеб), подавая дожди с неба (Лк. 11, 13; ср. Деян. 14, 17), чтобы на полях могли произрастать плоды.

[11] Не только первосвященник Христос молится с теми, кто правым образом молится, но и ангелы, которые *на небе и об одном грешнике кающемся более радуются, нежели о девяносто девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии* (Лк. 15, 7). Молятся за молящихся и души почивших святых.

Это открывается, с одной стороны, из того, что Рафаил возносит пред Богом благодарственную молитву Товии и Сарры. *И услышана была,* говорит Писание, *молитва обоих пред славою великого Бога и послан был Рафаил исцелить обоих* (Тов. 3, 16). И Рафаил сам, открывшись Товии и Сарре, что услуги им обоим он оказал по повелению Божию в качестве ангела Его, говорил: *Когда молился ты и невестка твоя Сарра, я возносил пред Святого из молитвы вашей той, о чем надлежало помнить* (Тов. 12, 12). И после того, немного спустя: *Я Рафаил, один из семи святых ангелов, которые возносят молитвы святых и восходят пред славу Святого* (Тов. 12, 15). По словам Рафаила, *Доброе дело молитва с постом и милостынею и справедливостью* (Тов. 12, 8).

С другой стороны, видно это и из того, что сообщается в книгах Маккавейских о явлении Иеремии пророка, как он, *украшенный сединами и славою, окруженный дивным и необычайным величием, простерши правую руку, дал Иуде* [Маккавею] *золотой меч* (2 Мак. 15, 13—15); а другой почивший святой (Осия) дал свидетельство о нем в словах: *Это тот, который много молится за народ и святой город, Иеремия, пророк Божий* (2 Мак. 15, 14). Если высшее познание (т. е. предметы его) даже и достойным предлагается в этой жизни только в зеркале и загадочно (1 Кор. 13, 12), а в будущей приобретаться будет лицом к лицу, то непозволительно было бы и об остальных добродетелях не думать так же, как и о познании, а именно что они, в этой жизни приобретенные, только в будущей жизни разовьются до действительного своего совершенства. Но одна из важнейших добродетелей, по изображению слова Божиего, есть любовь к ближним; поэтому должны мы допустить, что святые уже почившие, по сравнению со святыми еще борющимися в этой жизни, проникнуты ею в степени гораздо высшей, нежели те, которые подвержены еще человеческой слабости, хотя и поддерживают в борьбе слабейших, ибо не в приложении к этой дольней жизни имеет значение слово: *Если один член страдает, то страдают с ним и все: и если один член славится, то с ним радуются и все члены* (1 Кор. 12, 26). И ради любви к тем, кто отошел из настоящей жизни, приличествует говорить о себе: *Забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем и я не изнемогал бы? Кто соблазняется, за кого и я не воспламенялся бы* (2 Кор. 11, 28 —29), тем более что и Сам Христос о Себе Самом свидетельствует, что в каждом немощном христианине и Сам Он немощен, равным образом что Он же оказывается и темничным узником, и нагим, и странником, и терпящим голод и жажду (Мф. 25, 35 — 36). Кто же ведь из читающих Евангелие не знает, что все совершаемое по отношению к верным Христос относит к Себе Самому и так ценит, как если бы то сделано было лично Ему (ср. Мф. 25, 35-54)?

Далее, если *ангелы Божии* к Иисусу *приступили и Ему служили* (Мф. 4, и) и если мы принять должны не только то, что ангелы Божии служили Иисусу лишь короткое время — только во время Его пребывания плотью между людьми и в то время, когда Он, [находясь в состоянии уничижения] в среде верных, так сказать, не за трапезою возлежащим был, а служил посреди возлежащих (Лк. 22, 27), то какое же множество ангелов, по всей вероятности, теперь Ему служит, когда Он желает сынов Израиля друг с другом соеди-

нить (ср. Ин. 11, 52; 10, 16), рассеянных собрать, а боящихся Бога и Его призывающих спасает, чтобы несравненно более, чем сделано то было апостолами, способствовать к возвеличению и расширению Церкви, [почему и некоторые предстоятели церквей у Иоанна в Апокалипсисе называются ангелами]. Не напрасно же *ангелы Божии восходят и нисходят к Сыну Человеческому* (Ин. 1, 51) так, что они видимы бывают очами, просвещенными светом высшего познания. И так как молящийся христианин именно во время молитвы сообразно своим нуждам вспоминает об ангелах, то и они, согласно общему всем им Божиему повелению, по отношению к нему исполняют то, что состоит в их власти. Чтобы пояснить наши мысли об этом, мы можем воспользоваться следующим сравнением. У каждого, кто заботливо молится о здоровье, есть добросовестный врач, умеющий надлежащим образом обходится с болезнью, о каковом умелом обращении с его болезнью больной и просит в молитве. Но очевидно, что и врач этой молитвой больного побуждается его лечить, не без основания предполагая, что и в самом замысле Божием положено было, чтобы он лечил именно того больного, чья молитва об освобождении от болезни Богом услышана. Или кто же из владеющих множеством жизненных благ и вместе с тем щедрых не внимает просьбам бедного, когда он среди своих нужд прибегает к Богу с усиленными молитвами? Ясно, что из этого разряда людей богатых выискивается кто-нибудь, исполняющий желание бедняка и таким образом способствующий отеческому о нем промышлению Того, Кто и бедняка и богача потому и приводит в одно и то же место молитвы, что один может помочь другому и вследствие своей доброты не в состоянии отказать ему. Подобно тому как нельзя поверить, чтобы такое совпадение, как скоро оно происходит, происходило лишь случайно — ведь Он, Который все волосы на главе святых исчисляет (Мф. 10, 30), именно во время молитвы бедняка, возносящего ее с верой, приводит к нему кого-нибудь, кто его выслушивает и вместо Бога оказывает ему благодеяние, — точно так же следует думать, что и ангелы в качестве наблюдателей и слуг Божиих часто встречаются с тем богачом и с этим бедняком, поддерживая перед первым просьбу последнего.

Но и к каждому, даже самому малому члену Церкви, приставлен ангел, который всегда видит лицо Небесного Отца (Мф. 18, 10) и созерцает Божество нашего Творца, молится с нами и посильно пособляет нам в том, о чем мы молимся.

[12] Кроме того, я полагаю, что молитвенные слова святых, особенно если они молятся *духом и умом* (1 Кор. 15, 15), бывают полны силы и что слова те Божественной силой, подобной свету, исходящему из познавательной способности молящегося и проходящему чрез его уста, делают недействительным тот духовный яд, которым враждебные нам силы отравляют разум пренебрегающих молитвой и не следующих тому, что в согласии с напоминанием Иисуса говорит Павел: *Непрестанно молитесь* (1 Флп. 5, 17; ср. Лк. 18, 1).

Тот же, кто к своим трудам по обязанности присоединяет молитву и к ней, в свою очередь, надлежащие занятия, тот *непрестанно молится* (1 Флп. 5, 17), потому что и добродетель с исполнением заповедей равнозначна молитве. Только при таком понимании апостольского изречения: *Непрестанно молитесь* — возможно и исполнение его. Вся жизнь христианина должна быть непрерывной великой молитвой. Одну часть этой великой молитвы и составляет обыкновенно так называемая молитва, которая каждодневно должна совершаться по меньшей мере по три раза. Это показывает история Даниила, который молился трижды в день даже и в то время, когда угрожала ему великая опасность (Дан. 6, 1 — 13), а именно опасность быть брошенным в ров со львами (Дан. 6, 12). Петр, восшедший *около шестого часа на кровлю помолиться* (Деян. 10, 9), когда он *видел привязанное за четыре угла и спускавшееся к нему на землю как бы большое некое полотно* (Деян. 10, И), приносил тогда среднюю из трех дневных молитв; между тем как о первой из них прежде его говорил Давид следующее: *Утром услышишь Ты молитву мою; утром я предстану пред Тобою;* с благоговением и с надеждою *возведу я* тогда *очи мои* (Пс. 5, 4 — 5). О последней из дневных молитв он же говорит в словах: *Воздеяние моих рук будет жертвой вечерней* (Пс. 140, 2). Но и в ночное время нам неприлично оставаться без молитвы, потому что и Давид говорит: *В полночь встаю я Тебя славословить за праведные суды Твои* (Пс. 113, 62), и Павел с Силой, как сообщается в книге Деяний (16, 25), молились в Филиппах и прославляли Бога около полуночи, так что и другие узники слышали это.

[13] А если Иисус молится и если не напрасно Он молится, так как Он молитвою достигает того, чего желает и чего, быть может, и не получил бы без молитвы, то кто же из нас решится пренебрегать молитвой? Говорит Марк: *Утром, когда еще очень темно было, встал Он, вышел, удалился в пустынное место и молился там* (Мк. 1, 35); и Лука: *Случилось, что, когда Он в одном месте молился и перестал, один из учеников сказал Ему* (Лк. 11, 1); и в Другом месте: *И пробыл Он всю ночь в молитве к Богу* (Лк. 6, 12); Иоанн же описывет Его молитву словами: *После сих слов Иисус возвел очи Свои на небо и сказал: Отче, пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя* (Ин. 17, 1).

И записанное тем же евангелистом изречение Господа: *Я и знал, что Ты всегда услышишь Меня* (Ин. 11, 42) — указывает на то, что молитва того всегда выслушивается, кто постоянно молится.

Нужно ли поэтому для нашей цели называть всех, кто вследствие своей Достойной молитвы получил от Бога много великих благ? Каждый из Священного Писания легко может выбрать много относящихся сюда примеров. Так, Анна, будучи неплодной, исходатайствовала себе рождение Самуила, сопоставимого с Моисеем (Иер.

15, 1), с полным доверием молясь Богу (1 Цар. 1, 9 и далее). Езекия в то время, как он внимал из уст Исаии слову о том, что он умрет, молился и благодаря этому вошел в родословие Спасителя (4 Цар. 20, 1 и далее; ср. Ис. 38, 19 и далее). Простым повелением коварного Амана народ Израильский должен был истребиться с лица земли; но тут услышана была соединенная с постом молитва Мардохея и Есфири (Есф. 4, 1 и др.) и к празднику Моисея и [всего] народа присоединился радостный день Мардохея. (По-видимому, праздник Пурим, установленный в воспоминание о спасении иудеев от персидского избиения, приравнивается к Пасхе. — *Прим. ред.).* Приносила и Юдифь священную молитву Богу, и, таким образом, одна-единственная еврейская женщина навлекла позор на дом Навуходоносора (Иуд. 13, 6—10). Были услышаны Анания, Азария и Мисаил и удостоены ниспослания им прохлаждавшегося и росою орошавшего ветра, не допустившего до них огненное пламя (Дан. 3, 50). В вавилонском рву молитвой Даниила была заключена пасть львов (Дан. 6, 22). Иона, находясь во чреве поглотившей его рыбы, не отчаивался в успехе своей молитвы и потому вышел оттуда и успешно завершил только что начатое пред тем посольство к ниневитянам (Иона 2, 2 и далее).

Но и каждый из нас много сможет рассказать, если с благодарностью подумает об оказанных ему благодеяниях Божиих и захочет прославить за них Бога! По неослабленной молитве душ, долгое время бывших неплодными и ощущавших немощь своего разума и рассудка, Дух Святой влагал им в уста и порождал в них слова, содержавшие истинные учения. И сколько врагов было поражено, когда против нас множество враждебных сил то и дело восставало и хотело склонить нас к отпадению от святой веры? Мы одушевлялись мужеством, ибо *иные колесницами, иные конями хвалятся, а мы призываем имя Господа Бога нашего* (Пс. 19, 8) и при этом замечаем, что поистине *ненадежен конь для спасения* (Пс. 32, 17). Даже и верховному предводителю врага, соблазнительному и задабривающему слову, которое в смущение приводит многих, слывущих верными, часто отсекает главу тот, кто свою надежду возлагает на славу Господа. И сколь многие из тех, кто оказывается в тяжелых искушениях, превосходящих своим жаром всякий огненный пламень, ничего не потерпели, но вышли из них совершенно целыми, не испытав ни малейшего вреда от смрада губительного огня! Надо ли напоминать и об ином — о том, как многие против нас ярящимся зверям, я разумею злых духов и невежественных людей, встречавшиеся с ними своими молитвами часто закрывали пасть, так что они не могли своими зубами коснуться наших членов, ставших членами Христа? Ведь Господь через кого-либо из верных по молитве их *сокрушал зубы в устах львов, так что эти не более значили, чем протекающая вода* (Пс. 57, 7 — 8). Знаем мы также, что часто нарушители Божественных заповедей побеждались их осиливавшей смертью, а потом, по очищении своих чувств от такого зла, спасались, поскольку не отчаивались в возможности своего спасения, хотя и нисходили перед тем уже в самое чрево смерти. *Поглотила их смерть, а Господь Бог отер слезы с лица их* (Ис. 25, 8; ср. Откр. 7, 17).

Вот что счел я необходимым изложить по перечислении тех, кто через свою молитву получил помощь. О, если бы этим мне удалось отклонить ищущих духовного, стремящихся к жизни во Христе от молитв о маловажном и земном; о, если бы удалось мне читателя этого сочинения обратить к предметам духовным, прообразом которых было ранее сказанное! Ибо тот, кто *не по плоти воинствует* (2 Кор. Ю, 4), а *умерщвляет духом дела плотские* (Рим. 8, 13), молится лишь о вышеупомянутых вещах, духовных и таинственных, и избирает предметом своих молитв преимущественно то, в чем при исследовании Писания обнаруживается высший смысл, а не то, о чем говорит буква Писания и что некоторым из молящихся кажется высшим благодеянием.

Вслушиваясь духовным слухом в закон духовный, должны мы стараться и о том, чтобы внутри не оставаться бесплодными или немощными; тогда мы перестаем быть бесплодными или немощными и нас выслушивают, подобно Анне и Езекии; тогда мы освобождаемся и от посягательств враждебных нам злых духов, подобно Мардохею, Эсфири и Юдифи. И поскольку Египет, как образ всей земли, есть *железная печь* (Втор. 4, 20), то каждый, кто спасся от влияния порчи человеческой жизни, каждый, кто еще не сожжен грехом и не разъел в своем сердце огня, как бы в некоей печи, должен за это благодарить Бога не меньше, чем те, кто, будучи в огне, чувствовали прохлаждающую росу. Равным образом и тот, кто при своих молитвах и призываниях: *Не предай зверям душу исповедника Твоего* (Пс. 73, 19) - был услышан и от змея и василиска никакого зла не испытал, потому что он наступал на них, облеченный силою Христа, и тот, кто в высоком могуществе, даруемом ему Христом, *наступает на змей и скорпионов и на всю силу вражию* (Лк. 10, 19), *попирает льва и дракона* (Пс. 90, 13), не терпя от них вреда, должны благодарить больше, чем Даниил, когда он освободился от ужаснейших и опаснейших зверей. Кроме того, если кто знает, какое чудовище преобразуется существом, поглотившим пророка Иону; если он признает, что это именно то чудовище, о котором Иов говорит: *Да проклянут ее* (т. е. ночь моего рождения) *проклинающие и день* [моего рождения], *способные разбудить великое чудовище* (Иов 3, 8), и если он когда-либо через непослушание окажется в пасти этого чудовища, то должен с сокрушением молиться о своем грехе — и будет из его пасти спасен; и если он по спасении будет постоянно следовать заповедям Божиим, то может по благости Духа и сегодня, в день погибающих ниневитян, служить в качестве пророка и доставить им случай ко спасению, не досадуя на благость Божию и не питая в своем сердце желания, чтобы Он к.

раскаивающимся с сокрушением пребыл строгим. Далее, если возьмем Самуила, о котором повествуется, что он исходатайствовал своею молитвою нечто великое, то это и теперь может духовным образом исполнить каждый, кто поистине предан Богу; ведь через это он делается достойным того, чтобы его молитва была выслушана, ибо написано: *Теперь станьте и посмотрите на сие великое дело, которое Господь совершит пред глазами вашими. Не жатвы ли пшеницы ныне? Но я воззову к Господу, и пошлет Он гром и дождь* (1 Цар. 12, 16—17). Потом говорится: *И воззвал Самуил к Господу, и Господь послал в тот день гром и дождь* (1 Цар. 12, 18). Но ко всякому святому, который является истинным учеником Иисуса, говорит Господь: *Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве. Кто жнет, тот получает награду и собирает плод для жизни вечной* (Ин. 4, 35 — 36). В это время жатвы Господь совершает великое дело пред глазами тех, кто пророков слушает, и если кто-либо, будучи украшен Святым Духом, взывает к Господу, то Бог посылает с неба гром и дождь, наполняющий душу, так что тот, кто ранее был в состоянии греха, теперь проникается великим страхом перед Господом и перед посредником Божественного благодеяния, успех молитвы которого сообщает ему величие и делает его достопочтенным. Илия по Божественному повелению открывает наконец небо после того, как оно заключено было для нечестивых в течение трех лет и шести месяцев (3 Цар. 18; 19; Иак. 5, 17—18); это может совершить и каждый (т. е. каждый из пресвитеров), во всякое время возводя своей молитвой дождь на души тех, кто ранее лишался его за свою греховность.

[14] После этого замечания о благодатных дарах, причастниками которых становились чрез свои молитвы [ветхозаветные] святые, нам будет понятно и изречение: «Просите о важном, тогда будет дано вам и менее важное; просите о небесном, и земное будет вам дано тогда». Но не менее важным и земным по сравнению с действительно важным и сверхчувственным оказывается все образное (символическое) и прообразующее (типическое), потому что выражения «небесное», «важное» в слове Божием употребляются там лишь, где оно приглашает нас подражать молитвам святых, предлагая нам добиваться сущности того, что теми святыми лишь в предызображении было получено и на что те земные и маловажные вещи лишь намекали. Слово Божие в этом случае говорит как бы так: «Вы, желающие стать людьми духовными, домогайтесь своими молитвами небесного, чтобы стать вам наследниками Небесного Царства и приобрести важнейшее, т. е. сделаться участниками высших благ; земное же и маловажное, в котором вы нуждаетесь из-за телесных своих потребностей, даст вам Отец в меру необходимости».

А так как у апостола в 1-м послании к Тимофею встречаются четыре выражения для обозначения четырех вещей, имеющих отношение к нашему сочинению о молитве, то нахожу целесообразным

привести их здесь и обсудить, как нужно правильно (т. е. в собственном его значении) понимать каждое из этих выражений.

Апостол пишет: *Прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков* (1 Тим. 2, 1). Под ***молитвой,*** по моему пониманию, разумется здесь молитва упрашивающая, убеждающая, творимая нуждающимся в чем-либо и в надежде получить недостающее. *Молением* здесь называется молитва, совершаемая в возвышеннейшем настроении духа не думающим о собственных выгодах, творимая для прославления Бога за Его великие дела. *Прошение* — это ходатайство, предпринимаемое пред Богом кем-либо из более праводушных за кого-нибудь или за что-нибудь. *Благодарение,* наконец, есть признание, что известные дары получены от Бога, когда благодарящий проникается сознанием или действительного величия оказанного ему благодеяния, или оно кажется ему великим.

В качестве примера для первого выражения служит приветствие Гавриила, обращенное к Захарии, вероятно молившемуся о даровании ему сына. Оно было таково: *Не бойся, Захария; ибо твоя молитва услышана и жена твоя Елисавета родит тебе сына и наречешь ему имя Иоанн* (Лк. 1, 13). Далее, в книге Исход, по поводу [золотого] тельца замечено: *И молился Моисей к Господу, Богу своему, и сказал: Да не воспламеняется, Господи, гнев Твой на народ Твой, который силою великою и рукою крепкую вывел Ты из земли египетской* (Исх. 32, 11). Потом, во Второзаконии, написано: *И я молился вторично ко Господу, как и в первый раз* (Втор. 11, 9), *сорок дней и сорок ночей хлеба не ел и воды не пил за все грехи ваши, которыми вы согрешили* (Втор. 9, 18). Ив книге Есфирь: *И молился Мардохей Господу, вспоминая все дела Господни, и говорил: Господи, Господи, Царю Вседержителю* (Есф. 4, 17). И Есфирь *молилась Господу, Богу Израилеву, и говорила: Господи мой, Царь наш* (Есф. 4, 17).

Примерами второго выражения служат следующие места. У Даниила: *И став, Азария молился, открыл свои уста среди огня и говорил* (Дан. 3, 25). И в книге Товии: *И в печали я молился, и сказал: Праведен, Ты, Господи, и все дела Твои; и все пути Твои милость и истмна, и судом истинным и праведным судишь Ты вовек* (Тов. 3, 1—2). Так как вышеприведенное место из Даниила снабжено обелисом (надстрочным знаком, обозначавшим в «Гекзапах» Оригена пропуск в еврейском тексте. — Прим. ред.) в знак того, что в еврейском тексте его нет, и так как книга Товии иудеями не признается за каноническую, то приведу я место об Анне из первой книге Царств: *И молилась она и горько плакала. И дала она обет, говоря: Господи воинств! Если Ты призришь на скорбь вдовы твоей* и т. д. (1 Цар. 10, 11). И у Аввакума: *Молитва Аввакума "Ророка для пения. Господи, я рассматривал Твои дела и ужаснулся. Посреди двух животных познан будешь, при приближении лет*

откроешься (Авд. 3, 1—2). Но преимущественно именно этой молитвой доказывается данный в ее определении признак, согласно которому хвалебная молитва сопровождается прославлением Бога. Но и у Ионы говорится: *И помолился Иона Господу, Богу своему, из чрева кита и сказал: к Господу воззвал я в скорби моей, и Он услышал меня; из чрева преисподней я возопил, и Ты услышал голос мой. Ты вверг меня в глубину, в сердце моря, и течения окружили меня* (Ион. 2, 2 — 4).

Для третьего выражения находим примеры у апостола [Павла], который по всей справедливости молитву считает нашим делом, а ходатайство — делом Святого Духа, своим могуществом и правостью превосходящего того, о ком ходатайство Он принимает на Себя, *ибо мы знаем,* говорит апостол, о *чем должны молиться и как надлежит молиться; но Сам Дух ходатайствует за нас пред Богом воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией* (Рим. 8, 26 — 27). Дух ходатайствует и вступается за нас, а мы молимся. И молитва Иисуса [Навина] при Гаваоне об остановке солнца, как мне представляется, тоже была ходатайственной, потому что об этом говорится так: *И воззвал Иисус к Господу в тот день, в который Господь предал Аморрея в руки Израиля, и сказал он,* когда при Гаваоне истреблял аморреев, и они пред глазами сынов Израиля были уничтожены: *Да станет солнце над Гаваоном и луна над долиною Элом* (Нав. 10, 12). И в книге Судей Самсон, по моему мнению, тоже ходатайственно говорил: *Умри, душа моя, с иноплеменниками* (т. е. филистимлянами), причем он со всей силой потряс столбы и обрушил дом на владельцев и на весь бывший в нем народ (Суд. 16, 30). И хотя и не говорится, что Иисус и Самсон предпринимали ходатайство, а сказано только, что они *говорили,* но все же их речи были ходатайственной молитвой; и эту последнюю, полагаю я, отличаем мы от молитвы хвалебной, когда в иных случаях употребляем названия тех молитв в их собственном значении.

Примером благодарственной молитвы, наконец, служит воззвание нашего Господа, когда Он говорил: *Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам* (Лк. 10, 21), потому что это *славлю* то же означает, что и *благодарю.*

Молитвы, ходатайства и благодарения можно с несомненностью обращать и к святым; два рода их, а именно ходатайства и благодарения по отношению не только к святым, но и к людям обыкновенным; молитву же — только к святым, например, если Павла или Петра ищут и находят, чтобы они нам помогли и нас достойными сделали участниками быть им сообщенного полномочия оставлять грехи; а в том случае, если мы обидели бы и не святого, то едва лишь мы заметим свою провинность перед ним, дозволяется нам и такого человека молить, чтобы он простил нам обиду.

А если упомянутые роды молитвы находят себе приложение по **отношению к** святым, то не тем более ли мы должны воздавать бла**годарность** Христу, Который по смотрению Отца оказал нам столь **великие** благодеяния? Но **и** с ходатайственными молитвами должны мы **к** Нему обращаться, подобно Стефану, говорившему: *Господи, не внеми им греха сего* (Деян. 7, 60) — **и,** подражая отцу лунатика, **говорить:** *Господи, помилуй сына моего* (Мф. 17, 14; ср. Л**к.** 19, 38), или меня самого, или же того **и** этого.

ТОЛКОВАНИЕ НА МОЛИТВУ «ОТЧЕ НАШ»
(из трактата «О молитве*)*

[18] Доселе мы рассуждали [вообще] о молитве и, в меру благодати, с отношением к нашему пониманию дарованной нам от Бога во Святом Духе через Помазанника Его, исследовали этот предмет достаточно. Действительно ли это так, вы обсудите по прочтении этого моего творения. Теперь обратимся к другому труду: взвесим содержательность предложенной нам «молитвы Господней».

И прежде всего здесь нужно сделать некоторые замечания относительно веры большинства, будто Матфей и Лука передают один и тот же текст молитвы, которого-де и дблжно, молясь, придерживаться. У Матфея место [с молитвой Господа] читается так: *Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да приидет царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от зла* (Мф. 6, 9 — 13). У Луки же [молитва Господня] читается так: *Отче! да святится имя Твое; да приидет царствие Твое; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, потому что и мы прощаем всем должникам нашим; и не введи нас в искушение* (Лк. 11, 2 — 4). Полагающим, что обоими евангелистами передан один и тот же текст молитвы, можно возразить, во-первых, что, хотя места у евангелистов с «Господнею молитвою» и содержат между собою много общего, все же по другим пунктам они очевидно между собою различны, что при разборе их мы и докажем. И во-вторых, невозможно, чтобы та же самая молитва была произнесена как на горе куда Господь взошел, *увидев толпы народа,* где сел, где *приступили к Нему ученики Его и Он отверзши уста Свои, учил* (Мф. 5, 1—2), потому что молитва та передается у Матфея в связи с возвещением блаженств и вслед за тем излагаемых заповедей, — так и после своей *молитвы в одном месте,* по окончании которой Он сообщил ту молитву одному из Своих учеников, желав-

* Пер. Н. Корсунского.

шему научения молитве, *как и Иоанн научил своих учеников* (Лк. 11, 1). Возможное ли дело, чтобы одни и те же слова были высказаны без предшествующего вопроса в ходе речи и по просьбе одного из учеников? Быть может, кто-нибудь на это возразит, что обе молитвы суть одна и та же молитва с тем только различием, что один раз она изложена была в речи, а другой раз — перед одним из учеников по его просьбе, вызванной тем, вероятно, что его тогда не было, когда Господь сообщил молитву, переданную Матфеем; или, быть может, от продолжительности времени он забыл ее. А лучше принять, что обе те молитвы одна от другой отличны и только в некоторых частях имеют между собою нечто общее.

А когда мы и к Марку обратились, доискиваясь, не передано ли им какой-либо молитвы, прежде нами не досмотренной, то мы не нашли у него никакого и следа такой молитвы.

[19] Ранее (гл. 8) сказано было, что молящийся прежде всего должен быть в известном настроении и состоянии духа и уже только потом молиться; вникнем поэтому в слова, сказанные об этом нашим Спасителем перед молитвой, приведенной у Матфея, и читаемые так: *Когда вы молитесь, не должны походить на лицемеров, потому что они любят для молитвы останавливаться в синагогах и на углах улиц, чтобы видели их люди. Истинно говорю вам, что они через это уже получают награду свою. А ты для молитвы войди в комнату твою, за собой замкни двери и помолись Отцу твоему втайне; и твой Отец, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не многословьте подобно язычникам; они полагают, что ради многословия будут услышаны* (ср. 3 Цар. 18, 26 и др.). *Не делайте как они, ибо знает Отец ваш, еще прежде чем вы просите Его, в чем вы нуждаетесь. Молиться же должны вы таким образом* (Мф. 6, 5-9).

Известно, что наш Спаситель часто восставал против честолюбия как против страсти гибельной (Мф. 23, 5—12; Лк. 14, 7 — 11); от нее же отклоняет Он и здесь, не советуя в молитве перенимать образ действий у лицемеров. Эти своим благочестием и своею щедростью кичатся перед людьми. Мы же, помня изречение: *Как можете вы веровать, когда гонитесь за почестями от людей, а славы исходящей лишь от Бога не домогаетесь* (Ин. 5, 44), всеми человеческими почестями должны пренебрегать, хотя бы те почести были воздаваемы нам и за добродетель; а должны мы стремиться к истинной и в собственном смысле славе, от Того лишь получаемой, Который один украшает славою достойного славы и к тому же превыше заслуг украшаемого. И добродетель, и похвальное дело, следовательно, пятнаются, если мы отдаемся им из-за почестей от людей и для показа себя им; оттого и не получаем мы за то никакой награды от Бога. Не ложно и всякое слово Иисуса; а если употреблено Им какое-либо сильное выражение в связи с обычной Его клятвою[1], то становится оно еще истиннее. Но о тех, кто оказывает

ближнему благодеяние из-за почестей от людей или кто молится по синагогам и на углах улиц, чтобы людям то было видимо, Он говорит следующее: *Истинно говорю вам: они через это уже получают награду свою* (Мф. 6, 5). Подобно тому как богач у Луки (16, 25; расточитель богатств), *доброе свое уже во временной этой жизни* ***получивший,*** именно потому, что то доброе он уже получил, не мог его получить по истечении настоящей жизни; подобно этому и за благотворительность или за молитвы награду уже получивший, как *сеявший в плоть, а не в дух, пожнет тление, а не жизнь вечную* (Гал. 6, 8). *В плоть же сеет* тот, кто в видах получения от людей почестей раздает милостыню в синагогах и на улицах и тем заставляет их трубить о себе; или кто для молитвы любит останавливаться в синагогах и на углах улиц, чтобы видели его люди и распустили молву о нем как о человеке благочестивом и святом.

Но и каждый, кто идет *широкою дорогою, ведущею к гибели* (Мф. 7, 13), дорогою отнюдь не прямою, а изгибистою и овражистою, — потому что прямая линия тут часто прерывается, — ставит себя не на благополучном пути, и оказывется он *молящимся на углах улиц,* потому что он при своей погоне за удовольствиями не на одной улице является, а на многих; и такие люди, показывающие свое благочестие на улицах, здесь прославляемы бывают и причисляются к счастливцам другими, которые *как человеки умирают* (Пс. 81, 7), вознерадевши о божественном своем достоинстве (Пс. 81, 6). Но много есть людей, которые при молитве *более удовольствия любят, чем Бога* (2 Тим. 3, 4), на пиршествах и попойках, будучи в пьяном виде, молитвою злоупотребляют и, таким образом, поистине *на уличных углах стоят и молятся,* потому что каждый, кто проводит свою жизнь среди удовольствий и любит *широкий путь,* уклоняется уже с узкого и скорбного пути Христова, не имеющего ни малейших рытвин и излучин.

[20] Если есть различие между Церковью и синагогой (а оно есть), потому что истинная *Церковь не имеет на себе никакого пятна, ни нестройности нет в ней или чего-нибудь подобного, но она свята и безупречна* (Еф. 5, 27); оттого *не может войти* в нее ни *от блудницы рожденный* (Втор. 23, 2), *ни скопец или каженик* (Втор. 23, 1), *ни даже египтянин или идумеянин* (Втор. 23, 7), *лишь потомство которых, и то в третьем поколении,* со строгою разборчивостью может быть принимаемо в Церковь (Втор. 23, 8); *ни аммонитяНин и моавитянин, доколе не»настанет десятое поколение их и время не исполнится;* синагога, напротив, была построена сотником во времена перед пришествием Иисуса (Лк. 7,5), когда Сыном Божиим не было еще об этом сотнике сказано, что *не нашел Он и во Израиле такой веры* (Мф. 8, 10), — итак, если есть, говорим, различие между Церковью и синагогой (а оно есть), то поистине не

[1] «Аминь», т. е. «истинно».

далек от углов улиц тот, кто любит молиться в синагогах. Святой[1] же делает не так: он не для забавы молится, а из любви; и не в синагогах, а в церквах; и не на углах улиц, а на пути прямом, узком и скорбном; и не для того, чтобы люди видели, а чтобы перед лицом Бога Господа себя поставить. Это муж, думающий о лете Господнем приятном (Лк. 4, 19; Ис. 61, 2) и следующий заповеди: трижды в год весь мужский пол должен являться пред лице Господа, Бога твоего (Втор. 16, 16).

Но нужно обращать строгое внимание на выражение «фауобзспу» (чтобы видимым быть), ибо наружная добродетель (<jxxiv6|x£v0v) не есть добродетель; она есть добродетель, так сказать, для вида, для показа, а не на самом деле; ею духовный глаз вводится лишь в обман, она не преподносит ему определенного и действительного образа. Подобно тому как известные действия, разыгрываемые в театре, в действительности вовсе не то, за что выдают их, и лицедеи в действительности не тем состоят, за кого в театре выдают себя, точно так же и все выставляющие напоказ лишь наружную добродетель не в действительности правы, а лишь разыгрывают роль людей правых, подобно лицедеям; и в лице их являются в собственном их театре, в синагогах и на углах улиц, лишь скоморохи. Напротив, кто не накидывает на себя притворства, все несродное с существом своей души отбрасывает и старается понравиться на зрелище несравненно возвышеннейшем, тот входит в храмину (Мф. 6, 6), в которой он, вообще свое богатство отдавши на сохранение, заключил сокровища мудрости и ведения (Кор. 2, 3), не стремится вон из нее, не жалеет о внешнем мире, замыкает двери всех внешних чувств, чтобы не быть скованным чувственными впечатлениями, ни сам не навязывает своему духу таких представлений, а молится в своей храмине Отцу, Который из такого сокровенного места не удаляется и оного не оставляет, а присутствует там вместе с Единородным. Ибо говорится: *Я и Отец придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). И если мы так молимся, то очевидно, что тогда возносим молитвы свои к Богу не как к праведному только, но и как к Отцу, нас, своих детей, не оставляющему; в храмине, где укрылись мы, присутствующему; Свое око на нас обращающему и сокровища в храмине умножающему, если только двери мы замкнули за собой (Мф. 6, 6).

[21] Но предметом наших молитв не должны быть вещи ничтожные (материальные, земные). А. о вещах ничтожных молимся мы, если не обращаем внимания при молитве на себя самих или на слова молитвы, и оттого просим Господа или, предстоя перед Ним, думаем о вещах преходящих и пошлых, достойных осуждения, с вечностью Господа не согласимых. И кто мыслит во время молитвы о вещах вздорных, тот находится даже еще в худшем состоянии, чем

[1] Т. е. христианин, который и живет согласно с заповедями христианства.

только что упомянутые друзья синагоги; и стоит тот на пути опас**нейшем,** нежели стоящие на уличных углах, потому что нет в нем **следов** даже **и** наружной добродетели. Потому что, по выражению Евангелия, о вещах суетных молятся лишь язычники, о предметах **великих** или возвышенных не имеющие даже **и** понятия **и** поэтому постоянно молящиеся лишь о телесном и внешнем. Язычнику, следовательно, молящемуся о суетном, уподобляется тот, кто у Господа, живущего на небе **и** в высотах неба, просит вещей земных.

И, как кажется, молиться о предметах суетных то же самое значит, что и многословить. Ничто материальное и телесное не имеет в себе единства и простоты; предметы вещественные и телесные, которым мы усвояем единство и простоту, на самом деле представляют собою раздробленность, разъединенность и разделейность на многие части, не имеющие между собой никакого единства. Просто и несложно лишь все доброе, а многообразно злое: проста и несложна истина, а многообразна лишь ложь; проста и несложна истинная справедливость, а многообразно лишь извращение ее; проста премудрость Божия, а многобразна не созидающая души мудрость мира сего (1 Кор. 2, 6); просто и несложно слово Божие, многообразно же слово, чуждающееся Бога. Поэтому при многословии никто не избежит греха (Притч. 10, 19) и молитва того не может быть услышана, кто мечтает, что за многословие свое будет услышан (Мф. 6, 7). Оттого в молитве мы не должны походить на язычников (Мф. 6, 8), молящихся о суетном и о многом, делающих и нечто иное подобно змее (Пс. 57, 5), потому что знает ведь Бог, Отец святых, в чем Его дети нуждаются, что и соответствует имени «Отец». А кто Бога и Божественных свойств не ведает, тот не имеет понятия и о своих собственных потребностях. Ибо то, в чем, по их понятию, они нуждаются, совершенно ошибочно. Напротив, кто понимает, в какой степени необходимо для него по определению Божию лучшее и превышеземное, тот сознанное в качестве необходимого и получает от Бога и Отца, Которому уже ранее о том молился.

После этого объяснения слов, передаваемых евангелистом Матфеем (6, 5 — 8) прежде «молитвы Господней», обратимся к рассмотрению содержания самой молитвы той.

[22] *Отче наш, сущий на небесах* (Мф. 6, 9). Стоило бы расследовать тщательнее, есть ли в так называемом Ветхом Завете гделибо молитва, в которой Бога кто-нибудь называл бы Отцом, потому что поныне, несмотря на все наши изыскания, такой молитвы там мы не нашли. Мы не утверждаем того, что Бог не называется в Ветхом Завете Отцом или что считавшиеся за верных не называются там чадами Божиими; мы утверждаем только то, что нигде в Ветхом Завете мы не встречаемся с тем праводушным дерзновением, провозглашенным нашим Спасителем, которое уполномочивает нас в молитве называть Бога Отцом. Что Бог называется в Ветхом Завете «Отцом», а последователи Божественного Слова — сынами,

это открывается из многих мест. Так, во Второзаконии говорится: *Бога ты оставил, тебя родившего, и забыл Бога, тебя питающего* (32, 18). И еще: *Не этот ли самый Отец твой тебя обрел, тебя создал и устроил тебя* (6)? И опять: *Неверные дети это* (20). И у Исаии: *Сыновей я родил и возвысил, а они презрели Меня* (1—2). И у Малахии: *Сын чтит своего отца, и раб — господина своего. Но если Я Отец, то где почтение ко Мне? И если Я Господь, то где благоговение предо Мною* (16, 6)?

Но, хотя Бог и называется [в Ветхом Завете] Отцом, а рожденные Богом через сообщение им слова веры — сынами Его, все-таки древние не были проникнуты сознанием постоянного и неизменного своего сыновства Богу. По крайней мере, вышеприведенные места, именно они-то и свидетельствуют, что называвшиеся сынами были привлекаемы за вину к ответственности. По Апостолу, наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя он и господин всего. Он подчинен попечителям и домоправителям до срока, отцом назначенного (Гал. 4, 1, 2); с пришествием же Господа нашего Иисуса Христа открылась полнота времени (Гал. 4, 4), в которое желающие получают усыновление, как о том учит Павел словами: Потому что вы получили не рабства дух, дабы опять вам жить в страхе, а дух сыновства, в котором взываем: Авва, Отче (Рим. 8, 15). Ив Евангелии от Иоанна говорится: *А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, этим Он дал власть быть чадами Божиими* (1 —12). И из кафолического послания Иоанна в рассуждении о рожденных от Бога мы научены, что вследствие этого духа сыновства всякий рожденный от Бога не грешит, *потому что пребывает в нем семя; и он не может грешить, потому что рожден от Бога* (1 Ин. 3, 9).

Понимая поэтому, что означает у Луки слово: *Когда вы молитесь, говорите: Отче* (11, 2), мы помедлим обращаться к Богу с этим именем в случае, если не состоим истинными Его чадами, дабы к прочим нашим грехам не обременить себя перед Богом грехом святотатства. Я соединяю с этими своими словами следующие мысли. В 1-м послании к Коринфянам Павел уверяет: *Никто не может сказать «Господи Иисусе» как только Духом Святым; и никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса* (1 Кор. 12, 3), причем «Дух Святый» и «Дух Божий» у него выражения равнозначительные. А что значит это выражение называть Иисуса Господом во Святом Духе, это не совсем ясно, потому что это слово «Господи Иисусе» произносят и бесчисленное множество лицемеров и несметное количество еретиков, иногда даже демоны, побеждаемые силой этого имени. И конечно, никто не осмелится утверждать, чтобы кем-либо из них «Господи Иисусе» произносимо было во Святом Духе. Оттого можно принять, что в их устах это «Господи Иисусе» такое имело значение, как если бы обращение то вовсе было ими и произносимо и что только в устах тех это «Господи Иисусе» многозначительно, которые от всей души послушны Слову Божию, во всей своей деятельности никого другого не исповедуют своим Господом, кроме Христа Иисуса. А если только такие люди с полным значением произносят «Господи Иисусе», то и каждый грешник своим преступлением закона, значит, проклинает Божественное Слово, а своими делами как бы анафематствует Господа Иисуса. Подобно тому, значит, как в устах живущего по заповедям Христовым это слово «Господи Иисусе» многозначительно, а в устах того, кто живет несогласно с ними, оказывается *проклятием* (1 Кор. 12, 3), точно так же и каждый, рожденный от Бога и греха не творящий, потому что он состоит носителем Божественного семени, исключающего всякий грех (1 Ин. 3, 9), самыми своими делами говорит: *Отче наш, сущий на небесах* (Мф. 6, 9; ср. Рим. 8, 15); а так же и другое слово (т. е. выражает самой своей деятельностью): *Сам Дух свидетельствует их духу, что они чада и наследники Божии,* точно так же как *сонаследники и Христу,* поелику они с Ним страждут, а таким образом, они имеют с Ним и *прославленными быть* (Рим. 8, 16—17). Но если такие [из христиан] должны произносить «Отче наш» с полным пониманием значения этого слова, то, кроме дел, им необходимо, чтобы и сердце их в качестве источника и первоосновы добрых дел верило в оправдание, а в согласии с ним и уста то *исповедовали ко спасению* (Рим. 10, 10).

Итак, все дела таких святых, все их слова и мысли, единородным Сыном Божиим порождаемые по Его собственному образу, представляют собою образ невидимого Бога и отражают образ Творца, Который *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных* (Мф. 5, 45). Удобооткрываем оттого в них образ с неба Сшедшего (т. е. Христа; 1 Кор. 15, 49), Который со своей стороны тоже есть образ Бога Отца (Евр. 2, 3; Флп. 4,6). Так как святые суть образ образа Божия, то они носят в себе по этому самому и признаки сыновства по причине жизни в них того образа, которым состоит Сын; они (святые) единообразны не только с прославленным телом Христа, но сообразны Ему, Самому принявшему тело; а именно они в том сообразны Ему, облеченному телом прославленным, что *преобразуются обновлением ума своего* (Рим. 12, 2).

Если же такие святые всеми своими делами и расположениями говорят: *Отче наш, сущий на небесах,* то ясно, что *творящий грех,* как говорит Иоанн в своем кафолическом послании, *от диавола есть, потому что сначала диавол согрешил* (1 Иб. 3, 8). И, подобно тому как пребывающее в рожденном от Бога Божественное семя причиной бывает того, что сообразный единородному Сыну Божию не может грешить, так в каждом грешнике есть семя диавола, которое — доколе оно существует в душе — у него отнимает возможность действовать добродетельно. Но так как Сын Божий явился, *чтобы разрушить диавола* (1 Ин. 3, 8), то может через возвращение в нас Божественного Слова (Христа) то происходить, что дела

диавола (грехи) разрушаются, положенное в нас злое семя исчезает и мы становимся чадами Божиими.

Не дблжно думать, что только во времена, назначенные для молитвы, нам показано произносить слова молитвы. Правильно понимающий вышеизложенное (гл. 12) нами объяснение изречения: *Молитесь непрестанно* (1 Фес. 5, 17) — найдет, что во всю жизнь свою мы без устали должны молиться, говоря: *Отче наш, сущий на небесах;* должно быть наше жительство отнюдь не на земле, а всецело *на небесах* (Флп. 3, 20), этом троне Божием, потому что Царство Божие укрепляется во всех в себе носящих образ *с небес Сшедшего* (1 Кор. 15, 49) и ради того ставших небесными.

[23] Когда говорится, что Отец святых пребывает на небе, то не нужно это так понимать, что Он имеет тело (описуем в каком-либо телесном образе) и живет на небе, потому что если бы существо Божие нужно было представить себе в известных границах или описуемым в каком-либо ограниченном образе, то Бог оказался бы менее неба, Его объемлющего; между тем как дблжно представлять себе, что Он невыразимою силою Своего Божества Сам объемлет и поддерживает всю вселенную. И вообще, те места [Писания], которые, по мнению людей простодушных, в букве своей высказывают ту мысль, что Бог обитает на определенном месте, нужно понимать так, чтобы соответствовали они возвышенным и духовным понятиям о Боге. Таковы в Евангелии от Иоанна следующие места: *Пред праздником Пасхи Иисус, зная что пришел час Его перейти из мира сего к Отцу, [явил делом, что], возлюбив своих, которые были в этом мире, до конца их возлюбил* (13, 1). И тотчас вслед за тем: *Хотя Он знал, что Отец все отдал в руки Его и что Он от Бога исшел и к Богу отходит* (13, 3). И несколько позднее: *Вы слышали, что Я сказал вам: Иду от вас и снова приду к вам. Если бы вы любили Меня, то радовались бы, что Я к Отцу отхожу* (14, 28). И еще несколько далее: *А теперь иду к Пославшему Меня, и никто из вас не спрашивает: Куда идешь Ты* (16, 5)? Если эти места нужно понимать пространственно, то естественно и следующее: *Иисус отвечал и сказал к ним: Кто Меня любит, тот соблюдает слово Мое; и Отец Мой возлюбит его, и Мы приидем к нему и обитель у него сотворим* (14, 23). Но это место нужно понимать, без сомнения, не пространственно же, как если бы Отец и Сын отправились к тому, кто любит слово Иисусово; следовательно, и те места нельзя понимать пространственно; а выражено ими то лишь, что Сын Божий, снизошедший до нас и во время Своего пребывания между людьми сравнительно с истинным Своим достоинством находившийся в состоянии уничижения, отходил из этого мира к Отцу, чтобы по возвращении Иисуса из земной, свободно избранной Им бедности к полноте того, что Ему поистине принадлежит, и мы Его зрели там облеченным в совершенство, там, где и мы все получим во владение себе и от всех недостатков освободимся, если выберем Его в пугево-

дители. Это потому не смущает нас, что Сын Божий возвратился к Отцу, Его пославшему; что Он оставил мир и отошел к Отцу. И место в конце Евангелия от Иоанна: *Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему* (20, 17) — должны мы стараться понимать более в таинственном *смысле;* восхождение Сына к Отцу со священною прозорливостью должны мы понимать более достойным Божества образом, т. е. так, что это было восхождение более духовное, нежели телесное.

Это, по моему мнению, нужно было заметить по поводу слов: ***Отче наш, сущий на небесах*** — в опровержение не согласимого с истинным понятием о Божестве мнения тех, которые полагают, что Он обитает ***на небе*** как бы в каком-то определенном месте, и чтобы никого не ввести в заблуждение, будто Бог обитает в физическом пространстве. Потому что тогда дблжно было бы для последовательности говорить, что он и телом облечен; но отсюда вытекают безбожнейшие положения, а именно то воззрение, что Он делим, материален и подлежит тлению, потому что каждое тело делимо, материально и подлежит тлению. Или же хвастающиеся ясностью познания и не позволяющие себе определяться лишь чувствами пусть скажут нам, каким же еще иным условиям может подлежать субстанция физическая, кроме тех, каким подлежит материальная?

А так как и до телесного явления Христа многое в Писаниях, по-видимому, на то указывало, что Бог обитает в физическом пространстве, то нахожу я уместным и об этом немногое заметить, чтобы вывести из сомнения тех, которые в своем непонимании' истинного содержания тех выражений, Бога, все превосходящего, заключают в малом и тесном пространстве. И прежде всего говорится в книге Бытия: *Адам и Ева услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время вечерней прохлады, и скрылись Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая* (Быт. 3, 8). В сокровищницу этого места войти не желающих, даже и в двери его не толкающихся (т. е. не озабоченных смыслом этого места), желаем мы спросить, могут ли они доказать, что Господь — Бог, Он, Который *небо и землю наполняет* (Иер. 23, 24); Он, Которому, [по мнению приписывающих Богу тело], более по телесному Его составу *небо служит престолом, а земля подножием Его ног* (Ис. 66, 1; Деян. 7, 49), могут ли они доказать, что Он по сравнению с небом и целой землей обитает в столь малом пространстве, что даже и чувственный рай Им не наполняется, но настолько превосходит Бога своей величиной, что Он в Нем может ходить и шум Его шагов по нему быть слышимым? Но еще нелепее в их образе понимания то, что из страха перед Богом, проходившим мимо, Адам и Ева на виду у него скрылись

[1] Т. е. антропорморфизмов, встречающихся во многих местах ветхозаветных Писании.

между деревьями рая, потому что не говорится ведь, что хотели они скрыться, а говорится, что действительно скрылись; и потом как, по их мнению, нужно понимать то, что Бог обращается к Адаму с вопросом: *Где ты?* (Быт. 3, 9).

Впрочем, мы распространились об этом более при объяснении книги Бытия, а чтобы и теперь столь важный предмет не пройти полным молчанием, достаточно будет напомнить о словах Божиих во Второзаконии: *Буду Я между ними жить и ходить меж ними.* Как между святыми свойственно Богу ходить, таким же, сказать это к примеру, хождение это было и в раю, потому что всякий грешник от Бога скрывается, от Его очей бежит и Его присутствия избегает. Именно поэтому и *Каин пошел от лица Господня и поселился в земле Ноад, напротив Едема* (Быт. 4, 16). Следовательно, как между святыми [на земле среди праведных] Бог живет, так же точно живет Он и на небе, разуметь ли под святыми каждого святого, который *носит в себе образ Небесного* (1 Кор. 15, 49), или Христа, в Котором все Им искупленные становятся светлыми звездами неба, или так, что Он ради святых на небе и Сам живет там. Если же говорится: *К Тебе подъемлю я очи, живущий на небесах* (Пс. 122, 1) — и в книге Екклезиаста: *Не спеши языком своим слово произнесть пред Богом, потому что Бог на небе, горе: а ты на земле, долу* (5, 1), то хочет этим [Писание] указать на различие, существующее между теми, которые находятся *в теле уничиженном* (3, 21) и Божеством, живущим среди ангелов, возвышенных точно так же через Сына Божия, и среди святых сил или же и во Христе Самом [Который ведь и Небом называется]. Не невероятно, что Христос-то, собственно, и служит троном Отца[1]; в более широком, аллегорическом смысле Он называется ведь и *Небом,* а Его Церковь, называемая *землей,* служит *подножием ног Его* (Ис. 66, 1; Деян. 7, 49).

Мы привели теперь несколько мест и из Ветхого Завета, лишь мнимо представляющих Бога присутствующим на одном каком-нибудь месте; привели эти места, чтобы по мере дарованной нам способности всеми мерами побудить читателя к пониманию тех мест Божественного Писания, где оно, по-видимому, учит, что Бог обитает на одном каком-нибудь месте, — пониманию в высшем и духовном смысле.

Это нашли мы нужным заметить по поводу слов *Отче наш, сущий на небесах,* чтобы различить сущность Божества от всех творений. Существам же, сущность которых не тождественна с Божеской, дарует Бог блаженство принимать участие в Его славе и могуществе и, так сказать, изливает на них Свое Божество.

[24] *Да святится имя Твое* (Мф. 6, 9; Лк. 11, 2). Молящийся выражает в своей молитве частью то, чего еще не получил он; частью же тем он уже обладает и желает, чтобы то оставлено было за

[1] Ср. Евр. 1, 8 и Пс. 44, 7.

ним и на последующее время; здесь же буквальным смыслом слов этого прошения, переданных Матфеем и Лукой [согласно друг с другом], явно повелевается нам просить, чтобы имя Божие святилось, как если бы оно еще не святилось: *да святится имя Твое.* Но каким образом, быть может, спросит кто-нибудь, человек может о том молиться, чтобы имя Божие святилось, как если бы оно до того **мгновения** не святилось? В ответе на это мы намерены рассудить, какое значение имеет имя «отец» и как можно «святить» это имя?

Имя есть такое слово, которым обозначается по большей части преимущественное свойство лица, носящего то имя. Так, например, **апостол** Павел отличается особенными свойствами: частью души, по которым он таков и таков; частью же духа, по которым он мог по**стигать** то и то; частью же и тела, по которым он был тем-то и тем-то. Отличительные черты этих-то свойств, которые в других людях не встречались, — потому что каждый чем-нибудь да отличается от Павла, — и выражены в слове «Павел». Если же у людей отличительные их свойства, так сказать, изменяются, то в совершенном согласии с этим ему переменяется по Писанию и имя. После изменения своих свойств, например, Аврам получил имя Авраам (Быт. 17, 5), Симон был назван Петром (Мр. 3, 16; Ин. 1, 42) и Савл, бывший до того времени преследователем Иисуса, стал называться Павлом (Деян. 13, 9). Богу, напротив, Который неколебим и неизменен, свойственно вовеки некоторым образом лишь одно и то же имя, встречаемое в книге Исход, — это имя «Сущий» (3, 14), толкуемое и иным подобным образом.

Так как все мы каждый раз, когда думаем о Боге, связываем с этим именем какие-либо определенные представления, но представляем себе под этим именем далеко не все, чем Бог является, потому что лишь немногие из людей и даже, если я могу так выразиться, менее чем немногие постигают Его, во всех отношениях особенное существо, — то, конечно, с нашей стороны справедливо будет здесь высказать, что правильнейшим понятием о Боге будет то, когда особенностями Его будут признаваемы творчество и промышление — то, что Он судит, избирает и оставляет, принимает и отвергает и каждого по заслугам награждает и наказывает. В таких и подобных чертах может быть выражено, так сказать, то особенное свойство Божие, которое, по моему пониманию, в Священном Писании означается *именем* Божиим. Так, в книге Исход говорится: *Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно* (20, 7). И во Второзаконии: *Как дождя, пусть ожидают слов моих; да возникнет росою речь моя; как дождь на траву, как ливень на луга, потому что я имя Господа призвал* (32, 2—3). Ив Псалмах: *Они будут вспоминать Твое имя в род и род* (44, 18). Кто с понятием о Боге соединяет неподобающие вещи, тот произносит имя Господа Бога напрасно; [a] кто, подобно дождю, умеет речью своей оплодотворять души слушателей и преподносить им слова утешения, подобные росе, и в

дальнейшем назидании слушателей изливает на них дождь слов и возбуждает ими весьма потребный ливень, тот может это делать лишь при посредстве этого [имени]. Признавая, что без Бога произвести этого он не в состоянии, призывает он на помощь имя Божие (что равносильно с призыванием Его Самого), и Бог дарует ему силы для совершения всего того, о чем мы только что сказали. Каждый, наконец, объясняющий и божественное (т. е. свойства Божии, по Пс. 44, 18, равнозначительные с именем Божиим), воспроизводит в своей памяти об этом предмете большее, нежели чему он учит, хотя бы и казалось, что тайнам религии он от кого-либо научился или хотя бы и думал, что сам дошел до них.

Но прося о том, чтобы святилось имя Божие, молящийся должен наблюдать как то, что здесь сказано (т. е. он должен быть проникнут при молитве правой идеей о Боге и иметь понятие о Его свойствах), так равным образом и то, о чем в псалмах говорится: *Превознесем имя Его вместе* (33, 4). Требует этим [пра]отец [Давид], чтобы мы предварительно в полном согласии, в одном духе и в одних мыслях (1 Кор. 1, 10), возвышались до истинного понимания существенной особенности Божеского существа, ибо в этом, конечно, состоит *превознесение имени Божия вместе.* Если кто-либо стал через это причастником излияния Божества, так что принятым оказался под божественную защиту и таким образом стал побеждать врагов, которые теперь не могут более радоваться его падению, то именно превозносит он это могущество Божие, которого он стал участником, что и выражено в 29-м псалме в словах: *Превознесу Тебя, Господи, что Ты принял меня под Свою защиту и не дал возможности врагам моим торжествовать надо мною* (29, 2). Но Бог превозносим бывает, если Ему внутренность наша освящается в жилище, почему и надписание псалма того таково: *Хвалебная песнь при освящении дома Давидова* (29, 1).

О прошении *Да святится имя Твое* и о последующих, поставленных в форме повелительной, здесь нужно заметить еще следующее. И переводчики (Семьдесят толковников) повелительную форму обыкновенно употребляли вместо желательной, например в Псалмах: *Да онемеют уста лживые, которые против праведника говорят злое* (30, 19) — вместо: «О, если бы онемели», а также: *Да захватит заимодавец все, что есть у него; да и не найдется помогающего ему* (108, 11 — 12), какие фразы в псалме 108-м высказаны об Иуде, потому что весь псалом есть не что иное, как молитва, чтобы на Иуду обрушились то такие, то иные несчастья.

А так как Татиан не знал, что через «да будет» не каждый раз обозначается желание, а часто и повеление, то пришел он к весьма нечестивому мнению, будто словами: *Да будет свет* (Быт. 1,3) — не повеление выражено, а желание, чтобы произошел свет, потому что, говорит он в своем нечестивом образе мыслей, Бог был до того времени во тьме. На это ему можно возразить: Как же он будет

толковать потом следующие выражения — *Да произрастит земля jnpaey на корм* (Быт. 1, 11), и *Да соберется вода, которая под небом* (Быт. 1, 9), и *Да произведет вода живых пресмыкающихся животных* (Быт. 1, 20), и *Да произведет земля живые существа* (Быт. 1, 24)? Оставаясь себе самому последовательным, Татиан не желает ли уж утверждать, что и к воде, что под небом, Бог предъявлял желание, чтобы она собралась в одно место? Или не для того ли уж выражал Он желание: *Да произрастит земля* (Быт. 1, 11), чтобы от произрастения ее вкушать? И если свет Богу необходим был, то что за необходимость надлежала Ему желать от земли произведения ею водных животных, воздушных и на суше? Но если [Татиан] навязывать Богу желание таких вещей сочтет, конечно, нелепостью, хотя выражения эти стоят тоже в повелительной форме, то почему же и о словах *Да будет свет* (Быт. 1,3) нельзя утверждать подобного же, т. е. что здесь не желание выражено, а повеление?

Это счел я за необходимое, — так как «молитва Господня» предложена нам в повелительной форме, — напомнить о ложном толковании некоторых мест Писания Татианом ради тех, которых и мы некогда знали, но которые им введены были в заблуждение и приняли его нечестивое учение.

[25] *Да приидет Царствие Твое* (Мф. 6, 10; Лк. 11, 2). Если *Царство Божие,* по слову нашего Господа и Спасителя, *приходит не с внешней пышностью* и нельзя сказать: *вот оно здесь или оно там:* если *Царство Божие в нашей внутренности* (Лк. 17, 20 — 21), — потому что *очень близко* к нам *слово сие; оно в наших устах и в нашем сердце* (Втор. 30, 14; ср. Рим. 10, 8—10), — то молящийся о Царстве Божием очевидно с правом молится о том, чтобы восстало в нем Царство Божие, принесло бы плод и развилось до совершенства. Каждый святой находится под властью Божией и послушен духовному закону Божию (в противоположность закону плоти; ср. Рим. 7, 23), и Бог обитает в нем как бы в хорошо устроенном государстве; пребывает в нем Отец, а вместе с Отцом владычествует в совершенной душе и Христос, как свидетельствуют о том вышеприведенные слова Его: *Приидем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). По моему мнению, под Царством Божиим нужно разуметь то счастливое состояние разума, когда его мысли упорядочены и проникнуты мудростью; а под царством Христовым нужно разуметь слова, высказанные для спасения слушателей и исполненные дела праведности и прочих добродетелей: ибо Сын Божий есть *Слово* (Ин. 1, 1) и *Праведность* (1 Кор. 1, 30). Каждый грешник, напротив, находится под властью князя мира, потому что каждый грешник принадлежит к настоящему злому миру, как не предающий себя Тому, *Который предал Самого Себя за нас, грешников, чтобы спасти нас от настоящего злого мира,* спасти *по воле Бога и нашего Отца,* как говорится об этом в Послании к Галатам (1,4). Но кто через умышленное пребывание во грехах остается под властью кня-

зя этого мира, тот находится во власти и греха. Поэтому, наставляемые Павлом, не будем работать греху, приглашает же апостол нас к этому словами: *Итак, да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его* (Рим. 6, 12).

Все же относительно обоих прошений: *Да святится имя Твое* и *Да приидет царствие Твое* — быть может, кто-нибудь возразит: если молящийся молится в надежде услышанным быть и раз выслушивается, то после только что сказанного очевидно, что имя Божие, значит, уже святится молящимся и даруется ему часть в Царстве Божием. А если он успевает в этом, то удобно ли ему после этого молиться снова о том, что он уже имеет, как если бы того он еще не имел, молиться и говорить: *Да святится имя Твое; да приидет царствие Твое?* Потому в некоторых случаях не сообразнее ли эти прошения: *Да святится имя Твое; Да приидет царствие Твое* — оставлять?

На это отвечаем. Подобно тому как тот, кто молится о слове *мудрости и знания* (1 Кор. 12, 8) с удобством и всегда о том молиться может, потому что в случае исполнения его молитвы постоянно он более понятий приобретает о мудрости и науке, а все, постигаемое здесь, на земле, *познается* им лишь *отчасти* (1 Кор. 13, 9), потому что *совершенное,* перед которым несовершенное исчезнет, откроется только тогда, когда дух узрит духовное *лицом к лицу* (1 Кор. 13, 12), помимо чувственного восприятия, — точно так же и каждому из нас невозможно святить имя Божие совершенным образом и совершенное же принимать участие в Его Царстве, если уже в науке и мудрости, но, без сомнения, и в прочих добродетелях *совершенное* только еще *настанет* (1 Кор. 13, 10). К совершенному мы стремимся * если того *домогаемся, что пред нами, а что позади нас то если забываем* (Флп. 3, 13). Следовательно, если мы неутомимо простираемся вперед, то Царство Божие своего высшего пункта тогда в нас достигнет, когда исполнится слово апостола, что Христос после покорения всех Своих врагов *передаст Царство Богу Отцу, да будет Бог все и во всем* (1 Кор. 15, 24, 28). Потому будем в неустанной молитве, в душевном состоянии через Сына Божия обожествленном, взывать к нашему Небесному Отцу: *Да святится имя Твое; да приидет Царствие Твое.*

Далее, относительно Царства Божия нужно еще и следующее иметь в виду. Подобно тому как *праведность и беззаконие не имеют между собой ничего общего, свет не соединим со тьмою и Христос не единомыслен с велиаром* (2 Кор. 6, 14—15), точно так же не может существовать рядом с Царством Божиим и царство греха. Оттого если мы состоим под властью Божиею, то *грех* никаким образом *не может царствовать в смертном теле нашем* (Рим. 6, 12) и уже не имеет права следовать его повелениям, как скоро он хочет склонить нашу душу к плотским и богопротивным делам; напротив, должны мы *земные члены умерщвлять* (Кол, 3, 5) и таким образом приносить *плоды духа,* (Гал. 5, 22 — 23), причем Господь в нас ходит как бы в духовном рае, и один только Он над нами владычествует со Своим Помазанником, в нас сидящим одесную той духовной силы, которую мы желаем получить; Он и будет восседать там, доколе все Его враги в нас не падут *к подножию ног Его* (Пс. 109, 1; 1 Кор. 15, 25; Евр. 10, 12—13) и не *упразднится в нас всякое начальство и* **всякая** *власть и сила* (1 Кор. 15, 24). Возможно, что и в каждом из нас *последний враг,* т. е. *смерть, истребится* (1 Кор. 15, 26), так что и в нас Христос будет говорить: *Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?* (1 Кор. 15, 55; Ос. 13, 14). Уже теперь тленное в нас должно, следовательно, облекаться святостью и нетлением, состоящим в целомудрии (Мф. 22, 30) и полной чистоте, и смертное по уничтожении смерти должно облекаться бессмертием Отца (1 Кор. 15, 53), так что, состоя под владычеством Божиим, мы уже теперь располагаем преимуществами возрождения и воскресения.

[26] *Да будет воля Твоя и на земле, как на небе* (Мф. 6, 10). Лука, опуская эти слова, после *Да приидет царствие Твое,* переходит прямо к *Хлеб наш насущный дай нам на сей день* (11,3). Вышеприведенные же слова передаются только Матфеем; здесь мы рассмотрим их в связи с предшествующими.

Так как мы, молящиеся, пребывающие еще здесь, на земле, знаем, что воля Божия исполняется всеми небожителями, то и молимся о том, чтобы она и на земле во всем была исполняема точно таким же образом. А это будет тогда, когда ничего мы не будем делать вопреки воле Божией. Если же воля Божия и нами на земле столь же точно будет исполняема, как это происходит на небе, то будем мы походить на небожителей, потому что, подобно им, тогда мы будем носить в себе *образ Небесного* (1 Кор. 15, 49), т. е. Христа, Который во всем послушен был воле Небесного Отца (Ин. 4, 34; 5, 30), и наследуем *Небесное Царство* (Мф. 7, 21); а когда мы переселимся на небо, тогда опять наши потомки на земле будут молиться, чтобы им походить на нас.

Впрочем, это выражение: *Как на небе, так и на земле* — может быть принято — конечно, только у Матфея — и за общее (т. е. за относящееся к каждому из трех первых прошений), так что, молясь, мы могли бы говорить так: *Да святится имя Твое и на земле, как на небе; да приидет* [к нам] *Царствие Твое и на земле, как на небе; да будет воля Твоя и на земле, как на небе.* Небожителями имя Божие ведь уже святится; Царствие Божие для них ведь уже наступило; воля Божия ими ведь уже исполняется. Нам же на земле еще недостает всего этого; мы можем принимать участие во всем этом лишь в том случае, если мы оказываемся того достойными, чтобы Бог выслушивал наши молитвы о всем этом.

Но кто-нибудь по поводу выражения: *Да будет воля Твоя и на земле, как на небе,* — быть может, предложит такой вопрос: Как может быть исполняема воля Божия на небе, когда там *духи злобы*

(Еф. 6, 12) есть, из-за которых *меч Божий и на небе* [кровию] *упивается* (Ис. 34, 5)? И если мы молимся, чтобы воля Божия и на земле точно так же была исполняема, как и на небе это происходит, то не молимся ли тогда мы и о том, сами того не сознавая, чтобы враждебные нам силы пребывали и на земле, куда они приходят с неба, потому что на земле многие именно из-за того порочно и живут, что попадают под власть небесных духов злобы? Но кто *небо* [в тексте из Исаии (66, 1)] понимает образно и разумеет под ним Христа, а под *землею* Церковь — ибо какой же *трон* может быть достойнее Отца, как не Христос, — и чему естественнее быть *подножием ног Божиих,* как не Церкви, тот с легкостью разрешит этот вопрос и скажет: поэтому-то и дблжно молиться, чтобы каждый член Церкви так же исполнял волю Отца, как исполнял ее Христос, Который пришел *творить волю Своего Отца* (Ин. 6, 38) и *совершил ее вполне* (Ин. 17, 4). Кто Ему (Христу) предан, тот проникнут будет единым духом с Ним и вследствие этого будет исполнять волю [Отца], так что тогда она и на земле подобным же образом будет исполняться, как и на небе, потому что *преданный Господу становится,* по Павлу, *един дух с Ним* (1 Кор. 6, 17). И я полагаю, это объяснение не покажется тому неверным, кто обсудит его тщательнее. А кем оно будет отринуто, тому можно указать на то, что в заключение того Евангелия, [в котором находится обсуждаемое прошение молитвы «Отче наш», т. е. Евангелия от Матфея], Господь сказал по Воскресении Своим ученикам: *Дана Мне всякая власть на небе и на земле* (Мф. 28, 18). «Ко власти над небожителями, — говорит Он, — получил Я власть и над жителями земли». Небожители просвещены были Сыном Божиим ранее; но *в полноту времени* (Еф. 1, 10; Гал. 4, 4), вследствие данной Сыну Божию власти, и жители земли подражать стали господствующему на небе нравственному порядку, на восстановление которого Спаситель получил полномочие. Он принимает к Себе учеников некоторым образом, следовательно, в качестве соратников, Его поддерживающих своими молитвами к Отцу о том, чтобы по силе, данной Ему, Христу, власти как над небом, так и над землею Ему дано было полномочие привести в порядок и земное подобным же образом, как покорено Ему небесное; и таким образом мог бы Он привести дело к счастливой для покорившихся Ему цели. Но кто под *небом* разумеет Спасителя, а под *землей* Церковь и утверждать будет, что небо есть *Первородный всея твари* (Кол. 1, 15), на котором Отец покоится, как на троне, тот скажет, что человек (т. е. человеческая природа Христа), Которого Он, [перворордный или единородный Сын небесного Отца], принял и ради Своего уничижения и Своего послушания, [во образе Которого] даже до смерти (Фил. 2, 8) наделен был тем могуществом, тот скажет, что именно этот человек в Нем говорил по Воскресении: *Дана мне всякая власть на небе и на земле* (Мф. 28, 18), потому что в качестве человека Спаситель получил власть над небожителями, равную власти над ними Единородного, так что человек в Спасителе эту власть разделяет с Единородным, тот человек, который теснейшим образом соединился с Его Божеством и образует с Ним только одно лицо.

А так как другое объяснение, [по которому небо не аллегорически должно быть понимаемо, а буквально], еще не разрешает сомнения, как воля Божия может исполняться на небе, когда *духи злобы* в странах *неба* состоят в борьбе с жителями земли (Еф. 6, 12), то вопрос с этой точки зрения может быть разрешен и следующим образом: подобно тому как тот, кто еще на земле пребывает, имея свое ***отечество** на небе* (Флп. 3, 20), *себе сокровища собирает на небе* (Мф- 6, 20), имеет сердце на небе и *носит в себе образ Небесного,* [т. е. становится Христу сообразным; 1 Кор. 15, 49], подобно тому как такой человек, без сомнения, не в рассуждении места на земле не относится и не принадлежит к миру низшему, а, конечно, по направлению жизни принадлежит небу и относится к лучшему, небесному миру, точно так же и духи злобы, пребывающие в странах неба, свое же отечество имеющие на земле, через преследование людей борющиеся с ними, *собирающие себе сокровища на земле* (Мф. 6, 19) и *носящие в себе образ земного* (1 Кор. 15, 49), который есть *начало творчества Божиего, созданный на посмешище ангелам* (Иов 40, 14), — не небесные суть духи и по причине злых своих расположений еще не могут быть считаемы за живущих на небе. Поэтому если говорится: *Да будет воля Твоя и на земле, как на небе,* то тех духов злобы, которые через гордость отпали [от Бога] вместе со *спадшим с неба подобно молнии* (Лк. 10, 18) [сатаною], не нужно причислять к небожителям.

Может быть, и наш Спаситель заповедью о том повелел молиться, чтобы воля Отца исполнялась и на земле так же, как она исполняется на небе, не за живущих в каком-либо месте земли повелел молиться, чтобы они сделались подобными находящимся в каком-либо месте неба, не хотел молитве лишь тот предмет указать, чтобы все земное, т. е. злое и земным вещам сродное, походило на доброе, имеющее свою отчизну на небе (Флп. 3, 20), дабы все стало небом. Грешник есть земля, которой он всегда и останется; и возвратится он некоторым образом к своему присхождению, если не обратится (т. е. превратится в пыль, если не покается и останется в состоянии непреображенном); а кто волю Божию творит и следует спасительным духовным законам, то есть небо. Пусть по причине грехов своих оказываемся мы землей; поэтому-то и должны молиться, чтобы и на нас воля Божия относительно нашего улучшения точно так же простиралась, как она начала уже действовать в тех, которые прежде нас небом стали или оказываются небом; или положим, что мы числимся у Бога принадлежащими уже к небу, а не к земле — в таком случае молиться мы должны о том, чтобы, как на небе исполняется воля Божия, точно так же она исполнялась бы и на земле; я

разумею — в злых людях, которые могли бы, так сказать, превратиться в небо, так что на земле не было бы более и земли, а все стало бы небом. Если бы по этому истолкованию воля Божия на земле точно так же была исполнима, как исполняется она на небе, то земля не осталась бы и землей, потому что, — уясняя это другим примером, — если бы воля Божия беспутным человеком была бы так же исполняема, как она исполняется воздержанным, то беспутные обратились бы в воздержанных; или если бы воля Божия, как она исполняется праведным, исполнялась и неправедным, то неправедные превратились бы в праведных. Оттого если воля Божия исполняется и на земле так же, как и на небе, то все мы станем небом; потому что, хотя *плоть, которая не пользует нимало* (Ин. 6, 63), и сродная ей *кровь Царства Божия наследовать не могут* (1 Кор. 15, 50), все же должно быть сказано, что оно и теми наследуется, кто свои плоть и землю, персть и кровь превратили в субстанцию небесную.

[27] *Хлеб наш насущный дай нам на сей день* (Мф. 6, 11) или, как Лука передает: *Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день* (Лк. 11, 3). Так как многие держатся того мнения, будто в этих словах нам предложено молиться о хлебе телесном, то дело стбит того, чтобы в последующем показать лживость этого мнения и развить правильное учение относительно *насущного хлеба.*

Можно им на это возразить: каким же образом Повелевший молиться Отцу о небесном и великом мог заповедь дать молиться Отцу о земном и о пустяках, как если бы, по их пониманию, забыл Он то, чему учил, потому что ни подаваемый нам [обыкновенный] хлеб, необходимый для поддержания в нас телесной жизни, не есть хлеб небесный, ни молитва о нем не есть молитва о чем-либо великом? Следуя за Учителем, поэтому мы обстоятельно расследуем, как Он учил о хлебе.

К тем, которые пришли в Капернаум, чтобы отыскать Его, у Иоанна говорит Он так: *Истинно, истинно говорю вам: Вы ищете Меня не потоки, что видели чудеса, а потому что ели хлеб и насытились* (Ин. 6, 26). Кто от благословенных Иисусом хлебов ел и насытился, тот чувствует в себе сильнейшее желание ближе узнать Сына Божия и спешит к Нему. Оттого дает Он превосходную заповедь в словах: *Старайтесь не о преходящей пище, а о пище остающейся для жизни вечной, которую дает вам Сын человеческий* (Ин. 6, 27). А когда затем слушатели, спрашивая Христа, говорили: *Что нам делать, чтобы творить дела Божии,* [т. е. дела Богу угодные], *то Иисус сказал им в ответ: Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал* (Ин. 6, 28 — 29). Но *послал* Бог, как написано в псалме, *Свое Слово и их исцелил* (Пс. 106, 20), т. е. больных; и те, кто верит этому Слову, те творят дела Божии, представляющие собою *пищу, остающуюся для вечной жизни* (Ин. 6, 27). И *истинный хлеб Небесный* (который должен быть отличаем

ох манны, бывшей лишь прообразом действительного Небесного **хлеба),** говорит Он, ***дает вам*** *Мой Отец,* ***ибо хлеб*** *Божий* ***есть Тот, Который сходит с небес*** *и* ***дает жизнь миру*** (Ин. 6, 32 — 33). Но этот истинный хлеб есть тот, которым питается истинный, со**зданный** по образу Божию человек (Кол. 3, 10), т. е. главнейшая **составная** часть человеческого существа, созданная по образу Божию душа; питающийся этим хлебом становится подобен Творцу[1].

А если так, то чему приличнее быть душевной пищей, как не слову Божию? Или для разума того, кто постигает Божественную **мудрость,** что может быть драгоценнее ее? И что иное, как не истина, более соответствует духовной природе?

А если кто-нибудь возразит против этого и скажет, что Он [Христос] не учит ведь молитве о ежедневном хлебе, как о чем-то [от Него Самого] отличном, тот пусть выслушает, как Он и в Евангелии от Иоанна говорит об этом хлебе то как о чем-то от Него Самого отличном, то так что Он-то и есть этот самый хлеб. Как о чем-то [от Него Самого] отличном говорит Он об этом хлебе в словах: *Не Моисей дал вам хлеб с неба, а Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес* (Ин. 6, 32). А к тем, кто Ему отвечал: *Подавай нам такой хлеб всегда* (Ин. 6, 34), говорит он об этом хлебе, отожествляя его с Самим собою: *Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в меня не будет жаждать никогда* (Ин. 6, 35). И несколько позднее: *Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира* (Ин. 6, 51).

Так как в Писании всякая пища называется *хлебом,* как это ясно из написанного Моисеем: *Сорок дней он хлеба не ел* (т. е. и вообще никакой пищи) *и воды не пил* (Втор. 9, 9), и так как слово, служащее пищею, разнородно и разнообразно, потому что ведь не могут быть питаемы твердыми и труднопостигаемыми божественными учениями, то поэтому-то вот Он, желая предложить более совершенным приличествующую борцам пищу, и говорит: *Хлеб же, который Я дам, есть плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира* (Ин. 6, 51). И непосредственно вслед за тем: *Если не будете есть плоти Сына человеческого и пить крови Его, то не будете иметь жизни в себе. Ядущий Мою плоть и пиющий Мою кровь имеет жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день. Ибо плоть Моя истинно есть пища и кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою плоть и пиющий Мою кровь пребывает во Мне и Я в нем. Как послал Меня живой Отец и Я живу Отцом: так и ядущий Меня жить будет Мною* (Ин. 6, 53 — 57). Эта плоть Христова есть потому истинная пища; она со делалась плотью в качестве Слова по выраже-

[1] Ориген вместе с многими отцами Церкви отличает образ Божий от *подобия:* образ Божий свойствен человеческой душе по естественному ее свойству; *подобие* же ее Богу заключается в сверхъестественных качествах ее и достигается оправданием, в особенности же принятием в себя *Небесного хлеба.*

нию: *И Слово стало плотию* (Ин. 1, 14). Когда мы вкушаем от нее (т. е. от Слова, ставшего плотью), тогда она и в *нас обитает* (Ин. 1, 14). А когда она разделяема бывает, тогда исполняется слово: *И мы видели славу Его* (Ин. 1, 14). *Сей то есть хлеб, сшедший с небес. Не так, как отцы ваши ели манну и умерли; ядущий хлеб сей жить будет вовек* (Ин. 6, 58).

Напротив, обращаясь к несовершеннолетним и действовавшим еще человечески Коринфянам, Павел говорит: *Я питал вас молоком, а не твердою пищею; ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, потому что вы еще плотские* (1 Кор. 3, 2—3). Ив послании к Евреям: *Для вас нужно молоко, а не твердая пища. Всякий питаемый молоком не сведущ в слове правды* (т. е. в высших христианских учениях), *потому что он младенец. Твердая же пища свойственна совершенным, которых чувства,* [главным образом судительная способность], *навыком приучены к разлучению добра и зла* (Евр. 5, 12—14). А также изречение: *Иной уверен, что можно есть все, а немощный ест овощи* (Рим. 14, 2) — относится, по моему мнению, ближайшим образом не к телесной пище, а к Слову Божию, питающему душу. Сильный верою и вполне совершенный может постигать все, и к нему применимо слово: *Иной верит, что можно есть все;* менее же сильный и несовершенный удовлетворяется простейшими и не особенно трудными учениями, и такого он (т. е. апостол) имеет в виду, говоря: *А немощный ест только овощи.* Но потом и что у Соломона в книге Притчей встречается, то наставляет, по моему мнению, тому же, т. е. что не постигающий в своей простоте учений труднейших и высших, но не питающий и ложных каких-либо мнений преимуществует перед тем, который хотя и рассудительнее, и проницательнее, и способнее к пониманю тех вещей, но не в состоянии уяснить себе основ мира и согласия во вселенной. Изречение Соломона читается так: *Лучше зеленью быть угощаемым с любовию и благорасположенностью, нежели есть откормленного тельца у недоброжелательного* (15, 17). Часто оттого пиршество бедное и простое, но устроенное от чистой совести людьми, не могущими предложить нам большего, мы принимали, будучи к ним позваны в гости, с ббльшим удовольствием, чем высокие, но с познанием Бога не мирящиеся слова, в которых со лживой убедительностью предлагаемо было иное учение, нежели какое открыто Отцом Господа нашего Иисуса, виновником закона и пророков (Мф. 22, 40).

Последуем поэтому наставлению нашего Спасителя и, пребывая в вере и праведной жизни, будем молить Отца о живом хлебе, который то же, что и хлеб насущный; будем молиться, чтобы не заболеть от недостатка душевной пищи или чтобы не умереть для Бога с голоду по слове Господнем (Ам. 8, 11). А теперь должны мы рассмотреть значение слова етшпюю^Л (Мф. 6, 11; Лк. 11,3).

Прежде всего следует знать, что слово еяюгхлоЛ ни у греческих

исателей, ни у кого не встречается, ни в языке обыденного общеп оно не употребляется, а образовано, кажется, самими евангелистами. Матфей и Лука, введшие это слово, оба употребили его совершенно между собой согласно в одном и том же месте. Подобным же образом поступали при переложении с еврейского других мест [Писания] и передвочики[1]. Потому что какой же грек когда-либо выражался так: «внушай» (Ис. 1, 2) или «дай мне услышать» (Песн. 2 14) вместо «внимай» или «слушай»? Выражение, совершенно схожее с еяшосюС, изреченное устами Божиими, передано Моисеем, у которого написано: *Вы будете для Меня* , Ttepiovoiov (Исх. 19, 5). И очевидно, что оба слова образованы от ovoia: первым (етсюиоюр собственно обозначается хлеб, соединяющийся с нашим существом (auaia), а через последнее (яерюиоюЛ) обозначается тот народ, который становится собственностью (auaia) Бога и образует достояние Его. Субстанции (auaia) в собственном смысле теми, по уверению которых бестелесные существа прежде существуют, впрочем, понимаются как существа бестелесные, которые в своем существовании неизменны и ни к размножению не способны, ни умаления не испытывают, что составляет особенность лишь телесных вещей, испытывающих увеличение и уменьшение, потому что при своем переходящем бытии они для поддержки себя и питания постоянно нуждаются в новом материале. Если в известное время этого вещества в них более прибавляется, чем теряется, то следует увеличение; если же прибывает его менее, то следствием того бывает уменьшение тех вещей. Многие из вещей, быть может, не получают и вовсе никакого добавления и оттого, так сказать, неудержимо стремятся к уменьшению. Те, напротив, по мнению которых существование бестелесных вещей развивается лишь после [телесных] и которым предшествуют телесные вещи, понятие о ней (т. е. субстанции) определяется так: Субстанция (auaia) есть первая материя вещей, из которой они и произошли: материя тел, а из этой произошли тела отдельных вещей, а из этих тел — отдельные вещи; или иначе: она есть не имеющая никаких свойств первооснова; или: то, что существует прежде [реальных] вещей; или: что принимает всякие формы и изменения, само же по своему понятию неизменно; или: что допускает всякое себя изменение и преобразование. По этим [философам], субстанция по своему понятию, значит, бескачественна и бесформенна; она не имеет даже определенной величины, а служит предуготовленным местом, основой для всякого качества. Формой называют в этой связи (в связи с субстанцией) всякий род действительности вообще, к которой относятся и движения, и состояния (особенные отношения и свойства вещи, например величина и т. д.); все же ни одной из этих [форм], как утверждают, субстанция не обладает как таковой, но постоянно и необходимо связана с какой-

[1] Т. е. так называемые «Семьдесят толковников».

нибудь одной из них; однако же так, что при своей пассивности форма тем не менее доступна всем воздействиям со стороны творящего, так что он может ее образовывать и изменять. В субстанции живущая и всю вселенную проникающая сила должна быть причиной, производящей всякую форму и все изменения в ней. И она (субстанция), говорят, сплошь изменчива и сплошь делима, и каждая субстанция может с каждой [другой] соединяться в одно единство.

Поскольку мы теперь из-за етсшислоЛ арто£ (насущный хлеб) и яерюислоЛ *ХаоС,* (народ—собственность) вошли в это расследование слова сю стих (субстанция) и для различения значений сгоош изложили здесь это расследование, а в предшествующем хлебе, о котором мы должны молиться, был духовный (ср. начало этой главы), то должны мы эту субстанцию мыслить родственною хлебу, [следовательно, духовною], чтобы, подобно тому как телесный хлеб при переваривании его (буквально: при разделении его в теле) переходит в субстанцию тела, точно так же и живой, с неба сшедший, духом и душою переваренный хлеб мог сообщить нечто от своей силы тому, который им питаться будет. Такого рода есть тот насущный хлеб, о котором мы молимся. И опять: подобно тому как, смотря по свойству пищи, т. е. будет ли она твердою и приличествующею борцам, или молочного и растительною, получает и различную силу питающийся ею, точно так же и питание Словом Божиим, которое раздается то в качестве молока, приличествующего детям, то в качестве овощей, свойственных слабым, то в качестве мяса, приличного борцам, — точно так же, говорим, и вкушение от Слова Божия имеет своим естественным последствием то, что каждый им питающийся по мере личного своего отношения к нему делается способным или к этому, или к тому и становится таким или таким. Впрочем, есть многое, что считается за пищу, а вредно; есть многое другое, чем порождаются болезни; и опять другое есть, что не может быть даже и перевариваемо, — все это переносимо и на различие учений, считаемых за пищу [духовную].

Насущный хлеб, следовательно, есть тот, который, духовной природе совершенно соответствуя и самой субстанции будучи сроден, доставляет душе вместе здоровье, благодушие и силу и ядущему от него сообщает нечто от собственного непреходящего бытия, потому что Слово Божие вечно (Мф. 24, 35; 5, 18; Мк. 13, 31).

Этот насущный хлеб называется в Писании, как мне кажется, и другим именем — *древа жизни;* и кто руку к нему простирает и берет от него, тот будет жить вечно (Быт. 3, 22). Это древо у Соломона называется и третьим именем — *премудростью Божией. Она* (т. е. премудрость) *есть древо жизни для всех, которые твердо держатся ее, и дарует безопасность тем, кто на нее опирается, как на Господа* (Притч. 3, 18).

Но и ангелы питаются, только не вещественным хлебом, а Божи-

ей премудростью, созерцанием истины и премудрости, чем они и **укрепляются** к совершению возложенных на них дел. В псалмах **говорится,** что ангелы именно питаются и что при этом чада Божии, как называются евреи, вступают в общение с ангелами и становятся как бы их сотрапезниками. Таково следующее изречение: *Хлеб ангельский ел человек* (Пс. 77, 25). Потому что не в такой же мере **ограничен** наш разум, чтобы думать, будто ангелы получали всегда **некоторый** телесный хлеб, какой, по свидетельству [Писания], с неба падал исшедшим из Египта, и как будто бы они питались им, и будто евреям именно этот хлеб ниспосылался, какой употребляется ангелами, служащими Богу духами.

При нашем исследовании, что это за «насущный хлеб», что это за «древо жизни» и что за «Божественная мудрость» и какая это такая пища свойственна святым людям и ангелам, уместно обратить внимание и на тех трех мужей, что останавливались, по изображению книги Бытия, у Авраама и ели хлебы, замешенные из трех мер тончайшей пшеничной муки и испеченные в горячем пепле (Быт. 18, 2): может быть, исключительно и только образно этим выражено то лишь, что святые не только людям, но рассудку и разуму и высших сил могут сообщать пищу частью для пользы их, частью же для доказательства, какою могут они пользоваться чрезвычайно питательной пищей. Таким доказательствам [людской состоятельности] ангелы лишь радуются и ими питаются и тем более готовности изъявляют быть помощниками человеку и всячески ему в том содействовать, чтобы, услаждаясь такой пищею и, так сказать, питаясь ею, получал он еще большее и высшее, чем то, что при прежних своих познаниях он предложил им, ангелам, в качестве пищи. Тому, впрочем, не нужно удивляться, что человек и ангелов питает, потому что даже Христос объявляет, что он *стоит пред дверьми и стучится,* дабы к тому, кто отворит, войти и вместе с ним вкушать от собранных у него запасов и чтобы потом и от своих запасов наделить того, который перед тем в меру сил своих Сына Божия угощал (Откр. 3, 20).

Тот, следовательно, кто насущным хлебом питается и укрепляет им свое сердце, становится сыном Божиим; напротив, питающийся хлебом змеиным есть не иной кто, как духовный эфиоп, и по козням змия точно так же превращается в змия, так что, хотя бы и крещения домогался, услышит он от Сына Божия упрек: *Вы змеи, вы ехидны; кто внушил вам бежать от будущего гнева* (Мф. 3, 7; Лк. 3, 7)? О змеином теле, которое служит пищею для эфиопов, говорит Давид: *Ты раскроил головы змиев в воде; Ты раздробил, размозжил голову дракона, отдал его в пищу жителям Эфиопии* (Пс. 73, 13 — 14).

И хотя Сын Божий есть личность, так и враг наш — дракон, змей, сатана, злой враг наш, — есть тоже личность: все же возможным оказывается, чтобы как тот, так и другой тому или этому из людей служили пищей; не невозможно, следовательно, чтобы каж-

дый из нас, в частности, был питаем как всеми добрыми и злыми силами, так и людьми. Оттого когда Петр готовился вступить в общение с сотником Корнилием и собравшимися в Кесарии, а следовательно, и язычников допустить к слушанию Слова Божия, то увидел он за четыре конца спускаемое с неба полотно, в котором находились все четвероногие, пресмыкающиеся и дикие животные земли; и было ему повеление *встать, заклать и есть;* а, когда он от этого отказывался словами: *Господи, Ты знаешь, что в мои уста никогда не входило ничего скверного или нечистого* (Деян. 10, 14; 11, 8), тогда было ему внушено *никакого человека не называть скверным или нечистым* (Деян. 10, 28), потому что очищенное Богом Петр не имел права объявлять презрения достойным. Подлинны слова: *Что Бог очистил, того ты не почитай нечистым* (11, 9). Различие пищи чистой от нечистой, делаемое в законах Моисея при поименовании многих животных (Лев. 11, 2 — 47; Втор. 14, 3 — 20) и имеющее соотношение с различными нравственными свойствами разумных существ, учит поэтому, что одни из них (т. е. разумных существ) для нас служат пищей полезной, другие, напротив, вредной, доколе Бог всех их или же по нескольку из каждого рода (т. е. из рода иудеев и язычников) не очистит и через это не сделает их здоровой пищей.

С пищей дело обстоит так, и разнообразие ее состоит в сказанном; между тем как в противоположность всему упомянутому есть еще истинно и единственно насущный хлеб, о котором мы должны молиться, чтобы его быть нам достойными; Словом должны мы питаться, которое уже в начале было у Бога и Богом (Ин. 1, 1), и через это уподобляться Богу.

Кто-нибудь, конечно, может возразить, что слово етсюжпоЛ образовано от £7ti£vai (приближаться, наступать, следовать) и, следовательно, тут нам предлагается молиться, чтобы хлеб, свойственный будущему миру, Бог дал нам уже вперед, так, чтобы мы некоторым образом уже сегодня получили то, что должно быть нам дано еще завтра; *сегодня* должно быть понимаемо о настоящем мире, а «завтра», «утром» — о будущем. Но так как первое понимание, по крайней мере по моему суждению, лучше, то, [не входя в подробности, чтб это и какого рода этот свойственный будущему миру хлеб], хотим мы [в дополнение к изложенному] исследовать кроме того значение прибавленного у Матфея (6, 11) слова «сегодня» или вместо этого поставленного у Луки (11, 3) выражения «ежедневно».

Священному Писанию часто бывает обычно все продолжение времени [aiQJv] обозначать через выражения: *ныне, сегодня,* как например, в месте: *Он отец Моавитян до ныне* (Быт. 19, 37), и: *Он отец Аммонитян до ныне* (Быт. 19, 38), и: *И пронеслось слово между Иудеями до сего дня* (Мф. 28, 15), и в псалмах: *Ныне, когда услышите голос Его, не ожесточите сердец ваших* (Пс. 94, 7 — 8). Но всего определеннее это выражено в книге Иисуса следующим образом: «Не отступайте от Господа даже до настоящих дней». А если под *ныне,* под *сегодня* разумеется весь настоящий период времени, то *вчера,* конечно, есть период времени протекший. Это, по нашему мнению, выражено в псалмах и у Павла, в Послании к евреям, следующим образом: *Пред очами твоими тысяча лет как день вчерашний, когда он прошел* (Пс. 89, 5); и сравнивается здесь со вчерашним днем в отличие от нынешнего (по мнению иных) известное тысячелетие; а у апостола написано: *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки тот же* (Евр. 13, 8). Вовсе и нечему тут удивляться, что для Бога целый период времени в относительном смысле столько же продолжается, как у нас один день; я полагаю, что для Него он даже еще короче.

Нужно также исследовать, не к зонам ли[1] то относится, что сказано о предписанных [израильтянам] на определенные дни, или месяцы, или времена, или годы праздниках или религиозных собраниях. Если *закон имеет тень будущего* (Евр. 10, 1), то многие из суббот должны быть тенью многих дней и вследствие того, что неизвестная мне луна с известным солнцем в определенные периоды времени входит в сочетание, возвращаются новолуния. Но если и первый месяц, и от этого дни десятый до четырнадцатого, и праздник опресноков от дня четырнадцатого до двадцать первого *имеют тень будущего,* то кто после этого столь мудр и в той мере богоугоден, что он между столь многими месяцами усмотрит первый и от этого десятый и т. д.? И что должен я сказать о празднике семи недель и о седьмом месяце, которого новолуние было праздником трубным и которого десятый [день] был днем очищения, потому что они, [состоя тенью будущего], Богу лишь известны, Который их установил? И кто проникнут духом Христовым в той мере, чтобы мог он понять субботние годы, назначенные для освобождения еврейских рабов, для прощения долгов и для оставления под паром священной земли? Еще выше, чем праздник семилетия, так называемый юбилейный год; но какого рода этот или назначенные к исполнению в нем законы, о том никто не может составить себе хотя бы и в некоторой лишь мере ясного понятия, кроме Того, Кто зрел в совете Отца (т. е. кроме Единородного Сына Божия), так как Он по *непостижимым путям* (Рим. 11, 33) для всех периодов времени установил Свои порядки.

Но часто мне при сравнении между собою двух мест из Апостола приходило на ум сомнение, что же это за *полнота времен,* в которую Иисус явился для изглажения грехов, когда после этой полноты еще периоды времени должны следовать? Слова апостола таковы: *Но теперь Он единожды явился к концу веков для изглажения грехов Своею жертвою* (Евр. 9, 26); и в Послании к Ефесянам: *Дабы в грядущие времена явилась в благости к нам преизобильная*

[1] Греческое слово «эон* означает «век», т. е. какой-либо промежуток времени.

полнота благодати Его (Еф. 2, 7). И относительно столь трудных вещей, если кому угодно знать, я питаю следующее мнение. Подобно тому как полноту, конец года, составляет последний месяц его и после этого начинается другой месяц, точно так же, может быть, полноту многих периодов времени, образующих как бы год периодов времени, составляет настоящий период времени; и после этого периода времени наступят многие будущие периоды времени, начинающиеся с ближайшего к ним; и в эти будущие [периоды времени] Бог проявит во благословении Своем богатство Своей благодати в том, что и величайший из грешников, а именно тот, который оказался нечестивым против Святого Духа и который во весь настоящий период времени и от начала до конца в ближайший к нему от греха не освобождается (Мф. 12, 32; Мк. 3, 29; Лк. 12, 10), после этого соделается таинственным образом участником спасительной благодати.

Тот, следовательно, кем усматривается это в духе и кто знает, что такое неделя эонов[1], тот прозирает и в святое торжество Субботы; и кто постигает, что такое месяц эонов, тот проводит и священное новолуние Божие; и кто проникает своим духом в год эонов, тот знает и праздники года, когда весь мужской пол дожен явиться пред Господом Богом (Втор. 16, 16); а кто из столь великих периодов времени исследовал и соответствующие годы — [отдельные годы эонов], тот понимает, что такое и седьмой священный год; а кто доискался, что такое юбилейный год эонов, за который он прославляет Давшего законы, объемлющие столь отдаленное время, как может тот придавать значение такой мелочи, как малейшая частичка дневного часа такого периода времени; и ужели он всего не сделает, чтобы через добрую подготовку здесь, на земле, сделаться того достойным, чтобы получать *насущный* хлеб на «текущий день» (Мф. 6, 11), а потом чтобы получать его и *ежедневно* (Лк. 11, 3)?

Итак, какое значение имеет слово *ежедневно,* это уже из прежде изложенного ясно. Значение это таково, что, кто вечному Богу молится не только о сегодняшнем, но и о ежедневном, тот может получать от него даже еще большее, от Него, Который может давать преизобильно более, нежели *чего мы просим или о чем помышляем* (Еф. 3, 20), или, выражаясь преувеличенно, можем получать то, *чего никакой глаз не видел и никакое ухо не слышало* — и даже еще большее, что и *на сердце ни одному человеку не входило* (1 Кор. 2, 9; Ис. 64, 4).

Это расследование, мне показалось, было совершенно необходимо, чтобы понять выражения *сегодня* и *ежедневно* в молитве к нашему Отцу о насущном хлебе.

[1] Неделя, состоящая из семи эонов, или великих периодов времени, вместо обыкновенных дней.

Наконец, если бы мы захотели еще расследовать **и** добавку в **первом** Евангелии (от Матфея), добавку *наш,* так как говорится в нем: *Хлеб наш насущный дай нам на сей день* (Мф. 6. **11), то родился** бы тут вопрос: как может быть называем тот хлеб *нашим,* который (Лк. 11,3) должен быть подаваем нам ежедневно, т. **е. и** в **последующие** периоды времени. Но на этот вопрос отвечает нам уже **апостол,** что святым принадлежит **и** будущее. Он говорит: *Или жизнь, или **смерть:** или настоящее, или будущее, все ваше* (1 Кор. 3, 22), т. е. принадлежит святым. Распространяться по поводу этой добавки, следовательно, нет нужды.

[28] *И прости нам долги наши, как и мы простили должникам нашим* (Мф. 6, 12) или по Луке: *И прости нам грехи наши, ибо и мы простили всем должникам нашим* (Лк. 11,4). О долгах говорит апостол: *Отдавайте всякому должное; кому подать — подать; кому почтение — почтение; кому плату — плату; кому честь — честь. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви* (Рим. 13, 7-8).

Следовательно, мы имеем много обязанностей и обязаны не только к вещественным даяниям, но и к дружественности отношений и к такого, а не другого рода действиям: мы обязаны даже тот, а не другой образ расположения питать к другим. Эти наши долги мы или уплачиваем, исполняя предписания Божественного закона, или же, презирая здравый разум, не уплачиваем их и, таким образом, остаемся должниками.

Подобным же образом дблжно судить об обязанностях к тем из братий, которые вместе с нами в религиозном отношении возрождены во Христе: к ним мы должны относиться как к имеющим с нами одну и ту же мать и одного и того же отца. И по отношению к согражданам имеем мы обязанности; и потом другие обязанности, общие по отношению ко всем людям; частные еще имеем обязанности по отношению к чужеземцам и частные же по отношению к тем, которые состоят в возрасте родителей; и другие обязанности лежат на нас относительно тех, которым по всей справедливости принадлежит честь, приличествующая сынам или братьям. Поэтому, кто того не исполняет, что он обязан оказывать братьям, на том неисполненное остается долгом. Равным образом если мы и то оставляем без исполнения, что нами должно *было бы* оказываться нашим ближним в дружественном духе мудрости (в духе христианской любви к ближним), то долг от того лишь увеличивается.

Но и по отношению к себе самим мы имеем обязанности. А именно: мы должны своим телом так пользоваться, [как учат тому разум н откровение], и не истощать его в удовольствиях; обязаны мы заботиться и о душе, поддерживать остроту рассудка, равно как обращать внимание на слова, чтобы они не имели в себе жала, [которое Могло бы уязвлять ближнего], напротив, чтобы отличались назидательностью и не были бы праздны, [какие слова подлежат суду

Божию, Мф. 12, 36]. И обязанностей к себе самим если мы не исполняем, то долг наш через то лишь большей тяжестью ложится на нас.

И так как мы излюбленнейшее Божие творение и образ Божий, то в довершение всего обязаны мы поддерживать известное душевное настроение и по отношению к Богу, а именно *любовь от всего сердца, от всей силы, от всей своей души* (Мк. 12, 30; Втор. 6, 5); а если мы надлежащим образом этого не исполняем, то остаемся должниками пред Богом и погрешаем против Господа. И кто тогда будет за нас ходатайствовать? Потому что *если согрешит человек против другого, то можно еще за него молиться; а если он против Господа погрешит, то кто за него будет молиться,* как говорит Илия в 1-й книге Царств (2, 25). Но мы состоим должниками и Христа, Который искупил нас Своею Кровию (Деян. 20, 28; 1 Кор. 6, 20), подобно тому как каждый слуга состоит должником того, кто его выкупил и за него заплатил известную сумму денег. И по отношению к Святому Духу имеем мы долги (1 Кор. 6, 19 — 20), уплачиваемые, если мы его *не огорчаем* [грехами, потому что ими мы изгоняем Его из своего сердца], *Его, Которым знаменованы в день искупления* (Еф. 4, 30); и если мы Его не огорчаем, то приносим требующиеся от нас плоды (Мф. 3, 8; Лк. 3, 8—11; 8, 15; Ин. 15, 16; Рим. 7, 4; Гал. 5, 22 — 23), поскольку в том Он способствует нам и дает нашей душе [сверхъестественную] жизнь, потому что лишь при воздействии на нас Святого Духа можем мы приносить любезные Богу плоды добродетели (ср. 1 Кор. 12, 3).

Но если мы и с личным нашим ангелом-[хранителем], который видит лицо Отца Небесного (Мф. 18, 10), не знакомы близко, то каждому из нас при надлежащем размышлении по меньшей мере то становится ясным, что и по отношению к нему мы состоим крупными должниками. Далее, если *мы состоим зрелищем для мира, для ангелов и людей* (1 Кор. 4, 9), то должны мы знать это; подобно тому как актер обязан перед лицом зрителей то и это говорить или делать и подлежит он наказанию, если должного не исполняет, потому что тем оскорбляет он всю публику, точно так же и мы всему миру, всем ангелам и человеческому роду тем обязаны, чему при сохранении в себе доброй воли можем научиться от Мудрости.

Кроме этих, более общих [долгов или обязанностей], особенные еще обязанности имеет вдова, призреваемая Церковью; другие обязанности имеет диакон; опять иные — пресвитеры; и особенно тяжелая обязанность лежит на епископе, за пренебрежение которой Спаситель взыщет с него именем всей Церкви.

Наконец, Апостол упоминает об обязанностях общих мужу и жене, говоря: *По отношению к жене муж должен исполнять [брачные] обязанности, точно также и жена по отношению к мужу* (1 Кор. 7, 3). Он прибавляет так же: *И не уклоняйтесь друг от друга* (1 Кор. 7, 5).

Я к чему перечислять, как много лежит на нас обязанностей [соответственно нашему призванию и состоянию], потому что читатели этого сочинения из сказанного прочее могут вывести ведь и сами? Этих обязанностей мы или не исполняем и остаемся тогда связанными от них, или мы их исполняем и тогда от них свободны. Конечно, в этой жизни невозможно на каждый час дня и ночи не иметь какой-либо обязанности. Но обязанным нам можно или исполнять свои обязанности, или пренебрегать ими; можно их исполнять в жизни, но можно их и не соблюдать; потому есть много людей, которые никому и ничем не обязаны; есть много людей, исполняющих большую часть своих обязанностей и остающихся обязанными лишь за немногое; многие уплачивают лишь немногое, а за бблыпую часть остаются должными; может быть, есть и такие, которые ничего не платят, но за все остаются должными. А кто все исполняет так, что он никому и ничего не остается должным, тот получает возможность к этому, конечно, лишь со временем и оттого нуждается в прощении ему ранних долгов; все же это прощение может он наверное получить, если он с определенного времени старался так жить, что из своих обязанностей ни одной не оставлял без исполнения и не имел никаких [в этом направлении] долгов. Законопреступные же действия, напротив, пишутся в душе и, таким образом, становятся тем *вопиющим против нас рукописанием* (Кол. 2, 14), по которому мы, как бы по книге какой, так сказать собственноручно нами написанной, будем судимы и которая потом объявлена будет, когда *все мы явимся пред судилищем Христовым, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или дурное* (2 Кор. 5, 10; Рим. 14, 10). Касательно этих долгов в Притчах написано: *Не будь из тех, которые из страха пред лицем поручаются за долги других. Если тебе нечем заплатить, то для чего доводить себя, чтоб взяли постелю твою из под тела твоего* (буквально: *из-под ребер твоих)* (Притч. 22, 26 — 27).

Но если по отношению ко многим мы состоим должниками, то многие и нам должны: одни состоят в долгах у нас как у своих ближних, другие — как у своих сограждан, иные — как у отцов, еще иные имеют обязанности к детям, и потом жены имеют брачные обязанности по отношению к своим мужьям, друзья — по отношению к своим друзьям.

В случае, если из великого числа наших должников многие в исполнении своих обязанностей по отношению к нам оказываются нерадивы, то тем дружественнее по отношению к ним мы должны поступать, забывая их несправедливости по отношению к нам и помня о множестве собственных обязанностей, во многих случаях нами не исполненных не только по отношению к нашим ближним, но и по отношению к Самому Богу. Потому что если мы о том вспомним, Чего в качестве должников мы не исполнили, но что опустили, времени протечь позволивши, в которое ближнему мы должны были

оказать то и это, то будем мы снисходительны и по отношению к тем, которые нам должны, и не будем слишком строго требовать уплаты нам их долгов, особенно если мы того не забудем, чем погрешили мы против Божия закона и в чем мы оказались преступными против Его величия, будет ли это из неведения истины или по недовольству нашими судьбами. Если же мы по отношению к нашим должникам не хотим быть снисходительными, то и с нами поступлено будет подобным же образом, как и с тем, который не хотел своему сотоварищу по рабству простить ста динариев; несмотря на то что, по притче Евангелия, перед тем ему прощен был его долг, Господь повелевает наложить на него цепи и требует с него перед тем прощенный ему долг, говоря ему: *Ты злой раб и ленивый! Не подлежало ли и тебе смиловаться над товарищем твоим, как и Я помиловал тебя? Бросьте его в темницу, доколе не уплатит всего своего долга* (Мф. 18, 32 — 34). Господь прибавляет: *Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если каждый из вас не прощает от сердца своему брату согрешений его* (Мф. 18, 35).

Следовательно, если наши обидчики выражают раскаяние, то мы должны прощать им даже и в том случае, если бы должник наш и часто причинял нам это. Написано: *Если твой брат согрешает против тебя семь раз на день и семь раз в день обратится и говорит «каюсь», ты должен прощать ему* (Лк. 17, 4). А против тех, которые не выражают никакого раскаяния, мы не должны быть жестоки, потому что такие самим себе враги, по написанному: *Отвергающий наставление нерадит о душе своей* (Притч. 15, 32). Но, конечно, в таких случаях мы всячески должны заботиться и об исцелении того, который так всецело извратил себя, что не чувствует даже собственной своей бедственности и пребывает во тьме своей извращенности, как бы в опаснейшем хмелю, хмелю от вина.

Но так как грехи оттого происходят, что мы наших обязанностей не исполняем, то словами: *И прости нам грехи наши* — Лука (11, 4) выражает то же самое, что и Матфей в словах: *Оставь нам долги наши* (6, 12); но, кажется, Лука исключает [из числа достойных прощения] того, который, [молясь о прощении своих грехов, сам] желал бы прощать лишь грешникам, сокрушающимся о своих грехах, ибо он говорит о том, что повелел нам добавлять в молитве Спаситель: *Потому что и мы прощаем каждому из должников наших* (Лк. И, 4).

Все мы, следовательно, властны прощать грехи, против нас учиненные. Это ясно из слов: *Как и мы прощаем нашим должникам* (Мф. 6, 12) — и из других: *Потому что и мы прощаем каждому из наших должников* (Лк. 11, 4). Но, кто вдохновлен Иисусом, подобно апостолам (Ин. 29, 22), и по плодам своим дает заметить, что он Святого Духа имеет в себе и есть духовен, потому что он по образу Сына Божия во всех занятиях своего призвания бывает руководим от Святого Духа, тот отпускает грехи во имя Божие и удерживает от

неисцелимых, потому что он, подобно пророкам, которыми возвещаемы были не их личные измышления, а божественные советы, действует, служа Богу, Который Один власть имеет [Сам от Себя] прощать грехи.

Слова, касающиеся власти апостолов оставлять грехи, читаются в **Евангелии** от Иоанна так: *Приимите Духа Святого, кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 22 — 23). Если эти слова принять без дальнейшего **расследования,** то можно бы за них апостолам упрек сделать, что они не всем прощают, дабы все приняли участие в оставлении грехов [Богом], но что на некоторых грехи они удерживают, так что ради их грехи те не снимаются с человека и Богом. Потому целесообразным становится заимствовать пример из закона [Моисеева], дабы понять, как оставление грехов людских Богом посредствуется людям через людей же. Пресвитерам подзаконным запрещено было за некоторые грехи приносить жертву, из-за которой преступления тех, за коих она приносится, могли бы им оставлены быть. И, хотя пресвитер имел полномочие приносить жертвы за многие неумышленные грехи и преступления (Лев. 4, 2 и др.), все же не приносил он жертвы ни всесожжения, ни очистительной за прелюбодеяние или за предумышленное убийство и за другие тяжкие преступления. Точно так же и Святым Духом наученные апостолы, и те, которые в качестве пресвитеров по образу великого Первосвященника на апостолов походят и божественную службу разумеют, знают, за какие грехи дблжно приносить жертву и когда и каким образом; знают же они и то, за кого этого не дблжно делать. Оттого, когда [первосвященник Илия узнал, что его сыновья Офни и Финеес ведут греховную жизнь и что он ничего не в состоянии сделать для прощения им грехов их, он произносит то, в чем можно видеть даже отчаяние его; он говорит: *Если согрешит человек против другого, то можно за него молиться; если же человек согрешил против Господа, то кто будет за него молиться* (1 Цар. 2, 25)?

Для меня понятно, каким образом некоторые присваивают себе то, что выходит за пределы пресвитерских полномочий; и, без сомнения, вследствие непонимания надлежащим образом богословской науки хвастаются они, что можно было бы и идолослужение прощать, и прелюбодеяние, и блудодеяние, как будто бы силою их молитвы мог разрешаем быть для таких беззаконников и *грех к смерти* (1 Ин. 5, 16). Разве они не читали слов: *Есть грех к смерти; не о том говорю, чтобы за этих кто-либо молился* (Ин. 5, 16).

И то не должно быть пройдено молчанием, как доблестный Иов приносил за своих сыновей жертвы, говоря: *Могли сыновья мои в своем сердце нечто злое помыслить против Бога* (Иов 1, 5). Он Приносит жертву за грехи неизвестные, еще не дошедшие до уст.

[29] *И не введи нас в искушение, но избавь нас от зла* (Мф. 6, 13; Лк. 11, 4). Слова: *Но избавь нас от зла* — у Луки опущены.

Если Спаситель повелевает нам молиться не о чем-либо невозможном, то нахожу я стоящим расследования; возможно ли было дать нам заповедь о том молиться, чтобы не впадать в искушения, когда вся человеческая жизнь на земле есть время искушения. Потому что, доколе мы живем на земле, доколе состоим одетыми плотию, которая *противится духу* (Гал. 5, 17) и которой *стремления суть вражда против Бога, потому что Закону Божию она не покоряется, да и не может* (Рим. 8, 7), дотоле мы подлежим искушениям.

А что вся человеческая жизнь на земле [действительно] есть время искушения, этому учит нас Иов в словах: *Человеческая жизнь на земле не есть ли время искушения* (Иов 7,1)? Подобное же открывается из слов 17-го псалма: *Тобою буду избавлен я от искушения* (Пс. 17, 30). Но и Павел пишет к коринфянам, что благодать Божия не в том состоит, чтобы не подвергаться искушениям, а в том, чтобы не подвергаться нам искушениям свыше наших сил, ибо говорит: *Только человеческое* (т. е. соразмерное с человеческими силами) *искушение вас постигало; Но Бог верен: Он не попустит вам быть искушаемыми сверх ваших сил; но при искушении даст вам и облегчение, чтобы вы могли перенести оное* (1 Кор. 10, 13). Никогда мы не свободны от искушений; ни теперь, когда мы против плоти бороться должны, желающей противного духу или ему противящейся (Гал. 5, 17), или против души всякой плоти, которая, нося одно и то же имя с телом, состоящем для нее седалищем, представляет собой начало повелевающее, так называемое сердце; ни тогда, когда в качестве борцов, вперед движущихся и совершенных, уже не против плоти и крови бороться должны мы и не в побежденных уже человеческих искушениях испытываемы бываем, а боремся уже *против властей и сил, против миродержителя тьмы века сего и духов злобы* (Еф. 6, 12).

Как же это, следовательно, Спаситель повелевает молиться о том, чтобы не [попускал нам Бог] впадать в искушения (Мф. 26, 41), когда некоторым образом всех Бог искушает? Потому что не к старейшинам только своего времени, но и ко всем читателям своей книги говорит Иудифь: *Вспомните, как Он с Авраамом поступал* (Быт. 12, 1; 21, 12; 22, 1), *как сильно Исаака искушал* (Быт. 22, 9; 26, 1), *что было с Иаковом, когда он в Месопотамии, в Сирии, пас овец дяди своего* (брата матери своей) *Лавана* (Быт. 29). *Как их искушал Он не для истязания сердца их, так и нам не мстит, а только для вразумления наказывает Господь приближающихся к Нему* (Иудифь 8, 26—27). О всех же вообще праведных говорит Давид в таких словах: *Много скорбей у праведного* (Пс. 33, 20); и апостол в Деяниях: *Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). И если молитвы о невведении нас во искушение надлежащим образом мы не понимаем, чего большинству действительно и недостает, то должны мы, конечно, утверждать, что молитва апостолов не была услышана, потому что во время своей

жизни они столько ужасного терпели *в бесчисленных трудах, в многочисленных оскорблениях,* [в пребывании] *сверх меры в темницах, в частых смертных опасностях* (2 Кор. 11, 23); и Павел **главным** образом из-за *иудеев пять раз получил по 39 ударов, три раза сечен был прутьями, однажды был побиваем камнями, трижды кораблекрушение терпел, ночь и день пробыл во глубине морской* (2 Кор. 11, 24 — 25); этот человек *всячески был притесняем, приводим в отчаянные обстоятельства, преследуем и низлагаем* (2 Кор. 4, 8—9), ибо он и сам признается: *Даже до настоящего часа терпим мы голод и жажду, наготу, кулачные побои, не имеем* **постоянного** *местожительства и работаем до утомления своими собственными руками: проклинают нас, а мы благословляем; преследуют, а мы терпим; порочат нас, а мы молимся* (1 Кор. 4,11 — 13). Но если уж апостолы своею молитвою не достигли никакого успеха, то какою же надеждою быть услышанным от Бога может одушевляться кто-либо из менее мужественных? Если **в** 25-м псалме потом говорится: *Испытай меня, Господи, и искуси меня; расплавь в огне внутренности мои и сердце мое* (Пс. 25, 2), то не понимающий точно заповеди Спасителя легко придет к мысли, что противоречит это учению нашего Спасителя о молитве.

Далее, когда кто-либо, с тех пор как он вполне вошел в разум, когда и кто верил, что люди, которых он знал, живут без искушений? И какое это такое время можно указать, в которое нечего было бы бояться греха, потому что не надлежит борьбы [с ними]? Беден ли кто, тот пусть оберегается, *как бы не украсть и потом не употреблять имени Божия всуе* (Притч. 30, 9). Если, напротив, богат кто, то и он страшиться должен, потому что среди изобилия он может сделаться лжецом и в своей надменности сказать: *Кто видит меня* (Притч. 30, 9)? Не был ли уже и Павел при своем богатстве *во всяком учении и во всяком познании* (1 Кор. 1, 5) не совершенно свободен от опасности погрешить самопревознесением, и не нуждался ли он при этом в некотором жале, которым сатана *удручал его, дабы он не превозносился* (2 Кор. 12, 7)? Но, если кто и добрую совесть имеет, и возвышен над злом, читай тот во 2-й книге Паралипоменон рассказываемое об Езекии, о котором здесь повествуется, как он пал через свое высокомерие (2 Пар. 32, 25 — 31). Если же на том основании, что мы не распространились о бедных, а особенно на том основании, что *бедный,* по Соломону, *никакой угрозы* [от разбойников] *не слышит* (Притч. 13, 8), кто-либо предался бы беззаботности, как будто при бедности не бывает искушений, то пусть знает тот, что враг подстерегает, чтобы *низложить и бедного, и нищего* (Пс. 36, 14; 10, 9).

Нет необходимости распространяться также и о том, как многие вследствие беспутного пользования богатством наследовали себе долю в месте мучения совместно с евангельским богачом (Лк. 16, 22). И как многие потеряли право надеяться на Небо, потому что они бед-

ность переносили малодушно, вели себя при этом так, что поведение их приличествовало более рабам и людям из низших классов общества, нежели себя вели как подобало то святым (Еф. 5, 3). Между тем и средину занимающие между богатством и бедностью далеко не защищены от того, чтобы и при своем посредственном имуществе не грешить. Здоров ли кто телесно и силен и по причине своих здоровья и силы считает себя свободным от всякого искушения — но кому более, как не здоровому и сильному, свойствен грех *осквернения храма Божия* (1 Кор. 3, 17)?

Если никто не решается ясно говорить об этом, то, без сомнения, потому лишь, что и без того это всем понятно. И какой больной избежит искушения *осквернить храм Божий,* пребывая во время болезни в праздности и весьма легко склоняясь к мыслям о предметах нечистых? Но к чему говорить я буду и о том, что, кроме тех нечистых мыслей, его тревожит, если он со *всею предусмотрительностью не охраняет своего сердца* (Притч. 4, 23)? Потому что, страданиями осиливаемые и не в состоянии будучи переносить болезней мужественно, уже весьма многие признавались, что они болели тогда гораздо более душою, чем телом; а многие себя и вечным стыдом покрыли, потому что из страха перед бесчестьем они устыдились благородного ношения имени Христова (Лк. 9, 26). Может быть, кто-нибудь полагает, что он тогда от искушений покой будет иметь, когда будет в почете от людей, но не к тем ли обращено это жесткое слово: *Они уже получают награду свою* (Мф. 6, 2), — не к тем ли, которые почетом своим у народных масс гордятся как неким благом? Ужели не полно укоризны это слово: *Как можете вы веровать, когда друг от друга принимаете славу; а славы, которая от единого Бога, не ищете* (1 Ин. 5, 44)? Нет нужды перечислять и грехи высокомерия, в какие впадают считающие себя благородными, равно как так называемые простолюдины, в своей беспомощности практикующие перед мнимо знатными отделяющую от Бога льстивую низость, на которую те, не питая к низшим себя истинной дружбы, отвечают лицемерием, прикрывающим лишь недостаток благороднейшего в человеке — любви.

Таким образом, вся жизнь человеческая на этой земле, как выше упомянуто, есть время искушения. Потому мы должны молиться об освобождении от искушения не в том смысле, чтобы вовсе не быть искушаемыми, — потому что это невозможно, особенно для жителей земли, — но чтобы в искушении нам не падать. Побеждаемый же от искушения, по моему мнению, есть тот, кто впадает в него и запутывается в его сетях. В эти-то сети ради уловленных в них и вошел Спаситель; и, *зря чрез сеть,* как говорится в Песне песней (Песн. 2, 9), отвечает Он попавшимся в нее и впавшим в искушение и взывает к ним как к своей невесте: *Встань, возлюбленная моя, прекрасная моя, выйди* (Песн. 2, 10).

В подтверждение, что всякое время для человека есть время ис-

кущения, хочу я добавить еще следующее. Даже и тот, кто занят Законом Божиим день и ночь, и слово: *Уста праведника истощают мудрость* (Притч. 10, 31) — кто старается исполнить в совершенстве, — даже и тот не свободен от искушений. Для чего потому буду я перебирать все множество людей, которые, посвятив себя изучению божественных писаний, ложно поняли изречения в законе и пророках и стали питать мнения нечестивые и произвольно измышленные или вовсе глупые и смешные; что за польза произойдет от изложения подобных заблуждений, в которые впали весьма многие и из таких людей, которых нельзя упрекнуть в нерадивом отношении к изучению Писания? Это же самое случилось со многими при изучении ими апостольских и евангельских Писаний, потому что в своем безрассудстве они создали в своем воображении другого то Сына, то Отца, нежели о каких учат и каких согласно с истиной приемлют [писатели Священного Писания][1]. А кто о Боге и Его Помазанике имеет неправильное понятие, тот от истинного Бога и Его единородного Сына отпал; молитва же к мнимым Отцу и Сыну, которых его неразумие измыслило, остается недействительной. А это потому с ним случилось, что не принял он соображение искушения при изучении Священного Писания и к борьбе, ему тогда угрожавшей, не был приготовлен.

Мы должны, следовательно, молиться не о том, чтобы не подвергаться искушениям, — потому что это невозможно, — а о том, чтобы не быть от искушений осиливаемым, как происходит это с теми, которые в искушениях запутываются и ими побеждаются.

Так как вне молитвы написано: *Молитесь, чтобы не впасть в искушение,* такое изречение после всего сказанного, конечно, ясным будет для каждого; и так как в молитве к Богу Отцу, напротив, мы должны говорить: *Не введи нас в искушение,* то стоит того предмет, чтобы обратить на него внимание, тот именно предмет, как понимать это, что Бог того вводит в искушение, кто не молится или чья молитва не выслушивается. Так как в искушение впадает тот, кто им побеждаем бывает, то мнение, будто Бог кого-либо вводит в искушение, его как бы предавая на поражение, оказывается неуместным. Ту же самую нелепость представляет первое вошедшее на ум понимание места: *Молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Лк. 22, 40; Мф. 26, 41). А именно, если нечто злое представляет собою подвергаться искушению и если мы молимся, чтобы с нами этого не случалось, то не бессмысленно ли думать, что добрый Бог, Который не может приносить злых плодов (Мф. 7, 18), кого-либо ввергает во грехи? Здесь полезно будет привести то, что говорит Павел в Послании к Римлянам. *Выдавая себя за мудрых, они обезумели и славу нетленного Бога изменили в подобие и образ тленного человека, и*

[1] Ориген имеет в виду главным образом маркионитов с их учением, что Бог Ветхого Завета совершенно другой, нежели Бог Нового Завета.

птиц, и четвероногих, и пресмыкающихся животных. Потому и предал их Бог в похотях сердца их нечистоте, так что они взаимно сквернили свои тела (Рим. 1, 22 — 24). И несколько далее: *Потому предал их Бог постыдным страстям: женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобным образом и мужчины, оставив естественное употребление женщины, разжигались* (Рим. 1, 26 — 27) и т. д. И опять несколько далее: *И так как они не заботились Бога иметь в разуме, то предал их Бог превратному уму творить неподобающее* (Рим. 1, 28).

Но все это может быть тем противопоставлено, которыми Божество разделяется; и так как, по их мнению, добрый Отец нашего Господа отличен от Бога закона, то можно их спросить: добрый ли Бог того *в искушение вводит,* чья молитва безуспешна? и Отец ли Господа *передает грешников нечистоте в похотях сердца их, так что они взаимно сквернят свои тела?* и Он ли, который, по их уверению, далек от осуждения и наказаний, *предает их постыдным страстям и превратному уму творить неподобающее,* потому что они похотям своего сердца не подпали бы, если бы этим не предал их Бог? И постыдным страстям они не предались бы, если бы этим их не предал тот же Бог; и превратному уму предоставлены не были бы, если бы они не были осуждены и преданы на это Богом. И я хорошо знаю, что это приводит их в великое замешательство. Другого Бога, нежели Творец неба и земли, в своем воображении они потому ведь и создали, что в законе и пророках многое нашли в этом роде, и потому они преткнулись о мнение, будто бы Тот не благ, Кто изрекает такие слова.

Но из-за изложенного сомнения относительно места: *Не введи нас в искушение,* ради которого мы привели слова апостола, теперь мы должны рассмотреть, не можем ли мы найти разрешение противоречий, которое достойно было бы признания.

Держусь я того мнения, что Богом каждая разумная душа руководится с отношением к ее вечной жизни; а именно, она постоянно сохраняет свободный выбор и соответственно своим собственным решением или вперед движется по пути добра, восходя даже на вершину добродетели, или же она по различным ступеням, начиная с невнимательности, сходит в очень глубокие пропасти порока. Поскольку теперь исцеление быстрое, совершившееся в течение времени очень краткого, многим дает повод пренебрегать болезнями, в которые они впали, как будто они легко исцелимы, так что по своем выздоровлении они снова в них впадают, то для Бога представляется в этом твердое основание не дарить таких своим о них промышлением и оставлять без него, чтобы порча в них возрастала, увеличивалась бы в них до высшей степени и становилась бы [в этой жизни] неисцельною, дабы они, долгой порочной жизнью и чрезмерным удовлетворением чувственных пожеланий пресытившись, заметили бы свою поврежденность и потом возненавидели бы то, что перед тем с

радостью обнимали, и, таким образом, по исцелении могли бы из снова восстановленного здоровья своей души извлечь более продолжительную пользу. Подобным образом те, *которые к израильтянам приметались, некогда возымели страстное желание, сидели и* ***плакали*** *вместе с сынами Израиля и говорили: Кто накормит нас мясом? Мы помним рыбу, которую в Египте ели даром, огурцы, и дыни, и лук* [зеленый], ***и*** *лук репчатый, и чеснок; и теперь мы исхудали. Ничего не видим, кроме манны* (Числ. 11, 4 — 6). Потом говорится несколько далее: *И услышал Моисей, что народ плачет в семействах своих, каждый у дверей шатра своего* (Числ. 11, 10). И опять несколько далее Господь говорит Моисею: *И ты должен сказать народу: освятите себя,* [очиститесь] *наутро и будете есть мясо. Так как вы плакали пред Господом и говорили: Кто накормит нас мясом; хорошо нам было в Египте: то и даст вам Господь мясо и будете есть мясо. Не один день будете есть, не два дня, не пять дней и не двадцать дней, целый месяц будете есть, пока оно не пойдет у вас из носа и не сделается для вас отвратительным за то, что вы презрели Господа, Который посреди вас, и не доверяли Ему, и плакали пред Ним, и говорили: зачем это мы вышли из Египта* (Числ. 11, 18 — 20)? Теперь мы посмотрим, целесообразно ли привели мы этот рассказ для разрешения трудности, заключающейся в месте: *Не введи нас в искушение* — и в словах апостола (Рим. 1, 23-28).

В своем страстном желании чужеземцы плакали в среде Израиля и сыны Израиля с ними (Числ. 11, 4). Ясно, что доколе желанного они не имели, то никакого отвращения к тому не получали и не могли заглушить в себе своей страсти; а когда любвеобильный и милосердный Бог желанное дал им, то восхотел Он им дать в такой мере, чтобы пожелания более не осталось. Потому говорит Он, что должны они не в течение только одного дня мясо есть (Числ. 11, 19); страсть в душе разгоряченной и воспламененной оставалась бы, если бы она получила мясо лишь на короткое время. Но и не на два лишь дня Бог дает им желанное; Он хочет поселить в них отвращение к нему; и потому в словах, которыми, казалось бы, выражается к ним благоволение, для способного судить как бы не содержится никакого обещания, а угроза, а именно когда Он говорит: «И не только в течение пяти дней будете вы мясо есть или в течение двойного количества этих дней или двойного количества этих усвоенного, но дотоле вы будете то мясо есть, — потому что вы в течение Целого месяца будете то мясо есть, — доколе мнимое удовольствие и предосудительное постыдное желание мяса не пойдет у вас ноздрями назад в виде рвоты. Таким образом, Я отзову вас из этой жизни свободными от плотских пожеланий; и если вы оставите жизнь в таком состоянии, то чистые от тех пожеланий и помня великие страдания, через которые от них освободились, в состоянии будете или вовсе не впадать в них снова, или, если случаться будет когда-либо

через долгие периоды времени, что вы забудете страдания, какие терпели из-за своей похотливости; и в случае, если не присмотрите за собой и разум в советника себе не пригласите, — разум, который совершенно и от всякой страсти освобождает, снова в порок впадете и потом из преданности временному повторно желать будете ваши пожелания видеть удовлетворенными, то в состоянии будете предметом пожеланий пренебречь и, таким образом, снова обратиться к пище доброй и небесной, которой вы пренебрегли, вместо и ее пожелав дурного». Подобное тому, что происходит с этими, происходит и с теми, которые *славу нетленного Бога изменили в образ и подобие преходящего человека и птиц, и четвероногих, и пресмыкающихся животных* (Рим. 1, 23): *они оставлены* [Богом] *и преданы в пожеланиях их сердца нечистоте, так что они сквернят свои тела* (Рим. 1, 24), они, до мертвого и бесчувственного тела (т. е. идолов) унизившие имя Того, Который все существам, одаренным чувством и разумом, дарует, что они не только чувствуют, но и разумно чувствуют, а некоторым даже и то, что они чувствуют и мыслят совершенно и добродетельно.

И по праву оставивишие Бога и Им оставляются и *предаются постыдным страстям* (Рим. 1, 26): они получают в этом наказание за свое заблуждение, в котором они полюбили схожее с чесоткой удовольствие. *Будучи предаваемы постыдным страстям* (Рим. 1 26), они за свое заблуждение несут высшее наказание, чем какое несли бы, будучи очищаемы духовным огнем, и нежели какое несли бы принужденные в темнице уплачивать все свои долги даже до последнего кодранта (Мф. 5, 26). Потому что, предаваемые постыдным страстям не только естественным, но многим и противоестественным, они себя оскверняют и плотью бывают притупляемы (толстеют, жиреют) до такой степени, как если бы теряли душу и разум и становились как бы всецело плотью; в огне же и в темнице в форме спасительных страданий, назначаемых жадным до удовольствий для очищения их пороков, которым они предавались во время своего заблуждения, в огне же и в темнице за свое заблуждение они не понесли бы никакого наказания, а лишь благодеяние, освобождаясь от всякой нечистоты и крови, которыми оскверняемые и бесславливаемые не в состоянии были даже подумать о своей гибели, чтобы себя предохранить от нее. *Омоет ведь Бог скверну сынов и дщерей Сиона и очистит кровавую вину из их среды духом суда и духом огня* (Ис. 4,4); Он *придет как огонь в плавильной печи и как щелок очищающий* (Мал. 3, 2) и омоет и очистит тех, для которых так целебные средства были необходимы, потому что они *не позаботились о том, чтобы Бога иметь в разуме* (Рим. 1, 28). И если этим (т. е. спасительным) средствам они отдаются с готовностью, то бесславный образ расположений становится им ненавистен. Бог не хочет, чтобы кто-либо был добродетельным по принуждению, но чтобы таким был каждый по доброй воле. Многие вследствие своей

весьма долгой жизни во грехе гнусность его едва ли даже и знали, и они теперь отвращаются его, потому что они ложно считали его за добро.

Рассмотри далее, не для того ли Бог и сердце фараона ожесточил (Исх. 7, 3; 8, 15), чтобы он мог говорить то, что уже, не будучи ожесточенным, говорил: *Господь праведен, а я и мой народ виновны* (Исх. 9, 27). Но надлежало его еще более ожесточить (Исх. 9, 34 — 35), и еще большие бедствия он должен был потерпеть, чтобы презрел он ожесточение как зло именно вследствие не слишком скорого прекращения ожесточения и, таким образом, чтобы не нужно было ожесточать его еще чаще.

Потому, если *не несправедливо птицам сети расставляются*, как об этом говорится в Притчах, напротив, справедливо Бог вводит в сеть, по слову: *Ты ввел нас в сеть* (Пс. 65, 11); и если без воли Отца и малейшая между птицами, а именно воробей, не попадает в силки (Мф. 10, 29; Лк. 12, 6), — потому что кто в силки попадает, тот потому в них попадает, что, значит, не пользовался надлежащим образом данными ему для полета крыльями, — то должны мы молиться, чтобы нам ничего такого не делать, чем заслужили бы попущение от праведного суда Божия быть введенным в искушение. В искушение вводим бывает каждый, кто *предается Богом в пожеланиях своего сердца нечистоте* (Рим. 1, 24); и каждый постыдным страстям предаваем бывает (Рим. 1, 26), и каждый подобным же образом, как он отверг Бога в себе (в духе следует Бога знать, в разуме иметь), оставляется превратному уму творить неподобающее (Рим. 1, 28).

Польза же от искушений следующая. Что в нашей душе ото всех, кроме Бога, даже от нас скрыто, в искушениях это открывается, так что явным делается, каковы мы. Учимся мы тогда сами себя познавать, и таким образом при доброй воле примечать собственные недостатки, и за добро, какое открывается в искушениях, благодарить. А что искушения для той цели настают, дабы открылось, кто мы, или для объявления тайн нашего сердца, это доказывается изречением Господа в книге Иова и местами во Второзаконии, гласящими так: «Думаешь ли ты, что я с тобою с другою какою-нибудь целью состязался, а не с тою, чтобы явить твою справедливость»? И во Второзаконии: *Он испытывал тебя несчастием, томил тебя голодом и питал манною* (Втор. 8, 3), *и Он был твоим путеводителем в пустыне, где жалятся змеи* (Числ. 21, 6) *и скорпионы и жажда* (Втор. 8, 15), *дабы открылись расположения твоего сердца* (Втор. 8, 2). А если мы захотим и из истории себе нечто припомнить, то должны будем понять, что легковерность Евы и непостоянство ее духа не тогда только обнаружились, когда Бог презрел ее и на змея обратил Свое внимание, но, очевидно, уже ранее существовали, потому что змей ведь потому к ней и приблизился, что в своей хитрости заметил ее слабость (Быт. 3, 1—6). Ив Каине его злое намере-

ние не тогда произошло, когда он своего брата убивал, потому что уже и ранее того Сердцеведец Бог не зрел на Каина и его жертву (Быт. 4, 5): открылась же его злоба, когда он Авеля убивал. Далее, если бы Ной не напился вина, им возделанного, и вследствие этого не охмелел и не обнажился, то не обнаружились бы ни Хама безрассудная дерзость и бесстыдство против отца, ни почтительность и благоговение его братьев (Быт. 9, 20 — 23). И преследования Иакова Исавом сделались поводом к отнятию благословения (Быт. 27, 1); но уже и прежде того его душа содержала зерна любодея и презрителя святого (Евр. 12, 15 — 16). И о блестящем целомудрии Иосифа, которым он вооружен был, так что никакое положение не сковывало, мы не знали бы, если бы его повелительница не сделала ему любовных предложений (Быт. 39, 7).

Потому в промежутки времени, когда искушения сменяются, останавливаясь покойно, будем вдумываться в предстоящие и во все возможные несчастья, дабы то, что всегда может случиться, не застало нас неприготовленными, но оказаться нам тщательно вооруженными. Ибо, чего вследствие человеческой слабости еще недостает нам, когда мы все со своей стороны делаем, то дополнятеся Богом, Который *любящим Его во всем содействует к добру* (Рим. 8, 28), им, о которых Он в Своем не ложном предведении наперед знал, чем они некогда сами по себе будут.

[30] Кажется мне, что Лука словами: *Не введи нас во искушение* (Лк. 11, 4) — по смыслу сказал уже и это: *Но избавь нас от зла.* Вероятно, что перед учеником, уже оказавшим некоторые успехи, Господь выразился короче, а перед великим собранием народа — яснее, потому что этот еще нуждался в более определенном наставлении.

Но *избавляет нас Бог от зла* не тогда, когда враг к нам приближается, чтобы победить нас разнообразными своими хитростями при посредстве своих сотрудников, но когда мы мужественно противостоим несчастьям и, таким образом, торжествуем победу. Этот именно смысл, по нашему пониманию, имеет и место: *Много скорбей у праведного, и от всех их избавит его Господь* (Пс. 33, 20). Бог избавляет нас от скорбей не таким образом, что более не посещают нас никакие скорби; ведь и Павел говорит: *Мы терпим всякого рода притеснения* (2 Кор. 4, 8) так, т. е. что никогда не остаемся без скорби; но так, что с Божиею помощью мы никогда не оказываемся в скорбях в положении затруднительном. Выражение *быть стесняемым,* по еврейскому словоупотреблению, обозначает злосчастье, постигающее нас против нашей воли; напротив, выражение *находиться в затруднительном положении* употребляется о ком-либо, кто добровольно позволяет себе быть побеждаемым стесненными обстоятельствами и им поддается. Оттого весьма хорошо говорит Павел: *Мы терпим всякого рода притеснения, и все же ими не стеснены* (2 Кор. 4, 8). Схоже с этим выражением, по моему мнению, место и в Псалмах: *Был и стеснен; но Ты давал мне простор* (Пс. 4, 2). Через простор обозначается здесь радостное и светлое настроение души, какое во времена злосчастные Богом нам дается, потому что Божие Слово тогда нас ободряет и спасает Своею помощью и Своим при нас присутствием. Подобным же образом нужно понимать и *избавление от зла.*

Так, Иова Бог избавляет от зла не таким образом, что диаволу власти не было дано окружить его теми и этими искушениями — такую власть он получил ведь, — а таким, что при всех злоключениях Иов ни в чем не погрешил перед Господом (Иов 1, 22), но оказался праведным. Потому что сатана говорил: *Не даром Иов чтит Господа: Не окружил ли Ты валом все, что находится вне его, Иова, что внутри его дома и вне его в округе его владений? Не благословил ли Ты рабов его, и его стада на земле не сделал ли многочисленными? Но распростри руку Твою и коснись всего, чем он обладает, ей же ей, он Тебя в лицо проклянет* (Иов 1, 9—11), но оказался, к посрамлению своему, клеветником на Иова. Потому что этот, хотя и многое терпел, Бога в лицо все-таки не проклял, как утверждал сатана, напротив, твердо оставался при прославлении Господа даже и тогда, когда был предан искусителю. И когда его жена говорила: *Скажи слово ко Господу и умри* (Иов 2,9), тогда он осуждает ее и порицает словами: *Говоришь ты, как женщина из безумных. Получив доброе от руки Господней, не должны ли мы и злое принять* (Иов 2, 10)? И вторично говорил сатана об Иове: *Кожу за кожу и все, что имеет человек, отдаст за душу свою. Но распростри Твою руку и коснись его костей и его плоти, ей же ей, он в лицо Тебя проклянет* (Иов 2, 4 — 5). Побежденный же добродетельным, и тут он оказался лжецом. Потому что и в жесточайших страданиях Иов остался постоянным и *ни в чем не погрешил своими устами пред Богом* (Иов 2, 10).

А после того, как Иов победоносно выдержал две борьбы, третьей, подобной он уже не подвергался. Потому что та тройная борьба, в трех Евангелиях изложенная (Мф. 4, 1 — 11; Мр. 1, 12—13; Лк. 4, 1 — 13), должна была остаться для Спасителя: трижды наш Спаситель, по человечеству Своему, побеждал врага.

Так как чтобы с разумением молить Бога о том, дабы *не впадать нам в искушение* (Мф. 26, 41; Лк. 22, 40) *и быть избавляемыми от зла* (Мф. 6, 13), мы вошли в довольно тщательное рассмотрение этих изречений, высказав по поводу их и некоторые соображения; так как через послушание Богу мы и сами заслуживаем того, чтобы быть от Него слышимыми, то будем молиться, чтобы в искушении не быть нам умерщвленными (ср. 2 Кор. 6, 9) и чтобы, когда *раскаленные стрелы лукавого* в нас попадают (Еф. 6, 16), не быть нам от них воспламененными. А воспламеняются ими все, *сердце которых,* по выражению одного из 12 пророков, *стало как печь* (Ос. 7, 6); не воспламеняются ими, напротив, те, которые *щитом веры тушат*

все раскаленные стрелы (Еф. 6, 16), бросаемые на них лукавым: они в себе самих имеют реки той воды, *которая течет в жизнь вечную* (Ин. 4, 14). От этих-то вод раскаленные стрелы лукавого остаются без действия; легко ими те стрелы обезвреживаются: от прилива божественных спасительных мыслей, какие через рассмотрение истины напечатлеваются на душе старающегося вести жизнь духовную, поражение тех стрел остается без действия.

[31] Чтобы полнее исчерпать тему о молитве, кажется мне приличным обстоятельнее рассудить о настроении и держании тела, какие должен наблюдать молящийся, о месте, где дблжно молиться, о стороне неба, к которой дблжно взорами быть обращенным, насколько это позволяется обстановкой, о времени, особенно приличном для молитвы и тому подобном.

Настроение относится к душе, держание себя — напротив, к телу. Оттого, имея в виду настроение, Павел, как выше упомянуто, говорит, что молиться дблжно *без гнева и сварливости* (1 Тим. 2, 8); и, намекая на то, как при молитве нужно держать себя, заявляет, что дблжно *воздевать чистые руки* (1 Тим. 2, 8). А это, как мне кажется, заимствовал он из Псалмов, где говорится: *Воздеяние рук моих как жертва вечерняя* (Пс. 140, 2). Относительно места говорит он: *Желаю, чтобы молились мужи на всяком месте* (1 Тим. 2, 8). А касательно стороны неба говорит Соломон в книге Премудрости: *Дабы известным стало, что должно предупреждать солнце возношением благодарности Тебе и что пред наступлением дневного света дблжно общение иметь с Тобою* (Прем. 16, 28).

Поэтому, кто готовится идти к молитве, тот, по моему мнению, должен на несколько мгновений остановиться и приготовиться, чтобы в течение всей молитвы поддержать в себе собранность духа и горячность; должен он отстранять от *себя* всякое искушение рассеянности мыслей и, насколько то возможно, помнить о величии, перед которым он предстоит; должен он оставить все инородное и уже после этого идти на молитву, потому что прежде рук молящийся самую душу *должен* распростирать; прежде чем очами сердцем к Богу возноситься, прежде чем с места встать, разумом должен к Богу воспарить и перед Господом вселенной себя поставить, а точно так же и всякую сварливость с мнимыми обидчиками оставить, подобно тому как и от Бога он желает прощения себе всего того, чем он погрешил против Него и чем провинился перед многими из своих ближних или в чем, по собственному своему сознанию, поступил он только против здравого разума.

А именно мы не имеем права и сомневаться, что из всех бесчисленных положений тела положение с распростертыми руками и поднятыми вверх очами заслуживает предпочтения; потому что тогда и на теле отпечатлевается как бы образ того особенного свойства, которое приличествует во время молитвы душе. Мы сказываем, однако же, что это положение тела предпочитать дблжно лишь тогда,

когда дозволяется это обстоятельствами; потому что при известных **обстоятельствах** часто пристойнее бывает молиться сидя, например при **некоторой,** могущей быть очень важною, болезни ног; или даже и лежа, при состояниях лихорадочных и подобных болезнях; **а** по **обстоятельствам** можно молиться **и** так, что не будут замечать того **другие;** например, если мы на корабле или если занятия не дозволяют нам уединиться **и** предаться должной молитве. Дблжно далее **знать,** что **и** преклонение коленей необходимо, когда кто собирается **каяться** перед Богом **в** своих грехах **и** молить Его об исцелении от них и прощении их; коленопреклонение есть символ того, как Павел **повергался,** свою покорность выражая словами: *Для сего преклоняю колени мои пред Отцем, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле* (Еф. 3, 14 — 15).

На духовное же коленопреклонение, так названное потому, что все существующее преклоняется перед Богом во имя Иисуса и перед Ним смиряется, мне кажется, намекает апостол в словах: *Дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено существ земных и преисподних (Флп.* 2, 10). Потому что нельзя же допустить, что тела небесных существ так образованы, что они и телесные колени имеют; основательно об этом рассуждавшие доказали, что тела их шарообразны[1]. Тот же, кто не хочет с этим согласиться, тот, поставляя себя перед разумом, в иных случаях, хотя бы и не должен был самого себя стыдиться, должен признать за каждым из членов и цель, чтобы ничего не было такого, что Богом было бы сотворено для тех [небесных существ] напрасно; а таким образом он с обеих сторон будет натыкаться на препинания как в том случае, когда он станет утверждать, что телесные члены существам небесным даны Богом напрасно и вовсе не для свойственного им отправления, так и в том, если он будет говорить, что внутренности и прямая кишка и у небесных существ исполняют свойственные им отправления. И очень глупое было бы желание выпутаться из затруднительного этого положения принятием предположения, что как в статуях, так и у внемерных существ лишь внешность человекообразна, а не внутренность. Это захотелось мне заметить относительно преклонения коленей по поводу расследования и рассмотрения того, как *пред именем Иисуса преклоняется всякое колено существ небесных, земных и преисподних* (Флп. 2, 10). То же самое написано и у пророка: *Предо Мною преклонится всякое колено* (Ис. 45, 23; ср. Рим. 14, 11).

И касательно места молитвы дблжно знать, что на всяком месте пристойно молиться, лишь бы право молиться, *потому что на каждом месте,* говорит Господь, *Мне приносить будете жертвы* (Мал. 1, 11); и: *Желаю, чтобы мужи молились на всяком месте* (1 Тим.

[1] Так учили Тимей, Платон и Аристотель. Они утверждали, что мир и все небесные тела шарообразны. Платон и стоики подобную форму приписывали даже и Творцу мира. ... „ е-

2, 8). Но для того, чтобы молиться спокойно и при молитве не рассеиваться, правильнее выбирать в своем доме для молитвы место по возможности, так сказать, наиприличнейшее и на нем молиться; но при этом вместе с общей разборчивостью относительно места нужно разведывать, не было ли на нем когда-либо совершенно какого-либо злодеяния и допущено деяний, несогласных со здравым разумом, потому что по причине этих не только от нас самих, но и от места нашей молитвы глаз Божий отвращается.

Если же относительно этого пункта (т. е. относительно места молитвы) уместно еще дальнейшее расследование, то должен я нечто такое сказать, что будет несколько соблазнительно, но при более тщательной проверке, может быть, покажется важным, а именно: нужно размышлять, прилично ли и справедливо ли в общение с Богом вступать на месте не только недозволенного полового общения, но и дозволенного, которое, по слову Апостола, *из снисхождения позволяется, а не повеление относительно которого дается* (1 Кор. 7, 6). Потому что если надлежащее прилежание к молитве обусловливается воздержанием в течение известного времени, то, быть может, это же самое, где возможно, нужно принимать в соображение и относительно места.

Но нечто привлекательное наряду с пользой молитвы имеет в себе и место ее, а именно место собрания верных. Это и естественно. Потому что в собраниях верных присутствуют как небесные силы, так и присущая им сила Господа нашего и Спасителя; кроме того, тут же присутствуют и души святых, особенно, по крайней мере по моему мнению, души святых уже отошедших; а еще вернее этого то, что присутствуют тут души святых еще живых; что касается до того, как происходит это, объяснить это нелегко. О присутствии же [в молитвенных христианских собраниях] ангелов можно заключать из следующего: Если *ангел Господень ополчается вокруг боящихся Его* т. е. Господа, *и спасает их* (Пс. 33, 8) и если Иаков не только о себе, но и о всех почитателях Бога всеведущего выражает истину словами: *Ангел, который избавляет меня* [а так же и всех благочестивых] *от всех зол* (Быт. 48, 16), то тем более естественно, чтобы во время правых собраний большого числа [верных] во славу Христа ангел каждого ополчался вокруг богобоязливого, находился бы подле каждого мужа, которого защита и руководство ему вверены, так что в собраниях святых присутствует двоякое общество: одно — состоящее из людей, другое — из ангелов. И когда Рафаил говорит, что он молитву уже и одного Товита (Тов. 12, 12; 3, 1 и др.) приводил себе на память, а потом молитву и Сарры (Тов. 3, 11—25), которая позднее через брак с [младшим] Товиею сделалась того старшего Товии (т. е. Товита) невесткой, то что же нужно сказать о том, когда многие сходятся *в одном духе и в одних мыслях* (1 Кор. 1,10) и составляют *одно тело во Христе* (Рим. 12, 5)? Далее, что и сила Господа присуща обществу Его, об этом говорит Павел: *В собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа обще с моим духом* (1 Кор. 5, 4), чем выражено, что причастниками *силы Господней* были не только ефесяне, но и коринфяне. И если еще телом облеченный Павел верил, что своим духом он может действовать в Коринфе, то, конечно, основательно будет принять, что точно так же и отшедшие блаженные приходят своим духом в церковные собрания и, может быть, еще скорее, нежели как спешит кто туда, состоя в теле. Поэтому-то молитвы в тех собраниях и нельзя считать за маловажные: для присутствующего на них правым образом они заключают в себе нечто чрезвычайное.

Но как сила Иисуса, дух Павла и ему подобных присоединяются к тем и с теми соединяются, которые с правыми расположениями собираются, как ангелы Господа вокруг каждого святого ополчаются, так обращать внимание дблжно, чтобы греховной жизнью не предать себя ангелу сатаны, если кто святого ангела оказывается недостоин. Потому что такому, если ему подобных немного, недолго бодрствования ангелов и лишиться, которые по божественному определению служат руководителями общества и проступки такого лица доводят до общего сведения. Если же число таких лиц умножилось и сходятся они по примеру человеческих обществ и более для какихнибудь земных занятий, то становятся они вовсе не наблюдаемыми [ни Богом, ни святыми ангелами]. Это открывается из слов Господа у Исаии: *И тогда Я не пожелаю от вас ваших жертв, если вы явитесь пред лице Мое* (Ис. 1, 11 — 12); *Я отвращу от вас,* — говорит Он, — *очи Мои; и хотя бы вы и много молились, все же Я не услышу вас* (Ис. 1, 15). Вместо вышеупомянутого двойного общества святых людей и блаженных ангелов тогда происходит, может быть, иное двойное стечение: нечестивых людей и злых ангелов. И святые ангелы, и благочестивые люди о таком собрании могли бы сказать: *В совете суеты я не сижу и со злодеями не хочу я обращаться. Ненавижу я собрание людей злых, среди нечестивых сидеть я не хочу* (Пс. 25, 4 — 5). Отягощенные многими грехами, жители Иерусалима и всей Иудеи, полагаю я, потому-то и подпали власти врагов, что они, вознерадев о законе, оставлены были Богом, ангелами-хранителями и помощью святых людей; часто ведь и целые общества оставляемы бывают, впадают в искушения, *берется у них то, что, казалось, они имеют еще* (Мф. 25, 29; Лк. 8, 18), потому что, подобно той *смоковнице* (Мф. 21, 19; Мк. 11, 13 — 21), которая проклята была и потом с корня засохла, как не давшая никакого плода во время голода Иисуса, засыхают они и теряют малость и той сверхъестественной жизненной силы, какую в себе имели еще.

Эти разъяснения показались мне необходимыми здесь, при определении места молитвы и при изложении преимуществ, какие представляют собою места собрания святых, сходящихся в церковь с подобающим страхом.

[32] Теперь и о том немногое можно сказать, к какой стороне неба нужно обращенным быть при молитве. Но так как сторон неба четыре, а именно: север и юг, запад солнца и восток, то кто же не согласится, что сторона к востоку солнца ясно на то указывает, что и при молитве мы должны обращаться туда, в знак того, что души смотрят на восход истинного Света[1]?

Если же кто-нибудь желает приносить свои молитвы лучше при отверстых дверях дома, в какую бы сторону эти двери дома ни были бы обращены; и если кто утверждать будет, что вид неба имеет в себе нечто более привлекательное, чем вид стены, — в случае если дом к восходу солнца не имеет никакого просвета, — тому можно возразить: так как здания строятся по человеческому распоряжению с пролетами к той или другой стороне неба, а восток перед прочими сторонами неба имеет естественное преимущество, — то естественное нужно предпочитать произвольно устрояемому. Иначе на этом основании желающий на свободе молиться почему же за лучшее будет считать обращаться при молитве лучше к востоку солнца, чем к западу? Но если есть достаточные основания предпочитать восток, то почему же не должно быть наблюдаемо это и постоянно? Но об этом довольно.

[33] Считаю приличным теперь нечто сказать еще о составных частях молитвы и тем рассуждение о ней закончить.

Мне кажется, что могут быть различаемы в молитве четыре составные части: столько частей нашел я различаемыми Писанием, хотя они и предлагаются здесь рассеянно. Молитва каждого и должна состоять из тех четырех частей. Эти составные части суть следующие. В начале и во вступлении к молитве дблжно по силам прославлять Бога, через Христа сопрославляемого, во Святом Духе сославимого. Затем каждый должен присоединять благодарения как общие за благодеяния, оказываемые всем людям, так и за особенные, в частности получаемые. По благодарении, полагаю я, дблжно изливать перед Богом покаянную скорбь о своих грехах и, во-первых, молить Его об исцелении от наклонности ко греху и освобождении от нее; во-вторых, о прощении грехов, дотоле совершенных. По исповедании грехов, полагаю я, дблжно, в-третьих, прошения присоединять «о предметах важных и небесных», как об особенных, так и общих, а также прошения за домашних и друзей. И ко всему этому молитву заключать прославлением Бога через Христа во Святом Духе.

Эти составные части молитвы, как уже упомянуто, Писанием предлагаются рассеянно. Прославление заключается в 103-м псалме в следующих словах: *Господи, Боже мой! Как дивно велик Ты! Ты облечен славою и величием, Ты, Который светом, как ризою, одеваешься, Который небо, как покров, распростираешь, Который*

[1] Т. е. Христа, Который есть *истинный Свет* (Ин. 1, 9).

над ним пространства водами покрываешь, Который облака делаешь Своею колесницею, шествуешь на крыльях бури, Который Своих ангелов делаешь ветрами и Своих служителей — огнем, Который землю поставил на твердых основах, так что она не поколеблется во всю вечность. Ты покрыл ее бездною, как одеянием. На горах стоят воды. От Твоего прещения бегут они, гласа грома Твоего ужасаются (Пс. 103, 1—7). Но и в большей части этого псалма содержится прославление Отца. Этих прославлений каждый и сам может собрать более и увидеть, как составная часть молитвы, прославление, рассеяна во многих местах [Писания]. Примером благодарения может служить восклицание Давида во второй книге Царств после обетований (2 Цар. 7, 8—17), данных ему через Нафана, когда царь этот, объятый изумлением перед доказательствами милости к нему Божией, выразил свою благодарность за то в следующих словах: *Кто я, Господи, мой Господи, и что такое дом мой, что Ты меня в такой степени возлюбил? И я был слишком мал пред Тобой, Господи мой! О доме раба твоего и в далеком будущем Ты говорил. Это уже по-человечески, Господи, мой Господи! Что еще может сказать тебе Давид* (т. е. как мог бы я благодарность свою в словах выразить)? *Ты знаешь ведь раба твоего, о Господи! Ради раба Твоего Ты сделал это, и по сердцу Твоему делаешь Ты все это великое; чтобы открыть это рабу Твоему, дабы он превозносил Тебя, Господи, мой Господи* (2 Цар. 7, 18 — 22). Пример исповедания грехов: *От всех моих беззаконий избавь меня* (Пс. 38, 9). И в другом месте: *Смердят, гноятся раны мои от беззакония моего. Я согбен и совсем поник, весь день сетуя хожу* (Пс. 37, 6 — 7). Пример прошений в 27-м псалме: *Не погуби меня вместе с нечестивыми и вместе со злодеями не изгладь меня* (Пс. 27, 3) — и т. п. Справедливо, наконец, чтобы начатая прославлением молитва прославлением же и оканчивалась бы и заключалась, а именно возвеличиванием и прославлением Отца Вселенной через Иисуса Христа во Святом Духе, Которому слава во веки.

О СВОБОДЕ ВОЛИ
(из трактата -«О началах»)*

Глава I из книги 3 трактата «О началах» по тексту «Филокалии Оригена», составленной свв. Василием Великим и Григорием Богословом. Полное заглавие в «Филокалии»: О свободе воли. Разрешение и объяснение изречений Писания, повидимому отвергающих ее.

1. В церковной проповеди содержится учение о праведном суде Божием; это учение призывает слушателей, убежденных в его истинности, к доброй жизни и всевозможному уклонению от греха — конечно, предполагая с их стороны убеждение, что достойное как

* Пер. Н. Петрова.

похвалы, так и порицания находится в их власти. Поэтому мы должны особо изложить краткое учение о свободе воли, так как это вопрос в высшей степени необходимый. Но чтобы знать, что такое свобода воли, нам нужно раскрыть понятие о ней; тогда, после точного уяснения этого понятия, определится и предмет исследования.

2. Из движущихся предметов некоторые имеют причину движения в себе самих, другие же получают движение только извне. Только извне получают движение предметы неживые, каковы бревна и камни, и вся материя, обладающая только связью своих частей. (Здесь мы должны оставить в стороне рассуждение о том мнении, по которому течение тел есть движение, потому что это рассуждение не относится к делу.) В себе сами имеют причину движения животные и растения — и вообще все, что имеет природу и душу; сюда же, говорят, относятся и металлы. Кроме того, самоподвижен и огонь, а может быть, и источники. Из предметов, имеющих причину движения в себе самих, одни, говорят, движутся из самих себя, другие же — от себя самих. Из себя движутся неодушевленные предметы, от себя же — одушевленные. Одушевленные предметы двигаются от себя, потому что им присуще воображение, вызывающее стремление. И к тому же некоторым животным присущи представления, вызывающие стремление, причем способность воображения направляет стремление строго определенным образом.Так, пауку присуще представление о ткании [паутины], и это представление сопровождается [у него] стремлением ткать [паутину], потому что способность воображения необходимым образом побуждает его к этому. Но, кроме способности воображения, у животного, наверное, нет ничего другого, даже у пчелы при устроении восковых сотов.

3. Но разумное животное, кроме способности воображения, имеет еще разум, обсуждающий представления и некоторые [из этих представлений] отвергающий, другие же — принимающий, чтобы действовать сообразно с ними. В природе же разума есть способность к созерцанию доброго и постыдного — та способность, следуя которой мы усматриваем доброе и дурное и избираем доброе, злого же избегаем; поэтому, когда мы отдаемся доброделанию, мы бываем достойны похвалы, в противном случае бываем достойны порицания. Нельзя при этом не заметить, что высшая природа, упорядоченная во всех отношениях, есть, пожалуй, и у животных — то в большей, то в меньшей степени, так что действия собак и боевых лошадей приближаются, если можно так выразиться, к действиям разумным. Таким образом, получить извне какое-нибудь воздействие, вызывающее в нас то или другое представление, — это, по общему признанию, не подлежит нашей власти. Но решение так или иначе воспользоваться случившимся есть уже дело не кого-либо иного, а присущего нам разума, который при внешних воздействиях или побуждает нас [следовать] стремлениям, призывающим нас к прекрасному и должному, или отклоняет к противному.

4. Если же кто говорит, что воздействие извне таково, что, раз оно совершилось, противиться ему уже невозможно, то пусть он обратит внимание на собственные чувства и движения: разве не бывает одобрения, и согласия, и решения владычественной [части души] на какой-нибудь поступок по каким-либо убедительным [внутренним] основаниям? Например, если человек решил быть воздержанным и удерживаться от совокуплений, то женщина, явившаяся ему и предлагающая совершить нечто противное этому решению, не делается для него самодостаточной причиной нарушить решение. Конечно, если человек совершенно отдался разжжению и обаянию удовольствия и не желает противиться ему, не желает исполнять свое решение, то он совершает распутный поступок. Напротив, с другим человеком случаются такие же разжжения и возбуждения; но при тех же самых обстоятельствах он больший приобрел опыт и [больше] работал над собой — и разум, в высшей степени усиленный и воспитанный учением и утвержденный догматами в добродетели или уже близкий к такому состоянию утвержденности, сдерживает возбуждение и лишает силы желание.

5. Но если это так бывает с нами, то неправильно и неблагоразумно объяснять все внешними причинами и освобождать себя от вины, считая самих себя подобными дровам и камням, которые извне движутся людьми, таскающими их; такое понимание свойственно тому, кто хочет исказить понятие свободы. И действительно, если мы спросим его, что такое свобода воли, то он скажет: [я свободен в том случае], если какому-либо моему решению не противодействует извне ничто, побуждающее к противоположному. Точно так же нелепо обвинять слабое телесное сложение. Ведь воспитывающее слово увлекает людей самых невоздержанных и самых грубых, если только они следуют побуждению [этого слова], и изменяет их так, что [в них] происходит огромный переворот и перемена к лучшему; при этом часто самые невоздержанные делаются лучше людей, которые прежде, по-видимому, не были такими (т. е., невоздержанными), и самые грубые становятся столь кроткими, что люди, никогда не бывшие такими грубыми, кажутся, однако, грубыми по сравнению с этим человеком, обратившимся в кроткого. Другие же, как мы видим, весьма постоянные и весьма благочестивые, вследствие обращения к дурным сообществам, оставляют благочестие и постоянство, так что обращаются к необузданности, часто начиная невоздержанную жизнь в среднем возрасте и впадая в бесчинство по прошествии юности, непостоянной по [самой своей] природе. Итак, разум доказывает, что внешние обстоятельства — не в нашей власти, но так или иначе воспользоваться ими, взяв разум в качестве судьи и исследователя того, как нужно отвечать на различные внешние обстоятельства, — это наше дело.

6. Вести добрую жизнь — наше дело, и Бог требует этого от нас не так, как будто это зависит от Него или происходит от кого-ни-

будь другого или, как думают некоторые, от судьбы, но [требует] именно как нашего дела. Об этом свидетельствует [нам] пророк Михей такими словами: *Возвестися ли тебе, человече, что добро, или чесого Господь ищет от тебе, разве еже творити суд и любити милость* (Мих. 6, 8)? И Моисей свидетельствует: *Дах пред лицем твоим* путь жизни и путь смерти, чтобы ты избрал добро и ходил в нем (Втор. 30, 15). И Исайя говорит: *Аще хощете и послушаете Мене, благая земли снесте, аще же не хощете, ниже послушаете Мене, меч вы пояст, уста бо Господня глаголаша сие* (Ис. 1, 19 — 20). И в Псалмах говорится: *Аще быша людие Мои послушали Мене, Израиль аще бы в пути Моя ходил, ни о чесомже убо враги его смирил бых и на оскорбляющие их возложил бых руку* Мою (Пс. 80, 14 — 15). Из этих слов видно, что слушать и ходить путями Божиими было во власти народа. И Спаситель говорит: *Аз же глаголю вам не противитися злу* (Мф. 5, 39), и: *Всяк гневаяйся на брата своего всуе повине есть суду* (Мф. 5, 22), и еще: *Всяк иже воззрит на жену, ко еже вожделети ее, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Давая эти и другие заповеди, Спаситель выражается так, как если бы в нашей власти заключалось исполнение этих предписаний, и мы по справедливости будем подлежать суду, если будем нарушать их. Поэтому Он говорит: *Всяк, иже слышит словеса Моя сия и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени* и пр.; *слышай же и не творяй* подобен *мужу уродиву, иже созда храмину свою на песце* и т. д. (Мф. 7, 24—26). Говоря же стоящим по правую сторону: *Приидите благословении Отца Моего* и пр.: *взалкахся бо, и даете Ми ясти, возжадахся, и напоите Мя* (Мф. 25, 34 — 35). Он весьма ясно дает обетования [им], как заслуживающим похвалу. Наоборот, другим, достойным порицания по своей вине, Он говорит: *Идите, проклятии, во огнь вечный* (Мф. 25, 41). Посмотрим еще, как говорит с нами Павел — как с [людьми] свободными и виновными в своей погибели или спасении. Или, говорит он, о *богатстве благости Его и кротости, и долготерпения нерадиши, не ведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу собиравши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия. Иже воздаст коемуждо по делом его: овым убо, по терпению дела благого, славы и чести, и нетления ищущим, живот вечный, а иже по рвению убо противляются истине, повинуются же неправде, — ярость и гнев, скорбь и теснота на всяку душу человека, творящего злое, иудея же прежде и еллина: слава же и честь, и мир всякому, делающему благое, иудееви же прежде и еллину* (Рим. 2, 4 — 10). Вообще в Священном Писании есть множество мест, где свобода воли утверждается весьма ясно.

7. Но некоторые изречения Ветхого и Нового Заветов клонятся к противоположному, т. е. [к той мысли], что не в нашей власти соблюдать заповеди и спасаться или нарушать их и погибать. Поэтому

мы отчасти приведем и некоторые из этих изречений и рассмотрим объяснение их, чтобы кто-нибудь, собрав все места, отвергающие свободу воли, мог разъяснить их по образцу тех изречений, какие предлагаем мы. Так, многих смущает сказанное о фараоне, о котором Бог говорит много раз: *Аз ожесточу сердце фараона* (Исх. 4, 21). Ведь если [фараон] ожесточается Богом и грешит именно вследствие этого ожесточения, то он уже невиновен в своем грехе; если же это так, то фараон несвободен. А кто-нибудь скажет, что подобным образом и погибающие несвободны и погибают не сами собой. У пророка Иезекииля сказано: исторгну каменные сердца их, и дам плотяные, *яко да в заповедех Моих ходят и оправдания Моя сохранят* (Иез. 2, 19 — 20). Эти слова могут внушить кому-нибудь мысль, будто ходить в заповедях и хранить суды дает Бог — именно тем, что отнимает каменное сердце, препятствующее этому, и влагает лучшее, плотяное сердце. Увидим также из Евангелия, чтб отвечает Спаситель тем, которые спрашивали [у Него], почему толпе Он говорит в притчах. Он говорит: *Да видяще не узрят, и слышаще слышат и не разумеют, да не когда обратятся, и оставятся им греси* (Мф. 4, 12). Еще у Павла [читаем]: *Ни хотящего, ни текущего, но милующего Бога* (Рим. 9, 16). И в других местах: *И еже хотети, и еже деяти* — от Бога. *Темже убо егоже хощет Бог, милует, а егоже хощет, ожесточает. Речеши убо ми: чесо ради еще укоряет? воли бо Его кто воспротивился* (Фил. 2, 13; Рим. 9, 18 — 19)? Еще: вера от призывающего, а не от нас. *Темже убо, о человече, ты кто еси, против отвещаяй Богови? Еда речет здание создавшему: почто мя сотворил еси тако? Или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смешения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь* (Рим. 9, 20 — 21)? Эти слова сами по себе способны многих смутить, как будто человек не свободен, но Бог спасет и губит кого хочет.

8. Итак, начнем со слов о фараоне, которого Бог ожесточил, чтобы он не отпускал народа; вместе с тем мы рассмотрим и апостольское изречение: *Темже убо егоже хощет* Бог, *милует, а егоже хощет, ожесточает* (Рим. 9, 18). Этими словами пользуются некоторые из инославных, которые почти отрицают свободу и признают одних по природе погибающими, неспособными ко спасению, других же по природе спасаемыми, не могущими погибнуть. Фараон, говорят они, был погибающей природы и потому был ожесточен Богом, Который милует духовных и ожесточает земных. Итак, рассмотрим, что они говорят. Спросим у них, земной ли природы был фараон? Когда же они ответят [утвердительно], то мы скажем, что человек земной природы совершенно непокорен Богу; но если он непокорен, то какая нужда ожесточать его сердце, и это не однажды, а много раз? Очевидно, возможно было убедить его, и он, пораженный чудесами и знамениями, мог совершенно смягчиться, потому что он не был земным; но так как он [сам] слишком упорствовал,

то Бог и пользуется им, чтобы показать Свое величие для спасения многих, и ради этого ожесточает его сердце. Это сказано против них, прежде всего для опровержения того их мнения, будто фараон был погибающей природы. То же самое нужно сказать им и относительно слов апостола. Кого ожесточает Бог? Или погибающих — и в таком случае они могли бы смягчиться, если бы не были ожесточены, или же спасаемых, — очевидно, потому, что они непогибающей природы. Кого Он милует? Конечно, спасаемых? Но зачем нужно им второе помилование, если они однажды приготовлены ко спасению и по самой природе предназначены к блаженству? Ясно, что без помилования они принимают погибель и потому именно милуются, дабы им не подвергнуться погибели, к которой они способны, но быть в земле спасаемых. Вот что сказано [нами] против этих [еретиков].

9. Нужно еще спросить у людей, думающих, что они понимают выражение «ожесточил», что означает, по их словам, ожесточение сердца Богом и с какой целью Бог делает это? При этом пусть они сохранят понятие о Боге, воистину праведном и благом, или не хотят — согласимся на этот раз с ними, — [только] праведном, и пусть они покажут, каким образом благой и праведный или только праведный оказывается справедливым, когда ожесточает сердце человека, погибающего именно вследствие этого ожесточения, и каким образом праведный делается виновником погибели и непокорности тех, кого Сам же Он наказывает за ожесточение и непокорность Себе? За что же еще он порицает фараона, говоря: «Ты не хочешь отпустить народ Мой; вот Я поражу всех первенцев в Египте и первенца твоего» — и прочее, что по Писанию Бог говорил фараону через Моисея? Ведь, кто верует, что Писания истинны и что Бог справедлив, тот, если он верует разумно, необходимо должен показать, каким образом в таких изречениях можно находить ясную мысль о справедливости Бога. Если же кто открыто и решительно считает Творца злым, то с ним нужно рассуждать иначе.

10. Но так к;<к, по их словам, они считают Бога справедливым, а мы — и благим и справедливым вместе, то посмотрим, каким образом благой и праведный мог ожесточить сердце фараона? Итак, смотри, не можем ли мы одним примером, которым воспользовался апостол Павел в «Послании к евреям», показать, каким образом Бог одним и тем же действием одного милует, а другого ожесточает, причем Бог не задается целью ожесточить, но ожесточает ожесточенного, как говорят, самым Своим добрым намерением, за которым следует, [однако], ожесточение вследствие присущего самим [людям] зла? *Земля,* говорит он, *пившая сходящий на ню дождь и рождавшая былия добрая оным, имиже и делаема бывает, приемлет благословение от Бога, а износящая терния и волчец непотребна и клятвы близ еяже кончина в пожжение* (Евр. 6, 7—8). Значит, действие дождя — одно; но при одном действии дождя воз-

деланная земля приносит плоды, а запущенная и невозделанная — приносит терние. Пожалуй, показалось бы резким, если бы Дающий дождь сказал: «Я произвел и плоды и терние на земле». Но хотя это и резко, однако истинно, потому что если бы не было дождя, то не родились бы ни плоды, ни терния; при благовременном и умеренном выпадении дождя родилось то и другое. Итак, земля, часто пьющая сходящий на нее дождь и тем не менее производящая терния и волчцы, — негодная земля и близкая к проклятию. Ведь благословение дождя снизошло и на худшую землю; но невозделанная и необработанная почва произрастила терния и волчцы. Подобным образом и чудеса, совершаемые Богом, суть как бы дождь; различные же расположения — это как бы земля возделанная, которая, как земля, имеет все же одну природу.

11. Подобным же образом, если бы солнце, возвысив голос, сказало: «Я расплавляю и иссушаю», то хотя расплавление и высушивание противоположны, однако солнце не сказало бы в этом случае лжи, потому что от одной и той же теплоты воск растапливается, а грязь высыхает. Точно так же одно и то же действие, которое совершалось [Богом] через Моисея, у фараона обнаруживало ожесточение вследствие его злобы, а у египтян, присоединившимся к евреям и вышедшим вместе с ними, [обнаруживало] покорность. Однако немного ниже написано, что сердце фараона как бы смягчалось и он говорил: «Не ходите далеко, идите на три дня и оставьте своих жен», и прочее, что он говорил вскоре, уступая чудесам. Это показывает, что знамения несколько подействовали и на него, только не вполне покорили его. Но этого, конечно, не было бы, если бы ожесточение сердца фараонова было произведено Самим Богом, как думают многие. Не излишне подтвердить это и [примерами] из обыденной жизни. Часто добрые господа говорят рабам, испортившимся вследствие их доброты и терпения: «Я сделал тебя дурным, я виноват в твоих таких преступлениях». Вообще нужно обращать внимание на характер и значение слов и не клеветать, не вникая в смысл речи. Павел, который глубоко исследовал этот вопрос, говорит, [обращаясь] к согрешающему: *Или о богатстве благости Его и кротости, и долготерпения нерадиши, не ведый, яко благость Божия на покаяние тебя ведет? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу собиравши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия* (Рим. 2, 4 — 5). Но, что апостол говорит грешнику, это можно сказать и фараону — и тогда возвещенное ему становится вполне понятным, потому что он собрал себе гнев жестокостью и нераскаянностью своего сердца, причем, однако, упорство его не было бы так изобличено и не сделалось бы столь очевидным, если бы не совершились знамения или если бы совершились, но не столь .многочисленные и великие.

12. Но так как этим рассуждениям труДно поверить и они кажутся натянутыми, то обратимся к пророческому слову и посмотрим,

что говорят люди, которые испытали великую благость Божию, но не жили праведно и после этого согрешили? *Что уклонил еси нас Господи, от пути Твоего и ожесточил еси сердце наше еже не боятися* имени Твоего? *Обратися ради раб Твоих, ради племен достояния Твоего, да поне мало наследим горы святыя твоея* (Ис. 63, 17 — 18). И у Иеремии говорится: *Прельстил мя еси, Господи, и прельщен есмь,* Ты победил *и превозмогл еси* (Иер. 20, 7). Слова: *Что ожесточил еси сердце наше, еже не боятися* имене Твоего? — сказанные людьми, просившими помилования, понимаемые в обычном смысле, означают следующее: зачем Ты так много позволил нам, не посещая нас во грехах [наших], но оставив нас до тех пор, пока наши грехи дошли до множества? Бог оставляет очень многих без наказания для того, чтобы характер каждого подвергся свободному испытанию, и лучшие люди через это испытание становились бы известными, а прочие, не скрывшись — не от Бога, конечно, потому что Он знает все прежде совершения, но от разумных существ и от самих себя, — впоследствии вступили бы на путь богоугождения. Не осудив же себя, они не могли бы познать и добродетель; это [самоосуждение] полезно каждому, чтобы понять свое состояние и благодать Божию. Ведь, если кто не чувствует собственного бессилия и божественной благодати, тот хотя и получает благодеяния, но, не испытав и не осудив себя, будет считать данное ему небесной благодатью своим собственным делом, а это, порождая [в человеке] высокое мнение о себе и гордость, послужит причиной падения, что и случилось, по нашему мнению, с диаволом: он приписал самому себе те преимущества, какие имел, будучи чистым: *Яко всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется* (Лк. 18, 14). Заметим еще, что божественные [тайны] скрыты от премудрых и разумных, как говорит апостол, что *да не похвалится всякая плоть пред Богом* (1 Кор. 1, 29); но они открыты младенцам, которые после младенчества достигли лучшего и помнят, что достигли высшей степени блаженства не столько сами собой, сколько по неизреченной благодати [Божией].

13. Таким образом, оставляемый оставляется по суду Божиему и Бог долготерпит некоторым из грешников не без основания: ведь душа предназначена к бессмертию и к бесконечному веку, и им (грешникам) полезно не скоро получить помощь в деле спасения, но быть доведенными до него медленно, после искушения многими бедствиями. Известно, что врачи могут излечить кого-нибудь очень скоро; но, подозревая в теле присутствие яда, они поступают для излечения противоположным образом, делая это ради вернейшего выздоровления. Они думают, что для больного лучше подольше пребыть в жару и слабости, но зато достичь тем более надежного выздоровления, нежели вылечиться по видимому очень скоро, а потом опять заболеть так, чтобы скорое исцеление оказалось только временным (на время). Может быть, таким же образом [поступает] и Бог: зная

тайны сердца и предвидя будущее, Он попускает в Своем долготерпении и посредством внешних событий извлекает [наружу] скрытое зло, чтобы таким образом очистить человека, нерадением собравшего [в себе] семена греха; и пусть при этом человек находится в величайших грехах; извергнув эти грехи, вышедшие на поверхность, он может впоследствии снова научиться, получив очищение после греха. Бог же управляет душами, имея в виду, что они предназначены **не** к каким-нибудь пятидесяти годам здешней жизни, но к бесконечному веку, ибо Он сотворил разумную [душу] нетленной по природе и сродной Себе и [после смерти] разумная душа не лишается врачевания, как и в этой жизни.

14. Возьмем еще такое сравнение из Евангелия. Вот скала с небольшим поверхностным слоем земли. Если на нее упадут семена, то скоро всходят; но, взойдя, они погибают от зноя и засыхают при появлении солнца, так как не имеют корня (Мф. 13, 19). Эта скала есть человеческая душа, ожесточившаяся вследствие нерадения и окаменевшая под влиянием порока, потому что Бог никому не создал каменного сердца, но оно становится таким от порочного направления. Итак, если бы кто-нибудь, видя, что семена, посеянные где-либо на каменистой земле, уже взошли, стал упрекать земледельца за то, что он не сеет поскорее семена в каменистую землю, то земледелец ответил бы: «Я засею эту землю попозже, набросавши на нее слой почвы, которая могла бы держать семена, потому что более поздняя жатва на такой земле будет лучше и вернее, нежели [жатва] на земле с посевом более ранним и поверхностным (неглубоким)». И нужно согласиться с земледельцем, так как он говорит разумно и поступает на основании опыта. Так и великий Земледелец всей природы благодеяние, которое можно было бы оказать скорее, отсрочивает, чтобы оно не было поверхностным. Но, может быть, кто-нибудь возразит нам на это: зачем же некоторые семена падают в душу, имеющую землю только на поверхности и подобную камню? На это нужно сказать следующее. Если какая-нибудь душа возжелала как можно скорее [достигнуть] лучшего, но шла не тем путем, какой ведет к нему, то для такой души лучше получить то, чего она пожелала; тогда, осудив при этом себя, она в терпении сообразно с природой станет возделывать землю, чтобы впоследствии, по истечении долгого времени, получить [жатву]. Можно сказать, что у нас — бесчисленное множество душ, а у этих душ — безграничное число характеров, множество движений, расположений, намерений, стремлений и единый наилучший распорядитель их есть Бог и Отец всяческих, знающий времена и подходящие вспомогательные средства, направления и пути; Он знает и то, как нужно воспитывать фараона посредством столь великих чудес и потопления, которым, [однако], не оканчивается промышление о фараоне: ведь, потонувши, фараон не уничтожился, *в руку бо* Бога *и мы, и словеса наша, и всякий разум, и дел художество* (Прем. 7» 16). Об ожесточении

сердца фараонова и о словах: *Его же хощет, милует, а его же хощет, ожесточает* (Рим. 9, 18) — достаточно и того, что сказано.

15. Рассмотрим еще слова из [книги] Иезекииля, который говорит: *Исторгну каменныя сердца их и дам плотяныя, яко да в оправданиях Моих ходят и заповеди Моя сохранят* (Иез. 11, 19). Если Бог, когда хочет, исторгает каменные сердца и влагает плотяные, чтобы хранились повеления Его и соблюдались заповеди, то оставить порок не в нашей власти, ибо отнятие каменных сердец означает не что иное, как именно то, что Бог отнимает у кого хочет тот порок, каким кто-нибудь ожесточается; равным образом вложение плотяного сердца, чтобы человек ходил в повелениях Божиих и хранил заповеди Божии, означает не что иное, как то, что человек делается уступчивым, не противится истине и осуществляет добродетели. Если же Бог [Сам] обещает сделать это, и прежде, чем Он отнимает каменные сердца, мы не освобождаемся от них, то ясно, что оставить порок не в нашей власти. И если мы со своей стороны ничего не делаем для того, чтобы в нас было плотяное сердце, но это есть дело Божие, то и добродетельная жизнь будет не нашим делом, но всецело божественным даром. Так будет говорить тот, кто отвергает принадлежащую нам [свободу воли] на основании голых изречений [Писания]. Но мы ответим, что эти слова дблжно понимать так. Если человек, пребывающий в невежестве и необразованности, сознает свои недостатки — или вследствие побуждения со стороны учителя, или по иной причине, — то он по своей воле отдает себя тому, кого считает способным руководить им в учении и добродетели. Когда же такой человек отдаст себя [воспитателю], то воспитатель обещает уничтожить [в нем] невежество и вложить [в него] знание — однако не так, чтобы поручивший себя заботам [учителя] со своей стороны ничего не делал для своего образования и для своего избавления от невежества: учитель обещает исправить того, кто [сам] желает [исправиться]. Так и Божественное Слово обещает уничтожить у приходящих [к нему] порочность, которую [пророк] назвал каменным сердцем, но не помимо их желания, а с тем условием, что они предоставят самих себя врачу страждущих. В Евангелиях рассказывается о больных, которые приходили к Спасителю, просили исцеления и исцелялись. И прозрение слепых, например, поскольку слепые испросили [себе исцеление], есть дело уверовавших в возможность [этого] исцеления; поскольку же оно есть дело восстановления зрения, оно есть дело нашего Спасителя. Итак, вот в каком смысле Слово Божие обещает внушить знание приходящим к нему, отнявши [у них] каменное и жесткое сердце, т. е. порочность, чтобы человек ходил в божественных заповедях и хранил Божии повеления.

16. Потом следовало изречение из Евангелия, где Спаситель сказал, что внешним Он говорит в притчах: *Да видяще не узрят и слышаще не разумеют, да не когда обратятся, и оставятся им*

греси (Мк. 4, 12). Противник скажет: «Если некоторые люди обращаются и делаются достойными отпущения грехов именно потому, что услышали яснейшие [слова], услышать же яснейшие слова заключается не в их власти, а во власти учителя; и если другим людям Он для того не проповедует более ясно, чтобы они не увидели и не уразумели, то спасение не зависит от самих людей. Если же это так, то мы не властны в своем спасении и погибели». Если бы не были прибавлены слова: *Да не когда обратятся, и оставятся им греси,* тогда против этого возражения была бы убедительна такая защита: Спаситель не хотел, чтобы люди, которые не будут прекрасными и добрыми, знали тайны и потому говорил им в притчах. Но теперь, при наличии следующих слов: *Да не когда обратятся, и отпустятся им греси,* — защита становится труднее. Итак, прежде всего нужно отметить это место, [как полезное в борьбе] против инославных. Они выбирают из Ветхого Завета такие места, где, как они осмеливаются говорить, выражается жестокость Творца, мстительное и строго справедливое расположение Его по отношению к грешникам, или называют это как либо еще, лишь бы только сказать, что в Творце нет благости. С Новым же [Заветом] они поступают не так и не беспристрастно; они пропускают в нем места, подобные тем, какие они считают достойными порицания в Ветхом Завете. Между тем вышеприведенные слова Евангелия, как и сами они говорят, ясно показывают, что Спаситель не проповедовал ясно для того, чтобы не обратились и, обратившись, не сделались достойными прощения грехов. А это в своем роде нисколько не хуже подобных же изречений Ветхого Завета, порицаемых [ими]. Если же они стараются защищать Евангелие, то нужно сказать им следующее: разве не достойно порицания поступают они, неодинаково относясь к одинаковым вопросам, т. е. когда Новым Заветом не соблазняются, но стараются защитить его, в Ветхом же Завете порицают подобные места, тогда как следовало бы защищать их наравне с изречениями Нового Завета? Посредством таких сравнений мы приведем их к мысли, что все Писания принадлежат одному Богу. Теперь по возможности обратимся и к предстоящей защите.

17. Рассуждая о фараоне, мы говорили, что более скорое излечение иногда бывает не ко благу врачуемым, и именно тогда, когда, подвегшись несчастью, они тотчас же освобождаются от того, чему подверглись: думая, что зло удобоизлечимо, они не остерегаются впасть в него и вследствие этого могут подвергнуться ему снова. Поэтому вечный Бог, Владыка их, знающий тайны, знающий все прежде совершения, по благости своей отсрочивает скорейшую помощь таким людям и, так сказать, помогая, не помогает им, ибо это полезно для них. Итак, может быть, Спаситель видел, что внешние, о которых теперь [идет] речь, не будут тверды в обращении, если услышат более ясную проповедь, и поэтому устроил так, чтобы они не слышали более ясного учения о глубочайших тайнах; иначе, бы-

стро обратившись и исцелившись получением прощения, они признали бы раны греха легкими и удобоизлечимыми и скоро бы опять подверглись им. А может быть, они [тогда] не отбыли еще времени наказания за прежние грехи, которые они совершили против добродетели, оставив ее (добродетель), и божественное попечение оставило их, чтобы они, пресытившись собственным злом, посеянным ими, впоследствии были призваны к более глубокому раскаянию и уже не впали бы скоро [в те грехи], каким были подвержены прежде, позоря свое благородное достоинство и предаваясь порокам. Те, кто назван «внешними», — конечно, по сравнению с внутренними, — не очень далеко отстоят от этих последних: правда, внутренние слышат ясное учение, внешние же — учение неясное, потому что оно излагается им в притчах, однако они все-таки слышат. Некоторые же из внешних, называемые тирянами, будучи, вероятно, гораздо ниже внешних по достоинству, не слышат даже и того, что слышат внешние, хотя Спасителю было известно, что в древности они покаялись бы, сидя во вретище и пепле, будь Он вблизи пределов их; они услышат более благовременно и раскаются более плодотворно в другое время, когда Слово будет более удобоприемлемо для них, чем для тех, которые не приняли Слова и в числе которых Спаситель упоминул и тирян. И смотри: когда мы всячески стараемся доказать, что даже и в таких [изречениях, как только что рассмотренное], содержится мысль о разнообразном Промышлении Божием, пекущемся о бессмертной душе, то разве мы не заботимся всячески о соблюдении благоговения к Богу и ко Христу Его и, кроме того, разве не обнаруживаем больше способности к исследованию? Но, может быть, кто-нибудь спросит относительно порицаемых: вот они, видя чудеса и слыша божественные слова, не получают никакой пользы, между тем как тиряне раскаялись бы, если бы подобное произошло и было сказано у них; зачем же, спросит он, Спаситель проповедовал им на их погибель, чтобы грех их считался более тяжким? Ему нужно сказать следующее. Бог знает чувства всех, кто обвиняет Его Промысл, говоря, будто они не уверовали по вине Промысла, поскольку [Промысл Божий] не дал им увидеть то, что даровал созерцать другим, и не предоставил им случая услышать то, что слышали другие и получившие от этого пользу; желая обличить неразумность этого оправдания, Бог дает порицающим Его управление то, чего они требовали; тогда, получив это и тем не менее будучи изобличены в крайнем нечестии, — так как они не успели извлечь из того никакой пользы себе, — они оставляют такую дерзость и, тем самым освободившись, узнают, что иногда Бог действительно откладывает и медлит благотворить некоторым людям, но при этом Он не дает им видеть и слышать именно то, слышанием и видением чего люди лишь отяготят и увеличат свой грех, если даже после этого не уверуют.

18. Рассмотрим еще слова: *Темже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующа?о Бога* (Рим. 9, 16). Порицатели говорят: если [помилование] не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего, то спасение зависит не от нашей свободы, но от природы [устроения], данной [Богом], устроившим нас именно такими, или от решений Того, Кто милует, когда хочет. У таких людей нужно спросить следующее. Желать добра — добро или зло? И подвизаться ради желания достигнуть цели в стремлении к добру — достойно похвалы или порицания? Если они скажут, что достойно порицания, то ответят вопреки ясной истине, так как святые желают и подвизаются, но, конечно, не делают этим [ничего], достойного порицания. Если же они скажут, что желание добра и стремление к нему есть добро, тогда мы спросим, каким же образом погибающая природа желает лучшего? Ведь это тоже самое, как если бы дурное дерево приносило хорошие плоды, если только желать лучшего есть добро. Но они дадут третий ответ: что желание добра и стремление к нему относятся к вещам средним, что это желание и стремление ни хорошо, ни дурно. На это нужно сказать, что если желание добра и стремление к добру есть вещь средняя, то безразлично и противоположное этому, т. е. желание зла и стремление к нему. Но желать зла и стремиться ко злу не есть дело безразличное; следовательно, и желание добра, и стремление к добру тоже не безразлично. Итак, вот каким образом, я думаю, мы можем защищать слова: *Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии; аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий* (Пс. 126, 1). Этими словами Соломон не отклоняет нас от созидания домов и не учит не бодрствовать для сохранения нашего душевного дома, но только показывает, что созидаемое без Бога и не получающее от Него охраны всуе созидается и тщетно охраняется, так как господином домостроительства по справедливости дблжно считать Бога и начальником города — Владыку всего. Если мы, например, скажем, что такое-то здание есть дело не строителя, но Бога, и что ограждение такого-то города от всякого вреда со стороны врагов есть дело не охранителя, но Бога, управляющего всем, то мы не ошибемся: мы соглашаемся, что и человек сделал кое-что, но главное дело с благодарностью относим к совершителю — Богу. Точно так же человеческого желания недостаточно для достижения цели, равно как подвига борьбы недостаточно Для получения вышнего звания Божиего во Христе Иисусе, ибо это совершается при помощи Божией; и потому прекрасно говорится, что *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога.* Подобным образом и о земледелии можно сказать словами Писания: *Аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти. Темже ни насаждаяй есть что, ни напояяй, но возращаяй Бог* (1 Кор. 3, 6—7). Ведь было бы неблагочестиво сказать, что изобилие плодов есть дело земледельца Или дело того, кто поливал: но есть дело Божие. Так и наше совершенствование не происходит без нашей деятельности и не устрояет-

ся нами [одними], но бблъшую часть его производит Бог. Чтобы сказанное было яснее, возьмем в пример искусство корабельного управления. Кроме веяния ветра, благорастворения воздуха и света звезд, какое большое значение для достижения гавани имеет, говорят, еще искусство управления кораблем! Между тем сами кормчие часто не решаются признать, что корабль спасен благодаря их предусмотрительности, но все приписывают Богу — не потому, что [сами] они будто бы ничего не сделали, но потому, что зависящее от Промысла несравненно больше того, что зависит от искусства. И в нашем спасении зависящее от Бога несравненно больше того, что находится в нашей власти. Поэтому, думаю я, и говорится, что *ни хотящего, ни текущаго, но милующаго Бога.* Если же слова *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* понимать так, как понимают их еретики, тогда излишни заповеди; тогда напрасно сам Павел некоторых обвиняет за падение, других одобряет за исправление и дает законы Церквам, напрасно и мы отдаемся желанию добра, попусту [предаемся] подвигам. Но Павел не напрасно дает эти советы и одних порицает, а других одобряет, и мы не тщетно желаем добра и стремимся к высшей добродетели. Следовательно, они дурно поняли смысл этого места.

19. После этого следовали слова: *И еже хотети, и еже деяти* — от Бога (Флп. 2, 13). Некоторые говорят: если от Бога хотение и от Бога действие, то, хотя бы мы желали дурного и дурно поступали, это делается с нами от Бога; если же это так, то мы не свободны. Наоборот, когда мы желаем лучшего и делаем добро, то добрые дела делаем не мы, потому что желание и действие — от Бога: мы только по видимому [делаем это], а на самом деле это делает Бог; следовательно, и в этом отношении мы не свободны. Но на это нужно сказать следующее. Изречение апостола не говорит, что от Бога желание зла или от Бога желание добра, равно как и совершение добра и зла, но [говорит, что от Бога] — желание вообще и подвиг вообще. Как от Бога у нас то, что мы — живые существа и что мы — люди, так, можно сказать, от Бога мы имеем и желание вообще, и движение вообще. Но, хотя возможность быть живыми существами, двигаться, например, действовать различными членами, т. е. руками и ногами, мы и получили от Бога, было бы неправильно сказать, что от Бога у нас какое-нибудь частное движение, направленное, например, к побоям, или к убийству, или к похищению чужого. Общую (родовую) способность движения мы получили от Бога но мы уже [сами] пользуемся этой способностью или для зла, или для добра. Таким образом, способность к деятельности, вследствие которой мы — живые существа, мы получили от Бога и способность желания мы получили от Творца; но мы уже сами пользуемся этой способностью желания, равно как и способностью деятельности, или для добра, или в противоположном направлении.

20. Против свободы нашей воли на первый взгляд говорит еще апостольское изречение, в котором апостол, возражая самому себе, выражается так: *Темже убо его же хощет милует, а его же хощет, ожесточает. Induces убо ми: чесо ради еще укоряет? Воли бо Его кто* воспротивился? *Темже убо, о человече, ты кто еси, против отвещаяй Богови? Еда речет здание создавшему: почто сотворил меня еси тако? Или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смешения сотеорити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь* (Рим. 9, 18—21)? Кто-нибудь скажет: если Бог [творит] одних — для спасения, а других — для погибели точно так же, как горшечник из одной и той же смеси делает одни сосуды для почетного, а другие для низкого употребления, то спасение или погибель не в нашей власти и мы не свободны. Но против того, кто так пользуется этими словами, дблжно сказать следующее. Неужели он может думать об апостоле, что тот противоречит самому себе? Не думаю, что кто-нибудь дерзнет сказать это. Если же апостол не говорит противного себе, то каким образом, согласно с таким пониманием [приведенного изречения], он может справедливо обвинять и порицать коринфского блудника или людей падших, но не раскаявшихся в невоздержанности и нечистоте, совершенных ими? Каким образом за хорошие поступки он благословляет тех, кого хвалит, как, например [благословляет] дом Онисифора, говоря: *Да даст милость Господь Онисифорову дому, яко многажды мя упокой и вериг моих не постыдися,* но, будучи в Риме, *тощные взыска мя и обрете. Да даст ему Господь обрести милость от Господа в день он* (2 Тим. 1, 16—18). Не свойственно одному и тому же апостолу порицать согрешившего, как достойного порицания, и одобрять совершившего доброе дело, как достойного похвалы, и в то же время, говорить, что назначение одного сосуда для почетного, а другого для низкого употребления зависит от Творца, как будто ничего нет в нашей власти. И какой разумный смысл в словах: *Всем явитися нам подобает пред судищем Христовым, приимет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10), — какой смысл в этих словах, если совершившие дурное дошли до этого состояния потому, что были созданы сосудами бесчестия, а жившие добродетельно делали добро потому, что изначала были приготовлены к этому и сотворены сосудами почетными? Еще: разве этому мнению, составленному ими на основании приведенных нами слов, будто сосуд бывает почетным и непочетным по вине Творца, — разве этому мнению не противоречит сказанное в другом месте: *В велицем дому не точию сосуди злата и сребряни суть, но и древяни, и глиняни, и ови в честь, ови же не в честь. Аще убо кто очистит себе, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце, на всякое дело благое уготован* (2 Тим. 2, 20—21). Ведь, если сосудом почетным делается тот, кто очистил себя, а сосудом низким — тот, кто не очистил себя по небрежению, насколько можно понять из этих слов, то Творец

нисколько не виноват [в этом]. Творец делает [одних] сосудами почетными, [других] сосудами низкими, не от начала, по предведению, — потому что по предведению Он [никого] наперед не осуждает, не оправдывает, — но сосудами почетными Он делает тех, которые очистили себя, сосудами же непочетными — тех, которые не очистили себя по небрежению, так что один сосуд делается почетным, а другой — низким на основании причин, предваряющих приготовление сосудов для почетного или для низкого употребления. Если же мы однажды допускаем, что назначение сосуда к чести или бесчестию основывается на предшествующих причинах, то, конечно, совсем не будет нелепым, возвратившись к рассуждению о душе, сказать, что Иаков был возлюблен до получения тела, а Исав возненавиден прежде образования во чреве Ревекки — на основании [некоторых] предшествующих причин.

21. Вместе с тем становится ясным еще и следующее. Как горшечник имеет дело с одной по природе глиной, из смеси которой делаются сосуды для почетного и для низкого употребления, точно так же и Бог имеет дело с душами одной природы и, так сказать, с одной смесью разумных сущностей, и только некоторые предшествующие причины делают одних сосудами почетными, а других сосудами низкими. Правда, изречение апостола: *Тем же убо, о человече, ты кто еси, против отвещаяй Богови?* — кажется слишком резким, но апостол учит, что человек, имеющий искренние отношения к Богу, верный и проводящий добрую жизнь, не может услышать слов: О *человече, ты кто еси, против отвещаяй Богови?* Таков был Моисей: *Ибо Моисей глаголаше, Бог же отвещаваше ему гласом* (Исх. 19, 19). Но, как Бог отвечает Моисею, так и святой отвечает Богу. А если кто не имеет такой близости [к Богу] — или потому, что потерял ее, или потому, что исследует это не ради любознательности, но по любопрению и поэтому говорит: *Чесо ради еще укоряет? Воли бо Его кто* воспротивился? — то такой человек и будет достоин упрека: О *человече, ты кто еси, против отвещаяй Богови?* Тем же, которые на основании этого изречения вводят различные природы, нужно сказать следующее. Если они помнят, что погибающие и спасаемые происходят из одной смеси и Творец спасаемых есть также и Творец погибающих и если благ Тот, Кто творит не только духовных, но и земных, [потому что это вытекает из высказанных положений], — то, конечно, возможно, что сделавшийся теперь за какие-нибудь прежние добрые дела сосудом почетным в другом веке станет сосудом низким, если не будет совершать подобных же дел, приличных почетному сосуду; с другой стороны, кто здесь по причинам, предшествующим этой жизни, сделался сосудом низким, тот, исправившись, в новом творении может быть сосудом почетным и благопотребным Владыке, готовым на всякое доброе дело. **И** может быть, нынешние израильтяне за жизнь, недостойную **[их]** благородного происхождения, будут исключены **из** этого

рода, как бы сделавшись из сосудов почетных сосудами низкими, многие же из нынешних египтян и идумеян, приблизившись к Израилю, принесут обильные плоды, вступят в Церковь Господа и уже не будут считаться египтянами и идумеянами, но будут израильтянами. Таким образом, по этому учению, некоторые сообразно с направлением [своей] воли из злых делаются добрыми, другие же из добрых делаются злыми — одни пребывают в добре или от добра восходят к лучшему, другие же пребывают во зле или при усилении порочности из дурных делаются еще худшими.

22. Но апостол в одном месте не приписывает Богу того, что сосуд делается почетным или низким, а все относит к нам, говоря: *Аще убо кто очистит себе, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце, на всякое дело благое уготован* (2 Тим. 20, 21); в другом же месте он не приписывает этого нам, но, по-видимому, все относит к Богу, говоря: *Или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смещения сотворити ов сосуд в честь, ов же не в честь* (Рим. 19, 21)? И так как в словах его нет противоречия, то нужно соединить то и другое изречение и из обоих вывести одну совершенную мысль. Ни наша свобода без знания Божиего, ни [одно] знание Божие без всякого с нашей стороны содействия добру не вынуждают нас к совершенствованию, потому что ни свобрда без знания Божиего и без достаточного употребления этой свободы не делает никого сосудом почетным или низким, ни воля Божия не назначает кого-нибудь к чести или к бесчестию, если для [такого] различения не имеет никакого основания в нашей воле, наклонной к добру, — для нас достаточно этих доказательств относительно свободы воли.

О СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ
(из трактата «О началах»)*

Главы 1 — 23 из книги 4 трактата «О началах» по тексту «Филокалии Оригена», составленной свв. Василием Великим и Григорием Богословом.

Полное название в «Филокалии»: О боговдохновенности Святого Писания и о том, как дулжно читать и понимать его, какова причина неясности, а так же невозможного или бессмысленного по букве в некоторых местах Писания.

1. Исследуя столь великие вещи, мы не довольствуемся общими понятиями и ясным представлением видимого, но для ясного доказательства своих слов берем свидетельства из Писаний, признаваемых нами божественными, [именно] из так называемого Ветхого и так называемого Нового Завета, а [потом] стараемся подтвердить свою веру разумом. Но о [самих] Писаниях как божественных мы еще не рассуждали. Поэтому рассудим немного и кратко также и об

* Пер. Н. Петрова.

этом, представив основания, побуждающие нас признавать Писание божественным. Но прежде, чем воспользоваться изречениями из самих Писаний и из того учения, какое открыто в них, [нам] нужно сказать о Моисее и Иисусе Христе — о законодателе евреев и о вводителе спасительных христианских догматов. Хотя у эллинов и у варваров было очень много законодателей, а также учителей, которые провозглашали учения, обещавшие истину, однако мы не знаем ни одного законодателя, который мог бы внушить прочим народам ревность к восприятию его слов. И хотя обещавшие любомудрствовать об истине приводили множество доказательств, по-видимому согласных с разумом, ни один [из них] не мог внушить признанную им истину различным народам или значительной части одного народа. Хотя законодатели хотели бы подчинить, если возможно, весь род человеческий законам, которые казались им прекрасными, а учителя желали бы по всей вселенной распространить свою воображаемую истину, но, будучи не в силах склонить людей других языков и многих народов к соблюдению этих законов и к приятию своих учений, они даже и не приступали к выполнению этого [своего желания], потому что благоразумно замечали, что успех в этом деле для них невозможен. Между тем вся Греция и все варварские страны вселенной имеют бессчисленных ревнителей, которые оставили отечественные законы и всеми признанных богов и соблюдают Моисеевы законы и учение слов Иисуса Христа, хотя последователей Моисеевых законов ненавидят почитатели кумиров (идолопоклонники), а те, которые приняли учение Иисуса Христа, помимо ненависти, подвергаются еще и смертельной опасности.

2. И если мы обратим внимание еще на то, как, несмотря на козни против исповедников христианства, несмотря на то что некоторые за исповедание христианства были умерщвлены, другие же лишились имущества, в течение очень немногих лет слово все-таки могло быть проповедано повсюду во вселенной, даже при небольшом числе учителей, и к богопочитанию, установленному Иисусом, присоединились эллины и варвары, мудрые и неразумные, — то мы не усомнимся назвать это дело превышающем человеческие силы, тем более, что Иисус со всей властью и убедительностью учил о непобедимости Своего учения. Поэтому По справедливости нужно признать пророчеством слова Его, например о том, что *пред владыки и цари ведени будете Мене ради, во свидетельство им и языком* (Мф. 10, 18), *и мнози рекут Мне в он день: Господи, Господи, не во имя ли Твое мы ели, не в Твое ли имя мы пили, и Твоим именем бесы изгонихом?* И скажу им: *Отыдите от Мене, делающии беззаконие, николиже знах вас* (Мф. 7, 22—23). МозКёТ быть, [прежде] казалось, что Он сказал это попусту и эти слова не истинны. Но когда слова, сказанные с такой властью, исполнились, то [стало] очевидно, что Бог, истинно вочеловечившийся, передал людям спасительные догматы.

3. Что нужно сказать также и относительно пророчества о Христе что князь от Иуды и вождь от чресл его оскудеет тогда, когда придет Тот, Кому определено — очевидно [определено] царство — и когда придет чаяние народов (Быт. 49, 10)? Ведь из истории и из того, что делается теперь, ясно видно, что от времен Иисуса у иудеев нет царей и все иудейские отличия, которыми гордились [иудеи], уничтожены — я разумею храм, жертвенник, установленное богослужение, одежды первосвященника. Таким образом, исполнились слова пророчества: *Дни многи сядут сынове исраилевы, ни сущу царю, ни сущу князю, ни сущей жертве, ни сущу жертвеннику, ни жречеству, ниже явлениям* (Ос. 3, 4). Этими словами мы пользуемся против тех, которые, встречая затруднения в словах Иакова к Иуде в Бытии, говорят, что князь из колена Иудина иногда еще управляет народом и что вожди от семени Иуды не оскудеют до пришествия Христа, какое они себе воображают. В самом деле, если *дни многи сядут сынове исраилевы, не сущу царю, ни сущу князю, ни сущей жертве, ни сущу жертвеннику, ни жречеству, ниже явлениям,* то ясно, что с тех пор, как был разрушен храм и не стало ни жертвы, ни жертвенника, ни жречества, князь от Иуды и вождь от чресл его оскудел. Но так как пророчество говорит, что *не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, дондеже приидет отложенная Ему,* то, очевидно, уже пришел Тот, Кому определено, Кто составляет чаяния народов, уверовавших в Бога через Христа.

4. В песни Второзакония пророчески указывается будущее избрание неразумных народов за грехи прежнего народа, которое и совершилось не через кого-нибудь иного, но именно через Христа. *Тии,* — говорит, — *раздражиша Мя не о Бозе, прогневаша Мя во идолех своих, и Аз раздражу их не о языце, о языце же неразумливе прогневаю их* (Втор. 32, 21). Можно весьма ясно понять, каким образом евреи, по слову Писания, раздражившие Бога не Богом, но прогневившие Его идолами своими, были возбуждены к зависти народом — народом неразумным; этот народ Бог избрал через пришествие Христа и через учеников Его. Действительно, мы видим ***звание наше, яко не мнози премудри по плоти, не мнози сильни, не мнози благородны: но буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит, и худородная и уничиженная избра Бог, и не сущая, да прежде сущая упразднит*** **(1 Кор. 1, 26—28). И пусть не хвалится перед Богом Израиль по плоти, называемый у апостола плотью.**

5. А что дблжно сказать относительно пророчеств о Христе в Псалмах, между которыми одна песнь надписана: О *возлюбленном? Язык Его* [Возлюбленного], — говорится в этой песни, — *трость книжника скорописца: красен добротою паче сынов человеческих, излияся благодать в устнах Его* (Пс. 44, 2—3). Доказательством же благодати, излившейся в устах Его (Иисуса Христа), служит то, нто учение Его и богопочтение, установленное Им, наполнили всю вселенную, хотя время Его учительства было непродолжительно,

так как Он учил какой-нибудь год с несколькими месяцами. Явилась *во днех Его* (Иисуса Христа) *правда и множество мира,* который пребудет до совершения, названного [в псалмах] «отнятием луны», и Он *обладает от моря и до моря и от рек и до конец вселенныя* (Пс. 71, 78). Дано и знамение роду Давидову, ибо Дева зачала, и имела во чреве, и родила Сына, и имя Ему, Эммануил, что значит «С *нами Бог»* (Ис. 7, 14). Исполнились слова того же пророка: *С нами Бог; разумейте, языцы, и покаряйтеся, могущии, покаряйтеся* (Ис. 8, 8 — 9), ибо покорены и побеждены мы, плененные из [разных] народов благодатью слова Его. В книге пророка Михея предсказано также и место рождения Его: *И ты* — говорит, — *Вифлеем, земля Иуды, — не самая малая между предводителями Иуды, ибо из тебя произойдет Вождь, Который будет пасти народ Мой, Израиля* (Мих. 5, 2 —4). Исполнились и *семьдесят седьмин* до Христа—Вождя, по Даниилу (Дан. 9, 24 — 25). Пришел Тот, Кто, по Иову, победил великого кита и дал власть истинным Своим ученикам наступать на змеев и скорпионов и на всякую силу вражию, не терпя от них никакого вреда. Пусть кто-нибудь обратит внимание так же и на путешествие повсюду апостолов, посланных Иисусом для проповеди Евангелия, — и он увидит [в этой проповеди] и мужество вышечеловеческое, и волю Божию. Если мы рассмотрим то, каким образом люди, слушая новые учения и чуждую речь, присоединились к этим мужам [апостолам], побежденные в своем желании повредить им какой-то божественной силой, охранявшей их, то мы не будем сомневаться, правда ли они творили чудеса, так как Бог подтверждал слова их знамениями, и чудесами, и различными силами.

6. Доказывая кратко божество Иисуса и приводя пророческие слова о Нем, мы вместе с тем доказываем, что Писания, пророчествовавшие о Нем, боговдохновенны, что божественны книги, возвещающие Его пришествие и учение, — книги, изложенные со всей силой и властью и потому покорившие лучших людей из [разных] народов. Но нужно сказать, что боговдохновенность пророческих слов и духовный смысл Моисеева закона сделались ясными [только] с пришествием Христа. До пришествия Христа не было возможности представить ясные доказательства боговдохновенности ветхозаветных Писаний. Пришествие же Христа тем, кто мог предположить, что закон и пророки небожественны, представило очевидное доказательство того, что они написаны силой небесной благодати. Впрочем, кто прилежно и внимательно читает пророческие слова, тот при самом чтении своем почувствует след божественного вдохновения и посредством этого своего опыта убедится, что Писания, признаваемые словами Бога, [действительно] не человеческие. Таким образом, свет, принадлежащий закону Моисееву, [но] закрытый [в нем] покрывалом, воссиял с пришествием Христа; когда покрывало было снято, постепенно обнаружились те блага, тень которых содержала буква.

7. Было бы долго собирать теперь древнейшие пророчества о каждом будущем событии, чтобы сомневающийся, будучи поражен их боговдохновенностью, оставил всякое сомнение и нерешительность и всей душой предался словам Божиим. Если же неопытным кажется, что в разных местах Писания встречаются мысли, не превышающие человеческий разум, то это нисколько не удивительно. Между делами Промысла, обнимающего весь мир, некоторые [дела] очень ясно представляются как именно дела Промысла, другие же так скрыты, что по-видимому, дают место сомнению, действительно ли всем управляет Бог с неизреченным исскуством и силой. Так, зиждительная мысль Промыслителя не столь ясна в предметах земных, как в солнце, и луне, и звездах; не так ясна в человеческих происшествиях, как в душах и телах животных, особенно для тех, кто старается разузнать, зачем и ради чего у животных [существуют] именно такие стремления, желания, природа, зачем [именно такое] устройство тел. Но, как промысл для тех, кто однажды признали его надлежащим образом, не уменьшается вследствие неизвестного, так и божественность Писания, простирающаяся на все Писание, ничего не теряет от того, что наша немощь не может найти в каждом изречении скрытый свет догматов, заключенный в ничтожном и презренном слове. *Имамы бо сокровище в скудельных сосудех* (2 Кор. 4, 7), чтобы воссияло величие славы Божией и не показалось бы, что [это сокровище] принадлежит нам, людям. Ведь если бы Библия побеждала людей обычными у людей путями доказательств, то было бы справедливо полагать нашу веру в мудрости человеческой, а не в силе Божией. Теперь же для всякого, кто не закрывает глаз, видно, что слово и проповедь действуют на множество людей не убедительными словами мудрости, но явлением духа и силы. Поэтому, так как небесная или даже вышенебесная сила побуждает нас чтить Единого, сотворившего нас, постараемся оставить слово начала Христова, т. е. наставление в первых основаниях, и перейти к совершенству, дабы премудрость, возвещаемая совершенным, была проповедана и нам. Ибо приобретший премудрость [апостол] обещает проповедовать ее между совершенными, — премудрость, отличную от мудрости века сего и от преходящей мудрости князей века сего. Именно эта премудрость ясно будет представлена нам и откроет тайну, которая была сокрыта в вечные времена, ныне же открылась через пророческие Писания и благодаря явлению Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь.

8. После беглого рассуждения о боговдохновенности Писания необходимо перейти к способу чтения и понимания Писания, так как весьма много заблуждений произошло вследствие того, что многие не нашли пути, какого нужно держаться при чтении Священного Писания. Так, жестокосердные и неопытные из принадлежащих к обрезанным не уверовали в нашего Спасителя, потому что считали нужным следовать букве пророчеств о Нем, но чувственным обра-

зом не видели, чтобы Он проповедовал отпущение пленным, чтобы Он действительно устроил то Царство Божие, которое они представляли себе, чтобы Он истребил колесницы у Ефрема и коней в Иерусалиме (Зах. 9, 10), чтобы Он ел масло и мед и избрал добро прежде, нежели узнал и избрал зло (Ис. 7, 15). Они думали, что, по пророчеству, волк, животное четвероногое, будет пастись с ягненком и барс будет отдыхать с козленком; теленок, бык и лев будут пастись вместе под присмотром маленького мальчика, бык и медведь будут вместе кормиться, и дети их будут вместе питаться, а лев будет есть солому, как бык (Ис. 11). Не увидев чувственным образом ничего такого в пришествии Христа, Которому веруем мы, они не приняли Господа нашего Иисуса, но распяли Его, как незаконно провозгласившего Себя Христом. Что касается еретиков, то они читали в Писании слова: *Огнь возжжеся от ярости Моея* (Иер. 15, 14), и: *Аз Бог ревнитель, отдаяй грехи отец на чада до третияго и четвертого рода* (Исх. 20, 5), и: *Раскаяхся, яко помазах Саула на царство* (1 Цар. 15, 11), и: *Я — Бог, творяй мир и зиждяй злая* (Ис. 45, 7), и в другом месте: *Нет зла во граде, еже Господь не сотвори* (Ам. 3, 6), и еще: *Снидоша злая от Господа на врата Иерусалимля* (Мих. 1, 12), и: *Нападаше дух лукавый от Бога на Саула* (1 Цар. 18, 10). Читая эти и множество других мест, подобных им, еретики не дерзнули отвергнуть божественность Писаний, но, веруя, что эти Писания принадлежат творцу, которому служат иудеи, пришли к той мысли, что этот творец не совершенен и не благ, Спаситель же пришел возвестить более совершенного Бога, Который, говорят они, не есть творец; высказывая по этому вопросу разные мнения и однажды отступив от Творца, Который есть Бог, единый нерожденный, они предались вымыслам и придумывают себе основания, по которым, как они полагают, произошло видимое, а также и нечто другое, невидимое, которое вообразила себе душа их. Наконец, простые люди, которые хвалятся тем, что принадлежат к Церкви, не признают никого выше Творца и в этом случае поступают здраво, но [зато] придумывают о Нем такие вещи, каких нельзя думать даже о самом жестоком и несправедливом человеке.

9. У **всех вышеупомянутых людей причиной ложных, нечестивых и неразумных мнений о Боге служит, кажется, не что иное, как понимание Писания не по духу, но по голой букве. Поэтому людям, убежденным, что священные книги — не человеческие писания, но написаны и дошли до нас по вдохновению Святого Духа, по воле Отца всех через Иисуса Христа, и держащимся правила Небесной Церкви Иисуса Христа по пророчеству от апостолов, нужно указать правильный путь [толкования Писания]. Все, даже самые простые из последователей Слова, веруют, что божественное Писание указывает какие-то таинственные распоряжения; но что это за распоряжения, благоразумные и скромные люди сознаются, что не знают этого. Так, если кто-нибудь спросит [их] о кровосмешении Лота с до**черьми, или о двух женах Авраама, или о двух сестрах, вышедших замуж за Иакова, и о двух рабынях, родивших от него детей, то они скажут только, что это — тайны для них не понятные. Так же, читая об устроении скинии и находясь при том убеждении, что описываемое представляет собою образы, они отыскивают, что может соответствовать каждому отдельному сообщению относительно скинии. В убеждении, что скиния есть образ чего-то, они не заблуждаются, но в достойном Писания применении той мысли, образом которой служит скиния, к каждой частности [в устройстве скинии] они иногда ошибаются. И всякое повествование, по-видимому сообщающее о браках, или рождении детей, или о войнах, или о каких-нибудь других происшествиях, о каких ходят рассказы в народе, они признают образом; но образом каких именно вещей служит рассказ о каждом из этих предметов, это остается не вполне ясным частью вследствие недостаточного развития [у них] способности [к толкованию], частью вследствие нерассудительности, иногда же вследствие крайней трудности объяснения этих вещей для людей, даже опытных и прорицательных.

10. А что нужно сказать о пророчествах, которые, как все мы знаем, наполнены загадочными и темными выражениями? Если мы обратимся к Евангелиям, то и точное разумение этих [книг], как разумение Христово, возможно только при помощи благодати, какая дана была сказавшему: *Мы же ум Христов имамы, да ведаем яже от Бога дарованная нам, яже и глаголем не в наученых человеческия премудрости словесех, но в наученых Духа* (1 Кор. 2, 16; 12 — 13). Читая же Откровение Иоанна, кто не будет поражен сокровенностью неизреченных тайн, представляющихся тому, кто не понимает написанного? Точно так же какому человеку, умеющему исследовать мысли, покажутся ясными и легко понимаемыми послания апостолов, когда и здесь — бесчисленное множество мест, представляющих, как бы через окно, немалый материал для величайших и многочисленнейших размышлений? Посему, если это так и если множество людей заблуждаются, то небезопасно кому-нибудь объявить, что при чтении [Писания] он будто бы легко понимает то, для чего нужен ключ разумения, находящийся, по слову Спасителя, у законников. Между прочим, некоторые утверждают, что до пришествия Христова люди не владели истиной; пусть же они объяснят, каким образом Господь наш Иисус Христос говорит, что ключ разумения находится именно у тех, которые, по их словам, не имеют книг, содержащих неизреченные и совершенные тайны знания? Ибо изречение гласит так: *Горе вам, законникам, яко езясте ключ разумения, сами не внидосте* ***и входящим*** *возбранисте* (Лк. 11, 52).

11. Итак, способ чтения Писаний и отыскания смысла их, предлагаемый нами, основывается на самих изречениях [Писания] и состоит в следующем. У Соломона в Притчах мы находим такое предписание относительно божественных догматов, записанных [в свя-

щенных книгах]: *Ты же напиши я себе трижды, на совет и разум, на ответы словесем истинным предлагаем тебе* (Притч. 22, 21). Следовательно, мысли священных книг дблжно записывать в своей душе трояким образом: простой верующий должен назидаться как бы плотью Писания (так мы называем наиболее доступный смысл); сколько-нибудь совершенный [должен назидаться] как бы душой его; а еще более совершенный и подобный тем, о которых говорит апостол: *Премудрость же глаголем в совершенных, премудрость же не века сего, ни князей века сего престающих, но глаголем премудрость Божию, в тайне сокровенную, юже предустави Бог прежде век в славу нашу* (1 Кор. 2, 6 — 7), — такой же человек должен назидаться духовным законом, содержащим в себе тень будущих благ. Ибо, как человек состоит из тела, души и духа, точно так же и Писание, данное Богом для спасения людей, [состоит из тела, души и духа]. Сообразно с этим мы толкуем и повествование книги Пастырь, пренебрегаемой некоторыми. Здесь есть рассказ о том, что Ерм получил приказание написать две книги и потом возвестил пресвитерам то, чему он научился от Духа. Вот само изречение: «Напиши две книги и дай одну Клименту и одну Грапте; Грапта наставит вдов и сирот, Климент пошлет [книгу] во внешние города, ты же возвестишь пресвитерам церковным». Грапта, наставляющая вдов и сирот, есть голая буква, научающая людей, которые остаются детьми по душе и еще не могут признать Бога своим Отцом, а потому и называются сиротами; буква же научает и тех [женщин, т. е. те души], которые уже не живут с незаконным мужем, но вдовствуют, еще не сделавшись достойными жениха. Климент, уже оставивший букву, по словам Пастыря, посылает книгу во внешние города; под этими городами мы подразумеваем души, пребывающие вне телесных и земных помышлений. Сам же ученик Духа получает приказание возвестить пресвитерам всей Церкви Божией, поседевшим в мудрости, — возвестить уже не через письмена, но живыми словами.

12. Но так как есть некоторые Писания, вовсе не имеющие телесного смысла, как мы покажем это впоследствии, то в некоторых местах Писания дблжно искать только душу и дух. И может быть, именно поэтому водоносы, поставленные ради очищения иудейского, как читаем в Евангелии от Иоанна, вмещают по две или по три меры (Ин. 2, 6). Этот рассказ прикровенно указывает на тех, кого апостол называет «иудеями в тайне» (Рим. 2, 29); именно он показывает, что эти иудеи очищаются словом Писаний, которые по местам заключают в себе две меры, т. е., так сказать, душевный и духовный смысл, по местам же — три меры, так как некоторые места, кроме вышеуказанных, имеют еще телесный смысл, который тоже может назидать. А шесть водоносов означают, вероятно, очищающихся в мире, который произошел в шесть дней (это число совершенное). Что первый (телесный) смысл сам по себе может быть полезным, об этом свидетельствует множество людей, уверовавших истинно, но просто. Примером же толкования, возводимого как бы к душе [Писания], служит следующее место у апостола Павла в Первом послании к Коринфянам. Писано, — говорит он, — *да не заградиши устен вола молотяща* (1 Кор. 9, 9). Потом, объясняя этот закон, он прибавляет: *Еда о волех радит Бог? Или нас ради всяко глаголет? Нас бо ради написася, яко о надежде должен есть оряй орати и молотяй — с надеждею причащатися* (1 Кор. 9, 10). Такой же характер имеют и весьма многие [другие] общеизвестные изречения, приспособленные к толпе и назидающие людей, которые не могут слушать высшего [учения].

13. Духовное толкование [доступно] тому, кто может показать, образу и тени каких небесных вещей служили иудеи по плоти и тень каких будущих благ имеет закон. И вообще, по апостольскому повелению, во всем нужно искать мудрость, в тайне сокровенную, *юже предустави Бог прежде век во славу нашу, юже никтоже от князей века сего разуме* (1 Кор. 2, 7—8). В другом месте тот же апостол, приведши некоторые изречения из Исхода и Чисел, говорит, что *сия образи прилучахуся онем, писана же быша* ради нас, *в них же концы век достигоша* (1 Кор. 10, 11), — и [потом] он дает указания на то, образами чего именно служили эти события; он говорит: *Пияху бо от духовного последующего камене, камень же бе Христос* [1 Кор. 10, 4). В другом послании, излагая повеления относительно скинии, апостол приводит слова: *Сотвориши вся по образу, показанному ти на горе* (Евр. 8, 5; Исх. 25, 40). В Послании же к галатам апостол как бы порицает тех, которые считают нужным читать закон, но не понимают его, и заявляет, что не понимают закона именно те, которые думают, что в написанном нет иносказаний. *Глаголите ми,* — говорит он, — *иже под законом хощете быти, закона ли не слушаете? Писано бо есть, яко Авраам два сына име, единаго от рабы, а другого от свободныя. Но иже от рабы, по плоти родися, а иже от свободныя, по обетованию. Яже суть иносказаема: сия бо еста два завета* (Гал. 4, 21—24) и так далее. В этом изречении нужно обратить внимание на каждое отдельное выражение апостола. Он говорит: *Иже под законом хощете быти,* а не «под законом сущие» и: *Закона ли не слушаете?* Эти выражения показывают, что слушание [закона] заключается в разумении и познании. В Послании к колоссянам, кратко выражая смысл всего закона, он говорит: *Да никто же убо вас осуждает о ядении или о питии, или о части праздника, или о новомесячиих, или о субботах, яже суть стень грядущих* (Кол. 2, 16—17). Еще в Послании к евреям, рассуждая об обрезанных, он пишет: *Иже образу и стени служат небесных* (Евр. 8, 5)? Но, может быть, лица, однажды признавшие апостола мужем божественным, на основании этих [его свидетельств] уже не будут сомневаться относительно пяти книг, носящих имя Моисея. Хотите ли *вы* удостовериться, что и

прочие исторические события служили прообразами? Нужно обратить на следующее место из Послания к римлянам: *Оставих Себе седмь тысящ мужей, иже не преклониша колен пред Ваалом* (Рим. И, 4). Эти слова, находящиеся в третьей книге Царств, Павел применил к израильтянам по избранию — в том смысле, что от пришествия Христова получили пользу не только язычники, но и некоторые из народа Божия.

14. Если это так, то [теперь] нужно изобразить представляющиеся нам черты понимания Писания. Прежде всего нужно показать, что Дух, по Промыслу Божию, через Слово, бывшее вначале к Богу [тгрд£ х6v 0е6v], — Дух, просвещавший служителей истины, пророков и апостолов, имел в виду преимущественно неизреченные тайны о предметах, касающихся людей. Людьми же я называю теперь души, пользующиеся телами с той целью, чтобы тот, кто может научиться, сделался причастником всех догматов Его (Духа) совета, исследуя и предавшись глубинам разума, [скрытым] под словами. Что же касается истин о душах, то ввиду того, что [души] могут достигнуть совершенства только при полном и разумном познании о Боге, в числе этих истин на первом плане необходимо было поставить истины о Боге и Его Единородном, именно о том, какова природа Единородного, каким образом Он делается Сыном Божиим, по каким причинам Он снисшел даже до человеческой плоти и совершенно восприял человека, каково действие этого [воплощения], на кого и когда оно простирается. Далее, в слова божественного учения необходимо нужно было ввести рассуждение и о прочих разумных существах, сродных с Богом, именно и о существах божественных, и о существах, отпадших от блаженства, а также о причинах падения этих последних; равным образом о различии душ и откуда произошли эти различия, а также о том, что такое мир и ради чего он сотворен. Еще нам необходимо научиться, откуда на земле такое великое зло и существует ли оно не только на земле, но и в другом месте? Предложивши это и подобное, Дух, просвещавший души святых служителей истины, поставил Себе второй целью — ради тех, которые не могут вынести труда, необходимого для отыскания таких истин, — скрыть учение о вышеуказанных предметах в словах, которые представляют рассказ, содержащий в себе повествование о чувственных творениях, о создании человека и о многочисленных потомках, преемственно происшедших от первых людей, а также в других историях, повествующих о делах праведников и о грехах, какие эти же самые праведники, как люди, совершали, и о порочности, необузданности и жадности людей беззаконных и нечестивых. Но особенно удивительно то, что даже в повествовании о войнах, о победителях и побежденных открываются некоторые изреченные тайны для тех, кто может их исследовать. Еще же удивительнее то, что через писаный закон возвещаются законы истины, причем все они изложены [здесь] связно с силой, поистине приличной премудрости Божией: ведь надлежало, чтобы одежда духовных истин — разумею тело Писания — была бы не бесполезна для многих, но могла бы исправлять простых людей, насколько они способны к этому исправлению.

15. Но если бы польза закона, и последовательность, и изящество исторического повествования сами собой обнаруживались во всем [Писании], то мы едва ли бы подумали, что в Писании может быть какой-нибудь другой смысл, кроме ближайшего. Поэтому Слово Божие позаботилось внести в закон и историю некоторые как бы соблазны, камни преткновения и несообразности; без этого же, увлеченные слишком привлекательным словом и не научаясь ничему, достойному Бога, мы отпали бы наконец от Бога или же, не отступая от буквы, остались бы не наученными ничему божественному. При этом дблжно знать следующее. Слово имеет целью главным образом возвещать о связи в делах духовных, как совершившихся, так и тех, которые должны совершиться. И вот, где Слово нашло, что исторические события могут соответствовать этим таинственным предметам, там Оно воспользовалось ими (историческими событиями) для сокрытия глубочайшего смысла от толпы; где же исторический рассказ, написанный ради высших тайн, не соответствовал учению о духовных вещах, там Писание вплело в историю то, чего не было на самом деле, — частью невозможное вовсе, частью возможное, но не бывшее в действительности; и притом в некоторых местах вставлены немногие слова, неистинные в телесном смысле, в некоторых же местах — очень многие. Подобное же нужно сказать и о законе: здесь часто можно находить [предписания], сами по себе полезные и соответствующие временам закона, в иных же предписаниях полезного значения не видно. А иногда закон предписывает даже невозможное — и это ради того, чтобы более мудрые и проницательные люди, предавшись последованию написанного, приобрели себе похвальное убеждение в необходимости искать в таких предписаниях смысл, достойный Бога.

16. Но Святой Дух сделал это не в одних только писаниях, явившихся до пришествия Христова: так как Дух — один и тот же от одного Бога, то подобное же Он сделал и в Евангелиях, и в писаниях апостольских. Эти вещи не заключают в себе совершенно чистой истории в телесном смысле — здесь описано много такого, чего на самом деле не было; они также не заключают в себе законодательства и заповедей, вполне согласных с разумом. Кто, имея разум, подумает, что первый, второй и третий день, также вечер и утро были без солнца, луны и звезд, а первый день — даже и без неба? Кто настолько глуп, чтобы подумать, будто Бог, по подобию человека-земледельца, насадил рай в Эдеме на Востоке и в нем сотворил **дерево** жизни, видимое и чувственное, чтобы вкушающий от плода его телесными зубами тем самым обновлял свою жизнь, а вкушающий от плодов дерева [познания] добра и зла участвовал бы в добре

и зле? И если говорится, что Бог вечером ходил в раю, Адам же спрятался под деревом, то, я думаю, никто не сомневается, что этот [рассказ] образно указывает на некоторые тайны — через историю только мнимую, но не происходившую телесным образом.

Также Каин, уходящий от лица Божия, очевидно, побуждает благоразумных [читателей] исследовать, что такое лицо Божие и что значит уходить от него? Но зачем много говорить, когда люди не совсем тупые могут собрать бесчисленное множество таких повествований, которые описаны как действительные, но не совершались по букве? Евангелия тоже наполнены рассказами такого же рода. Например, диавол возводит Иисуса на высокую гору, чтобы оттуда показать Ему царства всего мира и славу их. Кто из людей, читающих это нелегкомысленно, не осудит тех, которые думают, будто Спаситель видел царства персов, скифов, индейцев, парфян и славу, какой цари пользуются у людей, — видел чувственным взором, которому нужна высота, чтобы рассмотреть предлежащие предметы, расположенные ниже? Внимательный читатель может найти в Евангелиях множество и других рассказов, подобных этому, чтобы убедиться, что к событиям происходившим в буквальном смысле, [здесь] присоединены другие, в действительности не случившиеся.

17. Если мы перейдем к законодательству Моисея, то многие законы, рассматриваемые сами по себе, представляются неразумными, другие же — невозможными. Неразумно, например, запрещение есть коршунов, так как даже при величайшем голоде нужда никого [еше] не заставила прибегнуть к этому животному. В законе повелевается истреблять из среды народа необрезанных восьмидневных мальчиков, тогда как если вообще нужно было дать по букве какой-нибудь закон на этот случай, то следовало определить смерть отцам или воспитателям этих детей. Теперь же Писание говорит: всякий *необрезанный мужеский пол, иже не обрежется в день осмый, погубится от рода своего* (Быт. 17, 14). Если же хотите знать законы, предписывающие невозможное, то обратим внимание на то, что трагелаф принадлежит к животным, не существующим в действительности, между тем Моисей повелевает нам приносить в жертву, как животное чистое. Неслыханное также дело, чтобы человеку когда-нибудь попался гриф, которого, однако, запрещает есть законодатель. Знаменитую субботу при точном понимании слов: *Седите кийждо в дому своем, никтоже* из вас *да исходит от места своего в день седмый* (Исх. 16, 29) — невозможно соблюсти буквально, потому что никакое животное не может сидеть целый день, не трогаясь с места. Поэтому обрезанные и те, которые не желают открывать в [Писании] ничего, кроме буквы, относительно некоторых постановлений даже не исследуют причину их, — каковы законы о трагелафе, грифе и коршуне, — для некоторых же законов придумывают пустые объяснения, приводя жалкие предания: так, о субботе они говорят, что каждому определено место в две тысячи локтей. Другие же, к которым принадлежит Досифей самарянин, осуждают такое толкование и думают, что каждый должен оставаться до вечера в том положении, в каком застал его день субботний. Повеление не поднимать ношу в день субботний тоже невыполнимо. Поэтому иудейские учители пустились в болтовню, говоря, что такая-то обувь составляет ношу, а такая-то нет, а также то, что носится на одном плече, составляет ношу, а что носится на обоих плечах, не состовляет [ноши].

18. Если мы перейдем к Евангелию и поищем здесь подобных предписаний, то что может быть бессмысленнее повеления: *Никого же на пути целуйте* (Лк. 10, 4), которое, по мнению простецов, Спаситель дал апостолам? Также, когда говорится об ударе в правую челюсть, то представляется в высшей степени невероятное дело, потому что всякий бьющий, если только он не страдает каким нибудь природным недостатком, бьет правой рукой в левую челюсть. Невозможно понять из Евангелия и того, каким образом правый глаз служит к соблазну. Ведь если мы допустим, что кто-нибудь может соблазниться через зрение, то почему причину [соблазна] нужно относить именно к правому глазу, хотя смотрят оба глаза? Справедливо ли поступил бы кто-нибудь, если бы, осуждая себя в воззрении на женщину с пожеланием, отнес причину [этого] к одному только правому глазу? Также и апостол повелевает, говоря: *Во обрезании ли кто призван бысть? да не творит себе необрезания* (1 Кор. 7, 18). Во-первых, всякий желающий увидит, что апостол говорит это не в соответствии с той беседой, какую сам он предложил выше: в самом деле, давая законы о браке и чистоте, разве не напрасно вставил он эти слова? Во-вторых, кто скажет, что погрешил бы тот человек, который постарался, если бы это было возможно, *сотворить себе необрезание* ради постыдности, какую народ приписывает обрезанию? Все это сказано нами для доказательства того, что божественная сила, давшая нам Священное Писание, имела целью то, чтобы мы не принимали слова Писания только буквально, так как по букве слова Писания иногда не сообразны с истиной, даже бессмысленны и невозможны; мы хотели доказать, что к действительной истории и к законам, полезным по буквальному смыслу, [в Писании] прибавлено еще нечто.

19. Но кто-нибудь может подумать, что мы говорим обо всем [Священном Писании], что ни одно повествование [Писания] не действительно исторически, коль скоро не действительно какое-нибудь одно, и никакого закона не дблжно соблюдать буквально, коль скоро некоторые законы по букве неразумны, или что написанное о Спасителе не истинно в чувственном смысле, или что не дблжно исполнять никакого закона или заповеди Его. Чтобы кто-нибудь не подумал так, мы ясно должны сказать, что в некоторых повествованиях мы признаем историческую истину. Таковы, например, повествования о том, что Авраам был погребен в Хевроне в двойной

пещере так же, как Исаак и Иаков, и по одной жене каждого из них, что Сихем дан был в удел Иосифу, а Иерусалим есть столица Иудеи, где Соломон построил храм Божий, и многое другое. Повествования, истинные в историческом смысле, гораздо даже многочисленнее чисто духовных, присоединенных к первым. И опять кто будет отрицать, что заповедь, гласящая: *Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет* (Исх. 20, 12), без всякого высшего толкования полезна и должна быть соблюдаема, тем более что даже апостол Павел буквально приводит ее? Что еще говорить о заповедях: *Не прелюбы сотвори, не убий, не укради, не лжесвидетельствуй* (Исх. 20, 13-14)?

В Евангелии также записаны такие заповеди, о которых не может быть вопроса, нужно ли соблюдать их по букве или нет. Таковы: *Аз же глаголю вам, яко всяк гневайся на брата своего* и проч. и: *Аз же глаголю вам не клятися всяко* (Мф. 5, 22; 24). Нужно соблюдать и слова апостола: *Вразумляйте безчинная, утешайте малодушныя, заступайте немощная, долготерпите ко всем* (1 Фес. 5, 14), хотя наиболее усердные люди в каждом из этих повелений могут найти глубины божественной мудрости, не отрицая в то же время заповедь и по букве. Конечно, внимательный читатель в некоторых случаях будет колебаться и без тщательного исследования не в состоянии будет решить, происходило ли в действительности такое-то рассматриваемое событие по букве или нет и нужно ли соблюдать букву известного закона или нет. Поэтому внимательный читатель, соблюдая повеление Спасителя, гласящее: *Испытайте Писаний* (Ин. 5, 39), должен старательно исследовать, где истинно то, что говорит буква, и где невозможно, а также на основании сходных изречений по мере сил отыскивать рассеянный повсюду в Писании смысл того, что невозможно по букве.

20. Итак, для читателей ясно, что, где невозможна связь по букве, там не невозможна, а, напротив, истинна связь высшая. Поэтому дблжно с усердением отыскивать полный смысл [Писания], в котором мудро соединяется рассказ о невозможном по букве с тем, что не только возможно, но истинно в историческом смысле и что в то же время имеет еще аллегорическое значение, так же как [имеет его] недействительное по букве. Мы именно относительно всего божественного Писания определили, что все оно имеет духовный сысл, но не все — телесный, потому что во многих местах невозможно найти телесного смысла. Поэтому великое внимание должен иметь тот, кто читает священные книги богобоязненно, как божественные Писания. Характер понимания их представляется нам таким: Слово [Божие] возвещает, что Бог избрал для Себя на земле некоторый народ, который и называет в Писании многими именами. Так, весь этот народ называется Израилем, называется так же Иаковом. После разделения во времена Иеровоама, сына Наватова, десять колен, подвластные Иеровоаму, стали называться Израилем, остальные же

два и колено Левиино, управляемые царями из семени Давидова, [стали называться] Иудою. А все то место, которое занимал этот народ и какое было дано ему Богом, называется Иудеей: столица — Иерусалим, конечно, столица тех многих городов, имена которых рассеяны в Писании повсюду, в одно же собраны в книге Иисуса Навина.

21. Имея в виду все это и возвышая нашу мысль, апостол говорит в одном месте: *Видите Израиля по плоти* (1 Кор. 10, 18). Этими словами он как бы показывает, что есть какой-то Израиль по духу. И в другом месте он говорит: *Не чада плотская сия чада Божия, и не еси, сущии от Израиля, сии Израиль* (Рим. 9; 8; 6); *ни иже яве иудей есть, ни еже яве во плоти обрезание, но иже в тайне иудей и обрезание сердца духом, не писанием* (Рим. 2, 28 — 29)? Но если суждение об иудее основывается на скрытом (внутреннем) признаке, то нужно думать, что в соответствие телесному народу иудейскому существует и некоторый народ «иудеев в тайне», у которых душа приобрела это благородство по некоторым неизреченным основаниям. Кроме того, многие пророчества говорят об Израиле и об Иуде, возвещая им будущее. Неужели столь многочисленные обетования, записанные в этих пророчествах, по букве неизменные, не представляющие ничего возвышенного и достойного божественного обетования, — неужели они не требуют таинственного истолкования? Если же обетования духовны, хотя и возвещаются через чувственные [вещи], то и те, кому даны эти обетования, не телесны. Но, чтобы не останавливаться долго на изречении об «иудее в тайне» и об Израиле по внутреннему человеку, — так как для людей небездеятельных достаточно и этого, — мы возвращаемся к предшествующему заключению и говорим, что Иаков есть отец двенадцати патриархов, а эти — отцы родоначальников народных, последние же, в свою очередь, суть отцы всех последующих израильтян. Итак, что же? Плотские израильтяне восходят по происхождению к народным родоначальникам, родоначальники — к патриархам, патриархи — к Иакову и его предкам. А духовные израильтяне, образом которых были израильтяне плотские/разве не происходят из известных родов, причем роды произошли из колен, а колена — из кого-нибудь одного, кто имеет происхождение уже не это, телесное, но лучшее, кто тоже произошел от Исаака, сына Авраамова, тогда как все они возводятся к Аврааму, который, по словам апостола, есть Христос? Ведь, всякое происхождение племен в самой глубине началось от Христа в той же мере, в какой и от Бога всяческих, потому что Христос после Бога и Отца всех также служит отцом всякой души, как Адам есть отец всех людей. И если Ева послужила апостолу образом Церкви, то неудивительно, что и Каин, происшедший от Евы, и все последующие люди, по происхождению восходящие к Еве, служат образами Церкви; так как в высшем смысле всё произошли от Церкви.

22. Если сказанное нами об Израиле, и о коленах, и о родах его убедительно, то слово Спасителя: *Несть послан, токмо ко овцам погибшим дому исраилева* (Мф. 19, 24) — мы не понимаем так, как бедные разумом эвиониты, которые названы так за бедность разума, потому что по-еврейски эвион значит «бедный»: мы не думаем, что Христос пришел преимущественно к плотским израильтянам, *не бо чада плотская сия чада Божия* (Рим. 9, 8). Подобное же учение апостол высказывает об Иерусалиме: он говорит, что *вышний Иерусалим свободь есть, иже есть мати нам* (Гал. 4, 26). И в другом послании: *Но приступисте к сионстей горе и ко граду Бога живого, Иерусалиму небесному и тмам ангелов, торжеству церкви первородных, на небесех написанных* (Евр. 12, 22). Итак, если в поколении душ есть Израиль и если на небе существует какой-то город Иерусалим, то отсюда следует, что Небесный Иерусалим служит столицей для Израильских городов и, значит, для всей [Небесной] Иудеи. Поэтому, если мы слушаем апостола Павла, как Бога и как провозвестника премудрости, то мы должны думать, что все предсказания об Иерусалиме и повествования о нем Писание возвещает о Небесном городе и обо всей стране, заключающей в себе города Небесной земли. Может быть, Спаситель возводит нас именно к этим городам, когда дает начальство над пятью или десятью городами [рабам], которые отличились хорошим употреблением мин. Но если пророчества об Иудее и об Иерусалиме, об Израиле, Иуде и Иакове, когда мы понимаем их не в плотском смысле, представляют различные тайны, то, следовательно, и пророчества о Египте и египтянах, о Вавилоне и вавилонянах, о Тире и тирянах, о Сидоне и сидонянах и о прочих народах пророчествуют не только об этих плотских египтянах, вавилонянах, тирянах и сидонянах, но и о духовных [народах]. Ведь если есть духовные израильтяне, то, следовательно, есть и духовные египтяне и вавилоняне. И действительно, то, что Иезекииль говорит о фараоне, царе египетском (Иез. 29, 36), не подходит вполне ни к какому человеку, управлявшему или имеющему управлять Египтом, как это будет ясно для внимательных исследователей. Подобным образом и пророчество о князе Тирском (Иез. 26) нельзя разуметь о каком-нибудь человеке, который управлял Тиром. То, что говорится во многих местах, и особенно у Исаии (Ис. 14), о Навуходоносоре, тоже нельзя понимать в отношении к этому человеку, потому что Навуходоносор, человек, не падал с неба, не был денницею и не восходил утром над землею. У пророка Иезекииля говорится еще о Египте, что некогда он будет опустошен в течение сорока лет, так что там нельзя будет найти следа человеческого, и он подвергнется такой войне, что по всей стране кровь будет по колени. Какой умный человек отнесет все это к Египту, который находится в соседстве с эфиопами, имеющими почерневшие от солнца тела?

23. Умирающие здесь обыкновенной смертью распределяются на

основании дел, совершенных здесь, так что признанные достойными так называемой адской страны получают разные места соответственно своим грехам. Также, может быть, и те, которые, так сказать, умирают там (на небе), нисходят в этот ад признанные достойными обитать в различных лучших или худших жилищах на всем земном пространстве и родиться от таких или иных родителей, так что израильтянин может когда-нибудь попасть в число скифов, а египтянин — перейти в Иудею. Однако Спаситель пришел собрать погибших овец дома Израилева. Но так как многие Израильтяне не последовали Его учению, то [взамен израильтян] призываются язычники. Это, как мы думаем, скрыто в пророческих повествованиях. *Паки подобно есть царствие небесное сокровищу, сокровену на селе, еже обрет человек скры, и от радости его идет и вся, елика имать, продает и купует село то* (Мф. 13, 44). Подумаем же, не есть ли видимая сторона Писания, — поверхность его и то, что в нем наиболее доступно, — не есть ли это целое поле, наполненное разнообразными растениями, а скрытое [в этом поле] то, что не всем видно, но как бы зарыто под видимыми растениями, не означает ли сокровища мудрости и тайны знания? Дух через Исайю называет эти сокровища темными, невидимыми и скрытыми (Ис. 45, 3). Только один Бог может сокрушить медные врата, скрывающие их, и сломать железные засовы, наложенные на дверях, — и тогда станет понятным все то, что говорится в Бытии о разных истинных родах душ и как бы о племенах, находящихся то близко, то далеко от Израиля; тогда станет понятным и удаление семидесяти душ в Египет, чтобы сделаться там многочисленными, как звезды небесные. Но так как не все они служат светом мира — *не еси бо, сущие от Исраиля, сии Исраиль,* — то некоторые из семидесяти делаются как неисчислимый песок на берегу моря.

ПИСЬМО К СВ. ГРИГОРИЮ ЧУДОТВОРЦУ*

1. Ориген - господину моему, благороднейшему и почтеннейшему сыну Григорию желаю о Боге радоваться.

Прирожденная способность к пониманию, если с ней соединяется упражнение, как ты знаешь, может обнаружить деятельность, которая ведет к возможному, если можно так назвать, завершению того, над чем кто хочет упражняться. Итак, твое дарование может сделать тебя совершенным римским юристом и эллинским философом тех школ, которые считаются знаменитыми. Но я желал бы, чтобы ты воспользовался всей силой своего прирожденного дарования в последней цели для христианства; ради этого я хотел бы, чтобы ты по возможности взял и из философии эллинов то, что может служить для христианства как бы общеобразовательными науками, или

* Пер. Н. Сагарды.

пропедевтикой, и из геометрии и астрономии то, что может быть полезным для изъяснения священных писаний, чтобы то, что сыны философов утверждают относительно геометрии, музыки, грамматики, риторики и астрономии, как вспомогательных для философии, мы могли сказать и о самой философии по отношению к христианству.

2. Может быть, на нечто в таком роде намекает написанное в книге Исход от лица Божия, чтобы поведено было сынам Израилевым просить у соседей и у живущих с ними *сосуды серебряные и золотые и одежды* (Исх. 11, 2; 12, 85), чтобы, обобравши египтян, они получили материал для изготовления взятого на служение Богу. Ибо из того, что сыны Израилевы похитили у египтян, было устроено то, что находится во Святом святых: кивот с крышкой, и херувимы, и очищение, и золотой сосуд, в котором сохранялась манна — хлеб ангелов; это, вероятно, сделано было из наилучшего золота египтян. Из второго же сорта золота, [низшего] по сравнению с тем, [был сделан] плотный весь золотой светильник вблизи внутренней завесы, и на нем лампады, и золотой стол, на котором были хлебы предложения, и между обоими — золотой алтарь кадильный. Если же был третий и четвертый сорт золота, то из него были сооружены священные сосуды. А из серебра египтян сделано было иное. Ибо, проживая в Египте, сыны Израилевы получили эту прибыль от проживания там, чтобы иметь изобилие в столь ценном материале для употребления при служении Богу. Из одежд египтян, вероятно, сделано было все, что нуждалось в работе, как наименовало Писание (Исх. 27, 16; ср. 27 (28), 23), ткачей, когда ткачи с мудростью Божией известного рода одежды сшивали с подобными, чтобы сделать внешние и внутренние завесы и покрывала.

3. Но какая мне необходимость без нужды отклоняться и доказывать, на что пригодилось сынам Израилевым взятое из Египта, чему египтяне не дали надлежащего употребления, а евреи, наставляемые божественной мудростью, употребили для богопочитания? Однако Писание знает, что для некоторых нисхождение из земли сынов Израилевых в Египет послужило во зло: оно намекает, что для некоторых служит во зло проживать с египтянами, т. е. с науками мира сего, после того как они воспитаны были в законе Божием и в израильском служении Ему. По крайней мере, Адер идумеянин, пока был в земле Израиля, не вкушая хлеба египтян, не сооружал идолов; когда же, убежавши от мудрого Соломона, сошел в Египет, как бы убежавши от мудрости Божией, он сделался родственником фараона, женившись на сестре его жены, и родил сына, который воспитывался среди сынов фараоновых (3 Цар. 11,1—4). Поэтому, хотя он и взошел в землю Израиля, но взошел с тем, чтобы разделить

[1] Ориген здесь и далее приписывает Адеру то, что сделал Иеровоам.

народ Божий и заставить их сказать к золотой телице: *Вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли египетской* (3Цар. 12, 28). Я же, наученный опытом, мог бы сказать тебе, что мало таких, которые взяли из Египта полезное, и вышли из него, и соорудили то, что относится к служению Богу; напротив, много братьев идумеянина Адера. Это те, которые вследствие известной эллинской изобретательности вызвали к жизни еретические мысли и, так сказать, соорудили золотых телиц в Вефиле, который изъясняется: *дом Божий.* Мне кажется, что и этим Слово [Божие] намекает на то, что они собственные сооружения воздвигли в Писаниях, в которых обитает Слово Божие и которые образно называются Вефилем. Другое же сооружение, [как] утверждает Слово [Божие], воздвигнуто было в Дане; пределы же Дана самые крайние и близко от языческих пределов - так ясно из написанного в книге Иисуса Навина(Ис. Нав. 19, 40). Итак, близко от языческих границ находятся некоторые из сооружений, которые, как мы показали, соорудили братья Адера[1].

4. Итак, господин [мой] сын, прежде всего со вниманием занимайся чтением божественных писаний. Да, занимайся со вниманием, так как, читая божественные писания, мы нуждаемся во многом внимании, чтобы не сказать или не подумать о них чего-нибудь слишком поспешно. Но внимательно занимаясь чтением божественных писаний с верным и богоугодным настроением, стучи в то, что заключено в нем, и оно будет открыто тебе придверником, о котором сказал Иисус: *Ему придверник отворяет* (Ин. 10, 3). И, внимательно занимаясь божественным чтением, право и с твердою верой в Бога ищи сокрытую от многих мысль божественных писаний. Не переставай стучать и искать. Ибо весьма необходима и молитва о том, чтобы понимать божественные писания. Увещевая к ней, Спаситель не только сказал: *Стучите и отворят вам* — и: *Ищите и найдете,* но и: *Просите и дано будет вам* (Мф. 7,7; Лк. 11,9).

Я осмелился на это вследствие моей отеческой любви к тебе. Хорошо ли то, что я осмелился, или нет, знает Бог и Его Христос и причастник Духу Божию и Духу Христову. Да будешь и ты причастником и да умножаешь всегда причастие, чтобы мог говорить не только: ***Мы сделались причастниками Христу* (Евр. 3, 14),** но и: ***Мы сделались причастниками Богу.***

•Т. е. сргпгеские т и ш и — (УЗЬар^жмвшог близкое родство с ишчсстаом.

Святитель ГРИГОРИЙ ЧУДОТВОРЕЦ

ЖИЗНЬ

Одним из самых талантливых учеников и горячих почитателей Оригена в III веке был св. Григории Чудотворец. Он родился в аристократической языческой семье в Неокесарии около 213 г. До крещения его звали Феодором. Еще в детстве он лишился отца, а в возрасте 14 лет впервые соприкоснулся с христианской верой. Обо всем этом он говорит в своей Благодарственной речи Оригену: «Первоначальное мое воспитание от самого рождения проходило под наблюдением родителей, а нравы в отеческом доме уклонялись от пути истины. Что я освобожусь от них, этого, как я думаю, и никто другой не ожидал, и не было никакой надежды у меня самого, так как я был еще ребенком и неразумным и находился под властью отца, преданного идолопоклонству. Потом — потеря отца и сиротство, которое, может быть, было для меня началом истинного познания. Ибо тогда в первый раз я обратился к спасительному и истинному Слову, не знаю, как [это произошло] — более ли по принуждению или добровольно? Ибо какая способность суждения могла быть у меня в четырнадцатилетнем возрасте? Между тем с того времени это священное Слово тотчас начало... посещать меня, потому что в Нем именно достиг полного выражения всеобщий разум человечества, однако тогда Оно посетило меня в первый раз» (48 — 50).

После смерти отца Григорий поступил в школу, где успешно занимался риторикой, изучал латинский язык и римское право. По окончании средней школы он должен был вместе со своим братаом Афинодором отправиться в Бейрут для продолжения юридического образования, однако в это время его зять, назначенный губернатором Палестины, пригласил его в Кесарию. Здесь Григорий впервые встретился с Оригеном, с которым его на всю последующую жизнь связали узы дружбы: «Он же [Ориген], приняв меня к себе, с первого дня, который был для меня поистине первым... драгоценнейшим из всех дней, когда для меня впервые начало восходить истинное солнце, прежде всего приложил всякое старание к тому, чтобы привязать меня к себе... Ибо он поразил меня жалом дружбы... острым и сильно действующим, жалом смелого обращения и доброго расположения, которое, как благожелательное ко мне, обнаруживалось в самом тоне его голоса, когда он обращался ко мне и беседовал

со мною...» (Благодарственная речь, 73 — 81). Под влиянием Оригена Григорий решил посвятить свою жизнь Христу и «истинной философии»: «Подобно искре, попавшей в самую душу мою, возгорелась и воспламенилась моя любовь как к священному, достойнейшему любви самому Слову, Которое в силу Своей неизреченной красоты привлекательнее всего, так и к сему мужу, Его другу и глашатаю. В высшей степени пораженный ею, я был убежден пренебречь всеми делами или науками... моим отечеством и моими родственниками... одно было для меня дорого и любезно — философия и руководитель в ней, этот божественный человек. *И соединилась Душа Ионафана с Давидом* (1 Цар. 18, 1)... Таковыми узами [дружбы] крепко связав... этот Давид держит меня не только теперь, но уже с того времени» (Там же. 83 — 92).

Григорий и его брат пробыли в кесарийском училище пять лет (233 — 238), окончив полный курс и приняв крещение (*Евсевий.* Церк. ист., 6, 30). На выпускном вечере Григорий произнес свою знаменитую Благодарственную речь Оригену, являющуюся важным источником информации как о нем самом, так и о его учителе. Достоверных сведений о дальнейшей жизни св. Григория немного. Известно, что через пять лет после его возвращения на родину из Кесарии Палестинской он был рукоположен Федимом, епископом Амасийским, в сан епископа Неокесарийского. Григорий стал первым христианским епископом в своем родном городе и занимал этот пост около тридцати лет. Согласно его Житию, в то время, когда он стал епископом Неокесарии, в городе было всего семнадцать христиан, а к моменту его смерти осталось лишь семнадцать язычников. Святой Григорий принимал участие в Антиохийском Соборе 265 г. и умер во времена царствования Аврелиана (270 — 275). Посмертная слава св. Григория Чудотворца распространилась далеко за пределы Неокесарии: в IV в. великие каппадокийцы считали его основателем Каппадокийской Церкви. Святой Григорий Нисский составил в его честь Похвальное слово.

ТВОРЕНИЯ

Подлинные

«Благодарственная речь Оригену» была произнесена св. Григорием в 238 г. в кесарийском училище. В ней он выражает чувства глубокой благодарности своему великому учителю. После вступления (1—34), в котором св. Григорий говорит о грехе неблагодарности и своей неспособности воздать достойное благодарение учителю, св. Григорий в основной части речи (35 — 183) благодарит Бога, ангела-хранителя и, наконец, своего учителя, внушившего ему любовь к философии и христианскому благочестию. Святой Григорий дает

6 Зак. 129

подробное описание педагогического метода Оригена, рассказывая о нем как о философе, богослове, толкователе Священного Писания и духовном руководителе, обладавшем энциклопедическими познаниями и прекрасными человеческими качествами. В заключительных главах (184 — 207) св. Григорий выражает свое сожаление о том, что ему приходится покинуть Кесарию, и испрашивает благословения и молитв своего учителя.

«Краткое Изложение веры» св. Григория Чудотворца дошло до нас в оригинальной греческой версии (оно включено в «Слово о жизни св. Григория Чудотворца», приписываемое св. Григорию Нисскому), в латинском переводе Руфина (Церк. ист., 7, 26) и в сирийском переводе.

В «Каноническом послании», адресованном неизвестному епископу, св. Григорий говорит о поведении понтийских христиан во время нашествия ворадов и готов после поражения императора Декия (251 г.). Христиане, которых готы взяли в плен, но затем освободили, были опечалены тем, что, находясь в плену, они ели пищу язычников; некоторых женщин варвары изнасиловали. Святой Григорий говорит, что пища не удаляет человека от Бога и что на пострадавших женщинах «нет смертного греха». Тяжкий грех, говорит св. Григорий, на тех, кто использовал всенародное бедствие как повод для собственной наживы и грабил своих соотечественников. Их святитель советует отлучать от Церкви. В Послании говорится о различных классах кающихся в Древней Церкви: плачущих (стоящих вне храма), слушающих (стоящих в притворе), припадающих (которым позволено стоять вместе с оглашенными), купностоящих (которым позволено стоять с верными, однако нельзя причащаться).

«Переложение Екклезиаста» является парафразом текста библейской книги по греческому переводу Семидесяти. В некоторых рукописях это произведение надписывается именем св. Григория Назианзина, однако бл. Иероним (О знаменитых мужах, 65) и Руфин (Церк. ист., 7, 25) признают его подлинным сочинением св. Григории Чудотворца.

Трактат «К Феопомпу о возможности и невозможности страданий для Бога» сохранился в сирийской версии и сделанном с нее позднем латинском переводе. Он представляет собой философский диалог на тему Божественного бесстрастия. Бог есть существо бесстрастное, и в этом смысле Он не может быть субъектом страдания (гречесчкое слово каВоС, переводится как «страдание» и «страсть»). Однако Он свободен в своих решениях. Когда Сын Божий добровольно захотел пострадать за людей, Он тем самым доказал Свое бесстрастие и победил смерть.

Сомнительные, неподлинные и утраченные

Трактат «К Филагрию о единосущии», сохранившийся в сирийской версии с именем св. Григория Чудотворца, является переводом с греческого языка «Послания к Евагрию о Божестве» св. Григория Богослова.

К числу сомнительных произведений принадлежит трактат «К Татиану о душе», содержащий краткое изложение христианской психологии.

С именем св. Григория сохранилось несколько проповедей: три «На Благовещение Пресвятой Богородицы» и одна «На Богоявление Господне» (все четыре в греческой версии), а также беседа «На Рождество Христово» (в латинском переводе с армянской версии). Последняя беседа печатается в греческом оригинале среди сомнительных творений св. Иоанна Златоуста. Из пяти других бесед, сохранившихся в армянской версии, одна «В честь Пресвятой Богородицы» надписывается также именем св. Григория Нисского. Ни одна из этих бесед — как греческих, так и армянских — не признается подлинным произведением св. Григория Чудотворца.

Святой Василий Великий (Письмо 210) упоминает о «Диалоге с Элианом» св. Григория Чудотворца; его текст не сохранился. Также не сохранились письма святителя, о которых упоминает бл. Иероним (О знаменитых мужах, 65).

Под именем св. Григория сохранились некоторые фрагменты догматического и экзегетического содержания, а также семь кратких нравственных наставлений (см. в русском издании, с. 195 — 207).

«Подробное изложение веры», сохранившееся с именем св. Григория Чудотворца, в действительности принадлежит Аполлинарию Лаодикийскому и составлено около 380 г. Блаженный Феодорит приводит из него цитаты в своем «Эранисте» под именем Аполлинария.

Именем св. Григория Чудотворца надписано Заклинание на духов нечистых, содержащееся в некоторых греческих Эвхологиях.

БИБЛИОГРАФИЯ

Творения, оригинальный текст

Migne, PG. T. 10, 963—1232.
SChr., t. 148: Remerciement к Origdne.

Творения, русский перевод

Григорий (Чудотворец), епископ Неокесарийский. Творения/Пер. Н. Сагарда. - Пг. 1916.

Литература

Барсов Н. И. История первобытной христианской проповеди (до IV века). - СПб., 1885. - С. 276-292.

Григорий Нисский, святитель. Слово о жизни святого Григория Чудотворца//Григорий Нисский. Творения. — М., 1871 — 4 8. - С. 127-198. - (Творения святых отцов в русском переводе; **Т. 45).**

Житие святого отца нашего Григория Чудотворца, архиепископа Неокесарийского. — М., 1903.

Сагарда Н. Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский: Его жизнь, творения и богословие. — Пг., 1916.

Шварц Е. М. Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце в Усть-Цилемских рукописных сборниках//Труды Отдела древнерусской литературы/Ин-т русской литературы. (Пушкинский дом). - Л., 1979. - Т. XXXIV. - С. 341-350.

CrouzelH. Gregoire le Thaumaturge et le conversation avec Elien//Recherches de science religieuse. — Paris, 1963. — T. 51. — P. 422—431.

Crouzel H. Le Remerciement a Origène de S. Gregoire le Thaumaturge//Science ecclesiastique. — 1964. — 16. — P. 59—91.

Draseke J. Der kanonische Brief des Gregorios von Neocaesarea//JahrbUcher für protestantische Theologie. — Leipzig, 1881. — Bd 7 —S 724 756.

Froidevaux L. Le symbole de Saint Gregoire le Thaumaturge//Recherches de science religieuse. — Paris, 1929. — T. 19. — P. 193__247.

Ryssel V. Gregorios Thaumaturgos: Sein Leben und seine Schrifiten. — Leipzig, 1880.

Tefler W. The Cultus of St. Gregory Thaumaturgos//Harvard Theological Review. — 1936. — V. 29. — P. 295—344.

о„ ,Н БЛАГОДАРСТВЕННАЯ РЕЧЬ ОРИГЕНУ

I. 1) Хорошая вещь — молчание, и именно как часто для многих других [людей], так особенно для меня в настоящий момент, когда у меня волей-неволей замыкаются уста, и я вынужден молчать. 2) Ибо я не навык и неискусен в тех прекрасных и благопристойных речах, которые произносятся или составляются в стройной последовательности, как в неудержимом потоке, из отменных и превосходных слов и выражений. Может быть, и я от природы слишком мало способен заниматься этим приятным и поистине эллинским делом. 3) Между тем вот прошло уже восемь лет с того времени, как ни мне самому совершенно не приходилось произносить что-либо или писать какую-нибудь большую или малую речь, ни слышать другого, кто бы частным образом писал, или произносил, или публично держал похвальные и защитительные речи, кроме этих достойных удивления мужей[1], которые с любовию занялись прекрасной философией. 4) Но и у них мало заботы о красоте речи и благопристойности выражений: полагая словесное благозвучие на втором месте, они хотят с точностью исследовать и выразить самую сущность вещей. 5) Не то, чтобы, думаю я, они не стремились к этому — напротив, они даже очень желают свои прекрасные и точные мысли выразить в красивой и стройной речи, но они, может быть, не в состоянии так легко обнять одной и той же, и к тому еще ограниченной, человеческой душой, с одной стороны, священную и богоподобную силу, заключающуюся в их мыслях, и, с другой стороны, слово, красноречивое в своих выражениях, — это два преимущества, которые у отдельного человека выступают обособленно и в известном смысле прямо противоположны друг другу. 6) Если размышлению и исследованию, так сказать, благоприятствует и содействует молчание, то красноречия и благозвучия в слове с успехом можно искать не в чем ином, как в речах и в непрерывном упражнении в них.

7) Между тем еще и другая наука сильно занимает мой ум, и уста сковывают язык, если бы я захотел даже немного сказать на языке эллинов, — это достойные удивления наши законы, по которым теперь направляются дела всех состоящих под властью римлян людей и которые без тяжелого труда не могут быть ни согласованы, ни основательно изучены; так как и сами по себе они мудрые, и точные, и разнообразные,.и достойные удивления и, одним словом, в высшей степени соответствуют эллинскому духу, но, кроме того, они написаны и переведены на языке римлян, который вызывает изумление, величествен и вполне сообразен с царственной властью; но для меня тем не менее он представляет свои трудности. 8)

' Перевод Н. Сагарды.

[1] Святой Григорий, очевидно, имеет в виду присутствовавших в собрании христианских философов, друзей Оригена.

Сверх того в действительности я не имел возможности и, дблжно сказать, никогда не имел и желания [основательно усваивать их].

Но так как наши речи суть не что иное, как некоторого рода образы чувств нашей души, то мы должны признать, что сильные в слове, подобно хорошим живописцам, в высшей степени опытным в своем искусстве и располагающим большим количеством вещества для красок, если нет ни в чем препятствий, могут писать картины не только одни и те же, но также и разнообразные, и такие, которые вследствие богатого смешения цветов достигают высшей степени красоты.

II. Но я, подобно бедняку, не располагаю такими разнообразными красками, потому ли, что я никогда не обладал ими, или, может быть, потому, что потерял их; [поэтому] по мере моих сил я нарисую первообразы чувств моей души как бы углями только или черепками, т. е. привычными для меня и общеупотребительными словами и изречениями, изображая их в выражениях, которыми я свободно владею, и попытаюсь представить характерные черты образов моей души, если даже и неясные и нераскрашенные, то по крайней мере хотя бы в набросках углем; если при этом мне встретится где-либо что-нибудь благообразное и благозвучное, я с удовольствием приму, а если нет, то поищу таких выражений.

9) Но есть также еще третье обстоятельство, которое препятствует и отвращает и гораздо более других удерживает и просто предписывает мне соблюдать молчание, именно самый предмет, ради которого я охвачен желанием говорить, но теперь медлю и не решаюсь. 10) Ибо я имею в мысли говорить о муже, который по внешнему виду и по общему мнению — человек, но для тех, кто может проникать своим взором в глубины его внутренних качеств, он уже наделен высшими преимуществами, которые приближают его к Божеству. 11) Но я не намерен восхвалять происхождения и телесного воспитания — я не решаюсь на это и удерживаюсь вследствие чрезвычайного благоговения перед ним; не буду также восхвалять телесной силы и красоты — это предметы похвальных речей для юношей, у которых мало заботы о том, говорят ли о них по достоинству или нет, 12) ибо было бы бесцельно и легкомысленно о предметах, не имеющих продолжительного и устойчивого бытия, но многоразличным образом и скоро преходящих, держать речь в возвышенном и торжественном тоне уже в самом вступлении к ней, — я не мог бы говорить об этом, если бы что-либо в этом роде предложено было мне в качестве темы для речи, так как это — бесполезные и пустые предметы и такие, которых я никогда не избрал бы добровольно для своей речи. Впрочем, если бы мне действительно предстояло говорить о таком предмете, то в моей речи не было бы ни какого-либо замешательства, ни беспокойства о том, чтобы не показалось, что я говорю что-либо ниже достоинства предмета. 13) Но теперь я хочу напомнить о том, чтб у него самое богоподобное и чтб в нем родственно с Богом, с одной стороны, заключено в этом видимом и смертном муже, а с другой стороны, самым усердным образом стремится уподобиться Богу, и намереваюсь коснуться в некотором смысле более возвышенных предметов и принести благодарение Богу за то, что мне даровано встретиться со столь великим мужем вопреки всякому человеческому ожиданию, как других, так и моему собственному, так как я и не предполагал никогда и не надеялся; таких важных предметов намерен коснуться я, ничтожный и умственно ограниченный, — разве не благоразумно, что я уклоняюсь и медлю и добровольно готов молчать?

14) И в самом деле, представляется безопасным для меня соблюдать молчание, чтобы под предлогом благодарности вследствие необдуманности, может быть, не сказать о возвышенных и священных предметах чего-либо недостойного, ничтожного и презренного; и таким образом я не только не достигну истины, но и причиню ей, насколько от меня зависит, какой-либо ущерб у тех, кто верит, что так и в действительности, как изображает мое слабое слово, которое более оскорбляет, чем в своем содержании дает точное изображение его дел. 15) Однако твои достоинства, возлюбленная глава, не могут быть ни умалены, ни поруганы, и еще гораздо более не может потерпеть какого-либо ущерба от моих ничтожных и недостойных слов то божественное, которое само по себе пребывает непоколебимым. 16) Но я не знаю, как мне избежать впечатления дерзости и необдуманности, если я по неразумию, с ничтожным умом и средствами, наскакиваю на великие и во всяком случае превосходящие мои силы дела. 17) Да, если бы где-либо в другом месте и перед другими слушателями я решился на такой легкомысленный [юношеский] поступок, тогда я в известной степени был бы дерзким и безрассудно смелым; однако не наглость была бы виной моего необдуманного выступления, так как я отважился бы на это не в твоем присутствии. 18) Но теперь я исполню меру безрассудства или даже уже и исполнил, осмелившись войти, как говорится, с неумытыми ногами в те уши, в которые само божественное слово входит и пребывает с нисколько не покрытыми ногами, — не так, как [входит] в уши многих людей, как бы под толстыми кожами, т. е. под загадочными и неясными выражениями, но, можно сказать, с обнаженными ногами, ясное и совершенно непознаваемое. Я же несу свои человеческие слова, как какую-то грязь и нечистоту, и осмеливаюсь вливать их в уши, навыкшие слушать божественные и чистые звуки. 19) Итак, разве недостаточно доселе я уже погрешил [своим словом] и ни дблжно ли по крайней мере теперь начать быть благоразумным и уже далее не продолжать речи, но прекратить ее? Я, конечно, хотел бы. 20) Однако, раз я уже осмелился, да позволено будет мне прежде всего указать причину, побуждаемый которой я пришел в это собрание — может быть, мне будет оказано и снисхождение за эту смелость.

III. 21) Страшной мне представляется неблагодарность, страш-

ной, и в полном смысле слова страшной. 22) Ибо, получивши благодеяние, даже не попытаться воздать, если невозможно иначе, то по крайней мере благодарностью в словах, свойственно или совершенно безрассудному, или нечувствительному к благодеяниям, или беспамятному. 23) Но у кого с самого начала были и чувство, и понимание прекрасного, которое он испытал, такой, если у него не сохраняется на последующее время даже воспоминания об этом и если он не приносит никакой благодарности виновнику доброго, такой — негодный, неблагодарный и нечестивый — человек, согрешающий непростительным ни для кого образом, занимает ли он высокое положение или низкое. 24) [В первом случае] если он занимает высокое положение и является человеком большого ума, [то грех его в том], что он не носит на своих устах со всей благодарностью и почтением великих благодеяний, которые он испытал; [во втором случае] если он занимает низкое положение и является человеком недалеким, [то его грех в том], что не со всей имеющейся у него силой выражает хвалу и благоговение к тому, кто благодетельствует не великим только, но и малым. 25) Кто занимает более высокое положение и превосходит душевными силами, те, сообразно с их ббльшими средствами и великим богатством, необходимо должны по своим силам воздавать своим благодетелям большее и почтительнейшее прославление. 26) Но и незначительным людям, и находящимся в бедственном положении не следует быть ни безучастными, ни беспечными, ни падать духом на том основании, будто они не могут сделать ничего ни достойного, ни совершенного. 27) Но, подобно бедным, однако благодарным, они должны принимать за мерку силу не почитаемого, а свою собственную и из присущей им силы оказывать почести, которые, может быть, будут угодны и приятны почитаемому и не будут у него поставлены на втором месте по сравнению с великими и многими [выражениями благодарности], если принесут их с большею готовностью и с всецело преданным настроением. 28) Так, в священных книгах (ср. Лк. 21, 1—4; Мк. 12, 41—44) повествуется, что некая незначительная и бедная женщина одновременно с богатыми и сильными людьми, которые от своего богатства жертвовали большие и многоценные дары, одна только принесла незначительный и самый ничтожный дар, который, однако, составлял все, что у нее было, и получила свидетельство того, что она дала больше всех. Ибо, я думаю, священное Слово измеряло ценность и превосходство [дара] не количеством даваемого вещества, которое есть нечто внешнее, но скорее настроением и намерением, с какими он был принесен. 29) Поэтому и мне совершенно не следует отступать из боязни, что моя благодарность не будет вполне соответствовать благодеяниям, но, совсем напротив, [я должен] отважиться и попытаться как бы в воздаяние оказать почести если и не надлежащие, то по крайней мере посильные для меня. Если моя речь и не достигнет совершенного, то по крайней мере она отчасти будет иметь

своим результатом то, что избежит всецелого упрека в неблагодарности. 30) Ибо поистине было бы неблагородным совершенно молчать под благовидным предлогом, что не можешь сказать ничего достойного; но благоразумно стремление всегда воздавать, даже если бы сила приносящего благодарность была слабее достойной [благодетеля]. Таким образом, если я даже не в состоянии говорить по достоинству, я не буду молчать; но если исполню все, что будет в моих силах, то я даже еще похвалюсь этим.

31) Итак, настоящее мое слово должно быть благодарственным. Я не хотел бы говорить, что [благодарение обращено непосредственно] к Богу, Владыке вселенной. Однако от Него для нас все начала благ, с Него же и мне дблжно начать благодарения, пения и хвалы. 32) Но ведь если бы даже я принес всего себя, конечно, не такого, каков я теперь, — скверного и нечистого, запятнанного и смешанного с постыдным и нечистым злом, но свободного от этого — в состоянии возможно высшей чистоты, светлости и непорочности и без всякой примеси несовершенства, — так, говорю, если бы я даже всего себя, обнаженного от этого, как бы новорожденного, принес и отдал, и тогда я со своей стороны не принес бы достойного дара в честь и в воздаяние Правителю и Виновнику вселенной. 33) Восхвалить Его по достоинству никогда не мог бы ни каждый в отдельности, ни даже все вместе, даже если бы все чистое сделалось одним и тем же, вышло из себя и скорее, собранное в едином духе и в едином согласном порыве, обратилось к Нему. 34) Ибо если бы кто мог постигнуть что-нибудь из Его дел наилучшим и исчерпывающим образом и, если бы это возможно было, мог сказать о Нем по достоинству, то ради этой самой способности, которой он мог быть удостоен не от другого кого-нибудь, но которую получил от Него же, невозможно, чтобы он мог приобрести откуда-нибудь что-либо иное большее и принести Ему в благодарность.

IV. 35) Но я обращу свои хвалы и песни к Царю и Хранителю вселенной, к неисчерпаемому источнику всяческих благ, Который также и в этом уврачует мою немощь и один только может восполнить недостающее (ср. Лк. 21, 1—4; Мк. 12, 41—44). Предстателю душ наших и Спасителю, перворожденному Его Слову, Создателю и Управителю вселенной. 36) Он один только может воссылать постоянные и непрерывные благодарения Отцу как за Себя самого, так и за всех, и именно за каждого в отдельности и за всех вместе. Поелику Он есть истина и мудрость и сила самого Отца всего, к тому же еще Он в Нем есть и с Ним соединен совершенно, то невозможно, чтобы Он или по забывчивости, или по недостатку мудрости, или по какой-либо немощи, подобно тому, кто отчужден от Него или не достиг [необходимой] силы, чтобы восхвалить Его, или и Достиг, но добровольно, — чего не следует говорить, — оставил Своего Отца без восхваления. 37) Он один может совершеннейшим образом исполнить всю надлежащую меру приличествующей Ему

хвалы. Тот, Кого Сам Отец всего соделал единым с Собою, когда чрез Него едва не превзошел Самого Себя', должен в совершенно равной степени некоторым образом почитать Его, как и Сам почтен от Него. Это именно первый и единственный из всего сущего получил в удел Его Единородный, сущий в Нем Бог Слово, 38) тогда как все прочие только таким образом можем быть благодарными и благоговейными, если на Него одного перенесем и возложим всю силу достойного благодарения за все [дарованные] нам от Отца благодеяния, исповедуя, что это единственный путь богопочитания — через Него во всем памятовать о Виновнике вселенной. 39) Поэтому именно дблжно исповедать, что для благодарения и хвалы постоянному промышлению о всем, которое печется о нас как в величайшем, так и в самом незначительном и которое привело нас сюда, вполне достойно и достаточно [только] то слово, которое есть совершеннейшее и живое и духовно оживляющее Слово первого Ума.

40) Мое же настоящее слово да будет благодарением из всех людей преимущественно сему мужу. Но если бы я захотел [с моей благодарностью] взойти несколько выше, то между теми, которые невидимы, стоят ближе к божественному и пекутся о людях, [она должна быть обращена к] тому, кто, по некоему великому определению, получил в удел с детства руководить мною, воспитывать и опекать меня, 41) святый ангел Божий, пасущий меня от юности моей, как говорит тот боголюбезный муж (т. е. Иаков — ср. Быт. 48, 15), имея в виду, очевидно, своего ангела. 42) Однако он, будучи великим, соответственно с этим получил величайшего [ангела], или кого иного, кто бы он ни был, или, может быть, даже самого великого совета Ангела (ср. Ис. 11, 16), общего Спасителя всех, чтобы ради его совершенства Он был исключительным его хранителем, — я этого точно не знаю; во всяком случае, он в своем ангеле, кто бы он ни был, и познал и прославлял нечто великое. 43) Я же [познаю и прославляю], кроме общего Правителя всех людей, также и этого [моего], который является руководителем собственно меня, неразумного. 44) Он, будучи для меня во всех отношениях добрым воспитателем и попечителем, — не так, как мне или кому-либо из дорогих мне родственников кажется полезным, ибо мы слепы и не видим ничего из того, что пред нами, так что не можем и судить о том, что нам нужно, но как представляется полезным ему, так как он провидит все, что относится к пользе нашей души, — издавна, а также и теперь еще воспитывает, наставляет и руководит, 45) и, кроме всего прочего, он устроил так, что я пришел в соприкосновение с этим мужем — это бесспорно самое важное, — который ни по происхождению и по человеческой крови не состоит в родстве со мною, ни

[1] Это место можно понимать так: 4Ибо Отец соделал Его единым с Собою, так что почти можно сказать, что Отец чрез Него выступает из Себя Самого, чтобы Себя Самого постигнуть».

иначе не был в близких ко мне отношениях, не жил и в соседстве со мною, ни даже вообще не был единоплеменным — это именно то, что для многих людей бывает поводом дружбы и знакомства [друг с другом]. 46) Но, кратко сказать, он с истинно божественной и мудрой предусмотрительностью привел в одно место нас, незнакомых, различных по происхождению, взаимно чуждых, совершенно далеко стоящих друг от друга, насколько находящиеся между нами народы, горы и реки разделяют нас, и устроил эту спасительную для меня встречу; и это, я думаю, он предусмотрел, по данному свыше указанию, от самого моего рождения и детства. 47) А каким образом, слишком долго было бы повествовать, не только если бы я стремился быть точным и ничего не пропустить, но даже если бы я, опустивши многое, захотел сжато упомянуть только о немногом из самого главного.

V. 48) Первоначальное мое воспитание от самого рождения проходило под наблюдением родителей, а нравы в отеческом доме уклонялись от пути истины. Что я освобожусь от них, этого, я думаю, и никто другой не ожидал, и не было никакой надежды у меня самого, так как я был еще ребенком неразумным и находился под властью отца, преданного идолопоклонству. 49) Потом — потеря отца и сиротство, которое, может быть, было для меня началом истинного познания. 50) Ибо тогда в первый раз я обратился к спасительному и истинному Слову, не знаю как [это произошло], более ли по принуждению или добровольно. Ибо какая способность суждения могла быть у меня в четырнадцатилетнем возрасте? Между тем с того времени это священное Слово тотчас начало, так сказать, посещать меня, потому что в нем именно достиг полного выражения всеобщий разум человечества; однако тогда оно посетило меня в первый раз. 51) Я считаю — если и не издавна, то по крайней мере когда размышляю об этом теперь — немаловажным признаком священного и дивного промышления обо мне именно это стечение обстоятельств, которое может быть так расчислено по годам, чтобы, с одной стороны, все, что предшествовало этому возрасту, насколько оно состояло из дел заблуждения, могло быть отнесено на счет моей незрелости и неразумия и чтобы священное слово напрасно не было вверено душе, еще не владеющей разумом, 53) но, с другой стороны, чтобы, когда она сделается уже способной к разумной деятельности, она не была лишена если даже и не божественного и чистого разума, то по крайней мере страха, сообразного с этим разумом, и чтобы человеческий и божественный разум одновременно достигли господства во мне, один — помогая мне неизъяснимой для меня, но ему свойственной силой, а другой — воспринимая эту помощь[1]. 54) Размышление об

[1] В основе этих рассуждений св. Григория (50 — 53), очевидно, лежит учение стоической школы, что развитие в человеке «логоса», или разума, заканчивается в 14 лет; этот взгляд нашел широкое распространение и вне школы и послужил мотивом для предписания начинать обучение философии с 14-летнего возраста.

этом исполняет меня одновременно и радостью и страхом, когда, с одной стороны, это водительство возвеличивает меня, но, с другой стороны, я боюсь, что, даже удостоенный столь великого, я тем не менее не достигну цели. 55) Однако, не знаю каким образом, моя речь слишком задержалась на этой части [моего повествования]; с одной стороны, я хотел бы подробно изложить дивное направление меня к этому мужу, однако, с другой стороны, с самого начала поспешаю и доселе говорю кратко, чтобы перейти к следующему по порядку, не потому, что я будто воздал должную хвалу или благодарение и почтение тому, кто так управил меня, — да не буду высокомерным, употребляя такие выражения и в то же время не говоря ничего достойного, — но потому, что я просто предлагаю повествование, или открытое исповедание, или как иначе приличным образом можно назвать это.

56) Моей матери, которая одна из родителей осталась, чтобы заботиться обо мне, угодно было, воспитывая меня во всем прочем как мальчика не неблагородного, разумеется, происхождения и воспитания, послать меня в школу к ритору, так как я должен был сделаться ритором. И действительно, я посещал эту школу, и тогдашние сведущие люди уверяли, что в непродолжительном времени я буду ритором; со своей стороны я не мог, но хотел бы утверждать это. 57) Не было даже никакого основания для этого, но не было также еще и никаких предположений для причин, которые могли привести меня на настоящий путь. Но ведь у меня был неусыпный божественный воспитатель и истинный попечитель: он, когда ни домашние не помышляли, ни сам я не обнаруживал желания, 58) внушил мысль одному из моих учителей, которому поручено было только наставить меня в латинском языке— не для того, чтобы я достиг в нем совершенства, а чтобы я и в этом языке не был совершенно несведущим; но случайно он имел некоторые познания и в законах. 59) Внушив ему эту мысль, он через него склонил меня изучать римские законы. И муж тот делал это с большой настойчивостью. Я позволил убедить себя, но больше из желания доставить удовольствие мужу, чем из любви к тому знанию. 60) Он, взяв меня в качестве ученика, начал учить с большим усердием. При этом он высказал нечто, что *сбылось* на мне самым истинным образом, именно что изучение законов будет для меня самым важным запасом на [жизненный] путь, — ибо этим именем он назвал это, — захочу ли я быть ритором из тех, которые выступают в судах, или каким-либо иным. 61) Он выразился так, имея в виду в своей речи человеческие отношения; а мне прямо кажется, что он предсказывал истину, объятый некоторым вдохновением, которое скорее было божественным, чем проистекало из его собственных мыслей. 62) Ибо, когда я волей-неволей начал изучать названные законы, то на меня уже некоторым образом наложены были оковы и город Верит (Бейрут) должен был послужить и причиной и поводом моего пути сюда. Этот

город находился недалеко от тогдашнего моего местопребывания, имел, так сказать, более римский отпечаток и считался рассадником названного законоведения. 63) А этого священного мужа другие дела как бы навстречу мне влекли и привели в эту страну из Египта, из города Александрии, где он жил прежде. Я, конечно, и не умею определить побудительных причин к этому [с его стороны] и охотно пройду мимо них. 64) А между тем для того, чтобы я прибыл сюда и вошел в общение с этим мужем, не было никакой необходимости, насколько это зависело от изучения мною законов, так как возможно было переселиться и в город римлян. 65) Как же и это осуществилось? Тогдашний правитель Палестины неожиданно взял к себе моего зятя, мужа моей сестры, и против его желания одного только, разлучив с супругой, переместил его сюда, чтобы он помогал ему и разделял с ним труды по управлению народом, ибо он был несколько сведущ в законах и, без сомнения, еще и теперь [остается таковым]. 66) Зять, отправившись вместе с ним, намерен был в непродолжительном времени послать за женой и взять ее к себе, так как разлука с ней была для него тягостна и неприятна; но вместе с ней он хотел увлечь и меня.

67) Таким образом, когда я замышлял отправиться в путешествие, не знаю куда, но во всяком случае скорее в какое-либо другое место, чем сюда, неожиданно явился передо мной воин, которому поручено было сопровождать и охранять мою сестру, направляющуюся к мужу, а вместе с ней в качестве спутника привести и меня. 68) Этим я должен был доставить удовольствие и зятю, и в особенности сестре, чтобы она не натолкнулась на что-либо неблагопристойное или чтобы не боялась путешествия, точно так же и самим домашним и родственникам, которые высоко ценили меня и, кроме того, могли и в чем-нибудь ином оказать мне немалую пользу, если бы я отправился в Берит, усердно занявшись там изучением законов. 69) Итак, все побуждало меня [к этому путешествию] — убедительные основания, которые приводили мне по отношению к сестре моя собственная наука, к тому же еще и воин, — ибо и о нем дблжно упомянуть, — который принес с собой разрешение на большее количество, чем нужно было, государственных колесниц и подорожные в большем числе, именно скорее для меня, чем для одной только сестры.

70) Такова была видимая сторона дела; но были причины, которые, хотя и не были явны, тем не менее были самыми истинными: общение с этим мужем, истинное научение чрез него о Слове, польза, которую я должен был получить от этого для спасения моей души, — [все это] вело меня сюда, хотя я был слеп и не сознавал этого, но это служило к моему спасению. 71) Итак, не воин, но некий божественный спутник и добрый провожатый и страж, сохраняющий меня на протяжении всей этой жизни как бы на далеком пути, миновав Другие места и самый Берит, ради которого больше всего я думал Устремиться сюда, привел меня в это место и здесь остановил; он все

делал и приводил в движение, пока со всем искусством не связал меня с этим виновником для меня многих благ. 72) И Божественный ангел после того, как прошел со мною так далеко и передал руководство мною этому мужу, здесь, вероятно, успокоился, не от усталости или изнурения, — ибо род божественных слуг не знает усталости, — но потому что он передал меня мужу, который должен исполнить все, насколько возможно, промышление и попечение обо мне.

VI. Он же, принявши меня к себе, с первого дня, который был для меня поистине первым, если можно сказать драгоценнейшим, из всех дней, когда для меня впервые начало восходить истинное солнце, прежде всего приложил всякое старание к тому, чтобы привязать меня к себе, в то время как я, подобно зверям, рыбам или птицам, попавшим в силки или сети, но старающимся ускользнуть и убежать, хотел удалиться от него в Берит или в отечество. 74) Он употреблял всевозможные доводы, трогал, как говорит пословица, за всякую веревку, прилагал все свои силы. 75) Он восхвалял философию и любителей философии обширными, многочисленными и приличествующими похвалами, говоря, что они одни живут жизнью, поистине приличной разумным существам, так как они стремятся жить правильно и [прежде всего] достигают знания о самих себе, каковы они, а затем об истинно благом, к чему человек должен стремиться, и об истинно злом, чего должен избегать. 76) С другой стороны, он порицал невежество и всех невежественных; а таких много, которые, наподобие скота, слепотствуют умом, не знают даже того, что они блуждают, как будто не имеют разума, и вообще не знают и не хотят узнавать, в чем действительная сущность добра и зла, как на благо устремляются и жаждут денег, славы и почета со стороны толпы и благосостояния тела, 77) ценят это выше многого и даже всего, из искусств те, которые могут доставить эти блага, а из родов жизни те, которые подают надежду на них — военную службу, судебную и изучение законов. Это, — так говорил он с особенной настойчивостью и большим искусством, — то, что возбуждает нас, если мы оставляем в пренебрежении наш разум, который, однако, как он говорит, больше всего в нас призван к господству. 73) Я теперь не могу сказать, сколько такого рода изречений он произнес, убеждая меня к изучению философии не один только день, но и много дней вначале, когда я приходил к нему. Я поражен был его речью, как стрелой, и именно с первого дня, — ибо речь его представляла в некотором роде смешение приятной привлекательности, убедительности и какой-то принудительной силы, — но я все еще колебался и обдумывал, и я решился заняться философией, еще не будучи совершенно убежден, но, с другой стороны, я не мог, не знаю почему, и удалиться от него, а все более и более привлекался к нему его речами, как бы силой какого-то высшего принуждения. 79) Он утверждал именно, что совершенно невозможно даже почитать

Владыку всего, — это преимущество, обладать которым между всеми живыми существами на земле почтен и удостоен один только человек, и им естественно владеет всякий, кто бы он ни был, мудрый или невежественный, лишь бы только он совершенно не потерял вследствие какого-либо умопомешательства способности мышления — таким образом, даже богопочтение он, говоря правильно, объявлял совершенно невозможным для того, кто не занимается философией. 80) Он внушал мне множество такого рода оснований одни за другими до тех пор, пока, как бы зачарованного его искусством, не привел к цели без малейшего движения (противодействия с моей стороны), и не знаю, каким образом своими речами, как бы с помощью некоторой божественной силы, прочно посадил меня возле себя.

81) Ибо он поразил меня и жалом дружбы, с которым нелегко бороться, острым и сильно действующим, — жалом умелого обращения и доброго расположения, которое, как благожелательное ко мне, обнаруживалось в самом тоне его голоса, когда он обращался ко мне и беседовал со мною. Он стремился не просто одолеть меня своими доводами, но благоприятным, человеколюбивым и благородным расположением спасти и сделать причастником как тех благ, которые проистекают из философии, 82) так и других, особенно тех, которые Божество даровало ему одному превыше многих, или, может быть, превыше и всех нынешних людей — [я разумею] учителя благочестия, спасительное Слово, которое ко многим приходит и всех, с кем только встречается, покоряет, — ибо нет ничего, что могло бы противостоять Ему, так как Оно есть и будет царем всего, — но Оно сокровенно и многими не только с легкостью, но и с трудом не познается в такой степени, чтобы, если их спросят о Нем, могли дать ясный ответ. 83) Подобно искре, попавшей в самую душу мою, возгорелась и воспламенилась моя любовь как к священному, достойнейшему любви самому Слову, Которое в силу своей неизреченной красоты привлекательнее всего, так и к сему мужу, Его другу и глашатаю. 84) В высшей степени пораженный ею, я был убежден пренебречь всеми делами или науками, которые, как казалось, были приличны мне как другими, так даже самыми моими прекрасными законами, [далее] моим отечеством и моими родственниками, как теми, которые были здесь, так и тою, от которой я уехал (т. е. матерью); одно было для меня дорого и любезно — философия и руководитель в ней, этот божественный человек. 85) *И соединилась душа Ионафана с Давидом* (1 Цар. 19, 1). Это позднее прочитал я в Священном Писании, но и прежде я чувствовал это не менее ясно, чем сказано [в этом изречении], однако [здесь] это предсказано очень ясно. 86) Ибо не просто соединен был Ионафан с Давидом, но именно самое главное — душа, т. е. то, что никакими средствами не может быть принуждено отделиться даже тогда, когда разделяется явное и видимое в человеке, по крайней мере ни в каком случае без

его согласия. 87) Ибо душа — нечто свободное, и никаким образом не может быть заключена — даже заперев в клетке, ты не можешь удержать ее. Ибо ей от природы свойственно прежде всего быть там, где находится ум. Но если даже и кажется тебе, что она в клетке, то она только потом помещается туда твоим воображением; поэтому никоим образом нельзя воспрепятствовать ей быть там, где бы она ни пожелала быть, тем более она совершенно и во всех отношениях может быть только там и естественно должна считаться пребывающей там, где находится место и цель ей одной свойственной и с ней сообразной деятельности. 88) Таким образом, разве [священный писатель] не показал совершенно ясно того, что я испытал, самым кратким изречением, что душа Ионафана была соединена с душою Давида? Это такая связь, которой против воли никоим образом, как я сказал, не удастся разорвать, а добровольно нелегко явится желание. 89) Ибо возможность разрешить эти священные и любезнейшие узы, как я думаю, зависит не от низшей части, многообразной и очень склонной переменять свои решения, так как не от нее одной зависело и в начале установить этот союз, но от лучшей, твердой и неудобопреклонной, от которой более зависело установить эти узы и эту священную связь. И по Божественному Слову не душа Давида была соединена с душою Ионафана, 90) а, наоборот, душа более слабого, испытавшая это, называется связанною с душою Давида. Ибо не более сильное, само в себе имеющее достаточно сил, по собственному побуждению хотело бы быть связанным со слабейшим, но слабейшее, нуждающееся в поддержке сильнейшего, должно быть соединено с сильнейшим и быть в зависимости от него, чтобы одно, пребывая в себе самом, не потерпело никакого вреда от своего общения со слабейшим, а [другое], неупорядочное в себе, будучи связано и соединено с сильнейшим, не причиняя никакого вреда [первому], силою уз было бы подчинено лучшему. 91) Поэтому установить узы было делом [духовно] превосходящего, а не слабейшего, а быть связанным — дело худшего, так что оно не имеет возможности избавиться от уз. *92)* Таковыми узами, так сказать, крепко связавши, этот Давид держит меня не только теперь, но уже с того времени, и если бы я даже захотел, то не мог бы уже освободиться от его уз. Если бы я даже и ушел отсюда, то и тогда он не освободит моей души, которую он, по Божественному Писанию, держит столь крепко связанной.

VII. 93) Впрочем, после того как он с самого начала таким образом захватил меня и всеми возможными способами преодолел и после того как им было достигнуто главное и я решил остаться, с того времени он [начал поступать со мной] подобно тому, как поступает хороший земледелец с землей, которая не возделана и действительно никоим образом не плодородна, но соленая и сожженная, каменистая и песчаная, или даже с такой, которая и не совсем бесплодна и, по крайней мере, не лишена растительности, но, [напротив], даже

тучная и, однако, не возделана и оставлена в пренебрежении, поросла тернием и диким кустарником и с трудом поддается обработке; 94) или как садовник с деревом, которое, правда, дико и не приносит благородных плодов, однако не совсем негодно, если кто с искусством садовника возьмет благородный росток и привьет ему, [сначала] сделав расщелину посредине, потом опять соединив и связав, пока оба не срастутся в одно, как два слившиеся источника, — ибо можно видеть в некотором роде так смешанное дерево, правда не настоящей породы, но из бесплодного сделавшееся плодовитым, на диких корнях приносящее плоды прекрасной маслины; или с деревом, которое хотя и дико, но, несмотря на это, не бесполезно для искусного садовника; или и с благородным деревом, которое приносит добрые плоды, но иначе, чем следует; или с деревом, которое по недостатку искусства не обрезано, не полито, запущено и задушено многими лишними ростками, которые на нем бесцельно вырастают и взаимно мешают достигать совершенства в росте и приносить плоды. 95) Так он овладел мною и со свойственным ему искусством как бы земледельца осмотрел и проник не только в то, что видимо всем и усматривается на поверхности, но глубоко вскопал и исследовал самые внутренние основания, ставя вопросы, предлагая [на разрешение] и выслушивая мои ответы; когда он усматривал во мне что-либо не непригодное, небесполезное и не исключающее надежды на успех, 96) он начинал вскапывать, перепахивать, поливать, все приводил в движение, прилагал все свое искусство и заботливость и тщательно возделывал меня. *Терния и волчцы* (ср. Быт. 3, 23) и всякий род диких трав и растений — сколько их в своем изобилии произрастила и произвела моя беспокойная душа, так как она была неупорядочена и нерассудительна, — все это он обрезывал и удалял своими изобличениями и запрещениями. 97) Он нападал на меня и, особенно своим сократическим способом доказательства иногда повергал меня на землю, если видел, что я, как дикая лошадь, совершенно сбрасывал узду, выскакивал на дорогу и часто бесцельно бегал кругом, пока убеждением и как бы принудительной силой — доказательством из моих собственных уст — как уздой, снова делал меня спокойным. 98) Сначала мне было тягостно и небезболезненно, когда он приводил свои доказательства, так как я не привык еще к этому и не упражнялся в том, чтобы подчиняться доводам разума; но вместе с тем он и очищал меня.

Но как только он сделал меня способным и хорошо приготовил к принятию доказательств истины, 99) тогда-то, как обработанную и мягкую землю, готовую взрастить брошенные в нее семена, он обильно засеял; благовременно он и посев произвел, благовременно и весь остальной уход совершал — все надлежащим образом и соответственными средствами слова. 100) Все, что было в моей душе притуплено и извращено, потому ли, что от природы она была такова, или потому, что вследствие чрезмерного питания тела она огрубела,

он возбуждал и ослаблял своими утонченными доводами и приемами логических построений, 101) которые, последовательно развертываясь уз самых простейших предположений и разнообразно переплетаясь друг с другом, развиваются в какую-то необыкновенную и трудно разрываемую ткань; они пробуждают меня как бы от сна и научают всегда держаться поставленной пред собою цели, ни в каком случае не уклоняясь с прямого пути ни вследствие отдаленности ее, ни вследствие ее утонченности. 102) А что было во мне не взвешено и не обдумано, потому ли, что я соглашался с тем, что первое попадалось, каково бы оно ни было, даже если оно было ложным, или потому, *что я* часто возражал, даже если *бы высказано было* что-либо истинное, — и это он исправлял как прежде названными, так и другими разнообразными доводами. Ибо многообразна эта часть философии (т. е. диалектика), приучающая не безрассудно и не как случится то соглашаться на доказательства, то отклонять их, но точно исследовать не только то, что бросается в глаза, 103) ибо много замечательного само по себе и блестящего под покровом благородных речей проникло в мои уши, как если бы оно было истинным, тогда как на самом деле оно было внутри испорчено и лживо, но вырывало у меня и получало признание своей истинности, а спустя немного изобличалось как дурное и недостойное доверия, напрасно притворявшееся истиной, — и он легко показывал мне, что я смешным образом был обманут и необдуманно свидетельствовал о том, о чем менее всего дблжно было свидетельствовать. 104) Наоборот, опять другое превосходное, но не выступающее напыщенно или не облеченное в вызывающие доверие выражения мне казалось противным здравому смыслу и в высшей степени недостоверным и просто отвергалось, как ложное, и недостойным образом подвергалось поруганию, но позднее, когда я основательно исследовал и обдумывал, я узнавал, что то, что я дотоле считал заслуживающим быть отвергнутым и негодным, в высшей степени истинно и совершенно непреодолимо. 105) Он учил, что дблжно основательно исследовать и испытывать не только внешнюю сторону и то, что заметно выделяется, — оно бывает иногда обманчиво и коварно рассчитано, — но внутреннюю сущность каждой отдельной вещи, не обнаружится ли где-либо фальшивого звука, и прежде всего самому убедиться в этом и только тогда соглашаться с внешним впечатлением и высказывать суждение относительно каждого отдельного явления. 106) Так развивал он по законам логики способность моей души критически судить относительно отдельных выражений и целых речей, 107) а не так, как блестящие риторы, которые судят по тому, есть ли в выражении что-либо эллинское или варварское — это знание имеет мало значения и не необходимо. 108) Но то знание в высшей степени необходимо для эллинов и для варваров, для мудрых и невежественных и вообще, чтобы речь моя не была длинной от подробного перечисления всех, в частности, наук и занятий для всех людей,

какой бы род жизни они ни избрали, поскольку по крайней мере у всех, кто ведет с другими речь о каком бы то ни было предмете, есть забота и старание не быть обманутыми.

VIII- 109) Но он стремился возбудить и развить не только эту сторону моей души, правильная постановка которой принадлежит одной только диалектике, но также и низшую часть моей души: я был изумлен величием и чудесами, а также разнообразным и премудрым устройством мира, и я дивился, хотя и без разумения, и совершенно поражен был глубоким благоговением, но, подобно неразумным животным, не умел ничего объяснить; 110) [так он возбуждал и развивал во мне эту способность] другими отраслями знаний, именно посредством естественных наук он объяснял и исследовал каждый предмет в отдельности, и притом весьма точно до самых первоначальных элементов, потом связывал это своей мыслью и проникал в природу как всего в совокупности, так и каждого предмета в отдельности и следил за многообразным изменением и превращением [всего] сущего в мире, 111) до тех пор пока своим *ясным* научением и доводами, которые он частью усвоил от других, частью же сам придумал, не принес и не вложил в мою душу вместо неразумного разумное удивление относительно священного управления вселенной и совершеннейшим образом устроенной природой. 112) Этому возвышенному и божественному знанию научает возлюбленнейшая для всех физиология. 113) Что же я должен сказать о священных науках — всем любезной и бесспорной геометрии и парящей в высотах астрономии? И все это он напечатлевал в моей душе, научая, или вызывая в памяти, или не знаю, как нужно сказать. 114) Первую, именно геометрию, так как она непоколебима, он просто делал как бы опорой всего и, так сказать, крепким основанием; а возводя до высочайших областей посредством астрономии, он через обе названные науки как бы посредством лестницы, возвышающейся до небес, делал для меня доступным небо.

IX. 115) Но, что важнее всего и ради чего больше всего трудятся все философы, собирая как бы из разнородного насаждения всех прочих наук и продолжительного занятия философией добрые плоды, именно божественные добродетели нравственного характера, посредством которых душевные силы достигают невозмутимого и Уравновешенного состояния; 116) [к этому стремился] и он, [когда] намеревался сделать меня невосприимчивым к скорбям и нечувствительным ко всякого рода бедствиям, напротив, внутренне упорядоченным, уравновешенным и поистине богоподобным и блаженным. Н7) И этого он старался достигнуть свойственными ему мягкими и мудрыми, но вместе с тем и особенно настойчивыми речами относительного моего характера и образа жизни. 118) И он управлял моими внутренними движениями не только своими речами, но в известном смысле также и своими делами, именно посредством исследования и наблюдения душевных движений и чувств, так как наша душа

обыкновенно скорее всего тогда и приводится в порядок из расстройства, когда последнее познается, и из состояния смятения она переходит в определенное и хорошо упорядоченное, 119) чтобы она, как в зеркале, созерцала сама себя, именно самые начала и корни зла, всю свою неразумную сущность, из которой проистекают наши непристойные страсти, а с другой стороны, все, что составляет наилучшую часть ее, — разум, под господством которого она пребывает сама по себе невредимой и бесстрастной. 120) Потом, точно взвесив это в себе самой, она все то, что происходит из низшей природы, ослабляет нас распущенностью или подавляет и угнетает нас унынием, как, например, чувственные удовольствия и похоти или печаль и страх и весь ряд бедствий, которые следуют за этого рода состояниями, — все это она должна вытеснить и устранить, восставая против них при самом возникновении и первом возрастании их, и не допускать даже малейшего увеличения их, но уничтожать и заставлять бесследно исчезать. 121) А что, напротив, проистекает из лучшей части и [является] благом для нас, то она должна воспитывать и поддерживать, заботливо ухаживая за ним в самом начале и охраняя, пока оно достигнет совершенного развития. 122) Ибо таким способом, [по его мнению], душа могла бы со временем усвоить божественные добродетели, именно благоразумие, которое прежде всего в состоянии определить эти самые движения души, так как на основе их происходит познание и относительно того, что вне нас, каково бы оно ни было, доброго и злого, и умеренность, эту способность, которая в самом начале может сделать в этом правильный выбор, и справедливость, которая каждому воздает должное, и спасение всех этих [добродетелей] — мужество.

123) Впрочем, не речами, которые он произносил, он приучал меня к тому, что благоразумие есть знание доброго и злого или того, что дблжно делать и чего не дблжно делать, — это, несомненно, было бы пустой и бесполезной наукой, если бы слово было несогласно с делами, и благоразумие не делало того, что должно делать, и не отвращалось от того, чего не должно делать, и, однако, тем, которые обладают им, доставляло относящееся к этому знание, как мы видим на многих. 124) И опять относительно умеренности он не словами только учил, что она есть знание того, что дблжно избирать и чего не дблжно, тогда как другие философы совершенно ничему не научают о ней, в особенности же новейшие, сильные и храбрые на словах, — я часто удивлялся им, когда они доказывали, что одинаковая добродетель у Бога и у людей и что мудрый человек на земле равен высочайшему Богу, — но они не в состоянии так передать учение ни о благоразумии, чтобы и делали то, чего требует благоразумие, ни об умеренности, чтобы и избирали то, чему научены. 125) Подобным же образом и по отношению к справедливости и мужеству — 126) не так он излагал мне в своих речах учение о добродетели, но, скорее, призывал к делам, и при-

зывал именно больше своими делами, чем тем, что говорил.

X. 127) Но я прошу философов нынешнего времени, всех, каких я сам знаю, и тех, о которых слышал из рассказов других, а также и прочих людей без неприязни отнестись к тому, чтб я теперь говорю. Пусть никто не подозревает, что я говорю так или по дружбе к этому мужу, или даже еще по чувству ненависти к остальным философам. 128) Я и сам более, чем кто-либо другой, хочу быть почитателем их ради их речей и желаю как сам воздавать хвалу им, так и слушать, когда другие говорят о них самое прекрасное; но ведь положение дела таково, что почти всеми даже имя философии до крайности поносится, и я недалек от того, чтобы предпочесть пребывать в совершенном невежестве, чем научиться чему-нибудь из того, что они преподают; к ним в течение всей остальной жизни я не считал бы приличным, может быть, неправо рассуждая, даже приблизиться. 129) Однако пусть, [как сказал я], никто не подозревает, что я говорю это или по какому-либо честолюбивому стремлению восхвалить этого мужа, или по иному честолюбивому побуждению этого рода по отношению к внешним философам; напротив, пусть верят мне, что я говорю даже меньше, чем сколько нужно в соответствии с его делами, чтобы не показалось, что я льщу, 130) [пусть поверят мне], так как я не изобретаю себе изречений и слов и художественных оборотов для похвал. Даже когда, будучи мальчиком, я учился у ритора искусству произнесения публичных речей, я добровольно не позволял себе прославлять кого-либо и произносить о ком-либо похвальные речи, если это в чем-либо не было согласно с истиной. 131) Поэтому даже и теперь, когда я предположил [произнести] похвальную речь, я не думаю, что следует возвышать его просто порицанием других. В противном случае я поносил бы этого мужа, [именно] если бы я противопоставлял его блаженную жизнь недостаткам других, чтобы иметь возможность сказать о нем что-либо более значительное. Я не так безумен. 132) Нет, я хочу открыто высказать только то, что я испытал на самом себе, без какого-либо противопоставления и без каких-либо искусственных приемов в речи.

XI. 133) Этот муж был первый и единственный, который склонил меня заняться также изучением эллинской философии, убедив меня своим собственным образом жизни и выслушать его речь о правилах жизни, и внимательно следовать ей, 134) тогда как, насколько это зависело бы от других философов, — снова признаюсь в этом, — я не был бы убежден; конечно, с одной стороны, я был бы не прав, но, с другой — это должно было бы явиться для меня почти несчастьем. Правда, вначале я входил в соприкосновение не с очень многими, а только с некоторыми, которые объявляли себя учителями в ней, однако все в своей философии не поднимались выше простых речей. 135) А он был первый, который и словами побуждал меня к занятию философией, упреждая делами побуждение посредством слов; он не сообщал только заученных изречений, но не счи-

тал достойным даже и говорить, если бы не делал этого с чистым намерением и стремлением осуществить сказанное; и скорее он старался показать себя таким, каким в своих речах изображал того, кто намерен жить надлежащим образом, и предлагал — я охотно сказал бы — образец мудрого. 136) Но так как моя речь вначале обещала истину, а не прикрасы, то я еще не называю его образцом мудреца; хотя, если бы я захотел сказать, что он мудрец, то это было бы истинным, но теперь я оставляю это. Таким образом, [я хочу назвать его] не образцом в точном смысле слова, но мужем, который в высшей степени желает сделаться совершенно подобным ему и стремится к этому со всем усердием и готовностью и, если можно сказать, выше сил человеческих. 137) Кроме того, он стремился и меня преобразовать в этом роде, чтобы я овладел и понимал не только речи о душевных движениях, но и самые эти движения. Он особенно налегал на дела и слова [вместе] и при самом теоретическом научении представлял мне немалую часть каждой отдельной добродетели — может быть, он привел бы и всю, если бы я мог вместить. 138) Он принуждал меня, если так можно сказать, поступать справедливо посредством деятельности своей собственной души, присоединиться к которой он убедительно побуждал меня, отклоняя меня от многопопечительности, какой требует повседневная жизнь, и беспокойств общественного служения, напротив, побуждая тщательно исследовать самого себя и делать то, что является поистине собственным делом. 139) Что это именно значит — поступать справедливо и что это есть — истинная справедливость, это утверждали и некоторые из древних философов, которые, как мне кажется, говорили об исполнении своих собственных дел и [в этом видели] действительное средство к достижению блаженства как для самих себя, так и для близких им, по крайней мере если только этой добродетели свойственно воздавать по достоинству, и именно каждому то, что ему принадлежит. 140) Ибо что иное было бы [в большей степени] собственным для души, что было бы так достойно ее, как заботиться о самой себе, когда она не вовне обращена и не чужими делами занимается и, кратко сказать, не причиняет самой себе ни малейшей несправедливости, но обращена внутрь к самой себе, возвращает себя самой себе и [таким образом] поступает справедливо. Так он воспитывал меня, принуждая, если так можно сказать, исполнять требования справедливости. 141) С другой стороны, он не менее учил быть благоразумным, именно чтобы душа моя была обращена к самой себе и чтобы я желал и стремился познать самого себя. Это действительно самая прекрасная задача философии, которая именно приписана преимущественнейшему из пророческих духов[1] как мудрейшее повеление: *Познай самого себя.* 142) А что это действи-

[1] Именно Аполлону, храм которого в Дельфах имел надпись: «Познай самого себя».

тельно задача благоразумия и что это есть божественное благоразумие, прекрасно сказано древними, так в действительности божественная и человеческая добродетель — одна и та же, поскольку душа **упражняется** в том, чтобы видеть себя саму как бы в зеркале, и **отражает** в себе божественный ум, если оказывается достойной этого общения, и [таким образом] отыскивает некоторый неизреченный путь к этому обожению. 143) Подобным образом [он учил] быть умеренными и мужественными — быть умеренными, сохраняя благоразумие, и именно благоразумие души, познающей себя, раз ей удалось это, ибо сущность умеренности состоит в том, что она в некотором смысле есть сохранившееся невредимым благоразумие; 144) **а** быть мужественными, оставаясь твердыми во всех названных навыках и не отступая от них ни добровольно, ни под давлением какой-либо необходимости, но соблюдая их и удерживая названные [приобретения] в своем обладании. Сущность этой добродетели состоит в том, что она защищает и сохраняет утвердившиеся воззрения.

XII. 145) Без сомнения, сделать меня справедливым, благоразумным и умеренным или мужественным вследствие моей неподвижности и лености, несмотря на то что он очень старался, еще дело будущего, так как я и не обладаю и не приблизился даже к какой бы то ни было человеческой или божественной добродетели — по крайней мере, много еще нужно для этого. 146) Ибо эти последние чрезвычайно велики и возвышенны, и ни та ни другая не может быть усвоена, и никому нельзя достигнуть их, если Бог не вдохнет силы для этого. Я же и от природы не обладаю такими способностями, и, сознаюсь, еще не достоин получить их, так как вследствие нерадения и немощи я не сделал всего, что должны делать те, которые стремятся к наилучшему и домогаются совершенного. 147) Итак, быть справедливым или благоразумным или обладать какой-либо из прочих добродетелей для меня еще дело будущего. Но любителем [добродетелей], любящим самой пылкой любовью, какая только была, может быть, у него одного, уже давно сделал меня этот дивный муж, друг и защитник добродетелей. 148) Своей собственной добродетелью он внушил мне любовь и к красоте справедливости, истинно золотое лицо которой он показал мне, и любовь к благоразумию, которое должно быть предметом стремления для всех, и любовь к истинной мудрости, в высшей степени достойной любви, любовь к богоподобной умеренности, которая есть уравновешенность и мир души для всех стяжавших ее, и любовь к достойнейшему удивления мужеству, 149) любовь к нашему терпению и прежде всего любовь к благочестию[1], которое справедливо называют матерью всех доброде-

[1] К четырем перечисленным общечеловеческим добродетелям, о которых учили и языческие философы, св. Григорий присоединяет две специально христианские добродетели.

телей, ибо оно — начало и конец всех добродетелей. Если бы от него начинали, то и все остальные добродетели в высшей степени легко появились бы у нас: если бы мы желали и стремились к тому, к чему должен стремиться каждый человек, если он только не безбожник и не предан чувственным удовольствиям, именно к тому, чтобы сделаться другом и защитником славы Божией, мы заботились бы и о прочих добродетелях, чтобы нам приближаться к Богу не в состоянии недостоинства и нечистоты, но со всякой добродетелью и мудростью, как бы с добрым провожатым и мудрейшим священником. Цель же всего, я думаю, не иная, как та, чтобы, чистым умом уподобившись Богу, приблизиться к Нему и пребывать в Нем.

XIII. 150) Как мне наряду со всяким прочим его старанием и усердием исчерпывающе объяснить способ преподавания и внимательную заботливость его, с которой он наставлял в богословии, проникнуть в самый образ мыслей мужа, с каким настроением и с какой подготовкой он стремился, чтобы я усваивал все уроки его о Божественном, остерегаясь, чтобы я не подвергся какой-либо опасности относительно самого необходимого из всего — именно знания причины всего! 151) Он требовал, чтобы я занимался философией, собирая по мере своих сил все, какие только есть, произведения древних и философов и поэтов, не исключая и не отвергая ничего, — ибо я еще не мог иметь своего суждения об этом, — 152) кроме всех произведений безбожников, которые все вместе, вышедши даже за пределы доступного для человеческого мышления, говорят, что нет Бога или Промысла, — таких произведений непристойно и читать, чтобы случайно не осквернилась моя душа, которая, стремясь к благочестию, услышала бы речи, противные почитанию Бога, ибо даже те, которые приближаются к храмам мнимого благочестия, не касаются чего-либо совершенно нечистого, — итак, произведения этих безбожников справедливо не должны даже и числиться у мужей, избравших для себя благочестие. 153) Со всеми же остальными произведениями [я должен был] знакомиться и заниматься ими, не предпочитая и также не отвергая ни [целого] рода произведений, ни одного из них, ни философской речи, как эллинской, так и варварской, но слушать все. 154) Это [сделано было] мудро и очень целесообразно, чтобы какое-либо отдельное и само по себе взятое воззрение того или иного автора, будучи услышано и оцениваемо одно только, даже если бы оно не было истинным, не проникло в мою душу, как единственно истинное, не обмануло бы меня и, расположивши сообразно с собою, не сделало бы меня своим сторонником так, чтобы я уже не в состоянии был удалиться от него или очиститься, как шерсть, окрашенная в какую-нибудь прочную краску. 155) Ибо слово человеческое — опасная и очень гибкая вещь — многообразное в своих софизмах и острое, проникает в уши, чтобы наложить свой отпечаток на ум, и настраивает его в свою пользу и, кого раз захватит, склоняет любить его, как истинное, и пребывать

в нем, хотя бы оно было ложным и обманчивым; оно — властное, как чародей, когда имеет защитника в лице самого обольщенного. 156) С другой стороны, и душа человеческая легко поддается обману посредством слова и легко склоняется к согласию и готова, прежде чем всесторонне обсудит и исследует, вследствие собственной тупости и слабости или вследствие утонченности речи отказаться от труда точного исследования и совершенно легко отдается часто ложным речам и учениям, которые и сами уклонились с правого пути, и вводят в заблуждение и тех, которые держатся их. 157) И не это только, — но если бы даже иное слово пожелало исправить [заблуждение], то душа уже не допускает к себе и не позволяет переубедить себя, но крепко держится того, что овладело ею, как будто захватил ее в свою власть какой-то неумолимый тиран.

XIV. 158) Не вводил ли он меня в эту борьбу учений и противоречия философов друг другу и их разделения, из которых одни противостоят учениям других, одни держатся одного, другие — другого, одни соглашаются на одно, другие — на другое; и все имеют желание заниматься философией и объявляют об этом с того времени, как только впервые обратились к ней, и утверждают, что имеют склонность к ней не меньшую теперь, когда занялись своими философскими лекциями, чем когда начинали философствовать, даже более, что теперь они имеют даже бóльшую любовь к философии, когда для них сделалось возможным, как говорят, и ощутить вкус ее и постоянно заниматься этими речами, чем тогда, когда они впервые, еще будучи неопытными, побуждались к занятию философией только каким-то влечением; и когда они говорят это, то уже не слушают никаких речей иначе мыслящих. 160) Поэтому ни один из древних не склонил кого-либо из новейших или из перипатетиков примкнуть к нему и философствовать его философией, ни наоборот, и вообще никто никого. 161) Ибо нелегко убедить кого-либо изменить собственные взгляды и согласиться с иными; и однако, может быть, с этими другими взглядами он мог бы согласиться и полюбить их в случае, если бы он был убежден обратиться к ним прежде, чем начал философствовать; [он легко был бы убежден], потому что, если бы душа еще наперед ничем не была занята, она не внимала бы тем речам и не любила бы их и подобным же образом, [как теперь борется], из-за них боролась бы с теми, которыми теперь обладает.

162) В таком роде занимались философией наши превосходные, ученейшие и искуснейшие в исследовании эллины, когда каждый утверждал о том, с чем сначала встретился, побуждаемый некоторой силой, что оно одно истинно и что, напротив, все прочее у других философов — обман и пустословие. Сам не будучи в состоянии ни в чем обосновать свою точку зрения лучше, чем это сделано другими, каждый борется за свои собственные взгляды, чтобы вследствие принуждения или убеждения не оказаться в необходимости Перейти к другой школе и изменить свои взгляды. 163) При этом он

не имеет, — если сказать правду, — никакого другого основания, кроме безотчетного влечения к названным философским учениям, и не имеет другого основания для оценки того, что считает истинным, — да не покажутся мои слова странными, — кроме безотчетного случая. Каждый любит то, с чем он случайно встретился вначале, и, как бы связанный им, уже не в состоянии внимать чему-либо иному. 164) Если бы он по крайней мере мог доказать истинность собственных взглядов во всех отношениях и ложность взглядов противников и имел помощь со стороны разума, после того как без его помощи пожертвовал собою и отдался без рассуждения, как какая-нибудь вещь, тем речам, которые раньше овладели им. 165) Но эти речи вводят в заблуждение своих приверженцев как в других вещах, так особенно в самом важнейшем и самом необходимом из всего — в богопознании и в благочестии. 166) И тем не менее [такие люди] остаются в них некоторым образом связанные, и никто уже не может легко освободить их, как из болота, на обширнейшей и труднопроходимой равнине, которое тем, кто однажды попал в него, уже не дает возможности спастись ни возвращением назад, ни переправой на другую сторону, но удерживает их в себе до смерти. 167) Или [как невозможно спасение] из обширного, густого и высокого леса, в который вошел путник, конечно, имеющий намерение выйти из него и снова оказаться в чистом поле; но он не в состоянии достигнуть этого вследствие обширности и густоты леса; он бросается в нем во все стороны, находит внутри какие-то непрерывные пути и ходит в разных направлениях, не найдет ли случайно выхода по какому-нибудь из них; но они ведут только внутрь и никак не наружу, потому что это пути, предназначенные исключительно для леса; наконец, путник, устав и выбившись из сил, когда все как-будто действительно обратилось в лес и уже на земле нет никакого жилища, решает остаться там, поставив себе хижину, и подыскать для себя, насколько возможно, открытое место. 168) И как [мало возможно спасение] из какого-нибудь лабиринта, в который виден только один вход, так как по наружному виду нельзя предполагать ничего коварного, то кто-нибудь входит через одну видимую дверь; потом идет вперед до самой внутренней части, рассматривает заслуживающие внимания разнообразные предметы и очень мудрое и имеющее много ходов сооружение с его хитро переплетающимися входами и выходами; но когда он хочет действительно выйти, то уже более не в состоянии сделать это, потому что он захвачен внутри здания, которое казалось ему мудро сооруженным. 169) Но ни один лабиринт не может быть признан с таким трудом распутываемым и так разнообразным, никакой лес не может быть так густ и разнообразен, ни одно поле или болото не способно так овладеть теми, которые приблизились к ним, как речь какого-либо из известных философов, если кто-нибудь окажется в их власти. 1 70) Итак, чтобы и мне не потерпеть того же, что случилось со многими, он не вводил меня

в какое-либо одно из философских учений и не внушал примыкать к ним, но приводил меня ко всем, не желая, чтобы я был несведущ в **каком**-нибудь эллинском учении. **171)** Но он и сам шел вместе со мною впереди меня и вел меня за руку, как бы во время путешествия, на тот случай, если встретится на пути что-либо неровное, **потайное** или коварное. Подобно тому как сведущий человек, для **которого** вследствие продолжительного обращения с речами нет ничего, в чем бы он не имел навыка или опыта, не только сам оставался бы вверху на твердом месте, но и другим протягивал бы руку и спасал, извлекая их, как погружающихся в воду; **172)** так и он собирал все, что у каждого философа было полезного и истинного, и предлагал мне, **173) а** что было ложно, выделял, как другое, так в особенности то, что по отношению к благочестию было собственным делом людей.

XV. Относительно этого он давал мне совет не внимать ничему, даже если бы кто-либо всеми людьми был засвидетельствован как самый мудрый, но внимать единому только Богу и Его пророкам. **174)** При этом он сам истолковывал пророческие вещания и изъяснял то, что было темным и загадочным, какого много в священных изречениях, — или потому, что Богу угодно было так обращаться к людям, чтобы слово Божие не вошло обнаженным и неприкрытым в недостойную душу, каковых много, или потому, что всякое божественное слово по природе весьма ясно и просто, но нам представляется неясным и темным, так как мы отпали от Бога и разучились слушать вследствие продолжительности времени и глубокой древности, этого я не могу сказать, — как бы то ни было, он прояснял и выводил на свет, встречалось ли что-нибудь загадочное, потому что он был способным и в высшей степени проницательным слушателем Божиим, **175)** или и такое, что по самой природе не содержит ничего трудного и непонятного для него, который один только из всех ныне живущих людей, насколько я сам лично знаю их, а о некоторых слышал из рассказов других, находится в таком благоприятном положении, так как он навык воспринимать в свою душу чистое и светлое содержание [божественных изречений] и научает других, **176)** потому что Первовиновник всех этих изречений, Который вещал любезным Богу пророкам и внушал все пророчества и таинственные и божественные речи, так почтил его, как друга, и поставил истолкователем их. **177)** Что Он через других сообщал только в неясных намеках, то чрез сего мужа сделал предметом обучения, и что Он, будучи в высшей степени достойным веры, или царственно повелевал, или открывал, смысл речей об этом Он даровал ему исследовать и постигать, **178)** чтобы всякий, кто черств душой и недоверчив или даже и любознателен, в известном смысле чувствовал себя вынужденным, получив научение от этого мужа, и достигнуть разумения, и решиться веровать и последовать Богу. **179)** И это он говорит, я думаю, не иначе, как в общении с Божественным Духом;

ибо одна и та же сила необходима и для пророчествующих, и для слушающих пророков, и никто не может слушать пророка, если ему не дал разумения Своих речей Сам Дух, действовавший в пророках. 180) В этом смысле содержится изречение и в Священном Писании, которое говорит, что отворить может только тот, кто затворяет, и никто другой (ср. Ис. 22, 22; Иов 12, 14; Откр. 3, 7); отворяет же затворенное, проясняя загадочные изречения, божественное Слово. 181) Этот величайший дар имеет от Бога сей муж, получивший с неба и превосходнейший жребий быть истолкователем божественных слов людям, воспринимать божественное как бы из уст Божиих и изъяснять людям, как это доступно для человеческого слуха. 182) Поэтому для меня не было ничего запретного, ибо не было ничего сокровенного и недоступного. Но я имел возможность получить знание о всяком учении, и варварском и эллинском, из области тайн веры или из государственной жизни и о божественном и о человеческом, [и именно так, что] с полною свободою мог делать все предметом моего изучения и исследования и насыщаться и наслаждаться всеми благами души. Если бы кто-нибудь мог назвать какое-либо древнее учение истины или что-либо иное в этом роде, то я обладал в нем удивительным и полным собранием и обилием прекраснейших созерцаний. 183) Коротко сказать, он был для меня поистине раем, воспроизведением того великого рая Божия, в котором не нужно было обрабатывать эту низменную землю и, огрубев, питать тело, но только с радостью и наслаждением умножать стяжания души, как бы цветущие растения, насажденные нами самими или посаженные в нас Виновником всего.

XVI. 184) Это был поистине *рай наслаждения* (ср. Быт. 3, 23), это было истинное веселье и блаженство, которым я наслаждался в это протекшее время, с одной стороны, и немалое, но, с другой стороны, и совершенно краткое, когда оно приходит к концу, так как я уже ухожу и удаляюсь отсюда. 185) Ибо я не знаю, что со мной случилось или в чем я снова согрешил, что я удаляюсь отсюда, [даже] изгоняюсь. Что мне сказать, не знаю — разве только то, что я второй Адам, [изгнанный] из рая; и я начал говорить, — я, который прекрасно жил, когда слушал речи учителя и молчал! О, если бы и теперь я мог пребывать в спокойствии и молча учиться, чтобы не было этого нового зрелища, что учитель делается слушателем! 186) Но для чего нужны мне эти слова? И для чего обращаться с такого рода речью, когда я должен был бы не уходить, а оставаться здесь? Но эти мои заблуждения, кажется, имеют начало в древнем обольщении, и теперь меня ожидают еще и наказания прародителей. 187) Неужели я хочу снова не повиноваться, осмеливаюсь преступить слова Божии? В то время как я должен твердо держаться их и заниматься ими, я ухожу, убегая от этой блаженной жизни, и делаю не меньше, чем тот древний человек, [который бежал] от лица Божия, и возвращаюсь в землю, из которой взят. 188) Итак, я буду есть

прах земной во все дни моей жизни там (ср. Быт. 13, 17), и буду возделывать землю, и именно ту землю, которая принесет мне *терние и волчцы* (ср. Быт. 13, 16) — мои печали и постыдные заботы, после того как я оставил прекрасные и благие заботы. 189) И что я оставил, к тому опять возвращаюсь, к земле, откуда я пришел, и к моему дальнему родству и в дом отца моего; я оставляю добрую землю, где было доброе для меня отечество, которое раньше не было известно мне, я оставляю и родственников, в которых я имел, как это я только позднее начал узнавать, очень близких моей душе, я оставляю и дом истинного отца моего, остающийся в котором отец торжественно почитается и прославляется истинными сынами, пожелавшими остаться в нем. Я же, неблагородный и недостойный, ухожу отсюда, обратившись вспять и убегая назад.

190) Повествуется (Лк. 15, 11), что один сын, получивший от отца причитающуюся на его долю по сравнению с другим братом часть наследства, добровольно ушел от отца в далекую страну. Живя же распутно, он расточил и промотал отцовское достояние, наконец, в нужде он нанялся пасти свиней, а вынуждаемый голодом, он хотел иметь общение в пище со свиньями, однако даже и этого не получал. Итак, он потерпел наказание за свое распутство, променяв отцовскую, истинно царскую трапезу на пищу свиней и в положении наемника, на пищу, которая раньше и на мысль не приходила ему. 191) Кажется, нечто подобное случится и со мной, когда я уйду отсюда, и даже не со всем приходящимся на мою долю наследием. Ибо я не взял даже того, что нужно было, однако ухожу, оставив с тобою и у тебя прекрасное и дорогое и променяв его на худшее. 192) Ведь меня ожидает все печальное: шум и смятение вместо мира и вместо спокойной и благоустроенной жизни — беспорядочная, а вместо этой свободы — тягостное рабство, площади, суды, толпы и роскошь. 193) И для лучшего уже не будет у меня никакого досуга, и я не буду даже произносить божественных изречений, а буду говорить о *делах человеческих* (Пс. 16, 4), — уже это представляется богопросвещенному мужу в некотором роде истинным бедствием, — но я буду говорить о делах и дурных людей. 194) Меня ожидает настоящая ночь вместо дня, вместо ясного света — мрак, вместо празднества — печаль, вместо отечества — вражеская страна, в которой мне невозможно петь священную песнь, ибо как [это возможно] в земле, чуждой для моей души (Пс. 136, 4), где пребывая невозможно приблизиться к Богу? Напротив, [остается] только плакать и стенать, воспоминая то, что было здесь, если и это будет мне позволено.

195) Повествуется (4 Цар. 24 — 25), что некогда на великий и священный город, в котором почиталось Божество, напали враги и увели в качестве пленников жителей, певцов и богословов в свою страну, — это был Вавилон; но, отведенные в нее, они даже на требование своих победителей не хотели петь божественное и играть на

Псалтири в нечистой земле, но повесили свои музыкальные инструменты, привязавши их на ивах, сами же плакали *на реках вавилонских* (Пс. 136, 1—3). 196) Мне кажется, что я один из них, изгоняемый из города и из этого моего священного отечества; здесь днем и ночью возглашаются священные законы, хвалы и песни и полные глубоких тайн речи; здесь свет солнечный и постоянный, когда в течение дня мы [наяву] занимаемся божественными тайнами, а ночью душа объята воображением того, что видела и делала днем, и вообще, кратко сказать, здесь во всем божественное вдохновение. 197) Из этого города я изгоняюсь и как пленник ведом в чужую землю, где мне невозможно будет и играть, потому что я, подобно тем, повесил свою арфу на ивах; но я буду на реках и буду обрабатывать глину и песен не захочу петь, если вспомню о них; но, может быть, из-за других моих худых дел я и забуду о них, ослабленный в своей памяти. 198) Но если я к тому же ухожу не против воли только, как плененный, но даже ухожу добровольно, завоеванный не другим кем-либо, а самим собою, когда можно было бы остаться, 199) то, может быть, уйдя отсюда, я буду совершать путь не безопасно, как тот, кто вышел из какого-нибудь безопасного и мирного города; но может случиться, что я на своем пути и в руки разбойников впаду и буду пленен ими и, обнаженный, буду покрыт многими ранами и брошенный буду лежать где-нибудь еле живым (ср. Лк. 10, 30).

XVII. 200) Но зачем я так плачу? Есть у меня Спаситель всех, Заступник и Врач всех полумертвых и попавшихся разбойникам, Слово, неусыпный Хранитель всех людей. 201) Есть у меня и семена, как те, которые ты открыл во мне, так и те, которые я получил от тебя, твои превосходные наставления; с ними я ухожу, плача, как отправляющиеся в путь, но все-таки эти семена я уношу с собой. Итак, может быть, находящийся при мне Хранитель проведет меня невредимым. 202) Может быть, я снова вернусь к тебе и принесу из семян и плоды, и снопы, правда несовершенные, — ибо как это было бы возможно? — но какие мне посильны при моих гражданских занятиях; они могут быть и испорчены какой-либо силой, или бесплодной, или приносящей дурные плоды, но со своей стороны я не поврежу их более, если Богу будет угодно.

XVIII. 203) Итак, на этом я прекращаю мою речь; она, правда, была чрезмерно смелой в присутствии мужа, перед которым менее всего следовало бы [произносить ее], но она была одушевлена наилучшим желанием и, как я думаю, дала некоторое выражение моей благодарности по мере моих сил, и если я не сказал ничего достойного, то по крайней мере и не промолчал совершенно. Она была еще соединена и со слезами, как обычно у расстающихся с друзьями; не было ли в ней чего-либо неразумного [детского] или льстивого, чего-либо наивного или лишнего, я не знаю; но в ней, конечно, нет ничего лицемерного — это я точно знаю:

она во всем истинна, с честным настроением и чистым и искренним намерением.

XIX. 204) Ты же, о любезная глава, встань, и, помолившись, отпусти меня. Пока я был здесь, ты сохранял меня своими священными наставлениями и по отшествии отсюда сохраняй своими молитвами. 205) Передай и вверь меня и скорее всего передай меня Богу, Который привел меня к тебе. Благодари Его за то, что раньше случилось со мною, и молись Ему, чтобы Он руководил мною и в будущем, помогая мне во всем, приводя на память моему уму все Свои заповеди, внушал мне Свой божественный страх, который будет наилучшим моим воспитателем. 206) Ибо, когда я уйду отсюда, я не буду повиноваться Ему с той свободой, какую имел, находясь с тобою. Помолись за меня, чтобы я получил от Него и какое-нибудь утешение в разлуке с тобою, чтобы Он послал мне доброго провожатого - сопутствующего ангела. 207) Проси же и о том, чтобы Он возвратил меня и снова привел к тебе, и это одно только более всего утешит меня.

К ФЕОПОМПУ, О ВОЗМОЖНОСТИ И НЕВОЗМОЖНОСТИ СТРАДАНИЙ ДЛЯ БОГА'

1. Однажды, когда я намерен был возвратиться в то место, где обычно проводил время, некий муж, имя которого было Феопомп, спросил меня, бесстрастен ли Бог? Я же немного помедлил и, сжав губы[1], ответил: «Как мы можем говорить, о Феопомп, что Бог подлежит страданию?» И, когда он пытался с моим ответом связать другой вопрос, я, более ускоряя шаг, поспешил, чтобы достигнуть того места, где обычно друзья собирались с друзьями, и, лишь только я сел возле тех, которые там были, я протянул им руку и приготовился спросить у них о том, что сказано было мною в предшествующий день. Но пришел Феопомп и, заняв место подле меня, начал говорить так: «Необразованные и незнакомые с наукой должны, о Григорий, старательно поучаться у ученых и у знающих все. А так как я решил снова усердно заняться этим предложенным мною вопросом, то я прошу тебя дать врачевство для этих мыслей, которые взаимно борются между собой и которые, постоянно пребывая во мне, расстраивают мой ум. Прошу тебя укрепить меня теми ясными доказательствами, которые у тебя по этому вопросу готовы в изобилии».

2. Когда после этого прошло некоторое время в глубоком молчании, я начал говорить так: «Великое и превосходное расположение оказал нам возлюбленный наш Феопомп, желая возобновить тот вопрос, которым, как я думаю, по необходимости должен заниматься каждый, [именно]: «Возможно ли страдание для Бога?» На этот вопрос я дал скорый ответ: «Как возможно, о Феопомп, не исповедовать, что Бог бесстрастен?» Далее, когда присутствующие начали между собой много пустословить по этому поводу, то и я спросил Феопомпа, в каком смысле он понял то, что было сказано мною.

Он же ответил так: «Если Бог по природе бесстрастен, то из этого следует, что Он никогда не может страдать, даже если бы хотел, так как в таком случае Его природа совершала бы то, что противно Его воле». На это я дал такой ответ: «Не богохульствуй, о Феопомп, и не подчиняй Бога силе необходимости, противополагая воле Его природу. Ибо если Бог не делает того, что Он хочет, то отсюда действительно следует, что Его постигает величайшее страдание, так как [в таком случае] дблжно сказать, что воля Божия подчинена природе. Этого совершенно не должно быть. Мы полагаем, что так думают те, которые в значительной степени восприняли в себя дух дерзости, и что они подчиняют Бога силе необходимости. Но мы должны, о Феопомп, представлять так, что всемогущая природа Божия никогда не может воспрепятствовать Ему делать то, что

' Перевод Н. Сагарды.
[1] Т. е. в пренебрежительном тоне.

Он хочет, так как нам надлежит говорить, что Бог превыше всего и ничему не подчинен. Неужели от тебя укрылось, о любезнейший, что один только Бог свободен, над всем возвышен, все может и не подчинен никакой необходимости? Поэтому нечестиво отнимать свободу у всемогущего Бога».

3. Отвечая на это, Феопомп присовокупил: «Пусть будет так, как ты сказал, именно что Бог свободен. Ибо мы не дерзаем отнимать у Бога свободу; но этот ответ не разрешает моего вопроса, славный учитель Григорий. Ибо я спросил тебя: бесстрастен ли Бог? Ты в своем ответе признал, что Бог бесстрастен. Тогда, возражая, я снова спросил тебя: бессстрастное по своей природе не заключает ли в себе препятствия к тому, чтобы претерпевать человеческие страдания, поскольку природа его блаженна и нетленна? Итак, я спрашиваю: не заключает ли Бог в самом Себе препятствия к тому, чтобы претерпевать страдания, так как Он всегда тот же, если примем во внимание бесстрастие Его природы? Следовательно, я хотел бы присущим тебе благочестием быть приведенным к ясному пониманию этого предмета и у любви твоей ревностно поучиться, ибо я нахожусь в сомнении, может ли бесстрастный Бог претерпевать что-либо несогласное с Его природой, поскольку, как мы сказали, Он бесстрастен? Даже более того — мою мысль поразило то, что некоторые говорят не совсем безрассудно, именно что будто бы так как природа Бога противодействует Его воле, то и самый вопрос бесполезен. Ибо если бесстрастие Божие не допускает человеческих страданий, то почему я не мог бы смело ответить тебе, сказав, что природа Бога противится Его воле? Отсюда, как я прежде сказал, бесстрастная природа Божия могущественнее Его воли, хотя бы последняя была Бог».

4. Далее, так как многие из тех, которые пришли, ожидали, что я отвечу на так поставленный мне вопрос, я тотчас охотно дал ему следующий ответ: «Возлюбленный Феопомп, справедливость требует, чтобы мы говорили и понимали, что человек, природа которого состоит из души и тела, не может делать чего-либо такого, что было бы противно его воле, так как организация его природы и строение его тела связаны законом Творца. Вследствие этого принуждения необходимости, которая сильнее человека, человеческая воля не может свободно совершать все то, к чему она стремится, поскольку как природа, так и воля — каждая влечет человека в свою сторону. Поэтому человек во всех отношениях ниже своего Творца. Ибо все, что подлежит рождению и тлению, [в этом самом] имеет препятствие к тому, чтобы все мочь. Поэтому нам следует знать, что природа Божия неизреченна и неизъяснима, не имеет подобия ни с чем, не подчинена никакому закону, никакой необходимости, никакой привычке, косности, страху, возрастанию, болезни, но все может совершать силою, которая все препобеждает и никем не преодолевается. Но никогда, о Феопомп, не следует так представлять Бога, как

будто бы Он вошел в противоречие со Своей волей — потому именно, что Он подверг Себя самого страданию, хотя по природе Своей бесстрастен. Ибо волю Божества мы не отделяем от той блаженнейшей сущности, которая неизменна, оставаясь одной и той же, в едином образе, едином бытии, в единой неизменяемой воле, которая научается от себя самой, сама себе повелевает и сама от себя самой и в себе самой и через саму себя все может делать. И действительно, Его бесстрастная природа ни в чем не препятствует Его воле совершать то, что хочет, так как во всякое время она одна и та же. Ибо я сказал, что Он един и что тот именно в собственном смысле Бог, кому никакая сила не может воспрепятствовать делать то, что хочет. Далее, так как воля одной не согласна с другой, отсюда следует, что людьми не осуществляется всегда то, что они хотели бы совершить, потому что природа одной части противодействует природе другой, препятствует делать то, что она хочет. Тот же, Кто один только неограничен, благ и славен, Кто Своей благостью все определяет, Кому подчинено все, что есть и было, Кто превосходит все, у Кого нетленный разум, Кто чужд и выше всякого зла, как я сказал раньше, — Он один только прост и несложен, не смешан со злом вследствие единства Своей сущности, единая благая воля, неделимая, никогда не поругаемая, не волнуемая, не ослабляемая, не исследимая, никогда не побеждаемая или подавляемая; Он выше всяких страданий; Он Сам Себя определяет во всем, что намеревается делать, так как Его природа не допускает никакого препятствия, поскольку Он чужд всякого возмущения и с Ним ничто не состязается и не восстает против Него; Он свободен и Своей волей господствует над всем, и силой Своей, превосходящей все, Он может все совершать. Не думай, о друг, что Тому, Кто всем обладает, Кого никто не может подвергнуть страданиям и Кому никто не может противостоять, — можно воспрепятствовать совершать то, что Он хочет».

5. В ответ на это Феопомп сказал мне: «И я также, учитель Григорий, хорошо знаю, что Бог обладает могущественнейшей волей, совершенной свободой и господством над всем и что никто не должен спорить о том, что ты утверждаешь. Но то, относительно чего я остаюсь в недоумении, состоит в следующем, именно не заключает ли природа Божества в самой себе препятствия к тому, чтобы страдать; и существо, которое бесстрастно, не возбраняет ли своей воле претерпевать страдания, что, конечно, было бы чуждо ему самому и для него неприлично? Это так [очевидно] из ясных доказательств, которых тобою приведено больше чем достаточно. А если бы кто выступил против этих объяснений, на того дблжно было бы смотреть не только как на невежественного, но и как на безрассудного, нечестивого и в высшей степени дурного. Ибо надлежит предоставить Богу господство и власть над всем; а так как я предпочитаю избрать благое и отвергнуть злое, то, поскольку бесстрастная природа Бога всегда одна и та же, я решил исследовать и узнать, имел ли Бог когда-нибудь намерение претерпевать человеческие страдания».

6. На это я ответил: «Хочешь ли ты, о Феопомп, действительно и искренне отступить от воззрений Исократа и совершенно оставить их, чтобы обратиться к здравым мнениям истины, которые я изложил тебе в ясных доказательствах? Слушай поэтому, внимательно **слушай,** о Феопомп, и старательно вникни своей мыслью, надлежащим образом слагая в своем сердце то, что я скажу тебе. Страдание тогда действительно было бы страданием, если бы Бог имел намерение [сделать] что-нибудь неполезное и для Него непристойное. Но когда Божественная воля подвигалась для уврачевания дурных помышлений людей, тогда мы не можем сказать, что Бог страдает от того, что Своим унижением и высочайшим благоволением послужил людям. Поэтому, так как сердце людей отвратилось от истинной религии и, наподобие животных, оказало материи больше чести, чем Богу, и, что было непосредственным следствием этого, жадно устремилось на гнусные удовольствия, то Бог восхотел отвлечь людей от этого. Но в Боге не почитаются страданиями те страдания, которые по собственному хотению Он претерпел для общего блага человеческого рода, когда Его блаженнейшая и бесстрастная природа вовсе не противодействовала [этому]. Ибо Он в своем страдании показывает бесстрастие. Ведь, если кто страдает, тот страдает лишь в том случае, когда страдание насильственно оказывает свое действие на того, кто страдает помимо его воли. Но о том, кто при бесстрастии своей природы добровольно становится причастным страданиям, чтобы совершенно победить их, мы не говорим, что он подвергается страданиям, хотя бы своей волей он участвовал в страданиях. Ибо посмотри, как врачи, когда хотят излечить тех, которые мучаются ужасными болезнями, с радостью переносят труд, чтобы помочь больным, предвкушая радость от надежды на будущее выздоровление. Слава и известность, которые врач приобретает лечением страждущих, смягчают отвращение и устраняют тягость труда. Врач на время забывает о своем достоинстве и смиряет свою волю, почему, принимая вид раба, делается невольником больных и свое достоинство низводит до подобия рабства. Однако этого унижения мы не называем унижением для врача ради выздоровления, которое проистекает отсюда, и мы не думаем, что он лишился достоинства, когда видим, что он добровольно исполняет обязанности слуги. Ибо, совершив то, что медицинское искусство призывало его исполнить, он тогда радостно снова принимает прежнее достоинство: здоровье, которое он желал, доставляет ему больше радости, чем почет, которым он раньше пользовался. Впрочем, он ничего не потерял за то время, когда, преклонив голову, исполнил обязанности слуги и оказал милость лечением больных тел. Ибо он знал, что ему нужно на известное время принять на себя некоторое унижение, чтобы снова дать здоровье больным, вследствие чего он получит славу гораздо

бблыпую, чем унижение. Итак, почему мы не могли бы сказать о Том, Кто один только благ и Кто выше суетной славы, чужд уничижения, бесстрастен в страданиях и превыше всего, что Он в Своем бесстрастии поднял Свой скипетр над страданиями, так как Своим страданием заставил их страдать? Ибо перенесение [Им] страданий было бесстрастным, так как Своим страданием Он причинил им страдание и в Своем страдании показал Свое бесстрастие. Ибо, что страдания производят по отношению к подверженным страданиям, то же сам Бесстрастный производит Своим страданием по отношению к страданиям, вследствие чего при Своем бесстрастии явился страданием страданий. Итак, когда мы утверждаем, что страдания побеждены в их деятельности вследствие того, что Бесстрастный был причастен им, то как иначе мы можем назвать это, если не так, что Он был страданием страдания? Ибо если адамант, когда по нему ударили железом, не страдает от удара, а, напротив, остается невосприимчивым к страданиям, каким и был, так что поражения от удара возвращает на ударяющего вследствие того, что адамант по своей природе является нечувствительным к страданиям и не подвергается страданию, то почему мы не можем сказать, что Бесстрастный был страданием для страданий? Ибо как не изобразить страданием страданий Того, Кто не терпит вреда и страхом не устрашается, хотя бы Он добровольно и вошел с ними в общение? Или как не бесстрастен Тот, Кто, проходя через смерть, не был устрашен смертью? Пришествие Бога на смерть явилось смертью для смерти, так как Он не был удержан ею; подобным же образом бесстрастие Бога было страданием страданий, когда Он снизошел до страданий. Ибо если предметы мира сего, когда смешиваются с противоположными им предметами, поистине обнаруживают свою силу и невосприимчивую к страданиям природу, то насколько более мы должны разуметь, что страдание Бога было страданием для страданий? Ибо, как железо, ударяя адамант, принимает на себя удар и само получает повреждение от удара вследствие твердости адаманта, так и о Боге, Который силен по Своей воле и бесстрастен по Своему существу, когда Он принял на Себя страдания, как не сказать, что Он пребыл в Своем бесстрастии даже в то время, когда подвергался пытке железом и огнем, поскольку природа Божества сильнее всего, даже когда она в страданиях? Ибо истинным доказательством Божественного бесстрастия и бессмертия дблжно признать то, что, находясь под действием страдания, Он Сам явился причиною страданий, поскольку этим доказательством обнаруживается, какова была причина того, что совершилось. Ибо мы не знали бы, что Бесстрастный [действительно] бесстрастен, если бы Он не вошел в общение со страданиями и не устоял против силы страданий. Ибо под видом страданий Бесстрастный проник в страдания, чтобы своим страданием показать, что Он — страдание для страданий. Натиска бесстрастия не могли выдержать страдания, и мы не должны удивляться, о ученый Феопомп, что бесстрастие Божества явилось поруганием для страдания, когда мы видим, что глаза, напряженно устремленные на солнце, чтобы исследовать лучи, претерпевают страдание от лучей.

7. Что мы стремимся показать этим, так именно то, что тот Бог, Который настолько выше тления и страдания, смерти и какого бы то ни было повреждения, что все должны признать Его недоступным для страданий, поистине был уничижителем страдания, так как страдания не в состоянии были противостоять Ему, Он действительно бесстрастен и в собственном смысле посрамил смерть, так как Своей Смертью Он утвердил Свое бессмертие и Своим страданием показал Свое бесстрастие.

Когда атлетам, одерживающим победу в состязании, даруется венец и когда тем, которые признаны достойными триумфа, предоставляются награды за победу, то последние можно давать только тем атлетам, которые, будучи испытанными в состязании и борьбе, заслужили венец победы. Совершенно подобным образом надлежит говорить и о бесстрастии. Бесстрастие не стоит выше страданий, если оно прежде не показало своей силы. Итак, страдание в Боге не является, как некоторые желают, унижением или слабостью, так как возвышенная природа Божия показала свою неизменяемость, когда подверглась испытанию в страданиях. Ибо о Том, Кто был во вратах смерти и Кто, будучи бессмертным, как Бог, своим бесстрастием победил смерть, дблжно возвещать, что Он — Бог, так как Он не подлежит никакой власти, не удерживается никакой силой, не склоняется перед тлением, не волнуется скорбью, не объемлется смертью. Он есть Бог, над всем владычествующий, это — истинное господство, это — власть, никому не подчиненная, так как, поправ смерть, Он ничего не потерпел от смерти.

8. Те же, которые хотят хулить эту над всем возвышенную мудрость и эту в своем величии сокрытую от всех волю; которые отвергают превосходство могущества того Бога, смертью Которого бесстрастие распространено на всех; которые осмеивают пришествие Бога на смерть и не разумеют, что превосходящее сияние Его пришествия дблжно воспринимать оком своего ума, и объявляют вздорной басней непостижимое и недомыслимое пришествие Бога на смерть без нетления, — эти пусть, если и угодно, пребывают в своем ложном познании, как во мраке, будучи предопределенными для смерти и тления. Ибо [мы не понимаем], как можно назвать злодеем царя или князя, который вошел в темницу, чтобы произнести приговор относительно злодеев, содержащихся там, по делам их, и вследствие этого перенес дурной запах и брань, если, конечно, он добровольно пришел к дурным людям, которые заключены в темнице? Необходимо, чтобы так мы думали и о Боге. Ибо на Него вследствие Его бесстрастия смерть не может нападать, и поскольку Он бессмертен, то без страха может попрать смерть; силою же Божества Он остался

чуждым страданий и победил силы смерти, по человеческому выражению, истинно сделался причастником смерти. Итак, когда мы слышим, что Бог пострадал, мы должны разуметь это относительно пришествия Его на смерть, поскольку Он вовсе не воспринял в Себя страданий смерти — бесстрастной и бессмертной Своей силой Он явился на смерть и от смерти уходит, как Бог, Который все может. Пришествие на смерть ясно показало Его Божественную силу и бесстрастие Его по существу, так как Он не был удержан смертью. Ибо кто из смертных мог когда-либо презреть смерть? Или кто из людей когда-либо избежал силы владычества смерти? Но если это невозможно, как это и на самом деле есть, то необходимо, чтобы мы предоставили власть над смертью единому только Богу. Итак, Бог входит во врата смерти и смерти не претерпевает. Те же, которые за преступление заповеди осуждены на смерть, — они век пребудут в смерти. Итак, на какое основание опираются те, которые смеются над мудрым пришествием Бога на смерть, как над недостойной Бога вещью и крайним унижением, и те, которые так проповедуют, считают детьми и безрассудными?

9. Ввиду бесстрастия Бога, Который через смерть и уничижение явился победителем, не воображай, о возлюбленный мой Феопомп, будто невозможно было, чтобы Бог пришел на смерть и претерпел то, что относится к смерти, без обмана. Ибо если древние мудрецы могли рассказывать о некоем животном, что оно хотя и слабое по своим силам, однако препобеждало силу огня, так как, брошенное в огонь, который все сжигает им охваченное и в нем движущееся, не терпит от огня никакого вреда, так что мы можем сказать, что оно выше огня, который все сжигает, потому что оно отражает силу огня и вследствие большого количества холода, которым обладает, охлаждает жар пламени, ничего не претерпевая от действия огня, который все повреждает; если, говорю, саламандра, смертное животное, подверженное тлению вследствие большого количества холода, который содержит в себе, делает недействительным жар пламени, — то как не сказать, что Бог, Который выше смерти и тления, в своем пришествии на смерть обладал нетлением? Итак, если животное, подверженное тлению, будучи брошено в огонь, переносит огонь; если вещи, взаимно противоположные, по силе, присущей в природе, могут противостоять разрушению, когда соединяются с иными вредными для них вещами, то как мы можем удивляться, что существо, высшее материи и во всех отношениях бесстрастное, своим причастием смерти показало бесстрастие своей природы и вместе с тем своей смертью посмеялось над страданиями и смертью? В этом состоит неизменяемость и бесстрастие Божие. Ибо какой вред претерпело то блаженнейшее существо пришествием в этот злой мир и восприятием для [спасения] душ подобия смертных людей, не лишаясь ничего из своей Божественной силы, но оставаясь таким же, каким было? Каким образом блаженнейшее существо могло бы не

оставаться всегда тем же, когда его сущность не может потерпеть никакого вреда и его воля — противоречия и насилия? Но Кто тем, что мы перечислили, никогда не умаляется, Тот как не может быть назван бесстрастным, особенно если, всегда оставаясь тем же и Своей волей Сам Собой управляя, Он щедро раздает свои дары? На малое время он принял образ человека, так как, по Своему мудрейшему плану, Он совершил то, что хотел, и Своей всемогущей волей осуществил то, что имел намерение совершить, всегда сохраняя Свое Божественное могущество, оставаясь тем, чем был, ничего не терпя в страданиях, так как Его бесстрастная природа и в Его страданиях пребыла такой же, какой была. Поскольку если бы с соизволения блаженнейшего существа отделилась субстанция, Им [воспринятая], то [через это] не умалится Его собственная субстанция, так как Его Божественная природа показала, что она неизменяема, поскольку удары, рассечения, болезнь и скорбь никогда не могут причинить вреда Богу. Ибо, что побеждается страданием и изменяется от тления, об этом дблжно сказать, что оно страдает, а что совершается превосходящей Божественной мудростью и дивным домостроительством Божественного провидения, на то не дблжно смотреть как на страдания Бога, потому что вследствие бесстрастия Бога в этом не обретается ничего, что производило бы страдание. Сколько бы меч ни рассекал пламени огня, он своим ударом не произведет разделения, хотя тело проходит через тело. Итак, если непостижимо рассечение некоторых тел, подверженных тлению, потому что огонь всегда остается одной и той же субстанцией и никогда не терпит разделения, так как за ударом железа непосредственно следует соединение, ибо тонкость огня не позволяет разделению оставаться в нем, даже когда рассекается железом, так как железо со всех сторон опоясывается силою [огня], и с какой бы стороны последний ни пронзался железом, пламя крепко держится самого себя и никогда не разделяется; если, далее, разделение осязаемого тела, именно огня, неисследимо и непостижимо, — насколько более дблжно сказать о Существе блаженнейшем, чуждом тления, превосходящем могущие страдать тела, существа и природы, которое превыше всякого представления, что Оно и в своих страданиях всегда пребывает одним и тем же, особенно когда Его бесстрастная природа при смешении со страданиями ни в каком отношении не поражается ими. Оставаясь непостижимым и непобежденным, Оно (блаженнейшее существо) Своим бесстрастием посмеялось над страданиями, так что, подвергая Себя испытанию железом, Оно всячески показывает тогда Свою силу, пребывая не затронутым им. Чистота Божества, предвидение, неосязаемая тонкость не только не разделяются телами, которые приближаются к ним, чтобы разделить их, так как они выше и превосходнее каких бы то ни было тел; но мы утверждаем, что, [напротив], разделяются тела, которые хотят поразить и разделить Божество, которое не разделяется, и тонкость природы, и чистоту Его

сущности. Но Оно (Божество) само проходит через все тела и в них производит разделение, так как для Бога легко разделить все тела.

10. Итак, закончив это, нам надлежит сделать такое заключение, именно что в страдании обнаружилось бесстрастие Божества и всяческими способами доказана сила Его мудрости, даже тогда, когда Оно подвергло себя страданиям. Не думай, возлюбленнейший Феопомп, что блаженнейшему существу невозможно пройти через все тела, которые причиняют страдания, когда мы видим, что светлые лучи солнца проходят через чистое стекло и что вообще тела, имеющие различную природу, никаким образом не встречают препятствий к тому, чтобы утонченным образом проходили через другие. Но если материя одного существа не препятствует материи другого проходить через нее вследствие своей тонкости, то как нам не согласиться, что Божественная сущность, которая возвышеннее и превосходнее всего, беспрепятственно проходит в силу своей тонкости через все тела, какие ей встречаются, так что Божество никаким образом не претерпевает от страданий? Ибо известно, что природа блаженнейшего и нетленного существа всегда остается одной и той же. В том сравнении, которое я привел, [взятом] от солнечных лучей, самый свет остается тем же, ни в каком отношении не уменьшенным, хотя он от своего сияния уделяет нуждающимся. Насколько же более Бог, существо блаженнейшее, возвышенное над всем, богатый милосердием при раздаянии Своих благ нуждающимся, пребывает тем же и ничего не лишается, так что не дблжно, как говорят некоторые в своих нелепых баснях, неисследимое и неизъяснимое снисхождение Бога к людям называть страданием Бесстрастного. Они, конечно, предварительно не подумали, что неисследимого Бога не могут удержать ни Его природа, ни какое-либо иное существо от того, чтобы Он следовал Своей воле. Мы утверждаем, что только Тот [действительно] является высочайшим, свободным, Кто не претерпевает противодействия от закона своей природы, Кто не может быть побужден силою к восстанию против [иного, высшего] Могущества, Кто не удерживает в царстве богатства, Кто не страшится величия Своего Божества и от смерти не содрогается. А если боится огня, содрогается железа, устрашается преисподней, бездны, не хочет быть отданным диким зверям, — таким образом этого, который так удаляется от пагубных для людей бедствий, мы можем назвать Богом? Если же блаженнейший и нетленный Бог пришел в огонь, не боясь огня, так как Он всегда пребывает одним и тем же, и презрел огонь вследствие того, что огонь не всегда тот же, — ибо как мы можем об огне, сила которого терпит убыль, сказать, что он всегда один и тот же? — но об этом Боге, презирающем железо, пренебрегающем огнем, не боящемся смерти, как мы можем не сказать, что Он бесстрастен, когда Он в Своих страданиях остается тем же, добровольно принимая на Себя человеческие страдания, но не претерпевая болезненных ощущений, проистекающих из человеческих страданий. Ибо

1

тот **есть** Бог, Кто всегда остается одним **и** тем же. Кто же терпит вред от страданий, поражается болезненными ощущениями, силою **необходимости** удерживается от того, чтобы совершать благое, тот не Бог, хотя бы он **и** назывался богом. А кто не подлежит смерти, кто своим страданием показал свое бесстрастие, тот может прийти и **совершить** то, что пристойно совершать Богу— помощнику, и может **измениться** в мой, [человеческий] образ, однако пребывая **в** своей **неизменяемости**, и быть всем, будучи вне всего. Та воля бесстрастна, которая силой необходимости не удерживается от того, чтобы прийти к тем людям, которые жаждут Божественного Промышления. Но Тот, Кто, созерцая величие Своего Божества **в** Своем пре**красном** блаженстве, избрал Себе молчание и который один только пребывает **в** счастье Своего естества, презирая все прочее, потому что Он предпочел бездеятельность, которую Он избрал для себя, — каким образом такое совершеннейшее существо не окажется значительно ниже тех смертных, которые не пощадили своей жизни, чтобы помочь своим отечественным городам или друзьям, которые своей волей стали выше мучения и вследствие своей выдающейся доблести причиненные им мучения не считали мучениями? Первый же тот, которому было имя Теос[1], он предпочел смерть, чтобы [сограждане] не служили лакедемонянам. Энаминод также был умерщвлен, чтобы афиняне не были доведены до рабства; Левкипп был убит, чтобы атуляне[3] не поплатились рабством; Феодор[4] отрезал себе язык, чтобы не предать друзей; Физон[5] был распят, чтобы не лишиться доверия, которым он пользовался; Анаксарх[6] был рассечен, чтобы своей ложью не смущать Никоклеса; Диогрес[7] был изгнан афинянами, Сократ умерщвлен, Филоксену[8] приказано ломать камни, а Каллимаха[9] **и** Кинегера[10] мы должны не только хвалить, но **и** удивляться им, ибо, когда пронзенное стрелами тело, как говорят, было бездыханным, он был страхом для врагов, помощником же **и** защитни-

[1] Правильное определение того, каких лиц и какие факты имеет в виду автор в дальнейшем перечислении, затрудняется тем, что греческие собственные имена в сирийских произведениях часто передаются в измененной или совершенно искаженной форме.

[2] Может быть, Ликиск; во всяком случае сказанное не может относиться к философу Левкиппу.

Может быть, этоляне.

[4] Может быть, Анаксарх.

[s] Может быть, Фитон, который был умерщвлен Дионисием.

[6] Анаксарх, ученик Демокрита, был убит Никокреоном.

[7] Софист Диагор, ученик Демокрита, живший во второй половине V века до Р. Х., открытым отрицанием существования богов вызвал против себя недовольство афинского народа и в 413 г. должен был бежать из Афин.

[8] Филоксен (ум. в 380 г. до Р. Х.) жил при дворе Дионисия старшего и навлек на себя гнев тем, что не хотел хвалить его плохие стихи.

[9] Каллимах был убит в марафонском сражении.

[10] Кинегир удерживал захваченное убегавшим неприятелем судно сначала правой рукой, потом, когда она была отсечена, левой и, наконец, зубами.

ком для своих сограждан. Хирон\ не щадя себя, с радостью отдал свою голову врагам. Как не удивляться Аммонию[2], который, не обращая внимания на боль от раны, побежал в свой город, чтобы известить об одержанной над неприятелем победе, и который, лишь прибыл в город, сказав собравшимся гражданам: «Радуйтесь, мы победили», тотчас испустил дух? Опять также Еврот[3], когда лежал в постели больной, услышав, что война, бывшая в то время, усиливается и македоняне стоят, угрожая согражданам, побуждаемый любовью к своим соотечественникам, приказал слугам отнести его в сражение, где он мог бы умереть с согражданами. Аристодем же, который уклонился от войны и бежал в Спарту, почитался всеми презренным и отверженным.

11. Итак, обрати внимание, возлюбленнейший, какое и сколь великое презрение к смерти показали смертные, ради отечества и друзей обнаруживая мудрость и силу. Некогда ради друзей они не щадили жен, презирали жизнь и ради своих отечественных городов без колебаний предпочитали потерять жизнь. Они неудержимо возрастали в своей свободе и в служении добродетели, с радостью не только допустили быть рассеченными тиранами, но даже не уклонились от того, чтобы быть прибитыми гвоздями к дереву, смертью приобретая себе свободу.

12. Бог же, Который не имеет нужды в славе и Который выше страданий, Сам добровольно пришел на смерть, но так, что страх или трепет не овладели Им. Но неужели мы скажем, что вследствие того, что Бог живет во славе, Он не воспринял на Себя поношения, проистекающего из страданий, и, таким образом, желая почтить Его, станем отрицать, что Им подается помощь людям? Какое унижение мог претерпеть в страдании бессмертный Бог, Который Своей смертью посрамил смерть? Бог не знает и страдания стыда, вследствие чего Он мог бы стыдиться страдать, поскольку гордость всегда чужда Ему. Каким образом Бог мог претерпеть стыд, бессилие или поношение пришествием на смерть, чтобы отвратить смерть от людей? Ибо, кто ищет суетной славы и боится лишиться ее, тот никогда не захочет перенести страдание смерти. Почему бы Бог мог бояться, чтобы у него не отняли славы и не лишили ее навеки? Для Бога предпочтительнее страдание от железа или огня, чем страдание от [желания] суетной славы. Ибо этого последнего страдания Бог не мог бы исцелить, если бы оно было у Него самого. Но если Бог не жаждет славы, потому что Он выше всяких страданий, то Он может

' О Хироне ничего не известно.

[2] Разумеется афинянин, после Марафонской битвы принесший в Афины весть о победе.

[3] Еврот и Аристодем принадлежали к знаменитому отряду (из 300 человек) Леонида и вследствие болезни были отпущены, однако Еврот велел нести себя в битву, когда узнал, что Персы обошли героев, и умер в сражении. Аристодем не возвратился в отряд.

прийти на смерть, так как, поскольку Он — жизнь, Он может претерпеть смерть и смертных избавить от смерти, так как Он сам — бесстрастный Бог, даже когда Он находится в страданиях. Ибо, когда кто-либо претерпел страдание, будучи бесстрастным, и вместе с тем отразил его от себя, как такой не поспешил бы с радостью вступить в брань со смертью, чтобы упразднить смерть? Ибо живущий, если он боится от смерти претерпеть смерть, не есть действительно живущий; а Тот живущий, Который не подвержен смерти, Сам вызывает ее, чтобы Своей смертью показать, что он есть жизнь. Так именно мы видим, что лучи света, когда смешиваются с мраком, не становятся причастными ему и не претерпевают потемнения, хотя и пребывают во мраке. Ибо примесь мрака не только не потемняет света, но скорее свет своим сиянием освещает мрак. И действительно, подобно тому как слабый муж побеждается более значительным, превосходнейшим и сильнейшим или как с удалением света мрак остается в своей темноте, так и Бог Своим добровольным пришествием на смерть не навлек на Себя ничего заслуживающего поношения, когда, напротив, показал Свое превосходство над всем, сокрушив власть смерти и лишив смерть господства над всем, каким она [прежде] услаждалась. Естество же Бога в смерти пребыло нетленным и силою бесстрастия сокрушило страдания наподобие света, который смешивается с тьмой. Ибо страдания тогда должны считаться поистине сильными, когда они, выдерживая борьбу с противоположными вещами, сами остаются тем, чем были. Но это смешение должно происходить не в воображении или в мысли, а-в действительности. Итак, если существа взаимно противоположные, которые по присущей им силе могут оставаться нетленными и нечувствительными к страданиям, даже когда они смешиваются с другими существами, как, например, саламандра, которая может презирать пламя, и как адамант, когда по нему ударяют железом, — ибо все это, как мы сказали, не в воображении только или в мысли остается невосприимчивым к страданиям, — так вот, если саламандра, подвергаясь действию огня, остается невредимой, не претерпевая никакого ущерба от своего соприкосновения с огнем, если, говорю, материальные существа, по-видимому, не испытывают никакого изменения в своей субстанции, даже когда смешиваются с другими существами, производящими повреждение, но, напротив, остаются целыми и невредимыми и не лишаются ничего из своей сущности, — то какое препятствие или какое затруднение мы найдем в том, что нетленная сущность Бога остается бесстрастной, даже когда входит в соприкосновение с вещами, причиняющими страдание?

13. Не верь, о Феопомп, тому, что некоторые, как известно, искусно утверждают, именно что блаженнейший и нетленный — тот, кто ни сам не проявляет деятельности, ни другому не предоставляет действовать. Ибо, кто таков, тот страдает бессилием. Ибо, кто осмелится назвать того, кто не открывает пути к добродетели, не делает

людей знающими, не научает других мудрости, не разумеет право-го, не заботится о спасении душ, воздерживается от совершения добродетели, — кто, говорю, осмелится назвать такого блаженнейшим и высшим благом? Каким образом может статься, что блаженнейший и нетленный Бог не захотел вырвать корень злых помышлений или по присущей Ему благости изгладить как бы пожаром из душ смертоносные влечения? Ибо блаженнейший и нетленный тот, кто умерщвляет страдания, делает людей мудрыми, сообщает Божественное ведение и являет добродетель. Мы же говорим, что для Бога было бы величайшим страданием нерадеть о людях, не хотеть совершать благое и не иметь попечения о человеческом роде. Но того, кто преследует пагубные действия страданий в самом корне, именно в человеческой мысли, и своим предусмотрительным попечением обращает людей, имеющих задатки добродетели, из испорченных в добрых, — как не назвать такого бесстрастным, когда он отгоняет от людей страдания и причиняет смерть страданиям?

14. Посему ты, о Феопомп, в сердце своем, как на судилище, произнеси решение, идя по стопам мудрости, обрати внимание и непобежденной мыслью и трезвым умом рассуди, следует ли нам говорить, что у существа блаженнейшего и нетленного возникает страдание тогда, когда оно оказывает нам помощь, милосердие и свое благоволение, или тогда, когда оно показывает себя жестоким, суровым, лишенным милосердия и какого бы то ни было сожаления. Мы же признаем бесстрастным в особенности того Бога, Который является виновником благих дел и Который из глупых делает мудрыми. Ибо несправедливо назвать блаженнейшим и нетленным того, кто никогда не заботится о человеке. Ведь человека мудрого и разумного мы узнаем только по делам, которые совершаются его искусством, и никто не называется художником или знатоком прежде, чем увидят, что он изменяет вид ничтожной и бесформенной материи и посредством искусства, которым владеет, создает из них художественное произведение, когда оно делается доступным для чувств, делает явной сокрытую в нем мысль художника. Поэтому насколько яснее мы должны представлять и называть блаженнейшим существом высшее, когда его блаженнейшая природа, которая всегда присуща ему, открыта нам, а когда мы видим дела этого блаженнейшего существа, то из них мы научаемся о нем еще большему. Но те, которые усвоили себе тот взгляд и представление, что блаженнейшее существо пребывает только в своих обителях, замкнуто в самом деле, созерцает самого себя, ко всему относится с одинаковым презрением, покой предпочитает попечению обо всем и в себе самом находит удовлетворение, и которые говорят, что в нем возникают страдания, когда оно проявляет заботу обо всем, — я не знаю, что сказать о них? Каким образом может называться блаженнейшим и нетленным то существо, которое человеческий ум никаким образом не в состоянии и исследовать? Но если это так, то перестань думать,

что это — истинная природа Божия, так как доселе ты не знаешь Бога, когда говоришь, что Он от вечности по необходимости остается совершенно бездеятельным. Ибо каким образом может быть блаженнейшим и нетленным тот, кто доступен твоему исследованию? Я же, напротив, утверждаю, что блаженнейший и щедрый раздатель благ — тот, кто является помощником и подателем силы тем, которые лишились надежды. Ибо подобно тому, как мы не можем словом своим порицать низости злых, если мы прежде не увидим их злых дел, — ведь не можем же мы точно представлять завершения дел, пока они сокрыты в мысли и не обнаружились, — так равным образом блаженнейшее и нетленное существо называем блаженнейшим тогда лишь, когда оно совершает дела, свойственные его благости, [называем блаженнейшим] ради явно обнаружившихся благих дел, какие от него проистекают. Созерцание видимого открывает сокровенное. Ибо благоразумие мудрого и благоразумного мужа в своих отличительных качествах познается прежде, чем ее сделают очевидной дела добродетели, с радостью законченные. Но как мы можем сообщить людям о величии разума блаженнейшего существа, пока оно не представило ни одного случая к тому, чтобы, постигая его, мы были в состоянии говорить о нем? Ибо если кто не вызывает в нас душевного движения своими благими делами или если кто не привлекает нас к себе [своей] славой, — как мы можем приписывать тому благость, пока его благость и щедрость совершенно сокрыты?

15. Если же ты имеешь такое мнение о Боге, то это твое дело, а не Божие, так как Он — блаженнейший и щедрый в Своих дарах. Его ты не можешь постигнуть, так как Он не явил тебе Своей нетленной природы, которая превыше всего, если только Он пребывает в том высшем наслаждении, которое Богу, о котором ты утверждал, что оно, по твоему суждению, исключительно прилично Богу и Бог к нему постоянно возвращается и в него погружается, так что и Сам ничего не делает и другим ничего не позволяет делать. Ибо всякий, кто таков, слаб. Скажи нам, о мудрый Феопомп, какому страданию или какому бессилию подверг Себя блаженнейший и нетленный Бог, принося людям помощь, которую они могут чувствовать, в особенности тем, которые по неведению лишаются ее благ и силой страданий увлекаются в бездну, откуда сами собой не могут достигнуть добродетели. Если на время позволено будет сказать смело, то нельзя признать блаженнейшим и нетленным того, кто не призывает людей, в некотором смысле упавших с корабля и погрузившихся, поскольку они не ведают Его благости или не влечет их к себе, когда они, пребывая в океане мира, не смогли достигнуть добродетели и сделались чуждыми Богу (ср. Еф. 4, 18). Ибо что за блаженнейший Бог, богатый в своих дарах, превосходящий щедростью Своей благости, Которому не присущи ни радости, ни заботы, ни милости, ни иное какое-либо из тех качеств, которые приличны добродетели

и которые составляют средства обнаружения для Бога, щедрого в своей помощи.

16. Поэтому если ты, увлеченный воображением, хочешь сочинить и нарисовать себе Бога, Который любит самого Себя, пребывает в Своих богатствах, наслаждается Своей славой и не хочет никому оказывать содействия, людьми пренебрегает и отвергает их, лишает помощи блаженнейшего существа, то какова жестокость по отношению, к тем людям, которые, не зная добродетели, погибают массами! И это — существо блаженнейшее, щедрое в своих дарах! Но оставим то, что можно говорить при таком положении дел, и пойдем к мудрецам, чтобы у них поучиться познанию истинной философии, так как они тех, которые падали и заблуждались в этом мире, призывали и делали близкими к себе. Если бы философы молчали, когда люди погибали толпами, то погиб бы молчаливый Критий из-за своей любви к власти; погиб бы в своей говорливости Алкивиад вследствие расточительности. Персы и мидяне отличались доблестью в Сузах, прежде чем они опоясались оружием, чтобы идти в Македонию. Итак, что молчишь[1] ты, о блаженный [Боже][2], при гибели всех этих [людей], когда мудрецы не хотели молчать[2], чтобы помочь им? Это природа добродетели, о Феопомп, это плод философии, именно чтобы те только почитались блаженными и.великодушными, у которых забота не только о себе, но также и о ближних, в особенности о тех, которые подвержены страданиям души. Даже сам Диоген циник, когда однажды афинянин смеялся над ним в таких словах: «Почему ты, когда хвалишь лакедемонян и порицаешь афинян, не отправляешься в Спарту?», говорят, ответил так: «Врачи обыкновенно посещают больных, а не здоровых». Поэтому, если человеческая философия и сама умеет лечить болезни души и тем, которые стремятся к добродетели, не позволяет отталкивать или презирать даже только одну душу какого бы то ни было человека, но побуждает спешить, чтобы заботливо возвратить людей [на надлежащий путь] и спасти тех, которые отпали от добродетели, — как нам не сказать, что тот Бог, Который есть учитель всякой философии, Который есть поистине блаженнейший и щедрый, пришел по Своей воле сюда, где множество страданий избрало себе местопребывание, к тем, которые порабощены страданиями? Неужели мы скажем, что это не страдание души, если кто не совершает дел, которые приличны добродетели? Сам Исократ, когда немного раньше писал к жителям Абдеры, сказал, что болезнь души есть любовь к деньгам. И далее присовокупил: «Жалка жизнь людей, так как всюду проникла, подобно зимнему ветру, любовь к деньгам, которой никто не может противостоять». О, если бы все врачи собрались против этой болезни, излечили сумасбродство этого безумия и бед-

[1] Может быть: что пребываешь в покое?
[2] Или: быть бездеятельным.

ствие мучений, не говря уже о том, чтобы не провозглашали этой болезни счастьем! Я думаю, что из всех болезней души самым тяжким безумием является то, которое создает похотливые желания и пустые помышления, — если оно медиками посредством какой-либо силы очищается, душа чувствует себя хорошо. О, если бы возможно было отсечь горький корень похоти так, чтобы не было больше никакого остатка от нее, и если бы ты увидел, что люди, одновременно больные телами и душами, очищаются и просветляются! Поскольку же в этом мире на род человеческий обрушились бесчисленные бедствия, то [Бог] может быть назван блаженнейшим и щедрым в своих дарах [только] тогда, когда окажется, что при бесстрастии Своей природы по приличной Богу благости Он разделяет всем людям Свои дары. Ибо сам Платон сказал: «Зависть находится вне пределов Божественного существа».

17. Поэтому пришел, о блаженный, пришел Иисус, Который есть Царь над всем, чтобы исцелить тяжкие болезни людей, как существо блаженнейшее и щедрое в своих благах. Но сам Он, оставаясь тем, чем был, Своим бесстрастием рассеял страдания, как свет изгоняет тьму. Итак, Он пришел, поспешая пришел, чтобы сделать [людей] блаженными и исполненными благ, обратить из смертных в бессмертных, воссоздать и утвердить в блаженстве. Ему, славному Царю, слава вовеки. Аминь».

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ИППОЛИТ РИМСКИЙ

ЖИЗНЬ

В истории христианской письменности III в. св. Ипполит занимает видное место. Он автор многочисленных произведений, в том числе книг против ересей, догматических, экзегетических и хронологических трактатов, литургико-канонического памятника и даже духовной поэзии. Оригинал большинства произведений св. Ипполита утрачен — не столько из-за его христологического субординационизма и из-за длительного раскола, который он учинил в Римской Церкви, сколько по той причине, что он писал на греческом языке, а в его эпоху, тем более в последующие столетия, лишь немногие римляне владели этим языком. Однако значительная часть сочинений св. Ипполита сохранилась в латинской, сирийской, коптской, арабской, эфиопской, армянской, грузинской и славянской версиях *(Quasten J.* Patrology, p. 165—166). Христиане Древней Руси знали св. Ипполита в первую очередь как автора знаменитого «Слова о Христе и антихристе», пользовавшегося необычайной популярностью у русского читателя.

Время и место рождения св. Ипполита неизвестны. Предположительно он не был римлянином по происхождению и воспитанию: его великолепное владение греческим языком, глубокое знание античной философии и религии указывают на связь с Востоком. Патриарх Фотий говорит, что св. Ипполит называл себя учеником Иринея Лионского (Библиотека, № 121), однако вряд ли это следует понимать в буквальном смысле. Святой Ипполит — грек по языку, мысли и способу выражения; он — последний римский автор, использовавший этот язык в качестве основного. Он знаком с александрийским богословием, и его учение о Логосе обнаруживает прямую связь с аналогичным учением александрийцев.

Когда Ориген около 212 г. посетил Рим, он видел там Ипполита, который в это время уже имел сан пресвитера. По-видимому, Ипполит был близок к папе Зеферину. Когда Зеферин скончался и его место занял Каллист, Ипполит оказался в оппозиции по отношению к новому папе. Он обвинил его в недостаточной строгости к тем членам Церкви, которые запятнали себя нравственными пороками, а также в приверженности ереси Савеллия — и это несмотря на то,

что Каллист в начале своего Понтификата осудил Савеллия. Трудно сказать сейчас, насколько справедливы были обвинения Ипполита в адрес папы. По-видимому, Каллист и Ипполит по-разному понимали саму природу Церкви: «Для Ипполита Церковь есть общество святых, и святость Церкви гарантируется безусловной чистотой ее членов от плотских грехов. Согласно же Каллисту, Церковь не утрачивает своего характера "кафолической Церкви", даже когда недостойные члены остаются внутри нее» *(Hamel A.* Kirche bei Hippolit von Rom, S. 75). Существует предположение, базирующееся на упоминании об Ипполите как стороннике Новациана в «Церковной истории» Евсевия (6, 43), а также на позднейшем свидетельстве папы Дамаса, что деятельность Ипполита в Риме была связана с новацианским расколом. Во всяком случае он был, как и Новациан, противником ослабления канонической дисциплины в Церкви, ратовал за строгие прещения в адрес грешников и еретиков. Ипполит отделился от Римской Церкви и возглавил небольшую, но влиятельную группу ригористически настроенных христиан, которые провозгласили его епископом Рима. Таким образом, он стал первым в истории Римской Церкви антипапой. (Вторым антипапой стал в 251 г. Новациан — см. *Евсевий.* Церк. ист., 6, 43).

Схизма Ипполита продолжалась в течение многих лет при приемниках Каллиста Урбане (223 — 230) и Понтиане (230 — 235) до тех пор, пока император Максимин не изгнал папу Понтиана и антипапу Ипполита на остров Сардиния, где, по-видимому, и произошло примирение св. Ипполита с Понтианом. 28 сентября 235 г. Понтиан отказался от епископского престола, чтобы дать возможность христианам Рима избрать ему приемника. Ипполит также отказался от претензий на римскую кафедру. Группа сторонников Ипполита после этого воссоединилась с Римской Церковью, и объединенная община избрала епископом Антера (235 — 236). Понтиан и Ипполит вскоре приняли мученическую кончину на о. Сардиния. Их тела были перенесены в Рим при приемнике Антера папе Фабиане (236 — 250) и похоронены в один и тот же день — 13 августа 236 или 237 г. В этот день Церковь и совершает память св. Ипполита, как человека, не только искупившего грех раскола примирением с Церковью, но и засвидетельствовавшего свою веру мученической кровью. В Латеранском музее Рима сохранилась статуя св. Ипполита, датируемая III веком: он изображен сидящим с книгой в руке на стуле, на котором высечен перечень его сочинений.

ТВОРЕНИЯ

Литургико-канонические

Среди сочинений св. Ипполита ни одно не привлекло столько внимания исследователей, как «Апостольское предание», написанное им около 215 г. Заглавие этого сочинения имеется на статуе св. Ипполита, однако оно считалось утраченным до того, как в 1910 г. Е. Шварц, а в 1916 г. Р. Конноли доказали, что латинская версия «Egyptian Church Order», названного так учеными по той причине, что это сочинение стало известно вначале в эфиопском и коптском переводах, воспроизводит «Апостольское предание» св. Ипполита. Греческий оригинал сочинения св. Ипполита утрачен, за исключением нескольких фрагментов, наиболее важные из которых содержатся в 8-й главе «Апостольских постановлений», написанных в Сирии около 380 г. Так называемые «Завещание Иисуса Христа» и «Правила Ипполита» — памятники, датируемые приблизительно V веком и сохранившиеся в сирийской версии (первый), в арабской и эфиопской (второй), также основываются на «Апостольском предании» св. Ипполита.

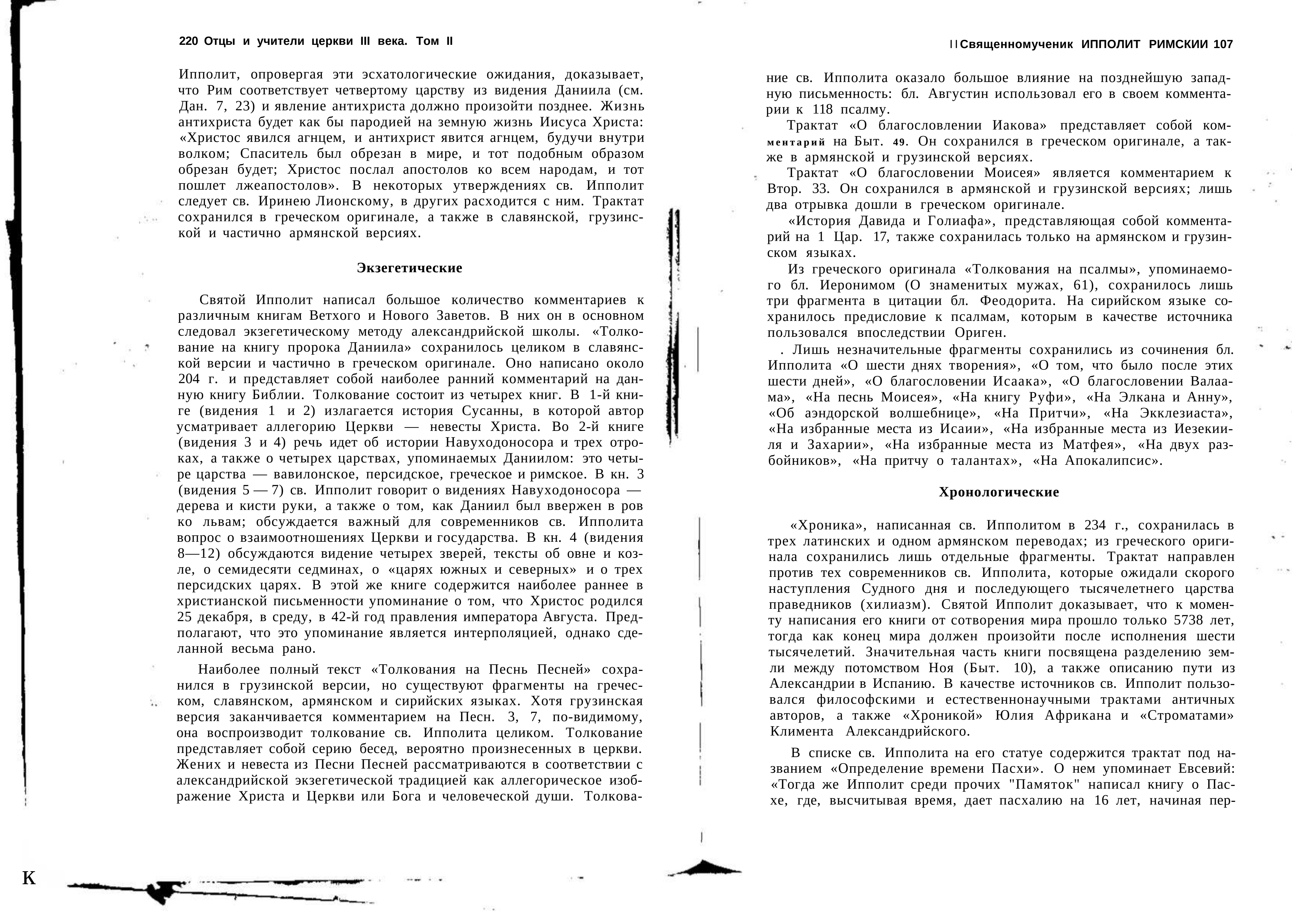
Трактат св. Ипполита является важнейшим источником сведений о литургической жизни Римской Церкви в III в. и о состоянии церковной дисциплины в этот период. В 1-й части трактата говорится об избрании и посвящении епископа, излагаются чинопоследования епископской хиротонии и Евхаристии, благословения елея, сыра и олив. Затем следуют правила и молитвы о посвящении пресвитеров и диаконов, об исповедниках, вдовах, чтецах, девах, иподиаконах, экзорцистах. Описание св. Ипполитом литургии содержит наиболее ранний их известных текстов евхаристической анафоры, имеющей неоценимое значение для литургической науки. Во 2-й части трактата св. Ипполит излагает правила относительно «лаиков» (мирян), говорит о новообращенных христианах, о запретных для христиан профессиях, описывает чинопоследования оглашения, Таинств Крещения, Миропомазания и первого Причастия. Описания этих чинопоследований опять же бесценны для литургистов, поскольку содержат полные тексты Символа веры Римской Церкви и многих употреблявшихся в ней молитв. В 3-й части трактата речь идет о воскресной литургии и агапах, о времени молитв, излагаются правила относительно погребения, утренней молитвы и оглашения новообращенных. В заключение св. Ипполит говорит о духовном чтении, молитве и крестном знамении.

Догматические и полемические

Евсевий (Церк. ист., 6, 22), бл. Иероним (О знаменитых мужах, 61), Фотий (Библиотека, № 121) и сам св. Ипполит (Философумена, 1, 20) упоминают о сочинении Ипполита под названием «Синтагма», или «Против всех ересей». Согласно патриарху Фотию, речь в произведении шла о 32 ересях вплоть до ереси Ноэта. Сочинение утрачено, однако о его содержании можно судить как по ремарке Фотия, так и по приложению к трактату «Об отводе иска еретиков» Тертуллиана и трактату «Панарион» св. Епифания Кипрского: автор приложения и св. Епифаний пользовались «Синтагмой» св. Ипполита в качестве источника. «Синтагма» принадлежит к раннему периоду творчества св. Ипполита: трактат написан при жизни папы Зефирина (199 — 217).

Наиболее существенным из полемических трудов св. Ипполита является «Обличение всех ересей», известное также под названием «Философумена». Оба названия принадлежат св. Ипполиту, но первое относится ко всем 10 книгам произведения, тогда как второе — лишь к его первым четырем книгам, в которых речь идет о греческой философии. Ни в одном из известных перечней произведений св. Ипполита, в том числе у Евсевия (Церк. ист., 6, 22), бл. Иеронима (О знаменитых мужах, 61) и на памятнике из Латеранского музея, не упоминаются эти названия. Патриарх Фотий знал это сочинение под названием «Лабиринт» (Библиотека, № 48). Книга 1 «Философумен» известна науке с 1701 г., однако долгое время она приписывалась Оригену; книги 2 и 3 утрачены; книги 4 — 10 открыты М. Миноидисом в 1942 г. в афонской греческой рукописи XIV в. Цель трактата — доказать антихристианский характер ересей путем выявления их зависимости от языческой философии. В кн. 1 излагается история античной философии от Фалеса до Гесиода; в утраченных кн. 2 — 3 речь шла, вероятно, о языческих культах и обрядах, о мифологии греков и варваров. Кн. 4 посвящена астрологии и магии. В кн. 5 —9 св. Ипполит говорит о ересях, указывая на прямую зависимость каждой из 33 гностических сект от того или иного течения в античной философии. Эти книги являются важнейшим источником по истории гностицизма, поскольку св. Ипполит цитирует гностические писания, не сохранившиеся до настоящего времени. В кн. 10 говорится о ветхозаветной истории и истинной христианской вере. Трактат написан после смерти папы Каллиста, т. е. после 222 г.

Трактат «О Христе антихристе» является самым важным сочинением на данную тему во всей патристической литературе. Он написан около 200 г. и адресован Феофилу, которого автор называет «возлюбленным братом». В первых главах трактата св. Ипполит говорит, что предметом его будет явление антихриста, его жизнь, деятельность, гонения на христиан, его конец, а также Второе Пришествие Христа, Страшный суд, оправдание праведников и осуждение грешников. Автор называет свой трактат «повестью страшной и исполненной ужаса». Многие современники св. Ипполита считали, что Римская империя есть царство антихриста, а гонение Септимия Севера является последней битвой антихриста с христианами; св.



Ипполит, опровергая эти эсхатологические ожидания, доказывает, что Рим соответствует четвертому царству из видения Даниила (см. Дан. 7, 23) и явление антихриста должно произойти позднее. Жизнь антихриста будет как бы пародией на земную жизнь Иисуса Христа: «Христос явился агнцем, и антихрист явится агнцем, будучи внутри волком; Спаситель был обрезан в мире, и тот подобным образом обрезан будет; Христос послал апостолов ко всем народам, и тот пошлет лжеапостолов». В некоторых утверждениях св. Ипполит следует св. Иринею Лионскому, в других расходится с ним. Трактат сохранился в греческом оригинале, а также в славянской, грузинской и частично армянской версиях.

Экзегетические

Святой Ипполит написал большое количество комментариев к различным книгам Ветхого и Нового Заветов. В них он в основном следовал экзегетическому методу александрийской школы. «Толкование на книгу пророка Даниила» сохранилось целиком в славянской версии и частично в греческом оригинале. Оно написано около 204 г. и представляет собой наиболее ранний комментарий на данную книгу Библии. Толкование состоит из четырех книг. В 1-й книге (видения 1 и 2) излагается история Сусанны, в которой автор усматривает аллегорию Церкви — невесты Христа. Во 2-й книге (видения 3 и 4) речь идет об истории Навуходоносора и трех отроках, а также о четырех царствах, упоминаемых Даниилом: это четыре царства — вавилонское, персидское, греческое и римское. В кн. 3 (видения 5 — 7) св. Ипполит говорит о видениях Навуходоносора — дерева и кисти руки, а также о том, как Даниил был ввержен в ров ко львам; обсуждается важный для современников св. Ипполита вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства. В кн. 4 (видения 8—12) обсуждаются видение четырех зверей, тексты об овне и козле, о семидесяти седминах, о «царях южных и северных» и о трех персидских царях. В этой же книге содержится наиболее раннее в христианской письменности упоминание о том, что Христос родился 25 декабря, в среду, в 42-й год правления императора Августа. Предполагают, что это упоминание является интерполяцией, однако сделанной весьма рано.

Наиболее полный текст «Толкования на Песнь Песней» сохранился в грузинской версии, но существуют фрагменты на греческом, славянском, армянском и сирийских языках. Хотя грузинская версия заканчивается комментарием на Песн. 3, 7, по-видимому, она воспроизводит толкование св. Ипполита целиком. Толкование представляет собой серию бесед, вероятно произнесенных в церкви. Жених и невеста из Песни Песней рассматриваются в соответствии с александрийской экзегетической традицией как аллегорическое изображение Христа и Церкви или Бога и человеческой души. Толкование св. Ипполита оказало большое влияние на позднейшую западную письменность: бл. Августин использовал его в своем комментарии к 118 псалму.

Трактат «О благословлении Иакова» представляет собой комментарий на Быт. 49. Он сохранился в греческом оригинале, а также в армянской и грузинской версиях.

Трактат «О благословении Моисея» является комментарием к Втор. 33. Он сохранился в армянской и грузинской версиях; лишь два отрывка дошли в греческом оригинале.

«История Давида и Голиафа», представляющая собой комментарий на 1 Цар. 17, также сохранилась только на армянском и грузинском языках.

Из греческого оригинала «Толкования на псалмы», упоминаемого бл. Иеронимом (О знаменитых мужах, 61), сохранилось лишь три фрагмента в цитации бл. Феодорита. На сирийском языке сохранилось предисловие к псалмам, которым в качестве источника пользовался впоследствии Ориген.

. Лишь незначительные фрагменты сохранились из сочинения бл. Ипполита «О шести днях творения», «О том, что было после этих шести дней», «О благословении Исаака», «О благословении Валаама», «На песнь Моисея», «На книгу Руфи», «На Элкана и Анну», «Об аэндорской волшебнице», «На Притчи», «На Экклезиаста», «На избранные места из Исаии», «На избранные места из Иезекииля и Захарии», «На избранные места из Матфея», «На двух разбойников», «На притчу о талантах», «На Апокалипсис».

Хронологические

«Хроника», написанная св. Ипполитом в 234 г., сохранилась в трех латинских и одном армянском переводах; из греческого оригинала сохранились лишь отдельные фрагменты. Трактат направлен против тех современников св. Ипполита, которые ожидали скорого наступления Судного дня и последующего тысячелетнего царства праведников (хилиазм). Святой Ипполит доказывает, что к моменту написания его книги от сотворения мира прошло только 5738 лет, тогда как конец мира должен произойти после исполнения шести тысячелетий. Значительная часть книги посвящена разделению земли между потомством Ноя (Быт. 10), а также описанию пути из Александрии в Испанию. В качестве источников св. Ипполит пользовался философскими и естественнонаучными трактатами античных авторов, а также «Хроникой» Юлия Африкана и «Строматами» Климента Александрийского.

В списке св. Ипполита на его статуе содержится трактат под названием «Определение времени Пасхи». О нем упоминает Евсевий: «Тогда же Ипполит среди прочих "Памяток" написал книгу о Пасхе, где, высчитывая время, дает пасхалию на 16 лет, начиная пер-

вым годом царствования императора Александра [Севера]» (Церк. ист., 6, 22). Следовательно, сочинение было написано в 222 г. Сохранились лишь отдельные фрагменты его на греческом и сирийском языках. Святой Ипполит поставил перед собой цель освободить пасхальные вычисления от влияния иудейского календаря и научно вычислить время пасхального полнолуния. Однако не позднее 237 г. вычисления св. Ипполита разошлись с астрономическими данными. Около 243 г. анонимный автор с целью откорректировать пасхалию св. Ипполита, написал трактат «Об исчислении Пасхи», ошибочно приписанный св. Киприану Карфагенскому.

Беседы

Беседа «О Пасхе», о которой упоминают древние авторы, долгое время считалась утраченной, за исключением двух фрагментов на сирийском языке и одного на латыни в Актах Латеранского Собора. Однако в 1926 г. X. Мартэн установил, что одна из бесед Златоуста «На Святую Пасху», отнесенная в издании Миня к разряду неподлинных, принадлежит св. Ипполиту. 10 лет спустя ученый подтвердил свою гипотезу, опубликовав рукопись, датируемую VIII —XI вв. и содержащую значительную часть той же беседы под именем «святого Ипполита, епископа Римского и мученика». Однако некоторые детали беседы, напечатанной у Миня под именем Златоуста, в особенности ее антиарианская христология, указывают, что в своем окончательном виде она относится к IV в. По-видимому, проповедь св. Ипполита была прототипом этой беседы, переделанной в IV в. с учетом необходимости противостоять арианам. Беседа, так же, как ее предпологаемый прототип III в., посвящена описанию Ветхозаветной Пасхи как прообраза Новозаветной, прославлению искупительного подвига Иисуса Христа, Его сошествия во ад и победы над смертью.

Сохранился фрагмент «Беседы против ереси Ноэта», представляющий собой предположительно не беседу, а заключительную часть утраченной «Синтагмы». Фрагмент направлен против монархианского и патрипассианского модализма Ноэта.

Что касается «Беседы на Богоявление», то подлинность ее подвергается сомнениям.

Утраченные беседы и догматические трактаты

Беседа «В похвалу Господу Спасителю», которую св. Ипполит, по свидетельству бл. Иеронима (О знаменитых мужах, 61), произнес в Риме в присутствии Оригена, была известна св. Софронию Иерусалимскому и Никифору Каллисту — последнему под названием «О похвале Господу нашему Иисусу Христу». В настоящее время она утрачена.

Трактат «О природе Всего», о котором св. Ипполит упоминает в «Философуменах» (10, 32), тождествен начертанному на статуе св. Ипполита заглавию: «Против эллинов и Платона, или О Всем». Согласно описанию патриарха Фотия (Библиотека, № 48), произведение состояло из двух небольших трактатов, в которых автор доказывал, что Платон противоречил сам себе, что учение Алкиноя о душе, материи и воскресении плоти ошибочно, что греки не должны гордиться древностью своего происхождения, так как иудеи в этом превосходят их. Трактат был написан до 225 г. Его текст утрачен, за исключением нескольких фрагментов в «Священных параллелях» преп. Иоанна Дамаскина.

«Сочинение Против ереси Артемона» было известно Евсевию, который цитирует из него отдельные фрагменты (Церк. ист., 5, 28), и другим древним авторам. Трактат был написан после «Философумен». За исключением цитат Евсевия, он утрачен.

Полностью утрачено «Увещание к Северину», обозначенное на статуе св. Ипполита.

Трактат «Против Маркиона», упоминаемый Евсевием (Церк. ист., 6, 22) и бл. Иеронимом (О знаменитых мужах, 61), возможно, идентичен сочинению «О благе и источнике зла», указанному в перечне сочинений св. Ипполита на его статуе, поскольку ересь Маркиона включала учение о природе добра и зла.

Трактат «О Евангелии от Иоанна и Апокалипсисе», упомянутый в списке на статуе, был направлен против ереси «алогов», отрицавших христианское учение о Логосе, и их лидера Гаия. Святой Епифаний пользовался трактатом св. Ипполита при описании «алогов» (Против ересей, 51). Отдельная работа «Против Гаия», пять фрагментов из которой сохранились у сирийского писателя Дионисия бар-Салиби (1171 г.), вероятно, идентична трактату «О Евангелии от Иоанна и Апокалипсисе».

Сочинение «О Боге и воскресении плоти», обозначенное на статуе, не сохранилось, однако его можно с достаточной степенью вероятности отождествить со «Словом против Верона и Элика о богословии и воскресении плоти», от которого дошли несколько фрагментов.

Неподлинные

Из многочисленных эпиграфов св. Ипполита наиболее известно «Слово о кончине мира, об антихристе и Втором Пришествии Господа нашего Иисуса Христа», приписанное св. Ипполиту как автору специального трактата об антихристе.

«Известия о двенадцати апостолах и семидесяти учениках Христа», а также некоторые другие сочинения, известные под именем св. Ипполита, по разным причинам признаны неподлинными.

БИБЛИОГРАФИЯ

Migne, PG. T. 1; t. 16, col. 3008—3454.

Hippolytos. Werke. — Bd.I. (G. N. Bonwetsch, H. Achelis). Leipzig, 1897; Bd. II (P. Wendland). Leipzig, 1916; Bd.III (A. Bauer, R. Helm). Leipzig, 1929.

SChr, 1.11: La Tradition apostolique (B. Botte), Paris 1946; 1.14: Commentaire sur Daniel (G. Bardy), Paris, 1947; t. 27: Homélies pascales I (P. Nautin; une homelie inspiree du trait6 sur la Paque d'Hippolyte). Paris, 1950.

Творения, русский перевод

Невоструев К. И. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе его по списку XII века с исследованием о Слове и другой мнимой беседе Ипполита о том же, с примечаниями и приложением. — М., 1868.

Ипполит, епископ Римский. Творения святого Ипполита, епископа Римского, в русском переводе. — Вып. 1—2. — Казань, 1898 — 1899.

Св. Ипполит Римский. Апостольское предание/Пер. с лат. свящ. П. Бубуруза//Богословские труды. — М., 1970. — Сб. 5. — С. 283-296.

Литература

Бубуруз Петр, священник. «Апостольское предание» св. Ипполита Римского: Предисловие//Богословские труды. — М., 1970. — Сб. 5. - С. 277-282.

Бубуруз Петр, протоиерей. «Апостольское предание» святого Ипполита Римского: (Происхождение памятника и его отношение к литургико-каноническим памятникам III — V веков//Богословские труды. - М., 1975. - Сб. 13. - С. 182-200.

Бубуруз Петр, священник. «Апостольское предание» св. Ипполита Римского как литургический памятник. — Л., 1965.

Бубуруз Петр, священник. Святой Ипполит Римский и его Apostolikh paradosis. — М., 1967.

Иванцов-Платонов А. М. Ереси и расколы первых трех веков христианства. — Ч. 1: Обозрение источников для истории древнейших сект. - М., 1877. - С. 72-232.

Иларион, иеромонах. Святой Ипполит, епископ и мученик//Творения Святых Отцов в русском переводе: Прибавления. — М., 1846. - Ч. 4. - С. 309-337.

Муравьев А. Римская Церковь с настоящими ее притязаниями на главенство перед судом св. Ипполита//Творениям Святых Отцов в русском переводе: Прибавления. — М., 1853. — Ч. 12. — С. 655-666.

Певницкий В. Ф. Святой Ипполит, епископ Римский, и дошедшие до нас памятники его проповедничества//Труды Киевской Духовной Академии. - 1885. - № 1. - С. 50-83; № 2. - С. 179-221.

Писарев Л. Святой Ипполит, епископ Римский: Очерки его жизни и литературной деятельности. — Казань, 1898.

Святой Ипполит, епископ Римский: Очерк его жизни и литературной деятельности//Творения святого Ипполита, епископа Римского. — Казань, 1898. — Вып. 1. — С. Ill—L.

Сидоров А. И. Гностицизм и философия: (Учение Василида по Ипполиту)//Религии мира: Ежегодник. — М., 1982. — С. 159 — 183.

Срезневский И. И. Разбор сочинения К. Невоструева «Слово святого Ипполита об антихристе по списку XII века»//Отчет о пятнадцатом присуждении наград графа Уварова, 25 сент. 1872 г. - СПб., 1874. - С. 140-362.

Срезневский И. И. Сказание об антихристе в славянских переводах: Разбор книги о них К. И. Невоструева: Описание рукописей и выписки из них. — Т. 1—2. — СПб., 1873—1874.

Achelis H. Die ältten Quellen des orientalischen Kirchenrechts. — Bd. 1: Die Canones Hippolyti. — Leipzig, 1891. — (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur; Bd. 6, Hfit. 4).

Achelis H. Hippolytstudien. — Leipzig, 1897. — (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur; Neue Folge; Bd. 1, Hft. 4).

Alès A. d\ La the'ologie de Saint Hippolyte. — Paris, 1906. — То же: 2. ed. — Paris, 1929.

Amann H. Hippolyte//Dictionnaire de theologie catholique. — 6. — P. 2487—2511.

Bardenhewer O. Des heiligen Hippolytus von Rom: Commentar zum Buche Daniel: Ein literärgeschitlicher Versuch. — Freiburg i.B., 1877.

Bauer A. Die Chronik des Hippolytos im Matritensis Graecus, 121. — Leipzig, 1905. — (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur; Neue Folge; Bd. 14, Hft. 1).

Bunsen Ch. C. J. von. Hippolytus and His Age; Or The Doctrine and Practice of the Church of Rome under Commodus and Alexander Severus... — V. 1—4, —London, 1852.

Bunsen Ch. C. J. von. Christianity and Mankind, their Beginnings and Prospects. — In 7 vis. — V. 1—2: Hippolytus and his Age. — London, 1854.

Connolly R. H. The So-called Egyptian Church Order and Derived Documents. — Cambridge, 1916.

Döllinger J. J. I. von. Hippolytus und Kallistus: Oder die Römische Kirche in der ersten Halfte des dritten Jahrhunderts. — Regensburg, 1853. — (In English: Edinburgh, 1876).

Elfers H. Die Kirchenordnung Hippolyts von Rom: Neue Untersuchungen, unter besonderer Beriicksichtigung des Buches van R. Lorentz: De Egyptische Kerkordening en Hippolytus von Rome. — Padeborn, 1938.

Elfe Tailor W. Hippolytus and the Christian Church of the Third Century. — London, 1853.
Festugière A. M. J. L'Ideal religieux des Grècs et l'Evangile. — Paris, 1932.
Ficker G. Studien zur Hippolytfrage. — Leipzig, 1893.
Frere W. H. The Anaphora or Great Eucharistic Prayer: An Eirenical Study in Liturgical History. — London, 1938.
HamelA. Der Kirchenbegriff Hippolyts. — Bonn, 1929.
HamelA. Kirche bei Hippolyt von Rom. — Guttersloh, 1951. — (Beitrage zur F6rderung Christlicher Theologie; Reihe 2; Bd. 49).
Hanssens J. M. La liturgie d'Hippolyte: Ses documents, son titulaire, ses origines et son caractere. — Roma, 1959.
Hennecke E. Hippolyts Schrift "Apostolische Uberlieferung uber Gnadengabe-n" / /Harnack-Ehrung: BeitrSge zur Kirchengeschichte, ihrem Lehrer Adolf von Harnack zu seinem siebzigsten Geburtstage... dargebracht von einer Reihe seiner Schiiler. — Leipzig, 1921. — S. 159—182.
LendelingE. Das Heilswerk des Logos-Christos beim hi. Hippolyt von Rom. — Roma, 1947.
LightfootJ. B. The Apostolic Fathers. — P. 1, v. 1—2: S. Clement of Rome. — 2. ed. — London, 1890.
Nautin P. Hippolyte et Josipe: Contribution *к* l'histoire de la litterature chr£tienne du troisieme siecle. — Paris, 1947.
Neumann C. J. Hippolytus von Rom in seiner Stellung zu Staat und Welt: Neue Funde und Forschungen zur Geschichte von Staat und Kirche in der romischen Kaiserzeit. — Leipzig, 1902.
Otterbein A. J. The Diaconate according to the Apostolic Tradition of Hippolytus and Derived Documents. — Washington, 1945.
RichardM. Comput et chronographie chez saint Hippolyte. — Lille, 1950.
Schwartz E. Uber die pseudoapostolischen Kirchenordnungen. — Strasbourg, 1910.
Staehelin H. Die gnostischen Quellen Hippolyts in seiner Hauptschrift gegen die HSretiker Refutatio omnium haeresium. — Leipzig, 1890. — (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur; Bd. 6, Hft. 3).
Strinopulos G. P. Hippolyts philosophische Anschauungen. — Leipzig, 1903.
ViolardE. Étude sur le «Commentaire d'Hippolyte sur le livre de Daniel». — Montb&iard, 1903.
Volkmar G. Die Quellen der Ketzergeschichte bis zum Nicanum: Kritisch Untersucht... — ZUrich, 1855.
Wordsworth C. St. Hippolytus and the Church of Rome in the Earlyier Part of the Third Century: From the newly discovered Philosophumena. — London, 1853.

О ХРИСТЕ И АНТИХРИСТЕ

I. Согласно выраженному тобою желанию до точности изучить предложенные нам тобою вопросы, я, любезный мой брат Феофил, счел за лучшее представить пред очами твоими то, к чему ты стремился, на основании самого Божественного Писания, почерпнувши из него как бы из священного источника. Это с той целью, чтобы ты не только мог получить удовлетворение, восприяв сие слухом уха, но чтобы в то же время, по мере сил исследовав саму суть дела, ты получил возможность за все прославить Бога. Да послужит тебе это от нас безопасным руководством в настоящей жизни, чтобы, постигнув на основании готовых слов все то, что для многих оказывается труднопостижимым и неудобопонятным, ты и сам мог заложить семена в глубине своего сердца, как бы в тучной и чистой почве, а при помощи их мог пристыдить и тех, которые оказываются противниками и порицателями спасительного слова. В то же время я боюсь, как бы ты не довел этого до слуха неверных и хульников, ведь от этого может быть немалая опасность; напротив, сообщи это только людям благочестивым и верным, желающим жить свято и праведно, со страхом. В самом деле, недаром и блаженный апостол увещевает Тимофея в послании: О ***Тимофее, предание сохрани, уклонялся скверных суесловий лжеименнаго разума, о нем же нецыи хвалящеся, о вере погрешигиа*** (1 Тим. 6, 20 — 21). И еще: ***Ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христе Иисусе, и яже слышал еси от мене многими свидетели, сия предаждь верным чеовеком, иже доволни будут и иных научити*** (2 Тим. 2, 1—2). Итак, если блаженный апостол с осторожностью передавал то, что не всем было доступно знать, предвидя духом, что ***не всех есть вера*** (2 Фес. 3, 2), то насколько больше подвергнемя опасности мы в том случае, если без предосторожности и при всяком случае будем передавать словеса Божии нечистым и недостойным мужам?

И. Обрати внимание на то, что блаженные пророки были очами для нас: они верою прозирали тайны Слова, которые послужили последующим поколениям; они говорили не только о том, что было, но возвестили также настоящее и будущее. А все это затем, чтобы пророк являлся пророком не только для известного одного времени, но чтобы, прорекая будущее, и для всех поколений он мог иметь в себе знамение своего пророческого служения. Эти-то [пророки] — все усовершенные пророческим духом, достойно почтенные самим Словом, соединенные между собою наподобие музыкальных органов, всегда имеющие в себе Слово в качестве ударяющего смычка, движимые [этим Словом] — и возвещали то, чего именно желал Бог. Не своею собственною силою вещали пророки — и в этом случае я, конечно, не заблуждаюсь — и не то проповедовали, чего они сами желали, но прежде всего при помощи Слова они умудрялись в правом пути, а затем при помощи видений надлежащим образом

пред научились будущему, и только потом уже, получивши полномочие, они начинали говорить то, что только им одним было открыто от Бога. Да и в самом деле, на каком ином основании пророк мог называться пророком, как не потому, что он духом предвидел будущее? Ведь если бы о чем-нибудь прошедшем стал говорить пророк, то тогда он не был бы и пророком, так как говорил бы о том, что у всех находится пред глазами; [словом], только как рассуждающий о будущем, он по справедливости и стал считаться пророком. Вот почему — и вполне основательно — еще с самого начала пророки стали называться «видящими» (1 Цар. 9, 9). Вот почему и мы, хорошо изучивши предсказанное ими, говорим уже не от своего собственного измышления и отнюдь не покушаемся делать нововведения, а только древнеизреченные слова, издавши в свет письмена их, мы предлагаем всем могущим право веровать, дабы получилась в данном случае обоюдная общая польза, которая в отношении к говорящему сводится к тому, что он через удержание в памяти получает возможность правильно излагать подлежащее [обсуждению], а в отношении к слушающему сводится к тому, что он обращает свой ум к восприятию излагаемого. Итак, когда тем и другим предлежит общий труд: для говорящего — безошибочно изложить, а для слушающего — внимательно выслушать и согласиться с тем, что говорится, — я и приглашаю тебя, Феофил, подвизаться вместе со мною в молитве к Богу,

III. Чтобы ты при моей помощи мог уяснить себе, что издревле открыло блаженным пророкам Слово Божие, [Которое] в последок дней сих Само же опять сделалось отроком (яоа[Л]) Божиим, Которое, будучи древле (тсаХш) Словом, теперь явилось в мир ради нас человеком. При помощи молитв, обращенных к Нему, ты и стремишься, конечно, достигнуть исполнения своих желаний. И действительно, Слово через всех святых показывает свое милосердие и нелицеприятие; как опытный врач, Оно поспешает и располагает Себя к тому, что нам полезно; Оно сознает людскую немощь; неразумных Оно старается научить, а заблуждающихся — обратить на свой истинный путь; для тех, которые ищут Его с верою, Оно легко обретается, а те, которые с чистыми телами и непорочным сердцем стараются усиленно стучать в дверь, Оно тотчас же отверзает ее. Никого из своих рабов Оно не отвергает, никем не гнушается как таким, который не может быть достойным Его божественных таинств; богатого не предпочитает бедному, и бедного, в свою очередь, не уничижает за его скудость, не поносит варвара, как неразумного, не отлучает и скопца, как нечеловека; не гнушается и женщины за ее преслушание, бывшее изначала; не бесчестит и мужчины за преступление, но всем оказывает милость и всех желает спасти, всех желает поставить сынами Божиими и всех святых призывает к Единому совершенному человеку. Он единый отрок (тссаЛ) Божий, через Которого и мы, сподобившись возрождения Духом Святым, все желаем достигнуть Единого совершенного и пренебесного человека.

IV. Слово Божие, будучи бестелесным, облеклось в святую плоть от Святой Девы, как жених в одежду, исткав ее Себе во время крестного страдания, чтобы, срастворив смертное наше тело Своею силою и смешав тленное с нетленным, немощное с сильным, Он мог спасти погибшего человека. Итак, собственно ткацкий станок — это страдание, которое совершилось на кресте; основа же на нем — сила Духа Святого; уток — это та святая плоть, которая была выткана в Духе; ниченки же — это благодать, [даруемая] через любовь Христа, которая скрепляет и соединяет то и другое воедино; челноки — это Слово, а трудящиеся (ткачи) — патриархи и пророки, исткавшие Христу красивый подир и совершенный хитон, проходя через которые наподобие челнока, Слово ткет через них то, чего именно желает Отец.

V. Но уже время наконец обратиться и к решению основного вопроса, ввиду того что сказанного в предисловии во славу Божию вполне достаточно. В данном случае будет вполне справедливо, если мы обратимся к самому Священному Писанию и на основании его покажем, каково и откуда будет пришествие антихриста? В какой определенный срок и время откроется беззаконник? Откуда он будет и из какой народности? Каково его имя, которое при помощи числа определяется в Писании? Каким образом он произведет в людях обольщение, собравши их от конца земли? Как воздвигнет он гонение и преследование против святых? Каким образом откроется явление Господа с небес и как весь мир будет истреблен огнем? Каково будет славное и небесное царство святых, царствующих вместе со Христом, и каково будет вечное мучение в огне нечестивых?

VI. Господь и Спаситель наш Христос Иисус, Сын Божий, за Его царское и славное достоинство предвозвещен был, как лев; подобным же образом и антихриста предуказало Писание, как льва, за его качества тирана и насильника. Да и вообще во всем обольститель желает уподобляться Сыну Божию. Лев — Христос, лев и антихрист; царь — Христос, царь — хотя земной — и антихрист. Явился Спаситель как агнец; подобным же образом и тот покажется как агнец, хотя внутри будет оставаться волком. Обрезанным пришел Спаситель в мир, подобным же образом явится и тот. Послал Господь апостолов ко всем народам, подобным же образом пошлет и он своих лжеапостолов. Собрал Спаситель своих рассеянных овец, подобным же образом соберет и тот рассеянный народ иудейский. Дал Господь печать верующим в Него, подобным же образом даст и тот. В образе человека явился Господь, в образе человека придет и он. Воскресил и показал Спаситель Свою святую плоть как храм; восстановит также и он каменный храм в Иерусалиме. Все эти обольстительные ухищрения его мы, [впрочем], покажем впоследствии, а теперь обратимся к предмету наших рассуждений.

VII. Блаженный Иаков, предвозвещая в своих благословениях

то, что касается Господа и Спасителя нашего, говорит так: ***Иудо, тебе похвалят братия твоя: руце твои на плещу враг твоих: поклонятся тебе сынове отца твоего. Скимен львов Иуда: от леторасли, сыне мой, возшел еси: возлег уснул еси яко лев, и яко скимен. Кто возбудит его? Не оскудеет князь от Иуды, и вождь от чресл его, дондеже не приидет Тот, Кому назначено: и Той будет чаяние языков. Привязуяй к лозе жребя свое, и к винничию жребца осляте своего: исперет вином одежду свою, и кровию гроздия одеяние свое. Радостотворны очи его паче вина и белы зубы паче млека*** (Быт. 49, 8-12).

VIII. Конечно, ты знаешь смысл этих слов, и мне, кажется, в данном случае следовало бы отказаться [от их выяснения]. Но так как важность их вызывает необходимость говорить, то мы не пройдем молчанием и этого. Действительно, эти слова поистине божественные и славные, могущие оказать пользу душе. В самом деле, сказав ***скимен львов,*** пророк обозначил Сына Божия, рожденного по плоти от Иуды и Давида. А выражением ***от леторасли, сыне мой, возшел еси*** он указал на плод, от Святой Девы произросший, — [тот плод] который рожден не от семени [плотского], а зачат от Духа Святого и в то же время произошел как бы от святой леторасли — земли. Исайя говорит: ***И изыдет жезл из корене Иессеова, и цвет от корене его взыдет*** (Ис. 11, 1). Этот-то названный Исайей цвет Иаков и назвал леторасолью. И действительно, сначала Слово возросло во чреве, а потом процвело в мире. Далее, выражением: ***Возлег уснул еси, яко лев и яко скимен*** — обозначено трехдневное успение Христа, подобно тому как и Исайя говорит: ***Како бысть блудница град верный, Сион полн суда? в нем же правда почиваше, ныне же [в нем] убийцы*** (Ис. 1, 21). Подобным же образом и Давид [говорит]: ***Аз уснух и спах, возстах, яко Господь заступит мя*** (Пс. 3,6) — это затем, чтобы показать в этом изречении как успение Его, так и последовавшее за тем Воскресение. Иаков дальше говорит: ***Кто возбудит его***? Т. е. праотец в данном случае говорит по примеру Павла, который выражается: ***И Богом Отцем, воскресившим Его из мертвых*** (Гал. 1,1).

IX. А словами: ***Не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл его, донеже приидет Тот, Кому назначено: и Той чаяние языков*** — указано на преемственное продолжение царского рода от Иуды до Христа, что и исполнилось. Он есть наше чаяние языков. Действительно мы ожидаем Его, грядущего с небес в силе, и уже верою прозреваем [Его].

X. ***Привязуяй к лозе жребя свое,*** т. е. народ обрезанный к званию своему. Ведь Он и Сам был лоза (Ин. 15, 1). ***И к винничию жребца осляте своего*** — это значит, что и народ языческий он привлекает к себе, как молодого жеребенка. [Словом], он призывает к единой вере как обрезание, так и необрезание.

XI. ***Исперет вином одежду свою*** — разумеет отчую благодать

Святого Духа, снисшедшую на Него при Иордане. ***И кровию гроздия одеяние свое*** — кровию какого же гроздия, как не Его святой плоти, подобно виноградной кисти выжатой на древе? Из Его ребра **исторглись** два источника: крови и воды; при посредстве их омываются и очищаются народы, которые и должны, собственно, считаться как бы одеждой Христу.

XII. ***Радостотворны очи его паче вина.*** Что же это за очи Христа, как не блаженные пророки, провидевшие духом и предвозвестившие имеющие совершиться над Ним страдания. Эти [пророки] силою Духа радовались, созерцая Христа духовными очами и получая постоянно усовершение от Самого Слова и его благодати.

XIII. А сказавши ***и белы зубы его паче млека*** — [Писание] обозначило исходящие из святых уст Христа заповеди чистые, как молоко.

XIV. Итак, Писание провозгласило Христа львом и скимном **Львовым;** подобное же сказано и об антихристе. В самом деле, Моисей так говорит: ***Дан — скимен львов, и искочит от Васана*** (Втор. 33, 22). Но, чтобы кто-нибудь не погрешил, признавши данные слова сказанными в приложении ко Христу, пусть он обратит внимание на следующее. ***Дан,*** — говорит [Писание], — ***скимен львов;*** назвавши колено, происходящее от Дана, оно сделало собственно указание на [колено], от которого имеет родиться антихрист. Таким образом, как от колена Иудина родился Христос, так и от колена Данова имеет произойти антихрист. А что это действительно так, на это отчасти указывает и Иаков: ***Да будет Дан змий, на пути седяй, угрызая пяту конску*** (Быт. 49, 17). Итак, какой же это змий, как не обольститель искони, о котором говорится еще в книге Бытия и который обольстил Еву и запнул Адама? Но так как это положение нужно доказать еще многочисленными свидетельствами, то мы не будем отказываться и от этого.

XV. Что действительно из колена Данова имеет родиться и восстать тиран, царь, судья ужасный, сын диавола, пророк так свидетельствует: ***Дан судити имать люди своя, яко и едино племя во Исраили*** (Быт. 49, 16). Правда, кто-нибудь возразит: это сказано о Сампсоне, который родился от колена Данова и судил народ двадцать лет. Но на Сампсоне это сбылось только отчасти, вполне же исполнится на антихристе. Ведь и Иеремия говорит подобным же образом: «От Дана мы услышим стремительность быстроты коней его, от гласа ржания коней его потрясеся вся земля» (Иер. 8, 16). Еще и другой пророк говорит: «Соберет всю силу свою от востока солнца до запада; как те, которых звал он, так и те, которых не звал, [одинаково] пойдут вместе с ним; он сделает белым море от [множества] парусов его кораблей и сделает черным поле от [множества] огромных щитов и панцирей; и всякий, кто только встретит-

ся с ним на брани, падет мечом»[1]. А что все это сказано не о ком-либо ином, а именно о том тиране — бесстыдном и богопротивном, — мы покажем далее.

XVI. В самом деле, Исайя говорит так: ***И будет, егда скончает Господь вся творя в горе Сиони и во Иерусалиме, наведет на ум великий и на князя Ассирийского, и на высоту славы очию его. Рече бо: крепостию [руки моея] сотворю, и премудростию разума отъиму пределы языков, и силу их пленю, и сотрясу грады населенныя, и вселенную всю обыму рукою моею яко гнездо, и яко оставленая яйца возму: и несть иже убежит мене, или противу мне речет... и не тако. Но послет Господь Адонаи на твою честь безчестие, и на твою славу огнь горя возгорится, и будет свет Исраилев во огнь, и освятит его огнем горящим, и пояст яко сено вещество*** (Ис. 10, 12-17).

XVII. И снова в другом месте говорит: ***Како преста истязуяй и како преста понуждаяй? Сокруши Бог ярем князей, поразив язык яростию, язвою неисцельною, поражаяй язык язвою ярости, еюже не пощаде; почи уповающи. Вся земля вопиет с веселием, и древа Ливанова возвеселишася о тебе, и кедр Ливанский, отнележе ты уснул еси, не взыде посекаяй нас. Ад доле огорчися, срет тя; восгпаша с тобою еси исполини, обладавший землею, подвизавшии от престолов своих всех царей языческих. Вси отвещают, и рекут тебе: и ты пленен еси, якоже и мы; и в нас вменен еси. Сниде слава твоя во ад, многое веселие твое: под тобою постелют гнилость, и покров твой червь. Како спаде с небесе денница восходящая заутра? сокрушися на земли посылаяй ко всем языком. Ты же рекл еси во уме твоем: на небо взыду; выше звезд небесных поставлю престол мой; сяду на горе высоце, на горах высоких, яже к северу; взыду выше облак, буду подобен Вышнему. Ныне же во ад снидеши, и во основания земли. Видевшии тя удивятся о тебе, и рекут: сей человек раздражаяй землю, потрясаяй цари, положивый вселенную всю пусту, и грады ея рассыпа, плененых не разреши. Вси царие языков успоша в чести, человек в дому своем; ты же повержен будеши в юрах, яко мертвец мерзкий со многими мертвецы иссеченными мечем, сходящими во ад. Якоже риза в крови намочена не будет чиста, такожде и ты не будеши чист; зане землю мою погубил еси и люди моя избил еси: не пребудеши в вечное время, семя злое. Уготови чада твоя на убиение грехами отца твоего, да не востанут, и наследят землю*** (Ис. 14, 4—21).

XVIII. Подобным же образом Иезекииль говорит о нем так: ***Сия глаголет Господь Бог: понеже вознесеся сердце твое, и рекл еси, аз есмь Бог, в селение Божие вселихся в сердце морстем, ты же человек еси, а не Бог, и положил еси сердце твое яко сердце Божие, еда премудрее ты еси Даниила? Премудрии не наказаша тебе хитростью своею. Еда хитростию твоею или смыслом твоим сотворил еси себе силу, и сребро и злато в сокровищах твоих? Или во множестве хитрости твоей, и в купли твоей умножил еси силу твою? Вознесеся сердце твое в силе твоей. Того ради, сия глаголет Господь Бог: понеже дал еси сердце свое, яко сердце Божие, вместо сего се аз наведу на тя чуждыя губители от язык, и извлекут мечи своя на тя, и на доброту хитрости твоея, и постелют доброту твою в погубление. И сведут тя, и умреши смертию язвеных в сердце морстем. Еда речеши глаголя пред убивающими тя: Бог есмь аз? Ты же человек еси, а не Бог. Во множестве необрезаных умреши в руках чуждих: яко аз рекох, глаголет Господь*** (Иез. 28, 2-10).

[1] Такого текста в Синодальном издании Библии не обнаружено.

XIX. Итак, мы указали эти изречения. Посмотрим [теперь], в частности, что говорит Даниил в видениях. Говоря раздельно — вслед за видениями — об имеющих быть царствах, он показал в приложении к последним временам, как явление антихриста, так и конец всего мира. Объясняя видение Навуходоносора, он так говорит: ***Ты, царю, видел еси: и се образ велик, стоящ пред лицем твоим, егоже глава от злата чиста, руце и перси и мышцы его сребряны, чрево и стегна медяны, голени железны, нозе — часть убо некая железна, и часть некая скуделна. Видел еси дондеже отторжеся камень без рук, и удари образ в нозе железни, и скуделны, и истни их до конца. Тогда сотрошася вкупе скудель, железо, медь, сребро и злато: и бысть яко прах от гумна летня: и взят я премногий ветр, и место не обретеся им, камень же поразивый образ бысть гора велика, и наполни всю землю*** (Дан. 2, 31-35).

XX. Присоединивши к этому и видения Даниила, мы представим одно общее толкование их обоих с целью показать, как они между собой согласны и истинны. Он говорит так: ***Аз Даниил видех, и се четыре звери велицыи исхождаху из моря, различни между собою, первый аки львица, криле же его аки орли: зрях дондеже исторжена быша крила его: и воздвижеся от земли, и на ногу человечу ста, и сердце человече дадеся ему. И се зверь вторый подобен медведице, и на стране единой ста, и три ребра во устех его. Видех, и се зверь ин аки рысь: тому же крила четыре птичие над ним, и четыре главы зверю. Созади сего видех, и се зверь четвертый страшен и ужасен, и крепок излиха, зубы же его железни, и когти его медяни, ядый, и истончевая, останки же ногами своими попираше, тойже различался излиха паче всех зверей прежних: рогов десять дадеся ему. Рассмотрях в розех его, и се рог другий мал взыде среде их, и трие рози преднии его исторгнушася от лица его: и се очи, аки очи человечи в розе том, и уста глаголюща великая.***

XXI. ***Зрях, дондеже престоли поставишася, и Ветхий денми седе, и одежда его аки снег бела, и власы главы его аки волна чиста, престол его пламень огненный, колеса его огнь палящь. Река***

огненная течаше пред ним: тысяща тысящ служаху ему, и тмы тем предстояху ему: судище седе, и книги отверзошася. Видех тогда от гласа словес великих, яже рог оный глаголаше, дондеже убися зверь, и погибе, и тело его дадеся в сожжение огненное. И прочих зверей преставися власть.

XXII. ***Видех во сне нощию, и се на облацех небесных, яко Сын человечь идый бягие, и даже до Ветхаго денми дойде, и пред него приведеся. И тому дадеся власть, и честь, и царство, и еси люди, племена, и языцы тому поработают: власть его, власть вечная, ЯЖ6 не прейдет, и царство его неразсыплется*** (Дан. 7, 2 — 14).

XXIII. Так как все это, сказанное в таинственном смысле, некоторым кажется непонятным, то мы ввиду этого ничего из указанного не скроем от тех, которые в деле познания имеют здравый ум. Сказавши о львице, выходящей из моря, он обозначил царство Вавилонское, существовавшее в мире; это же царство обозначает также и золотая голова истукана. А словами ***криле ея аки орли*** [он указал] на то, что возвысился царь Вавилонский и возгордился пред Богом. Когда же говорит: ***криле ея были исторжены,*** он обозначает, что отнята была у него слава. И действительно, он был изгнан из своего царства. Слова: ***сердце человече дадеся ему и на ногу человечу ста*** — обозначают, что он раскаялся, познавши, что он есть [простой] человек, и воздал славу Богу.

XXIV. После же львицы видит второго зверя, подобного медведице, — это того [зверя], которым были персы. И действительно, после вавилонян возобладали персы. А словами: ***три ребра во устех его —*** он указал на три народа: персов, мидян и вавилонян; на них же указывет и то серебро в истукане, которое [упоминается] после золота. Затем третий ***зверь — рысь,*** этим [зверем] и были греки. В самом деле, после персов возобладал Александр Македонский, низвергнувший Дария; он-то и есть та медь, которая показана в истукане. А сказавши: ***крила четыре птичия и четыре главы зверю,*** он весьма ясно показал, каким образом разделилось на четыре части царство Александра, ведь, сказавши о четырех главах, он именно разумел четырех царей, восставших из него. Александр же при смерти действительно разделил свое царство на четыре части.

XXV. Затем, — говорит, — ***зверь четвертый страшен и ужасен, зубы его железни и когти его медяни.*** Кто же этот [зверь], как не римляне — именно те, которые и есть железо, — это и до сих пор стоящее царство? В самом деле, и ***голени его*** — как сказано — ***железни.*** После этого, возлюбленный, остаются уже только ступни ног истукана, одна часть которых состоит из железа, а другая — из глины, притом так, что та и другая перемешаны друг с другом. Через пальцы ног Даниил таинственно показал десять царей, имеющих восстать из него. О них именно он и говорит: ***Рассмотрях зверя, и се десять рогов созади его, в нихже взыдет другий малый рог,*** как отрасль, ***и три рози предннии его исторгнет*** (Дан. 7, 7 — 8). Под

этим же [рогом], в свою очередь, показан не кто-либо иной, как именно антихрист восстающий, который и восстановит царство Иудейское. Когда же [пророк] говорит, что им будут исторгнуты три рога, то ясно указывает на трех царей: египетского, ливийского и эфиопского, которые будут убиты им в состязании военном. Он-то, одолевши всех, сам будучи страшным жестоким тираном, и воздвигнет скорбь и гонение на святых, над которыми он вознесется. В самом деле, Даниил говорит: ***Зрях в розе, и се рог той творяше брань со святыми, и укрепися на них, дондеже убися зверь и погибе, и тело его дадеся в сожжение огненное*** (Дан. 7, 21; 11).

XXVI. При этих обстоятельствах и придет наконец Камень, поразивший истукана, и сокрушивший его, и низложивший всех царей, и давший царство Вышнего святым. Он-то и есть Тот, Кто сделался горою великой и наполнил всю землю. О Нем именно и говорит Даниил [в словах]: ***Видех во сне нощию, и се на облацех небесных, яко Сын человечь идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде. И Тому дадеся власть, и честь, и царство, и еси людие, племена и языцы Тому поработают: власть Его — власть вечная, яже не прейдет, и царство его не разсыплется*** (Дан. 7, 13 — 14). [Пророк] показал всю власть, данную Отцом Сыну, Который был объявлен ***Царем небесных, земных и преисподних*** (Фил. 2, 10), и Судиею всех: ***небесных*** — потому, что Слово родилось из существа Отца прежде всего; ***земных*** — потому, что Он сделался также и человеком среди людей, преобразуя Собою Адама; ***преисподних,*** наконец, потому, что Он и к мертвым был сопричтен, благовествуя душам святых и побеждая смерть [Своею] смертью.

XXVII. Впрочем, только тогда, когда сбудется все то, что и десять пальцев истукана превратятся в демократические царства (ei£ бгщохротаС,) и десять рогов зверя разделятся на десять царств, мы будем иметь возможность видеть более ясным образом все предложенное, а также и размышлять об этом с достаточной очевидностию.

XXVIII. [Итак], золотой главой истукана, а также львицей были вавилоняне; плечами и мышцами серебряными, а также медведицей — персы и мидяне; чревом и стегнами медными и в то же время рысью — греки, получившие силу со времен Александра; голенями железными и зверем страшным и ужасным являются римляне, властвующие и до сих пор. Ступни же ног из глины и железа, а также десять рогов — это [царства], имеющие возникнуть в будущем. Рог, совершенно отдельный, малый, возрастающий, — это антихрист, [возникающий] среди них. Камень, поражающий и ниспровергающий истукана, наполняющий землю, — это Христос, грядущий с небес и несущий суд миру.

XXIX. Все это, любезный, я сообщаю тебе не без опасения, хотя и с добрым намерением по преизбыточествующей любви Христовой. В самом деле, если до нас блаженные пророки знали об этих [вещах] и в то же время не желали открыто возвещать о них, чтобы не

возбудить смущения в душах людей, и только прикровенно в притчах и загадках рассуждали о них, говоря так: ***Зде ум, иже имать мудрость*** (Откр. 17, 9), то насколько больше можем подвергнуться опасности мы, осмелившись говорить явно о том, что теми было сказано втайне? Но посмотрим дальше, что же должно случиться с этой нечистой блудницей, какому и сколь великому частному мучению еще прежде [всеобщего] суда она имеет подвергнуться в силу гнева Божия?

XXX. Прииди же, блаженный Исайя, восстань и скажи ясно, что ты предрек о городе — великом Вавилоне? Ведь ты же сказал относительно Иерусалима — и исполнилось, а сказал ты в данном случае ясно [вот что]: ***Да будет земля ваша пуста, гради ваши огнем пожжени, страну вашу пред вами чуждии поядают и опусте низвращена от людей чуждих. Оставится дщерь Сионя, яко куща в винограде, и яко овощное хранилище в вертограде, яко град воюемый*** (Ис. 1, 7—8). Итак, что же? Разве все это уже не совершилось? Разве не исполнилось все сказанное тобою? Разве не опустошена Иудейская земля их? Разве не сожжено святилище, не разрушены стены и не разорены города? Разве страну не поедают чужие? Разве землей их не владеют римляне? Да и тебя [самого] беззаконники по ненависти распилили, равно как и Христа распяли. Впрочем, ты умер в мире, но продолжаешь еще жить во Христе.

XXXI. Итак, кого же из вас возлюблю более всего, как не тебя? Но ведь и Иеремия побивается камнями. Итак, Иеремию больше? Но и Даниил дает свидетельство. Следовательно, тебя, Даниил, я должен восхвалить предпочтительно пред всеми? Но ведь и Иоанн не лжет. Какими же, следовательно, устами и языком я буду прославлять вас, больше же всего то Слово, Которое говорило в вас? Правда, вы умерли вместе со Христом, но будете жить в Боге (Рим. 6, 8). Услышьте же и возрадуйтесь. Все то, что вы изрекли, — все это в определенные сроки исполнилось. Вы узнали это наперед и затем возвестили всем поколениям изречения Божии; вы послужили, таким образом, всем родам. Вы открыто были объявлены пророками, чтобы всем могли доставить спасение. В самом деле, тогда именно пророк и бывает в действительности пророком, когда он, наперед возвестивши будущее, впоследствии докажет его исполнение. Все вы были учениками доброго Учителя. Вот почему я по достоинству и обращаюсь к вам, как к живым [свидетелям]. Тем более что вы имеете уже венец жизни и нетления, определенный вам на небесах (Тим. 4, 8).

XXXII. Скажи же мне, блаженный Даниил, доставь мне уверенность — взываю к тебе. Ты пророчествуешь о львице в Вавилоне — [в том Вавилоне], в котором ты был пленником. Ты рассказываешь также о медведице: действительно, ты был тогда еще в мире и видел, что произошло [с ней]. Затем ты говоришь мне о рыси — и откуда тебе об этом знать? Ведь ты тогда уже почил. И кто тебя

научил этому, как не Тот, Кто образовал тебя во чреве матери (Ис. 44, 4), т. е. Слово Божие? Действительно, ты сказал и не солгал. Ведь рысь восстала, пришел козел, поразил овна, сокрушил его рога и попрал его ногами, усилился, возвысился. А при падении его восстали четыре рога под ним. Возрадуйся, блаженный Даниил, — ты не впал в заблуждение: исполнилось и это все.

XXXIII. После этого снова разъясни мне [следующее изречение]: ***Зверь четвертый страшен и ужасен: зубы его железни, и когти его медяни, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше*** (Дан. 7, 7). И вот как раз в настоящее время властвует «железо»: вот оно смиряет и истончевает все; вот оно подчиняет всех, даже вопреки их желаниям. И мы видим все это и прославляем Бога, наученные тобой.

XXXIV. Но так как у нас было намерение сказать о блуднице, то и ты прииди, блаженный Исайя, мы посмотрим, что ты говоришь о Вавилоне: ***Сниди, сяди на земли, дево дщи Вавилоня, сяди дщи Халдейска, яко не приложиши к сему прозыватися мягка и юна. Возми жерновы, мели муку, открый покрывало твое, открый седины твои, возсучи голени, прейди реки, открыется студ твой, явятся укоризны твоя: праведное от тебе возму, ктому не предам тебя человеком. [Рече] избавивый тя Господь Саваоф, имя Ему — Святый Израилев. Сяди умилена, вниди во тму, дщи Халдейска, к сему прозовешися, крепость царства.***

XXXV. ***Разгневахся на люди моя, осквернила еси наследие мое: аз вдах я в руку твою, ты же не дала им милости, старчий ярем отягчила еси зело, и рекла еси: в век буду владычица, не помыслила еси сих в сердцы твоем, ниже помянула еси последних. Ныне же слыши си юная, сидящая, уповающая, глаголющая в сердцы своем: аз есмь, и несть иныя, не сяду вдовою, и не познаю сиротства. Ныне же приидут на тя два сия в един день, безчадие и вдовство внезапу приидет на тя, в волшебстве твоем, и в крепости волхвов твоих зело, в надеянии злобы твоея: ты бо рекла еси: аз есмь, и несть иныя. И блужение твое будет тебе срам, яко рекла еси сердцем своим: аз есмь. И приидет на тя пагуба, и не возможеши чиста быти: и приидет на тя внезапу [пагуба], и не у веси. Стани ныне с волхвы твоими, и со многими чары твоими, имже научилася еси из юности твоея, аще возмогут ти помощи. Утрудилася еси в советех твоих: да станут, и спасут тя звездочетцы небесе, смотрящий звед, да возвестят ти, что имать на тя приити. Се вси яко хврастие огнем погорят, не изъимут души своея из пламене, понеже имаши углие огненое, сяди на них, сии будут тебе помощь: трудилася еси в преложении от юности, человек сам в себе прельстися, тебе же не будет спасения*** (Ис. 47, 1 — 15). Вот что предсказывает Исайя. Посмотрим, не подобное ли тому провозглашал также и Иоанн.

XXXVI. В самом деле, он был на острове Патмос и видел откро-

вение страшных тайн, которые он излагает подробно и научает ими других. Скажи же мне, блаженный Иоанн, апостол и ученик Господень, что ты видел и что слышал о Вавилоне. Воспряни и скажи, тем более что и тебя сослал в ссылку он же. ***И прииде един от седми*** *Ангел имущих седмь фиал, и глагола со мною, глаголя: прииди, да покажу ти суд любодейцы великия, седящия на водах многих; с неюже любодеяша цари земстии, и упишася живущии на земли от вина любодеяния ея. И веде мя в пусто место духом: и видех жену седящу на звери червлене, исполненем имен [хульных], иже имеяше глав седмь и рогов десять. И жена бе облечена в порфиру и червленицу, и позлащена златом и камением драгим и бисером, имущи чашу злату в руце своей полну мерзости и скверн любодеяния земли. И на челе ея написано имя: тайна, Вавилон великий, мати любодейцам и мерзостем земским.*

XXXVII. *И видех жену пияну кровми святых и кровми свидетелей Иисусовых, и дивихся, видев ю, дивом великим. И рече ми Ангел: что дивишися? Аз ти реку тайну жены [сея] и зверя носящаго ю, седмь глав имуща и рогов десять. Зверь, егоже видел еси, бе, и несть, и имать взыти от бездны, и в пагубу пойдет и удивятся живущии на земли, имже имена не написана суть в книгу животную от сложения мира, видяще зверя, яко бе, и несть, и преста.*

XXXVIII. *Зде ум, иже имать мудрость. Седмь глав, горы суть седмь, идеже жена седит на них. И царие седмь суть: пять их пало, и един есть, а другий еще не прииде: и егда приидет, мало ему подобает пребыти. И зверь, иже бе и несть, и той осмый есть, и от седмих есть, и в пагубу идет. И десять рогов, яже видел еси, десять царей суть, иже царства еще не прияша, но область яко цари на един час приимут со зверем. [Сии] едину волю имут, и силу и область свою зверю дадут: сии со Агнцем брань сотворят, и Агнец победит я, яко Господь господем есть и Царь царем: и сущии с ним звании и избрании и верни.*

XXXIX. *И глагола ми: воды, яже еси видел, идеже любодейца седит, людие и народи суть, и племена и языцы. И десять рогов, яже видел еси, и зверь — сии любодейцу возненавидят, и запустевшу сотворят ю, и нагу, и плоть ея снедят, и сожгут ю огнем. Бог бо дал есть в сердца их, сотворити волю его, и сотворите едину волю, и дати царство свое зверю, дондеже скончаются глаголы Божия. И жена, юже видел еси, град есть великий, иже имать царство над цари земными.*

XL. *По сих видех ина Ангела, сходяща с небесе, имуща область велию, и земля просветися от славы его, и возопи в крепости, гласом велиим, глаголя: паде Вавилон великий, и бысть жилище бесом и хранитель всякому духу нечисту и ненавидиму и хранилище всякого зверя нечистого и ненавидимого, яко от духа вина блудодеяния своего напои вся языки: и царие земстии с нею любы деяша, и купцы земстии от силы пищи ея разбогатеша. И слышах глас ин с небесе, глаголющ: изыдите из нея людие мои, да не причаститеся грехом ея, и от язв ея да не вредитеся: яко прилепишася греси ея даже до небесе, и помяну Бог неправды ея.*

XLI. *Воздадите ей, яко и та воздаде вам, и усугубите ей сугубо по делом ея; чашею, еюже черпа [вам], черплите ей сугубо; елико прославися и насладися, толико дадите ей мук и рыданий: яко в сердце своем глаголет: яко сежу царицею, и вдова несмь, и рыдания не имам видети. Сего ради во един день приидут язвы ей, смерть и плачь и глад: и огнем сожжена будет, яко крепок Господь Бог, судяй ей. И возрыдают и восплачутся ея цари земстии, любы деявшии с нею и наслаждавшиеся, егда узрят дым запаления ея, издалеча стояще за страх мук ея, глаголюще: горе, горе, град великий Вавилон, град крепкий яко во един час прииде суд твой. И купцы земстии возрыдают и восплачутся о нем, яко бремен их никтоже купует ктому: бремен злата и сребра, и камения драгаго и бисера, и висса и порфиры, и шелка и червени, и всякаго древа фиинна, и всякаго сосуда из кости слоновыя, и всякаго сосуда от древа честнаго, и медяна, и железна, и мраморна, и корицы, и фимиама, и мира и Ливана, и вина и елея, и семидала и пшеницы, и скота и овец, и коней и колесниц, и телес и душ человеческих. И овощи похотей души твоея отыдоша от тебе, и вся тучная и светлая отыдоша от тебе, ктому не имаши обрести их. Купцы твои, обогащшеся от нея, издалеча станут за страх мучения ея, рыдающе и плачущеся, и глаголюще: горе, горе, град великий, облеченный виссом и порфирою и червленицею, и позлащенный златом и камением драгим и бисером, яко во един час погибе толико богатство. И весь в кораблех [народ], и корабельницы, и елицы в мори делают, издалеча сташа, и вопияху, видяще дым раждежения его, глаголюще: кий подобен граду великому? Иположиша персть на главах своих, и возопиша плачущеся и рыдающе, глаголюще: горе, горе, град великий, в немже обогатишася еси имущии корабли в мори от чести его, яко единем часом запусте.*

XLII. *Веселися о сем небо, и святии апостоли и пророцы, яко суди Бог суд ваш от него. И взят един Ангел крепок камень велик яко жернов, и верже в море, глаголя: тако стремлением ввержен будет Вавилон град великий, и не имать обрестися ктому, и глас гудец и мусикий, и пискателей и труб не имать слышатися ктому в тебе, и всяк хитрец всякия хитрости не обрящется ктому в тебе, и шум жерновный не будет слышан в тебе, и свет светильника не имать светити в тебе ктому, и глас жениха и глас невесты не имать слышан быти в тебе ктому: яко купцы твои беша велможи земстии яко волхowании твоими прелщени быша еси языцы. И в нем кровь пророческа и святых обретеся, и всех избиенных на земли* (Откр. 17, 1 — 18, 24).

XLIII. Итак, в этих словах с замечательною ясностью показаны

те мучения и тот частный суд, которым в последние времена должен будет подвергнуться Вавилон со стороны имеющих восстать тогда тиранов. Надлежит нам по тщательном исследовании определить также и время, в какой именно определенный срок все это должно совершиться и когда рог малый возрастет среди тиранов? А так как голени железные, которые еще и теперь пользуются властью, должны уступить место ступням ног и пальцам, как это и выходит согласно с выяснением истукана и показанием страшного зверя, что и было уже указано выше, то, [спрашивается], в какое же именно время железо и глина смешаются вместе? Все это, подлежащее обсуждению, и покажет нам Даниил. Он говорит в данном случае: ***И утвердит завет мнозем седмина едина.*** И ***будет в пол же седмины: отымется моя жертва и возлияние*** (Дан. 9, 27). Упомянувши о «единой» только седмице, он обозначил, конечно, ту последнюю, которая имеет быть в последние времена при кончине всего мира. Половину этой седмицы и займут два пророка: Енох и Илия. Они, одетые во вретища, будут проповедовать в продолжение тысячи двухсот шестидесяти дней, возвещая покаяние народу и всем язычникам.

XLIV. В Писании показаны два явления [тройской] Господа и Спасителя нашего: одно — первое, которое было по плоти бесчестным [атщо^Л] по причине уничижения Его, как провозглашал еще Исайя в словах: ***И видехом Его, и не имяше вида, ни доброты, но вид Его безчестен и умален паче всех человек: человек в язве сый, и ведый терпети болезнь, безчестен быть, и не вменися*** (Ис. 53, 2 — 3), а другое Его явление было показано славным, когда Он придет с небес с силою ангелов и славою Отчею, как говорит [один] пророк: ***Царя со славою узрите*** (Ис. 33, 17), а также [и другой]: ***Видех на облацех небесных, яко Сын человечь идый бяше, и даже до Ветхаго денми дойде, и пред него приведеся. И тому дадеся власть и честь, и слава, и царство, и вси людие, племена и языцы Тому поработают: царство Его — царство вечное,*** которое ***не разсыплется*** (Дан. 7, 13—14). Сообразно с этими двумя явлениями показаны также и два предтечи. Из них был первым Иоанн, сын Захарии, во всем сделавшийся предтечей и вестником Спасителя нашего: он благовег твовал всем о небесном Свете, явившемся в мире; он предшествовал [Ему] даже в утробе матери, будучи первым зачат Елизаветой, чтобы иметь таким образом возможность показать даже младенцам, находящимся еще в утробе матери, грядущее к ним новое рождение от Духа Святого и Девы.

XLV. Он, услышав целование Мариино, взыграл во чреве матери, радуясь тому, что узрел зачатого во чреве Бога — Слова (Лк. 1, 41 —44). Затем, проповедуя в пустыне, он явился для народа вестником крещения, покаяния и предуказал спасение язычникам, проводящим жизнь в пустыне мира. После этого на Иордане он самолично свидетельствует и указывает на Спасителя Израиля, говоря: ***Се Агнец Божий, вземляй грехи мира*** (Ин. 1, 29). Он же, потерпев

смерть от Ирода, первый возвестил и тем, которые находились в аду) — он и там сделался предтечей, знаменуя, что **и** туда имеет **сойти** Спаситель, чтобы избавить души святых от руки смерти.

XLVI. Атак как, собственно, Спаситель был ***начатком*** воскресения всех людей, то и должно было, чтобы Господь, через Которого **совершится** также **и** суд всему миру, один только воскрес из мертвых, чтобы достойно подвизавшиеся и увенчаны были по достоинству Им же — этим добрым подвигоположником, Который, собственно, первый одолел [предлежавшее Ему] поприще, вознесся на небеса и воссел одесную Бога и Отца и потом при кончине мира **снова** явится в качестве Судии. Необходимо дблжно, чтобы предтечи Его [ив данном случае] явились первыми, как об этом [сам **Господь]** говорит через Малахию — ангела: ***Аз послю вам Илию фесвитянина, прежде пришествия дне Господня великаго и*** прежде, чем ***явится*** Тот, Который ***обратит сердца отцем на чада и противныя в мудрости праведных, да не пришед поражу землю в конец*** (Мал. 4, 5 — 6; Лк. 1, 17). Они-то, явившись вместе, и будут возвещать будущее явление Христа с небес; они же сотворят также и знамения **и** чудеса, чтобы хотя этим путем тронуть и обратить людей к раскаянию ввиду усилившегося бесчестия и беззакония их.

XLVII. Иоанн говорит: ***И дам обема свидетелема моима, и прорицати будут дний тысящу двесте шестьдесят, оболчена во вретище,*** т. е. половину седмицы, о которой сказал Даниил. ***Сии суть две маслицы и два свещника пред Господом земли стояща: и иже им неправду сотворит, огнь исходит из уст их, и поядает враги их; и иже хощет обидети их, таким образом сему подобает убиену быти. И сии имут власть затворити небо, да не снидет дождь на землю во дни прорицания их, и власть имут на водах, обращати я в кровь и поразити землю всякою язвою, елижды аще восхощут. И егда скончают течение свое и свидетельство свое,*** — заметь, что именно говорит пророк: ***зверь, иже исходит от бездны, сотворит с ними брань и победит их и убиет я*** (Откр. 11, 3 — 7) за то, что они не пожелают воздать славу антихристу, т. е. этому возросшему малому рогу, который, окончательно возгордившись в сердце, начнет себя возносить, и прославлять как бы бога, и преследовать святых, а также хулить Христа. И все это по слову Даниила: ***Я смотрел на рог, и вот глаза наподобие человеческих — в роге том и уста, глаголющия великое, и отверз уста свои на хулу против Бога и рог тот начал вести войну со святыми и имел силу над ними до тех пор, пока не был убит и не погиб зверь и тело его не было отдано на сожжение огню*** (Дан. 7, 8—11; 20 — 21).

XLVIII. Так как надлежит более или менее подробно обсудить относительно его также и то, каким образом Святой Дух при помощи числа таинственно показал даже имя его, то мы в данном случае и обратимся к более обстоятельному обсуждению всего, касающегося данного вопроса. Иоанн так говорит: ***И видех инаго зверя, восхо-***

Й

дящаго от земли, и имеяше рога два, подобна агнчым, и глаголаше яко змий. И власть перваго зверя всю творяше пред ним, и творяше землю и вся живущыя на ней поклонитися первому зверю, ему же исцелена бысть язва смертная. И сотвори чудеса велика, да и огнь сотворит сходити с небесе на землю пред человека, и льстит живущыя на земли ради знамений, яже дана быша ему пред зверем творити, глаголя живущым на земли сотворити образ зверю, иже имать язву оружную, и жив бысть. И дано бысть ему дати дух образу зверину, да проглаголет икона зверина, и сотворит, да иже аще не поклонятся образу звериному, убиена будут. И сотворит вся малыя и великия, богатыя и убогия, свободныя и работныя, да даст им начертание на десней руце их или на челах их, да никтоже возможет ни купити, ни продати, токмо кто имать начертание, имя зверя или число имене его. Зде мудрость есть. Иже имать ум, да почтет число зверино: число бо человеческо есть, и число его — шесть сот шестьдесят шесть (Откр. 13, 11 — 18).

XLIX. В данном случае ***зверем, восходящим от земли,*** он называет имеющее быть царство антихриста, а под ***двумя рогами*** [разумеет] как его самого, так и лжепророка, имеющего явиться вместе с ним. Слова ***роги его подобии агнчым*** [означают], что он желает уподобиться Сыну Божию и самого себя показывает царем. Слова ***глаголаше яко змий*** указывают на то, что он — обольститель и истины нет в нем. А выражение: ***И власть перваго зверя всю творяше, и творит землю и вся живущыя на ней, да поклонятся первому зверю, ему же исцелена бысть язва смертная*** — обозначает то, что он, таким образом, согласно с законом Августа, от [времен] которого, собственно, утвердилось и царство римское, будет самолично отдавать приказания и, господствуя над всем, установит порядок — и все это с тою целью, чтобы этим путем снискать себе еще бóльшую славу. Вот этот-то и есть зверь четвертый, голова которого была поражена и потом снова излечена. Вот он-то, несмотря на то что [царство римское] будет разрушено, обесславлено и разделится на десять кОрон, будучи одарен особою хитростию, как бы снова уврачует его и возобновит. Этот, собственно, смысл хотел выразить и пророк, когда сказал, что ***даст дух образу, и проглаголет образ зверин.*** Действительно, он снова даст этому образу бодрость и силу посредством изданных им законов и сделает то, что всех, кто только не будет преклоняться пред образом зверя, он будет умерщвлять. Здесь-то и обнаружится вера и терпение святых. В самом деле сказано: ***И сотворит вся малыя и великия, богатыя и убогия, свободныя и работныя, да даст им начертание на десней руце их или на челе их, да никтоже возможет ни купити, ни продати, токмо кто имать начертание, имя зверя или число его имене.*** Действительно, будучи коварным и надменным в отношении к рабам Божиим, из желания истребить и изгнать их из мира за то, что они не воздают ему славы, он приказывает всем всюду возлагать курильницы, чтобы, таким образом, никто из святых не мог ни купить, ни продать, если только предварительно не принесет жертвы. Это и есть начертание, положенное на правой руке. А начертание на челе указывает на то, что все будут увенчаны и будут носить на себе огненный венец, но [венец] не жизни, а смерти. Так именно ухитрился поступить с Иудеями и Антиох Епифан, этот сирийский царь, происходивший из рода Александра Македонского. И он также, возгордившись в те времена в сердце своем, издал предписание, чтобы все поставили пред дверями [домов], принесли жертвы и, увенчавшись плющами, устроили торжество в честь Диониса; тех же, которые не пожелали повиноваться, он повелел умерщвлять после предварительных мучений, пыток и допросов. Впрочем, сам он получил вполне достойное возмездие от Господа, праведного судии и всевидящего Бога: он скончался, будучи съеден червями. Если кто желает обо всем этом знать в подробности, то пусть обратится к Маккавейским книгам: в них все это показано (см. 1 Мак. 1, 55; 2 Мак. 6, 7).

L. Теперь мы обратимся к тому, что подлежит обсуждению. И в этом случае тот же самый [антихрист] пускается на хитрости из желания во всем притеснять святых. В самом деле, пророк и апостол говорит: ***Здесь [требуется] разум: если кто имеет мудрость, то пусть счисляет число звериное; число же его есть [число] человеческое, а именно шестьсот шестьдесят шесть.*** (Откр. 13, 18). Итак, относительно его имени нам невозможно высказать что-нибудь определенное; мы можем только предположить, как именно в данном случае размышлял и был научен блаженный Иоанн. Ведь только тогда, когда явится сам [антихрист], время обнаружит искомое. Впрочем, настолько, насколько мы знаем, хотя бы и предположительно, мы будем говорить [по данному вопросу]. Дело в том, что мы находим много имен, соответствующих этому числу [1]; таково, например, Титан, древнее и славное имя, или Евафас — и оно также соответствует тому же самому исчислению; можно представить многие и другие [имена]. Так, выше мы уже высказались, говоря, что исцелена рана зверя первого и он даст образу возможность говорить, т. е. сообщить ему силу. Для всех же ясно, что властвующими еще и теперь оказываются латиняне; следовательно, если мы переведем [это название] в приложении к имени одного человека, то тогда и выйдет: латинянин. Впрочем, нельзя еще наперед предсказывать, что [имя антихриста] действительно и будет таковым, равно как нельзя отрицать, что оно не может называться как-нибудь и иначе. Вообще же нам надлежит со страхом держать в чистом сердце тайну Божию и охранять с верою то, что предсказано блаженными пророками, — это затем, чтобы, зная наперед о тех происшестви-

[1] Греческие имена, приводимые ниже св. Ипполитом, состоят из букв, которыми обозначали числа. Сумма букв в каждом из этих имен дает общее число 666. Например, имя Титан: 380+5+10+300+1+50=666.

ях, мы не могли прийти в смущение при их наступлении. Когда же придут определенные сроки, то тогда откроется и тот смысл, о котором это предсказано, равно как всем будет показано и [его] имя.

LI. Впрочем, не одними только этими изречениями мы можем убедить с ревностию изучающих словеса Божии: мы можем показать [им истину] также и на основании других многих свидетельств. Так, Даниил говорит: ***Сии же спасутся от руки его: Едом и Моав и начало сынов Аммоних*** (Дан. 11, 41). Ведь эти и суть те, которые соединяются с ним по причине родства и выставляют его царем своим. Едом — это дети Исава, а Аммон и Моав — это дети, родившиеся от двух дочерей Лота; род их продолжается и до настоящего времени. Также и Исайя говорит: ***И полетят в кораблях иноплеменничих: море купно пленят и сущих от восток солнца и Идумею и на Моава первые руки возложат, сынове же Аммони первии покорятся*** (Ис. 11, 14).

LII. Итак, явившись от них в те определенные сроки, овладевши на поле брани тремя рогами из числа десяти, искоренивши в конец эти [три рога], т. е. Египет, Ливию и Ефиопию, захвативши [от них] плен и добычу, подчинивши себе и прочие остающиеся семь рогов, этот [антихрист] и начнет надмеваться в сердце и гордиться пред Богом, как бы обладающий уже всем живущим. Первое его нападение будет на Тир и Сидон и окрестную страну. Взявши прежде всего эти города, он породит страх и в других, как об этом говорит Исайя: ***Усрамися, Сидоне, рече море; крепость же морская рече: не болех, ни породих, ни вскормих юнош, ниже вознесох девиц. Егда же слышано будет во Египте, приимет я болезнь о Тире*** (Ис. 23, 4-5).

LIII. Когда все это таким образом произойдет, любезный, и когда три рога будут им ссечены, после этого он и начнет показывать себя, как бога, по слову Иезекииля: ***Понеже вознесеся сердце твое и рекл еси: аз есмь Бог*** (Иез. 28, 2). Подобным же образом и Исайя [говорит]: ***Ты же рекл еси в сердце твоем: на небо взыду, выше звезд небесных поставлю престол мой, буду подобен Вышнему, ныне же во ад снидеши и во основания земли*** (Ис. 14, 13 — 15). Также [опять] и Иезекииль: ***Еда речеши глаголя пред убивающими тя: Бог есмь аз? ты же человек еси, а не Бог*** (Иез. 28, 9).

LIV. После того как мы, таким образом, показали эти изречения [по вопросу] о колене, явлении и убиении антихриста, а также об его имени, прикровенно показанном, мы рассмотрим также и деяние его. Он призовет к себе весь народ [Иудейский] из всех стран, в которых он рассеян; он присвоит их себе как своих собственных детей; возвестит им, что он восстановит страну и восстановит их царство и храм — и все это с той целью, чтобы поклонились ему, как богу, по слову пророка: «Соберет всю силу свою от востока солнца до запада солнца: и все те, которых он созвал и даже те,

которых он не звал, — все последуют вместе с ним»[1]. И Иеремия, пользуясь в приложении к антихристу приточной формой, говорит так: ***Возгласи ряб, их же не роди, творяй богатство свое не с судом, в преполовении дней оставите, и на последок свой будет безумен*** (Иер. 17, 11).

LV. Конечно, не послужит в ущерб предмету наших рассуждений также и то, если мы расскажем об ухищрениях этого животного, и что пророк не без цели привел изречение, воспользовавшись притчей об этом животном. В самом деле, куропатка, будучи тщеславным животным, когда видит вблизи себя гнездо другой куропатки с птенцами, находящимися в нем, то в том случае, если отец их отлетел на добычу, подражая чужому голосу, созывает их к себе. Птенцы же, думая, что пред ними находится их собственный отец, устремляются к нему. И вот он тщеславится среди чужих детей как бы среди своих собственных. Когда же возвращается действительный отец и начинает звать их настоящим голосом, то птенцы, узнавши [этот голос], оставляют обманщика и устремляются к истинному отцу. Этим именно подобием во всех его чертах и воспользовался пророк, высказавшись относительно антихриста, который призовет к себе человечество, желая чуждое сделать своим; который возвестит всем тщетное избавление, тогда как на самом деле и себя самого не может спасти.

LVI. Он присоединит к себе народ, всегда пребывавший неверным Богу, и по его просьбам начнет преследовать святых как врагов и их противников, подобно тому как об этом говорит Евангелист: ***Судия бе некий в некоем граде, Бога не боюся, и человек не срамляяся. Вдова же некая бе во граде том, и прихождаше к нему, глаголюще: отмсти мене от соперника моего.*** Он же не пришел вовремя. ***Последи же рече в себе, глаголя: аще и Бога не боюся и человек не срамляюся, но зане творит ми труды вдовица сия отмщу ея*** (Лк. 18, 2-5).

LVII. Судией неправедным, который и Бога не боится, и человека не стыдится, [Евангелист], несомненно, называет антихриста, который, будучи сыном диавола и сосудом сатаны, с момента своего воцарения начнет гордиться даже пред Богом и в этом случае действительно окажется не боящимся Бога и не стыдящимся Сына Божия, Судии всяческих. А под вдовицей, которая, как он говорит, была в городе, он обозначает тот Иерусалим, который действительно оказывается вдовицей, оставленной совершенным и Небесным Женихом, — той вдовицей, которая ищет отмщения у смертного человека, после того как она отвергнута Христом. Его-то она и назвала противником своим, а не спасителем, потому что не вняла тому, что сказано Иеремией пророком: «За то, что не поверили Истине, будет тогда говорить народу этому и Иерусалиму дух заблуж-

[1] Такого текста в Библии не встречается.

дения» (Иер. 4, 11). И Исайя подобным же образом [говорит]: ***Понеже не восхетеша людие сии воды Силоамли текущия тисе, но восхотеша имети над собой Рассона и сына Ромелиева царя над вами, сего ради се возводит Господь на вы воду реки силну и многу, царя Ассирийска*** (Ис. 8,6 — 7). Царем же Ассирийским он символически называет антихриста, подобно тому как и другой пророк говорит: ***И будет сей мир от мене, егда Ассур приидет на землю вашу, и егда взыдет на горы ваша*** (Мих. 5, 5).

LVIII. Подобным же образом и Моисей, предвидя, что народ оттолкнет и отвергнет от себя истинного Спасителя мира и присоединится к заблуждению, изберет земного царя и откажется от Небесного, говорит так: ***Не сия ли вся собрашася у меня, и запечатлешася в сокровищах моих? в день отмщения воздам, и во время, егда соблазнится нога их*** (Втор. 32, 34 — 35). И так они преткнулись во всем и ни в чем не оказались согласными с истиной: ни с пророками, ввиду того, что они убили и самих пророков; ни с голосом Евангелия, так как распяли и самого Спасителя: они не поверили и апостолам, так как преследовали и их; они всюду сделались злоумышленниками и предателями истины, оказались более богоненавистниками, чем боголюбцами. Они, получивши удобный случай, еще в то время просят себе отмщения у смертного человека, восстать на рабов Божиих. А он, надмившись при помощи их, начинает против святых посылать указы с приказанием всех их всюду перебивать в том случае, если они не пожелают почтить его и поклониться ему, как богу. Об этом Исайя так говорит: ***Горе корабельным крилам земли, яже об ону страну рек Ефиопских, посылаяй по морю послы в залог и послания книжная верху воды, пойдут бо вестницы легцы к языку высоку, и к народу странному и строптивому: кто далее его? Язык безнадежен и попран*** (Ис. 18, 1 —2).

LIX. А это, собственно, мы, которые надеемся на Сына Божия, и за это терпим гонения и попираемся со стороны неверных [и злых людей]. Крылья же кораблей — церкви; а море — мир, в котором Церковь, подобно кораблю в пучине, обуревается, но в то же время не погибает. Ведь она имеет у себя опытного кормчего — Христа. Носит она в середине и подобный трофей, направленный против смерти, — именно носит крест Господень вместе с собою. Есть у нее и нос — восток, и корма — запад; киль же [ее составляет] полдень; двумя рулями [для нее служат] два завета; веревки, протянутые вокруг, заменяет любовь Христова, связующая Церковь; она же носит с собой и трюм, т. е. «баню пакибытия», ту [баню], которая обновляет верующих. Присуща ей и прозрачная тонкая ткань — это Дух с небес, Которым верующие запечатлеваются Богу. При ней следуют и железные якори — это святые заповеди Самого Христа, которые имеют такую же крепость, как и железо. Имеет она и корабельщиков, как с правой, так и с левой стороны, — это святых ангелов служащих, благодаря которым беспрерывно содержится и

охраняется Церковь. Лестница же на ней, возводящая на высоту к мачте, — это образ знамения страсти Христовой — тот образ, который влечет верующих к восхождению на Небеса. Псифары[1], помещенные вверху на мачте, — это ряды пророков, мучеников и апостолов, упокоивающихся во Царствии Христовом.

LX. О гонении и притеснении, имеющих быть на Церковь со стороны противника, говорит также и Иоанн: «И видел я знамение, великое и удивительное: жену, облеченную в солнце; и вот луна под ногами ее, и на главе ее венец из двенадцати звезд; имея во чреве, она кричит от болей и мук рождения. И вот дракон стоял пред женщиной, готовящейся родить, с тем намерением, чтобы в случае, как только она родит, пожрать ее младенца. И родила она младенца мужского пола, которому надлежит пасти все народы; и восхищено было дитя ее к Богу и к престолу Его. А жена убежала в пустыню, где она и находит место, приготовленное от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней. И когда увидел дракон, то начал преследовать женщину, которая родила [младенца] мужеского пола. И даны были женщине два крыла огромного орла, чтобы летела она в пустыню; там и питается она в продолжение времени, времен и полвремени [от лица змея]. И пустил змей из пасти своей в след жены воду, как реку, дабы увлечь ее потоком речным. И земля оказала помощь этой женщине: разверзла земля уста свои и поглотила реку, которую извергнул дракон из пасти своей. И рассвирепел дракон на женщину, и пошел, чтобы вступить в брань с остальными от семени ее, которые сохраняли заповеди Божии и имели свидетельство Иисуса» (Откр. 12, 1—6; 13—17).

LXI. Под «женщиной, облеченной в солнце» он самым ясным образом обозначил Церковь, облеченную в Слово Отчее, блистающее паче солнца. Говоря же о «луне внизу ног ее», [он разумеет], что Церковь, подобно луне, украшена небесной славой. А выражение: «На главе ее венец из двенадцати звезд» — указывает на двенадцать апостолов, через посредство которых утверждена Церковь. «Имея во чреве, она кричит от болей и мук рождения» — это значит, что Церковь никогда не имеет покоя, рождая из сердца Слово и в то же время подвергаясь гонениям в мире со стороны неверных. «И родила, — сказано, — младенца мужского пола, Которому надлежит пасти все народы» — это мужскую отрасль и совершенного Христа, Сына Божия, Бога и человека, возвещенного пророками: Его именно вечно рождает Церковь и [о Нем] учит она все народы. Выражение: «И восхищенно было дитя ее к Богу и к престолу Его» — означает, что Небесный Царь, а не земной есть Тот, Которого она вечно рождает, как об этом и Давид возвещает в словах: ***Рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих*** (Пс 109, 1). «И увидел, — сказано, —

[1] Помост для наблюдения сверху за ходом корабля.

дракон, и начал преследовать женщину, которая родила [младенца] мужского пола. И даны были женщине два крыла огромного орла, чтобы летела она в пустыню, где питается она в продолжении времени, времен и полвремени от лица змея». Это и суть те самые тысяча двести шестьдесят дней — половина седмицы, в продолжение которых тиран будет иметь силу и преследовать Церковь, бегущую из города в город, скрывающуюся в пустыне и в горах, не имеющую с собой ничего иного, кроме двух крыльев огромного орла, т. е. веры в Иисуса Христа, Который, распростерши на древе святые руки, развернул два крыла — правое и левое, призывая таким образом всех верующих в Него и покрывая их, как курица своих птенцов. В этом смысле и у Малахии говорится: ***И возсияет вам, боящимся имени Моего, солнце правды, и исцеление в крилех его*** (Мал. 4,2).

LXII. Говорит также и Господь: ***Егда узрите мерзость запустения, стоящу на месте святе — иже чтет, да разумеет: тогда сущии во Иудее да бежат на горы; и иже на крове, да не сходит взяти, яже в дому его, и иже на селе, да не возвратится вспять взяти риз своих. Горе же непраздным и доящым в тыя дни... Будет бо тогда скорбь велия, якова же не была от начала мира, ниже имать быти, и аще не быша прекратилися дние оны, не бы убо спаслася всяка плоть*** (Мф. 24, 15 — 22). А Даниил говорит: ***И дадут мерзость запустения на дни тысяща двести девятьдесят. Блажен терпя и достигнувый до дней тысящи трех сот тридесяти пяти*** (Дан. 12, 11 — 12).

LXIII. Блаженный апостол павел в Послании к Фессалоникийцам говорит: ***Молим же вы, братие, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании о Нем, не скоро подвизатися вам от ума, ни ужасатися, ниже духом, ниже словом, ни посланием, аки от нас [посланным], яко уже настоит день Господень. Да никтоже вас прельстит ни по единому же образу, яко аще не приидет отступление прежде, и открыется человек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся паче всякаго глаголемаго бога или чтилища, якоже ему сести в Церкви Божией, показующу себе, яко бог есть. Не помните ли, яко еще живый у вас, сия глаголах вам? И ныне удерживающее весте, во еже явитися ему в свое время. Тайна бо уже деется беззакония, точию держай ныне, дондеже от среды будет. И тогда явится беззаконник, егоже Господь Иисус убиет духом уст Своих и упразднит явлением пришествия своего, егоже есть пришествие по действу сатанину во всякой силе, и знамениих, и чудесех ложных, во всякой льсти неправды в погибающих, зане любве истины не прияша, во еже спастися им. И сего ради посылает им Бог действо льсти, во еже веровати им лжи, да суд приимут вси не веровавшии истине, но благоволившии неправде*** (2 Фес. 2, 1 — 12). А Исайя говорит: ***Да возмется нечестивый, да не видит славы Господни*** (Ис. 26, 10).

LXIV. Когда же это будет, любезный, и когда одна седмица разделится на две части (Дан. 9, 27) и в данном случае обнаружится «мерзость запустения» (Мф. 24, 15), и два пророка и предтечи Господа совершат свое поприще (Откр. 11, 3), и весь мир придет наконец к завершению — что остается еще, как не появление с небес Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, Сына Божия, на Которого мы надеемся и Который навлечет сожжение и праведный суд на всех тех, которые не уверовали в Него? Действительно, Господь говорит: ***Начинающым же сим бывати, восклонитеся и воздвигните главы ваша: зане приближается избавление ваше. И влас главы вашея не погибнет. Якоже бо молния исходит от восток и является до запад, тако будет и пришествие Сына человеческого. И деже бо аще будет труп, тамо соберутся орли*** (Лк. 21, 28; Лк. 21, 18; Мф. 24, 27 — 28). «Труп» (яшща) же этот образовался еще в раю: ведь там пал (тсетшохеу) Адам, вовлеченный в заблуждение. И еще [Господь] говорит: ***Тогда послет Сын человеческий ангелы своя и соединит избранным своя от четырех ветр небесных*** (Мф. 24, 31). Также и Давид, предвозвещая суд и явление Господа, говорит: ***От края небесе исход Его, и сретение Его до края небесе, и несть иже укрыется теплоты Его*** (Пс. 18, 7). Под теплотой же он и разумеет сожжение. Говорит и Исайя следующим образом: ***Идите, людие мои, внидите в храмину вашу, затворите двери своя, укрыйтеся мало елико, дондеже мимоидет гнев Господень*** (Ис. 26, 20). Подобно этому говорит и Павел: ***Открывается бо гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истину Божию в неправде*** (Рим. 1, 18).

LXV. А о воскресении и царстве святых говорит Даниил: ***И мнози от спящих в земной персти возстанут, сии жизнь вечную, а онии во укоризну и в стыдение вечное*** (Дан. 12, 2). И Исайя говорит: ***Воскреснут мертвии, и возстанут иже во гробех, и возрадуются, иже на земли: роса бо, яже от тебе, исцеление им есть*** (Ис. 266 19). Господь также говорит: ***Многие в тот день услышат глас Сына Божия и услышавше оживут*** (Ин. 5, 25). Пророк говорит: ***Востани спяй и воскресни от мертвых и осветит тя Христос*** (Еф. 5, 14). Иоанн говорит: ***Блажен и свят, иже имать часть в воскресении переем: на него же смерть вторая не имать области*** (Откр. 20, 6). Смерть же вторая есть озеро огненное горящее. И опять Господь говорит: ***Тогда праведницы просветятся, яко солнце в славе своей.*** А святым Он скажет: ***Приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира*** (Мф. 25, 34). А что говорит Он к нечестивым? ***Идите от Мене прокляти во огнь вечный,*** который ***уготовал*** Отец Мой ***диаволу и ангелом его*** (Мф. 25, 41). Иоанн говорит: ***Вне псы, и чародеи, и любодеи, и убийцы, и идолослужители и всяк любяй и творяй лжу*** (Откр. 22, 15), потому что и часть ваша есть в геенне огненной. Подобным образом и Исайя говорит: ***И изыдут, и узрят трупы человеков, преступивших Мне: червь бо их не скончается, и огнь***

их не угаснет, и будут в позоре всякой плоти (Ис. 66, 24).

LXVI. А Павел-апостол о воскресении праведников в послании к Фессалоникийцам говорит: ***Мы не желаем вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, яко же и прочии не имущии упования. Аще бо веруем, яко Иисус умре и воскресе, тако и Бог умершыя о Иисусе приведет с Ним. Сие бо вам глаголем Словом Господним, яко мы живущии оставшии в пришествие Господне, не имамы предварити умерших, яко сам Господь в повелении, во гласе Архангелове ив трубе Божией снидет с небесе, и мертвии о Христе воскреснут первии, потом же мы живущии оставшии с ними, восхищении будем на облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем*** (1 Фес. 4, 13—17).

LXVII. Все это, почерпнувши из Священного Писания, как благоухающего [источника], и сплетши [на основании его] небесный венок, я по любви к Господу и предлагаю тебе, брат мой, любезный Феофил, в кратких словах с той целью, чтобы ты, сохраняя с верою написанное и прозирая имеющее быть, мог сохранить себя непреткновенным как пред Богом, так и людьми, ***ждуще блаженнаго упования и явления Бога и Спаса нашего*** (Тит. 2, 13) — [того явления], **при** котором Он, воскресивши святых, вместе с ними возрадуется **и** прославит Отца, Которому слава в бесконечные веки веков. Аминь.

АПОСТОЛЬСКОЕ ПРЕДАНИЕ*

1. Пролог

Поистине мы достойным образом изложили имевшееся изречение о дарах, которые Бог по собственному желанию сначала предоставил людям, указывая им на пример отклонения от веры.

Теперь, по любви Божией ко всем святым, мы подошли к самому истоку Предания, которое мы достойно получаем в Церкви для того, чтобы хорошо подготовленные люди сберегли для нас сохраненное до нашего времени Предание, зная которое они пребудут в большой скромности.

Незнающие впадают в ошибку или заблуждение. Но Дух Святой дарует непреклонно верующим совершенную благодать, чтобы знали те, кто стоит во главе Церкви, каким образом следует все передавать и оберегать.

2. О епископах

Во епископа да поставляется избранный всем народом и, когда он будет назван и понравится всем, пусть соберется вместе с пресвитерами и присутствующими епископами в воскресный день. По согласию всех да возложат руки на него, а пресвитеры пусть стоят в молчании. Пусть сохраняют молчание все, молясь в сердце, вследствие нисхождения Духа. Один из присутствующих епископов, по просьбе всех возлагая руку на того, который посвящается во епископа, пусть молится, говоря так:

3. Молитва посвящения во епископа

«Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа, Отче милосердия и Боже всякого утешения, в вышних пребываяй и на смиренныя призираяй, ведый вся прежде бытия их, Ты даровал уставы в Церкви через Слово Своей благодати, предопределяя от начала род праведных от Авраама, учреждая князей и священников и не оставляя свое святилище без служителей. Ты, от начала веков соблаговоливший явить Себя в тех, которых Ты избрал, ныне излей от силы Твоей, от Первоначального Духа, переданного Тобою Своему Возлюбленному Сыну Иисусу Христу, Которого Он даровал святым апостолам, основавшим Церковь, во всяком месте славящую Тебя бесконечной славой и превозносящую имя Твое. Отче, ведающий сердца, даруй сему рабу Твоему, избранному Тобою для епископства, пасти Твое святое стадо и безупречно соблюдать перед Тобою первенство священства служением Тебе днем и ночью, днем и

" Пер. прот. Петра Бубуруза.

ночью непрестанно умилостивлять Твое Лицо **и** приносить дары Твоей Святой Церкви и благодатью Духа, сподобившего приматства во священстве, иметь власть отпускать грехи по заповеди Твоей и жаловать жребии, согласно Твоему повелению, а также разрешать всякие узы по власти, данной Тобою апостолам, и угождать Тебе в кротости и чистоте сердца, принося Тебе благоухание [молитвы], с помощью Отрока Твоего Иисуса Христа, через Которого Тебе слава **и** сила и честь, Отцу и Сыну со Святым Духом, и ныне и во веки веков. Аминь».

4. [О Евхаристии]

Произведенному во епископы пусть все предлагают лобзание мира, приветствуя его, ибо он удостоился этого. Диаконы же пусть приносят к нему жертву, и он, возлагая на нее руку вместе со всеми пресвитерами, пусть говорит, вознося благодарение:

«Господь с вами».
И все пусть отвечают:
«И со духом Твоим».
«Горе имеем сердца».
«Имамы ко Господу».
«Возблагодарим Господа».
«Достойно и праведно есть».

И тотчас он пусть продолжает так:

«Мы благодарим Тебя, Боже, через возлюбленного Отрока Твоего Иисуса Христа, Которого в последние времена Ты послал нам Спасителем, Искупителем и Вестником воли Твоей, Который есть Слово, неотделимое от Тебя, Которым все сотворено по желанию Твоему, Которого Ты послал с небес в утробу Девы и Который, будучи зачат во чреве, воплотился и явился Сыном Твоим, рожденным от Духа Святого и от Девы.

Исполняя волю Твою и соделывая Тебе святой народ, Он простер руки, чтобы освободить от страданий тех, кто в Тебя верует.

Он, добровольно предаваясь страданию, чтобы сокрушить смерть и разбить оковы диавола, упразднить ад и явить свет праздникам, пригвоздить приговор и объявить воскресение, взяв хлеб [и] возблагодарив Тебя, сказал: "Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое". Подобно и чашу, говоря: "Сия есть Кровь Моя, Которая за вас проливается. Когда вы это делаете, делайте в Мое воспоминание".

Итак, вспоминая Его смерть и Воскресение, приносим Тебе хлеб и чашу, вознося Тебе благодарение за то, что Ты удостоил нас предстать пред Тобою и служить Тебе.

И мы просим, чтобы Ты послал Духа Твоего Святого на приношение Святой Церкви. Воедино собирая, даруй всем причащающимся святыни исполнение Духа Святого к утверждению веры во истине, чтобы мы Тебя восхваляли и прославляли через Отрока Твоего Иисуса Христа, через Которого Тебе слава и честь, Отцу и Сыну со Святым Духом во Святой Церкви Твоей, и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

5. [О приношении елея]

Если кто приносит елей по примеру приношения хлеба и вина, то не обращается с речью, но с таким же достоинством возносит хвалу, говоря:

«Даруй, Боже, освящая сей елей, здравие потребляющим и принимающим его. Как Ты помазывал царей, священников и пророков, так и всем вкушающим да подаст он подкрепление и здравие потребляющим его».

6. [О приношении сыра и маслин]

Также, если кто принесет сыр и маслины, пусть так говорит: «Освяти молоко сие, которое свернулось, и освяти нас, связывая Своей любовью. Сделай так, чтобы не удалился от Твоей сладости этот плод маслины, который является образцом Твоего изобилия, которое Ты щедро источаешь из дерева для жизни тех, кто уповает на Тебя».

Во всяком же благословении следует говорить: «Тебе слава, Отцу и Сыну со Святым Духом во Святой Церкви, и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

7. О пресвитерах

Когда же посвящают в пресвитеры, то епископ пусть возлагает руки на его главу, которой касаются также и пресвитеры, и пусть произносит согласно ранее сказанному, когда мы говорили относительно епископа, молясь и говоря:

«Боже и Отче Господа нашего Иисуса Христа, призри на сего раба Твоего и даруй ему дух благости и совета пресвитерского, чтобы он помогал и управлял народом Твоим с чистым сердцем, подобно тому как Ты заботился о Своем избранном народе, повелев Моисею избрать старейшин, которых Ты преисполнил Духа Твоего и Который Ты дал Твоему служителю.

И ныне, Господи, яви, непорочно сохраняя в нас, дух милости Твоей и сделай нас достойными, чтобы, веруя, мы служили Тебе в простоте сердца, прославляя Тебя через Отрока Твоего Иисуса Христа, через которого Тебе слава и сила Отцу и Сыну со Святым Духом во Святой Церкви, и ныне и присно и во веки веков. Аминь».

8. О диаконах

Когда же посвящают диакона, пусть он избирается, как было сказано выше, равным образом пусть только один епископ возлагает руку, как мы предписали. При посвящении во диакона пусть возлагает руку один лишь епископ, потому что не для священства посвящается, но для служения епископу, чтобы он исполнял то, что тот ему повелевает.

Действительно, он не участвует в совете клира, но заботится и сообщает епископу, что́ нужно делать: он не получает общего для пресвитеров духа, участниками которого они являются, но получает тот дух, который вверяется ему под властью епископа. Вот почему епископ один посвящает диакона; на пресвитера же возлагают руки также и пресвитеры вследствие общего и сходного для клира духа. Но пресвитер имеет право лишь его получать, давать же его он не имеет права. Поэтому клир не посвящает; над пресвитером же посвящение запечатлевается, когда посвящает епископ[1].

При посвящении же диакона пусть произносят:

«Боже, все сотворивый и устороивый Словом, Отче Господа нашего Иисуса Христа, Которого Ты послал для исполнения Своей воли и объявления нам своего намерения, даруй Святой Дух благодати, ревности и усердия рабу[2] Твоему, которого Ты избрал служить Твоей Церкви и приносить... в святости к Твоему алтарю то, что приносят по наследованию великого первосвященника, чтобы, служа непорочно, безупречно и чисто, а также и светлым умом, был бы достоин по воле Твоей, сей великой и высокой степени... чтобы он Тебя восхвалял и прославлял через Твоего Сына Иисуса Христа, Господа нашего, через Которого Тебе слава и сила и хвала со Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

9. Об исповедниках

На исповедника же, если он был в оковах за имя Господне, да не возлагается рука ни для диаконства, ни для пресвитерства. Ибо он уже имеет честь пресвитерства в силу своего исповедничества. Если же он посвящается во епископа, да возлагается на него рука.

Если же исповедник не приводился к властям и не был заключен в оковы, ни брошен в темницу, ни осужден к другому наказанию, но случайно *был* только наказан за имя *Господа* нашего и понес только домашнее притеснение, и если он исповедал веру, то

[1] Это место Ботте переводит, согласно саидической, арабской и эфиопской версиям, следующим образом: «Поэтому клир не посвящает, однако при посвящении во пресвитеры он (т. е. клир) совершает действие (т. е. рукоположение), в то время как епископ посвящает».

[2] До этого места текст молитвы следует по латинской версии, затем, из-за поврежденности последней, — по «Завещанию» и, наконец, по эфиопской версии.

если достоин какого-либо служения, пусть возлагается на него рука.

И епископ пусть возносит благодарение, согласно нашему предписанию. Нет никакой необходимости, чтобы он повторял те же самые слова, которые мы говорили раньше, и заучивал их наизусть, вознося благодарение Богу; но каждый пусть молится по своей возможности. Если же кто-нибудь имеет возможность помолиться долгой и возвышенной молитвой, то это хорошо. Но если кто-нибудь, молясь, произносит умеренную молитву, согласно закрепленному образцу, то не препятствуйте ему. Только пусть его молитва будет здравой и правильной в учении.

10. О вдовах

Вдова же при своем возведении не посвящается, но избирается по имени. Если ее муж умер давно, пусть возводится. Если же ее муж умер недавно, то не следует доверять ей. Но если она стара, пусть будет подвержена испытанию на некоторое время. Ибо часто страсти коренятся в том, кто предоставляет им место в самом себе. Да возводится вдова только словом и пусть присоединяется к остальным. Не возлагается на нее рука потому, что она не приносит жертву и не имеет литургического служения. Посвящение совершается над клириками благодаря литургическому служению, вдова же возводится для молитвы, а это — дело всех.

11. О чтеце

Чтец возводится, когда епископ вручает ему книгу, рука же на него не возлагается.

12. О девственнице

На девственницу не возлагается рука, ибо только ее заявление делает ее такой.

13. Об иподиаконе

Не возлагается рука на иподиакона, но он нарекается, потому что помогает диакону.

14. О дарах исцелений

Если кто-нибудь говорит: «Я получил во откровении дар исцеления», пусть рука на него не возлагается. Ибо сама действительность покажет, правду ли он сказал.

15. О неофитах, приходящих к вере

Те, которые впервые приводятся к слушанию Слова, пусть приводятся сначала в присутствии учителей, прежде чем войдет весь народ, и пусть спросят их о причине, вследствие которой они обращаются к вере. И те, которые их привели, пусть засвидетельствуют, что приведенные готовы к слушанию Слова. Пусть спросят об их образе жизни: «Женат ли, раб ли?» И, если он раб какого-нибудь христианина и господин его разрешает ему, пусть слушает Слово. Если же господин не засвидетельствует, что он достоин, он отвергается.

Если же господин — язычник, то наставь раба быть приятным своему господину, чтобы не возбудить прекословия. Если же кто-нибудь имеет жену или жена — мужа, то пусть наставляют их, чтобы муж был доволен женой, а жена — мужем. А если кто-нибудь не живет с женой, пусть учат его не развратничать, но принять жену по закону или пребывать с такой, какая она есть. Если же кто-нибудь имеет демона, пусть не слушает слова учения, пока не очистится.

16. О делах и занятиях

Следует интересоваться делами и занятиями тех, которые приводятся, чтобы наставлять, в чем они должны пребывать. Если кто является владельцем публичного дома или содержит блудницу, то пусть прекратит это, иначе он отвергается. Если кто-нибудь является скульптором или художником, то пусть наставят его, чтобы не делал идолов: пусть прекратит это или будет отвержен. Если кто является актером в театре или дает представления в театре, либо пусть прекратит это, либо будет отвержен. Кто учит детей, то хорошо, если прекратит это, если же он не имеет ремесла, то пусть будет дозволено ему.

Подобным образом и наездник, который соревнуется и идет на публичные состязания, пусть прекратит это либо будет отвержен. Гладиатор или кто учит гладиаторов сражаться, или зверолов, находящийся на охоте, или общественный раб, участвующий в гладиаторском состязании, пусть прекратят это либо будут отвержены. Кто является языческим жрецом или стражем идолов, пусть прекратит это либо будет отвержен. Оглашаемый или христианин, желающие стать воинами, да будут отвержены, потому что они презрели Бога.

Блудница, или человек любострастный, или оскопивший себя и всякий занимающийся делами, о которых непристойно говорить, да будут отвержены, ибо они нечисты.

Чародей пусть не приводится к вопрошанию. Заклинатель, или астролог, или прорицатель, или толкователь снов, или смутьян, или закройщик, который подрезает кайму одежд, или изготавливающий амулеты либо пусть прекратят это, либо будут отвержены. Наложница чья-нибудь, если она является рабыней и вскормила его детей и привязана только к нему, пусть слушает Слово, иначе будет отвержена. Человек, имеющий наложницу, пусть оставит это и возьмет жену по закону (т. е. пусть женится на ней); если же не желает, будет отвержен.

Если мы что-либо упустили, то дела сами научат вас. Ибо все мы имеем Дух Божий.

17. О времени слушания Слова после трудов и занятий

Оглашенные пусть слушают Слово в продолжение трех лет. Если же кто усерден и совершает добрые дела, то пусть принимается во внимание не время, а само поведение, которое только и должно обсуждаться.

18. О молитве тех, кто слушает Слово

Когда учитель закончит поучение, то оглашенные пусть молятся отдельно от верных. И женщины пусть стоят в церкви в каком-нибудь месте отдельно, будь они христианками или оглашенными. По окончании молитвы они не дают друг другу лобзание мира, ибо их лобзание еще не свято. Верные же пусть приветствуют друг друга: Мужчины — мужчин и женщины — женщин; но мужчины пусть не приветствуют женщин. Женщины же все должны покрывать головы свои платом (pallio); но только не льняным, ибо это не покрывало.

19. О возложении рук на оглашенных

Когда учитель после молитвы возложит руки на оглашенных, то пусть помолится и отпустит их. Клирик ли тот, кто учил, или мирянин — пусть делают это так. Если оглашенный будет схвачен за имя Господне, то пусть он не сомневается в полноте своего свидетельства. Если же ему было причинено насилие и он был замучен, когда его грехи не были ему отпущены, то он будет оправдан. Ибо он принял крещение своею кровью.

20. О тех, которые примут крещение

Когда будут определены намеревающиеся принять крещение, пусть исследуется их жизнь: жили ли они честно, пока были оглашенными, почитали ли вдов, посещали ли они больных, совершали ли добрые дела? И когда те, которые привели их, засвидетельствуют о каждом: «Он поступал именно так», то пусть слушают Евангелие. Со времени же, когда они были отделены, на них ежедневно возлагаются руки, пока заклинают их. Когда приближается день, в кото-

рый они будут крещены, епископ заклинает каждого из них, чтобы узнать, чист ли он. Если кто-нибудь из них недостоин или нечист, то пусть он располагается отдельно, так как не слушал Слово с верой, ибо невозможно, чтобы чужой укрывался всегда. Пусть наставляют тех, которые должны креститься, чтобы они приготовлялись [и были свободны], а пятый день недели омывались [накануне субботы]. Если же у женщины обычное женское, то пусть она будет поставлена отдельно и примет крещение в другой день. Готовящиеся ко крещению в канун субботы пусть постятся, а в субботу те, кто примут крещение, пусть соберутся по указанию епископа в одно место. Всем им повелевается, чтобы они молились и преклонили колени. И, возлагая на них руку свою, пусть он заклинает всяких чуждых духов, чтобы они убежали от них и уже не возвращались в них. По окончании заклинания пусть он дует им в лицо и пусть осенит им лоб, уши и ноздри и поднимает их, и пусть они бодрствуют всю ночь, и да читается им, и да наставляется. Готовящиеся к принятию крещения пусть не приносят с собой никакой вещи, кроме лишь того, что каждый принесет для Евхаристии. Ибо подобает, чтобы тот, кто стал достойным, в тот же час предложил бы и приношение.

21. О предании святого крещения

Ко времени пения петуха, он (епископ) пусть молится сначала над водой. Вода должна быть проточная из источника или текущая с высоты. Пусть это совершается таким образом, если нет какой-нибудь другой необходимости. Если же есть постоянная и срочная необходимость, пользуйся водой, которая есть. Облачитесь в одежды и в первую очередь крестите детей. Все те, которые могут говорить о себе, пусть говорят. За тех же, которые не могут говорить о себе, пусть говорят их родители или кто-нибудь из родственников. Затем крестите мужчин и, наконец, женщин, после того как все они расплетут свои вмтосы и снимут золотые и серебряные украшения, имеющиеся на них, и пусть никто не берет с собою при вхождении в воду посторонней вещи. В установленное для крещения время епископ пусть вознесет благодарение над елеем, который содержится в сосуде и называется елеем действия благодати. И он берет также другой елей, который заклинает и называет елеем заклинания. Диакон же приносит елей заклинания и становится по левую руку пресвитера, а другой диакон приносит елей действия благодати и становится справа от пресвитера. Когда пресвитер принимает каждого из приступающих ко крещению, пусть повелевает ему отречься, говоря: «Отрекаюсь от тебя, сатана, и от всего твоего служения (т. е. твоей помощи) и от всех дел твоих». После же того, как каждый отрекся, пусть он (пресвитер) помажет его елеем заклинания, говоря ему: «Всякий дух да удалится от тебя». И, таким образом, пусть

представляет его обнаженным епископу или пресвитеру, который стоит у воды и крестит.

Диакон тоже пусть спустится с [крещаемым] таким образом в воду. Когда крещаемый войдет в воду, то совершающий крещение пусть возложит на него руку, говоря так:

«Веруешь ли ты в Бога Отца Всемогущего?»
И тот, кто крещается, пусть говорит:
«Верую». И тотчас имеющий руку на голове его
пусть погружает его один раз.
И после этого пусть он говорит:
«Веруешь ли ты в Иисуса Христа, Сына Божия,
рожденного от Духа Святого и от Девы Марии,
распятого при Понтии Пилате, и умершего,
[и погребенного], и воскресшего в третий день
живым из мертвых, и вознесшегося на небеса,
и сидящего одесную Отца,
и паки грядущего судить живых и мертвых?»
И когда он ответит: «Верую», то пусть
погружает его во второй раз и пусть снова скажет:
«Веруешь ли ты в Духа Святого и во Святую Церковь
и в воскресение плоти?»
И крещаемый пусть говорит: «Верую».
И тогда пусть погружает его в третий раз.

И после того, как выйдет он из воды, пусть пресвитер помажет его освященным елеем, говоря: «Помазываю тебя святым елеем во имя Иисуса Христа». И после того, как крещаемые оботрутся и оденут свои одежды, пусть они войдут в церковь.

Епископ же, возлагая руку на них, пусть возглашает, говоря:

«Господи Боже, соделавший сих достойными отпущения грехов через омовение возрождения, [соделай их достойными наития][1] Духа Святого, пошли на них Свою благодать, чтобы они служили Тебе согласно Твоей воле, ибо Тебе слава подобает, Отцу и Сыну со Святым Духом во Святой Церкви и ныне и во веки веков. Аминь».

После этого, наливая освященный елей себе в руку и возлагая ее на голову [крещаемого], пусть говорит: «Помазываю тебя святым елеем, во [имя] Господа Отца Всемогущего и Иисуса Христа и Святого Духа».

И, помазывая его лоб, он (епископ) пусть дает ему лобзание и говорит: «Господь с тобою». И помазанный пусть говорит: «И со духом твоим». И так пусть совершает над каждым в отдельности. И

[1] Ботте предполагает, что здесь латинская версия пропустила одну строчку или же что она была пропущена уже в греческом тексте, на основе которого была сделана эта версия (La Tradition Apostolique, p. 53, n. 1)

с этого времени пусть молятся они вместе со всем народом. Молиться же с верными прежде, чем они исполнят все это, они (крещаемые) не должны. После молитвы пусть дают им лобзание мира. И тогда же диаконы пусть принесут к епископу приношение (oblatio) и он пусть совершит благодарение над хлебом, являющимся образом и называемым греками антитипом [«вместообразное»][1] Тела Христова и над чашей со смешанным вином для антитипа, которое греки называют подобием Крови, пролитой за всех уверовавших в Него; а молоко, смешанное с медом, символизирует вместе полноту обетования, данного отцам, когда Он сказал: «Дам вам землю, источающую молоко и мед», которое и дал — Тело Свое — Христос, от Которого, подобно маленьким детям, питаются верующие, превращая в сладость Слова радость сердца, вода также в приношении [употребляется] в знак омовения, чтобы и внутренний человек, т. е. духовное начало, получил то же, что и тело.

Относительно всего этого епископ должен дать объяснение тем, кто принимает [причащение]. И когда он преломляет хлеб, то, давая каждый кусочек, пусть говорит: «Хлеб Небесный во Христе Иисусе», а принимающий должен отвечать: «Аминь». Пресвитеры же, а если их недостаточно, то и диаконы, пусть держат чаши и стоят благочинно и со смирением: первый, кто держит [чашу] с водой, второй — кто держит молоко, третий — кто держит вино.

И причащающиеся пусть отведают из каждой чаши трижды в то время, когда причащающийся говорит: «Во [имя] Бога Отца Всемогущего». Принимающий же пусть говорит: «Аминь». «И во [имя] Господа Иисуса Христа». «И во [имя] Святого Духа и Святой Церкви». И пусть говорит: «Аминь».

Так это должно совершаться с каждым. По окончании же этого (т. е. причащения) каждый да поспешит совершать добрые дела, угождать Богу и правильно поступать, ревнуя о Церкви, делая то, что она учит, и совершенствуясь в благочестии.

Это же мы передали вам вкратце о святом крещении и о святом приношении, ибо вы уже наставлены о воскресении плоти и о прочем, как написано. Если же подобает напоминать и о другом, то епископ пусть скажет об этом принявшим крещение в другое время. Ибо не должны язычники знать об этом, пока сначала не получат крещения. Это — белый камешек, о котором Иоанн сказал: «Написано новое имя на нем, которого никто не узнает, кроме того, кто получает камень» (Откр. *2,1).*

[1] Этим словом обозначается у св. Ипполита предложенные для Евхаристии хлеб и вино Этот же термин встречаем и у св. Иринея Лионского (ср. *Преображенский.* Сочинения, с. 543), и в литургии св. Василия Великого в молитве перед преложением Святых Даров 4Сего ради, Владыко Пресвятый»: <И предложите вместообразная Святого Тела и Крове Христа Твоего» (Служебник. СПб., 1905, с. *ЛЬ).*

•к

22. О причащении

В субботу и воскресенье (sabbato et prima sabbati) епископ, если может, своей рукой пусть раздает всему народу причастие, в то время как диаконы преломляют [хлеб]; и пресвитеры пусть отломят [себе] печеного хлеба. Когда диакон принесет пресвитеру [причастие], то протягивает сосуд, и пресвитер сам принимает [причастие] и своею рукой раздает народу. В другие же дни пусть причащаются согласно указанию епископа.

23. О посте

Вдовы и девственницы пусть постятся часто и молятся в церкви. Также священники и миряне пусть постятся, когда желают. Епископ же может поститься только [в тот день], когда будет поститься весь народ, потому что может случиться, что кто-нибудь пожелает сделать приношение в церковь, и он [епископ] не может в этом отказывать. Если же он преломляет хлеб, то должен непременно вкушать от него.

24. О дарах для больных

При необходимости, если нет пресвитера, диакон с усердием пусть раздает больным дары (signum), и когда раздаст по потребности, но так, чтобы принятое им было распределено, то пусть вознесет благодарение и пусть они потребляют там [же]. Получившие [дары] должны потреблять их благоговейно. [Пусть поблагодарят]. Если кто-нибудь получил, чтобы отнести вдове, или больному, или тому, кто занят церковными делами, то пусть отнесет в тот же день. Если же он не отнес, то пусть отнесет на следующий день, прибавляя к тому, ... было, и от своего, ибо хлеб бедных оставался у него.

25. О внесении светильника на вечерю общины[1]

Когда приходит епископ, после наступления вечера, диакон пусть вносит светильник и, став[2] посреди всех присутствующих верных, возносит благодарение.

Сначала будет он приветствовать, говоря: «Господь с вами». И народ пусть говорит: «И со духом твоим», «Возблагодарим Господа». И скажут: «Достойно и праведно есть: Ему подобает величие и хвала со славой». Не говорится «Горе имеем сердца», ибо это при-

[1] Эта глава, по утверждению Ботте, сохранилась только в эфиопской версии, но она имеет параллели в « Апостольских постановлениях», 4 Завещании» и «Канонах Ипполита». Фраза 4Итак они пусть встают... и девы», следующая за молитвой светильника, явно не на своем месте (Botte. La Tradition Apostolique, p. 65, n.l).

[2] Неясно, о ком говорится; возможно, речь идет о епископе.

носится при приношении [Евхаристии]. И он будет молиться, говоря так: «Благодарим Тебя, Господи, через Сына Твоего Иисуса Христа, Господа нашего, через Которого Ты просветил нас, являя нам свет нерушимый. И так как мы провели день и пришли к началу ночи, насыщались дневным светом, который Ты сотворил для нашего удовлетворения, и так как мы ныне по Твоей милости не имеем недостатка в вечернем свете, то мы восхваляем и славим Тебя через Сына Твоего Иисуса Христа, Господа нашего, через Которого Тебе слава и сила и честь со Святым Духом и ныне и присно и во веки веков. Аминь». И все говорят: «Аминь». И так они пусть встают после вечери, молясь; а отроки говорят псалмы; так же и девы.

И затем диакон, взяв чашу со смешанным приношением, пусть говорит один из псалмов, в которых написано «аллилуиа». Потом, если повелит пресвитер, пусть говорят еще из таких же псалмов. И после того, как епископ предложит чашу, пусть он говорит один из псалмов, с аллилуиа, приличествующей чаше, в то время как все говорят [Аллилуиа]. По окончании псалмов пусть все скажут: «аллилуиа», что означает: «Хвалим Того, Кто есть Бог; слава и хвала сотворившему весь век столь великим словом». И по исполнении псалма пусть он благословит чашу и раздаст части хлеба всем верным.

26. Об общей вечере

И когда вечеряют, то присутствующие верные, прежде чем преломлять собственный хлеб, пусть берут из рук епископа немного хлеба, так как это евлогия, а не Евхаристия, т. е. Тело Господа.

[Подобает, чтобы все прежде пития взяли чашу и возблагодарили над ней, а затем пусть пьют и едят таким образом.][1]

...Все вы, присутствующие, таким образом вкушайте. Оглашенным же пусть дается хлеб заклинания, и каждому пусть предлагают чашу.

27. О том, что не следует, чтобы оглашенные вкушали вместе с верными

Оглашенный пусть не участвует в вечере Господней. Во время же приношения пусть тот, кто пригласил его (оглашенного), помнит о нем, потому что сам его просил, чтобы тот вошел под кров его.

28. О том,что необходимо вкушать пристойно и достаточно

Когда же вкушаете и пьете, то делайте это благопристойно и не до опьянения и чтобы не надсмеялся или чтобы не опечалился кто-

[1] Здесь в латинской (веронской) рукописи имеется пропуск. Слова в квадратных скобках взяты из саидической версии.

либо пригласивший вас за вашу шумливость, но молился бы, говоря, что сделал достойное и что к нему вошли святые. Ибо вы, сказал Он, соль земли (Мф. 5, 13). Если вам вместе будет предложено то, что по-гречески называется apoforetum[1], принимайте его. Если же [подано], чтобы все вкусили как приличествует, то вкушайте достаточно и чтобы осталось для того, чтобы пригласивший вас пожелал бы послать кому-либо как бы от остатков святых и возрадовался в уповании. Вкушающие же, кто приглашен, пусть вкушают в безмолвии, не произнося ни одного слова, но говоря только то, что одобрил епископ, **и,** если кто-либо спросит [их], пусть [спрашиваемый] ответит.

И, когда епископ говорит, пусть все молчат, скромностью одобряя его, пока он снова не спросит. Если же верные присутствуют на вечере без епископа, в присутствии пресвитера или диакона, то они должны равным образом вкушать с подобающим достоинством. И каждый пусть поспешит получить благословение из руки пресвитера или диакона. Подобным образом пусть и оглашенный получает хлеб заклинания. Если будут одни миряне, то они должны поступать с умеренностью, ибо мирянин не может совершать евлогию.

29. О том, что́ следует вкушать с принесением благодарений

Каждый да вкушает во имя Господа. Ибо Богу угодно, чтобы мы ревнителями были у людей в единстве и трезвости.

30. О вечере вдов

Если кто-нибудь когда-нибудь желает, чтобы вдовы преклонного возраста участвовали в вечере, то пусть отпустит их до наступления вечера. Если же он не может принять их из-за избранного у него клира, то пусть, подавая им еду и вино, отпустит их, а они пусть берут все к себе, как им угодно.

31. О плодах, которые следует приносить епископу

Начатки плодов все пусть поспешат принести епископу; тот же, кто принимает, пусть благословляет и называет по имени того, кто принес, говоря:

«Благодарим Тебя, Боже, и приносим Тебе начатки плодов, которые Ты дал нам, для употребления, взращивая их словом Твоим, повелевая земле производить всякие плоды для радости и питания людям и всяким животным.

За все это хвалим Тебя, Боже, также и за все то, что Ты даровал нам, украшая для нас землю различными плодами, через Отрока

[1] Apoforetum — еда, которая предлагается гостям, чтобы они унесли ее с собой.

Твоего Иисуса Христа, Господа нашего, через Которого **Тебе слава** во веки веков. Аминь».

32. Благословение плодов

Благословляются же плоды: виноград, смоква, гранат, маслина, груша, яблоко, тутовые ягоды, персик, вишня, миндаль, слива, но не арбуз, дыня, огурцы, лук, чеснок и ничего из других овощей. Но иногда приносят и цветы. Приносят розу и лилию, других же цветов не приносят. И за все, что приносится, пусть возносят благодарение Святому Богу, принимая все к Его славе.

33. О том, что не подобает, чтобы кто-либо на Пасху вкушал что-нибудь раньше часа, который установлен для еды

Никто на Пасху пусть не вкушает до причащения. Ибо кто так поступает, тому пост не засчитывается. Беременная же женщина или больной, который не может два дня поститься, пусть постится по необходимости в субботу, довольствуясь одним хлебом и водой.

Если же кто, будучи в плавании или по другой необходимости, не знал дня [Пасхи], то, узнав об этом, пусть постится за прошедший пост после Пятидесятницы. Ибо Пасха, которую мы празднуем не является [символом][1]. Образ [typus] уже прошел, поэтому пост переносится на второй месяц, и кто должен поститься, пусть сделает это в действительности.

34. О том, что диаконы должны находиться при епископе

Всякий диакон с иподиаконами должен находиться при епископе. Пусть ему также сообщают о больных, с тем чтобы он, если угодно епископу, посетил их. Больной будет весьма обрадован, так как первосвященник вспомнил о нем.

35. О времени, когда подобает молиться

Пусть верные, после того как проснутся и встанут с постели, перед началом своей работы молятся Богу и затем пусть спешат к труду своему. Если же имеется поучение, то пусть сначала предпочтут его, чтобы пойти и послушать Слово Божие *для* укрепления

[1] Эта фраза в латинской версии опущена, но она сохранилась в саидической, арабской и эфиопской версиях, где читаем: «Non est enim pascha quod custodimus [typus]», что означает буквально: «Ибо не является Пасхой то, что мы сохраняем [как образ]». Ботте считает это место ошибочным и исправляет его следующим образом: «Ибо Пасха, которую мы празднуем, не является [символом]». Ботте предполагает, что это место опущено в латинской версии благодаря его неясности *(Botte.* La Tradition Apostolique, p. 81, n. 2).

своей души. Пусть также будут приложены и к церкви, где процветает Дух.

36. О том, что следует принимать Евхаристию, когда она совершается, до принятия всякой пищи

Каждый христианин пусть поспешит, прежде чем вкусит что-нибудь, принять Евхаристию. Если он принял ее с верой, то, если даже ему дали после этого что-нибудь смертельное, оно не сможет ему повредить.

37. О том, что следует тщательно хранить Евхаристию

Пусть каждый стремится к тому, чтобы язычник не вкушал от Евхаристии, также ни мышь, ни другое животное, и чтобы ничто не упало и не погибло от нее. Ибо это — Тело Христово для вкушения верующим, и оно не должно быть пренебрегаемо.

38. О том, что ничто не должно упасть из чаши

Благословляя чашу во имя Божие, ты принял ее как вместообразное (antitypum) Крови Христа. Поэтому не проливайте, чтобы вследствие твоего пренебрежения не слизнул бы это чуждый дух. Ты будешь судим за Кровь, как тот, кто презрел то, что искуплено (quod comparatus est).

39. О диаконах и пресвитерах

Диаконы же и пресвитеры ежедневно пусть собираются в указанное для них епископом место. Диаконы же пусть не пренебрегают собираться во всякое время, если только им не препятствует болезнь. Когда все собрались, пусть наставляют тех, кто находится в церкви, и, таким образом, по совершении молитвы каждый пусть принимается за дела, к которым он пригоден.

40. О местах погребения

Не дблжно обременять человека при погребении [человека] на кладбище, ибо таково положение всякого бедняка. Однако пусть заплатят тому рабочему, который выкопал яму, и стоимость кирпичей. Тех же, которые находятся в этом месте (т. е. на кладбище) и имеют заботу [о нем], должен содержать епископ, чтобы никто из тех, кто приходит в это место, не был бы обременяем.

41. О времени, когда следует молиться

Все верные, мужчины и женщины, восстав утром ото сна, прежде чем приняться за какую-либо работу, пусть умоют свои руки и помолятся Богу и, таким образом, пусть приступают к своей работе. Если же будет поучение и будет Слово Божие [читаться], то пусть каждый предпочтет лучше идти в то место, считая в сердце своем, что Бог говорит через того, кто наставляет.

Ибо кто молится в церкви, тот сможет избежать опасности дня. Тот, кто опасается этого, пусть считает большим злом не идти в то место, где проповедуют, в особенности же если он умеет читать или если он является просвещенным человеком[1].

Никто из вас не должен опаздывать в церковь, где учат. Тогда будет дано тому, кто говорит, учить о том, что полезно каждому, и ты услышишь о том, чего не знал, и ты усовершенствуешься в том, что даст тебе Святой Дух через того, кто учит. Таким образом, твоя вера укрепится от того, что услышал. Скажут тебе в этом месте (т. е. в церкви), чем следует тебе заниматься у себя дома. Вот почему каждый пусть усердно ходит в церковь — место, где процветает Святой Дух. Если же в какой-либо день не будет поучения, тогда каждый, хотя бы у себя дома, пусть возьмет святую книгу и читает в достаточной степени то, что, как ему кажется, принесет пользу.

И если ты у себя дома, то молись в третьем часу и благословляй Бога. Если же ты в это время находишься в другом месте, то молись Богу в сердце своем. Ибо в этот час Христос был распят на древе. Вот почему еще Ветхий Завет предписывал, чтобы в любое время (in omni tempore) приносился хлеб предложения как символ Тела и Крови Христовых; и заклание агнца бессознательного является символом совершенного Агнца. Ибо Христос является Пастырем; Он же есть и Хлеб, сошедший с небес.

Молись также и в шестой час. Ибо когда Христос был распят на кресте, то день сей был разделен [тьмою] и наступил большой мрак. Итак, пусть молятся в этот час горячей молитвой, подражая голосу Того, Кто молился и покрыл мраком все творение из-за неверных иудеев.

Пусть совершают также большое моление и большое благословение в девятый час, чтобы уяснил ты способ, которым душа праведных благословляет Бога, Который не забывает, [но] Который вспомянул Своих святых и послал Слово Свое для просвещения. Итак, в этот час, когда Христос был прободен, пролились вода и кровь, и, освящая остаток дня, привел его к вечеру. Поэтому ложащийся спать и полагающий начало другому дню делает образ воскресения.

Молись также, прежде чем тело отдохнет в постели. Но в полночь, вставая, умой руки водой и помолись. Если же и твоя жена с тобою, то молитесь оба вместе: если же она еще язычница, то, удаляясь в другую комнату, помолись и снова возвращайся в свою постель. Не будь ленивым к молитвам. Кто состоит в браке, не считается нечистым.

[1] Два последних положения не совсем ясны, и их весьма трудно объяснить.

Ибо те, которые омыты, не имеют нужды снова омываться, ибо они чисты (Ин. 13, 10). Когда ты дуешь в свою руку и осеняешь себя слюной из своего рта, то тело твое освящено до ног. Ибо дар Духа и вода омовения (т. е. крещения), когда их предлагают, струясь из верующего сердца, как из источника, освящают того, кто уверовал. Поэтому необходимо в этот час молиться. Ибо и старцы, которые передали нам, наставили нас в том, что в этот час все творение утихает на какое-то мгновение, чтобы прославить Господа: звезды, деревья и воды останавливаются на одно мгновение, и весь сонм ангелов служат Ему в этот час и хвалят Бога вместе с душами праведников. Вот почему верующие должны в этот час спешить помолиться.

Свидетельствуя же об этом, Господь так сказал: «Вот слышен в полночь крик говорящих: Вот жених идет, вставайте навстречу Ему» (Мф. 25, 6). И продолжает, говоря: «...поэтому бодрствуйте, ибо не знаете часа, когда Он придет» (Мф. 25, 13).

И при пении петуха, вставая, также молись, ибо в этот час, при пении петуха, сыны Израиля отреклись от Христа, Которого мы познали через веру в надежде вечного света в воскресении мертвых, обращая свой взор к этому дню.

Итак, все вы, христиане, исполняя это и сохраняя в памяти, взаимно поучая друг друга и подавая пример оглашенным, сможете избежать искушения и не погибнуть, если всегда будете иметь Христа в памяти.

42. О крестном знамении

Всегда старайся смиренно осенять свой лоб крестным знамением. Ибо это знак Страстей, данный против диавола, если кто с верой его совершает, а не для угождения людям, чтобы через знание предлагать его как панцирь. Ибо враг, видя духовную добродетель, исходящую от сердца, подобие явно представленного омовения — трепеща обращается в бегство, когда ты не уступаешь ему, а вдохновляешь самого себя. Это самое было в прообразе Моисеева агнца, которого приносили в жертву на Пасху и кровью которого (Моисей. — *П. Б.)* окроплял порог, помазывая оба косяка дверей, и это обозначает то, что есть теперь в нас, — веру в совершенного Агнца. Осеняя себе рукою лоб и глаза, мы отгоняем того, кто пытается погубить нас.

43. Заключение

Итак, когда это будет принято благожелательно и с твердой верой, оно даст Церкви устроение и верующим — жизнь вечную. Конечно, всем слушающим апостольское Предание...[1]

Ибо, если все выслушавшие апостольское Предание последуют ему и соблюдут его, то никто из еретиков и решительно никакой человек не смогут завлечь вас. Ибо таким образом возникли многие ереси, так как предводители их не пожелали внимать словам апостолов, но по своей прихоти делали то, что хотели, а не то, что следует. Если мы опустили какую-либо вещь, то это Бог откроет тем, которые достойны, ибо Он управляет Церковью, которая достойна, чтобы прийти к тихой пристани.

[1] Пропуск в тексте.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК КИПРИАН КАРФАГЕНСКИЙ

ЖИЗНЬ

Святой Киприан был вторым крупным карфагенским богословом III в. Он считал себя учеником и преемником Тертуллиана. Не унаследовав выдающейся литературной одаренности Тертуллиана, его яркого полемического темперамента, он, однако, несравненно превзошел его своими духовными и пастырскими качествами, добротой и снисходительностью, миролюбием и внутренним благородством. Имя св. Киприана принадлежит не только истории древнецерковной литературы, но и в еще большей степени истории христианской святости.

О жизни св. Киприана мы узнаем как из его собственных писем, так и из Жития, составленного предположительно его диаконом Понтием. Цецилий Киприан, по прозвищу Тасций, родился между 200 и 210 гг. в Африке, вероятнее всего в Карфагене, в богатой и знатной языческой семье. Он получил превосходное образование, был профессором в риторической школе и занимался адвокатской практикой. Уже в зрелом возрасте (ему было около 45 лет) Киприан познакомился с христианским священником Цецилианом, которому обязан своим обращением к Церкви. Крещение было для К-иприана началом новой жизни: «Когда возрождающие воды ом ли пятна моей прежней жизни и в очищенное и оправданное сер це пролился небесный Свет, когда, приняв Духа небесного, сделалс я по второму рождению новым человеком, тогда чудным образом - сомнения разрешились в уверенность, тайны начали открываться, м ак исчезать; то, что прежде казалось трудным, сделалось удобн м; невозможное стало возможным; я начал познавать, что вся моя п-режняя жизнь, проведенная во грехах, была лишь жизнь земная и то теперь только началась жизнь Божия, оживляемая Святым Духом» (Письмо 1 к Донату).

Вскоре после своего обращения Киприан принял священный сан. В 248 или начале 249 г. он был всенародно избран и посвящен в сан епископа г.Карфагена. Быстрое продвижение Киприана вызвало зависть у некоторой части духовенства; оппозицию новому епископу возглавил пресвитер Новат. Святитель ревностно принялся за работу по исправлению нравов вверенной ему епархии. Письма и трактаты св. Киприана позволяют представить печальное нравственное

состояние африканских Церквей: «Не заметно стало в священниках искреннего благочестия, в служителях — чистой веры, в делах — милосердия, в нравах — благочиния ... С гордостью и надменностью презирают предстоятелей Церкви, ядовитыми устами клевещут друг на друга, упорной ненавистью производят взаимные раздоры. Весьма многие епископы, которые должны увещевать других и быть для них примером, перестав заботиться о божественном, стали заботиться о мирском: оставив кафедру, покинув народ, они скитаются по чужим областям, стараясь не пропустить торговых дней для корыстной прибыли, и, когда братья в церкви алчут, они, увлекаемые любостяжанием, завладевают братскими доходами, увеличивают свои барыши» (О падших).

Мирная пастырская деятельность святителя была прервана в 250 г. гонением императора Декия, который вскоре после своего вступления на римский трон отдал приказ всем жителям империи, вне зависимости от вероисповедания, принять участие в жертвоприношении и молитвах о его здравии. Те христиане, которые отказались участвовать в языческой церемонии, были брошены в тюрьмы; другие, согласившиеся принести жертвы богам, остались на свободе, однако были отлучены от Церкви. Карфагенская Церковь разделилась на две неравные части: исповедников (не принесших жертвы) и «падших» (принесших их): последняя группа была гораздо более многочисленной, чем первая.

Святой Киприан на время гонения удалился из Карфагена. Он, однако, продолжал руководить своей Церковью из изгнания через клириков, регулярно посещавших его. Бегство епископа вызвало недовольство у некоторой части карфагенской паствы, а также за пределами Африки: вскоре после мученической кончины папы Римского Фабиана священники и диаконы, управляющие Римской Церковью до выборов нового папы, послали письмо св. Киприану, в котором уведомляли его о кончине своего епископа; к письму было приложено другое письмо, в котором клирики выражали недоумения по поводу бегства карфагенского епископа. Святой Киприан послал в Рим отчет о своих действиях: «Как только разразилась в первый раз буря внезапного возмущения и народ часто обращался ко мне с неистовым воплем, я, следуя повелениям Господа и помышляя не столько о своей безопасности, сколько об общем спокойствии братьев, удалился на время, чтобы присутствием своим не увеличить еще более начавшегося смятения. Впрочем, отсутствуя телом, я не отсутствовал ни духом, ни делом, ни моими увещаниями и, согласно заповедям Господа, подавал советы братьям нашим, в чем только мог ...» (Письмо 14). Святитель приложил к письму копии тринадцати своих посланий карфагенскому клиру, исповедникам и мирянам, чтобы доказать, что он не бездействовал, сидя в изгнании.

В Карфагенской Церкви в это время возникла схизма в результате самочинных действий некоторых исповедников, противопоставивших свой авторитет власти епископа. В Карфагене издавна существовал обычай, согласно которому исповедник мог обратиться к епископу с письменным ходатайством за того или иного отлученных от Церкви: по его личному ходатайству епископ восстанавливал отпавшего и присоединял к верным. На этот обычай указывал еще Тертуллиан (в трактатах «К мученикам» и «О стыдливости»); обычай был признан Собором епископов Африки и Нумидии около 200 г. (и впоследствии подтвержден Карфагенскими соборами в 255 — 256 гг.). Воспользовавшись существовавшей традицией, исповедники во время отсутствия св. Киприана начали раздавать тысячи подобных записок падшим, которые тотчас отправлялись к епископу с требованием немедленно вернуть их в лоно Церкви. Святой Киприан, однако, считал необходимым соборно рассмотреть вопрос о восстановлении падших, а до созыва Собора предлагал им довольствоваться положением кающихся и не приступать к Причастию. Часть клириков во главе с диаконом Фелициссимом, недовольные чрезмерной, на их взгляд, строгостью епископа, отказалась повиноваться ему и учинила раскол. Среди раскольников оказались и пять священников, которые ранее противились избранию св. Киприана на карфагенскую кафедру; в их числе упомянутый выше пресвитерНоват. Он отправился в Рим и там примкнул к расколу Новациана против папы Корнелия.

Святой Киприан между тем вернулся в Карфаген и был с радостью встречен своей паствой. Он отлучил от Церкви Фелициссима и опубликовал два своих трактата — «О падших» и «О единстве Церкви», в которых осветил происшедшие события и призвал к единению с общей для всех Матерью — Церковью и со своим епископом. В мае 251 г. он созвал Собор, подтвердивший правильность его действий и вновь отлучивший схизматиков. Собор разделил падших на две категории: в одну вошли те, кто действительно принес жертву (sacrificati), в другую те, кто не участвовал в жертвоприношении, но получил ложное письменное свидетельство об участии в нем (libellatici, от libellum — свидетельство). Последние были прощены. Что касается первых, то Собор постановил, что они должны находиться в разряде кающихся; продолжительность периода отлучения каждого из них зависела от тяжести его вины. Однако в случае смерти или смертельной болезни пресвитерам разрешалось причащать их и присоединять к Церкви.

Летом 251 г. император Декий погиб на войне. Его преемником стал Требониан Галл. Христиане ожидали усиленных гонений, и Собор 252 г. под председательством св. Киприана постановил возвратить в лоно Церкви всех падших. Вскоре в Карфагене разразилась эпидемия чумы, во время которой христиане по указанию епископа оказывали бескорыстную помощь больным и умирающим — как своим единоверцам, так и язычникам. Мужественное поведение

епископа во время эпидемии повысило его авторитет в глазах паствы и всего народа.

Последующие годы были временем относительного спокойствия. Святитель продолжал свою пастырскую деятельность, писал богословские трактаты, созывал соборы и руководил ими. В 255—256 гг. им были созваны три Собора по вопросу о том, следует ли крестить еретиков, возвращающихся в лоно Церкви. Поместные Церкви держались на этот счет различной практики: на Востоке и в Африке считали недействительным крещение еретиков и всех возвращающихся в Православие принимали через крещение; на Западе принимали через возложение рук. Соборы под председательством св. Киприана в 255 г. и весной 256 г. подтвердили практику африканских Церквей и направили по этому поводу послание Римскому папе Стефану, которое, однако, заканчивалось словами: «Мы никого не насилуем и никакого закона не предписываем; предстоятель каждой Церкви волен поступать по своей воле и своему усмотрению; ответ за свои действия он даст Богу» (Письмо 73). Папа Стефан (254—256) ответил в резком тоне, усмотрев в действиях африканских епископов новшество, противоречащее Преданию Церкви, и пригрозив св. Киприану отлучением. Святой Дионисий Александрийский также решительно возражал против перекрещивания еретиков, крещенных во имя Святой Троицы. Киприан остался при своем мнении, и на Соборе 1 сентября 256 г. африканские епископы высказались в его поддержку. «Решение св. Киприана перекрещивать еретиков было правильным для его времени, когда было ясно, кто — еретики, разрушающие Церковь, — считает протоиерей Иоанн Мейендорф. — В дальнейшем положение Церкви в мире коренным образом изменилось. Когда в четвертом веке арианство было побеждено... невозможно и в пастырском отношении неправильно было бы заново крестить всех христиан, таинства над которыми совершались арианским духовенством почти во всем христианском мире. Очевидно, что единого общего решения этой проблемы не существует...» (Введение **р** святоотеческое богословие, с. 76).

Таким образом, ни папа Стефан и св. Дионисий Александрийский в III в., ни св. Василий Великий в IV в. не нарушали церковных канонов, отказываясь крестить возвращающихся из ереси. Напротив, целый ряд канонов подтверждает эту практику (I Всел. 8; II Всел. 7; Лаодик. 7; VI Всел. 95). Впоследствии бл. Августин упрекал св. Киприана, что в своем учении он не провел четкой границы между таинством и его «действенностью»: святость крещения, по мнению бл. Августина, не зависит от совершающего его; крещаемый от еретика может креститься во спасение, если он сам не находится в расколе; и если раскольник примирится с Церковью, его грехи прощаются в силу полученного им крещения *(Бл. Августин.* О крещении, 6, 1, 7).

Спор между предстоятелями Рима и Карфагена грозил перерас-

ти в длительную вражду, однако последующие события помешали этому- В начале 257 г. император Валериан издал эдикт против христиан, согласно которому храстианам запрещалось собираться на кладбищах, а члены клира должны были принести жертвы языческим богам. В августе 258 г. последовал второй эдикт, предписывающий казнить епископов и клириков, упорствующих в своей вере. Вскоре после начала гонений папа Стефан принял мученическую смерть. 30 августа св. Киприан был арестован и выслан из Карфагена в г. Керубис. В августе 258 г. по приказу проконсула Галерия Максима святитель вернулся в Карфаген, где узнал и о втором эдикте императора, и о мученической кончине епископа Римского Сикста II, преемника папы Стефана. Святой Киприан, находясь в Карфагене под домашним арестом, ожидал суда и казни. В одном из последних писем он выражает готовность страдать и умереть за Христа: «Император Валериан к указу своему приложил еще и копию с предписания... относительно нас. Этого предписания мы и ожидаем со дня на день, с твердой верой готовясь к подъятию страданий и уповая, при помощи Господа и по милосердию Его, получить венец жизни вечной...» (Письмо 65). Однако святитель хотел умереть непременно в своем городе, не разлучаясь с паствой, поэтому, когда проконсул уехал в Утику и потребовал туда св. Киприана, чтобы расправиться с ним вдали от Карфагена, святитель скрылся: «Епископу прилично исповедовать Господа там, где он первостоятельствует в Церкви... Мы ожидаем возвращения проконсула в Карфаген, имея в виду от него услышать, что постановили императоры...» (Письмо 66).

Когда Галерий прибыл в Карфаген, святитель вернулся в свой дом. 13 сентября он был арестован и доставлен к проконсулу. Во время допроса святителя толпа христиан собралась у дома Галерия. Сохранился краткий протокол допроса:

«Галерий Максим, проконсул, сказал святителю Киприану:

— Ты Тасций Киприан?

— Да, я.

— Ты был главой безбожных людей?

— Да.

— Священнейшие императоры велели тебе принести жертву.

— Не принесу.

— Подумай о себе.

— Делай, что тебе приказано. В деле столь справедливом нечего раздумывать.

Галерий Максим, поговорив со своими советниками, с трудом и с Досадой произнес такой приговор:

— Тасций Киприан приговорен к казни мечом.

Киприан-епископ сказал:

— Слава Богу.

Толпа братьев стала говорить:

— Пусть и нас обезглавят вместе с ним».

Святитель был казнен в тот же день на глазах у своей паствы. Почитание священномученика Киприана вскоре стало всеобщим не только в Карфагенской Церкви, но и за ее пределами. Святой Григорий Богослов в IV в. написал Похвальное слово св. Киприану, отметив, что его имя «некогда было славно для карфагенян, а ныне для всей Вселенной».

ТВОРЕНИЯ

Трактаты

Святой Киприан называет свои произведения «книгами» (liber — трактат). Некоторые трактаты св. Киприана имеют форму писем и издаются в числе писем святителя. «Письмо к Донату, о благодати» (в русском изд. — Письмо 1) принадлежит к этому разряду произведений св. Киприана. Оно написано вскоре после крещения св. Киприана, которое произошло, вероятно, на Пасху 246 г. Письмо носит автобиографический характер. Святой Киприан исповедует ошибки и грехи молодости, говорит о просвещающем и преображающем действии крещения, изменившего всю его жизнь.

«Книга о суете идолов» относится к числу ранних сочинений св. Киприана. Автор доказывает, что языческие божества — не что иное, как цари, которым после смерти начали воздавать поклонение. Нет прямой связи, считает св. Киприан, между языческой религией и процветанием римского государства. Единый Бог всемогущ, невидим и непостижим. Христос есть посредник между отцом и людьми; Он — Сын Божий, сила, ум, мудрость и слава Божия. Иудеи отвергли Божество Иисуса Христа, а христиане следуют за Христом. Трактат заканчивается призывом св. Киприана к верующим: «Христиане! И мы будем тем, чем является Христос, если будем подражать Христу».

3. «Три книги свидетельств против иудеев» посвящены Квиринию, которого автор называет «возлюбленным сыном». Они представляют собой компедиум библейских цитат, собранных, как об этом говорит автор в предисловии к первым двум книгам, в качестве «материала для трактата» против иудеев. В 1-й книге сгруппированы цитаты, непосредственно относящиеся к антииудейской полемике; 2-я книга содержит христологические тексты; 3-я книга снабжена собственным предисловием и представляет собой собрание цитат на нравственные и дисциплинарные темы. Очевидно, что 3-я книга написана позже, чем две первых. Если учитывать, что св. Киприан использовал материал из 3-й книги в трактате «Об одежде девственниц», можно предположить, что три книги составлены до 249 г. Они являются важнейшим источником по истории текста латинской Библии в III в.

«Книга об одежде девственниц» относится к числу церковно-дисциплинарных трактатов св. Киприана. «Благочиние (disciplina) — страж надежды, охранение веры, руководитель на пути спасения, **насаждение и** воспитание добрых наклонностей, учитель добродетели — делает человека способным пребывать всегда во Христе, по**стоянно** жить для Бога и стремиться к небесным обетованиям и божественным наградам», — так начинает св. Киприан свой трактат. Дисциплина заповедана Священным Писанием и особенно необходима для дев, которые являются «цветом» церковной общины. Украшением дев должно быть целомудрие и девство, а не наряды и косметика. Дева должна быть выше всего этого: «Итак, девы... пребудьте такими, какими вас создал Художник-Бог». Трактат написан до начала гонения Декия, в первые годы епископства св. Киприана, вероятнее всего в 249 г.

«Книга о падших» написана после возвращения св. Киприана в Карфаген весной 251 г. Святитель благодарит Бога за восстановление мира, ублажает мучеников и исповедников, приводя их подвиг в пример всей общине. Далее он говорит о впадших в идолопоклонство: им нелегко вернуться в лоно Церкви, они должны пройти покаяние. «Либеллатики» (получившие свидетельство) также согрешили перед Богом; они должны осознать свой грех и исповедовать его. Трактат был прочитан на Соборе в Карфагене весной 251 г. и стал основой для соборных решений по делу о падших.

«Книга о единстве Церкви» — важнейший экклезиологический трактат, появившийся в III в. Он написан по поводу расколов Новациана и Фелициссима в 251 г. Все расколы и ереси — от диавола, говорит св. Киприан. Залог спасения — единство Церкви, которая основана на Петре и других апостолах: «Господь говорит Петру: «И Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я созижду Церковь мою и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16, 18)... И опять Он говорит ему же по воскресении Своем: «паси овец моих» (Ин. 21, 16). Таким образом основывает Церковь Свою на одном... Конечно, и прочие апостолы были то же, что и Петр, — имели равное с ним достоинство и власть; но вначале указывается один, для обозначения единства Церкви». Святой Киприан подчеркивает, что вне единой Церкви нет спасения: «Епископство одно, и каждый из епископов в нем участвует. Также и церковь одна, хотя с приращением плодородия, расширяясь, дробится на множество [поместных церквей]... Тот не может уже иметь Отцом Бога, кто не имеет Матерью Церковь». **Схизматики** раздирают нешвенный хитон Христов. Грех отпадения от Церкви не смывается даже мученической кровью. Святой Киприан призывает раскольников покаяться и вернуться в лоно Церкви; в противном случае их ждет вечная гибель. Трактат «О единстве Церкви» имел важное значение для развития экклезиологии на Западе: в последующие столетия к нему, а также к другим трактатам и письмам св. Киприана обращались для подтверждения римского учения

о главенстве Петра в Церкви. Однако «в наше время, — отмечает протоиерей Иоанн Мейендорф,— большинство ученых, включая и многих римских католиков, соглашаются, что, говоря о «престоле Петра» как основании единой Церкви, Киприан имел в виду не Римский престол, а любую местную Церковь. В своем конкретном случае он имел в виду Карфагенскую Церковь» (Ввведение в святоотеческое богословие, с. 70). Католический патролог И. Куастен также считает, что.«Киприан не признавал примата юрисдикции епископа над своими коллегами. Он также не думал, что Петру была дана власть над другими апостолами... В первенстве он видел первенство чести, а в епископе Римском — primus inter pares (первого среди равных)» (Partology, p. 376-378). Трактат «О единстве Церкви» сохранился в двух версиях, одна из которых включает позднейшие интерполяции, содержащие учение о примате Петра в Церкви.

«Книга о Молитве Господней» написана вскоре после трактата «О единстве Церкви» и содержит толкование на молитву «Отче наш». Святой Киприан пользовался в качестве источника сочинением Тертуллиана «О молитве»; вслед за Тертуллианом он утверждает, что молитва «Отче наш» содержит в сокращенном виде всю христианскую веру. Помимо комментария на Молитву Господню, книга содержит рассуждения о пользе молитвы вообще, об обычае молиться в третий, шестой и девятый часы, об утренней, вечерней и полночной молитве. Истинный христианин проводит в молитве день и ночь.

«Книга к Деметриану» написана в опровержение некоего Деметриана, обвинявшего христиан в том, что они являются причиной войн и стихийных бедствий, которые обрушиваются на Римскую империю. Ранее Тертуллиан (Апология, 40; К Скапуле 3; К народам, 1, 9) опровергал подобные же обвинений. Святой Киприан утверждает, что идолослужение и в особенности гонения, воздвигаемые язычниками против христиан, вызывают гнев Всемогущего Бога, посылающего наказания. Книга написана после трактата «О Молитве Господней», предположительно в 252 г.

«Книга о смертности» написана в разгар гонений на христиан, около 252 г., с целью укрепить их в готовности мужественно пережить смерть близких. «Ведь Господь предвозвестил... что бедствия в последние времена станут более и более умножаться. И вот сказанное сбывается!» Но гонения следует считать благодеянием и с радостью переносить их. Умерших братьев не надо оплакивать; нужно, напротив, стремиться пойти вслед за ними к вечному блаженству и встрече со Христом. Хотя в трактате усматривают влияние стоиков, особенно Цицерона и Сенеки, он целиком проникнут героическим духом раннего христианства.

В одно время с трактатом «О смертности» написана «Книга о благотворении и милостыне», в которой св. Киприан говорит о необходимости оказывать помощь нуждающимся, больным и умирающим. Добрые дела необходимы для спасения; они привлекают к творяшему их милость Божию и являются добрым примером для младших поколений. Книга пользовалась популярностью в христианской древности: Деяния III Вселенского Собора (Ефес, 431 г.) содержат несколько цитат из нее.

«Книга о благе терпения» основывается на трактате Тертуллиана «О терпении». Терпение, говорит св. Киприан вслед за Тертуллианом, является качеством, характерным для христиан; оно отличается от стоического безразличия. От терпения рождаются другие добродетели. Христос являет Собой наивысший пример терпения. Книга написана около 256 г. и является воспроизведением устной проповеди св. Киприана.

Вскоре после трактата «О благе терпения» написана «Книга о ревности и зависти». Святой Киприан утверждает, что ревность и зависть — диавольские сети, попав в которые христианин погибает. Сам диавол пал через зависть. Грех зависти — это «червь для души, яд для помыслов, ржавчина для сердца». Победа над грехами равна мученическому подвигу: «Не один только венец, получаемый во время гонения, предназначен для человека-христианина. И мир имеет свои венцы, которыми увенчиваются победители, ниспровергшие и низложившие врага в многоразличной и неоднократной битве. Укротившему похоть — победный знак воздержания; ставшему выше гнева и обиды — венец терпения... отбрось всю ту злобу, которой ты был одержим, и стремись спасительными стезями на путь вечной жизни».

«Письмо к Фортунату об увещании к мученичеству» предваряется вступлением, в котором автор излагает план сочинения, состоящий из 12 глав: 1—5) об идолопоклонстве; 6 — 7) христиане не должны ничего ставить выше Христа и уклоняться в мирскую жизнь; 8) они должны пребывать в вере, добродетели и благодати; 9) бедствия и гонения случаются для испытания христиан; 10) не следует бояться козней врага; 11) о гонениях на христиан предсказывал сам Христос; 12) праведников ожидают небесные награды. Мнения исследователей относительно датировки трактата расходятся: он написан во время одного из гонений — либо Декия (250 — 251), либо Требониана Галла (253), либо Валериана (257).

Письма

Сохранилось собрание писем св. Киприана в количестве 81, из которых 65 написаны им (в русском издании 66, так как в число писем включен трактат «К Донату»), а 16 являются ответами на его письма. Собрание является богатейшим источником сведений о Карфагенской Церкви III в., о гонениях на христиан со стороны римских властей, о жизни и деятельности св. Киприана, о его выдающихся современниках — папах Корнелии и Стефане, епископе Фирмилиане Кесарийском, еретике Новациане и др. Значительная часть

писем (более 30) относится к периоду удаления св. Киприана из Карфагена во время гонения Декия (250 — 251 гг.). Особый интерес представляет переписка св. Киприана с папами Корнелием и Луцием: 12 писем, адресованных им, направлены против Новациана. В переписке с папой Стефаном обсуждается вопрос о крещении еретиков. Письмо 63, к Цецилию о таинстве Чаши Господней, представляет собой трактат о Евхаристии: в нем св. Киприан высказывается против использования в некоторых христианских общинах на Евхаристии воды вместо вина, смешанного с водой. Письма св. Киприана являются памятником христианской латыни III в.: они воспроизводят разговорный язык того времени, тогда как трактаты св. Киприана отличаются литературной изысканностью.

Неподлинные сочинения

Два трактата, написанные именем св. Киприана,— «О зрелищах» и «О добродетели скромности» — принадлежат перу его современника и оппонента Новациана.

Трактат «К Новациану» написан одним из африканских епископов, разделявших взгляды св. Киприана относительно необходимости крещения еретиков, между 253 и 257 гг.

Напротив, автор трактата «О перекрещивании», также написанного именем св. Киприана, не разделял его взгляды по этому вопросу. Трактат написан, вероятно, при жизни св. Киприана одним из африканских священников.

Среди других псевдоэпиграфов — трактаты «Против игроков», «Об одиночестве клириков» (против конкубината священнослужителей), «О пасхальном счислении» (против св. Ипполита Римского), «Против иудеев», «О похвале мученикам», «О горах Синае и Сионе», «Увещание к покаянию», «Вечеря Киприана» (о браке в Кане Галилейской), «К Вигилию епископу о иудейском неверии», «О стократном, шестидесятикратном и тридцатикратном» (о мучениках, подвижниках и добрых христианах). Наличие большого количества псевдоэпиграфов показывает, что имя св. Киприана пользовалось исключительным авторитетом на латинском Западе.

БИБЛИОГРАФИЯ

Творения, оригинальный текст

Cyprianus, епископ Карфагенский. Opera **omnia**/Rec. **et comment, critico instruxit** G. Hartel. — P. 1—3. — Vindobona (Wienna), 1868—1871. — **(Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum...;** V. 3, **pt.** 1—3).

Творения, русский перевод

Киприан, епископ Карфагенский. Творения св. священномученика Киприана, епископа Карфагенского. — Ч. 1—2. — Киев, 1891.

Киприан, епископ Карфагенский. Письма: (К 1725-летию со дня кончины)//Богословские труды. — М., 1985, — Сб. 26. — С. 197-221.

Литература

Антоний (Мельников), митрополит. Рец. на кн.: Saumagne Ch. Saint Cyprien évêque de Carthage et "pape" d'Afrique. Paris, 1975//Богословские труды. — М., 1978. —Сб. 18. — С. 231-237

Григорий Богослов. Слово 24, в похвалу святого священномученика Киприана...//Григорий Богослов. Творения: В 2 т. — Т. 1. - СПб.: Сойкин, 1912. - С. 346-357.

Жизнь и творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского//Киприан, епископ Карфагенский. Творения... — Киев, 1891. - Ч. 1. - С. 1-87.

Жизнь и творения святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского//Труды Киевской Духовной Академии. — 1860. - № 1. - С. I-XCII.

Карфагенский епископат времен святителя Киприана: (Опыт характеристики)//Богословские труды. — М., 1985. — Сб. 26. - С. 222-223.

Киприан, епископ Карфагенский. Письма: (К 1725-летию со дня кончины): Предисловие//Богословские труды. М., 1985. — Сб. 26. - С. 181-197.

Порфирий (Попов), архимандрит. Святой Киприан, епископ Карфагенский//Творения святых Отцов в русском переводе: Прибавления. - М., 1856. - Ч. 15. - С. 494-595.

Святой Киприан, епископ Карфагенский. — СПб, 1908.

Св. Киприан, епископ Карфагенский и мученик, как поборник един-

ства Церкви//Христианское чтение. — 1858. — Ч. 1. — С. 28-55.
Сергеев С. Жизнь и труды священномученика Киприана, епископа Карфагенского. — Загорск, 1962.
Скворцов К. Св. Киприан во время моровой язвы//Труды Киевской Духовной Академии. — 1866. —№ 8. — С. 441—460.
Хитрое М. Св. Киприан, епископ Карфагенский, и его паства во время эпидемии//Странник. — 1879. — № 3. — С. 457—466.
AlesA.d'. La th6ologie de saint Cyprien. — Paris, 1922.
Bardy G. La théologie de l'Eglise de saint Irénée au Concile de Nicée. — Paris, 1947. —P. 171—251.
Bayard L. Le Latin de Saint Cyprien. — Paris, 1902.
Benson E. W. Cyprian: His Life, His Times, His Work. — London, 1897.
Ernst J. Cyprian und das Papstum. — Mainz, 1912.
Ernst J. Die Ketzertaufangelegenheit in der altchristichen Kirche nach Cyprian. Mainz, 1901.
Faulkner J. A. Cyprian the Churchman. — Cincinnati, 1906.
Fighter J. H. Saint Cecil Cyprian, Early Defender of the Faith. — St. Louis; London, 1942.
Golts E. van der. Das Gebet in der altesten Christenheit. — Leipzig, 1901.
Hummel E. The Concept of Martyrdom according to St. Cyprian of Carthage. — Washington, 1946.
Kneller C. A. Der hi. Cyprian und das Kennzeichen der Kirche. — Freiburg, 1914.
Koch H. Cyprian und der rOmische Primat: Ein kirchen — und gogmengeschichtliche Studie. — Leipzig, 1910.
Koch H. Cyprianische Untersuchungen. — Berlin, 1926.
Das lateinische Neue Testament zur Zeit Cyprians nach Bibelhandschriften und V3terzeugnissen.../Hrsg. von H. F.von Soden. — Leipzig, 1909. — (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur; Reihe 3, Bd. 3).
LudwigJ. Der heilige Martyrerbischof Cyprian von Karthago. — Munich, 1951.
Monceaux P. Histoire litteraire de l'Afrique cЬгёНеппе: Depuis les origines jusqu'& Г invasion arabe. — T. II: Saint Cyprien et son temps. — Paris, 1914.
Monceaux P. Saint Cyprien, 6v8que de Carthage, 210—258. — Paris, 1914.
Muir W. Cyprian: His Life and Teachings. — London, 1898.
Navickas J. C. The Doctrine of St. Cyprian on the Sacraments. — Würzburg, 1924.
PoschmannB. Ecclesia principalis: Ein kritischer Beitrag zur Frage des Primats bei Cyprian. — Breslau, 1933.

Poschmann B. Paenitentia secunda: Die kirchliche Busse im altesten Christentums bis Cyprian und Origenes. — Bonn, 1940.
Poschmann B. Die Sichtbarkeit der Kirche nach der Lehre des hi. Cyprian: Eine dogmengeschichtliche Untersuhung. — Padeborn, 1908.
Ritschl O. Cyprian von Karthago und die Verfassung der Kirche. — Gottingen, 1885.
Saumagne Ch. Saint Cyprien eveque de Carthage et "pape" d'Afrique. — Paris, 1975.
Schrijnen J. K. F. H., Mohrmann Ch. Studien zur Syntax der Briefe des hi. Cyprians. — Bd. 1—2. — Nijmegen, 1936—1937.
ShotwellJ. Th., Loomis L. R. The See of Peter. — New York, 1927.
Soden H. von. Die Prosopographie des afrikanischen Episkopats zur Zeit Cyprians. — Roma, 1909.
Sullivan D. D. The Life of the North Africans as revealed in the Works of Satint Cyprian. — Washington, 1933.

КНИГА О СУЕТЕ ИДОЛОВ

Идолы не боги. Бог есть один, и чрез Христа даровано спасение верующим; не боги те, кого чтит чернь; все это видно из следующего.

Были когда-то цари, которых близкие к ним по царственному воспоминанию стали потом чтить и после смерти: им учредили храмы и, чтобы удержать в изображении лики усопших, изваяли статуи, закалали жертвы и торжественно праздновали дни, им посвященные. Впоследствии то, что ближайшими было сделано в свое утешение, для потомков сделалось священным. Посмотрим, в частности, везде ли так было. Мелицерт и Левкотея низвергаются в море и делаются потом морскими божествами; Касторы умирают попеременно, чтобы жить; Эскулап сожигается молниею, чтобы стать богом; Геркулес испепеляется огнями горы Оэты, чтобы перестать быть человеком; Аполлон пас стада Адмета; Нептун построил Лаомедону стены, и несчастный строитель не получил платы за свой труд. На острове Крите можно видеть пещеру Юпитера, и там показывают гроб его. Известно, что он изгнал оттуда Сатурна и страна, куда этот скрылся, получила название Лациума[1]. Сатурн научил письменам и первый в Италии стал чеканить монеты, отчего и казнохранилище называется Сатурновым. Занимался он и земледелием и потому изображается стариком, несущим косу. Его, изгнанного, приютил Янус, от которого получил название Яникул и месяц Януарий и который изображается двуличным, так что, стоя как бы посредине, он смотрит, по-видимому, на год наступающий и преходящий. А Мавры явно чтут царей и этого ничем не прикрывают. И потому почитание богов изменяется по различию народов и областей, так что не всеми почитается один бог, но у каждого соблюдается собственное почитание своих предков. Александр Великий в знаменитой книге пишет к матери своей, что жрец, из боязни его могущества, передал ему тайну о богах-людях, — о том, что сохранение памяти предков и царей послужило поводом к обрядам празднований и жертвоприношений. Но если боги рождались когда-либо, то почему не рождаются и ныне? Неужели Юпитер состарился или Юнона сделалась бесплодною? Да и почему ты считаешь могущественными для римлян тех богов, которые против их оружия не могли отстоять своих? Ибо мы знаем отечественных богов римлян. У них есть Ромул, чрез клятвопреступление Прокула сделавшийся богом; есть Пик, Тиберин, Пилюмн и Коне — бог обмана, которого Ромул, после вероломного похищения сабинянок, велел чтить как бога советов. Таций нашел и почтил богиню Клоацину, Гостилий — Павора и Паллора. Вскоре, не знаю кем, обоготворены Фебрис, Алка и Флора — распутные женщины. Вот боги римские! Далее, Марс

[1] Latium от latebra — место убежища.

фракийский, Юпитер Критский, Юнона Аргосская, Самосская и финикийская, Диана Таврическая и мать богов Идэя, а также египетские чудовища — это не божества, потому что если бы они имели **сколько**-нибудь силы, то свои царства сохранили бы для своих. Правда, есть у римлян и побежденные пенаты, которых принес беглец — Эней; есть и Венера плешивая, которая гораздо гнуснее, чем Гомерова изъязвленная Венера.

Что касается царств, то они переходят не по заслугам, а меняются поочередно. Так прежде, как известно, владычествовали ассирияне, мидяне и персы; царствовали греки и египтяне; потом при преемственной смене властей пришло время и римлянам владычествовать над прочими. Но начало их царствования приводит в стыд. Собирается толпа из злодеев и разбойников и, учредив убежище для безнаказанности преступлений, увеличивает свое число. Затем, чтобы царь был первым и в преступлении, Ромул делается братоубийцею и, чтобы ввести супружество, полюбовное дело начинет раздорами. Похищают, свирепствуют, обманывают для увеличения числа граждан. Браки у них — это нарушенные права гостеприимства и жестокие войны с родными. Самое высшее достоинство у римлян есть консульство; но и консульство началось так же, как и царство: Брут умерщвляет своих сыновей, чтобы молвою о таковом злодеянии возвысить славу этого достоинства. Итак, не чрез соблюдение религиозных обрядов, не по предзнаменованиям и прорицаниям возросло владычество римлян, а просто они сторожат улученное время до известного срока. Впрочем, Регул послушался предзнаменований и — был взят в плен и побежден; Манцин тоже держался религии и — подпал под иго. Павел держал у себя цыплят для ворожбы по съеденным ими зернам и, однако, был убит при Каннах; а Цезарь, пренебрегши прорицаниями и предзнаменованиями, которые запрещали ему плыть прежде зимы в Африку, тем удобнее доплыл туда и победил. Во всем плутни, обман и обольщение глупого и легковерного народа являются признаками, затемняющими истину.

Есть нечистые блудящие духи, которые, погрязши в мирских пороках и чрез пристрастие к земному отделившись от силы небесной, не престают — сами погибшие — губить, сами развратные — распространять разврат. Поэты знают их под именем демонов, и Сократ рассказывал, что он от демона получает наставления и управляется его произволом. Знаменитейший из волхвов (а волхвы заимствуют от них силу для своих действий, как зловредных, так и увеселительных), Гостан, отвергая возможность видеть образ истинного Бога, говорит, что престолу Его предстоят истинные ангелы. С этим согласен и Платон, который, признавая одного Бога, прочих называет ангелами или демонами. Гермес Трисмегист тоже говорит об одном Боге и называет Его непостижимым и неоценимым. Итак, под статуями и изображениями скрываются эти обоготворенные духи.

Они наитием вдохновляют сердца прорицателей, оживляют нервы изгнанников, управляют полетом птиц, властвуют над судьбами, производят прорицания, примешивая всегда ложь к истине, так что и сами обманывают; они тревожат жизнь, беспокоят во сне и, вторгшись в тела тайно, устрашают умы, уродуют члены, портят здоровье, вызывают болезни, чтобы заставить чтить себя; когда же, насытившись запахом алтарей и кострами животных, оставляют то, что обдержали, тогда кажутся целителями, потому что врачество от них и заключается в прекращении их навета. Главная забота их — отвлекать людей от Бога, отводить людей от разумения истинной религии к суеверному почитанию себя и, так как сами они осуждены на казнь, искать участников казни в тех, кого обманом успеют увлечь к участию в своем преступлении. Однако же, когда мы заклинаем их истинным Богом, они тотчас уступают, признаются и вынуждаются выйти из обдержимых ими тел. Смотри, как они от нашего голоса и действия сокровенного величества бичуются, жарятся как бы огнем, от прибавления продолжающейся казни растягиваются, воют, стонут, умоляют вслух самих почитателей своих, сознаются, откуда пришли и куда пойдут: потом или тотчас выходят или исчезают постепенно, смотря по тому, как тут содействует вера страждущего или помогает благодать вручающего. За это и стараются они поселить в толпе ненависть к нам, чтобы люди стали ненавидеть нас прежде, чем узнают, дабы, познавши, не стали подражать нам или не перестали осуждать нас. Итак, один есть Господь всех — Бог: величие Его не может иметь совместника, потому что Он Сам Всемогущ. Для единодержавия Божия возьмем пример и от предметов земных. Начиналось ли когда совместное царствование верностью или оканчивалось ли оно без кровопролития? У фивян родство нарушено, и даже смертью не прекращался разлад в кострах враждебных. Римских близнецов, которых вместе носила одна утроба, не могло вместить одно царство. Помпей и Цезарь были родные и, однако, не сохранили естественного союза из-за ревности к власти. Да и неудивительно видеть это в людях, когда то же замечается во всей природе. Одна матка у пчел, один вожатый в стадах, один предводитель в табунах. Тем более один есть правитель мира, который все сущее удерживает словом, располагает разумом, совершает силою. Его нельзя ни видеть — Он слишком светел для зрения, ни осязать — Он слишком чист для осязания, ни оценить — Он выше понятия; и мы тогда почитаем Его достойно, когда называем неоценимым. Какой же храм может иметь Бог, Которого храмом есть весь мир? Как заключить силу толикого величества в одно небольшое здание, когда и человек живет роскошнее? Ему мы должны поклоняться в нашем уме, чтить Его в нашем сердце. И не ищи имени для Бога: Бог — имя Ему. Слова нужны там, где надобно поразить чернь собственными отличиями названий; а для Бога, Который и есть только один, все заключается в слове «Бог». Он один и везде весь присущ,

так что и чернь во многих признает одного Бога, когда ум и уши получают напоминание о своем виновнике и владыке. Часто слышим, как говорят: «О Боже!», «видит Бог», «поручаю Богу», «да воздаст тебе Бог», «как Богу угодно», «если даст Бог». Потому-то величайшее преступление — не хотеть познать Бога, Которого не знать невозможно.

А вот по порядку о Христе и о том, как чрез Него даровано нам спасение. Сперва благодать у Бога имели иудеи: так древле они были праведны, так предки их соблюдали уставы религии! Оттого и царство их достигло самого цветущего состояния и произошло величие рода. Но потом, когда они, сделавшись небрежными, ненаказанными и гордыми, слишком понадеявшись на своих праотцов, презрели божественные заповеди, то потеряли дарованную им благодать. А о том, как сделалась нечиста их жизнь, как оскорбительно нарушали они религию, они сами свидетельствуют теперь, если не словом, то событием: рассеянные и бледные, они скитаются, лишенные своей земли и неба — ищут приюта у чужих. Между тем Бог еще прежде предвозвестил, что при склоне века и за приближением кончины мира Он соберет Себе от всякого языка, народа и места чтителей более верных и более послушных, и те будут почерпать от божественных даров ту благодать, которая дарована была иудеям, но которую они, через нарушение уставов религии, утратили. И вот распорядителем благодати и наставником благочиния посылается Слово, Сын Божий, просветитель и учитель рода человеческого, предвозвещенный всеми прежними пророками. Он — сила Бога, Его ум, мудрость и слава — вселяется в Деву, Дух Святой одевается плотью, Бог соединяется с человеком. Он — Бог наш, Христос, посредник между Отцом и нами — облекается в человека, чтобы привести его к Отцу. Христос захотел быть тем, чем есть человек, чтобы и человек мог быть тем, чем есть Христос.

Иудеи знали, что Христос придет, потому что пророки в предсказаниях своих всегда напоминали им о том. Но так как у пророков означалось двоякое пришествие Его: одно — в котором надлежало Ему по действиям и образу явиться человеком, а другое — в котором признали бы Его Богом, то иудеи, не уразумевши первого пришествия, тайно предшествовавшего в страдании, веруют только в одно то, которое откроется в могуществе. Такое непонимание со стороны иудеев было заслуженным следствием грехов их; они были наказаны слепотою в мудрости и разумении так, что, будучи недостойны жизни, они не видели жизни, хотя и имели ее пред очами. И потому, когда Иисус Христос, как это предсказали прежде пророки, словом Своим и повелением изгонял из людей бесов, исцелял расслабленных, давал зрение слепым, способность ходить хромым, воскрешал мертвых, заставлял стихии слушаться Себя, ветры служить, моря повиноваться, ад уступать, иудеи, считая Его, по смирению плоти и тела, только человеком, по свободе власти признавали вол-

хвом. Учители их и старейшины, которых Он посрамлял учением и мудростью, воспламенившись гневом и вознегодовав, преследовали Его и, наконец, захвативши, предали римскому правителю Сирии Пилату Понтийскому, насильственно и упорно требуя распятия и смерти. Он и Сам предсказывал, что они так поступят; да и все пророки свидетельствовали прежде, что Ему надлежит пострадать, не для того, чтобы претерпеть смерть, но чтобы победить, и что по страдании Ему надлежит снова возвратиться в вышняя, чтобы показать силу божественного величества. Таким образом, течение дел исполнило веру. При посредстве палача будучи распят, Он волею испустил дух и в третий день снова волею воскрес. Явился ученикам своим таким, каким был, так что, увидевши, они узнали Его. Оставаясь вместе, видимый по телесному существу, Он пробыл с ними сорок дней, наставляя их заповедям жизни и научая тому, чему потом они должны были учить. Затем Он поднят на Небо окружившим Его облаком, да возведет к Отцу как победитель человека, которого возлюбил, в которого облекся, которого избавил от смерти. Он снова приидет еще с Неба, но уже с силою карателя и с властью Судии, для наказания диавола и для суда рода человеческого. Между тем ученики Его, согласно повелению Учителя и Бога, разошлись по всему миру, чтобы преподать заповеди ко спасению, чтобы от тьмы заблуждений привести людей на путь света, слепых и неведущих просветить к познанию истины. Для большей же твердости доказательства, для более верного исповедания о Христе они искушаются пытками, крестами и многими родами казней; присоединяется болезнь — свидетельница истины, чтобы Христос, Сын Божий, данный людям для жизни, был возвещен не только проповедью слова, но и свидетельством страдания. Ему-то мы сопутствуем, Ему следуем, Его имеем вождем в пути, начальником света, виновником спасения, который ищущим и вкушающим обещает Небо и Отца.

Христиане! И мы будем тем, чем является Христос, если будем подражать Христу.

КНИГА О ПАДШИХ

Вот и мир возвращен Церкви, возлюбленнейшие братья, и — что недавно казалось для маловерных трудным, а для неверных невозможным, — помощью и возмездием Господним снова даровано нам спокойствие! Опять становится радостно на душе: буря и облако гонения рассеяны — настала тихая и ясная погода. Должно восхвалить и торжественно возблагодарить Бога за благодеяния и дары Его (хотя и во время гонения уста наши не переставали воссылать Ему благодарение, ибо врагу не дано столько власти, чтобы он отнял у нас возможность всегда и везде благославлять и славословить Господа,— у нас, которые любим Его всем сердцем, всею душою и

силою). Наступил желанный всеми день, и после ужасного и страшного мрака продолжительной ночи мир просиял, озаренный Господним светом.

Радостными очами взираем мы на исповедников, славных исповеданием доброго имени, достохвальных своей доблестью и верою; прилепляясь к святым объятиям, с ненасытимой любовью обнимаем так долго желанных. Пред нами светлый сонм воинов Христовых, которые, быв готовы претерпеть темницу, вооружившись к перенесению смерти, стойкостью своею утишили бурю постигшего гонения. Мужественно вы противостояли миру; блистательное зрелище представили Богу; были примером для последующих братьев. Благочестивый голос возглашал Христа, в Которого, по вашему исповеданию, раз навсегда вы уверовали. Славные руки, привыкшие только к божественным действиям, отказались служить при святотатственных жертвоприношениях. Уста, освященные небесной пищей, после Тела и Крови Господней не захотели прикоснуться ни к чему языческому — они оплевали идольские останки. Глава ваша осталась свободной от нечестивого и беззаконного покрова, которым покрывались там пленные главы приносивших жертвы; чистое чело с знамением Божиим не могло носить диавольского венца — оно сохранило себя для венца Господня. О, с каким восторгом Мать-Церковь принимает в свои объятия вас, возвращающихся с битвы! С каким блаженством и с какой радостью она отворяет свои врата, чтобы соединенными отрядами вошли вы, неся памятники победы над поверженным врагом! С торжествующими мужами приходят и жены, в образе с миром победившие даже свой пол; приходят и девы с сугубой славой своей воинственности, и отроки, доблестями своими превышающие свои лета. За вашей славой следует и остальное множество «устоявших»[1]; с весьма близкими к вашим и почти с одинаковыми достохвальными отличиями и они идут по стопам вашим; и в них — та же искренность сердца, та же целость непоколебимой веры. Утвержденные на незыблемых основаниях заповедей небесных и укрепленные евангельскими преданиями, они не убоялись ни предписанных ссылок, ни определенных им мучений: ни потери имущества, ни истязаний тела. Для испытания веры назначались сроки; но кто помнит, что он отрекся от мира, тот не знает никакого мирского срока: не помышляет уже о временах земных тот, кто ожидает вечности от Бога. Никто, возлюбленнейшие братья, никто да не уменьшает этой славы; никто злостной клеветой да не умоляет неповрежденной твердости «устоявших». Когда миновал срок, назначенный для отречения от веры, то, кто не отрекся в срок, — тем самым исповедал, что он христианин. Попасть в руки язычников и там исповедать Господа — это первое победное отли-

[1] «Устоявшие» или «стоящие» (stantes) противопоставляются тем, которые во время гонения пали (lapsi).

чие; осторожно скрыться, чтобы чрез это сохранить себя для Господа — это вторая ступень к славе. Там исповедание всенародное; здесь — тайное. Тот побеждает судью мирского; а этот, довольствуясь своим судьей Богом, сохраняет совесть свою чистой в непорочности сердца. Там виднее мужество; здесь покойнее само беспокойство. Тот за приближением своего часа найден уже созревшим; а этому, быть может, только отсрочено: оставивши наследственное достояние, он скрылся для того, что не желал отречься, и он, конечно, исповедал бы Христа, если бы был схвачен.

Эти небесные венцы мучеников, эти духовные отличия исповедников, эти величайшие и превосходные доблести устоявших братьев помрачает одна скорбь — скорбь о том, что жестокий враг опустошительным своим поражением ниспроверг часть, отторгнутую от наших внутренностей. Что мне делать при этом, возлюбленнейшие братья? Что мне, обуреваемому разными помыслами, и как сказать? Слезы более, чем слова, нужны для выражения той боли, с какой надлежит оплакивать язву нашего тела — многоразличную гибель народа, некогда многочисленного. Да и кто был бы столько нечувствителен и жестокосерд, столько чужд братской любви, чтобы, видя многоразличные развалины ближних своих, находясь среди плачевных и крайне обезображенных останков их, мог сохранить очи свои сухими и, при вырывающемся невольно рыдании, не обнаружил своего соболезнования слезами прежде, чем голосом? Болезную, братья, болезную вместе с вами, и к смягчению моей болезни нисколько не служит ни собственная моя непорочность, ни частное здравие: рана, наносимая стаду, преимущественно поражает пастыря. Сердце мое соединено с каждым из вас; с каждым я разделяю тяготу скорби и лишений: с плачущими плачу, с рыдающими рыдаю, с лежащими и себя считаю лежащим. И мои члены вместе с вашими пронзены теми же стрелами неистового врага: те же свирепствующие мечи прошли и через мою утробу. Дух мой не мог быть отстранен и свободен от напасти гонения: в поверженных братьях и меня повергла любовь.

Однако же, возлюбленнейшие братья, надобно быть правдивым; мрачная тьма неприязненного гонения не должна была настолько ослепить ум и чувство, чтобы вовсе не осталось света, не осталось никакого светоча, при котором можно бы усмотреть божественные судьбы. Если узнаем причину поражения, то найдется и врачевство для раны. Господь хотел испытать свою семью, и так как продолжительный мир повредил учение, преданное нам свыше, то сам небесный Промысл восстановил лежащую и, если можно так выразиться, почти спящую веру. При этом, в то время как мы заслуживали большее, всемилостивый Господь расположил все так, чтобы случившееся казалось более испытанием, чем гонением. Ведь стали же все заботиться о приумножении наследственного своего достояния и, забыв о том, как поступали верующие при апостолах и как всегда

поступать должны, с ненасытным желанием устремились к увеличению своего имущества. Не заметно стало в священниках искреннего благочестия, в служителях — чистой веры, в делах — милосердия, в нравах — благочиния. Мужчины обезобразили свою бороду, женщины нарумянили лица. Глаза — творение рук Божиих — искажены; волосы украшены ложью. Прибегают к коварным плутням для уловления сердец простых людей, обольстительными приманками завлекают братьев. Заключают супружеские союзы с неверными, члены Христовы предлагают язычникам. Не только безрассудно клянутся, но и совершают клятвопреступление. С гордой надменностью презирают предстоятелей церкви, ядовитыми устами клевещут друг на друга, упорной ненавистью производят взаимные раздоры. Весьма многие епископы, которые должны увещевать других и быть для них примером, перестав заботиться о божественном, стали заботиться о мирском: оставивши кафедру, покинувши народ, они скитаются по чужим областям, стараясь не пропустить торговых дней для корыстной прибыли, и, когда братья в Церкви алчут, они, увлекаемые любостяжанием, коварно завладевают братскими доходами и, давая чаще взаймы, увеличивают свои барыши. Чего же претерпеть не заслуживали мы за такие грехи, когда еще прежде, в предостережение наше, высказано было следующее божественное определение: *аще оставят закон Мой и в судбах Моих не пойдут; аще оправдания Моя осквернят и заповедей Моих не сохранят: посещу жезлом беззакония их и ранами неправды их* (Пс. 88, 31—33)? Все это предвозвещено и заранее нам предсказано. Но мы, не заботясь о данном нам законе и об исполнении его, презрев веления Господни, сделали нашими грехами то, что для исправления преступления и для божественного испытания потребовались более жестокие средства. И тут-то, хотя бы поздно, обратиться нам к страху Господню, чтобы терпеливо и мужественно подвергнуться этому нашему исправлению и испытанию божественному — так нет! Тотчас, при первых словах угрожающего врага, большое число братьев продало свою веру и, не быв опрокинуто бурей гонения, само себя низвергло добровольным падением.

Что же, скажите, случилось неслыханного, что — нового, чтобы с безрассудной поспешностью предавать таинство Христово, как будто произошло что-нибудь неведомое и неожиданное? Не возвестили ли об этом сперва пророки, а потом апостолы? Не предсказали ли мужи, исполненные Духа Святого, что праведные будут всегда гонимы и угнетаемы от язычников? Божественное Писание, всегда укрепляющее веру нашу и небесным голосом воодушевляющее рабов Божиих, не говорит ли сперва: *Господа Бога твоего да убоишися и тому единому послужиши* (Втор. 6, 13)? А потом не указывает ли оно на гнев и негодование Божие и не устрашает ли казнью, говоря: *и поклонишася тем, яже сотвориша персты их, и преклонися человек и смирися муж, не претерплю им* (Ис. 2, 8 — 9)? И опять говорит Бог:

J ^

иже жертву приносите богом, смертию да потребится, но точию Господу единому (Исх. 22, 20). Далее. Господь, Учитель в слове и Совершитель в деле, поучая тому, что надлежит делать, и делая то, чему учил, не предвозвестил ли прежде в Евангелии всего, что совершается ныне и будет совершаться? Не предназначены ли Им заранее вечные муки для отвергающихся Его и спасительные награды для исповедующих Его? О нечестие! Все это забыто, все вышло из памяти у некоторых. Они не дожидались даже, чтобы идти, по крайней мере, тогда, когда их схватят; отречься, когда будут спрашивать. Многие побеждены прежде сражения, низвержены без боя и даже не оставили для себя видимого предлога, будто они приносили жертву идолам по принуждению. Охотно бегут на торжище, добровольно поспешают к смерти, — как будто они рады представившемуся случаю, которого всегда ждали с нетерпением! Сколь многим правители делали там отсрочку по причине наступившего вечера и сколь многие просили даже, чтобы не отсрочивали их пагубы! Какую же силу для очищения своего преступления может высказать тот, кто употребил все свое усилие для того, чтобы погибнуть? И неужели, когда он шел к Капитолию, когда приступал к выполнению тяжкого злодеяния, у него не подкашивались ноги, не потемнялся взор, не трепетала утроба, не ослабевали мышцы? Неужели не притупилось у него чувство, не онемел язык, не иссякло слово? И мог там стоять, говорить и отрекаться от Христа раб Божий, который уже отрекся от диавола и мира? Неужели жертвенник, к которому он подходил, не был для него костром смертоносным? Не надлежало ли ему устрашиться диавольского алтаря, который видел он дымящимся и издающим смрадный запах, и бежать от него, как от погребального костра, угрожающего его жизни? Что же, несчастный, ты вместе с собою возглашаешь еще жертву для заклания? Ты сам жертва на этом жертвеннике, сам пришел для своего заклания. Ты заклал там свое спасение, свою надежду, теми гибельными огнями ты сжег свою веру.

Для многих недостаточно еще было собственной пагубы — народ подвигнут был к погибели взаимными увещаниями: взаимно предлагали друг другу испить смерть из смертоносного сосуда. Притом для совершенной полноты преступления даже младенцы, принесенные или привлеченные руками родителей, — малолетки, — и они утратили то, что получили вскоре после своего рождения. Не скажут ли они, когда наступит День Суда: «Мы не сделали ничего худого, оставивши пищу и чашу Господню, мы не спешили добровольно на языческое пиршество. Нас погубило чужое вероломство; родителей мы считаем своими убийцами: они отторгли нас от Матери-Церкви, от Отца-Бога, и мы, малые, неразумные, не понимающие важности столь тяжкого злодеяния, стали через других сообщниками беззакония— уловлены чужим коварством. И увы! Нет справедливой и верной причины, которая оправдывала бы такое преступление.

Надлежало покинуть отечество, оставить наследственное достояние: ибо кто из рождающихся и потом умирающих не должен будет когда-то расстаться с отечеством и оставить свое наследство? Только Христа оставлять не нужно; только потери спасения и утраты вечного жилища бояться надобно. Вот Дух Святой взывает через пророка: *отступите, отступите, изыдите отссюду и нечистоте не прикасайтеся, изыдите от Среды его, отлучитеся носящии сосуды Господни* (Ис. 52, 11). А тут те, которые сами суть сосуды Господни и храм Божий, не исходят от среды и не отступают, чтобы избежать прикосновения к нечистоте и не быть принужденными оскверниться идоложертвенными яствами! Еще слышится голос с неба, поучающий рабов Божиих, как им следует поступать: *изыдите из нея людие Мои, да не причаститеся грехом ея и от язв ея да не вредитеся* (Откр. 18, 4). Кто исходит и отступает, тот избегает участия в грехе; а кто становится сообщником в преступлении, тот сам подвергает себя ударам. Потому-то Господь и заповедал скрываться и убегать во время гонения: так Он учил и так Сам поступал. Венец дарується по Божиему удостоению, и его нельзя получить, пока не наступит час для принятия его. И потому кто, пребывая во Христе, отступает на время, тот не отрекается от веры, а только ожидает времени. Если же кто, не скрывшись, пал, то, значит, он оставался с намерением отречься. Не следует, возлюбленнейшие братья, скрывать истины, не следует умалчивать о поводе и причине нашего поражения. Многих обманула слепая любовь к наследственному их достоянию: не были готовы и не могли отступить те, которых, подобно путам, связывали их богатства. Это для остающихся были узы, это были цепи, которые задержали их доблесть, подавили веру, победили ум, оковали душу и, привязанные к земному, соделались добычею и пищею змия, пожирающего, по Божьему приговору, землю. Вот почему Господь, наставляя нас добру и предостерегая на будущее время, сказал: *аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое и даждъ нищим, имети имаши сокровище на небеси, и гряди в след Мене* (Мф. 19, 21). Если бы так поступали богатые, то они не погибали бы через свое богатство; если бы слагали свое сокровище на небе, то у них не было бы теперь домашнего врага и завоевателя: сердце, душа и чувство были бы в небе, если бы на небе было сокровище, и мир не мог бы победить того, у кого ничего не было бы в мире, над чем одерживается победа. Отрешенный и свободный, он следовал бы за Господом, как это делали апостолы и многие при апостолах, как это часто делали и другие, которые, оставивши свое имущество и родных, неразрывным союзом прилепились ко Христу. А то как могут следовать за Христом те, коих удерживают узы наследства? Как достигнуть неба, взойти на высоту и в горняя тем, которые отягчены земными пожеланиями? Рабы своего богатства — они почитают себя обладателями, тогда как на самом деле они обладаемы; нет, они не господа, а невольники своих денег!

Это время и этих людей обозначает апостол, говоря: *а хотящии богатитися впадают в напасти и сеть и в похоти многи несмыслены и вреждающия, яже погружают человека во всегубительство и погибель; корень бо всем злым сребролюбие есть, егоже нецыи желающе заблудиша от веры и себе пригвоздиша болезнем многим* (1 Тим. 6, 9—10). Между тем какие награды обещает нам Господь за презрение имуществ? Какими выгодами вознаграждает Он за эти малые и ничтожные временные потери? *Никтоже,* — говорит, — *есть, иже оставит дом, или родителей, или братию, или сестры, или жену, или чада, царствия ради Божия, иже не приимет множицею во время сие и в век грядущий живот вечный (Лк.* 18, 29 — 30). Зная это и имея верное понятие об истине обетований Господних, мы должны не только не страшиться, но и желать таковой потери, тем более что Господь снова возглашает и увещевает: *блажени будете, егда возненавидят вас человецы и егда разлучат вы и поносят и пронесут имя ваше яко зло, Сына человеческого ради. Возрадуйтеся в тот день и взыграйте: се бо мзда ваша многа на небеси* (Лк. 6, 22-23).

«Но ведь потом наступили истязания и сопротивляющимся угрожали тяжкие муки». Да разве может ссылаться на истязания тот, над кем одержали верх истязания? Разве может находить извинение в боли тот, кто побежден болью? Он может только умолять, говоря: «Я хотел сразиться мужественно и, помня свою клятву, вооружился доспехами преданности и верных, но в битве пересилили меня, сражающегося, различные мучения и продолжительные истязания. Ум оставался непоколебимым, вера — крепкой, и непреклонная душа долго боролась с мучительными казнями. Но когда зверство жестокосердого судии усилилось и меня, приведенного уже в изнеможение, стали сечь розгами, бить палками, растягивать на деревянной лошади, скребли когтями, жарили на огне, то плоть моя оставила меня в битве, немощь утробы уступила, и не дух изнемог в болезни, а тело». Подобное обстоятельство может содействовать прощению. Подобное оправдание может заслуживать сострадание. Так некогда и здесь Господь даровал прощение Касту и Емилию: побежденных в первой битве Он сделал победителями во второй, и те, кто уступили прежде огню, стали потом сильнее огня и одержали победу над тем, чем прежде были сами побеждены. Но они умоляли о помиловании не слезами, а ранами, не одним только плачевным голосом, а язвами и болезнями тела — вместо рыданий у них текла кровь, из полу сожженных внутренностей источалась сукровица. Какие же раны могут теперь показать побежденные, какие язвы зияющих внутренностей, какие повреждения членов, когда не в битве пала вера, но битву предупредило вероломство? Там не может быть приведена в извинение необходимость преступления, где преступление было добровольно.

Впрочем, я говорю это не с тем, чтобы увеличить вины братьев,

но чтобы более побудить их к удовлетворительному молению. В Писании сказано: *блажащии вас льстят вы и стези ног ваших возмущают* (Ис. 3, 12). Кто согрешающего нежит льстивыми ласками, тот только более располагает его ко греху и не подавляет преступлений, а питает. Но кто строгими советами изобличает и вместе наставляет брата, тот содействует его спасению. *Их же аще люблю,* — говорит Господь, — *обличаю и наказываю* (Откр. 3, 19). Так надлежит и священнику Божию не обманывать льстивыми услугами, но промышлять о спасительных лекарствах. Не искусен тот врач, который слегка только ощупывает напухающие извилины ран: сохраняя заключенный внутри, в глубоких впадинах, яд, он только увеличивает его силу. Надобно открыть рану, рассечь и, очистивши от гноя, приложить к ней сильнейший пластырь. Пусть больной вопиет, пусть кричит, пусть жалуется на нестерпимую боль — он будет потом благодарить, когда почувствует себя здоровым. А то, возлюбленнейшие братья, появился новый род поражения, и, как будто мало свирепствовала буря гонения, для восполнения ее возникло под видом сострадания обольстительное зло и пагуба. Некоторые, вопреки сущности Евангелия, вопреки закону Господа и Бога, по безрассудству своему допускают неосмотрительных к общению, дают им недействительный и ложный мир, пагубный для дающих и нисколько не полезный для принимающих. Не ищут выздоровления в терпении и истинного врачевства в удовлетворении. Покаяние изгнано из сердец, изглажено воспоминание о тягчайшем и крайнем беззаконии. Закрываются раны умирающих, и смертельная язва, глубоко внедрившаяся внутри, прикрывается притворным состраданием. Возвращающийся от жертвенников диавольских, с нечистыми и зараженными гарью руками, приступают к святыне Господней. Отрыгающие идольские яства устами, еще и теперь выдыхающими их беззаконие и пахнущими роковою заразою, принимают Тело Господне, несмотря на то что Божественное Писание воспрещает это, взывая громогласно: *всяк чистый да снест мяса; душа же яже аще снест от мяс жертвы спасения, яже есть Господу, и нечистота его на нем, погибнет душа она от людей своих* (Лев. 7, 19 — 20). То же свидетельствует и Апостол, говоря: *не можете Чашу Господню пити и чашу бесовскую; не можете трапезе Господней причащитися и трапезе бесовстей* (1 Кор. 10, 21). Он же делает следующую угрозу упрямым и непокорным: *иже аще яст хлеб сей, или пиет Чашу Господню недостойне, повинен будет Телу и Крови Господни (1* Кор. 11, 27). Ни во что вменивши сие и презревши все это, прежде чем загладить свои грехи, исповедать свое преступление, очистить совесть Таинством покаяния и возложением руки священнической умилостивить Господа, негодующего и угрожающего за нанесенное Ему оскорбление, — насилуют Тело Его и Кровь и, таким образом, руками и устами грешат теперь против Господа более, нежели тогда, когда отверглись Господа. Считают миром то, что некоторые в лжи-

вых словах предлагают им как мир. Нет— это не мир, но брань. Для него неправду называть благодеянием? Для чего нечестию придавать название благочестия? Для чего, воспрепятствовав покаянному рыданию, притворно вступать в общение с теми, которые постоянно должны рыдать и умолять своего Господа? Для падших это то же, что град для плодов, буря для дерев, моровая язва для стад, ураган для кораблей. Отнимают утешение вечной награды, вырывают с корнем дерево, гибельной речью неприметно увлекают к смертельной заразе, направляют корабль на подводные скалы, чтобы он не вошел в пристань. Не приносит мира это потворство, но уничтожает; не дает оно общения, но служит препятствием к спасению. Это другое гонение, другое искушение, в котором хитрый враг, продолжающий еще нападение на падших, производит тайное опустошение тем, что прекращается рыдание, замолкает болезнь, подавляется вздох сердечный, останавливаются слезы, и падшие перестают продолжительным и полным покаянием умилостивлять оскорбленного Господа, тогда как в Писании сказано: *помяни, откуда спал еси, и покайся* (Откр. 2, 5).

Пусть никто себя не обманывает, пусть никто не обольщает себя. Один только Господь помиловать может; Он только один может даровать отпущение грехов, против Него соделанных, так как Он и понес грехи наши, и за нас болезновал, и Его Бог предал за грехи наши. Человек не может быть выше Бога, и раб не может отпустить по своему снисхождению или даровать то, что как тяжкий грех соделано против Господа. Пусть же к преступлению падшего не прибавляется еще и незнание сказанного в Писании: *проклят человек, иже надеется на человека* (Иер. 17, 5). Господа умолять дблжно; Господа надобно умилостивлять нашим покаянием, Который сказал, что Он отвергается отвергающегося, и Который один принял весь суд от Отца. Мы веруем, что весьма много могут у Судии заслуги мучеников и дела праведников, но это относится к тому времени, когда с кончиною сего века и мира пред судилищем Христовым предстанет народ Его. Между тем если кто думает, что он — безрассудный неблаговременной своей поспешностью может даровать каждому отпущение грехов или дерзает отменять заповеди Господни, то он не только не помогает, но и вредит падшим. Не подчиняться приговору, думать, что не дблжно молить Бога о милосердии и, презревши Господа, понадеяться на собственную свою силу — значит призывать на себя гнев.

Под алтарем Божиим души избиенных мучеников взывают громким голосом: *доколе, Владыко святый и истинный, не судиши и не мстиши крови нашей от живущих на земли?* (Откр. 6, 10). И между тем им повелевается успокоиться и потерпеть еще. Хорошо ли поэтому желать, чтобы кто-либо мог, вопреки Судии, прощать без разбора и отпускать грехи, защитить других, не будучи прежде сам отмщен? Заповедуют мученики сделать что-нибудь? Если это справедливо, позволительно, не противно самому Господу, то священник Божий должен сделать: легко и удобно согласиться на исполнение, когда в прошении соблюдена умеренность. Заповедуют мученики сделать что-нибудь? Если заповедуемое не написано в законе Господнем, то прежде надобно узнать, испросили ли они от Господа то, что требуют,— и тогда уже сделать заповедуемое: ибо не всегда дозволено бывает величием Божиим то, на что дано обещание человеческое. И Моисей просил когда-то за грехи народа, но не испросил прощения согрешающим. *Молюся ти,* — говорил он, — *Господи: согрешиша людие сии грех велик, и сотвориша себе боги златы. И ныне, аще убо оставиши им грех их, остави; аще же ни, изглади мя из книги Твоея, в нюже вписал еси. И рече Господь к Моисею: аще кто согреши предо Мною, изглажу его из книги Моея* (Исх. 32, 31—33). Он — друг Божий, часто лицом к лицу беседовавший с Господом, — не мог получить просимого и своим молением не загладил оскорбления, навлекшего негодование Божие! Бог похваляет Иеремию и говорит о его предназначенности: *прежде, не же Мне создати тя во чреве, познах тя; и прежде, не же изыти тебе из ложесн, освятих тя, пророка во языки поставих тя* (Иер. 1, 5); и однако, когда тот часто молился и просил за грехи народа, Бог сказал: *ты же не молися о людех сих и не проси, еже помилованным быти им, и не моли ниже приступай ко Мне о них, яко не услышу тя* (Иер. 7, 16). Кто праведнее Ноя, который один найден праведным тогда, как вся земля исполнена была грехов? Кто славнее Даниила, тверже его крепостию веры в перенесении мучений? К кому Бог благоволил более, как не к нему, столько раз побеждавшему в борьбе и при победе остававшемуся в живых? Кто деятельнее Иова, тверже его в искушениях, терпеливее в болезни, покорнее в страхе, истиннее в вере? И однако, когда пророк Иезекииль умолял за преступление народа, Бог сказал, что, если бы и те умоляли, Он не уважил бы их моления. *Земля аще согрешит Ми,* — говорит Он, — *еже пастися грехом, и простру руку Мою на ню и сотру утверждение хлебное, и пущу на ню глад, и возму с нея человеки и скоты. И аще будут сии трие мужи среди ея, Ное и Даниил и Иов... ни сынове ни дщери их спасутся, но токмо сии едини спасутся* (Иез. 14, 13—14; 16). Итак, все, о чем просят, зависит не от рассуждения просящего, но от произволения дающего, и человеческое решение нисколько не имеет значения и силы, если оно не подтверждено судом Божиим. Но Господь говорит в Евангелии: *всяк, иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех; иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз* (Мф. 10, 32 — 33). Если же Он не отвергается отвергающегося, то и исповедующего не исповедует. Евангелие не может в одном быть стойким, а в другом уступчивым — либо то и другое должно остаться в силе, либо то и другое должно утратить силу истины. Если отвергающиеся не будут виновны в преступлении, то и испове-

V

дующие не получат награды за свою доблесть. Далее, если венчается та вера, которая победила, то необходимо, чтобы и побежденное вероломство было наказано. Таким образом, мученики или ничего не могут сделать, если Евангелие может быть нарушено; или если оно нарушено быть не может, то и не могут ничего противного Евангелию делать те, кто становятся мучениками по Евангелию.

Никто, возлюбленнейшие братья, никто да не бесчестит достоинства мучеников, никто да не отнимет у них славы и венцов. У них непоколебима сила невредимой веры, и не может ни говорить, ни делать чего-либо противного Христу тот, у кого вся надежда и вера и доблесть во Христе. Не могут от епископов требовать ничего противного велению Божию те, кто сами исполнили веления Божии. И кто же это — больший от Бога, превосходящий Его благость своим милосердием, кто захотел бы уничтожить то, что допущено Богом, или пришел бы к той мысли, что он может поддержать нас своею помощью, как будто у Бога мало могущества для защиты своей Церкви? Неужели же это сделалось без ведома Божия? Неужели все произошло без Его допущения? Божественное Писание вразумляет неразумных и в напоминание забывающим говорит: *кто даде на разграбленные Иакова и Израиля пленяющим его? Не Бог ли, Ему же согрешиша и не восхотеша в путех Его ходити, ни слушати Его? И наведе на ня гнев ярости своея* (Ис. 42, 24 — 25). И в другом месте оно свидетельствует так: *еда не может рука Господня спасти? или отягчил есть слух свой, еже не услышати? Но греси ваши разлучают между вами и между Богом, и грех ради ваших отврати лице свое от вас, еже не помиловати* (Ис. 59, 1 —2). Обратим же особенное внимание на грехи наши и, разобрав свои действия и душевные тайны, взвесим заслуги нашей совести. Припомним, что мы не ходили в путях Господних, отвергли закон Бога, никогда не хотели соблюдать спасительных заповедей Его и велений. И что доброго скажешь ты о том, какой страх или какую веру припишешь тому, кого не могла исправить опасность и само гонение не преобразовало? Гордая и прямая выя не согнулась, несмотря на то что пала; надменный и высокомерный дух не укротился, несмотря на то что он побежден. Лежащий угрожает стоящим, раненый — неповрежденным, и святотатец негодует на священников Божиих за то, что не вдруг допускают его к принятию нечистыми руками Тела Господня и к питию оскверненными устами Крови Господней. О крайнее твое безумие, неистовый! Негодуешь на того, кто старается отвратить от тебя гнев Божий; угрожаешь тому, кто умоляет за тебя милосердие Божие, кто чувствует рану твою, которой ты не чувствуешь, проливает за тебя слезы, которых сам ты, быть может, не проливаешь. Ты тем отягчаешь только и увеличиваешь свое преступление и, будучи сам неумолим к предстоятелям и священникам Божиим, неужели думаешь, что Господь может быть к тебе милостив? Лучше приими и допусти к себе то, что мы говорим. Отчего глухие уши твои не слышат спасительных заповедей, нами высказываемых? Отчего слепые очи не видят покаяния, нами указуемого? Отчего пораженный и **отчужденный** ум не разумеет жизненных пособий, которые мы извлекаем и предлагаем из небесных Писаний?

Впрочем, если у неверующих нет веры в будущее, то пусть устрашит их, по крайней мере, настоящее. Вот у нас пред глазами казни, постигшие отрекшихся Христа, которых печальный исход мы оплакиваем. Не могут они остаться без наказания и здесь, хотя и не наступил еще день наказания: наказываются некоторые временно, чтобы другие исправились; мучения для немногих — примеры для всех. Так, один, взошедший в капитолий для отречения, как только отрекся Христа, — онемел. Наказание началось с того, с чего началось преступление, так что, лишенный дара слова для испрошения помилования, он не мог уже и просить. Другая, находясь в бане (ибо к преступлению и грехам ее не доставало только того, чтобы отправиться тотчас в баню, как скоро она утратила благодать жизненной купели), нечистая, будучи схвачена нечистым духом, искусала свой язык, которым нечестиво или вкушала, или говорила. После принятия беззаконной пищи разъярившиеся уста вооружились на собственную погибель. Сама она сделалась своим палачом и после того не могла долго оставаться в живых: она скончалась, измученная болезнями чрева и внутренностей. А вот послушайте, что случилось при мне, чему я сам был свидетель. Какие-то родители, убегая, в тревоге и суматохе оставили маленькую дочь свою на попечении кормилицы. Та отнесла ее к правителям; а они — так как малютка не могла, по малолетству, есть мяса — дали ей съесть пред идолом, куда стекался народ, хлеба, смешанного с вином, оставшимся от идоложертвенных приношений. Впоследствии дочь была передана матери. Но девочка не могла ни обнаружить, ни высказать совершившегося злодеяния так же, как она не могла и прежде ни понимать его, ни воспротивиться ему. Итак, по неведению случилось, что мать принесла ее с собою, когда мы совершали Божественную службу. Малютка, очутившись среди святых и не в состоянии будучи выдержать наших молитв и молений, стала всхлипывать и как у монету пленная метаться во все стороны: юная душа в столь нежном возрасте, как будто под пыткою палача, выказывала всевозможными знаками сознание своего преступления. Когда же по окончании Божественной службы диакон стал подносить чашу присутствующим и, по принятии прочими, дошла до нее очередь, — малютка, по вдохновению свыше, отворотила свое лицо, стиснувши губы, зажала рот, отказывалась от чаши. Однако диакон настоял и, несмотря на сопротивление, влил ей в рот немного таинства. Тогда последовала икота и рвота: Евхаристия не могла оставаться в теле и устах поврежденных внутренностей. Таково могущество, таково величие Господа! Пред светом Его явны самые темные тайны, и сокрытые преступления не обманули священника Божия. Рассказан-

ный случай относится к дитяти, которое, по малолетству, не могло объявить о чужом в отношении себя злодеянии. А вот другой случай: во время нашего священнодействия тайно подошла одна совершеннолетняя и в зрелом уже возрасте женщина и, восприяв не пищу, но меч для себя, проглотив как бы смертельный яд, стала мучиться и корчиться, как бы в горячке, и затем, претерпевши болезнь не гонения, но своего греха, в корчах и судорогах скончалась. Недолго оставалось ненаказанным укрытое преступление притворной совести: обманувшая человека нашла мстителя в Боге. Другая женщина, покусившаяся недостойными руками открыть ковчег свой, в котором хранилась святыня Господня, была устрашена исшедшим оттуда огнем и не посмела прикоснуться. Также некто, тоже оскверненный, дерзнувший, по совершении священником Божественной службы, принять часть таинства вместе с прочими, не мог ни вкусить святыни Господней, ни коснуться ее: открывши руки, он увидел, что несет в них пепел. Этим случаем указано, что Господь отступает, когда отрекаются Его, и что приемлемое нисколько не служит к спасению недостойных, так как спасительная благодать по удалении святости обращается в пепел. А как много не приносящих покаяния и не приходящих к сознанию своего греха ежедневно овладеваются злыми духами! Как много, теряя совершенно рассудок, мучатся неистовым беснованием! Впрочем, нет надобности следить за исходом каждого: при многообразии злоключений в мире наказание за грехи бывает столь же различно, сколь велико число согрешающих. Лучше пусть всякий поразмыслит не о том, что потерпел другой, но о том, что потерпеть заслуживает он сам. Никто не думает, что он избежал казни, если она на время отсрочена; тем более да устрашится он той казни, которую гнев Судии Бога предоставил себе.

Пусть также и те, которые, хотя и не осквернили рук нечестивыми жертвами, однако запятнали свою совесть записями (libellis), не льстят себя тем, будто им не нужно каяться. Ведь и это есть признание отрекающегося; то, что было, свидетельствует о христианине отказывающемся: он признал себя сделавшим то, что другой учинил на самом деле по его поручению. А как в Писании сказано: *никто же может двема господинома работати* (Мф. 6, 24), то тот служил мирскому господину, кто исполнил его повеление и повиновался более приказанию человеческому, чем Богу. Пусть ему кажется, что учиненное им должно представиться в глазах людей менее безобразным и преступным. Однако он не мог укрыться и убежать от Бога Судии, когда Дух Святой говорит в Псалмах: *несоделанное мое видести очи Твои* (Пс. 138, 16); и опять: *человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце* (1 Цар. 16, 7). Также и сам Господь напоминает и предваряет о том, говоря: *и уразумеют вся церкви, яко Аз есмь испытаяй сердце и утробы* (Откр. 2, 23). Видит Он и скрытое, усматривает тайное и сокровенное. Никто не может укрыться от очей Бога, Который говорит: *Бог приближайся Аз есмь, а не Бог издалеча. Аще утаится кто в сокровенных, и Аз не узрю ли его? Еда небо и землю не Аз наполняю* (Иер. 23, 23—24)? Видит Он сердечные расположения каждого; будет судить не по одним делам, но и по словам и помышлениям нашим; пред Ним явны мысли и желания, возникшие в сокровенных тайниках сердца. Наконец, насколько выше по вере, лучше по страху те, которые, хотя не сделали преступления ни через жертвоприношения идолам, ни через записи, однако по тому одному, что думали об этом,— с болезнью и искренностью исповедуют это перед священниками Божиими, очищают совесть признанием, слагают бремя своего духа, ищут спасительного лекарства для своих малых и легких ран, памятуя сказанное в Писании: *Бог поругаем не бывает* (Гал. 6, 7). Нельзя насмеяться и поругаться над Богом, нельзя обмануть Его никаким хитрым лукавством. Да тот и грешит более, кто, рассуждая о Боге как о человеке, думает избежать наказания за преступление, когда преступление учинено им тайно. Христос в своих заповедях говорит: *иже аще постыдится Мене, и Сын человеческий постыдится Его* (Мф. 8, 38). И христианином считает себя тот, кто стыдится или боится быть христианином? Как может быть со Христом тот, кто стыдился или боится принадлежать Христу? Конечно, он менее согрешил, не видя идолов, не отрицая святости веры в глазах предстоящего и ругающегося народа, не пятная рук своих идольскими жертвами, не оскверняя уст нечистыми яствами. Все это содействует тому, чтобы вина была менее, но никак не тому, чтобы совесть осталась невинной. Ему легче достигнуть прощения в преступлении, но он не свободен вовсе от преступления. Пусть же не перестает приносить покаяние и просить Господа о помиловании, дабы то, что в качестве греха представляется малым, не сделалось большим через пренебрежение покаяния.

Умоляю вас, возлюбленнейшие братья! Пусть каждый исповедует свой грех, пока согрешивший находится еще в этом мире, пока исповедь его может быть принята, пока удовлетворение и отпущение, при посредстве священников, угодно Господу. Обратимся к Господу всей мыслью и, выражая раскаяние в преступлении истинной скорбью, будем умолять милосердие Божие. Пред ним да повергнется душа, Ему да удовлетворит скорбь, на Него да возложится вся надежда! А как мы должны молиться, Он сам научает. *Обратитеся,* — говорит, — *ко Мне всем сердцем вашим в посте и в плачи и в рыдании, и расторгните сердца ваша, а не ризы* (Иоил. 2, 12). Обратимся ко Господу всем сердцем, умилостивим Его гнев и негодование, как Сам Он внушает, постом, плачем и рыданием! Но можно ли считать сетующим от всего сердца, умоляющим Господа постом, плачем и рыданием того, кто с самого начала преступления моется ежедневно в бане с женщинами, кто, пресыщаясь обильными пиршествами, утучняя себя жирными блюдами, на другой еще день отрыгает не переварившуюся пищу и не разделяет своих яств и пи-

тия с нуждающимися нищими? Как оплакивает свою смерть тот, кто выступает весело и радостно, и когда в Писании сказано: *да не бриете брад ваших* (Лев. 19, 27), бреет бороду и лицо свое украшает? Или он старается понравиться кому-либо теперь, когда стал противен Богу? Неужели также стенает и сетует та, которая наряжается в драгоценную одежду, а об утраченной ею одежде Христовой не помышляет? Которая надевает на себя дорогие украшения и художественные ожерелья и не оплакивает потери божественного и небесного убранства? Да хотя бы ты нарядилась в заграничные одежды и шелковые платья, — ты нага. Хотя бы ты разукрасила себя и золотом, и жемчугом, и драгоценными камнями, — без украшения Христова ты безобразна. Убирающая свои волосы, перестань, по крайней мере, делать это теперь — в скорбях! Натирающая черным порошком брови, омой, по крайней мере, теперь очи твои слезами! Ведь если бы ты утратила через смерть кого-либо из милых тебе, то верно ты сетовала бы и плакала, — неубранным лицом, переменою одежды, нерасчесанными волосами, пасмурным видом и отвислыми губами выразила бы скорбь свою. Но ты, несчастная, утратила свою душу; умерши духовно, пережила здесь самое себя и, ходя, носишь труп свой; а между тем ты не плачешь горько, не скорбишь постоянно, не уединяешься, чтобы или скрыть стыд преступления, или продолжать сетование! Вот это и есть худшая греховная рана, это и есть большее преступление — согрешить и не каяться, учинить преступление и не оплакивать его! Славные и благородные отроки, Анания, Азария и Мисаил, не почли ненужным исповедаться Богу, даже среди пламени и огня раскаленной печи; будучи покойны в совести, не раз угодив Господу засвидетельствованием своей к Нему веры и страха, они, однако, и среди блистательных доказательств своих доблестей не переставали сохранять смирение и удовлетворять Господу. Божественное Писание говорит, что Азария, стоя, молился и, открывши свои уста, вместе с товарищами исповедался Богу посреди огня (Дан. 3, 25 — 45). Так же и Даниил, несмотря на многократное одобрение его веры и непорочности, несмотря на то, что Господь часто являл ему свое благоволение за его доблести и достохвальные качества, старается еще угодить Богу постом, подвергается во вретищи и в пепле, принося исповедание и говоря: *Господи Боже великий и чудный, храняй завет Твой и милость Твою любящим Тя и хранящим заповеди Твоя! Согрешихом, беззаконовахом, нечествовахом, и отступихом и уклонихомся от заповедей Твоих и от судов Твоих и не послушахом раб Твоих пророков, иже глаголаша во имя Твое к царем нашим и всем людем земли. Тебе, Господи, правда, нам же стыдение* (Дан. 9, 4 — 7). Вот как в угождение величеству Божию поступали люди кроткие, простые и непорочные; а ныне отказываются удовлетворять Господу и умолять Его те, которые отреклись от Господа!

Молю вас, братья, прибегнете к спасительным средствам, послу-

тайтесь здравых советов: с нашими слезами соедините ваши слезы, к нашим стенаниям присовокупите ваши стенания! Мы просим вас для того, чтобы нам можно было просить за вас. К вам прежде обращаем те моления, которыми умоляем Господа о вашем помиловании. Принесите полное покаяние, докажите скорбь болезнующего и сетующего духа! Пусть вас не смущает нерассудительное заблуждение или тщеславное безрассудство некоторых, которые, будучи одержимы столь тяжким преступлением, вместе с тем поражены слепотою ума, чтобы не понимать и не оплакивать согрешений. Это величайшее наказание разгневанного Бога, как говорится в Писании: *напои вас Господь духом умиления* (Ис. 29, 10); и опять: *зане любве истины не прияша во еже спастися им; и сего ради послет им Бог действо лети, во еже веровати им лжи, да суд приимут еси не веровавшии истине, но благоволившии в неправде* (2 Фес. 2, 10—12). Довольные собою в неправде, обезумевшие от извращения пораженного ума презирают заповеди Господни, пренебрегают врачеванием раны, не хотят приносить покаяния. Нерассудительные прежде совершения злодеяния, они и после злодеяния упрямы; нестойкие прежде, они и потом непокорны. Когда должны были стоять, — они лежали; когда должны лежать и повергаться пред Богом, — они находят нужным стоять. Сами себе присвоили мир, которого никто не дает им. Обманутые ложным обещанием и соединившись с отступниками и вероломными, принимают ложь за истину; считают непременным общение с теми, которые не имеют с ними общения; верят людям вопреки Богу, тогда как не поверили Богу вопреки людям. Избегайте, сколько можете, подобных людей! Со спасительной осторожностью удаляйтесь от тех, которые прилепляются к пагубному их союзу! Слово их распространяется, как рак (2 Тим. 2, 17); беседа переходит, как зараза; вредоносная и ядовитая уверенность убивает хуже всякого гонения. Там остается покаяние, которое могло бы удовлетворить, но отвергающие раскаяние в преступлении преграждают путь к удовлетворению. Таким образом, когда одни по безрассудству обещают ложное спасение, а другие тому верят, — отнимается надежда на истинное спасение.

Вы же, возлюбленнейшие братья, питающие в себе страх Божий, которых дух хоть и пал, однако помнит о своем бедствии,— внимательно, с покаянием и сокрушением, рассмотрите грехи ваши, познайте всю тяжесть преступления совести, откройте сердечные очи к уразумению вашего согрешения, не отчаиваясь, впрочем, в милосердии Господа, но и не присваивая уже себе прощения. Бог всегда любвеобилен и благ как Отец; но Он же и страшен своим величием как Судия. Сколь много мы согрешили, столь тяжко должны и плакать. Глубокую рану надобно врачевать прилежно и долго. Покаяние не должно быть менее преступления. Думаешь ли ты, что скоро можно умилостивить Бога, Которого ты отрекся вероломными словами, Которому предпочел наследственное достояние, Которого храм

осквернил святотатственной заразой? Думаешь ли ты, что легко тебе получить помилование от Того, Кого ты не признал своим? Надобно молиться усерднее и просить; надобно проводить день в рыдании, ночи — в бдении и слезах, все время наполнить плачевным сетованием, повергшись, приникнуть к земле, валяться в пепле, во вретище и в грязи, после утраченной одежды Христовой не желать уже никакого убранства, после пищи диавольской возлюбить пост, прилежать к добрым делам, которыми очищаются грехи, подавать часто милостыню, которой души освобождаются от смерти. То, что похитил враг, да приимет Христос. Не дблжно уже ни беречь, ни любить наследства, которым кто-либо был обманут и побежден. Надобно удаляться от имущества, как от неприятеля, убегая от него, как от разбойника, бояться, как меча и яда для обладающих им. То, что осталось, да послужит к тому только, чтобы искупить им преступление и вину. Неукоснительно и щедро да употребится оно на добрые дела, весь доход пусть издержится на врачевание раны, все наше богатство и имущество пусть будет отдано для приращения Господу, Который будет судить нас. Так процветала вера при апостолах! Так первые христиане исполняли веления Христовы! Они с готовностью и щедростью отдавали все апостолам для раздела и тем искупали не такие грехи.

Если кто будет молиться от всего сердца, если будет выражать раскаяние истинным сетованием и слезами, если праведными и непрестанными делами преклонит Господа на отпущение греха, то такого может помиловать Тот, Кто обещал свою милость, говоря: *егда возвратився воздохнеши, тогда спасешися и уразумевши, где еси был* (Ис. 30, 15); и опять: *не хощу смерти грешника [умирающего], но еже обратитися и живу быти ему* (Иез. 33, 11). Также и пророк Иоиль объявляет о милосердии Господнем по внушению самого Господа: *обратитеся,* — говорит, — *ко Господу Богу вашему; яко милостив и щедр есть, долготерпелив и многомилостив и раскаявайся о злобах* (Иоил. 2, 13). Он может даровать помилование, может отклонить приговор свой. Он может милостиво простить кающемуся, добро д». лающему, молящемуся; может зачислить за таковым то, о чем просили мученики и священники. А кто особенно подвигнет его своим удовлетворением, кто гнев Его и оскорбление, сделавшееся причиной Его негодования, умилостивит праведным молением, тому Он снова дарует оружие, в которое побежденный мог бы облечься, возобновляет и укрепляет силы для ободрения восстановленной веры. Снова вступит воин в свое сражение, снова повторит брань, вызовет врага, но сделавшись уже через болезнь более сильным для борьбы. Кто таким образом удовлетворит Богу, кто, раскаявшись в своем проступке и устыдясь своего греха, через самую болезнь падения, приобретет более доблести и веры, тот, услышанный и вспомоществуемый Господом, Которого огорчил недавно, обрадует Церковь и заслужит от Бога не только прощение, но и венец.

КНИГА О ЕДИНСТВЕ ЦЕРКВИ

< Когда Господь говорит в научение наше: *вы есте соль земли* (Мф. 5, 13), когда Он заповедует нам при незлобии быть простыми и с простотою соединять мудрость (Мф. 10, 16), то не приличнее ли всего нам, возлюбленнейшие братья, предусматривать козни лукавого врага, с сердечной заботливостью и бдительностью предузнавать и избегать их, чтобы, облекшись в Христа — Премудрость Бога Отца, мы не оказались неразумными в охранении своего спасения? Так, дблжно бояться не того только гонения, которое открытым нападением усиливается поразить и низвергнуть рабов Божиих: там легче уберечься, где очевидна опасность, и дух заранее настраивается к битве, когда неприятель объявляет о себе; гораздо более дблжно бояться и остерегаться врага в том случае, когда он тайно подкрадывается, когда, обольщая образом мира, неприметно скрытыми проходами подползает, отчего и получил название «ползуна», или змия. Таково всегдашнее его лукавство! Таково скрытое и хитрое притворство его в обольщении людей! Так он обольстил в самом начале мира, возбудив ласкательно-лживыми словами неосторожное легковерие в простых душах! Пытался он также искусить и самого Господа и для того подошел тайно, *чтобы* нечаянно напасть и обольстить; однако был узнан и отражен, а отражен потому, что был познан и открыт. В этом дан нам пример — избегать пути ветхого человека и неуклонно идти по стопам Христа-Живодавца, чтобы нам снова по неосторожности не впасть в сеть смерти, но чтобы предусмотрением опасности достигнуть получения бессмертия. Но как же нам достигнуть получения бессмертия, если мы не сохраним велений Христовых, которыми поражается и побеждается смерть? Господь в научение говорит: аще ли *хощеши внити в живот, соблюди заповеди* (Мф. 19, 17); и опять: *аще творите, елика Аз заповедую вам: не ктому вас глаголю рабы, но и други* (Ин. 15, 14 — 15). Он таковых называет еще мужественными и стойкими, основанными на крепком тяжеловесном камне, огражденными непоколебимым и нерушимым оплотом против всех бурь и волнений века: *всяк,* — говорит Он, — *иже слышит словеса Моя сия и творит я, уподоблю его мужу мудру, иже созда храмину свою на камени; и сниде дождь и приидоша реки и возвеяша ветры и нападоша на храмину ту: и не падеся, основана бо бе на камени* (Мф. 7, 24 — 25). Итак, мы должны держаться слов Его; должны учиться тому и делать то, чему Он учил и что делал. Да и как назовет себя верующим во Христа тот, кто не исполняет заповеданного Христом? Или как достигнет награды веры тот, кто не хочет сохранить веры в заповеди? По необходимости он будет колебаться, в лаяться и, увлеченный духом заблуждения, носиться как прах, возметаемый ветром: не держась истины спасительного пути, он не достигнет спасения.

Надобно остерегаться, возлюбленнейшие братья, обмана не толь-

ко явного и очевидного, но и такого, который прикрыт тонким лукавством и хитростью. А после того, как враг обнаружен и низвержен пришествием Христовым, в котором пришел свет для языков и воссияло спасительное светило для счастья людей, так что глубже стали слышать духовную благодать, слепые открыли очи свои к Богу, немощные получили вечное исцеление, хромые спешно потекли в церковь, немые стали громко произносить свои молитвы; после того как он увидел идолов оставленными, жилища свои и капища, по причине множества уверовавших, опустевшими, — в чем заключается больше тонкого лукавства и хитрости, как не в выдумке врагом нового обмана: самым именем христианина обольщать неосторожных? Он изобрел ереси и расколы, чтобы ниспровергнуть веру, извратить истину, расторгнуть единство. Кого ослеплением не может удержать на ветхом пути, того сводит в заблуждение и обольщает путем новым. Восхищает людей из самой Церкви и, когда они видимо приближались уже к свету и избавлялись от ночи века сего, снова распростирает над ними, не ведомо им, новый мрак, так что они, не придерживаясь Евангелия и не сохраняя закона, называют, однако же, себя христианами и, блуждая во тьме, думают, будто ходят во свете. Таковы льстивые козни врага, который, по слову апостола, *преобразуется во ангела света* (2 Кор. 11, 14) и своим служителям дает вид служителей правды; между тем как они возвещают ночь вместо дня, погибель вместо спасения, отчаяние под покровом надежды, вероломство под предлогом веры, антихриста под именем Христа и, прикрывая ложь правдоподобием, тонкой хитростью уничтожают истину.

Это бывает оттого, возлюбленнейшие братья, что не обращаются к началу истины, не ищут главы, не сохраняют учения небесного Учителя. Тут нет надобности в пространных рассуждениях и доказательствах: стоит только вникнуть в дело и исследовать его, тогда легко удостовериться в том и кратким изложением истины. Господь говорит Петру: *Аз тебе глаголю, яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей. И дам ти ключи царства небесного: и еже аще свяжеши на земли, будет связано на небесех; и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех* (Мф. 16, 18—19). И опять Он говорит ему же по воскресении своем: *паси овцы Моя* (Ин. 21, 16). Таким образом основывает Церковь Свою на одном. И хотя по воскресении своем Он наделяет равной властью всех апостолов, говоря: *Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы... Приимите Дух Свят: имже отпустите грехи, отпустятся им, и имже держите, держатся* (Ин. 20, 21—23); однако, чтобы показать единство [Церкви], Ему угодно было с одного же и предначать это единство. Конечно, и прочие апостолы были то же, что и Петр, и — имели равное с ним достоинство и власть; но вначале указывается один, для обозначения единой Церкви. Эту единую Церковь обозначает и Дух Святой в Песни

Песней, говоря от лица Господня: *едина есть голубица Моя, совершенная Моя; едина есть матери своей, избрана есть родившей ю* (6, 8).

Можно ли думать тому, кто не придерживается этого единства Церкви, что он хранит веру? Можно ли надеяться тому, кто противится и поступает наперекор Церкви, что он находится в Церкви, когда блаженный апостол Павел, рассуждая о том же предмете и показывая таинство единства, говорит: *едино тело, един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего; един Господь, едина вера, едино крещение, един Бог* (Еф. 4, 4—6)? Сие-то единство надлежит крепко поддерживать и отстаивать нам, особенно епископам, которые председательствуют в Церкви, дабы показать, что и самое епископство одно и нераздельно. Пусть никто не обманывает братства ложью! Пусть никто не подрывает истины веры вероломной изменой! Епископство одно, и каждый из епископов целостно в нем участвует. Так же и Церковь одна, хотя, с приращением плодородия, расширяясь, дробится на множество. Ведь и у солнца много лучей, но свет один; много ветвей на дереве, но ствол один, крепко держащийся на корне; много ручьев истекает из одного источника, но хотя разлив, происходящий от обилия вод, и представляет многочисленность, однако при самом истоке все же сохраняется единство. Отдели солнечный луч от его начала — единство не допустит существовать отдельному свету; отломи ветвь от дерева — отломленная потеряет способность расти; разобщи ручей с его источником — разобщенный иссякнет. Равным образом Церковь, озаренная светом Господним, по всему миру распространяет лучи свои; но свет, разливающийся повсюду, один, и единство тела остается нераздельным. По всей земле она распростирает ветви свои, обремененные плодами; обильные потоки ее текут на далекое пространство — при всем том глава остается одна, одно начало, одна мать, богатая изобилием плодотворения.

От нее рождаемся мы, питаемся ее млеком, одушевляемся ее духом. Невеста Христова искажена быть не может: она чиста и нерастленна, знает один дом и целомудренно хранит святость единого ложа. Она блюдет нас для Бога, уготовляет для царства рожденных Ею. Всяк, отделяющийся от Церкви, присоединяется к жене-прелюбодейце и делается чуждым обетований Церкви; оставляющий Церковь Христову лишает себя наград, предопределенных Христом: он для нее чужд, непотребен, враг ее. Тот не может уже иметь Отцом Бога, кто не имеет матерью Церковь. Находящийся вне Церкви мог бы спастись только в том случае, если бы спасся кто-либо из находившихся вне ковчега Ноева. Господь так говорит в научение наше: *иже несть со Мною, на Мя есть; и иже не собирает со Мною, расточает* (Мф. 12, 30). Нарушитель мира и согласия Христова действует против Христа. Собирающий в другом месте, а не в Церкви, расточает Церковь Христову; Господь говорит: ***Аз и Отец еди-***

At—

но есма (Ин. 10, 30). И опять об Отце, Сыне и Святом Духе написано: *и сии три едино суть* (1 Ин. 5, 7). Кто же подумает, что это единство, основывающееся на неизменяемости божественной и соединенное с небесными таинствами, может быть нарушено в Церкви и раздроблено разногласием противоборствующих желаний? Нет, не хранящий таковаго единства не соблюдает закона Божия, не хранит веры в Отца и Сына, не держится истинного пути к спасению.

Это таинство единства, этот союз неразрывного согласия обозначается в сказании евангельском о хитоне Господа Иисуса Христа. Хитон не был разделен и разодран, но достался целостно одному, кому выпал по жребию, и поступил в обладание неиспорченным и неразделенным. Божественное Писание говорит о том следующее: *бе хитон не швен, свыше исткан весь: реша же к себе: не предерем его, но метнем жребия о нем, кому будет* (Ин. 19, 23 — 24). Он имел единство *свыше*, происходящее с неба от Отца, и потому не мог быть разодран теми, кто получил его в обладание; но целостно, раз навсегда, удержал крепкую и неразделимую связь свою. Поэтому не может обладать одеждой Христовой, кто раздирает Церковь Христову. Напротив, когда по смерти Соломона царство и народ его должны были разделиться, то пророк Ахия, встретившись на поле с Иеровоамом — царем, разодрал одежду свою на двенадцать частей и сказал: *приими себе десять жребий, яко тако глаголет Господь: се Аз отторгаю царство из руки Соломони, и дам ти хоругвий десять: и две хоругви будут ему, раба ради моего Давида и Иерусалима ради града, егоже избрах себе на положение имени моему тамо* (3 Цар. 11, 31—32; 36). Итак, когда двенадцать колен израильских должны были разделиться, то пророк Ахия раздирает свою одежду. Но как народ Христов разделяться не должен, то хитон Христов, связно сотканный повсюду, не был разодран возобладавшими им: нераздельной крепостью своей связи он указывает не неразделимое согласие всех нас, которые облеклись во Христа. Таким образом, таинственным знамением своей одежды Господь предызобразил единство Церкви.

Кто же столь нечестив и вероломен, кто настолько заражен страстью к раздорам, что почитает возможным или дерзает раздирать единство Божие — одежду Господню — Церковь Христову? Сам Господь напоминает в своем Евангелии и поучает нас, говоря: *и будет едино стадо и един Пастырь* (Ин. 10, 16). Кто же подумает, что в одном месте могут быть или многие Пастыри, или многие стада? Апостол Павел, внушая нам то же самое единство, умоляет и увещевает нас, говоря: *молю вы, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будут в вас распри, да будете же утверждени в том же разумении и в тойже мысли* (1 Кор. 1, 10). И в другом месте он говорит: *терпяще друг друга любовию, тщащеся блюсти единение духа в союзе мира* (Еф. 4, 2 — 3). А ты думаешь, что можно стоять и жить в удалении от

Церкви, устрояя себе другие различные жилища? Но Рааве, прообразовавшей Церковь, именно сказано: *отца твоего и матерь твою и братию твою и весь дом отца твоего да собереши к себе в дом твой; и будет всяк, иже аще изыдет из дверей дому твоего вон, сам себе повинен будет* (Иис. Нав. 2, 18 — 19). И таинство Пасхи, по закону, выраженному в книге Исхода, тоже требовало, чтобы агнец, закалаемый во образ Христа, снедаем был в одном доме. Бог так говорит: *в дому едином да снестся; не изнесите мяс вон из дому* (Исх. 12, 46). Плоть Христова — святыня Господня не может быть износима вон из дому; а для верующих нет другого дома, кроме единой Церкви. Этот дом, эту обитель единомыслия Дух Святой обозначает в псалмах, говоря: *Бог вселяет единомысленные в дом* (Пс. 67, 7). Так только единомысленные, согласные и простосердечные живут и пребывают в доме Божием, в Церкви Христовой.

Для того также Дух Святой явился в виде голубя. Это простое и кроткое животное, без горькой желчи, не уязвляющее, не терзающее свирепо когтями, любит людские жилища и знает одно только совместное гнездо; во время деторождения пары выводят вместе детей; во время летания не разлучаются друг от друга; проводят жизнь во взаимном сожительстве; поцелуями свидетельствуют о своем согласии и мире; во всем наблюдают закон единомыслия. И в Церкви должно быть знаемо такое же простосердечие, должна быть достигаема такая же любовь: братство должно в любви подражать голубям, а в кротости и тихости сравняться с агнцами и овцами. Что производит в сердце христианина зверство волков, бешенство псов, смертоносный яд змей и вообще кровожадную лютость зверей? Надобно радоваться, когда люди, подобные им, отделяются от Церкви, чтобы своей свирепой и ядовитой заразой не погубили голубей и овец Христовых. Не могут быть соединяемы и смешиваемы горечь со сладостью, мрак со светом, ненастье с ведром, война с миром, бесплодие с плодородием, сухость с водяным источником, буря с тишиной.

Пусть никто не думает, будто добрые могут отделиться от Церкви. Ветер не развевает пшеницы, и буря не исторгает дерева, растущего на твердом корне. Только пустые плевелы уносятся вихрем; только слабые деревья падают от устремления бури. Их-то предает проклятию и поражает апостол Иоанн, говоря: *от нас изыдоша, но не беша от нас, аще бы от нас были, пребыли убо быша с нами* (Ин. 2, 19). Ереси происходили и происходят часто оттого, что строптивый ум не имеет в себе мира и посевающее раздор вероломство не держится единства. Господь, сохраняя свободный наш произвол, допускает быть сему, чтобы, через искушение сердец и мыслей наших состязанием об истине, в ясном свете представилась чистой вера достойных. Об этом предвозвещает Дух Святой через апостола, говоря: *подобает и ересем в вас быти, да искуснии явлени бывают в вас* (1 Кор. 11, 19). Так испытываются верные и открываются вероломные; так, еще прежде дня судного, отлучаются души праведных

от неправедных и отделяются плевелы от пшеницы! Отделяются те, которые без божественного распоряжения, самовольно принимают начальство над безрассудными скопищами, без законного посвящения поставляют себя вождями, присваивают себе имя епископа тогда, как никто не дает им епископства. Дух Святой в псалмах называет их сидящими на седалище губителей (Пс. 1, 1), язвой и заразой для веры; людьми, обольщающими посредством змеиных уст, искусными в извращении истины; пагубным языком, изрыгающим смертоносный яд; людьми, которых слово распространяется, как рак (2 Тим. 2, 17), и беседа вливает смертную заразу в сердце каждого. Против них вопиет Господь, от них удерживает и отклоняет заблуждающийся народ свой, говоря: *не слушайте словес пророков, иже пророчествуют вам и прелщают вас: видение от сердца своего глаголют, а не от уст Господних. Глаголют отвергающим Мя: мир будет вам и всем, иже ходят в похотех своих, и всякому ходящему в строптивости сердца своего рекоша: не приидут на вас злая. Не глаголах к ним и тии пророчествоваху. И аще бы стали в совете Моем, слышаны сотворили бы словеса Моя и отвратили бы людей Моих от пути их лукаваго и от начинаний их лукавых* (Иер. 23, 16—17; 21 —22). Их же описывает и обозначает Господь, говоря: *Мене оставиша источника воды живы и ископаша себе кладенцы сокрушены, иже не возмогут воды содержати* (Иер. 2, 13). Тогда как, кроме одного, не может быть другого крещения, они думают, что могут крестить. Оставивши источник жизни, они обещают благодать животворной и спасительной воды. Там не омываются люди, а только более оскверняются; не очищаются грехи, а только усугубляются. Такое рождение производит чад не Богу, но диаволу. Рожденные от лжи не сподобляются обетований истины. Порождаемые вероломством погубляют благодать веры. Нарушившие мир Господень неистовым раздором не могут достигнуть награды мира.

Пусть не обольщают себя некоторые словами, сказанными Господом: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, *20).* Извратители Евангелия и ложные толкователи приводят эти слова, но это слова последующие, а предыдущие они пропускают; напоминая об одной части, а о другой коварно умалчивают; как сами отделились от Церкви, так рассекают и целость одного и того же места. Господь, внушая ученикам своим хранить единомыслие между собою и мир, говорит им: *глаголю вам, яко аще два от вас совещаета на земли о всякой вещи, еяже аще просита, будет има от Отца Моего, иже на небесех; идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 19 — 20) — и тем показывает, что многое предоставляется не многочисленности, но единомыслию молящихся. *Аще два от вас совещаета на земли,*— говорит Он. Таким образом, Господь заповедал сперва единодушие, указал на согласие и научил верно и решительно соглашаться между собою. Как же согласится с кем-либо тот, кто не согласен с телом самой Церкви и со всем братством? Как могут собираться во имя Христово двое или трое, о которых известно, что они отделяются от Христа и от Евангелия Его? Ведь не мы отошли от них, а они от нас. После того как через учреждение ими различных сборищ произошли у них ереси и расколы, они оставили главу и начало истины. А Господь говорит о Своей Церкви, говорит к находящимся в Церкви, что если они будут согласны, если, сообразно с Его напоминанием и наставлением, собравшись двое или трое, единодушно помолятся, то, несмотря на то что их только двое или трое, они могут получить просимое от величия Божия. *Идеже еста два или трие собрани во имя Мое,* ту есмь посреде их, т. е., посреде простых и миролюбивых, боящихся Бога и хранящих заповеди Его. Посреде таковых-то Он обещал быть, подобно тому как Он был с тремя отроками в пещи огненной и среди окружавшего их пламени ободрил духом росы, потому что они были преданы Богу и единодушны между собою (Дан. 3, 50); подобно тому как Он находился с двумя апостолами, заключенными в темницу, и, так как они были просты и единодушны, открыл для них темничные двери и вывел их оттуда, чтобы они передали народу то слово, которое верно проповедовали (Деян. 5, 19). Итак, когда Господь в заповедях Своих полагает и говорит: *идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их,* то создавший и учредивший Церковь не отделяет людей от Церкви, но, обличая отпадших от веры и увещевая верных к миру, показывает Своими словами, что Он охотнее бывает с двумя или тремя единодушно молящимися, нежели с большим числом разномыслящих, и что более может быть испрошено согласной молитвой немногих, нежели несогласным молением многих. Потому-то и, предписывая закон молитвы, Он присовокупил: *и егда стоите моляще ся, отпущайте, аще что имагпе на кого; да и Отец ваш, иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша* (Мф. 11, 25). Приступающего же к жертвоприношению с враждою на кого-либо Он не допускает к алтарю, но повелевает прежде примириться с братом и тогда уж, возвратившись с миром, принести дар Богу (Мф. 5, 23 — 24). Бог не призрел на жертвы Каина, потому что не мог иметь милостивым к себе Бога тот, кто по зависти и вражде не имел мира с братом.

Какой же мир обещают себе враги братьев? Какие жертвы думают приносить завистники священников? Неужели, собираясь, они думают, что и Христос находится с ними, когда они собираются вне Церкви Христовой? Да хотя бы таковые претерпели и смерть за исповедание имени, — пятно их не омоется и самой кровью. Неизгладимая и тяжкая вина раздора не очищается даже страданием. Не может быть мучеником, кто не находится в Церкви; не может достигнуть царства, кто оставляет Церковь, имеющую царствовать. Христос даровал нам мир; Он повелел нам быть согласными и еди-

но душными, заповедал ненарушимо и твердо хранить союз привязанности и любви, и кто не соблюл братской любви, тот не может быть мучеником. Этому учит, это подтверждает апостол Павел, говоря: *аще имам всю веру, яко и горы преставляти, любве же не имам, ничтоже есмь; и аще раздам вся имения моя, и аще предам тело мое, во еже сжещи е, любве же не имам, никая польза ми есть. Любы долготерпит, милосердствует, любы не превозносится, не гордится, не безчинствует, не раздражается, не мыслит зла, вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит; любы николиже отпадает* (1 Кор. 13, 2—5; 7 — 8). *Любы,* — говорит, — *николиже отпадает:* она навсегда останется в Цартве [Небесном], вечно будет там продолжаться в единстве братского союза. Раздор не может удостоиться Царства Небесного и награды от Христа, Который сказал: *сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбил вы* (Ин. 15, 12). Не будет принадлежать Христу, кто вероломным несогласием нарушил любовь Христову: не имеющий любви и Бога не имеет. Блаженный апостол говорит: *Бог любы есть, и пребываяй в любви в Боге пребывает и Бог в нем пребывает* (1 Ин. 4, 16). Итак, не могут пребывать с Богом не восхотевшие быть единодушными в Церкви Божией, хотя бы они, быв преданы, сгорели в пламени и огне или испустили дух свой, будучи брошены на снедь зверям; однако и это не будет для них венцом веры, но будет наказанием за вероломство, не будет славным окончанием благочестивого подвига, но исходом отчаяния. Подобный им может быть умерщвлен, но увенчаться он не может. Да он и христианином называет себя так же ложно, как и диавол часто называет себя ложно Христом, по изречению самого Господа: *мнози приидут во имя Мое, глаголюще, яко Аз есмь [Христос], и многи прельстят* (Мф. 13, 6). Как диавол не есть Христос, хотя и обманывает Его именем, так и христианином не может почитаться тот, кто не пребывает в истине Его Евангелия и веры. Большое, конечно, дело и достойное удивления — пророчествовать, изгонять бесов и производить великие чудеса на земле; не совершающий все это не достигнет Царства Небесного, если не будет идти прямым путем. Господь, возвещая о том, говорит: *мнози рекут Мне в он день: Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, и Твоим именем бесы изгонихом, и Твоим именем силы многи сотворихом? И тогда исповем им, яко николиже знах вас; отъидите от Мене делающии беззаконие* (Мф. 7, 22 — 23). Нужна правда, чтобы удостоиться благоволения у Бога Судии; надобно повиноваться Его заповедям и наставлениям, чтобы заслуги наши награждены были. Господь, показывая сокращенно в Евангелии путь веры и надежды нашей, говорит: *Господь Бог ваш, Господь един есть; и возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душею твоею и всею крепостию твоею: сия есть первая заповедь. И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего, яко сам себе. В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят* (Мф. 12,

29 — 31; 22, 37 — 40). В этом учении Своем Он преподал единство и вместе любовь; в двух заповедях заключил закон и всех пророков. Какое же соблюдает единство, какую любовь хранит или о какой любви помышляет тот, кто, предавшись порывам раздора, рассекает Церковь, разрушает веру, возмущает мир, искореняет любовь, оскверняет таинство? Давно уже, возлюбленнейшие братья, началось это зло; но опустошительное действие этого гибельного зла возросло ныне, и ядовитая пагуба еретического развращения и расколов стала более и более выказываться и распространяться. Впрочем, Дух Святой предсказал через апостола и предвозвестил, что так и должно быть при кончине века. *В последния дни,* — говорит Он, — *настанут времена люта. Будут бо человецы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хулницы, родителем противящиися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, непримирительны, клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы, предателе, нагли, напыщени, сластолюбцы паче, нежели боголюбцы, имущии образ благочестия, силы же его отвергшиися; от сих суть поныряющии в домы и пленяющии женищца отягощенныя грехами, водимыя похотми различными; всегда учащася и николиже в разум истины приити могущия. Якоже Ианний и Иамврий противистася Моисею, такожe и сии противятся истине, человецы растлении умом и неискусни о вере. Но не преуспеют более; безумие бо их явлено будет всем, якоже и онех бысть* (2 Тим. 3, 1—9).

Предсказанное исполняется, и с приближением кончины века являются уже таковые люди и настают такие времена. При увеличивающейся свирепости врага заблуждение обольщает, буйство напыщает, зависть воспламеняет, похоть ослепляет, нечестие развращает, гордость надмевает, несогласие ожесточает, гнев погубляет. Но да не колеблет и не смущает нас крайнее и неожиданное вероломство многих; пусть лучше истина предсказанного укрепит веру нашу. Как некоторые стали таковыми, потому что это было предсказано, так прочие братья пусть остерегаются их, потому что и это также предвозвещено в наставлении Господа: *вы же блюдитеся; се прежде рех вам вся* (Мф. 13, 23). Убегайте, молю вас, от таковых людей и, как смертельную заразу, отдаляйте от себя и от слуха вашего пагубные разговоры их, по Писанию: *огради уши твои тернием и не слушай языка нечестивого* (Сир. 28, 28), потому что *тлят обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 33). Сам Господь научает нас и заповедует нам удаляться от таковых: *вожди суть слепи слепцем,* — говорит Он, — *слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15, 14). Должно отвращаться и бегать от всякого, отделившегося от Церкви: *яко развратися таковый и согрешает и есть самоосужден* (Тит. 3, 11). Можно ли представить себе, что тот находится со Христом, кто действует против священников Христовых, отделяет себя от общения с Его клиром и народом? Да ведь он вооружается против Церкви, противодействует Божественному домострой-

тельству, он враг алтаря, возмутитель против жертвы Христовой, изменник в отношении веры, в отношении благочестия — святотатец; непокорный раб, сын беззаконный, брат неприязненный: презревши епископов и оставивши священников Божиих, он дерзает устраивать другой алтарь, составлять другую молитву из слов непозволительных, ложными жертвоприношениями осквернять истину жертвы Господней и даже не хочет знать, что действующий вопреки Божию чиноположению наказывается за безрассудное дерзновение по усмотрению божественному.

Так, Корей, Дафан и Авирон, восставшие против Моисея и Аарона — священника и покусившиеся присвоить себе право жертвоприношения, тотчас подверглись наказанию за свое покушение: земля, расторгнув связь свою, открыла глубокую бездну и разверзшимся зиянием своим поглотила их стоящих и живых; и не только зачинщиков поразил гнев Божий, но исшедший от Господа огонь не замедлил испепелить в числе двухсот пятидесяти и прочих, соединившихся с ними, участников и споспешников того же безумия (Числ. 16), напоминая и показывая тем, что все покушения, предпринимаемые нечестивыми по своей воле для разорения Божественного чиноположения, делаются против Бога. Так и Озия —царь, когда, взявши в руки кадильницу и вопреки закону Божию присвояя себе право жертвоприношения, не захотел повиноваться и уступить священнику Азарии, возбранявшему ему это, посрамлен был гневом Божиим и поражен проказой на челе, — намечен оскорбленным Богом на той части тела, на которой получают знамение угождающие Господу (2 Пар. 26). Равно и сыновья Аароновы, возложившие на алтарь огнь чуждый, которого возлагать не повелел Господь, тотчас были сожжены пред лицом Карателя — Бога (Лев. 10). Им-то подражают и последуют те, которые, презрев Божественные заповеди, увлекаются чуждым учением и вводят уставы, постановленные людьми. Господь обличает и укоряет таких людей в Евангелии Своем, говоря: *оставлыие заповедь Божию, держите предания человеческая* (Мф. 7, 8).

Это преступление хуже того, какое видимо совершили падшие, которые потом, раскаявшись в своем согрешении, умоляют Бога вполне удовлетворительным покаянием. Здесь ищут Церкви и молят ее; там противятся Церкви. Здесь могла довести до беззакония необходимость; там — свободная воля. Здесь падший причинил вред только себе; а там усилившийся произвесть ересь или раскол увлек за собою многих обманом. Здесь урон для одной души; там опасность для весьма многих. Этот понимает, что он точно согрешил, плачет о том и сокрушается; а тот, гордый в своем грехе и услаждаясь самыми беззакониями, отлучает сынов от матери, переманивает овец от Пастыря, разрушает таинства Божии, и тогда как падший согрешил однажды, тот грешит ежедневно. Наконец, падший, сподобившийся мученичества, может сподобиться и обетований царства; а тот, если претерпит и смерть вне Церкви, не может достигнуть наград Церкви.

Пусть никто не удивляется, возлюбленнейшие братья, что даже некоторые из исповедников доходят до того же и потому столь же нечестиво и тяжко согрешают. Исповедание не освобождает от козней диавола и находящемуся еще в сем мире не доставляет всегдашней защиты от искушений, опасностей, нападений и ударов века. Впрочем, мы никогда не видели впоследствии у исповедников таких обманов, бесчинств и любодеяний, какие у некоторых людей видим ныне, — о чем скорбим и болезнуем. Кто бы ни был исповедник, все же он не выше, не лучше и не богоугоднее Соломона. А Соломон доколе ходил в путях Господних, дотоле обладал и благодатию, полученною от Бога; потом же, когда он оставил путь Господень, тогда утратил и благодать Господню, как написано: *и воздвиже Господь противника на Соломона* (3 Цар. И, 14). И потому в Писании сказано: *держи, еже имаше, да никтоже приимет венца твоего* (Откр. 3, 11). Господь не угрожал бы возможностию отнятия венца правды, если бы за потерей правды не следовала по необходимости, и потеря венца. Исповедание есть только приступ к славе, а не достижение уже венца: оно не заканчивает подвига, а только предначинает достоинство. В Писании говорится: *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22): следовательно все, что бывает прежде конца, есть только ступень, по которой восходят на верх спасения, а не предел, где достигается уже самая вершина. Он — исповедник; но после исповедания предлежит и большая опасность, потому что тут более раздражен враг. Он — исповедник; поэтому и должен держаться Евангелия Господня тем крепче, что через Евангелие он стяжал славу от Господа. Господь говорит: *всякому, емуже дано будет много, много взыщется от него; и емуже предаша множайше, множайше истяжут от него* (Лк. 12, 48). Пусть же никто не погибает через пример исповедников! Пусть никто из поступков исповедника не научается неправде, гордости, вероломству! Он — исповедник; пусть же будет кроток и тих; соображая действия свои с благочинием, пусть будет скромен и, называясь исповедником Христовым, пусть подражает Христу, Которого исповедует. Христос говорит: *иже вознесется, смирится: и смиряяйся вознесется* (Мф. 23, 12); да и сам Он превознесен от Отца за то, что, будучи Словом, Силой и Премудростью Бога Отца, смирил Себя на земли (Фил. 2, 8 — 9) — как же может любить надменность Тот, Кто и нам заповедал в законе своем смирение и Сам получил от Отца преславное имя в награду за смирение? Он — исповедник Христов; но только в таком случае, если чрез него не хулится потом величие и достоинство Христово. Язык, исповедавший Христа, не должен быть злоречив и сварлив; не должен произносить злословий и ругательств; не должен после хвалебных слов изрыгать змеиного яда на братьев и священников Божиих. А если исповедник сделается впоследствии

порочным и бесчестным; если исповедание свое обесславит поведением, осквернит жизнь свою постыдными делами; если, наконец, оставивши Церковь, в которой сделался исповедником, и расторгнувши союз единства, прежнюю веру заменит последующим вероломством, то таковой из-за исповедничества не может обольщать себя тем, будто он избран для славной награды; напротив, из-за того самого он заслужил тем большее наказание. Господь и Иуду избрал в число апостолов; однако же Иуда предал потом Господа. Впрочем, как вера и твердость апостолов не поколебались оттого, что предатель — Иуда отделился от их сообщества, так и здесь достоинство и святость исповедников не умалились оттого, что некоторые из них сделались вероломны. Блаженный апостол в Послании своем говорит: *что бо, аще не вероваша нецыи? еда неверствие их веру Божию упразднит? Да не будет! Да будет же Бог истинен, всяк же человек ложь* (Рим. 3, 3 — 4). Большая и лучшая часть исповедников твердо стоят в вере и в истине закона и благочиния Господня. Не отступают от мира Церкви те, которые помнят, что в Церкви они получили благодать по Божиему благоволению; и они тем большую заслуживают похвалу за свою веру, что, удалившись от вероломства тех, с которыми соединены были общением исповедания, они избежали через то греховной заразы. Просвещенные истинным светом Евангелия, озаренные чистым и ясным сиянием Господним, они — победители диавола в борьбе с ним — столь же достохвальны и за сохранение мира Христова.

Я желаю, возлюбленнейшие братья, советую и убеждаю, чтобы никто из братьев, если можно, не погибал и чтоб матерь, радуясь, заключала в своих объятиях одно тело, составленное из одного согласного народа. Если же спасительный совет не может возвратить на путь спасения некоторых вождей раскола и виновников несогласия, пребывающих в слепом и упорном безумии, то, по крайней мере, вы, уловленные простодушием, или завлеченные обманом, или обольщенные какой-либо ловкой хитростью, — расторгните коварные сети, освободите от заблуждения колеблющиеся стопы ваши, познайте правую стезю небесного пути. Апостол говорит: *повелеваем вам о имени Господа нашего Иисуса Христа отлучатися вам от всякого брата, безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас* (2 Фес. 3, 6). И в другом месте: *никто же вас да летит суетными словесы; сих бо ради грядет гнев Божий на сыны непокорныя: не бывайте убо сопричастницы сим* (Еф. 5, 6 — 7). Дблжно удаляться от намеренно согрешающих, дблжно даже бежать от них, дабы кто-либо, присоединясь к *бесчинно ходящим* и шествуя с ними по путям заблуждения и порока, совратившись с истинного пути, не сделался и сам виновным в том же грехе. Бог один, и один Христос, одна Церковь Его, и вера одна, и один народ, совокупленный в единство тела союзом согласия. Единство не должно дробиться; так же не должно дробиться и одно тело через разрыв связи — не должно разрываться на куски терзанием отторженных внутренностей: все, что только отделилось от жизненного начала, не может с потерей спасительной сущности жить и дышать особой жизнью. Дух Святой, увещевая нас, говорит: *кто есть человек хотяй живот, любяй дни видети благи? удержи язык твой от зла, и устне твои еже не глаголати льсти; уклонися от зла и сотвори благо; взыщи мира и пожени и* (Пс. 33, 13 — 15). Сын мира должен желать и искать мира; познавший и возлюбивший союз любви должен воздерживать язык свой от злого раздора. Господь, приближаясь уже к страданию, между прочими своими наставлениями и спасительными внушениями преподал и следующее: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). Вот какое наследие даровал нам Христос! В сохранении мира Он заключил все дары и награды Своих обетований. Итак, если мы наследники Христовы, то должны пребывать в мире Христовом; если мы сыны Божии, то должны быть миротворцами: *блажени,* — говорит Он, — *миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся* (Мф. 5, 9). Сынам Божиим надлежит быть миротворными, кроткими сердцем, простыми в слове, согласными во взаимной расположенности, верно сопряженными друг с другом союзом единодушия. Такое единодушие было когда-то при апостолах: первенствующие христиане, соблюдая наставления Господа, держались взаимной любви. Это подтверждает Божественное Писание, которое говорит: *народу же веровавшему бе сердце и душа едина* (Деян. 4, 32). И в другом месте: *сии вси бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Мариею Материю Иисусовою, и с братиею Его* (Деян. 1, 14). Потому-то и молитва их была действительна; потому-то они могли надеяться получить все, чего только просили у милосердного Господа.

А у нас и единодушие оскудело и умалилась щедрость в подаянии. Тогда продавали дома и села и, слагая себе сокровища на небе, получаемую плату отдавали апостолам для раздела неимущим. Мы же не уделяем ныне и десятой части от своих стяжаний, и, когда Господь повелевает продавать их, мы тем более покупаем и приумножаем. Так у нас оскудела сила веры! Так умалилась крепость верующих! И потому-то Господь, предвидя времена наши, говорит в своем Евангелии: *Сын человеческий пришед убо обрящет ли веру на земли* (Лк. 18, 8)? Мы видим, что предсказанное Им сбывается. Нет у нас никакой веры ни в страхе Божием, ни в законе правды, ни в любви, ни в деле. Никто с боязнью за будущее не помышляет о дне Господнем и гневе Божием; никто не думает о грядущих наказаниях для неверующих и о вечных муках, предназначенных вероломным. Совесть наша страшилась бы этого, если бы тому верила; а как она не верит, то не страшится. Если бы верила, то и остереглась бы; а остерегаясь, избежала бы опасности.

Возбудим же себя, возлюбленнейшие братья, сколько можем и, оттрясши сон прежней лености, будем бодрствовать в соблюдении

заповедей Господних. Будем такими, какими повелел нам быть сам Господь, говоря: *да будут, чресла ваша препоясана, и светильницы горящи; и вы подобны человеком чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да прышедшу и толкнувшу, абие отверзут Ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих* (Лк. 12, 35 — 37). Так надлежит нам быть препоясанными, дабы наступивший день развязки не застал нас в затруднении и неготовности. Да просветится и воссияет в добрых делах свет наш, который провел бы нас из ночи века сего к свету вечной славы. Будем ожидать с всегдашней заботливостью и осмотрительностью внезапного пришествия Господа, дабы, когда Он постучится, бодрствовала вера наша в чаянии получить награду от Бога за свое бодрствование. Если мы сохраним эти повеления, соблюдем эти наставления и заповеди, то никак не будем нечаянно застигнуты усыпленными прелестью диавольской и — рабы бодрствующие — станем царствовать с Владыкой Христом.

КНИГА О МОЛИТВЕ ГОСПОДНЕЙ

Евангельские заповеди — это не что иное, возлюбленнейшие братья, как божественные наставления, основания к назиданию надежды, подпоры к утверждению веры, пища для укрепления сердца, кормило для направления пути, пособие к получению спасения: наставляя переимчивые умы верующих на земле, они приводят к Небесному Царству. Бог благоволил многое возвестить и предложить через рабов своих — пророков: во сколько же важнее то, что говорит Сын, что собственным голосом свидетельствует Он — Слово Бога, бывшее в пророках, — не повелевая уже уготовить путь грядущему, но Сам приходя для открытия и указания нам пути, чтобы мы, блуждавшие во мраке, неосмотрительные прежде и слепые, будучи озарены светом благодати, держались пути жизни под водительством и управлением Господа! Он-то, между прочими Своими спасительными наставлениями и божественными заповедями, споспешествующими людям ко спасению, Сам дал и образец молитвы, Сам наставил и научил, о чем надлежит нам просить. Даровавший жизнь, по той благости, по которой благоволил уделить нам прочие дары, научил нас и молиться, чтобы, обращаясь к Отцу с той просительной молитвой, которой научил нас Сын, мы были тем удобнее услышаны. Он предсказал о наступлении времени, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, и предсказанное исполнил так, что мы, принявшие Духа и истину от Его освящения, поклоняемся истинно и духовно, держась Его предания. Ибо какая молитва может быть более духовна, как не та, которая завещана нам Христом, ниспославшим нам и Духа Святого? Какое моление может быть более истинным у Отца, как не моление, исшедшее из уст Сына, Который есть Истина? Следовательно, молиться

не так, как научил Он, есть не неведение только, но и преступление, тем более что сам Он как-то заметил: *разористе заповедь Божию за предание ваше* (Мф. 15, 6).

Будем же, возлюбленнейшие братья, молиться так, как научил нас Учитель Бог. Молиться Богу по Его указанию, доходить до слуха Его молитвой Христовой — вот приятная и доступная к Нему молитва! Когда молимся, пусть Отец познает слова своего Сына. Обитающий внутри нас, в сердце, да будет и в речи. Так как Он ходатай у Отца за грехи наши, то, молясь о грехах наших, будем мы, грешники, употреблять и слова нашего Ходатая. Он говорит, что о чем бы мы ни просили Отца во имя Его, даст нам (Ин. 16, 23); поэтому не тем ли вернее получим мы просимое во имя Христово, если будем просить Христовой молитвой? Во время же молитвы речь наша и моление да будут соединены с благочинием, спокойствием и скромностью, будем помышлять не о том, что мы стоим перед лицом Бога и что надобно угодить очам Божиим и положением тела и звуком голоса. Производить шум криком — это признак бесстыдного: напротив, скромному прилично молиться смиренной молитвой. Наконец, Господь преподал нам заповедь молиться тайно, в скрытых и уединенных местах, даже на своих постелях, что особенно свойственно вере, — да знаем, что Бог везде присутствует, слышит и видит всех, полнотою Своего величия проникает в самые потаенные и скрытые места, как сказано в Писании: Бог *приближяйся Аз есмь... а не Бог издалеча. Аще утаится кто в сокровенных, и Аз не узрю ли его?.. Еда небо и землю не Аз наполняю* (Иер. 23, 23 — 24)? И опять: *на всяцем месте очи Господни смотряют злыя же и благия* (Притч. 15, 3). И когда мы сходимся вместе с братьями для торжественного принесения божественных жертв со священником Божиим, то также должны помнить о скромности и благочинии: не бросать на ветер и кое-как прошений наших в нестройных голосах и не выражать шумной болтливостью моления, которое должно быть приносимо Богу смиренно, так как Бог выслушивает не голос, но сердце. Не криком должно напомнить о себе Тому, Кто видит помышления человеческие, по уверению Господа, сказавшего: *векую вы мыслите лукавая в сердцах ваших* (Мф. 9, 4)? И в другом месте: *и уразумеют вся церкви, яко Аз есмь испытаяй сердца и утробы* (Откр. 2, 23). Это, как читаем в Первой книге Царств, понимала и соблюдала Анна, прообразовавшая Церковь: она приносила Господу не громкое моление, но просила Его тихо и скромно в тайниках своего сердца; приносила молитву тайную, но с явной верой; молилась не устами, но сердцем, в уверенности, что и так Бог услышит, и она действительно получила просимое, потому что просила с верой. Об этом так говорит Писание: *И та глаголаше в сердцы своем, токмо устне ея двизастеся, а глас ея не слышашеся* (1 Цар. 1, 13), — но Бог услышал ее. Также читаем в псалмах: *глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших*

умилитеся (Пс. 4, 5). То же внушает Дух Святой через Иеремию, так поучая: *рцыте убо во уме: Тебе лепо есть кланятися, Владыко* (Иер. 5).

Поклоняющийся должен и то знать, возлюбленнейшие братья, как молился в храме с фарисеем мытарь: не с очами, нагло поднятыми к небу, не с воздетыми гордо руками, но ударяя себя в грудь и сознавая внутренне свой грех, испрашивал он помощи у милосердия Божия. И в то время как фарисей услаждался собой, мытарь, который так молился, который надежду спасения полагал не в уверенности о своей непорочности, так как нет никого без греха, но молился смиренно, исповедуя свои грехи, удостоился большего освящения: милующий смиренных услышал его молитву. Господь так излагает это в Своем Евангелии: *человека два внидоста в церковь помолитися: един фарисей, а другий мытарь. Фарисей же став, сице в себе моляшеся: Боже, хвалу Тебе воздаю, яко несмь, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь: пощуся двакраты в субботу, десятину даю всего, елико притяжу. Мытарь же издалеча стоя, не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше перси своя, глаголя: Боже милостив буди мне грешнику. Глаголю вам, яко сниде сей оправдан в дом свой паче онаго: яко всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется* (Лк. 18, 10-14).

Поучаясь таким образом из божественного чтения и узнав, как надлежит нам приступать к молитве, узнаем, возлюбленнейшие братья, из наставления нашего Господа и то, о чем должны мы молиться. Убо, — говорит, — *молитеся вы: Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое: да приидет Царствие Твое: да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли: хлеб наш насущный даждь нам днесь: и остави нам долги наша, яко и мы оставляем должником нашим: и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго. Аминь.* (Мф. 6, 9—13).

Учитель мира и Наставник единства прежде всего не хотел, чтобы молитва была совершаема врозь и частно, так, чтобы молящийся молился только за себя. В самом деле мы не говорим: *Отче мой, иже еси на небесех, — хлеб мой даждь ми днесь;* каждый из нас не просит об оставлении только своего долга, не молится об одном себе, чтобы только самому не быть введенному во искушение и избавиться от лукавого. У нас всенародная и общая молитва, и когда мы молимся, то молимся не за одного кого-либо, но за весь народ, потому что мы — весь народ — составляем одно. Бог — Наставник мира и согласия, поучавший единству, хотел, чтобы и один молился за всех так же, как Он один носил нас всех. Этот закон молитвы соблюдали и три отрока, брошенные в печь огненную: они были согласны в молении и единодушны в духе согласия. В этом удостоверяет Божественное Писание, которое, показывая, как они молились, дает нам пример для подражания, чтобы и нам сделаться подобными им. Сказано: *тогда тии трие яко едиными усты пояху и благословляху Бога* (Дан. 3, 51). Они говорили как бы одними устами, хотя не Христос научил их так молиться. И потому-то речь их — молящихся — была убедительна и действительна: мирная, простая и духовная молитва была угодна Господу. По вознесении Господнем мы находим апостолов с учениками, молившихся подобным же образом. *Сии вси,* — сказано, — *бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами и Мариею Материю Иисусовой и с братиею Его* (Деян. 1, 14). Они пребывали в молитве, единодушно, показывая и настоятельность своей молитвы, и взаимное согласие, потому что Бог, вселяющий единомысленных в дом, принимает в божественный и вечный дом Свой только тех, у кого молитва единодушна. О, каковы, возлюбленнейшие братья, тайны Молитвы Господней! Сколь многое и сколь великое заключено в кратком словами, но обильном духовной силой молении! В перечне небесного учения не пропущено ничего необходимого для прошений и молений наших!

Сице, — сказано, — молитеся вы: «Отче наш, иже еси на небесех!» Человек новый, возрожденный и восстановленный своим Богом, по Его благодати, прежде всего говорит: *Отче,* потому, что со делался уже сыном Его. *Во своя,* — сказано, — *прииде, и свои Его не прияша. Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его* (Ин. 1, 11 — 12). Итак, кто уверовал во имя Его и соделался сыном Божиим, должен и начинать с того, чтобы принести благодарение и исповедать себя сыном Божиим, назвавши Отцом Бога; должен с самого начала своего возрождения свидетельствовать словами, что он отказался от земного и плотского отца и стал знать и иметь одного Отца, Который на небесах, по Писанию: *глаголяй отцу своему и матери своей: не видех тебе... и сынов своих не уведе: сохрани словеса Твоя и завет Твой соблюде* (Втор. 33, 9). И Господь в Евангелии Своем заповедует нам не называть отца на земле, потому что у нас один Отец на небесах (Мф. 23, 9). Также ученику, который упомянул об умершем отце, Господь сказал в ответ: *остави мертвым погребсти своя мертвецы* (Мф. 8, 22). Тот сказал, что отец его умер, тогда как отец верующих жив. И не то только, возлюбленнейшие братья, должны примечать и понимать, что называем Отцом Того, Который на небесах; но и то, что говорим совместно: *Отче наш,* т. е. верующих, — тех, которые, будучи освящены и восстановлены благодатным духовным рождением, стали сынами Божиими. Эта речь служит в укор и посрамление иудеев, которые не только в неверии своем отвергли, но и по жестокости своей умертвили Христа, возвещенного им через пророков и прежде к ним посланного: они не могут уже называть Отцом Бога, когда Господь посрамляет и изобличает их, говоря: *вы отца вашего диавола есте и похоти отца вашего хощете теорией; он человекоубийца бе искони и во истине не стоит, яко несть*

истины в нем (Ин. 8, 44). Также Бог в негодовании возглашает через пророка Исайю: *сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене. Позна вол стяжавшаго его, и осел ясли господина своего: Исраиль же Мене не позна иллюдие Мои не разумеша. Увы, язык грешный, людие исполнени грехов, семя лукавое, сынове беззаконнии, остависте Господа и разгневаете Святаго Исраилева* (Ис. 1, 2 — 4). Им-то в укор мы, христиане, когда молимся, говорим: *Отче наш,* потому что Он стал нашим Отцом и перестал быть отцом иудеев, оставивших Его. Народ грешный не может быть сыном; но имя сынов присваивается тем, кому даруется отпущение грехов и обещается вечность, по слову Самого Господа, сказавшего: *всяк творяй грех раб есть греха. Раб же не пребывает в дому во век: сын пребывает во век* (Ин. 8, 34 — 35). О, какое к нам снисхождение, какое обилие благоволения и благости Господа, когда Он дозволил нам при совершении молитвы перед лицом Божиим называть Бога Отцом, а себя именовать сынами Божиими так же, как и Христос есть Сын Божий! Никто из нас не дерзнул бы употребить это имя в молитве, если бы Он Сам не позволил нам так молиться. Называя же Бога Отцом, мы должны помнить и знать, возлюбленнейшие братья, что нам надлежит и поступать как сынам Божиим, чтобы как мы сами радуемся о Боге Отце, так и Он радовался о нас. Будем пребывать, как храмы Божии, дабы видно было, что в нас обитает Бог. Да не будут действия наши недостойны духа: начавши быть небесными и духовными, будем помышлять и делать только духовное и небесное, имея в виду сказанное Богом: *прославляющыя Мя прославлю, и уничижаяй Мя безчестен будет* (1 Цар. 2, 30) — и написанное блаженным апостолом в Послании его: *несте свои, куплени бо есте ценою; прославите убо (и носите) Бога в телесех ваших* (1 Кор. 6, 19 — 20).

После сего мы говорим: *да святится имя Твое,* — не в том смысле, будто мы желаем Богу, да святится Он нашими молитвами; но мы просим у Него, чтобы имя Его святилось в нас. Ибо от кого же освятится Бог, Который Сам освящает? Но потому, что Он сказал: *будете святи, яко Аз свят* (Лев. 20, 7), — мы просим и молим, чтобы, освященные в крещении, мы и пребыли такими, какими быть начали. И об этом молимся ежедневно, потому что имеем нужду в ежедневном освящении, чтобы ежедневные грехи наши очищать непрестанным освящением. Каково же освящение, даруемое нам Богом по Его благости, — это поясняет апостол, говоря: *ни блудницы, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни осквернители, ни малакии, ни мужеложницы, ни татие, ни лихоимцы, ни пияницы, ни досадители, ни хищницы царствия Божия не наследят. И сими убо нецыи бесте; но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего* (1 Кор. 6, 9—11). Он называет нас освятившимися именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего; и мы молимся, да пребудет в

нас такое освящение. А так как Господь и Судия наш исцеленному от Него и оживотворенному с угрозой заповедал не грешить более, чтобы ему не было хуже (Ин. 5, 14), то мы непрестанной молитвой умоляем, днем и ночью просим, чтобы освящение и оживотворение, принятое нами от Божией благодати, соблюдено было в нас божественным охранением.

Затем в молитве следует: *да приидет Царствие Твое.* Мы просим о пришествии к нам Царства Божия в таком же смысле, в каком молим Бога, чтобы святилось в нас Его имя. Ибо когда же Бог не царствует или когда положить начало Его Царства, которое всегда было при Нем и не перестает быть? Мы просим, да приидет наше Царство, обещанное нам Богом, приобретенное кровью и страданием Христовым; просим, чтобы нам, послужившим в сем веке, царствовать потом с Владыкой Христом, как и Сам Он обещает это, говоря: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34). Царством же Божиим, возлюбленнейшие братья, может быть и сам Христос — нам вожделенно ежедневное присутствие Его, и мы просим, чтобы Он вскоре явил нам Свое пришествие. Как Он есть наше Воскресение, потому что мы в Нем воскресаем, так Его же можно разуметь под Царством Божиим, потому что мы будем царствовать в Нем. И мы правильно испрашиваем Царства Божия, т. е. Царства Небесного; ибо есть и царство земное. Но кто отрекся уже от мира, тот выше мирских почестей и царства. Таким образом, посвящающий себя Богу и Христу желает не земного, но Небесного Царства. А при этом необходима непрестанная молитва и моление, да не отпадем от Небесного Царства так, как отпали иудеи, которым оно было обещано прежде. Господь ясно говорит: *мнози от восток и запад приидут и возлягут со Авраамом и Исааком и Иаковом во Царствии Небеснем; сынове же царствия изгнани будут во тму кромешнюю: ту будет плач и скрежет зубом* (Мф. 8, 11 — 12). Он показывает, что иудеи были прежде сынами Царства, доколе не переставали быть сынами Божиими; потом же с упразднением у них имени Отеческого упразднилось и Царство. Потому-то мы, христиане, которые стали называть в молитве Бога Отцом, просим, да приидет к нам Царство Божие.

Далее мы присовокупляем следующие слова: *да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли,* — не с тем, чтобы Бог вследствие нашей молитвы делал что хочет, но чтобы мы могли делать угодное Ему. Ибо кто же воспрепятствует Богу делать угодное Ему? Но так как диавол полагает нам препоны в оказывании духом и телом полного повиновения Богу, то мы просим и молим, да будет в нас воля Божия. А чтобы она была — необходимо изволение Божие, т. е. Божия помощь и защита; потому что никто не крепок собственными силами, а всякий находит безопасность только в Божием снисхождении и милосердии. Да и Господь, показывая человеческую немощь,

которую Он носил в себе, говорил: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия;* а затем, подавая ученикам пример, чтобы они исполняли не свою волю, но Божию, прибавил: *обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты* (Мф. 26, 39). И в другом месте говорит: *снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38). Если Сын повиновался так, что исполнял волю Отца, то не гораздо ли более должен повиноваться и исполнять волю своего Господа раб? Иоанн в Послании своем так увещевает и наставляет нас к исполнению воли Божией: *не любите мира, ни яже в мире: аще кто любит мир, несть любве Отчи в нем: яко все, еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит и похоть его; а творяй волю Божию пребывает во веки* (Ин. 2, 15—17), как и Бог пребывает во веки. Итак, желая пребывать во веки, мы должны творить волю Бога, Который вечен. Воля же Божия указана нам в делах и учении Христовых. Смирение в обращении, стойкость в вере, скромность в словах, правда в действиях; в делах — милосердие, в нравах — благочиние; неумение причинять обиду, умение переносить обиду, нам причиненную; хранить мир с братьями; любить Бога всем сердцем, любить Его как Отца, бояться как Бога; ничего не предпочитать Христу так, как и Он ничего не предпочел нам; мужественно и верно стоять у Его креста, когда препираются о имени Его и чести, выражать в речи постоянство исповедания, при допросе отвагу, с которой вступаем в бой, в смерти терпение, которым венчаемся, — это значит желать быть сонаследником Христу! Это значит — творить заповедь Божию, исполнять волю Отца!

Просим же мы, да будет воля Божия как на небе, так и на земле, потому что и то и другое относится к осуществлению нашей безопасности и спасения. Имея тело из земли, а дух с неба, будучи сами землею и небом, мы молимся, да будет в том и другом, т. е. в теле и в духе, воля Божия. Ибо тело и дух находятся в борьбе, и при взаимном противодействии их друг другу у них происходит ежедневная брань, так что мы не то делаем, что хотим: в то время как дух ищет небесного и божественного, тело устремляется желанием к земному и мирскому. Потому мы усердно просим, чтобы помощью и содействием Божиим установилось между обоими согласие и чтобы при совершении в духе и в теле воли Божией спасена была душа, возрожденная Богом. О борьбе открыто и ясно выражается апостол Павел. *Плоть,* — говорит он, — *похотствует на духа, дух же на плоть; сия же друг другу противятся, да не яже хощете, сия творите... Явлена же суть дела плотская, яже суть прелюбодеяние, блуд, нечистота, студодеяние, идолослужение, чародеяния, вражды, рвения, завиды, ярости, разжжения, распри, соблазны, ереси, зависти, убийства, пиянства, безчинни кличи и подобная сим; яже предглаголю вам, якоже и предрекох, яко таковая творящии Царствия Божия не наследят. Плод же духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Га. 5, 17, 19—23). Вот почему ежедневно и непрестанно просим в молитве, чтобы относительно нас была воля Божия как на небе, так и на земле; а воля Божия состоит в том, чтобы земное уступало небесному и одерживало верх духовное и божественное.

Впрочем, возлюбленнейшие братья, можно понимать это и следующим образом. Так как Господь и заповедует нам любить даже врагов и молиться за преследующих нас (Мф. 5, 44), то и за тех, которые пребывают еще землей и не начинали быть небесными, мы просим, да будет и относительно их воля Божия, которую совершил Христос, спасая и восстанавливая человека. Притом Он не называет уже учеников землей, но солью земли (Мф. 5, 13), и Апостол именует первого человека из земли земным, а второго — с неба (1 Кор. 15, 47); поэтому и мы, которые должны уподобляться Отцу Богу, сияющему солнце Свое на злых и благих и посылающему дождь на праведных и неправедных (Мф. 5, 45), следуя Христову наставлению и совершая моление о спасении всех, правильно молимся и просим, чтобы как в небе, т. е. в нас, совершилась по вере нашей воля Божия и мы стали небесными, так и на земле, т. е. в них — неверующих, да будет воля Божия, чтобы и они, земные по первому рождению, возродившись водою и духом, начали быть небесными.

Продолжая молитву, мы произносим следующее прошение: *хлеб наш насущный даждь нам днесь.* Это можно понимать как в духовном, так и в простом смысле, протому что и тот и другой, по божественному дарованию, равно благоприятствует спасению. Христос есть хлеб жизни, и этот хлеб не всех, но только наш. Как говорим мы: *Отче наш,* потому что Бог есть Отец познающих Его и верующих, так и Христа называем нашим хлебом, потому что Он и есть хлеб тех, которые прикасаются Телу Его. Просим же мы ежедневно, да дастся нам этот *хлеб,* чтобы мы, пребывающие во Христе и ежедневно принимающие Евхаристию в снедь спасения, будучи по какому-либо тяжкому греху отлучены от приобщения и лишены небесного хлеба, не отделились от Тела Христова, как Господь говорит в наставление наше: *Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе; аще кто снесть от хлеба сего, жив будет во веки, и хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира* (Ин. 6, 51). Когда Он говорит, что ядущий от хлеба Его жив будет во веки, то этим показывает, что живут те, которые прикасаются, Его Телу и по праву приобщения принимают Евхаристию. Итак, должно бояться и молиться, да не отделится кто-либо от Тела Христова, подвергшись запрещению, и не удалится от спасения, как угрожает Господь, говоря: *аще не снесте плоти Сына человеческого, не пиете крове Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 53). Потому-то мы и просим ежедневно, да дастся нам хлеб наш, чтобы нам, пребывающим и живущим во Христе, не удалиться от освящения и от Тела Его.

Можно это понимать и так: отрекшись от века сего и по вере духовной благодати отказавшись от его богатств и почестей, памятуя наставление Господа, Который говорит: *иже не отречется всего своего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 33), мы просим одной только пищи и пропитания. Кто сделался учеником Христовым, тот, по слову Учителя, отказываясь от всего, и должен просить только дневного пропитания и в молитве не простирать далее своих желаний, имея в виду заповедь Господа, сказавшего: *не пецытеся на утрей, утрений бо собою печется: довлеет дневи попечение его* (Мф. 6, 34). Итак, ученик Христов, которому воспрещается заботиться о завтрашнем дне, праведно испрашивает себе дневной пищи: было бы противоречие и несообразность в том, если бы мы искали в этом веке продовольствия на долгое время, когда просим о скором пришествии Царства Божия. Блаженный апостол, поучая и утверждая крепость надежды и веры нашей, делает нам следующее напоминание: *ничто же внесохом в мир сей; яве, яко ниже изнести что можем. Имеюще же пищу и одеяние, сими довольни будем. А хотящии богатитися впадают в напасти и сеть и в похоти многи несмысленны и вреждающыя, яже погружают человеки во всегубителство и погибель; корень бо всем злым сребролюбие есть, егоже нецыи желающе заблудиша от веры и себе пригвоздиша болезнем многим* (1 Тим. 6, 7 — 10). Этим учит, что не только надобно презирать богатства, но что они и опасны: в них корень льстивых зол, обольщающих слепоту человеческого ума скрытым коварством. Потому-то Бог обличает безумного богача, который помышлял о мирских достатках и хвастался чрезвычайным изобилием плодов. *Безумие,* — говорит Он ему, — *в сию нощь душу твою истяжут от тебе: а яже уготовал еси, кому будут* (Лк. 12, 20)? Безумный, он радовался о прибыли в ту ночь, в которую надлежало ему умереть; тот, кому мало уже оставалось жить, помышлял о изобилии плодов.

Напротив, Господь учит, что тот вполне совершен, кто, продав все свое имение р раздав в пользу нищих, заготовляет себе сокровище на небе; тот, по словам Господа, может следовать за Ним и подражать славе страдания Господня, кто в готовности и охоте своей не задерживается никакими сетями домашнего хозяйства, но, предпослав свое имущество Богу, отрешенный и свободный, сам идет туда (Мф. 19, 21). Вот как да научится всякий молиться, чтобы приготовить себя к тому же; из закона молитвы да уразумеет всякий, какова должна быть молитва! Между тем для праведника никогда не может быть недостатка в ежедневной пище, по Писанию: *не убиет гладом Господь душу праведную* (Притч. 10, 3). И опять: *юнейший бых, и состарехся, и не видех праведника оставлена, ниже Семене его просяща хлебы* (Пс. 36, 25). То же обещает и Господь, говоря: *не пецытеся, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся? Всех сих языцы ищут; весть бо Отец ваш, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 31—33). Он обещает, что ищущим Царства и Правды Божией *вся приложатся:* ведь все Божие; следовательно, имеющий Бога ни в чем не будет иметь недостатка, только бы сам не отстал от Бога. Так, Даниилу, когда он был ввержен в ров львиный по велению царскому, изготовляется обед. Промыслом Божиим и человек Божий насыщается среди зверей алчущих, но щадящих его (Дан. 14, 30 — 39). Так, Илия питается во время бегства: преследуемый, он получает пропитание в пустыне от вранов, которые служат ему, от птиц, которые приносят ему пищу. О, ненавистная жестокость злобы человеческой! Звери щадят, птицы кормят, а люди строят ковы и свирепствуют.

После сего мы молимся и о грехах наших, говоря: *и остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим.* По испрошении пищи испрашивается отпущение грехов, чтобы человек, питаемый Богом, и жил в Боге, и заботился не только о временной, но и о вечной жизни, — а ее можно достигнуть, если прощены будут грехи, которые Господь в Своем Евангелии называет долгами, говоря: *весь долг отпустих тебе, понеже умолил Мя еси* (Мф. 18, 32). И сколь необходимо, сколь прозорливо и спасительно напоминание, которым мы, грешники, побуждаемся к молению о грехах, чтобы, испрашивая милосердие у Бога, дух приходил в самосознание! Для устранения довольства собою, как бы невинными, для избежания опасности погибнуть через высокомерие, нам повелевается ежедневно молиться о грехах и тем дается напоминание и наставление, что мы и грешим ежедневно. То же указывает в Послании своем Иоанн, говоря: *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины несть в нас. Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен* (ГосподьЯ *да оставит нам грехи наша* (1 Ин. 1, 8 — 9). В Послании своем он объял и то, что мы должны просить о грехах, и то, что получим прощение, если будем просить. Ибо он назвал Господа верным, т. е. верно исполняющим свое обещание; а Научивший нас молиться о грехах и долгах наших обещал нам милосердие Отца и следующее затем прощение. К этому Господь ясно присовокупил и прибавил закон, ограничивающий нас известным условием и обетом, по которому мы должны просить, чтобы нам оставлены были долги так, как и мы оставляем должникам нашим, зная, что не может быть получено нами отпущение грехов, если мы не сделаем того же относительно должников наших. Потому-то и в другом месте Он говорит: *в нюже меру мерите, возмерится вам* (Мф. 7, 2). Да и раб, который не захотел простить своему товарищу тогда, как господин простил ему самому весь долг, заключен был в темницу; он утратил оказанное ему Господом снисхождение, потому что не захотел оказать товарищу снисхождения (Мф. 18, 27—34). Это еще сильнее и с большей строгостью Своего суда излагает Господь в заповедях Своих. И *егда,* — говорит, — *стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, Иже есть на небесех,*

отпустит вам согрешения ваша: аще ли же вы не отпущаете, ни Отец ваш, Иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших (Мф. 11, 25 — 26). Итак, тебе не остается никакого извинения в день суда: ты будешь судим по собственному своему приговору, с тобою поступят так, как сам ты поступишь с другими.

Бог заповедует, чтобы в доме Его жили только мирные, согласные и единодушные. Он хочет, чтобы возрожденные и оставались такими, какими Он сделал их вторым рождением; чтобы ставшие сынами Божиими пребывали в мире Божием; чтобы у нас, у которых один дух, было одно сердце и чувство. Он не принимает жертвы от того, кто находится во вражде, и повелевает таковому возвратиться от алтаря и прежде примириться с братом, чтобы потом можно было умилостивить Бога мирными молениями. Для Бога большая жертва — наш мир и братское согласие, народ, соединенный в единстве Отца и Сына и Святого Духа. При первых жертвоприношениях, принесенных Авелем и Каином, Бог не смотрел на дары их, но на сердца, так что тот угодил Ему дарами, кто угодил сердцем. Мирный и праведный Авель, принесши в невинности жертву Богу, дал урок и другим, приносящим дар к алтарю, — приходить туда со страхом Божиим, с простым сердцем, с законом правды, с миром согласия. Принесши жертву Богу с таким расположением, он потом и сам сделался жертвой Богу: хранитель правды Господней и мира, он первый, претерпев мученичество, славой своей крови предначал страдание Господне. Таковые наконец и увенчиваются от Господа! Таковые в день суда будут судить с Господом! Напротив, кто находится во вражде и несогласии, кто не имеет мира с братьями, тот, по свидетельству блаженного апостола и Священного Писания, хотя бы претерпел смерть за имя Христово, все же останется виновен во вражде братской (1 Кор. 13, 3); а в Писании сказано: *всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть* (1 Ин. 3, 15), человекоубийца же не может ни достигнуть Царства Небесного, ни жить с Богом. Не может быть со Христом тот, кто лучше захотел быть подражателем Иуды, нежели Христа. Каков же это грех, который не омывается и крещением крови? Каково преступление, которого нельзя загладить и мученичеством?

Далее Господь дает нам как необходимое наставление говорить в молитве: *и не введи нас во искушение.* Этим показывается, что враг не имеет никакой власти над нами, если не будет на то предварительно допущения Божия. Потому-то весь наш страх, все благоговение и внимание должны быть обращены к Богу, так как лукавый не может искушать нас, если не дастся ему власти свыше. Доказательством служат слова Божественного Писания: *прииде Навуходоносор царь Вавилонский на Иерусалим и воеваше нань, и даде Господь в руце его* (Дан. 1,1—2). Дается же лукавому власть над нами по грехам нашим, как говорится в Писании: *кто даде на разграбление Иакова, и Исраиля пленяющим его? не Бог ли, Ему же согрешиша и восхотеша в путех Его ходити, ни слушати закона Его? И наведе на ня гнев ярости Своея* (Ис. 42, 24-25). Также о Соломоне, когда он предался и уклонился от заповедей и путей Господних, сказано: *и воздвиже Господь противника Соломону* (3 Цар. 11, 23). Впрочем, власть над нами дается с двоякой целью: или для наказания, когда мы грешим, или для славы, когда испытываемся, как это сделано было относительно Иова, по ясному указанию Бога, говорящего: *се вся, елика суть ему, даю в руку твою, но самого да не коснешися* (Иов 1, 12). Также и Господь во время страдания говорит в Своем Евангелии: *не имаши власти ни единым на Мне, аще не бы ти дано свыше* (Ин. 19, 11). Между тем, когда мы просим, да не подвергнемся искушению, то таковым прошением приводимся к сознанию слабости нашей и немощи с тем, чтобы никто не высокомудрствовал о себе, чтобы никто с гордостью и надменностью не присваивал ничего себе и не приписывал себе славы исповедания или страдания тогда, как сам Господь, поучая смирению, сказал: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть: дух убо бодр, плоть же немощна* (Мк. 14, 38). Так необходимо предварительно смиренное и покорное сознание и предоставление всего Богу, дабы то, что смиренно испрашивается у Него со страхом Божиим и почтением, даровано было Его благостью.

После всего к концу молитвы приходит заключение, кратко выражающее все наши моления и прошения. В конце говорим: *но избави нас от лукаваго,* разумея под тем всякие беды, которые в сем мире замышляет против нас враг и против которых у нас будет верная и крепкая защита, если избавит нас от них Бог, если по нашему прошению и молению Он дарует нам Свою помощь. Затем, после слов: *избави нас от лукаваго,* не о чем уже более и просить: мы просим покровительства Божия против лукавого, а получивши таковое покровительство, мы уже безопасны и защищены от всех козней диавола и мира. В самом деле, чего бояться со стороны мира тому, кому в этом мире защитник Бог?

Неудивительно, возлюбленнейшие братья, что такова молитва, преподанная нам Богом, Который в Своем учении все наше моление выразил кратким, но спасительным словом. Давно уже это предсказано пророком Исайей; говоря о величии и любви Божией, он, исполненный Духа Святого, сказал: *Слово бо совершая и сокращая правдою, яко слово сокращено сотворит Господь во всей вселенней* (Ис. 10, 23). Итак, когда пришел для всех Господь наш Иисус Христос, Слово Божие, и, собирая ученых и неученых, излагал спасительные заповеди для всякого пола и возраста, тогда Он и заключил свои заповеди в сжатой речи, чтобы не затруднять памяти учащихся в изучении небесного и чтобы скоро изучалось то, что необходимо Для простой веры. Так, предлагая учение о жизни вечной, Он с Краткостью, приличной Своему величию и божественности, выразил таинство жизни следующими словами: *се же есть живот веч-*

ный, да знают Тебе единаго истиннаго Бога, и Егоже послал еси Иисус Христа (Ин. 17, 3). Извлекая первые и главнейшие заповеди из закона и пророков, Он говорит: *слыши, Исраилю, Господь Бог ваш Господь един есть. И возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею: сия есть первая заповедь. И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе* (Мк. 12, 29 — 31). *В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят* (Мф. 22, 40). И опять: *вся, елика аще хощете, да творят вам человецы, тако и вы творите им. Се бо есть закон и пророцы* (Мф. 7, 12).

Не словами же только, но и делами учил нас Господь молиться: Сам Он часто воссылал к Богу моления и прошения, собственным примером показывая, что нам надлежит делать. В Писании говорится: *Той же бе отходя в пустыню и моляся* (Лк. 5, 16). И опять: *изыде в гору молитися, и бе обнощь в молитве Божии* (Лк. 6, 12). Если молился Он — безгрешный, то не тем ли более дблжно молиться грешникам? Если Он, бодрствуя всю ночь, воссылал непрестанные моления, то не тем ли более надлежит бодрствовать ночью и нам в частом совершении молитвы? Господь молился и просил не за Себя, ибо чего же испрашивать для себя невинному? Он молился о грехах наших, как Сам поясняет это, говоря Петру: *се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу; Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя* (Лк. 22, 31—32). Молился Он потом Отцу и за всех, говоря: *не о сих же молю токмо, но и о верующих словесе их ради в Мя: да еси едино будут;*

ЯТСОЛСв Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в Нас едино будут (Ин. 17, 20 — 21). Велика благость и любовь Господа в устроении нашего спасения! Не довольствуясь тем, что искупил нас Своей Кровью, Он еще и просил за нас! А прося, смотрите, какое Он имел желание: чтобы и мы пребывали в том самом единстве, в каком Отец и Сын едины суть. Отсюда можно уразуметь, как грешат те, которые уничтожают единство и мир, уничтожают то, о чем просил Господь, желавший, чтобы народ Его был спасен, живя в мире, так как Он знал, что вражда не входит в Царство Божие.

Возлюбленнейшие братья! Когда мы стоим на молитве, то должны бодрствовать и прилежать к молению всем сердцем. Да удалится от нас всякое плотское и мирское помышление и дух да помышляет только о том, о чем просит. И священник, предпослав молитве предисловие, приготовляет к тому умы братьев, взывая: *горе имеим сердца-*, и народ в своем ответе: *имамы ко Господу* — получает напоминание, что ему ни о чем не дблжно помышлять, как только о Господе. Да будет сердце закрыто от противника; одному Богу будет оно открыто и да не допустит во время молитвы войти в себя врагу Божию! А он часто вторгается и проникает и ловким обманом отвлекает моления наши от Бога, заставляя одно иметь в сердце, а другое выражать голосом, между тем как Господу надобно молиться

с искренним вниманием и умолять не звуком голоса, но сердцем и чувством. Что же это за небрежность — во время принесения молитвы Господу отчуждать себя и увлекаться нелепыми и скверными помыслами, как будто у тебя есть думать о чем важнейшем, нежели о том, что ты беседуешь с Богом? И как ты требуешь, чтобы Бог услышал тебя, когда ты сам себя не слышишь? Как хочешь, чтобы Бог во время твоего моления помнил о тебе, когда ты сам о себе не помнишь? Это значит вовсе не остерегаться врага. Это значит, молясь Богу, оскорблять величие Божие небрежностью в молитве. Это значит — бодрствовать глазами, а спать сердцем, между тем как христианин должен бодрствовать сердцем и тогда, когда спит глазами. В Писании, в книге Песнь песней, так говорится от лица Церкви: *аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5,2). Потому-то и апостол с такой заботливостью и осмотрительностью увещевает нас, говоря: *в молитве терпите, бодрствующе в ней* (Кол. 4,2). Этим он научает и показывает, что только те получают просимое от Бога, которых Бог видит бдительными в молитве.

Притом молящиеся да не приходят к Богу с бесплодными и пустыми молениями. Недействительно то прошение, которое выражается в молитве, не сопровождаемой делом. Если всякое дерево, не приносящее плода, посекается и в огонь бросается, то, конечно, и слово, не имеющее плода, не может быть угодно Богу, как лишенное всякого делания. Потому-то Священное Писание говорит в наставление наше: *благо молитва с постом и милостынею* (Тов. 12, 8). Господь, Который в день суда имеет воздать награду за дела и милостыни, и ныне благосклонно выслушивает того, кто приходит с деланием. Так молился Корнилий — сотник — и удостоился быть услышанным. Он подавал много милостыни народу и всегда молился Богу. Ему-то около девятого часа, во время молитвы, явился ангел и, свидетельствуя о его делании, сказал: *Корнилие! молитвы твоя и милостыни твоя приидоша на память пред Бога* (Деян. 10, 3 — 4). О всегдашней молитве и всегдашнем делании Товии дал свидетельство ангел Рафаил, говоря: *дела Божия открывати славно. И ныне, егда молился еси ты и невестка твоя Сарра, аз приноulах память молитвы вашея пред Святаго: и егда погребал еси мертвыя, и егда не ленился еси востати и оставити обед твой, да отшед покрывши мертваго, с тобою бех. И ныне посла мя Бог изцелити тя и невестку твою Сарру. Аз есмь Рафаил, един от седми святых ангелов, иже предстоят и входят пред славу Святаго* (Тов. 12, 11 — 15). Подобное внушает и заповедует Господь через Исайю. *Разрешай,* — говорит, — *всяк соуз неправды, разрушай обдолжения насилных писаний, отпусти сокрушенныя в свободу и всякое писание неправедное раздери. Раздробляй алчущым хлеб твой и нищыя безкровныя введи в дом твой. Аще видиши нага, одей, и от свойственных племене твоего не презри. Тогда разверзается рано свет твой и изцеления* (одежды) *твоя возсия-*

ют; и предъидет пред тобою правда твоя и слава Божия объимет тя. Тогда воззовеши и Бог услышит тя, и еще глаголющу ти речет: се приидох (Ис. 58, 6 — 9). Бог обещает предстать, говорит, что выслушает и защитит тех, которые, разрешая в сердце *союз неправды* и по заповеди Его подавая милостыню домочадцам Божиим, заслуживают быть услышанными Богом, так как и сами они слушаются повелений Божиих. Блаженный апостол Павел, получив от братьев пособие в своей нужде, назвал учиненное ими доброе дело жертвой Богу. *Исполнихся,—* говорит он, — *прием от Епафродита посланная от вас, воню благоухания, жертву приятну, благоугодну Богу* (Фил. 4, 18). Кто *милосердствует о нищих, тот* дает взаймы Богу; кто подает меньшим братьям, тот приносит дар Богу, духовно приносит Богу в жертву благовонное курение.

Что касается времен для торжественного совершения молитвы, то мы находим, что Даниил и три отрока, крепкие в вере и победители в пленении, посвящали им час третий, шестой и девятый, предызображая тем Троицу, которая имела открыться в последние времена. В самом деле, считая с первого часа до трех, мы имеем вполне троичное число. Также, от четвертого часа доходя до шести, опять имеем троицу. От седьмого до девятого снова три часа. Таким образом, счет по три часа выражает совершенную Троицу. Эти-то часовые сроки издавна уже соблюдали поклонники Божии, духовно признавая их временами, установленными и узаконенными для молитвы. Впоследствии сделалось явно, что таковые сроки, посвящавшиеся праведниками молитве, заключали в себе таинства. Так, в третьем часу снисшел Дух Святой на учеников и исполнил благодать обетования *Господня* (Деян. 2, 4 — 15). В шестом часу Петр, взошедши на горницу, когда сомневался относительно крещения язычников, увидел знамение и услышал голос Бога, наставивший его допускать всех к благодати спасения (Деян. 10, 9 — 16). В шестом же часу Господь распят, а в девятом Он Своей кровью омыл грехи наши и страданием совершил Свою победу, дабы искупить нас и оживотворить.

Но кроме часов, назначенных древле для молитвы, у нас, возлюбленнейшие братья, с приращением таинств умножились и сроки. Так, надлежит молиться утром для прославления утренней молитвой Воскресения Христова. Это древле обозначил и Дух Святой в псалмах, говоря: *Царю мой и Боже мой, яко к Тебе молюся, Господи. Заутра услыши глас мой, заутра предстану Ти, и узриши мя* (Пс. 5, 3 — 4). Также Господь говорит через пророка: *утренневати будут ко Мне, глаголюще: идем и обратимся ко Господу Богу нашему* (Ос. 6, 1). Опять необходимо молиться при захождении солнца, к концу дня. Молясь же в конце дня и прося при захождении солнца, да приидет на нас снова свет, мы испрашиваем пришествия Христова, которое имеет подать нам благодать вечного света, потому что Христос есть истинное солнце и истинный день. Днем называет Христа Дух Святой в псалмах. *Камень,* — говорит,— *егоже* ***небрегоша*** *зиждущии, сей бысть во главу угла: от Господа бысть сей, и есть дивен во очесех наших. Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь* (Пс. 117, 22 — 24). Солнцем Он назван у пророка Малахии: *и возсияет вам, боящимся имене Моего, солнце правды и изцеление в крылех Его* (Мал. 4,2). Если же по Священному Писанию Христос есть истинное солнце и истинный день, то христианин не только часто, но и всегда должен воздавать поклонение Богу так, что ни один час не должен быть для него исключением. Сущие во Христе, Который есть истинное солнце и день, мы должны прилежать прошениям и молениям весь день. Да и когда, по закону мирскому, чередуясь преемственной сменой, наступает ночь, то и ночной мрак не может быть препятствием для молящихся, потому что для сынов света — и ночью день. В самом деле, когда же остается без света тот, у кого свет в сердце? Или когда бывает лишен солнца и дня тот, у кого солнце и день — Христос?

Не будем же, пребывающие всегда во Христе, т. е. в свете, оставаться без молитвы и ночью. Возьмем в пример вдову Анну, которая беспрестанно молилась и всегда бодрствовала в угождении Богу, как написано в Евангелии: *не отхождаше от Церкве, постом и молитвами служащи день и нощь* (Лк. 2, 37). Пусть это видят язычники, которые не просвещены еще, и иудеи, которые, оставивши свет, остались во тьме. Мы же, возлюбленнейшие братья, которые всегда находимся во свете Господнем, которые помним и храним то, чем стали с получением благодати, будем и ночь считать за день. Веруя, что мы ходим всегда во свете, да не поглощаемся тьмою, которую мы оставили: и в ночные часы да не будет недостатка в молитвах и тогда да не будут по лености и небрежению оставляемы моления. По благости Божией воссозданные духовно и возрожденные, станем поступать согласно будущему нашему назначению. Предназначенные к Царству, где будет всегда день, не сменяемый ночью, будем бодрствовать ночью, как бы днем. Предназначенные к всегдашней там молитве и благодарению Богу, не перестанем и здесь молиться и благодарить.

КНИГА О РЕВНОСТИ И ЗАВИСТИ

** Ревность кажется тебе делом хорошим, а некоторые считают легким и маловажным грехом завидовать тем, возлюбленнейшие братья, которые лучше их. А считая грехом легким и маловажным, не боятся его; не боясь, пренебрегают им; пренебрегая же, не избегают его, и таким образом совершается невидимая и тайная пагуба: будучи едва заметной для того, чтобы предусмотрительные могли уберечься от нее, она скрыто повреждает умы неосмотрительные. Между тем Господь повелел нам быть мудрыми, заповедал быть крайне осторожными, чтобы враг, который всегда бодрствует и непрестан-

но подстерегает нас, вторгшись в сердце, не раздул из искр пожара, не превратил малого в большое и, убаюкивая небрежных и неосторожных легким дыханием и тихим веянием, не возбудил вихрей и бурь и через то не разрушил веры и спасения, не разбил самой жизни.

Итак, надобно бодрствовать, возлюбленнейшие братья; надобно всеми силами стараться противопоставить тщательное и полное бдение врагу, который, свирепствуя, направляет на все части тела свои стрелы, могущие поразить и ранить нас. Убеждая нас к этому и поучая, апостол Петр говорит в своем Послании: *Трезвитеся, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Он обходит каждого из нас и, как неприятель, обложивший крепость, осматривает стены и испытывает, нет ли в них какой части не столь укрепленной и прочной, через которую можно было бы проникнуть внутрь. Глазам он представляет соблазнительные образы и нетрудные забавы, чтобы посредством зрения подорвать целомудрие; завлекает ухо веселыми песнями, чтобы посредством слышания сладких звуков поколебать и ослабить христианскую силу; вызывает язык на злословие и, раздражая обидами, подстрекает руку на наглое убийство; выставляет неправедные барыши, чтобы приучить к барышничеству; вводит пагубные сбережения, чтобы пристрастить душу к деньгам; обещает земные почести, чтобы отнять небесные; выставляет на вид ложное, чтобы похитить истинное. Всегда озабоченный поражением рабов Божиих, всегда неприязненный, коварный во время мира, жестокий во время гонения, он, когда не может обольстить тайно, грозит открыто и явно, устрашая ужасами гонения. Поэтому, возлюбленнейшие братья, необходима стойкость нашему духу: он должен быть настроен и вооружен как против всех тайных козней диавола, так и против явных угроз его, должен быть готов к отражению их так же, как враг всегда готов к нападению. А как стрелы, пускаемые втайне, многочисленнее и поражение скрытое и потаенное тем тяжелее и чаще причиняет раны, чем менее оно предусматривается, то мы должны быть бдительными, чтобы все подобное понимать и отражать, а сюда-то и относится зло ревности и зависти.

Кто вникнет в дело, найдет, что христианину надлежит более всего беречься и с особенной осмотрительностью заботиться, чтобы не увлечься злобой и завистью, чтобы брат, опутанный скрытыми сетями тайного врага, возымев от ревности вражду на брата, не поразил себя, сам того не зная, собственным своим мечом. Чтобы полнее представить это и яснее понять, обратимся к началу и источнику, посмотрим, откуда и как началась ревность; ибо легче нам будет избегнуть столь пагубного зла, если мы будем знать его происхождение и великость. В самом начале мира диавол первый погиб от этого зла и сделался губителем. Он, украшенный ангельским величием, угодный и любезный Богу, возревновал и предался враждебной зависти, увидевши человека созданным по образу Божию, и затем, подстрекаемый ревностью, сам низвержен ревностью прежде, чем низверг другого, пленен прежде, чем пленил, погиб прежде, чем погубил, и, возжелав из-за зависти отнять у человека благодать дарованного ему бессмертия, сам утратил то, чем был прежде. Каково же это зло, возлюбленнейшие братья, от которого пал ангел, которое могло опутать и низвергнуть столь высокую и превосходную тварь, которое обольстило самого обольстителя? С тех пор зависть свирепствует на земле и гибнет от зависти, кто повинуется учителю погибели, подражает диаволу, кто ревнует, как сказано в Писании; *завистию же диволею смерть вниде в мир; а ему подражают все, которые суть от его части* (Прем. 2, 24). Наконец, первая вражда между первыми братьями и нечестивые братоубийства начались с того, что неправедный Каин поревновал праведному Авелю, что злой возненавидел доброго, позавидовал ему; бешеная ревность столько имела силы для совершения злодеяния, что забыта и братская любовь, и тяжесть греха, и страх Божий, и казнь за преступление: неправедно подавлен тот, кто первый показал праведность, подвергся ненависти не умевший ненавидеть, умерщвлен беззаконно тот, кто и умирая не сопротивлялся. От ревности также Исав сделался врагом брата своего Иакова: так как последний получил благословение от отца, то зависть подвигла Исава на вражду и преследование. В ревности заключается причина и того, что Иосиф продан был своими братьями: по простоте своей он рассказал им, как брат братьям, свои видения, пророчившие ему возвышение, и враждебный дух их исполнился зависти. Да и что, если не ревность, возбудило в царе Сауле ненависть к Давиду, так что он, часто преследуя невинного, милосердного, кроткого, смиренно-терпеливого, желал его смерти? Когда убит был Голиаф и по умерщвлении, помощью и содействием Божиим, такого врага народ выразил свое удивление торжественными песнями в честь Давида, тогда Саул позавидовал тому и им овладела ярость злобы и гонения. Но, не останавливаясь долго на отдельных примерах, обратим внимание на гибель народа, раз навсегда пропащего. Не оттого ли погибли иудеи, что они лучше захотели завидовать Христу, чем верить? Понося великие Его деяния, они обольщены были слепой ревностью и не могли открыть сердечных очей для созерцания дел божественных. Помышляя об этом, возлюбленнейшие братья, бдением и мужеством оградим сердца наши, посвященные Богу, от столь пагубного зла. Смерть других да послужит к нашему спасению; казнь неосмотрительных да принесет здравие осмотрительным.

Неверно мнение тех, которые думают, что это зло имеет один вид или что оно кратковременно и заключено в тесных пределах. Гибель от ревности далеко простирается: она многообразна и многоплодна. Это — корень всех зол, источник опустошений, рассадник грехов, причина преступлений. Отсюда возникает ненависть, отсюда проис-

ходит задор. Ревность возжигает корыстолюбие, когда кто не может довольствоваться своим, видя другого богаче. Ревность возбуждает честолюбие, когда видишь другого в почестях выше тебя. Коль скоро ревность ослепила наши чувства и овладела тайными помыслами, тотчас презирается страх Божий, пренебрегается учение Христово, не помышляется о дне суда, надмевает гордость, усиливается жестокость, умножается вероломство, мучит нетерпение, свирепствует раздор, кипит гнев, — и не может уже удержать себя или управлять собою тот, кто подпал чужой власти. Отсюда — разрыв связи мира Господня, нарушение братской любви, извращение истины, рассечение единства; отсюда — переход к ересям и расколам, когда кто поносит священников, завидует епископам, жалуется, почему не он поставлен, или не хочет признавать другого начальником. Отсюда происходит то, что восстает и упорствует от ревности нечестивец, от задора и зависти враг, — враг не человека, но почести.

И какой это червь для души, какой яд для помыслов, какая ржавчина для сердца — ревновать доблести или счастью другого, т. е. ненавидеть в нем или собственные его заслуги, или благодеяния Божии, обращать в свое зло блага других, мучиться благополучием знатных людей, славу других делать для себя казнью и к сердцу своему приставлять как бы неких палачей, к помыслам и чувствам своим приближать мучителей, которые терзали бы их внутренними мучениями, раздирали тайники сердца когтями зложелательства! Не радостна для таковых пища, и питье не может быть приятно; они постоянно вздыхают, стонут, скорбят; и как ревность никогда не оставляет завидующих, то сердце, днем и ночью обладаемое ею, терзается беспрерывно. Любое другое зло имеет свой предел, и всякий грех оканчивается совершением греха: в прелюбодее преступление прекращается по совершении любодеяния; в разбойнике злодеяние затихает по учинении человекоубийства; у грабителя хищничество останавливается похищением добычи; у лжеца мера полагается выполнением лжи. Ревность же не имеет предела — это зло, пребывающее непрерывно, это грех без конца! И чем более обстоятельства благоприятствуют тому, на кого обращена зависть, тем более завидующий возгорается пламенем зависти. Отсюда — угрюмый вид, суровый взгляд, бледное лицо, дрожащие губы, скрежет зубов, свирепые слова, неистовые ругательства, руки, готовые на убийство, и хотя свободные на время от меча, но вооруженные бешеной ненавистью. Поэтому-то Дух Святой говорит в Псалмах: *Не ревнуй спеющему в пути своем* (Пс. 36, 7); и еще: *Назирает грешный праведного и поскрежещет нань зубы своими: Господь же посмеется ему, зане прозирает, яко приидет день его* (Пс. 36, 12—13). На этих-то указывает и их обозначает апостол Павел, говоря: *Яд аспидов под устнами их: ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги их пролияти кровь. Сокрушение и озлобление на путех их. И пути мирнаго не познаша. Несть страха Божия пред очима их* (Рим. 3, 13-18).

Зло гораздо легче и опасность меньше, когда членам наносится рана мечом. Открытая язва легко врачуется и скоро видимо исцеляется при помощи лекарства. Но раны, причиняемые ревностью, непроницаемы и сокрыты; невидимая болезнь, заключенная в тайниках совести, не принимает пособий врачевства. Кто бы ты ни был, завистливый и злобный, посмотри, как ты лукав в отношении тех, кого ненавидишь, как зловреден и неприязнен! Между тем ты более всего враг своего спасения. Всякий, кого бы ты ни преследовал своей ревностью, может уклониться и ускользнуть от тебя, но от себя самого ты убежать не можешь. Где бы ты ни был, противник твой с тобою, враг твой всегда в твоем сердце, пагуба заключена внутри; ты опутан и связан непреоборимыми цепями, ты сделался пленником возобладавшей тобою ревности, и нет тебе никакого облегчения. Преследовать человека, принадлежащего божественной благодати, — это зло постоянное; ненавидеть счастливого — это болезнь неизлечимая. Потому-то, возлюбленнейшие братья, чтобы кто через ревность к брату не попал в сеть смертную, Господь, когда ученики спросили Его, кто из них больше, в предотвращение таковой опасности сказал: *Иже бо менший есть в вас, сей есть велик* (Лк. 9, 48). Ответом своим Он уничтожил всякое ревнование, исторгнул и пресек всякую причину и повод к едкой зависти. Ученику Христову не позволено ревновать, не позволено завидовать. У нас не может быть споров о возвышении: мы возвышаемся смирением, мы научены тому, чем можем угодить.

Наконец, и апостол Павел, наставляя и убеждая, чтобы мы, просвещенные светом Христовым и избавившиеся от мрака ночной жизни, делали и поступками показывали, что ходим во свете, так говорит в Послании: *Нощь убо прейде, а день приближися: отложим убо дела темная и облечемся во оружие света. Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласовании и пиянствы, не любодеянии и студодеянии, не рвением и завистью* (Рим. 13, 12 — 13). Если тьма отлегла от твоего сердца, если ночь изгнана оттуда и мрак рассеян, если чувства твои озарил дневной свет и ты стал человеком света, — твори дела Христовы, потому что Христос есть свет и день. Для чего погружаешься во мрак ревности, окружаешь себя облаком зависти, погашаешь слепой ненавистью всякий свет мира и любви? Для чего возвращаешься к диаволу, от которого отрекся, для чего делаешься подобен Каину? Ибо апостол Иоанн прямо обвиняет в человекоубийстве того, кто поревновал и возненавидел брата своего. Он говорит в своем Послании: *Всяк ненавидяй брата своего, человекоубийца есть: и весте, яко всяк человекоубийца не имать живота вечного в себе пребывающа* (1 Ин. 3, 15). И еще: *глаголяй себе во свете быти, а брата своего ненавидяй, во тме есть доселе... и во тме ходит и не весть, камо идет, яко тма ослепи очи*

ему (1 Ин. 2, 9; 11). Ненавидящий брата, по словам апостола, во тьме ходит и не знает куда идет. Бессознательно он идет в геенну; невежа и слепец, он стремится на казнь, удаляясь от света Христова, следовательно, и от Христа, сказавшего в наше наставление: *Аз есмь свет миру: ходяй по Мне не имать ходити во тме, но имать свет животный* (Ин. 8, 12). А последует Христу тот, кто держится заповедей Его, кто шествует путем Его учения, идет по стопам и следам Его, подражает учению и делам Христовым, согласно напоминанию и наставлению Петра, который говорит: *Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его* (1 Пет. 2, 21).

Надлежит нам помнить, каким именем Христос обозначает свой народ, какое название дает своему стаду. Именует овцами, чтобы овцам уподобить незлобие христианское; называет агнцами, чтобы простота ума была подражанием простой природы агнцев. Для чего же под овчей одеждой скрывается волк? Для чего бесславит стадо Христово ложно именующий себя христианином? Облечься во имя Христово и не идти путем Христовым — не есть ли это предательство имени Христова, оставление спасительного пути, когда Он Сам учит и говорит, что к жизни придет только тот, кто соблюдет заповеди, что мудр тот, кто, слушаясь словес Его, поступает по ним, что тот назовется великим учителем в Царстве Небесном, кто будет сам поступать сообразно тому, чему учит, что возвещаемое для блага и пользы тогда только благотворно для возвещающего, когда проповедуемое словом оправдывается последующими делами? Но что чаще всего внушал Господь ученикам Своим? Из числа наставлений и заповедей небесных что заповедал наиболее наблюдать и хранить, как не то, чтобы мы любили друг друга той любовью, какой Он возлюбил учеников Своих? Как же будет придерживаться мира Господня и любви тот, кто из-за ревности не может быть ни миролюбив, ни приветлив? Потому и апостол Павел, выставляя благодеяния мира и любви и с силою доказывая и научая, что ни вера, ни милостыня, ни само страдание исповедническое и мученическое нисколько не принесут ему пользы, если он не сохранит союза любви целым и невредимым, прибавляет к тому: *Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит* (1 Кор. 13, 4); т. е. он учит и показывает, что тот только может придерживаться любви, кто будет долготерпелив, милосерд, чужд ревности и зависти. Также в другом месте, увещевая, чтобы человек, исполненный уже Духа Святого и через Небесное рождение соделавшийся сыном Божиим, исполнил одно духовное и божественное, он излагает и говорит следующее: *И аз братие, не могох вам глаголати яко духовным, но яко плотяным, яко младенцем о Христе. Млеком вы напоих, а не брашном: ибо не у можасте, но ниже еще можете ныне. Еще бо плотстии есте. Идеже бо в вас зависти и рвения и распри, не плотстии ли есте и по человеку ходите* (1 Кор. 3, 1 —3)?

Надобно, возлюбленнейшие братья, попрать плотские пороки и грехи; надобно изгладить пагубное пятно земного тела, чтобы в противном случае, возвратившись снова к жизни ветхого человека, мы не опутались смертоносными сетями. На этот раз апостол дает нам предусмотрительный и спасительный совет: *Темже убо, братие,* ***должни*** *есмы не плоти, еже по плоти жити; аще бо по плоти живете, имате умрети: аще ли духом деяния плотская умещвляете, живи будете. Елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове* ***Божии*** (Рим. 8, 12 — 14). Если мы сыны Божии, если мы соделались храмами Божиими, если, приняв Духа Святого, мы стали жить свято и духовно, возвели очи от земли к небу, устремили сердце, исполненное Бога и Христа, к горнему и духовному, то будем делать то, что достойно Бога и Христа, как нас побуждает к тому и увещевает апостол, говоря: *Аще убо воскреснуте со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога себя: горняя мудрствуйте, (а) не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитеся в славе* (Кол. 3, 1—4). Итак, умершие и погребенные через крещение для плотских грехов ветхого человека и совоскрешенные Христом через возрождение небесное, будем помышлять и делать дела Христовы, как тот же апостол снова нас учит и убеждает, говоря: *Первый человек, от земли, перстен: и вторый человек, Господь с небесе. Яков перстный, такови и перстнии: и яков небесный, тацы же и небеснии: и якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся же и во образ небесного* (1 Кор. 15, 47—49). А носить образ небесного для нас невозможно, если не будем уподобляться Христу в том, чем быть начали. Изменение прежней жизни и начало новой требует, чтобы в тебе ясно было рождение божественное, чтобы боготворное благочиние соответствовало Богу Отцу, чтобы честной и похвальной жизнью прославлялся в человеке Бог, как Сам Он убеждает и увещевает к тому, обещая взаимно прославить тех, которые Его прославляют. *Прославляющия Мя,* — говорит Он, — *прославлю, и уничижаяй Мя безчестен будет* (1 Цар. 2, 30). Располагая и приготовляя нас к таковому прославлению и для того внушая уподобление Отцу, Господь — Сын Божий говорит в своем Евангелии: *Слышасте, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего. Аз же глаголю вам: любите враги ваша и молитеся за творящих вам напасть и изгонящыя вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесех: яко солнце свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя* и неправедныя (Мф. 5, 43 — 45). Если и людям приятно и славно иметь сыновей, подобных себе, если и они радуются, когда родившееся дитя похоже на отца своими чертами, то не гораздо ли более радости для Бога Отца, когда кто рождается духовно так, что поступками своими и похвальными качествами выражает божественное рождение? Какая почесть и какой венец — быть таким, к которому не относи-

лось бы следующее изречение Божие: *Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене* (Ис. 1,2)! Пусть лучше похвалит тебя и призовет к награде Христос, когда скажет: *Приидите, благословенный Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34).

Этими размышлениями надлежит укреплять дух, возлюбленнейшие братья; этими упражнениями надлежит поддерживать его против стрел диавола. В руках да будет божественное чтение, в понятиях — Господнее помышление. Пусть никогда не прекращается беспрерывная молитва, пусть всегда продолжается спасительное делание. Будем постоянно заняты делами духовными, чтобы диавол каждый раз, как только станет подступать к нам и покушаться войти, находил наше сердце заключенным для него и вооруженным.

Не один только венец, получаемый во время гонения, предназначен для человека-христианина. И мир имеет свои венцы, которыми увенчиваются победители, ниспровергшие врага в многоразличной и неоднократной битве. Укротившему похоть — победный знак воздержания; ставшему выше гнева и обиды — венец терпения. Торжество над корыстолюбием — тому, кто презирает деньги; хвала веры — переносящему мирские невзгоды по упованию на будущее. Кто не гордится в счастии — приобретает славу смирения; кто по милосердию готов помогать бедным — от в воздаяние получает сокровище небесное; кто, не питая ревности, единодушный и кроткий, любит своих братьев — тот удостаивается награды любви и мира. Ежедневно мы бежим на этом поприще добродетелей, без всякого промежутка времени стремимся к этим трофеям правды и венцам. А чтобы к ним мог достигнуть и ты, который был во власти ревности и зависти, отбрось всю ту злобу, которой одержим был, и устремись спасительными стезями на путь вечной жизни. Исторгни из своего сердца волчцы и тернии, чтобы божественный и духовный посев дал преизобильный плод во время жатвы. Изблюй желчный яд, изрыгни отраву враждебную — да очистится ум, оскверненный змеиной завистью; всякая горесть, гнездящаяся внутри, да умягчится сладостью Христовой. Если ты и пищу и питие принимаешь от Таинства Креста, то древо, которое образом своим соделало когда-то воды Мерры сладкими, теперь самой истиной да послужит к умягчению и усладе сердца — и ты для восстановления здоровья не будешь затрудняться в лекарстве. Лекарство — оттуда же, откуда нанесены тебе раны. Полюби тех, кого прежде ненавидел, возымей расположенность к тем, кого по зависти ты преследовал неправедным злословием. Подражай добрым, если ты можешь следовать им; а если следовать не можешь, то по крайней мере сорадуйся им и приветствуй достойнейших. Соединись с ними любовию, сделайся их сообщником по взаимной расположенности и союзу братства. Тебе оставятся долги, когда и ты сам оставишь; будут приняты твои жертвы, когда приступишь к Богу с миротворным расположением. Понятия

и действия твои будут направлены к горнему, когда будешь помышлять об одном божественном и праведном, по Писанию: *Сердце мужа да помышляет праведное, чтобы от Господа исправились стези его* (Притч. 1, 1). А много есть, о чем тебе поразмыслить. Помышляй о рае, куда не входит Каин, по ревности убивающий брата. **Помышляй** о Царстве Небесном, в которое Господь принимает только согласных и единомышленных. Помышляй о том, что сынами **Божиими** могут называться одни миротворцы, которые, объединившись небесным рождением и законом божественным, уподобляются Богу Отцу и Христу. Помышляй о том, что мы стоим пред очами **Божиими,** что сам Бог смотрит и судит о прохождении нами жизненного пути; что мы можем сподобиться созерцать Его только в том случае, если Его, взирающего теперь на нас, будем радовать своими поступками, если соделаем себя достойными благодати Его и милости, если, предназначенные к тому, чтобы вечно угождать Ему в, Царстве, мы сперва угодим Ему в сем мире.

ПИСЬМО К ФОРТУНАТУ ОБ УВЕЩАНИИ К МУЧЕНИЧЕСТВУ

Так как на нас налегает бремя гонений и гнета и в конце и истощании мира стало уже приближаться враждебное время антихриста, ты желал, любезнейший Фортунат, чтобы для приготовления и укрепления умов братии я составил из Божественных Писаний увещания, которыми воодушевил бы воинов Христовых к небесной и духовной брани. Надлежало удовлетворить твоему столь настоятельному желанию и, сколько это возможно для нашей мерности, вспомоществуемой божественным вдохновением, извлечь из заповедей Господних как бы оружие и некие доспехи для братьев, имеющих вступить в сражение. Ибо мало того, что мы возбуждаем народ Божий трубой нашего голоса, — необходимо еще веру верующих и доблесть, посвященную и преданную Богу, укрепить божественным чтением. Да и о чем особенно и по преимуществу должны мы стараться и заботиться, как не о том, чтобы вверенный нам свыше народ, воинство, поставленное в небесном лагере, приготовить постоянными упражнениями к отражению стрел и копий диавола? Не может быть способен к битве тот воин, которого не упражняли сперва в поле, и ищущий получить на поприще подвижнический венец не увенчается им, если не подумает предварительно об упражнении и изощрении своих сил. Противник, с которым ведем войну, древний, неприятель — давний. Шесть тысяч лет почти проходят уже, как диавол нападает на человека. По самой давности упражнения он изучил все роды искушений, все хитрости и уловки для поражения. Если он найдет воина Христова неприготовленного, неопытного, незаботливого и не бодрствующего всем сердцем, то уловит несведущего, обольстит неосмотрительного, обманет неискусного. Если же против него станет воин, соблюдающий заповеди и крепко прилеп-

ляющийся ко Христу, то таковой непременно одержит победу, потому что Христос, им исповедуемый, непобедим.

Чтобы не слишком растягивать свою речь и не утомлять слушателя или читателя весьма обширным изложением, я составил, любезнейший брат, перечень, именно: предложивши оглавление предметов, которые всяк должен знать и содержать, я потом присоединил к ним особые главы, в которых предложенное утвердил важностью Божественного Писания так, чтобы видно было, что я не трактат свой послал тебе, а только доставил материал для трактата. А это каждый может употребить с большей для себя пользой. Ибо если бы я дал тебе сделанную уже и готовую одежду, то эта одежда, назначенная для употребления другого, была бы моя и, быть может, не пришлась бы по его росту и телосложению. Теперь же я послал тебе одну волну и пурпур от Агнца, Которым мы искуплены и оживотворены; получивши их, ты изготовишь для себя одежду, какую захочешь, и тебе приятнее будет ходить в домашнем собственном платье. Да и другим ты сообщишь посланное нами, чтобы и они могли изготовить для себя, по своему изволению, и, прикрывши оную древнюю наготу, все носили бы одеяние Христово, облеченные освящением небесной благодати. При этом, любезнейший брат, мне показалось полезным и спасительным намерение в столь настоятельном увещании, которое соделывает мучеников, избежать всех помех и задержек со стороны словесных наших выражений и отклонить все двусмысленности человеческой речи, а предложить только то, что Бог говорит, то, чем Христос убеждает рабов своих к мученичеству. Надобно преподать сражающимся одни божественные заповеди как орудия. Они да будут звуком воинской трубы, сигналом для сражающихся. К ним пусть прислушивается ухо; ими пусть настрояются умы; от них пусть заимствуют крепость душевные и телесные силы для перенесения всякого страдания. Давши верующим по изволению Божию первое крещение, будем приготовлять каждого к другому крещению, внушая и поучая, что это крещение и по благодати более, и по сил?; возвышеннее, и по чести драгоценнее, — крещение, которое совершают ангелы, в котором радуется Бог и Христос Его, — крещение, после которого никто уже не грешит, которое завершает преспеяние нашей веры и отходящих от мира тотчас соединяет нас с Богом. В крещении водой приемлется отпущение грехов, в крещении кровью — венец добродетелей. О нем-то с особенной любовью и желанием надлежит просить всевозможными мольбами, дабы мы — рабы Бога — были и други Его.

При увещании и приготовлении наших братьев, при вооружении их крепостью добродетели и веры к провозглашению исповедания Господня и к борьбе с гонением и страданием:

I. Прежде всего надобно сказать, что идолы, которых делает для себя человек, не боги, ибо изделие не может быть более своего делателя и художника, не может никого защитить и сохранить то, что

само пропадает из своих храмов, если не будет оберегаемо человеком. Да и стихии, которые по распоряжению и заповеди Божией **служат** человеку, не должны быть почитаемы.

II. Отвергши идолов и объяснив значение стихий, надобно показать, что одного Бога почитать дблжно.

III. После сего следует помнить, как Бог угрожает тем, которые приносят жертву идолам.

IV. Кроме того, надобно показать, что Бог неохотно прощает идолопоклонникам.

V. И что Бог так негодует на идолопоклонство, что повелел умерщвлять даже тех, которые советовали приносить жертвы и служить идолам.

VI. К сему надобно присовокупить, что, искупленные и оживотворенные кровью Христовой, мы не должны ничего ставить выше Христа, так как и Он выше нас ничего не ставил: ради нас Он предпочел благам — беды, богатству — бедность, владычеству — рабство, бессмертию — смерть; мы же, напротив, в страданиях наших да предпочитаем временной бедности — богатства и утехи рая, временному рабству — господство и царство вечное, смерти — бессмертие, Бога и Христа — диаволу и антихристу.

VII. Надобно также внушить, что исторгнутые из челюстей диавольских и мирских сетей не должны, подвергшись бедам и гнету, уклоняться снова к миру и через это лишаться того, что приобретено.

VIII. Напротив, они должны твердо стоять и пребывать в вере, в добродетели, в совершении небесной и духовной благодати, дабы можно было им достигнуть почести и венца.

IX. Ибо бедствия и гонения бывают для нашего испытания.

X. И не надобно бояться озлобления и казней при гонениях, потому что у Бога более могущества для защиты, чем у диавола для поражения.

XI. А чтобы никто не страшился гнета и преследований, претерпеваемых нами в этом мире, и не смущался ими, нужно доказать, что заранее было предсказано о том, что мир будет нас ненавидеть и воздвигнет на нас гонения; следовательно, из того, что все это происходит, открывается только верность божественного обетования относительно воздаяний и наград, затем последующих, и что тут не приключается ничего нового христианам, так как от самого начала мира добрые подвергались бедам, были теснимы и убиваемы от неправедных.

XII. В последней части надобно выяснить, какое упование и какая награда ожидает праведников после этих временных невзгод и страданий и что при вознаграждении страдания мы имеем получить более, чем сколько переносим здесь, в самом страдании.

Гл. I. Что идолы не боги и что стихии не дблжно почитать вместо богов, это показывается в псалме: *Идоли язык сребро и злато, дела*

рук человеческих. Уста имут, и не возглаголют, очи имут, и не узрят, уши имут, и не услышат, ниже бо есть дух во устех их. Подобии им да будут творящии я (Пс. 134, 15 — 18). Также в книге Премудрости Соломоновой: *Вся идолы язычески вмениша в боги, имже ниже очес употребление ко зрению, ниже ноздри в привлечение аера, ниже уши слышати, ниже персты рук во осязание, и ноги их праздны ко хождению. Человек бо сотвори их, и духа взаим взяв созда их: ни един бо человек может себе подобна бога создати: смертен же сый мертва делает рукама беззаконныма: лучший бо есть идолов своих, яко сей убо поживе, онии же никогда* (Прем. 15, 15— 17). И в книге Исхода: *Не сотвори себе кумира и всякого подобия* (Исх. 20, 4). О стихиях тоже у Соломона: *Ни делом внемлюще познаша хитреца; но или огнь, или дух, или воздух, или круг звездный, или зелную воду, или светила небесная строители миру боги быти возмнеша. Ихже аще убо красотою услаждающеся, сия боги возмнеша, да уведят, колико сих Владыка есть лучший; аще же силе и действию удивишася, да уразумеют от них, колико сотворивый сия сильнейший есть* (Прем. 13, 1—4).

Гл. II. О том, что одного Бога почитать дблжно, говорится в Писании: *Господа Бога да убоишися, и тому единому послужиши* (Втор. 6, 13). Также в книге Исхода: *Да не будут тебе бози разве Мене* (Исх. 20, 3). И в другом месте: *Видите, видите, яко Аз есмь, и несть Бог разве Мене; Аз убию и жити сотворю, поражу и Аз исцелю, и несть иже измет из руку моею* (Втор. 32, 39). Тоже в Апокалипсисе: *И видех инаго Ангела паряща посреде небесе, имущаго Евангелие вечно благовестити живущым на земли и всякому племени и языку, и колену и людем, глаголюща гласом великим: убойтеся Бога и дадите Ему славу, яко прииде час суда Его; и поклонитеся сотворившему небо и землю, и море и все, что в них* (Откр. 14, 6 — 7). Таким образом, и Господь напоминает в Евангелии о первой и второй заповедях, говоря: *Слыши, Израилю, Господь Бог ваш Господь един есть. И возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею крепостию твоею. Сия есть первая заповедь. И вторая подобна ей: возлюбиши ближняго своего яко сам себе* (Мар. 12, 29 — 31). *В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят* (Мф. 22, 10). И еще: *Се же есть живот вечный, да знают Тебе единого истинного Бога, и егоже послал еси Иисус Христа* (Ин. 17, 3).

Гл. III. Вот как Бог угрожает тем, которые приносят жертвы идолам. В книге Исхода: *Иже жертву приносит богом смертию да потребится, но точию Господу единому* (Исх. 22, 20). Также во Второзаконии: *Пожроша бесовом, а не Богу* (Втор. 32, 17). Также у Исаии: *И поклонишася тем, яже сотвориша персты их, и преклонися человек, и смирися муж, и не претерплю им* (Ис. 2, 8 — 9). И опять: *И тем пролиял еси возлияния, и тем принес еси жертвы: о сих убо не разгневаются ли?* — глаголет Господь (Ис. 57, 6). У

Иеремии: *Не ходите вслед богов, еже чуждих, еже служити им и поклонятися им, да не прогневаете Мя в делех рук ваших, еже озлобите* [рассеять] *вас* (Иер. 25, 6). Также в Апокалипсисе: *Иже аще кто покланяется зверю **и** иконе его и **приемлет начертание** на челе своем или на руце своей, и той имать пити от вина ярости **Божия,** влиянна в чаши гнева Его, и будет мучен огнем и жупелом пред ангелы святыми и пред Агнцем; и дым мучения их во веки веков восходит, и не имут покоя день и нощь поклоняющийся зверю и образу его* (Откр. 14, 9—11).

Гл. IV. Бог неохотно прощает идолопоклонникам. В книге Исхода Моисей просит за народ и не успевает. *Молюся Ти,* — говорит он, — *Господи: согрешиша людие сии грех велик и сотвориша себе боги златы. И ныне аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя из книги Твоея, в нюже вписал еси. И рече Господь к Моисею: аще кто согреши предо Мною, изглажу его из книги Моея* (Исх. 32, 31—33). Также, когда Иеремия молился за народ, Господь сказал ему: *Ты же не молися о людех сих и не проси еже помилованным быти им, и не моли, ниже приступай ко Мне о них, яко не услышу тя* (Иер. 7, 16). Такое же негодование Божие на согрешающих Богу объявляет Иезекииль. *Бысть,* — говорит, — *слово Господне ко мне глаголя: сыне человечь, земля аще согрешит Ми, еже пастися грехом, и простру руку Мою на ню и сотру утверждение хлебное, и пущу на ню глад, и возму с нея человеки и скоты. И аще будут сии трие мужи среди ея, Ное и Даниил, и Иов... ни сынове, ни дщери их спасутся, но токмо сии едини спасутся* (Иез. 14, 12 — 14; 16). То же в Первой книге Царств: *Аще согрешая согрешит муж мужеви, помолятся о нем ко Господу: аще же Господеви согрешит, кто помолится о нем* (1 Цар. 2, 25)?

Гл. V. Бог так негодует на идолопоклонничество, что повелел умерщвлять даже тех, которые советовали приносить жертвы и служить идолам. Во Второзаконии: *Аще помолит тя брат твой, или сын твой, или дщерь твоя, или жена твоя яже на лоне твоем, или друг твой, равен души твоей, отай глаголя: идем и послужим богом иным, от богов языков; да не соизволиши ему и не послушавши его, и да не пощадит его око твое, ниже прикрывши его; возвещая да возвестиши о нем, и рука твоя да будет на нем в первых убити его, и руки всех людей послежде: и побиют его камением, и умрет, яко взыскал есть отвратити тебе от Господа Бога твоего* (Втор. 13, 6—10). И опять Господь ясно говорит, что не дблжно щадить и города, если бы он весь согласился на идолопоклонство: *Аще же услышиши в единем от градов твоих, яже Господь Бог дает тебе, вселитися тамо, глаголющих: идем, да послужим богом иным, ихже вы не весте, — убивая да убиеши вся живущия во граде онем убийством меча — и зажжеши град огнем — и будет пуст во веки не возградится по сем; да отвратится Бог от ярости гнева Своего, и даст тебе милость и помилует тя, и умножит тя, — аще послу-*

шаеши гласа Господа Бога твоего, еже хранити вся заповеди Его (Втор. 13, 12, 15 — 18). Помня эту строгую заповедь, Маттафия умертвил мужа, приступившего жрети в капище (1 Мак. 2, 23 — 24). Если же эти заповеди относительно почитания Бога и презрения идолов были сохраняемы прежде пришествия Христова, то тем более все относящееся к богопочтению должно быть соблюдаемо по явлении Христа, Который поучал нас не одними только словами, но и делами: после всех озлоблений и хулений Он пострадал и распят, чтобы примером своим научить нас страдать и умирать. Нисколько не извинительно человеку не страдать за себя, когда Он пострадал за нас: если Он пострадал за грехи чужие, то тем более каждый должен страдать за свои грехи. И потому Он грозит в Евангелии, говоря: *Всяк иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех; а иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, иже на небесех* (Мф. 10, 32 — 33). Апостол Павел говорит то же: *Аще бо с Ним умрохом, то с Ним и оживем; аще терпим, с Ним и воцаримся; аще отвержемся, и Той отвержется нас* (2 Тим. 2, 11 —12). То же Иоанн: *Всяк отметаяйся Сына, ни Отца имать, а исповедаяй Сына,* [и Сына] *и Отца имать* (1 Ин. 2, 23). Поэтому Господь увещевает и ободряет нас к презрению смерти, говоря: *Не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити; убойтеся же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* (Мф. 10, 28). И опять: *Любяй душу свою, погубит ю: и ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю* (Ин. 12, 25).

Гл. VI. Что, искупленные и оживотворенные кровию, мы ничего не должны ставить выше Христа, о том Господь так говорит в Евангелии: *Иже любит отца или матерь, паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дщерь, паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). И во Второзаконии написано: *Глаголяй отцу и матери своей: не видех тебе, — и сынов своих не увиде, (сей) сохрани словеса Твоя и завет Твой соблюде* (Втор. 33, 9). Также апостол Павел говорит: *Кто ны разлучит от любве Божия* [Христовой]?; *Скорбь ли, или теснота, пли гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Якоже есть писано: яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день: вменихомся якоже овцы заколения; но во всех сих препобеждаем за возлюбльшаго ны* (Рим. 8, 35 — 37). И опять: *Несте свои, куплени бо есте ценою [великою]; прославите убо [и носите] Бога в телесех ваших* (1 Кор. 6, 19 — 20). И еще: *Христос за всех умре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них и воскресшему* (2 Кор. 5, 15).

Гл. VII. Исторгнутые из челюстей диавольских и мирских сетей не должны уклоняться снова к миру и через это лишаться того, что приобретено. В книге Исхода читаем, что иудейский народ, который представлял нас *в сени и образе,* будучи избавлен защитником и мстителем Богом от тягчайшего рабства Фараонова и египетского, т. е. диавольского и мирского, вероломный и неблагодарный в отношении к Богу, ропщет на Моисея, примечая неудобства пустыни и труда и не разумея божественных благодеяний свободы и спасения: он хочет снова сделаться рабом Египта, т. е. мира, из которого исторгнут, тогда как тем более должен бы уповать на Бога и верить, потому что, кто освобождает людей своих от диавола и мира, тот и покровительствует освобожденным. *Что сие,* — говорит, — *сотворил еси нам, извед нас из Египта? лучше бо бяше нам работати Египтяном, нежели умрети в пустыне сей. Рече же Моисей к людям: дерзайте, стойте и зрите спасение еже от Господа, еже сотворит нам днесь: Господь поборет по вас, вы же умолкните* (Исх. 14, 11 — 14). Господь, предостерегая нас от этого и поучая, что мы не должны снова возвращаться к диаволу и миру, от которых отреклись и избавились, говорит в Своем Евангелии: *Никтоже возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в Царствии Божии* (Лк. 9, 62). И еще: *Иже на селе, да не возвратится вспять; поминайте жену Лотову* (Лк. 17, 31 —32). А чтобы никого не удерживали от последования Христу ни жадность к имуществу, ни угождение родным, Он присовокупляет к тому следующее: *Иже не отречется всего имения, не может быти Мой ученик* (Лк. 14, 33).

Гл. VIII. Надлежит твердо стоять и пребывать в вере, в добродетели, в совершении небесной и духовной благодати, чтобы можно было достигнуть почести и венца. В книге Паралипоменон: *Господь с вами, яко бысте с Ним; аще же оставите Его, оставит вас* (2 Пар. 15, 2). И у Иезекииля: *Правда праведника не избавит его, в оньже день прельстится* (Иез. 33, 12). Также Господь говорит в Евангелии: *Претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22). И опять: *Аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете, и уразумеете истину, и истина свободит вы* (Ин. 8, 31 —32). Предостерегая же нас, что мы должны быть всегда готовы и, изготовившись к походу, стоять твердо, Он присовокупляет к тому следующие слова: *Да будут чресла ваша препоясана, и светилницы горящии; и вы подобии человеком чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут ему. Блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих* (Лк. 12, 35 — 37). То же и блаженный апостол Павел, увещевая нас к преспеянию, возвращению и высшему совершенствованию нашей веры, говорит: *Не весте ли, яко текущии в позорищи еси убо текут, един же приемлет почесть? Тако тецыте, да постигнете; они убо да истленен венец приимут, мы же неистленен* (1 Кор. 9, 24 — 25). Также: *Никтоже воин бывая* [Богу] *обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет; аще же и пострараждет кто, не венчается, аще не законно будет подвизатися* (2 Тим. 2, 4 — 5). И опять: *Молю вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, и не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновле-*

нием ума вашего, во ежи искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная (Рим. 12, 1—2). И еще: *Есмы чада Божия; аще же чада, и наследницы; наследницы убо Богу, снаследницы же Христу, понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся* (Рим. 8, 16—17). Такое же увещание заключается в божественной проповеди Апокалипсиса: *Держи, еже имаши, да никтоже приимет венца твоего* (Откр. 3, 11). Пример же того, как надобно быть твердыми и стойкими, мы находим в книге Исхода: Моисей для одержания победы над Амаликом, изображавшим диавола, поднимал вверх руки в знамение и Таинство Креста и одолевал противника только в том случае, когда с поднятыми постоянно руками пребывал неослабно в этом знамении. *И бысть,* — сказано, — *егда воздвизаше Моисей руце, одолеваше Исраиль; егда же опускаше руце, одолеваше Амалик. И веземше камень, подложиша ему, и седяще на нем: Аарон же и Ор поддержаста руце ему, един отсюду, а другий оттуду: и быша Моисеови руце укреплены до захождения солнца: и преодоле Иисус Амалика и вся люди его: рече же Господь к Моисею: впиши сие на память в книги и едай во уши Иисусу, яко пагубою погублю память Амаликову от поднебесныя* (Исх. 17, И — 14).

Гл. IX. Бедствия и гонения бывают для нашего испытания. Во Второзаконии: *Искушает Господь Бог твой вас, еже уведети, аще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим и всею душею вашею и всею крепостию вашею* (Втор. 13, 3). И опять у Иисуса, сына Сирахова: *Сосуды горшечные испытывает пещь, а людей праведных — искушение напасти* (Сир. 27, 5). То же свидетельствует Павел, говоря: *Хвалимся упованием славы Божия; не точию же, но и хвалимся в скорбех, ведяще, яко скорбь терпение соделоваeт; терпение же искусство, искусство же упование; упование же не посрамит, яко любы Божия излияся в сердца наша Духом Святым, данным нам* (Рим. 5, 2 — 5). И Петр предлагает в своем Послании следующее: *Возлюбленнии, не дивитеся еже в вас раждежению ко искушению вам бываему, яко чужду вам случающуся; но понеже приобщаетеся Христовым страстем, радуйтеся, яко да и в явлении славы Его возрадуется веселящеся. Аще укоряеми бываете о имени Христове, блажени есте, яко славы и силы Господней имя на вас почивает; онеми убо хулится, а вами прославляется* (1 Пет. 4, 12-14).

Гл. X. Что не дблжно бояться озлоблений и казней при гонениях, потому что у Бога более могущества для защиты, чем у диавола для поражения, — это доказывают следующие слова Иоанна в его Послании: *Болий есть иже в вас, нежели иже в мире* (1 Ин. 4, 4). Также в Псалме: *Господь мне Помощник, и не убоюся, что сотворит мне человек (Пс.* 117, 6). И опять: *Сии на колесницах, и сии на конех, мы же во имя Господа Бога нашего призовем. Тии спяти быша и падоша, мы же востахом и исправихомся* (Пс. 19, 8 — 9).

Еще сильнее Дух Святой поучает и показывает, что не дблжно бояться ополчения диавольского и что если враг поднимет против нас войну, то в самой войне по преимуществу заключается наша надежда, в самой этой стычке праведные достигают награды божественного жилища и вечного спасения. Говорится в Псалме: *Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое, аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю. Едино просих от Господа, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего* (Пс. 26, 3 — 4). Также в **книге** Исхода Священное Писание объявляет, что через угнетения мы тем более размножаемся и усиливаемся. *Поелику,* — сказано, — *их смиряху, толико множайшии бываху и укрепляхуся зело зело* (Исх. 1, 12). В Апокалипсисе обещается также божественное покро**вительство в** наших страданиях. *Не бойся,* — сказано, — *ничесоже, яже имаши пострадати* (Откр. 2, 10). И это покровительство и безопасность обещает нам Тот, Который говорит через пророка Исайю: *Не бойся, яко избавих тя, прозвах тя именем твоим: Мой еси ты. И аще преходиши сквозь воду, с тобою есмь, и реки не покрыют тебе; и аще сквозь огнь пройдеши, [не сожжешися] и пламень не опалит тебе: яко Аз есмь Господь Бог твой, Святый Исраилев, спасаяй тя* (Ис. 43, 1—3). Он и в Евангелии обещает, что рабы Божии не будут лишены божественной помощи во время преследований: *Егда же предают вы, не пецытеся, како или что возглаголете: дастбося вам в той час, что возглаголете: не вы бо будете глаголющи, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Мф. 10, 19 — 20). И опять: *Положите на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещавати: Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися... вси противляющиися вам* (Лк. 21, 14 — 15). Потому-то и в Исходе, когда Моисей медлил и боялся идти к народу, Бог говорил так: Кто даде *уста человеку? и кто сотвори нема и глуха, и видяща и слепа? Не Аз ли Господь Бог? И ныне иди, и Аз отверзу уста твоя, и устрою тебе, еже имаши глаголати* (Исх. 4, 11—12). Да и нетрудно для Бога открыть уста человека, Ему преданного, вдохнуть в своего исповедника твердость и смелость говорить, — нетрудно для Того, Кто заставил ослицу говорить пред пророком Валаамом, как читаем в книге Чисел (22, 30). И потому во время гонений пусть никто не думает о беде, причиняемой диаволом, а лучше пусть всяк помышляет о помощи, даруемой Богом; да не ослабляет ума напасть человеческая, но да укрепляет веру покров божественный, потому что всяк по Господним обетованиям и по заслугам своей веры должен получить помощи Божией столько, сколько заслуживает, и нет ничего такого, чего не мог бы даровать Всемогущий, если только не изменяет непрочная вера получающего.

Гл. XI. Прежде было предсказано, что мир будет нас ненавидеть и воздвигнет на нас гонения и что тут не приключается ничего нового христианам, так как от самого начала мира добрые подвергались

бедам, праведные были теснимы и убиваемы от неправедных. Вот что Господь возвещает в Евангелии в наше предостережение: *Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы; якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Поминайте слово, еже Аз рех вам: несть раб болий Господа своего. Аще Мене изгнаша, и вас изженут* (Ин. 15, 18 — 20). И опять: *Приидет час, да всяк, иже убиет вы, возмнится службу приносити Богу; и сия сотворят, яко не познаша Отца, ни Мене. Но сия глаголах вам, да егда приидет час, воспомянете сия, яко Аз рех вам* (Ин. 16, 2 — 4). И еще: *Аминь, аминь глаголю вам, яко восплачетеся и возрыдаете вы, а мир возрадуется: вы же печальны будете, но печаль ваша в радость будет* (Ин. 16, 20). Также: *Сия глаголах вам, да во Мне мир имате; в мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16, 33). И когда ученики спросили Господа о знамении пришествия Его и кончины мира, Он сказал в ответ: *Блюдите, да никтоже вас прельстит. Мнози бо приидут во имя Мое, глаголюще: аз есмь Христос, и многи прельстят. Услышати же имати брани и слышания бранем; зрите, не ужасайтеся; подобает бо всем сим быти: но не тогда кончина. Востанет бо язык на язык, и царство на царство: и будут глади и пагубы, и труси по местом. Вся же сия начало болезнем. Тогда предадят вы скорби и убиют вы: и будете ненавидимы всеми языки имене Моего ради. И тогда соблазнятся мнози, и друг друга предадят, и возненавидят друг друга. И мнози лжепророцы возстанут и прельстят многия. И за умножение беззакония изсякнет любы многих. Претерпевый же до конца, той спасется, и проповестся сие Евангелие Царствия по всей вселенней, во свидетельство всем языком: и тогда приидет кончина. Егда убо узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стоящу на месте святе (иже чтет, да разумеет): тогда сущии во Иудеи да бежат на горы; и иже на крове, да не сходит взяти яже в дому его; и иже на селе, да не возвратится вспять взяти риз своих. Горе же непраздным и доящим в тыя дни. Молитеся же, да не будет бегство ваше в зиме, ни в субботу. Будет бо тогда скорбь велия, яковаже не была от начала мира доселе, ниже имать быти. И аще не быша прекратилися дние оны, не бы убо спаслася всяка плоть: избранных же ради прекратятся дние оны. Тогда аще кто речет вам: се зде Христос, или онде; не имите веры. Востанут бо лжехристи и лжепророцы, и дадят знамения велия и чудеса, якоже прельстити, аще возможно и избранныя* (Мф. 24, 4 — 24). *Вы же блюдитеся; се прежде рех вам вся* (Мф. 13, 23). *Аще убо рекут вам: се в пустыни есть, не изыдите; се в сокровищих, не имите веры. Якоже бо молния исходит от восток и является до запад, тако будет пришествие Сына Человеческого. Идеже бо аще будет труп, там соберутся орли. Абие же по скорби дний тех, солнце померкнет, и луна не даст света*

своего, и звезды спадут с небесе, и силы небесныя подвигнутся. И тогда явится знамение Сына Человеческого на небеси: и тогда восплачутся вся колена земная, и узрят Сына Человеческого, грядуща на облацех небесных с силою и славою многою. И послет ангелы своя с трубным гласом велиим, и соберут избранныя Его от четырех ветр, от конец небес до конец их (Мф. 24, 26 — 31).

Не ново и не неожиданно то, что совершается ныне над христианами: добрые, праведные, выражающие преданность свою Богу непорочною жизнью и благочестивым страхом, всегда шествуют трудными стезями тесного пути, подвергаясь гонениям, обидам, тяжким и многоразличным озлоблениям. Так, в самом начале мира первый праведник — Авель умерщвляется братом, Иаков изгоняется, Иосиф продается, кроткого Давида преследует царь Саул; Илию, постоянно и мужественно возвещающего величие Божие, старается угнетать царь Ахав; Захария — священник — умерщвляется между храмом и алтарем, да соделается сам жертвою там, где закалал жертвы Богу. Наконец, столько мученичеств праведников, часто восхваляемых! Столько показанных впоследствии примеров веры и доблести! Три отрока: Анания, Азария и Мисаил, — одинаковые по возрасту, согласные по любви, стойкие в вере, непоколебимы в добродетели, сильнейшие пламени и огненных казней, громко взывают, что они служат одному только Богу, Его одного знают, одного почитают. Они говорят царю Навуходоносору: *Не требе нам о глаголе сем отвещати тебе. Есть бо Бог, Ему же мы служим, силен изъяты нас от пещи огнем горящия и от руку твоею избавити нас, царю. Аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю, яко богом твоим не служим, и телу златому, еже поставил еси, не кланяемся* (Дан. 3, 16—18). И Даниил, преданный Богу и исполненный Духа Святого, так взывает: *Не покланяюся кумиром, но живому Богу сотворшему небо и землю* (Дан. 14, 5). Товия, будучи в рабстве у царя-тирана, свободный мыслями и духом, хранит свое исповедание Богу и громогласно возвещает силу и величие божественное, говоря: *Аз в земли пленения моего исповедаюся Ему и сказую крепость и величие Его языку грешников* (Тов. 13, 6). А что сказать о семи братьях, упоминаемых в книгах Маккавейских (2 Мак. 7), которые, будучи одноутробны и равнодоблестны, таинством совершенной кончины выражают полноту седмеричного числа? В мучении семь братьев были соединены так, как в божественном домостроительстве семь первых дней, содержащих семь тысяч лет, как семь духов и семь ангелов, предстоящих и беседующих пред лицем Божиим. В скинии свидения был семисвечный светильник; в Апокалипсисе — семь светильников златых, у Соломона — семь столбов, на которых Премудрость создала дом; подобным образом и там семеричное число братьев выражает собою семь церквей, согласно тому, что читаем в Первой книге Царств: *Яко неплоды роди седмь* (1 Цар. *2,* 5) — и у Исаии, где семь жен хватаются за одного мужа, требуя, чтобы на

них нареклось имя его (Ис. 4, 1). Апостол Павел, помня это знаменательное и меткое число, пишет к семи церквам, и в Апокалипсисе Господь Свои божественные повеления и небесные заповеди обращает к семи церквам и их ангелам: таким же образом и там находится это же число в семи братьях для выражения полноты законного совершенства. С семью детьми явно соединяется и мать — начало и корень, которая, сама первая и единая, будучи основана по слову Господню на камени, родила потом семь церквей. И не без причины в страданиях с детьми находится одна только мать, ибо мученики, свидетельствуя в страданиях, что они сыны Божии, имеют одного только отца — Бога, как учит Господь в Евангелии, говоря: *И отца не зовите себе на земли, един бо есть Отец ваш, иже не небесех* (Мф. 23, 9). Какое же сделано ими провозглашение исповедания? Какие славные и великие доказательства веры они представили? Враждебный царь Антиох или, лучше, антихрист в образе Антиоха хотел осквернить славные и по духу исповедания непобедимые уста мучеников прикосновением к свиному мясу и, когда после тяжкого истязания бичами нисколько не мог успеть в этом, приказал раскалить сковороды — они были раскалены и разжжены; затем того, кто первый заговорил и непоколебимостью добродетели и веры наиболее показал противление царю, царь велел бросить на них и жарить, вытянувши сперва и отрезавши у него язык, который исповедал Бога. Это послужило к большей славе мученика, потому что язык, исповедавший имя Божие, и должен был сам первый предстать Богу. Потом для другого измышлены были жесточайшие казни, и, прежде чем терзать прочие члены его, с головы содрали кожу с волосами, выразив тем известную ненависть: ибо так как глава мужа есть Христос, а глава Христа — Бог, то терзавший главу в мученике в главе преследовал Бога и Христа. Но мученик, верный в своем страдании и уповая получить награду Воскресения от божественного мздовоздаяния, громогласно воззвал и сказал: *Ты убо, окаяннейший, от настоящаго живота нас погубляеши, Царь же мира умерших нас, Своих ради законов, воскресит нас в Воскресение живота вечного* (2 Мак. 7, 9). У третьего потребовали язык, и он тотчас его представил, потому что научился уже от брата презирать казнь отсечения языка. Притом он и руки держал постоянно протянутыми для отсечения, находя великое блаженство в этом роде казни, так как ему пришлось распростертыми для казни руками подражать страданию Господа. И четвертый, с равной доблестью ни во что вменяя муки и противопоставляя царю небесное слово, так возгласил: *Лучше убиваемым от человек упования чаяти от Бога, паки имущим воскрешеным быти от Него, тебе же Воскресение в живот не будет* (2 Мак. 7, 14). Пятый, кроме того что попрал силой веры царское истязание и многоразличные тяжкие муки, вдохновенный Божественным Духом к предведению и познанию будущего, предсказал царю гнев Божий и отмщение, которое имело вскоре последовать. *Власть,*

— говорит, — *в человецех имея тленен сый, еже хощеши, твориши; не мни же роду нашему от Бога оставлену быти: ты же потерпи и зри велию державу Его, како тебе и семя твое умучит* (2 Мак. 7, 16—17). Каково это было облегчение для мученика, сколь великое и важное утешение — не помышлять в страданиях своих о собственных муках, но предсказывать казнь своего мучителя! В шестом же надобно восхвалять не одну только доблесть, но и смирение: мученик ничего себе не присваивал, не превозносил гордыми словами чести своего исповедания, но претерпеваемое от царя гонение приписывал более своим и предоставлял Богу будущее отмщение, поучая тем, что мученики должны быть скромны, уверены в отмщении и нисколько не тщеславны в страдании. *Не прельщайся,* — говорит он, — *суетно: мы бо себе ради сия страждем согрешающе к Богу нашему. Ты же да не возмниши неповинен быти, богоборствовати начен* (2 Мак. 7, 18— 19). Дивная и мать: ни слабость пока ее не сломила, ни значительная потеря не поколебала; она благодушно смотрела на умирающих детей и считала это не казнью для них, но славою, представляя, таким образом, Богу доблестью очей своих столь же славное мученичество, как представили и сыновья ее терзаниями и страданием членов! Когда после казни и умерщвления шестерых братьев оставался только один из них, тогда царь, желая успокоить свою жестокость и зверство совращением хоть одного, обещал ему богатство, могущество и много другого; притом увещевал мать, чтобы и она вместе с ним умоляла сына к совращению. И она умоляла, но так, как прилично было матери мучеников, как прилично было той, которая помнит о законе и Боге, как прилично было любящей своих детей не нежно, но крепко. Она умоляла сына исповедать Бога, умоляла не отставать от братьев в похвале и славе, признавая себя матерью семерых детей только в том случае, когда ей удастся родить семерых для Бога, а не для мира. И потому, поощряя его, ободряя и рождая лучшим рождением, она говорила: *Сыне, помилуй мя, носившую тя во чреве девять месяцей, и млеком питавшую тя лета три, и воскормившую тя, и приведшую в возраст сей. Молю тя, чадо, да воззриши на небо и землю, и вся, яже в них, видящь уразумевши, яко от не сущих сотвори сия Бог, и человечь род тако бысть. Не убойся плоторастерзателя сего, но достоин быв братии твоея, восприими смерть, да в милости с братиею твоею восприму тя* (2 Мак. 7, 27 — 29). Великую похвалу заслуживает мать за увещание к доблести, но еще большую — за страх Божий и истинную веру, по которой она ничего не обещала ни себе, ни сыну от чести шести мучеников и, не думая, чтобы молитва братьев послужила к спасению отрекающегося, советовала соделаться лучше общником их страдания, чтобы в день суда можно было обрестись ему вместе с братьями. Затем после детей умирает и мать, ибо ничего не осталось столь приличного, как то, чтобы родившая и соделавшая мучеников приобщилась их славе и, предпослав их к

Богу, сама потом последовала за ними. Не дблжно также умолчать и об Елеазаре, чтобы кто-либо не вздумал воспользоваться злым даром обманщиков, когда представится случай получить записку или другую какую вещь, которой можно обмануть. Приставники царские предлагали Елеазару вкусить мяса, дозволенного к употреблению в пищу, а только притвориться, будто он ест от предложенных жертв и яств непозволительных, и, таким образом, обмануть царя. Но он не захотел согласиться на таковой обман, говоря, что не согласно ни с летами его, ни с достоинством притворно делать то, чем можно соблазнить и ввести в заблуждение других, заставив их думать, будто девяностолетний Елеазар, оставивши предательски закон Божий, уклонился к обычаям иноплеменников, да и кратковременное продолжение жизни не стоит того, чтобы, оскорбивши Бога, подвергнуться потом вечным мукам. Затем, будучи долго мучим, находясь уже при последнем издыхании и умирая среди бичеваний и пыток, он — *возстенав* — сказал: *Господеви, святый разум имущему явно есть, яко от смерти могущь избавитися, жестокия терплю на теле болезни уязвляем, на души же сладце страха ради Его сия стражду* (2 Мак. 6, 30). Поистине неподдельная была у него вера, непорочная и чистая доблесть, когда он не помышлял о царе Антиохе, но о Судье-Боге и сознавал, что нисколько не послужит ему во спасение то, что он поругается над человеком и обманет его, тогда как Бог — Судья нашей совести, Которого одного только и бояться дблжно, никак не может быти ни поруган, ни обманут.

Итак, если мы посвятили и предали свою жизнь Богу, если проходим путь наш по древним и святым стезям праведников, не будем на этом пути уклоняться от тех же истязаний, от тех же мученических страданий, признавая за нашим временем более славы в том, что, тогда как древние примеры можно перечесть, христиан-мучеников и перечесть невозможно по чрезвычайному впоследствии обилию доблести и веры. Вот как свидетельствуется о том в Апокалипсисе: *По сих видех, и се, народ мног, егоже изчести никтоже может, от всякого языка и колена, и людий и племен, стояще пред престолом и пред Агнцем, облечены в ризы белы, и финицы в руках их. И возопиша гласом велиим, глаголюще: седящему на престоле Богу нашему и Агнцу... И ответиша един от старцев, глаголя ми: сии облечении в ризы белыя кто суть и откуду приидоша? И рех ему: Господи, ты веси. И рече ми: сии суть, иже приидоша от скорби, и испраша ризы своя в Крови Агнчи; сего ради суть пред престолом Божиим и служат Ему день и нощь в церкви Его* (Откр. 7, 9—10; 13—15). Если же решительно указывается на такое множество христиан-мучеников, то пусть никто не считает трудным или неудобным соделаться мучеником, когда видит, что сонм мучеников и перечислен быть не может.

Гл. XII. Какое упование и награда ожидают праведников и мучеников после временных невзгод и страданий— это открывает и возвещает Дух Святой через Соломона, говоря: *Пред лицем человеческим аще и муку приимут, упование их бессмертия исполнено: и вмале наказани бывше, великими облагодетельствовании будут, яко Бог искуси их и обрете их достойны Себе. Яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я. И во время посещения их возсияют, и яко искры по стеблию потекут: судят языком и обладают людьми, и воцарится в них Господь во веки* (Прем. 3, 4 — 8). У Соломона же описывается отмщение за нас и возвещается раскаяние наших преследователей и гонителей. *Тогда,* — говорится, — *станет в дерзновении мнозе праведник пред лицем оскорбивших его и отметающих труды его. Видящии смятутся страхом тяжким и ужаснутся о преславнем спасении его, и рекут в себе кающеся и в тесноте духа воздыхающе: сей бе егоже имехом некогда в посмех и в притчу поношения. Безумнии житие его вменихом неистово и кончину его безчестну. Како вменися в сынех Божиих, и во святых жребии его есть? Убо заблудихом от пути истиннаго и правды свет не облиста нам, и солнце не возсия нам: беззаконных исполнихомся стезь и погибели и ходихом в пустыни непроходимыя, пути же Господня не уведехом. Что пользова нам гордыня? И богатство с величанием что воздаде нам? Преидоша вся она яко сень* (Прем. 5, 1—9). Ценность страдания и награда за него показывается в Псалме 115 (ст. 6). *Честна,* — сказано, — *пред Господем смерть преподобных Его.* Скорбь борьбы и радости о воздаянии выражается в Псалме 125 (ст. 5 — 6). *Сеющии,* — сказано, — *слезами, радостию пожнут. Ходящии хождаху и плакахуся, метающе семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя.* И опять в Псалме 118 (ст. 1—2): *Блажени непорочнии в путь, ходящии в законе Господни. Блажени испытающии свидения* [мученичества] *Его, всем сердцем взыщут Его.* Также Господь, мститель нашего гонения и мздовоздаятель за страдание, говорит в Евангелии: *Блажени изгнана правды ради, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 10). И опять: *Блажени будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучат вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, Сына Человеческого ради. Возрадуйтеся в той день и взыграйте, се бо мзда ваша многа на небеси* (Лк. 6, 22 — 23). И еще: *Иже погубит душу свою Мене ради, сей спасет ю* (Лк. 9, 24).

Впрочем, награды божественного обетования ожидают не одних только тех, которые претерпели казнь и смерть. Хотя верные и не подвергались самому страданию, но если вера их пребыла чистой и непоколебимой, если христианин презрением и оставлением всего, что принадлежит ему, показал, что он последует Христу, то и он будет почтен между мучениками от Христа, Который, обещая это, Сам говорит: *Никтоже есть, иже оставит дом, или родители, или братию, или сестры, или жену, или чада, Царствия ради Божия, иже не приимет множицею во время сие, и в век грядущий живот*

вечный (Лк. 18, 29 — 30). То же говорит и писатель Апокалипсиса. *И видех,* — сказано у него, — *души растесаных за свидетельство* [имя] *Иисусово и за слово Божие.* Поставивши таким образом на первом месте *растесаных,* т. е. убиенных, он прибавил затем: *Иже не поклонишася образу зверя и не прияша начертания на челех своих и на руце своей;* и после того как соединил всех виденных в одном и том же месте, он замечает: *И ожиша и воцаришася со Христом* (Откр. 20, 4). Говорит, что живут и царствуют со Христом все, не только те, которые подверглись убиению, но и вообще те, которые, твердо пребывая в своей вере и в страхе Божием, не поклонялись образу зверя и не исполняли пагубных и святотатственных его повелений. А что в награде за страдание мы получаем больше, чем сколько переносим в самом страдании, — это доказывает блаженный апостол Павел — тот Павел, который свидетельствует, что он, будучи по удостоению Божию восхищен до третьего неба и в рай, слышал то, чего и пересказать невозможно, который хвалится тем, что он по вере видел очами Иисуса Христа, и который с полным сознанием истины высказывает то, чему научился и что видел. Он говорит: *Недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18).

Итак, кто же не постарается всеми силами достигнуть такой славы, чтобы соделаться другом Божиим, радоваться тотчас со Христом и после земных мук и истязаний получить божественные награды? Если и для мирских воинов славно, победивши неприятеля, возвратиться с торжеством в отечество, то во сколько более и лучше слава, победивши диавола, возвратиться с торжеством в рай, внести победные трофеи туда, откуда изгнан Адам — грешник, низложивши того, кто древле был причиною изгнания, принести приятнейший дар Богу — непорочную веру, доблесть ума, непоколебимую и славную хвалу преданности; сопровождать Его, когда Он приидет для отмщения врагам; находиться при Нем, когда сядет судить; сделаться сонаследником Христу; сравняться с ангелами; радоваться обладанию Небесного Царства с патриархами, с апостолами, с пророками? Какое г< нение может препобедить эти помышления? Какие муки могут превозмочь их? Крепким и стойким пребывает ум, утвержденный на благочестивых размышлениях; непоколебимым стоит против всех диавольских угроз и нападений дух, укрепляемый надежной и твердой верой. Закрываются при гонениях очи, но открывается небо; угрожает антихрист, но защищает Христос; причиняется смерть, но следует бессмертие: у убиенного отнимается мир, но восстановленному даруется рай; погашается жизнь временная, но настает вечная. Какое достоинство и какая смелость — выйти отсюда веселым, из гнета и мучений выйти славным, закрыть на мгновение очи, смотревшие на людей и мир, и тотчас открыть их для созерцания Бога и Христа! И какая быстрота столь счастливого перехода: ты внезапно восхищаешься, чтобы быть поставлен в Небесном Царстве! Вот это-то и дблжно обнимать умом и помыслом; об этом надобно думать день и ночь. Если такого воина настигнет день гонения, то доблесть, готовая к сражению, побеждена быть не может. Если же призыв наступит прежде, то все же не останется без награды вера, которая готова была на мученичество. Судия Бог воздаст награду без ущерба времени: во время гонения увенчивается воинственность, во время мира — совесть.

ПИСЬМА

К ДОНАТУ О БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ (1)

Цецилий Киприан Донату желает здравия.

Твое приглашение, любезнейший Донат, очень кстати, ибо и я помню о своем обещании и настоящее время для исполнения его самое благоприятное, потому что теперь, во время собирания винограда, незанятый дух предается покою и разделяет с другими праздничные и вошедшие в обычай досуги после утомительного года. С этим временем сообразно и само место: приятный вид садов соответствует успокоенным чувствам, которые освежаются тихими ветерками приветливой осени. Приятно здесь проводить время в разговорах и назидательными повестями умудрять дух в Божественных заповедях. Но, чтобы кто из мирских людей не вмешался в наш разговор и не помешал нам или не обеспокоил нас неумеренный крик какого-нибудь шумного общества, пойдем вот на то место. Эти ближайшие, отделенные части сада представляют закрытое убежище, потому что виноградные ветви, спускаясь с тростниковых подпор в беспорядке, образовали там виноградную галерею, покрытую листьями. Здесь мы удобно можем предаться собеседованию, и в то время, как мы будем увеселять взоры приятным видом дерев и виноградных лоз, дух наш будет получать вместе и назидание от слуха, и удовольствие от зрения. Впрочем, для тебя существует теперь одно удовольствие: ты ищешь только беседы со мною. Не обращая внимания на здешние приятные виды, ты в меня вперил свои взоры. И слухом, и умом весь ты обратился в слушателя — так ты любишь меня. Что же есть такое во мне или много ли есть во мне такого, что проникало бы в твое сердце? Скудный ум приносит и плоды скудные: он не обременяется, подобно плодоносной земле, богатыми колосьями. Впрочем, я приступлю к делу с теми силами, какие имею, тем более что и самый предмет слова помогает мне. Пусть щеголяет богатое красноречие своею изворотливостью в судебных местах и в публичных речах, произносимых среди народных собраний. Где идет речь о Господе Боге, там чистое и искреннее слово ищет доказательств для веры не в силе красноречия, а в самой вещи. Итак, ожидай от меня не красноречия, а силы, не речей, прикрашенных витиеватыми оборотами, какими увлекается толпа, а безыскусственного, сильно-

го простою истиною слова благодати Божией. Ты услышишь от меня то, что знают прежде, нежели научаются, и что приобретается не длинным рядом лет, не продолжительным размышлением, но случается наикратчайшим путем от благодати, сразу доставляющей духовную зрелость.

Когда я находился во тьме и в глубоком ослеплении, когда, исполненный нерешительности и сомнения, я носился и блуждал в море этого бурного века, когда я не сознавал самого образа моей жизни и чужд был света и истины, тогда, согласно с моим прежним образом мыслей, я считал весьма трудным и даже невозможным то, что благость Божия обещала мне ко спасению, именно чтобы человек мог вновь родиться и, одушевленный для новой жизни водами спасительного крещения, мог отложить все то, чем был он прежде и при том же самом телесном составе сделаться другим человеком по уму и сердцу. Как возможна, думал я, такая перемена, чтобы человек вдруг совлекся того, что или, как прирожденное, отвердело до степени грубой материи, или, как нажитое, внедрилось вместе с летами? Нет, зло слишком глубоко пустило корни! Научится ли когда бережливости тот, кто привык к великолепным пиршествам и роскошным обедам? Покажется ли когда-нибудь народу в обыкновенном и простом платье тот, на ком всегда сияли драгоценные, блестящие златом одежды и багряница? Нет, кто привык забавляться венками и другими почестями, тот никогда не захочет быть частным и незнатным человеком. Всегда сопровождаемый своими клиентами, окружаемый в знак почести многочисленной толпою раболепствующего ему народа, он почитает наказанием, когда бывает один. Как раб беспрестанных забав, он не может отстать от привычного пьянства; его надмевает гордость, воспламеняет гнев, подстрекает корысть, разжигает жестокость, услаждает честолюбие, увлекает похоть.

Так часто рассуждал я сам собою, ибо и сам прежде опутан был весьма многими заблуждениями, от которых совсем не надеялся освободиться. Покорствуя укоренившимся страстям своим и не надеясь на лучшее, я благоприятствовал своему злу, как будто бы оно было естественно во мне. Но, когда возрождающие воды омыли пятна прежней моей жизни и в очищенное и оправданное сердце пролился небесный свет, когда, приняв Духа Небесного, соделался я по второму рождению новым человеком, — тогда чудным образом сомнения разрешились в уверенность; тайны начали открываться, мрак исчезать; то, что прежде казалось трудным, соделалось удобным, невозможное стало возможным; я начал познавать, что вся моя прежняя плотская жизнь, проведенная во грехах, была жизнь земная и что теперь только началась жизнь Божия, одушевляемая Святым Духом. Сам ты, конечно, знаешь и так же, как и я, помнишь, что мы потеряли и что приобрели, умерев [в крещении] для греха, ожив для добродетели. Сам ты знаешь это без моего напоминания. Хвалиться самим собою предосудительно, но не может быть самохвальством, а служит знаком благодарности все то, что не силам человеческим приписывается, но относится к славе дел Божиих. Так, жизнь безгрешная есть благословенный плод истинной веры; подобно как грешная жизнь прежде веры — плод заблуждений человеческих! Божие дело, говорю, Божие дело есть все то, что мы можем; о Нем живем, Его силою мы сильны; от Него заимствуя крепость, мы еще здесь, на земле, проразумеваем будущее. Да будет только страх блюстителем непорочности, чтобы Господь, наитием Небесной благодати милостиво водворившийся в душах наших, за достойное послушание наше пребывал у нас в обители веселящегося сердца; приобретенная безопасность да не возродит нерадения, да не подползет паки враг древний.

Впрочем, если ты держишься пути непорочности и правды, если идешь по нему с непреткновенною твердостию, если ты, утверждаясь в Боге всеми силами и всем сердцем, пребываешь тем, чем начал быть, — то тебе дастся свобода по мере умножения духовной благодати. Ибо в принятии небесных даров нет меры, с какою обыкновенно принимаются благотворения на земле; щедро изливающаяся благодать Духа не стесняется никакими пределами; она течет непрестанно, богатит преизбыточно. Лишь бы только жаждало и было отверсто наше сердце; мы столько почерпаем от избытка благодати, сколько имеем веры, способной к ее принятию. Она дарует способность трезвенною чистотою, непорочною мыслью, чистым словом, непритворною добродетелью уничтожать ядотворную силу греха, очищать скверны развращенных сердец, возвращая им здравие, примирять врагов, успокаивать беспокойных; смягчать свирепствующих, грозными заклинаниями понуждать к признанию нечистых духов, вселяющихся в человека для господства над ним, — да престанут поражать человечество жестокими ударами; да престанут умножать число страждущих, рыдающих, сетующих, распространяя повсюду свои казни, да престанут убивать людей бичом и пламенем. Дело это делается невидимо; удары неприметны, но казнь очевидна. Таким образом, вселяясь в нас, Дух благодати уже начинает проявлять свою могущественную силу, хотя мы тела своего с членами еще и не переменили на другое; впрочем, наше око не затмевается уже мраком века сего. Какое могущество, какая сила души! Кто очистился и пребывает чист, тот не только сам себя охраняет от мирских соблазнов, не только не уловляется никакою сетью нападающего на него врага, но и укрепляется в своих силах до того, что над всем воинством противника господствует по своей воле, как повелитель.

Но, дабы, открыв истину, яснее видеть следы звания Божия, я покажу тебе, каков свет, и, разогнав мрак заблуждений, открою самые тайные завесы, под которыми скрывается отвратительный образ мира. Представь на некоторое время, что ты взошел на высокую вершину крутой горы и смотришь оттуда на лежащие внизу предме-

ты. Вознесшись над всем земным, не находя нигде преграды своим взорам, смотри на вихри волнующегося мира. Ты сам пожалеешь о нем и, вспоминая о своем прежнем состоянии, проникнутый благодарностью к Богу, гораздо более обрадуешься тому, что из него вышел. Смотри: дороги преграждены разбойниками, моря наполнены везде кровавыми ужасами. Вселенная обагрена кровью человеческой; убийство, почитаемое преступлением, когда совершается частными людьми, слывет добродетелью, когда совершается открыто; злодейства освобождаются от казней не по закону невинности, но по великости бесчеловечия.

Ежели обратишь взоры свои к городам, то найдешь шумное многолюдство, более жалкое, нежели всякая пустыня. Готовятся гладиаторские зрелища, дабы кровью доставить удовольствие прихоти кровожадных глаз. Тело от питательных яств наполняется соками, и крепкий состав его тучнеет, дабы обреченному на казнь веселее было погибнуть. Убивают человека в удовольствие человеку; убийство вошло в обыкновение, в искусство, в науку; люди не только злодействуют, но и обучают злодействам. Что может быть более бесчеловечнее, более жестоко? Учат, как убивать, и убийцы славны тем, что убивают! Что это такое, скажи мне? От чего происходит, что отдают себя зверям те, которых никто не осуждал на это? Люди цветущих лет, довольно благообразные, в блестящих одеждах, заживо украшают себя на произвольное погребение и, несчастные, хвалятся еще своей погибелью! Вступают в сражение со зверями не за преступление, а по страсти. Отцы смотрят на погибель своих детей; брат с сестрой сидят в партере; сама мать — что может быть достойнее сожаления?! — сама мать покупает для себя место на зрелище, платит за будущие свои вопли и отчаяние! И зрители столь нечестивых, столь бесчеловечных и ужасных позорищ нимало не помышляют о том, что их кровожадные взоры — существенная причина кровопролития и убийства.

Отсюда обрати взор на другие, не менее жалкие и опасные для нравов зрелища: в театрах также ты увидишь то, что произведет в тебе и горесть, и стыд. Там трагик возвышенным слогом рассказывает о древних злодеяниях: омерзительные предания об убийствах и кровосмешениях повторяются в живом действии, как события настоящие, чтобы учиненное некогда злодейство не вышло из памяти потомства. Стараются внушить всем и каждому, что нет невозможности случиться снова тому, что уже случилось: преступлениям дают переживать века, всеистребляющему времени не позволяют истреблять памяти злодейств, пороку не допускают приходить в забвение, давно минувшие мерзости обращаются в живые примеры. Присутствуя на комических представлениях, одни повторяют пороки, которые им известны по домашней их жизни, другие учатся, как можно быть порочным. Смотря на прелюбодейство, учатся прелюбодейству; открытое потворство злу располагает к порокам, и женщина, при-

шедшая на зрелище, может быть, целомудренною, выходит из него бесстыдною. Сколько соблазнов в комедиантских телодвижениях! Сколько заразы для нравов! Сколько примеров бесстыдства! Сколько пищи для разврата! Какое противоестественное и непотребное искусство вырабатывается там? Мужчины превращаются в женщин, так что вся честь и крепость пола бесчестится видом изнеженности тела, и, чем кто лучше успеет преобразиться из мужчины в женщину, тем больше нравится — за большее преступление получает большую похвалу и, чем становится гнуснее, тем считается искуснее. И вот на него смотрят, и — какое нечестие! — смотрят с удовольствием. Чему не научит подобный человек! Он возбуждает чувство, щекочет страсть, усыпляет самую трезвую совесть доброго сердца; ласкающий порок имеет столько силы, чтобы под приятностию внести пагубу для человека. Представляют бесстыдную Венеру, неистового Марса; представляют также Юпитера, этого верховного царя вселенной или, лучше, всех пороков, как он вместе со своими молниями горит страстию земной любви... Рассуди сам, может ли тот, кто на все сие смотрит, быть человеком честным и целомудренным! Они подражают своим богам, которым поклоняются, — несчастные! Они боготворят и самые страсти.

О, если бы ты мог с этой высоты проникнуть своим взором в их уединение, открыть потаенные двери в их покои и со светильником совести войти во внутренние их храмины! Ты увидел бы, что эти безумные делают то, на что не может смотреть целомудренное око, ты увидел бы то, что видеть преступно, ты увидел бы, что обезумевшие от пороков отрицают сделанное и спешат делать то, что отрицали. Мужчины похотствуют с мужчинами. Делается то, что не нравится самим делающим. Тот, кто таков сам, других в том же обличает: худой бесславит худых и думает, что тем самым сделался прав, как будто недовольно угрызений совести! Одни и те же обличают то, что делают тайно: в лице других изрекают суд над собственными преступлениями. Не терпят по наружности того, чему благоприятствуют внутренне: сами охотно делают, а винят за то же самое других. Наглость, достойная гнусности порока! Бесстыдство, совершенно приличное потерявшим совесть! Не дивись, что эти люди говорят таким языком — их уста никогда не превзойдут в разврате их сердца.

Но после опасных дорог, после многоразличных браней, рассеянных по всему миру, после кровавых или гнусных зрелищ, после мерзостей сладострастия, совершаемых публично в непотребных домах или скрывающихся внутри домашних стен, где обыкновенно бывают тем необузданнее, чем неприметнее, — торжище, может быть, покажется тебе невинным, свободным от наглых обид, неприступным для соблазнительного бесчинства. Хорошо, обрати туда взор свой. И здесь встретишь множество тех же самых мерзостей, достойных отвращения, и тем скорее поспешишь отвратить оттуда свои

взоры. Какая польза, что законы начертаны на двенадцати досках, что права, выбитые на меди, открыто для всех выставлены? Нарушают законы среди самих законов, попирают права при самих правах. Невинность не находит защиты и там, где ее прибежище. Взаимные раздоры неистовствуют до бешенства, нет мира и среди мирных тог, и скромное торжище оглушается неистовыми криками. Там все готово: копье, и меч, и палач; когти для терзания, деревянный конь для пытки, огонь для жжения; для одного тела человеческого гораздо больше готово казней, нежели сколько в нем находится членов. Кто защитит среди этих ужасов? Покровитель? Но он вероломец и обманщик. Судья? Но у него приговор продажный. Кто поставлен наказывать преступления, тот сам преступник; обвиняемый погибает невинно потому только, что судья виновен. Везде свирепствует пламень греха, яд пороков являет свою силу над бесчисленными сердцами в неисчислимых видах. Один делает ложное завещание, другой с уголовно-преступным обманом подписывает его; здесь отчуждают от наследства детей, там отдают имение совсем чужому человеку. Противник обвиняет, клеветник настраивает, свидетель лжет; с обеих сторон наглость лживого и продажного языка старается придать обману и преступлению вид истины и справедливости, а оттого с виновным гибнут и невинные. Законов совсем не боятся: не страшатся ни следователей, ни судей — что можно подкупить, то нестрашно. Быть невинным среди виновных есть уже преступление: кто не подражает худым людям, тот уже оскорбляет их. Права уравнялись с пороками, и то, что делается открыто, перестало быть недозволенным. И какой совести, какой справедливости ожидать там, где совсем нет людей, которые могли бы осуждать порок, где толпятся одни те, которые должны подлежать осуждению?

Но, дабы не показалось тебе, что я нарочно выбираю худшие предметы и в намерении расстроить твой ум и зрение вожу тебя по таким местам, жалкий и отвратительный вид которых оскорбителен для совестливого взора, я покажу тебе то, что в мире по невежеству почитают добрым; ты увидишь, что и это стбит только презрения. Как думаешь ты о почестях, о венках, о несметных богатствах, о воинском могуществе, о пурпуре, что на судьях; о вольности и силе, какими пользуются люди, облеченные властью? Вред приятного по виду нечестия скрыт, весел вид улыбающегося порока, но под обманчивою наружностью таится пагуба. Это яд, которому хитрое коварство придает вкус сладости, чтобы он удобнее был принят: кажется, ты берешь стакан с питьем; но, коль скоро выпьешь, погибель неизбежна. Вот встречается с тобою кто-нибудь в великолепной одежде, в блестящей багрянице; но знаешь ли, какими подлостями купил он сей блеск? Сколько прежде претерпел он презрения от горделивцев? Сколько по утрам просиживал у пыльных входов со своими приветствиями? Сколько раз, теснясь по углам людских комнат, опережал подобных ему искателей, чтобы после к нему самому приходили непрестанно такие же поздравители с почтением, раболепствующим не человеку, но власти? Ибо ему оказывают почтение не потому,что уважают его добродетели, а потому, что пред ним носят венки. Посмотри на их гнусный конец. Когда лицемер, умевший пользоваться временем, упадет; когда подлые ласкатели должны будут оставить его, как человека, лишенного власти, тогда бедствия разоренного семейства поражают совесть, тогда в полной мере чувствуют потерю расточенного имения, которым покупаема была неверная любовь легкомысленного народа.

И богатые, проводящие жизнь в беспрестанных забавах, которые, не терпя того, чтобы с ними в соседстве жили бедные, расширяют на бесконечное пространство свои поместья, у которых множество серебра и золота, у которых насыпаны или зарыты в земле огромные груды денег; и они трепещут со всеми своими сокровищами, мучаются опасениями, чтобы не разграбил их тать, не разорил разбойник или какой-нибудь более богатый враг из зависти не потревожил их несправедливыми тяжбами. Богач не ест, не спит. Воздыхает на пиршествах, хотя бы пил из сосудов, осыпанных драгоценными каменьями; и хотя иссохшее тело его покоится на самом великолепном ложе, однако он и в пуху не засыпает: не знает, несчастный, что он сам бывает виною блистательных по наружности мучений, прилепляясь к золоту и раболепствуя богатствам и сокровищам, вместо того чтобы быть их обладателем. О ужасное ослепление сердца! О глубокое омрачение неистовой страсти! Вместо того чтобы свергнуть с себя тяжкое бремя, человек продолжает гоняться за мучительным счастьем и слепо тянется к подавляющим его грудам. Он не оказывает никакой щедрости к тем, которые почитают его покровителем; нисколько не уделяет неимущим: деньги называет он своею собственностью и, как чуждое имущество, заперев дома, стережет их с беспокойною заботливостью и из них ни друзьям, ни детям, ни даже самому себе ничего не уделяет. Он обладает ими только для того, чтобы не обладал другой. И какое разнообразие в названиях! Называют благами даже такие вещи, из которых нельзя сделать никакого употребления, разве только употребив их на худое.

По твоему мнению, может быть, безопасны по крайней мере те, которых окружает блеск золотых чертогов и охраняет стража оруженосцев? Но такие люди боятся более, нежели кто другой. Чем больше кого боятся, тем больше причины бояться тому самому. По мере возвышения человека возрастает для него и опасность, хотя бы защищали его руки телохранителей, хотя он всегда был под прикрытием многочисленной стражи. Чем меньше позволяет он быть спокойным другим, тем меньше может быть спокоен и сам. Власть страшна прежде всего для самих властителей, которых делает страшными для других. Она улыбается, дабы свирепствовать; ласкает, дабы обмануть; привлекает, дабы убить; возносит, дабы низверг-

нуть по некоторому закону возмездия за бблыпую честь и знатность бóльшими и лишениями.

Итак, то одно спокойствие верно, та только безопасность крепка, тверда и постоянна, когда человек, освободясь от вихрей мятежного века, утвердит свое пребывание в спасительной пристани; когда он от земли возносит взоры к небу и, вступив в звание сына Господня, приблизившись к Богу своим сердцем, ниже себя считает все то, что другим в круге вещей человеческих кажется высоким и величественным. Кто выше века сего, тот ничего уже не может от него ни желать, ни требовать. Какая твердая, какая непоколебимая оборона, какая небесная помощь для обладания вечными благами заключается в том, чтобы быть свободным от сетей лукавого мира, чистым от земного тления, способным обитать во свете бессмертия! В этом состоянии мы ясно можем видеть, с какою хитростью прежде нападал на нас непримиримый враг для нашего погубления. Когда мы знаем и осуждаем то, чем были, то в этом самом имеем сильнейшее побуждение стремиться к тому, чем должны быть. Для этого не нужно ни денег, ни домогательств, ни усилий, ни неусыпных трудов, которыми приобретаются высокие достоинства и власть человеческая. Это дар Божий и дело легкое. Как солнце само собою светит, ручей сам собою течет, дождь сам собою орошает, так сам собою проливается Небесный Дух. Как только душа, взирая на небо, познает своего Творца, то, вознесшись превыше земли и всего земного величия, начинает быть тем, чем себя почитает. Только ты сам, запечатленный уже знамением небесного воина, облеченный во всеоружие благодати, соблюдай ненарушимо правила своего знания исполнением святых добродетелей. Занимайся тщательнее либо молитвою, либо чтением — и будешь то сам с Богом беседовать, то Бог с тобою. Да наставит Он тебя в своих заповедях, Он да управит тобою; кого Он обогатит, того никто не сделает бедным. Не может быть бедным тот, чье сердце однажды насытилось небесным брашном. Ты тотчас возгнушаешься испещренными золотом сводами и стенами, покрытыми дорогим мрамором, когда узнаешь, что наипаче дблжно украшать себя самого, что лучший для тебя дом есть тот, в котором, как во храме, обитает Господь, в котором утвердил свое жилище Дух Святой. Украсим сей дом лепотою непорочности, освятим светом правды. Он никогда не развалится от ветхости; живописные краски или позолота, полиняв на стенах, никогда не обезобразят его. Все обманчивое тленно, и нельзя быть твердо уверенным во обладании тем, чем нельзя обладать постоянно. Истинные украшения всегда имеют цену, истинные почести невредимы, истинный блеск продолжителен; они не могут ни обветшать, ни помрачиться; могут только преобразоваться в лучший вид при воскресении тела. Вот в кратких словах то, о чем я хотел побеседовать с тобою, любезнейший Донат. Знаю, что сердце доброе и терпеливое, ум твердый, вера крепкая услаждаются слышанием спасительных истин; знаю и то, что для

твоего слуха нет ничего столь приятного, как то, что приятно Богу; однако сократим беседу, ибо мы живем вместе и имеем случай и впредь часто беседовать. И так как теперь праздник и время свободное, то весь остаток дня до самого вечера проведем в веселии; не останемся ни на одну минуту без участия в пире Небесной благодати. Да огласится он трезвенным псалмопением; и так как у тебя память крепкая, голос звучный, то начни сам это пение по обычаю. Тем приятнее будут песни духовные, если, внимая им духовно, будем находить в них благочестивое удовольствие для слуха телесного.

К МУЧЕНИКАМ И ИСПОВЕДНИКАМ, ПРОСИВШИМ ДАРОВАТЬ МИР ПАДШИМ (10)

Киприан мученикам и исповедникам, возлюбленнейшим братьям, желает здоровья. Обязанности моего звания и страх Господень заставляют меня напомнить вам письменно, мужественнейшие и блаженнейшие братья, чтобы вы, с таким самоотвержением и с таким мужеством хранящие веру Господню, сохраняли также закон и учение Господа. Ибо, если всем воинам Христовым дблжно соблюдать заповеди своего Владыки, то тем более дблжно хранить заповеди Его вам, которые соделались для прочих примером мужества и страха Божия. И до сих пор я был уверен, что находящиеся там у вас пресвитеры и диаконы руководствуют вас своими советами и самым полным образом наставляют в законе евангельском, как это и прежде всегда делалось при наших предшественниках; тогда диаконы обязаны были, посещая темницы, своим советом и внушением заповедей Писания давать направления желаниям мучеников. Но теперь с величайшею болезнью сердца узнаю, что там не только не внушают вам Божественных заповедей, но еще и противодействуют им; что некоторые пресвитеры отвергают даже то, что вами самими делается и осмотрительно в отношении к Богу, и почтительно в отношении к Божиему священнику. Так, письмом своим ко мне вы просили рассмотреть ваши желания и даровать мир некоторым падшим тогда, как кончится гонение и мы, соединившись с клиром, станем снова собираться вместе; а те пресвитеры, не имея ни страха Божия, ни уважения к епископу, вопреки закону евангельскому и вопреки почтительной вашей просьбе, прежде принесения покаяния падшими, прежде исповедания самого тяжкого и величайшего преступления, прежде возложения на них руки епископом и клиром в знак покаяния, дерзают возносить за них жертву и преподавать им Евхаристию, т. е. ругаться над святым телом Господа, как написано: *Иже аще яст хлеб или пиет чашу Господню недостойне, повинен будет Телу и Крови Господней.* И в этом можно еще извинить падших, потому что кто же из обреченных смерти не пожелал бы скорее получить жизнь? Кто не захотел бы поспешить к своему спасению? Но долг предстоятелей — держаться заповеди и вразумлять как по-

спешающих, так и неведущих, иначе долженствующие быть пастырями овец соделаются хищниками. Ибо позволить то, что влечет к погибели, — значит обманывать: через это не восстановляется падший, а только, вновь оскорбляя Бога, еще более увлекается к погибели. Итак, пусть по крайней мере от вас они научатся тому, чему должны были сами учить. Прощения и желания ваши пусть представят епископу и для дарования по вашему прошению мира пусть подождут удобного и благоприятного времени. Нужно, чтобы прежде матерь получила мир от Господа, тогда уже можно будет, согласно вашему желанию, рассуждать о мире детей. А так как я слышу, мужественнейшие и возлюбленнейшие братья, что некоторые бесстыдно докучают "вам и насилуют вашу скромность, то всеми возможными мольбами молю вас, чтобы вы, помня Евангелие и соображаясь с тем, что и сколько позволяли себе прежде предшественники ваши, мученики, как они были во всем внимательны, чтобы и вы также внимательно и осторожно взвешивали желания просящих, чтобы и вы, как други Господа, которые некогда будете судить вместе с ним, вникали в проступки, и в дела, и в заслуги каждого, роды и качества самих преступлений, чтобы не постыдилась Церковь наша перед самими язычниками, если что-нибудь неосмотрительно и недостойно будет или вами обещано, или мною сделано. Нас часто посещает и вразумляет Господь, напоминая ненарушимо и свято соблюдать Его заповеди. Это же, как я замечаю, бывает там и у вас; весьма многие из вас получают Божественное вразумление относительно учения Церкви. Все же это может быть, если только то, чего от вас просят, вы будете умерять благочестивым рассмотрением, стараясь понять и обуздать тех, которые при помощи притворства ищут в ваших благодеяниях случая или заслужить благодарность, или приобрести непозволительные выгоды.

Об этом я писал письма к клиру и к народу, поручив те письма прочитать вам. Да не оставьте тщательно заботиться о том, чтобы поименно были вами означаемы те, для которых испрашивает мир; а то слышно, что некоторым даются такие свидетельства, в которых говорится только: «Да имеет он общение со своими», чего решительно никогда не допускалось мучениками, потому что неопределенное и безымянное ходатайство только умножит впоследствии неудовольствие к нам. Слова «он со своими» имеют обширное значение, и к нам могут являться по двадцати, тридцати и более человек, уверяя, что они родные, свойственники, вольноотпущенные и слуги того, кто получил свидетельство. И потому прошу поименно означать в свидетельстве тех, которых вы сами видели, знаете и покаяния которых находите более или менее удовлетворительными; и такие только письма, сообразные с верою и учением, присылайте к нам.

Желаю вам, мужественнейшие и возлюбленнейшие братья, всегда здравствовать о Господе и помнить о нас. Прощайте.

ПИСЬМО К НАРОДУ (11)

Киприан братьям из народа желает здоровья. Я знаю по себе, возлюбленнейшие братья, как вы сетуете и болезнуете о падении **братьев** наших, потому что и сам я сетую **с** вами и болезную о каждом, вполне чувствуя сказанное блаженным Апостолом. *Кто изнемогает,* — говорит он, — *и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаются?* (2 Кор. 11, 29). Он же заметил еще в своем по**слании:** *Аще страждет един уд, с ним страждут еси уди, аще ли славится един уд, с ним радуются еси уди* (1 Кор. 12, 26). Итак, я сострадаю и соболезную о братьях наших, которые не устояли против напора гонения и падением своим увлекли некоторых чад наших; своими ранами они причинили боль и нам. Уврачевать их может Божественное милосердие, но при этом, я думаю, не дблжно спешить, ничего не дблжно делать неосмотрительно и поспешно, чтобы безрассудным оскорблением мира не навлечь еще более гнева оскорбленного Господа. Блаженные мученики письменно ходатайствовали за некоторых, прося рассмотреть их желания, когда Господь дарует всем нам мир; тогда по возвращении нашем к Церкви все будет исследовано в присутствии и по суду вашему; между тем я слышу, что некоторые пресвитеры, не помня о Евангелии, не обращая внимания на то, что писали к нам мученики, с неуважением к священному сану епископа и его кафедры вошли уже в общение с падшими, молятся за них и преподают им Евхаристию, тогда как надлежало дойти к тому по порядку. Ибо если при меньших преступлениях, соделанных не против Господа, требуется принесение покаяния в определенное время, совершение исповеди с рассмотрением жизни кающегося, и никто не может войти в общение прежде возложения на него руки епископом и клиром, то во сколько же более при этих самых тяжких и крайних преступлениях надлежит все делать осмотрительно и обдуманно, согласно учению Господа. И об этом должны были напомнить диаконы, чтобы подкрепить вверенных им овец и Божественным учением наставить на путь желанного спасения; а наш народ, как я знаю, смирен и боязлив: падшие бдительно позаботились бы об удовлетворении и умилостивлении Бога, если бы некоторые угодливые пресвитеры не обманули их. Итак, по крайней мере, вы руководите каждого и своим советом и наставлением настройте **Души** падших сообразоваться **с** Божественными заповедями. Пусть никто неблаговременно не срывает незрелого плода, пусть никто потрясенного и пробитого волнами корабля своего не вверяет снова Морю, не исправив сперва тщательно, пусть никто не берет и не надевает разодранной одежды, пока, искусно починенная, она не будет вручена ему исправленною мастером. Молю, пусть терпеливо выслушают совет наш и подождут возвращения нашего; а когда мы по милосердию Божию придем к вам, то по созвании многих епископов, в присутствии исповедников **и** согласно вашему мнению можно

будет, применяясь к Божественному учению, рассмотреть письма блаженных мучеников и их желания. Об этом я писал письма к клиру, и к мученикам, и исповедникам, поручил прочитать те письма и вам. Желаю вам, возлюбленнейшие и вожделеннейшие братья, всегда здравствовать о Господе и помнить о нас. Прощайте.

К КЛИРУ О ПАДШИХ И ОГЛАШЕННЫХ, ЧТОБЫ РАЗРЕШАТЬ ИХ ПРИ СМЕРТИ (12)

Киприан пресвитерам и диаконам, братьям, желает здоровья.

Удивляюсь, возлюбленнейшие братья, что на многие и частые мои к вам письма вы ничего мне не отвечали, тогда как, получивши от вас сведение, я мог бы рассудить, как повести дела, чтобы таким образом всячески содействовать и пользе, и нуждам нашего братства. Между тем как я не вижу еще возможности прийти к вам, а уже наступило лето — время, когда беспрестанно свирепствуют тяжкие болезни, то почитаю нужным предупредить братьев наших о том, что получившие свидетельства от мучеников, которых заслуга может споспешествовать им пред Богом, могут в случае постигшего их какого-либо бедствия и опасной болезни, не ожидая присутствия нашего, исповедать свой грех перед всяким, какой тут случится, пресвитером или даже если нельзя будет найти пресвитера, а им будет угрожать смерть, то перед диаконом; затем, по возложении руки на них, в знак покаяния да отходят ко Господу с миром, который письменно спрашивали для них мученики. Поддерживайте также своим присутствием и остальную часть падшего народа, утешая и побуждая не оскудевать в вере и не отчаиваться в милосердии Божием; потому что те, которые при кротости, смирении и истинном покаянии пребудут непоколебимы в добрых делах, не будут лишены Божественной помощи и подкрепления и им также преподается Божественное врачевство. Будьте бдительны и в отношении оглашенных: когда они в случае угрожающей опасности и близкой кончины будут умолять о Божественном прощении, да не будет и им отказано в милосердии Господа. Желаю вам, возлюбленнейшие братья, всегда здравствовать и помнить о нас. Приветствуйте моим именем все братство и усердно просите помнить о нас. Прощайте.

К ФИДУ О КРЕЩЕНИИ МЛАДЕНЦЕВ (46)

Киприан и прочие товарищи, присутствовавшие на Соборе в числе 66, Фиду, брату, желают здоровья. Мы прочитали твое письмо, возлюбленнейший брат, в котором извещаешь, что товарищ наш Ферапий преждевременно и слишком поспешно даровал мир бывшему когда-то пресвитером Виктору прежде принесения им полного покаяния и удовлетворения Господу Богу, пред которым тот согрешил. Дело это сильно смутило нас, так как мир дарован ему с нарушением важности нашего определения, дарован прежде исполнения законного времени покаяния и удовлетворения, без прошения с его стороны и без одобрения народа, при отсутствии всякой настоятельной немощи и нудящей необходимости. Впрочем, после долгого рассуждения мы признали достаточным сделать товарищу нашему, ферапию, выговор за этот безрассудный поступок его и внушить ему, чтобы впоследствии он не делал ничего подобного. Между тем мы не почли нужным отнимать мир, однажды каким бы то ни было образом дарованный священником Божиим, и потому позволили Виктору пользоваться предоставленным ему общением.

Что же касается дела о младенцах, которых, по словам твоим, не дблжно крестить во второй или третий день со дня их рождения, а дблжно сообразоваться с законом древнего обрезания, и рожденного, как ты думаешь, ни крестить, ни освящать прежде восьмого дня, — то это обстоятельство представилось на нашем Соборе совершенно иначе. Никто не согласился с твоим мнением об этом деле — напротив, все мы за лучшее почли ни одного родившегося человека не лишать милосердия и благодати Божией. Если Сам Господь в Евангелии Своем говорит, что *Сын человеческий не прииде душ человеческих погубить, но спасти* (Лк. 9, 56), то, сколько это от нас зависит, ни одна душа не должна погибнуть, если это возможно. Да и чего еще недостает тому, кто однажды навсегда образован во утробе руками Божими? Только нам и глазам нашим представляется, что родившиеся получают некоторое приращение с течением мирских дней; между тем как все то, что творится Богом, есть совершенно сообразно с величием и художеством Бога Творца. Притом и свидетельство Священного Писания показывает нам, что все люди: и младенцы, и возрастные — имеют равный божественный дар. Елисей, когда молил Бога об умершем отроке, сыне вдовы, распростерся над ним так, что голова приходилась к голове и лицо к лицу, и каждый член распростертого Елисея положен был на каждый член из членов дитяти, и ноги — на ноги (4 Цар. 4, 34). Если рассматривать это со стороны неравенства нашего возраста и тела, то отрок не мог бы сравниться со взрослым и пожилым и малые члены не могли бы сойтись и сравниться с бблышими. Но здесь выражается равенство Божественное и духовное, именно то, что все люди, как однажды навсегда созданные Богом, равны и одинаковы и что возраст наш может иметь приращение только для мира, но не для Бога; почему и самая благодать, даруемая крещаемым, сообщается не в большей или меньшей мере, смотря по возрасту приемлющих, так как и Дух Святой подается всем один и тот же не по какой-нибудь мере, но по любви и отеческому благоволению (Гал. 2). Бог не взирает ни на лицо, ни на возраст, являясь отцом в равной мере для всех в деле приобретения Небесной благодати. А что младенец в первые дни после своего рождения бывает, по твоим словам, нечист, так что Даже всякий из нас боится целовать его, то мы не думаем, чтобы это

долженствовало служить препятствием к дарованию ему Небесной благодати. В Писании сказано: *Вся чиста чистым* (Тит. 1, 15), и никто из нас не должен гнушаться тем, что благоволил создать Господь. Хотя младенец от рождения бывает еще невзрачен, однако ж не столько, чтобы надлежало кому-либо бояться поцеловать его при сообщении благодати и даровании мира, тем более что, целуя младенца, всяк из нас по своей вере должен представлять еще недавнее делание рук Божиих, которые некоторым образом мы лобызаем на человеке, только что образованном, когда заключаем в свои объятия то, что создал Бог. А что при иудейском плотском обрезании наблюдаем был восьмой день, то это есть таинство, предпосланное прежде в сени и в образе и потом исполнившееся самым делом с пришествием Христовым. Так как восьмому дню, т. е. первому после субботы, надлежало быть тем днем, в который Господь воскрес, оживотворил нас и даровал нам обрезание духовное. И потому мы думаем, что никому не дблжно препятствовать в получении благодати на основании закона уже прекратившегося и духовное обрезание не должно стесняться плотским; но решительно всякий человек должен быть допускаем к благодати Христовой, тем более что и Петр в Деяниях апостольских возвещает и говорит: *Мне Бог показа ни единого сквернa или нечиста глаголати человека* (Деян. 10, 28). Впрочем, если бы и могло что-нибудь служить препятствием к получению благодати, так это тяжкие грехи, да и те могли бы препятствовать более возрастным, пожилым старцам. Притом же если и величайшим грешникам, много грешившим прежде против Бога, когда они потом уверуют, даруется отпущение грехов и никому не возбраняется прощение и благодать; то тем более не дблжно возбранять это младенцу, который, едва родившись, ни в чем не согрешил, а только, происшедши по плоти от Адама, воспринял заразу древней смерти через само рождение и который тем удобнее приступает к принятию отпущения грехов, что ему отпущаются не собственные, а чужие грехи. И потому, возлюбленнейший брат, на Соборе нашем состоялось такое определение: не дблжно нам никого устранять от крещения и благодати Бога. Если этого надобно держаться по отношению ко всем, то особенно, как мы думаем, надобно соблюдать это по отношению к новорожденным младенцам, которые уже тем заслуживают преимущественно нашу помощь и милосердие Божие, что с самого начала своего рождения они своим плачем и слезами выражают одно моление. Желаем тебе, возлюбленнейший брат, всегда здравствовать.

К ФИВАРИТЯНАМ, С УВЕЩАНИЕМ К МУЧЕНИЧЕСТВУ (48)

Киприан народу фиваритскому желает здоровья. Думал я, возлюбленнейшие братья, если обстоятельства и время дозволят, сам прийти к вам, согласно не раз выраженному вами желанию, лично укрепить там братство, хотя и слабым словом нашего увещания. Но крайне настоятельные дела задерживают нас так, что нам невозможно далеко отлучаться отсюда и оставлять надолго народ, которым, по Божественному благоволению, управляем; потому вместо себя посылаю к вам это письмо, ибо, получая частые внушения и предостережения от Господа, нас вразумляющего, мы должны сообщить и вам для сведения сущность нашего предостережения.

Итак, знайте и считайте совершенно верным то, что день скорби уже над главою и что кончина века и время антихриста приблизились; станем же все готовыми на брань, будем помышлять об одной только славе жизни вечной и о венце за исповедание Господа и не думать, что наступающие бедствия таковы, какими были минувшие. Теперь угрожает нам брань более тяжкая и более жестокая, к которой воины Христовы должны приготовиться верою неповрежденного и добродетелью крепкою, помышляя, что они для того ежедневно пили чашу крови Христовой, чтобы и сами могли пролить кровь за Христа. Ибо подражать тому, чему учил Христос и что Сам Он исполнил, — значит желать пребывания с Ним, по слову апостола Иоанна: *Глаголяй во Христе пребывати, должен есть, якоже Он ходил есть, и сей такожде да ходит* (1 Ин. 2, 6). Также святой апостол Павел увещевает и учит, говоря: *Мы есмы чада. Аще же чада, и наследницы: наследницы убо Богу, сонаследницы же Христу: понеже с ним страждем, да и с ним прославимся* (Рим. 8, 16—17). Обо всем этом нам дблжно теперь помышлять, чтобы никому ничего не требовать от века уже преходящего, но следовать Христу, который и Сам живет вовеки и животворит рабов своих, верующих во имя Его. Приходит то время, возлюбленнейшие братья, которое давно уже предвозвестил Господь наш и которого приближение указал словами: *Придет час, да всяк иже убиет вы, возмнится службу принести Богу. И сия сотворят, яко не познаша Отца, ни Мене. Но сия глаголах вам, да егда приидет час, воспомянете сия, яко аз рех вам* (Ин. 16, 2—4). И пусть никто не удивляется, что нас отягчают непрестанные гонения и часто удручают мучительные скорби. Господь наперед предрек, что все это будет в последнее время, и приготовил к тому наше воинство наставлением и убеждением своего слова. Также и Петр, апостол Его, учил, что гонения бывают для нашего испытания и чтобы по примеру праведных предшественников и мы через смерть и страдания приобщились любви Божией. Он так выразился в своем послании: *Возлюбленнии, не дивитеся еже в вас раздежению ко искушению вам бываему, яко чуждy вам случа-*

ющуся: но понеже приобщается Христовым страстем, радуйтеся, яко да и в явление славы его возрадуется веселящеся. Аще укоряеми бываете о имени Христове, блаженни есте: яко Дух славы и силы на вас почивает: онеми убо хулится, а вами прославляется (1 Пет. 4, 12 — 14). Апостолы учили нас тому, чему сами научились из наставлений Господних и Небесных заповедей, а ободрение мы получаем от самого Господа, который говорит: *Никтоже есть, иже оставил есть дом, или села, или отца, или братию, или сестры, или жену, или чада царствия ради Божия, иже не приимет множицею во время сие и в веке грядущии живот вечный* (Лк. 18, 29 — 30; Мк. 10, 29 — 30). И еще: *Блаженни,* — говорит, — *будете, егда возненавидят вас человецы, и егда разлучают вы и поносят, и пронесут имя ваше яко зло, сына человеческого ради. Возрадуйтеся в той день и взыграйте, се бо мзда ваша многа на небеси* (Лк. 6, 22 — 23). Господь желал, чтобы мы радовались и веселились во время гонений; и это потому, что, когда бывают гонения, тогда даются и венцы за веру, тогда испытываются воины Божии, тогда для мучеников открывается небо.

Да и приняли мы название рати не для того, чтобы помышлять только о мире, уклоняться и отказываться от воинской службы, тем более когда в этой рати впереди всех прошел Господь, учитель смирения, терпения и страдания, чтобы прежде самому исполнить то, чему научал других, чтобы прежде самому пострадать за нас, которых увещавает к страданию. Да будет пред очами у вас, возлюбленнейшие братья, что Тот, кто Один принял от Отца своего весь Суд и который придет судить, уже произнес приговор своего Суда и будущего испытания, предвозвестив и засвидетельствовав, что исповедающих его и Он исповедает пред Отцом своим, а отвергающих Его отвержет и Он. Если бы мы могли избежать смерти, то справедливо было бы бояться ее. Но так как смертному умереть необходимо, то воспользуемся случаем, ниспосылаемым по Божественному обещанию и милости: умрем так, чтобы смертью заслужить награду бессмертия; не убоимся быть убитыми, зная, что, когда убьют нас, мы увенчаемся.

И никто, возлюбленнейшие братья, видя народ наш разбегающимся и рассеивающимся от страха гонения, да не смущается тем, что он не видит собранного братства, не слышит проповедующих епископов. В такое время не могут оставаться все вместе те, которым не позволено убивать, но быть убиваемыми необходимо. Также, где бы кто из братьев ни был в эти дни, будучи пока нуждою времени отделен от стада [Христова] — по телу, но не по духу, — да не возмущается страхом своего бегства, удаляясь и скрываясь, да не страшится уединения пустынного места. Тот не одинок, кому сопутствует в бегстве сам Христос, тот не одинок, кто, спасая храм Божий, где бы ни был, не бывает без Бога. Утеснит ли его, убегающего, в пустыне и городах разбойник, нападет ли на него зверь,

изнурят ли его голод, жажда, стужа, или потопит ненастье и буря во время его поспешного усиленного плавания по морям, Христос везде видит своего ратующего воина и при гонении умирающему за честь его имени воздаст награду, которую обещал дать в Воскресение. Нисколько не меньше слава мученичества, если кто пострадал не всенародно и не среди многих, лишь бы пострадал за Христа: для засвидетельствования о его мученичестве достаточно того свидетеля, который сам подтверждает мучеников и венчает их. Возлюбленнейшие братья! Будем подражать праведному Авелю, который предначал собою мученичества, будучи первый убит за правду (Быт. 4,8). Будем подражать другу Божию Аврааму, который не замедлил собственными руками принести сына в жертву, повинуясь Богу с верою в обетование (Быт. 22). Будем подражать трем отрокам: Анании, Азарии и Мисаилу, которые по разрушении Иудеи и после пленения Иерусалима, несмотря на свою молодость и стесненное положение в плену, силою веры победили царя в самом царстве его, когда, принуждаемые поклониться истукану, устроенному по велению царя Навуходоносора, явились сильнейшими царских угроз и огненного пламени, взывая и свидетельствуя свою веру сими словами: *Навуходоносор царь, не требе нам о глаголе сем отвещати тебе. Есть бо Бог на небесех, ему же мы служим, силен изъяти нас от пещи огнем горящия, и от руку твоею избавити нас, царю. Аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю, яко богом твоим не служим и телу златому, еже поставил еси, не кланяемся* (Дан. 3, 16 — 18). Они верили, что могут избегнуть смерти по вере своей; несмотря на то присовокупили: *Аще ли ни,* чтобы царь знал, что они могут умереть для Бога, которого почитали. В этом-то и состоит сила доблести и веры, чтобы, веруя и зная, что Бог может освободить от предстоящей смерти, однако ж не бояться смерти и не отступать перед нею, дабы сильнее засвидетельствовать веру. Их устами высказалась несокрушимая и непобедимая сила Святого Духа, так что ясною становится истина того, что сказано Господом в Евангелии: *Егда же предают вы, не пецытеся, како или что возглаголете: даст бо ся вам в той час, что возглаголете: не вы бо будете глаголющи, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Мф. 10, 19 — 20). Сказано, что потребное слово и ответ даются нам в то время свыше и что не мы тогда говорим, но Дух Бога Отца, который, не отступая и не отлучаясь исповедников, сам в нас и говорит, и венчается. Так и Даниил, будучи принуждаем поклониться идолу Ваалу, которого тогда почитали народ и царь, в защищении своего Бога с полною верою и свободою высказался, говоря: *Я ничему не покланяюся, но живому Богу, сотворившему небо и землю* (Дан. 14, 5). А в книге Маккавеев блаженные мученики, перенесшие тяжкие мучения, эти семь братьев, потерпевших многообразные казни, мать, ободряющая чад своих к перенесению их и сама умирающая вместе с ними, не представляют ли свидетельств великой доблести и веры и не побуждают ли

своими страданиями и нас к торжеству мученичества (2 Мак. 7)? Что сказать о пророках, которых сам Дух Святой вдохновлял к предвидению будущего? Что об апостолах, избранных Господом? Когда они, праведные, умерщвляются, то не научают ли и нас умирать за правду? Рождество Христово началось с мученичества младенцев, ибо за имя Его были избиты все те, которые имели до двух лет и ниже — возраст, еще не способный для битвы, явился годным для венца! Невинные младенцы умерщвлены за имя Христово, за показание того, что невинны и все те, которые страждут для Христа. Ясно показано, что никто не безопасен от бедствий и гонения, когда и такой возраст претерпел мучение. И какая тяжкая вина для человека-христианина, если он, раб, не хочет страдать, когда первым пострадал сам Господь, если мы не хотим пострадать за собственные грехи, когда Он, будучи безгрешен, пострадал за нас! Сын Божий пострадал, чтобы сделать нас сынами Божиими, а сын человеческий не хочет страдать, чтобы остаться навсегда сыном Божиим! Если мы терпим от ненависти мира, так эту ненависть прежде всех принял на себя Христос. Если мы переносим в сем мире поношения, изгнания и мучения, то гораздо тягчайшие испытал на себе Творец мира и Господь, который и указывает на это, говоря: *Аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы; якоже от мира несте, но аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир: помянайте слово, еже аз рех вам: несть раб болий Господа своего: аще Мене изгнаша, и вас изженут* (Ин. 15, 18 — 20). Господь и Бог чему научал, то и сделал, чтобы безответен был ученик, который учится и не делает.

Боязнь предстоящего гонения и пришествия антихриста да не устрашит никого, возлюбленнейшие братья, настолько, чтобы не найтись уже вооруженными на все евангельскими наставлениями, заповедями и увещаниями Небесными. Приходит антихрист, но и Христос не медлит. Восстает и неистовствует враг, но тотчас следует и Господь, имеющий отмстить за наши страдания и раны. Ярится и угрожает противник, но есть могущий исхитить из рук его. Дблжно бояться Того, чей гнев никем не может быть избегнут, как сам Он предостерегает, говоря: *Не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убити: убойтеся же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* (Мф. 10, 28). И еще: *Любяй душу свою погубит ю, и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранит ю* (Ин. 12, 25). В Апокалипсисе он дает нам следующее наставление и предостережение: *Аще кто поклоняется зверю и иконе его и приемлет начертание на челе своем или на руке своей: и той имать нити от вина ярости Божия, вина влиянна, не растворенна в чаши гнева Его, и будет мучен огнем и жупелом пред ангелы святыми и пред агнцем, и дым мучения их во веки веков восходит, и не имут покоя день и нощь поклоняющийся зверю и образу его* (Откр. 14,

9—11). Люди упражняются и приготовляются для мирского боя и считают великим для себя почетом, если им удается быть увенчанными в глазах народа и в присутствии императора. А вот бой высокий и славный наградою Небесного венца, когда на нас подвизающихся будет смотреть сам Бог и, простирая взор свой на тех, которых Он удостоил сделать своими сынами, наслаждаться созерцанием нашей борьбы! И смотрит на нас Бог, смотрит и Христос, если мы сражаемся и ратуем за веру. Какая великая слава и какое счастье сразиться в присутствии самого Бога и получить венец от Судии Христа!

Вооружимся же, возлюбленнейшие братья, всеми силами и приготовимся к бою мыслью непорочною, верою чистою, добродетелью совершенною. Да изыдут воины Божии на сражение, которое нам указывается. Да вооружатся непорочные, чтобы не погубить непорочности, которую недавно соблюдали. Да вооружатся и падшие, чтобы возвратить то, что они потеряли. Непорочных честь, падших скорбь да призывает к бою. А как вооружаться и приготовляться научает нас блаженный апостол Павел, говоря: *Несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным. Сего ради приимите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют и вся содеявше стати. Станите убо препоясани чресла ваши истиною, и облекшеся в броня правды, и обувше нозе во уготование благовествование мира: над всеми же восприимше щит веры, в нем же возможете вся стрелы лукавого разженныя угасити: и шлем спасения восприимите и меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 12—17). Приимем эти оружия, оградим себя этими укреплениями духовными и Небесными, да в лют день возможем противиться угрозам диавола и отразить их. Облечемся в броню правды, чтобы оградить и обезопасить сердце свое от стрел лукавого. Да будут обуты и вооружены ноги наши евангельским учением, чтобы змий не мог уязвить нас и преткнуть, когда станем попирать и стирать главу его.

Понесем храбро щит веры, чтобы, закрываясь им, можно было потушить раскаленные стрелы лукавого. Приимем также для покрытия главы шлем спасения, чтобы оградить слух — да не слышит зверских указов, очи — да не видят гнусных истуканов, чело — да сохранится невредимым знамение Божие, уста — да победительный язык исповедует Господа своего Христа. Вооружим и десницу мечом духовным, чтобы она храбро отринула скверны жертвы, чтобы, помня Евхаристию, в которой преподается тело Господа, она обняла Его, когда потом будет принимать от Господа награду венцов Небесных. О! Какой страшный и сколь великий будет это день, возлюбленнейшие братья, когда Господь начнет судить людей своих и оценивать заслуги каждого по суду Божественного ведения, — когда виновных пошлет в геенну и мучителей наших в наказание предаст

не престающему огню, а нам воздаст награды за веру и упование! Какая будет слава и радость быть допущенными к созерцанию Бога, удостоиться вкусить радость спасения и вечного света со Христом, Господом нашим, Богом, приветствовать Авраама, Исаака, Иакова, всех патриархов, пророков, апостолов и мучеников, радоваться вместе с праведными друзьями Божиими в Царствии Небесном радостью дарованного бессмертия, получить там то, *чего ни око не видело, ни ухо не слышало и что на сердце человеку не всходило* (1 Кор. 2,9)! Ибо гораздо больше получим там, нежели сколько делаем или претерпеваем здесь, по уверению апостола, который говорит: *Недостойны суть страсти нынешняго века к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18). Когда совершится такое явление и слава Божия нами воссияет, тогда мы, прославленные, по удостоению Господа, будем столько же блаженны и радостны, сколько останутся несчастными те — виновные, отступники от Бога, восставшие против Него и сотворившие волю диавола, которые по необходимости вместе с ним должны будут мучиться в огне неугасимом. Все это, возлюбленнейшие братья, да напечатлеется в сердцах наших. В этом пусть состоит приготовление к нашему вооружению, об этом да будет денное и нощное наше размышление, чтобы пред глазами иметь, в помышлении и в сердце всегда содержать памятование о наказаниях беззаконников и наградах, и заслугах праведников, — памятование о том, чем Господь угрожает отступникам в наказание их и что обещает исповедникам для прославления их. Если день гонения застанет нас, когда будем думать и размышлять об этом, то воин Христов, наученный Его заповедями и увещаниями, не устрашится брани, но будет готов к получению венца. Желаю вам, возлюбленнейшие братья, всегда здравствовать.

К КВИНТУ О КРЕЩЕНИИ ЕРЕТИКОВ (58)

Киприан брату Квинту желает здоровья. Сопресвитер наш Лукиан сообщил мне, возлюбленнейший брат, о твоем желании, чтобы мы изложили тебе наше мнение о тех, которые, по-видимому, крещены у еретиков и раскольников. Посылаю тебе для сведения список с письма, в котором изложено то, что недавно на Соборе постановили об этом предмете мы, весьма многие соепископы, с присутствовавшими сопресвитерами. Я не знаю, каким предубеждением руководствуются некоторые из товарищей наших, думающие, что тех, которые приняли погружение у еретиков, когда они к нам приходят, не дблжно крестить, потому что, как они говорят, крещение одно. Оно одно потому, что Церковь одна и вне Церкви крещение невозможно. А так как не может быть двух крещений, то, если еретики крестят истинно, они имеют крещение. Кто своим удостоверением предоставляет им это право, тот уступает и соглашается, что враг и противник Христов имеет, по-видимому, власть омывать, очищать и освящать человека. Мы же утверждаем, что приходящих оттуда мы у себя не перекрещиваем, но крестим. Ибо они ничего не получают там, где нет ничего, а приходят к нам, чтобы получить здесь, где есть благодать и всякая истина, потому что благодать и истина одна. Но некоторые из товарищей наших лучше хотят оказать честь еретикам, чем согласиться с нами; и когда, утверждая, что крещение одно, не хотят крестить приходящих, то, таким образом, или делают два крещения, потому что признают крещение и у еретиков, или, что еще хуже, скверное и нечестивое погружение еретиков стараются противопоставить и предпочесть истинному, единственному и законному крещению Кафолической Церкви, не размышляя о том, что сказано в Писании: *Омываяйся от мертвеца, кая польза ему от бани* (Сир. 34, 25)? Явно, что между мертвецами считаются те, которые в Церкви Христовой, и что не может оживотворить другого тот, кто сам не живет: одна только Церковь, получившая благодать жизни вечной, и живет во веки, и животворит народ Божий.

Они говорят, что следуют в этом древнему обычаю. Но у древних были только еще первые начатки ересей и расколов, к которым уклонялись отступавшие от Церкви и получившие прежде здесь крещение; их-то и не было надобности крестить, когда они потом возвращались к Церкви и приносили покаяние. Это теперь соблюдаем и мы: если известно, что крестившиеся здесь и от нас перешедшие к еретикам, познавши потом свой грех и отвергши заблуждение, возвращаются к истине и на лоно матери, то достаточно в знак раскаяния возложить на них руку, чтобы бывшую уже овцу, отчуждившуюся впоследствии и заблудшую, пастырь снова принял в свою овчарню. Но если кто, приходящий от еретиков, не был прежде крещен в Церкви и приходит как совершенно чужой и непросвещенный, то, чтобы сделать его овцою, его нужно крестить, потому что одна есть вода в Церкви святой, соделающая овец. Итак, как не могут иметь ничего общего ложь и истина, тьма и свет, смерть и бессмертие, антихрист и Христос, то мы во всем должны держаться единства Кафолической Церкви и ни в чем не уступать врагам веры и истины. Не дблжно предписывать на основании обычая там, где следует доказать рассуждением. Ибо и Петр, которого первого избрал Господь и на котором основал свою Церковь, когда впоследствии Павел вступил с ним в спор об обрезании, ничего не присвоил себе нагло и не говорил с высокомерием, что ему, как первоизбранному, должны повиноваться новички и последующие: он не пренебрег Павла, несмотря на то что тот прежде был гонителем Церкви, но принял совет истины и легко согласился на законное рассуждение, отстаиваемое Павлом, представляя нам пример согласия и терпения, чтобы мы не держались упорно своего мнения, но если когда предлагается что-либо полезное и спасительное братьями и товарищами нашими, то считали бы это своим, если только оно истинно и

законно. И Павел, промышляя о том и верно заботясь о согласии и мире, так выразился в своем Послании: *Пророцы же два или три да глаголют, и друзии да разсуждают; аще ли иному открывается седящу, первый да молчит* (1 Кор. 14, 29 — 30). Этим он научал и показывал, что каждому порознь может быть многое открыто к лучшему и никто не должен отстаивать упорно то, что он однажды задумал и чего держится лучшего и полезнейшего, всяк должен охотно принимать это. Ибо мы не побеждаемся, когда нам предлагают лучшее, но вразумляемся, особенно относительно того, что принадлежит к единству Церкви, к истине надежды и веры нашей. И мы, священники Бога, по Его удостоению поставленные начальниками в Его Церкви, должны знать, что отпущение грехов может быть даруемо только в Церкви и что противники Христа нисколько не могут присвоивать себе Его благодати. То же постановил и с общего совета по здравом рассуждении утвердил муж блаженной памяти Агриппин с другими своими соепископами, которые управляли в то время Господнею Церковью в области африканской и нумидийской. Их-то благочестивому, законному и спасительному мнению, согласному с верою и Кафолическою Церковию, и мы последовали. А чтобы ты знал, какое мы написали письмо об этом предмете, посылаем тебе по общей любви список с него для сведения как твоего, так и находящихся там наших соепископов. Желаю тебе, возлюбленнейший брат, всегда здравствовать.

К ЦЕЦИЛИЮ О ТАИНСТВЕ ЧАШИ ГОСПОДНЕЙ (63)

Киприан Цецилию, брату, желает здоровья. Я знаю, возлюбленнейший брат, что из поставленных Богом епископов над церквами Господними во всем мире ббльшая часть хранит правило евангельской истины и Господнего предания, не отступая к человеческим нововведениям от того, чему научил Христос Учитель и что совершил Он Сам. Но поскольку некоторые при освящении чаши Господней и преподавании ее народу по невежеству ли или по простоте не соблюдают того, что совершал и заповедал совершать Виновник сего жертвоприношения и Учитель Господь наш Иисус Христос, то я счел сколь благочестивым, столь и необходимым делом написать тебе об этом с той целью, чтобы открытием света истины обратить к корню и началу предания тех, которые еще доселе пребывают в заблуждении. Не подумай, возлюбленнейший брат, чтобы мы, всегда думая о себе со смирением и уничижением, дерзнули писать это как свое человеческое или как от себя. Когда верный раб Господень повинуется в чем-либо Господу своему, будучи обязан к тому или внушением Божиим, или заповедью, то оправдывает перед всеми то самое, что он действует не по своей воле и не по гордости, а единственно из опасения оскорбить Господа неисполнением Его повеления. А мы, пусть будет тебе известно, приняли заповедь сохранять

предание Господне в приношении чаши Господней и не иное что совершать, как то, что ради нас совершено первоначально самим Господом, т. е. чашу в Его воспоминание приносить не иначе, как растворяя вином. Христос говорит: *Аз есмь лоза истинная* (Ин. 15, 1). Значит, Кровь Христова есть не вода, а вино, и нельзя потому думать, что Кровь Господня, которою мы искуплены и оживотворены, находится в чаше Господней тогда, когда в ней недостает вина, потому что одно вино представляет Кровь Христову, как это можно видеть из прообразов и свидетельств всех Писаний. Так, первый прообраз сего таинства мы находим в Книге Бытия в лице Ноя, в котором будущее страдание Господне предызображено тем, что он *испи от вина, и упися, и обнажися в доме своем,* что средний сын его, видя наготу отца своего, *изшед вон поведа,* и другие два — старший и меньший — покрыли наготу его (Быт. 9, 21—23). Предызображали это и многие другие обстоятельства жизни Ноя, но мы считаем излишним исчислять их, находя достаточным указать на важнейшее из них, именно на то, что Ной, представляя собою прообраз будущей истины, пил не воду, а вино и этим предызобразил страдание Господне. Подобным же образом и в священнике Мелхиседеке предызображено было таинство жертвоприношения Господня, как свидетельствуют об этом следующие слова Божественного Писания: *и Мелхиседек, царь Салимский, изнесе хлебы и вино, бяше же священник Бога Вышняго. И благослови Аврама* (Быт. 14, 18 — 19). А что Мелхиседек бы прообразом Христа, это видно из псалмов, где Дух Святой говорит от лица Отца к Сыну: *Прежде денницы родих тя, — ты иерей во век по чину Мелхиседекову* (Пс. 109, 3 — 4). Этот-то чин и есть чин, выразившийся в жертвоприношении, и он ведет свое начало от того, что Мелхиседек был священником Бога Вышнего, что принес хлеб и вино и благословил Авраама. Ибо кто по преимуществу есть священник Бога Вышнего, как не Господь наш Иисус Христос, Который принес жертву Богу Отцу, и жертву такую же, какую принес Мелхиседек, — хлеб и вино, т. е. Свое Тело и Кровь? А само благословение, данное Аврааму, предызобразительно относилось к нашему народу. Если Авраам *верова Богу и вменися ему в правду* (Быт. 15, 6), то, значит, всякий, кто верует в Бога и живет по вере, был оправдан и благословен еще прежде в лице верного Авраама, что подтверждает и блаженный апостол Павел. *Авраам верова Богу,* — говорит, — *и вменися ему правду. Разумейте убо, яко сущи от веры, сии суть сынове Авраамли. Предувидевши же Писание яко от веры оправдает языки Бог, прежде благовествова Аврааму, яко благословятся о тебе вси языки. Темже сущии от веры благословятся с верным Авраамом* (Гал. 3, 6 — 9). Потому-то и в Евангелии читается, что *от камней воздвигаются,* из язычников собираются *чада Аврааму* (Мф. 3, 9). И, восхваляя Закхея, Господь сказал: *Днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть* (Лк. 19, 9). По той же причине и для

того, чтобы надлежащим образом могло совершиться благословение, преподанное священником Мелхиседеком Аврааму, как говорится в Книге Бытия, благословению предшествует прообраз жертвы Христовой, состоящий в хлебе и вине. Этот-то прообраз исполняя, Господь принес хлеб и чашу с вином, исполнил истину, предначертанную ъ>образе, будучи сам полнотою истины. Также через Соломона Дух Святой предначертал образ жертвоприношения Господня, указав не только на закланную жертву, на хлеб и вино, но и на жертвенник и апостолов. *Премудрость,* — говорит, —*созда себе дом и утверди столпов седмь: закла своя жертвенная и раствори в чаши своей вино, и уготова свою трапезу. Посла своя рабы, созывающи с высоким проповеданием на чашу, глаголющи: иже есть безумен, да уклонится ко мне; и требующим ума рече: приидите, ядите мой хлеб и пийте вино, еже растворих вам* (Притч. 9, 1 —5). Говорится о вине растворенном, т. е. пророчески предвозвещается о чаше Господней, растворенной водою и вином, с намерением показать, что в страдании Господнем совершилось то, что предварительно было предсказано. То же самое предызображено и в благословении Иуды; здесь образ Христа представляется в том, что братья его похвалят Его и поклонятся Ему, что руки Его, которыми Он понесет крест и сотрет смерть, поразят плещи врагов, им побежденных и обращенных в бегство, что Он, лев из колена Иудина, возлег, спит в страдании, но возбудится Он, чаяние языков (Быт. 49, 8—10). К этому Божественное Писание присовокупляет еще следующие слова: *Исперет вином жажду свою и кровию гроздия одеяние свое* (Быт. 49, 11). Что же другое здесь означает кровь гроздия, как не вино чаши Господней Крови? То же самое свидетельствует Дух Святой и у Исаии касательно страдания Господня, когда говорит: *Почто червлены ризы твоя и одежды твоя яко от истоптания точила, полнаго и утоптанного ногами* (Ис. 63, 2 — 3). А могут ли сделаться одежды красны от воды и кто топчет ногами в точиле и выжимает воду? Значит, здесь говорится о вине с той целью, чтобы обозначить им Кровь Господню и чтобы предсказать через пророков то, что после имело открыться в чаше Господней; а точильное выжимание и топтание показывают, что, как мы не имели бы возможности пить вина, если бы предварительно виноградная кисть не была истоптана и выжата, так точно не могли бы мы пить и Крови Христовой, если бы Христос не был прежде истоптан и выжат, если бы сам прежде не пил чаши, которую имел преподавать верующим.

Вода, сколько раз ни упоминается о ней одной в Священном Писании, всегда предызображает крещение, как, например, у Исаии: Не поминайте первых, и ветхих не помышляйте: *Се Аз творю новая, яже ныне возсияют, и увесте я; и сотворю в пустыни путь и в безводней реки — напоити род мой избранный, люди моя, яже снабдех, добродетели моя поведати* (Ис. 43, 18 — 21). Здесь через пророка предвозвещает Бог, что у язычников в тех местах, которые

были прежде безводны, после потекут реки и напоят избранный народ Божий, т. е. тех, которые через возрождение крещения сделаются чадами Божиими. Опять он предсказывает еще, что Иудеи, если возжаждут и будут искать Христа, то они будут напоены у нас, т. е. у нас получат благодать крещения. *Аще возжаждут,* — говорит, — *пустынею проведешь их и воду из камене изведешь им, разсядется камень и потечет вода и испиют людие мои* (Ис. 48, 21). Все это исполнилось, по Евангелию, в то время, когда Христос, который есть камень, был прободен копьем во время страдания и который, указывая на то, что было предсказано пророком, *зваше, глаголя: Аще кто жаждет, да приидет ко мне и пиет. Веруяй в Мя, якоже рече писание, реки от чрева его истекут живы* (Ин. 7, 37 — 38). А чтобы яснее было видно, что Господь говорит здесь не о чаше, а о крещении, Писание присовокупляет: *Сие же рече о Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его* (Ин. 7, 39). Дух же Святой принимается через крещение, а к питью чаши Господней приступают те, которые уже крестились и сподобились его принять. Что Божественное Писание, говоря о крещении, представляет нас жаждущими и пиющими, это никого не должно приводить в недоумение; так как и Господь говорит в Евангелии: *Блажени алчущии и жаждущии правды* (Мф. 5, 6), потому, конечно, что полнее и обильнее почерпается то, к чему у нас больше алкания и жажды. И в другом месте Господь говорит жене-самарянке так: *Всяк, пияй от воды сея, вжаждется паки: а иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки* (Ин. 4, 13—14), чем обозначает то свойство спасительного крещения, по которому оно однажды принимается и больше не повторяется, между тем как чаша Господня в церкви составляет всегдашний предмет жажды и пития.

Впрочем, нет надобности, возлюбленнейший брат, распространяться в доказательствах того, что именем воды всегда в Писании означается крещение и что так надобно понимать это тем более, что Господь, пришедши в мир, преподал нам истинное учение о крещении и Чаше, с одной стороны заповедавши преподавать верующим в крещении сию воду веры, воду жизни вечной, а с другой стороны примером своим научивши нас чашу растворять вином вместе с водою. В навечерие дня своего страдания, взявши чашу, Он благословил ее и дал ученикам своим, говоря: *Пийте от нея еси: сия бо есть кровь моя, нового завета, яже за многия изливаемая во оставление грехов. Глаголю же вам, яко не имам пити отныне от сего плода лозного до дне того, егда е пию с вами ново во Царствии Отца Моего* (Мф. 26, 27 — 29). Тут мы видим, что чаша, которую Господь приносил, была растворена и то, что назвал Он своею кровию, было вино. Отсюда очевидно и то, что кровь Христова не приносится в чаше, когда недостает в ней вина, и что жертвоприношение Господне не получает законного освящения, когда наше приношение и жертва не соответствуют страданию Господню. Да и как мы

сподобимся пить со Христом вино новое от плода лозного в Царствии Его Отца, когда в жертве Богу Отцу и Христу не приносим вина и чаши Господней не растворяем вином по Преданию Господню. Блаженный апостол Павел, посланник Господень, избранный в благовестие истины евангельской, в послании своем так изображает это таинство. *Господь Иисус,* — говорит, — *в нощь, в нюже предан бываше, приемь хлеб, и благодарив преломи, и рече: приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое: сие творите в Мое воспоминание. Такожде и чашу по вечери, глаголя: сия чаша новый завет есть в Моей Крови: сие творите, елижды аще пиете, в Мое воспоминание. Елижды бо аще ясте хлеб сей и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет* (1 Кор. 11, 23 — 26). Если же Господь заповедует и апостол Его подтверждает и передает, чтобы мы всякий раз, когда пьем в воспоминание Господне, делали то, что делал сам Господь, то ясно, что заповедь сия будет соблюдена только в том случае, если мы будем делать то же, что делал Господь, и если, растворяя чашу Господню, не будем отступать от Божественного наставления. А что нимало не дблжно отступать от заповеданного в Евангелии и что ученики в точности должны сохранять и делать то, чему учил и что делал учитель, этому блаженный апостол учит в другом месте строже и сильнее. *Чуждуся,* — говорит, — *яко тако скоро прелагаетеся от зовавшаго вы благодатию Христовою во ино благовествование: еже несть ино, точию нецыи суть смущающии вы и хотящии превратити благовествование Христово. Но и аще мы, или ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1, 6 — 8). Итак, если ни сам апостол, ни ангел с небес не могут благовестить иначе и учить паче того, чему научал Христос и что благовестили апостолы Его, то я удивляюсь, откуда это в некоторых местах вошло противное евангельскому и апостольскому учению обыкновение приносить в чаше Господней воду, между тем как вода одна не может представлять Крови Христовой. Об этом таинстве и в псалмах не умолчал Дух Святой, сказавши о чаше Господней: *Чаша твоя упоевающи мя, яко державна* (Пс. 22, 5). Чаша, которая упоевает, само собою разумеется, бывает растворена вином, ибо водою никто не может упиться. Чаша же Господня упоевает так, как, по сказанию Книги Бытия, был упоен и Ной, напившись вина. Но, чтобы показать, что опьянение от чаши Господней и крови не таково, каково опьянение от вина обыкновенного, Дух Святой, сказавши в псалме: *Чаша твоя упоевающи,* присовокупляет: *Яко державна,* т. е. чаша Господня так упоевает пиющих от нее, что делает их еще трезвее, направляя умы их к духовной мудрости и вместо предметов земных устремляя мысль к одному Богу. И, как после вина обыкновенного ум делается более свободным, душа более восторженною, забывая все прошедшие скорби, так точно после пития крови Господней из спасительной чаши изглаждается память человека, забы-

вается его прошедшая жизнь и место тяжкого и скорбного чувства греховности, гнетущего сердце, заступает чувство радостное о милосердии Божием; но такой радости может сподобиться пьющий в Церкви Господней только тогда, когда в питии сохранена истина Господня. И сколь нечестиво, сколь богопротивно делать из вина воду, когда претворение Господом воды в вино на браке должно бы вразумить и наставить нас, что в жертвоприношениях Господних надлежит преимущественно приносить вино! У иудеев недостало вина, потому что недоставало у них благодати духовной, между тем как дом Израилев был *виноградом Господа Саваофа* (Ис. 5, 7). Поэтому Иисус Христос, *желая* показать, что язычники вступают в наследие Его и по заслугам веры начинают занимать место, потерянное иудеями через неверие, претворил тогда воду в вино и тем изобразил, что, тогда как медлили иудеи на брак Христа с Церковью, народ языческий со всех сторон стекался туда и собирался. А что воды означают народ, это подтверждает Божественное Писание в Апокалипсисе, где говорится: *Воды, яже еси видел, идеже любодейца сидит, людие и народи суть, и племена и языцы* (Откр. 17, 15). Это самое представляется и в таинстве чаши. Так как Христос, понесший на себе грехи наши, понес всех нас, то ясно, что водою означается народ, а вином — Кровь Христова. Смешение в чаше воды с вином показывает союз народа со Христом, верующих с тем, в кого веруют. Вода и вино после смешения в чаше Господней так неразрывно и тесно соединяются между собою, что не могут отделяться одно от другого: так точно ничто не может отделить от Христа Церкви, т. е. народа, составляющего Церковь, твердо и непоколебимо пребывающего в вере и связанного всегдашнею нераздельною любовью. Поэтому-то при освящении чаши Господней нельзя приносить ни одной воды, ни одного вина. Если бы приносимо одно вино, то Кровь Господня осталась бы без нас, а если бы приносима была одна вода, то народ оставался бы без Христа. И потому таинство духовное и небесное совершается только тогда, когда то и другое смешиваются и неразрывно соединяются одно с другим. Таким образом, чашу Господню не составляет ни одна вода, ни одно вино, но то и другое вместе, равно как и телом Господним не может быть ни одна мука, ни одна вода, но то и другое, соединенные в составе одного хлеба. И здесь таинственно изображается единение народа. Ибо, как многие зерна, вместе собранные, смолотые и замешенные, образуют один хлеб, так точно образуют одно и то же тело многие верующие, соединяясь во Христе, сем Небесном хлебе.

Итак, возлюбленнейший брат, ни в каком случае не дблжно следовать обычаю некоторых — приносить воду в чаше Господней, хотя бы прежде нас и были люди, считавшие это законным. Их надобно спросить: кому они следовали? Ибо если в жертвоприношении, которое совершил Христос, дблжно подражать Христу, то, значит, дблжно без всякого прекословия совершать то, что совершил Хрис-

тос и что совершать заповедал, тем более что сам же он в Евангелии говорит: *Аще творите, елика заповедал вам, не ктому глаголю вас рабы, но друзи* (Ин. 15, 14 — 15), а Отец свидетельствовал с небес, что дблжно слушать одного Христа, говоря: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о нем же благоволих, Того послушайте* (Мф. 17, 5). Если же дблжно слушать одного только Христа, то нам надлежит обращать внимание не на то, что вздумалось кому-либо делать прежде нас, а на то,что совершил Христос, сущий прежде всех; дблжно следовать не обычаю человеческому, а истине Божией, во внимание к сказанному Богом через пророка Исайю: *Всуе же почитают мя, у чаще заповедем человеческим и учениям* (Ис. 29, 13). Это же повторяет Господь и в Евангелии, говоря: *Преступаете заповедь Божию за предание ваше* (Мф. 15, 3); а в другом месте Он же говорит: *Иже аще разорит едину заповедей сих малых и научит тако человеки, мний наречется в царствии небеснем* (Мф. 5, 19). Если не позволительно нарушать ни одной малой из заповедей Господних, то насколько преступнее нарушать или изменять по преданиям человеческим, вопреки Божественному установлению, столь великую, столь важную Божественную заповедь, которая так близко касается самого таинства страдания Господня и нашего искупления. Если Господь и Бог наш Иисус Христос есть сам верховный священник Бога Отца, если Он первый принес Самого Себя в жертву Отцу и заповедал сие творить в его воспоминание, то очевидно, что только тот священник есть истинный преемник Христов в служении, который подражает в священодействии Христу, и только тогда он приносит полную и совершенную жертву Богу Отцу в Церкви, когда приносит ее так, как приносил Сам Христос.

Напротив, совершенно извращается весь устав веры и истины, если строго не соблюдается то, что повелено относительно духовных действий. Разве кто боится, чтобы по причине вкушения им вина при утренней жертве от него не было запаха Крови Христовой? Вот оттого-то, что братство приучается стыдиться жертвенной крови Христовой, оно начинает уклоняться от страдания за Христа во время гонений. Между тем и Господь в Евангелии говорит: *Иже аще постыдится Мене, и Сын человеческий постыдится его* (Мр. 8, 38), и апостол тоже проповедует и говорит: *Аще бы бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1, 10). Да и каким образом мы хотим пролить кровь за Христа, когда стыдимся пить Кровь Христову? Может быть, кто-либо обольщает себя той мыслью, что хотя утром и приносится одна вода, однако во время вечерней трапезы мы приносим чашу растворенную. Но во время вечери мы не можем созывать нашего народа, чтобы совершить священнодействие таинства в присутствии всего братства. Правда, Господь не утром, а после вечери принес чашу, растворенную вином. Так неужели и нам совершать таинство Господне после вечери и предлагать растворенную чащу тем, которые должны быть при священнодействии? Христу надлежало принести жертву в конце дня для того, чтобы самым временем жертвы изобразить запад и вечер мира, как написано в книге Исхода: *И заколют то все множество сынов израилевых к вечеру* (Исх. 12, 6) — ив псалмах: *Воздеяние руку моею, жертва вечерняя* (Пс. 140, 2). А мы торжествуем Воскресение Господне утром. Но так как при всякой жертве мы вспоминаем страдание Господа (ибо жертва, приносимая нами, есть Его страдание), то мы и не должны делать ничего другого, кроме того, что Он делал. Писание говорит: *Елижды бо аще хлеб сей ясте и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет* (1 Кор. 11, 26). Следовательно, всякий раз, как приносим чашу в воспоминание Господа и Его страданий, мы должны делать то, что, как нам известно, делал Господь.

Смотри же, возлюбленнейший брат, если кто из предшественников наших по невежеству или по простоте не соблюдал и не держался того, что сохранять заповедал нам Господь и Своим примером, и Своим учением, то Господь по своему милосердию мог простить его неведение. Но это не может быть прощено нам, которые ныне получили вразумление и увещание от Господа приносить чашу, растворяя вином, как и Господь приносил, и писать о том же к товарищам нашим, чтобы везде были соблюдаемы заповедь евангельская и Предание Господне и чтобы не было отступления от того, чему научил Господь и словом и делом. Пренебрегать этим и теперь и оставаться в прежнем заблуждении — не значит ли делать себя повинным тем упрекам, которые Господь изрекает в псалме: *Векую поведавши оправдания Моя и восприемши завет Мой усты твоими; ты же возненавидел еси наказание и отвергл еси словеса Моя вспять, аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси* (Пс. 49, 16—18). В самом деле, поведать оправдания и завет Господа и не делать того, что делал Господь, — не значит ли это отвергать словеса Его и возненавидеть наказание Господне? Не значит ли похищать у евангельской истины слова и действия нашего Господа, портить и насиловать Божественные заповеди и таким образом совершать если не плотские, то духовные татьбы и прелюбодейства, как говорит об этом Иеремия: *Что плевы к пшенице?., сего ради се Аз ко пророкам, рече Господь, иже крадут словеса Моя кийждо от искренняго своего и прельстиша люди Моя во лжах своих и в прелестех своих* (Иер. 23, 28, 30, 32). И в другом месте у того же пророка читаем: *И соблудила есть с каменем и со древом. И во всех сих не обрати ко мне* (Иер. 3, 9 — 10). Чтобы и на нас не пала вина в таковой татьбе и прелюбодействе, мы должны приступать осторожно, со страхом и благочестием, ибо если мы священники Божии и Христовы, то я не нахожу, кому нам преимущественно и последовать, как не Богу и Христу, тем более что Он сам в Евангелии говорит: *Аз есмь свет миру: ходяй по мне, не имать ходити во тьме, но имать свет животный* (Ин. 8, 12). Следовательно,

чтобы не ходить во тьме, мы должны идти за Христом и сохранять Его заповеди, потому что и Сам Он, посылая учеников на проповедь, сказал в другом месте: *Дадеся ми всяка власть на небеси и на земли. Шедгие убо, научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 18—20). Поэтому если мы хотим ходить во свете Христовом, то да не отступаем от заповедей Его и наставлений, благодаря Его за научение нас тому, что мы должны делать в будущем, и за прощение прежнего нашего заблуждения, допущенного нашим неведением. По своей благости и любви Он более и более просвещает сердца наши светом истины за приближением к нам второго пришествия Его. Итак, возлюбленнейший брат, с благочестием, со страхом Божиим, с нашим званием и долгом пастырства согласно соблюдать Предание Господне в растворении и приношении чаши Господней и по наставлению Господню исправить допущенные доселе некоторыми ошибки, дабы, когда приидет Господь в славе и величии небесном, Он нашел нас содержащими то, что внушал нам, соблюдающими то, чему научил, и совершающими то, что Он Сам совершал. Желаю тебе, возлюбленнейший брат, всегда здравствовать.

К НЕМЕЗИАНУ И ДРУГИМ СОСЛАННЫМ НА РУДОКОПНИ (64)

Киприан Немезиану, Феликсу, Луцию, другому Феликсу, Литтею, Помиану, Виктору, Ядеру и Дитиву, соепископам, также сопресвитерам и диаконам и прочим братьям, находящимся в рудокопнях, мученикам Бога Отца всемогущего и Иисуса Христа, Господа и Бога, хранителя нашего, желает вечного спасения.

Слава ваша, блаженнейшие и возлюбленнейшие братья, налагала на меня долг лично видеть и обнять вас; но меня, сосланного за исповедание имени, удержали от этого пределы назначенного мне места, и потому являюсь к вам как могу и, когда мне нельзя прийти к вам телом и стопами, прихожу к вам любовью и духом, открывая в письме свое сердце и восхищаясь доблестями и похвалами вашими, в которых считаю себя соучастником если не по страданию тела, то по участию любви. И могу ли я молчать, могу ли не говорить, слыша о возлюбленнейших моих так много славного, чем Господь удостоил почтить вас? Уже некоторые из вас упредили других совершением своего мученичества и имеют принять награду от Господа по своим заслугам, а некоторые еще томятся в заключении темничном, в рудокопнях и в узах и, представляя самой медленностью казней разительнейшие примеры для укрепления и вооружения братьев, медленностью страданий приобретают полнейшее право на заслуги, по которым надеются получить из небесных наград столько воздаяний, сколько теперь числится дней в истязаниях. Не удивляюсь, мужественнейшие и блаженнейшие братья, что Господь почтил

вас возведением на самую вершину почестей славы Своей, — вас, **которые** всегда отличались в Его Церкви строгим соблюдением веры, **которые** ненарушимо храните повеления Господни, — в простоте невинность, в любви согласие, скромность в смирении, прилежание в управлении, неусыпность в помощи немощным, милосердие в призрении нищих, постоянство в защищении истины, осмотрительность в строгости благочиния. Желая быть во всем примером добрых дел, вы и теперь исповеданием имени и страданием тела возбуждаете умы братьев к божественному мученичеству, становясь сами вождями в доблести, с тем чтобы стадо, следуя за своими пастырями и подражая действиям предстоятелей, своим повиновением также заслужило быть увенчанным от Господа.

Нисколько не должно быть омерзительным для нас то, что вы, прежде избитые палками и изнуренные, освятили благочестивые начатки своего исповедничества такими наказаниями. Не боится палок тело христианина, которого вся надежда в Древе. Раб Христов познал тайну своего спасения: искупленный Древом для вечной жизни, он Древом приведен и к венцу. И что удивительного, если вы — золотые и серебряные сосуды — ввергнуты в рудокопни, т. е. в хранилище золота и серебра, — разве только то, что теперь изменилось естество металлов и места, которые прежде обыкновенно давали золото и серебро, сами начали принимать их? На ваши ноги наложили путы; досточтимые члены и храмы Божии оковали поносными цепями, как будто с телом можно оковать и Дух или осквернить ваше золото прикосновением к железу! Для людей, преданных Богу и свидетельствующих свою веру благочестивой доблестью, это украшения, а не узы: они не бесчестят скованных ног, но очищают для венца. О ноги, столь удачно скованные, которые раскует не кузнец, а Господь! О ноги, удачно скованные, которые спасительным путем направляются в рай! О ноги, связанные теперь в мире сем, чтобы навсегда быть свободными у Господа! О ноги, замедляемые в шествии путями и перекладинами, но которые славным путем быстро побегут ко Христу! Пусть завистливая и коварная жестокость удерживает вас, сколько хочет, своими цепями и узами — вы скоро от этой земли и от этих казней перейдете в Царство Небесное. Тела не нежат в рудокопнях постель и перина, но подкрепляет Христос своей прохладой и утешением. Утробы, изнуренные трудами, лежат на земле, но лежать со Христом — не наказание. Обезображенные положением и грязью члены остаются нечистыми без бани, но духовно омывается внутри то, что вне осквернено телесно. Мало там хлеба, но человек живет не одним хлебом, а и Словом Божиим. Одежда не предохраняет достаточно от стужи; но, кто облекся во Христа, тот роскошно одет и убран. Дыбом стоит волос на полу остриженной голове, но так как глава мужу — Христос, то, какова бы голова ни была, она прилична, потому что славна именем Господа. И каким блеском вознаградится все это безобразие, столь ненавист-

ное и страшное для язычников? Какой светлой наградой вечной чести заменится все это мирское и кратковременное истязание, когда Господь, по слову апостола, *преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его* (Фил. 3, 21)?

Не может также, возлюбленнейшие братья, нисколько составить потери для благочестия или веры и то, что там теперь не позволено священниками Божиим совершать божественные жертвоприношения. И без того вы приносите жертву Богу сколько драгоценную, столько же и славную, которая много послужит к воздаянию вам наград небесных так, как Божественное Писание говорит: *Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Такую жертву вы приносите Богу: соделавшись жертвами для Бога, вы беспрестанно совершаете эту жертву и днем и ночью, представляя самих себя святыми и непорочными жертвами, согласно наставлению апостола, который говорит: *Молю убо вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови; и не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая и угодная и совершенная* (Рим. 12, 1—2). Вот что в особенности угодно Богу, вот что придает делам нашим большие заслуги на снискание благоволения Божия, вот только чем мы свидетельствуем Господу должную покорность нашей веры и преданности за Его великие и спасительные благодеяния, как в псалмах возвещает и свидетельствует Дух Святой: *Что воздам Господеви о всех яже воздаде ми? Чашу спасения приму и имя Господне призову. Честна пред Господем смерть преподобных Его* (Пс. 115, 3—4, 6). И кто же с охотою и немедля не приимет чаши спасения? Кто с радостью и весельем не возжелает того, чем и сам мог бы сколько-нибудь воздать своему Господу? Кто с мужеством и твердостью не встретит смерти, *честной пред Господем,* чтобы угодить пред очами Того, Кто, свыше взирая на нас, подвизающих за имя Его, охотников одобряет, сражающимся помогает, побеждающих венчает, награждая в нас по своей благости и любви отеческой то, что Сам соделал, и отличая в нас то, что Сам совершил? Ибо от него наша победа, через Него, низложив врага в великой брани, мы достигаем к почестям победным, как это Господь объясняет нам и внушает в Своем Евангелии, говоря: *Егдаже предают вы, не пецытеся, како или что возглаголете: дастбося вам в той час, что возглаголете, не вы буде глаголющии, но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Мф. 10, 19—20). И опять: *Положите на сердцах ваших, не прежде поучатися отвещавати: Аз бо дам вам уста и премудрость, ейже не возмогут противитися еси противляющиися вам* (Лк. 21, 14—15). В этом-то великое упование верующих, в этом тягчайшая вина вероломных, которые и не верят Тому, Кто уповающим на Него обещал Свою помощь, и не боятся Того, Кто отвергающим Его угрожает вечной казнью. А вы, мужественнейшие и вернейшие воины Христовы, все это внушали братьям нашим, исполняя самим делом то, чему прежде учили словом; и потому вы будете велики в Царствии Небесном, по обещанию Господа, сказавшего: *Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5, 19). Наконец, вашему примеру последовала значительная часть народа: соединенная с вами узами крепчайшей любви и не быв отделена от своих предстоятелей ни темницею, ни рудокопнями, она, как и вы, принесла исповедание и также увенчалась. В том числе есть и девы, у которых к шестидесятному прибавился стократный плод и которых сугубая слава привела к венцу небесному; есть и отроки, в которых обнаружилась доблесть выше возраста, превосходящая их лета похвалою исповедания — так, что блаженное стадо вашего мученичества украшается всяким полом и возрастом.

О, какая теперь у вас, возлюбленнейшие братья, сила победоносной совести! Какая возвышенность в духе, восторг в чувстве, торжество в сердце! Каждый из вас стоит в ожидании обещанной Богом награды, покоен относительно судного, каждый ходит в рудокопнях — невольник телом, но царь духом, — зная, что ему присущ Христос, радующийся терпению своих рабов, которые по следам и путям Его шествуют к вечному Царству. Ежедневно вы ожидаете с радостью наступления спасительного для вас дня и, готовые скоро перейти от века сего, спешите к дарам, предназначенным для мучеников, и в божественной обители в чаянии после тьмы мира сего увидеть яснейший свет и получить славу, которая превосходит все страдания и тяготы, как свидетельствует апостол, говоря: *Недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18). И потому, так как теперь и слово ваше в молитвах действительнее, и просимое в скорбях вам легче испросить, просите усердно и молитесь, чтобы Господь удостоил привести в совершение исповедание всех нас, чтобы Бог и нас вместе с вами освободил от этой тьмы и сетей мира непорочными и славными, да возрадуемся вместе в Царствии Небесном и мы, которые, быв соединены здесь узами любви и мира, вместе стояли против наветов еретических и против озлоблений язычников. Желаю вам, блаженнейшие и возлюбленнейшие братья, здравствовать о Господе и нас всегда и везде помнить.

К СУКЦЕССУ О ВОЗВРАЩЕНИИ ПОСЛОВ ИЗ РИМА С ИЗВЕСТИЕМ О ГОНЕНИИ (65)

Киприан брату Сукцессу желает здоровья.

Писать к вам почаще, возлюбленнейший брат, препятствовало мне то, что все клирики, угрожаемые гонением и по своему благочестию готовые к божественной и небесной славе, отходить отсюда не могли. Впрочем, да будет вам известно, что те из них возвратились, которых я посылал в Рим для точного дознания и извещения нас о

том, нет ли какого рапоряжения о нас. Ибо здесь ходит много разных и переменных слухов, но вернейшие из них следующие: Валериан предписал сенату, чтобы епископов, пресвитеров и диаконов немедля забирать под стражу; у сенаторов же, почетных людей и всадников римских, сверх лишения достоинств отбирать еще имущества и, если они и после сего остаются непоколебимы в христианстве, отсекать им головы; благородных женщин по лишении имуществ ссылать, ссылку; у придворных же, которые или прежде исповедали, или теперь исповедают Христа, описывать имущество и по исключению ссылать их в оковах в Кесаревы имения. Император Валериан к указу своему приложил еще список предписания, посланного к правителям провинций, относительно нас. Этого предписания мы ожидаем со дня на день, с твердою верою готовясь к подъятию страданий и уповая при помощи Господа и по милосердию Его получить венец жизни вечной. Извещаю вас, что Ксист с четырьмя диаконами взят на кладбище в восьмой день августа. Начальники римские каждый день настоятельно требуют гонения, чтобы всех, на кого донесено будет, отдавать под стражу и имения у них отписывать в казну. Прошу вас известить об этом прочих товарищей наших, чтобы при их увещании братство наше везде укреплялось к духовной брани, чтобы все наши помышляли не о смерти, а о бессмертии и, с полною верою и всею силою предаваясь Господу, более радовались, чем страшились предстоящего исповедания: им известно, что оно воинов Божиих и Христовых не погубляет, а венчает. Желаю тебе, возлюбленнейший брат, всегда здравствовать о Господе.

К КЛИРУ И НАРОДУ О СВОЕМ ВРЕМЕННОМ УДАЛЕНИИ ПЕРЕД СТРАДАНИЕМ (66)

Киприан пресвитерам, диаконам и всему народу желает здоровья. Когда пришло к нам известие, дражайшие братья, что посланы бумаги об удалении меня в Утику и на совещании с любезнейшими решено было, чтобы я на время скрылся через сады мои, то я согласился на это по гой справедливой причине, что епископу прилично исповедать Господа там, где он первостоятельствует в Церкви, и что предстоятель, лично присутствуя, заявляет исповедание за весь народ. Ибо то, что епископ-исповедник, вдохновенный от Бога, говорит при вопросе о вере, говорит устами всех. И честь нашей столь славной Церкви пострадала бы, если бы я, епископ, предстоящий другой Церкви, в Утике выслушал приговор за мое исповедание и оттуда мучеником отошел ко Господу, тогда как я непрестанно молюсь и от всего сердца желаю и должен желать того, чтобы мне за себя и за вас исповедать у вас и отсюда отойти к Господу. Итак, здесь, в скрытном месте, мы ожидаем возвращения в Карфаген проконсула, имея в виду от него услышать, что постановили императоры относительно христиан, как мирян, так и епископов, и высказаться по времени так, как внушит Господь. Вы же, братья возлюбленнейшие, следуя благочинию, заповеданному Господом, которое от меня вам преподано и которому от частого собеседования моего вы навыкли, соблюдайте спокойствие и истину: никто из вас да не производит тревоги между братьями и никто да не выдает себя добровольно перед язычниками, ибо тот только, кто задержан и отдан под стражу, должен вести речь, так как в это время говорит в нас Господь, которому угодно, чтобы мы исповедали Его, но не выставлялись со своим исповеданием. Об остальном, как нам вести себя, мы сделаем еще до произнесения над нами проконсулом приговора за исповедание имени Божия общее распоряжение для всех, как внушит нам Господь. Да даст Он вам, возлюбленнейшие братья, по удостоению Своему пребывать невредимыми в Церкви Своей и да сохранит вас! Да будет так по милосердию Его!

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МЕФОДИЙ ОЛИМПИЙСКИЙ

ЖИЗНЬ

О жизни св. Мефодия известно очень мало, так как он не упомянут в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского. Сократ (Церк. ист., 6, 13) называет Мефодия епископом Олимпа Ликийского. Согласно другим источникам, он был епископом г. Патары в Ликии (Схолии Леонтия Византийского, 29, 3, 1). Бл. Иероним указывает, что св. Мефодий был сначала епископом Олимпа, а затем епископом Тира (О знам. мужах, 83).

Писатель V в. Иоанн Антиохийский (Письмо к Проклу Константинопольскому), а также славянские и некоторые греческие рукописные источники называют местом епископства св. Мефодия г. Филиппы в Македонии. Современные исследователи выдвигают и другие гипотезы — например, о том, что св. Мефодий был епископом г. Филиппы, но долгое время жил в Олимпе, почему его и считали впоследствии епископом Олимпийским *(Diecamp F.* Uber die Bischofssitz...). Святой Мефодий скончался мученически в 311 г. в г. Халкида на о. Эвбея. В святцы он занесен с титулом епископа Патарского.

Историк Сократ говорит о Мефодии как о первом противнике Оригена в III в. Отрицательный отзыв Сократа о св. Мефодии объясняется симпатией этого историка к Оригену и антипатией к его идейным противникам: «Люди слабые и неспособные высказаться собственными делами хотят обратить на себя внимание порицанием тех, которые лучше их, — пишет Сократ. — Такую слабость имел епископ ликийского города Олимпа Мефодий, потом недолго управлявший Антиохийской Церковью Евстафий, после него — Аполлинарий [Лаодикийский] и, наконец, Феофил [Александрийский]. Эта-то четверица хулителей, идя одним путем, поносила Оригена. Все они представляли различные причины к его обвинению и тем ясно показали, что... чего не осуждал один, то принимал за несомненную истину другой и самим молчанием одобрял учение, отвергаемое прочими. А Мефодий, многократно нападавший на Оригена, впоследствии даже запел противную этому песню и в своем разговоре под названием «Ксенон» начал восхищаться этим мужем» (Церк. ист., 6, 13). *

Насколько достоверны утверждения Сократа? Что св. Мефодий

опровергал отдельные мнения Оригена, это очевидно из его сохранившихся трактатов. Полный текст диалога «Ксенон» до нас не дошел, однако тот фрагмент из него, который сохранился, направлен также против Оригена. Поэтому в утверждении историка об изменении позиции св. Мефодия относительно Оригена приходится сомневаться. К тому же, по свидетельству Евсевия Кесарийского, сохраненному бл. Иеронимом (Против Руфина, 1, 11), Мефодий, наоборот, как раз вначале был сторонником Оригена (влияние которого заметно в «Пире десяти дев») и лишь впоследствии стал критиковать его. Разумеется, Сократ несправедливо включил св. Мефодия в число «людей слабых и неспособных высказаться собственными делами». Святой Мефодий был блестящим церковным писателем, эрудированным человеком; он хорошо знал античную литературу и философию.

Среди богословов III в. св. Мефодий занимает одно из почетных мест. Его произведения были известны многим христианским писателям последующего периода: на них ссылаются свв. Евстафий Антиохийский, Епифаний Кипрский, бл. Феодорит, Леонтий Византийский, Анастасий Синаит, преп. Иоанн Дамаскин и многие другие. Часть сочинений св. Мефодия утрачена. Наиболее полный корпус его творений содержит славянская версия, датируемая предположительно X в.

ТВОРЕНИЯ

Аскетические и догматико-полемические

Единственным сохранившимся полностью из сочинений св. Мефодия является «Пир десяти дев». Трактат представляет собой развернутую апологию девства как одной из высших христианских добродетелей. В произведении, сюжет которого навеян «Пиром» Платона, десять дев по очереди высказывают свои мнения относительно девства, после чего одна из них, Фекла, воспевает восторженный гимн Жениху-Христу и Церкви-Невесте, а хор дев повторяет рефрен. Девство, по мысли св. Мефодия, является состоянием вышеестественным, «чрезвычайно великим»; это — «таинство», в котором осуществляется идеал жизни в подражание Христу. Трактат относится, вероятно, к ранним годам литературной деятельности св. Мефодия. Трактат оказал большое влияние на развитие христианской аскетической письменности, в особенности в эпоху расцвета монашества (IV —V вв.).

Диалог «О свободной воле» направлен против дуализма валентиниан и других гностиков. Святой Мефодий доказывает, что зло не создано Богом и не является несозданным и вечным; виновницей зла является свободная воля человека. В ходе диалога св. Мефодий опровергает оригеновскую идею бесконечной преемственности ми-

ров. Трактат сохранился в славянской версии (с небольшими пропусками); от греческого оригинала остались фрагменты.

Диалог «Аглаофон, или О воскресении» представляет собой описание беседы, происходившей в доме врача Аглаофона в Патарах. Диалог состоит из трех частей и направлен против учения Оригена о воскресении людей в духовных телах. Святой Мефодий утверждает, что тело воскресшего человека будет подобно его земному телу. Святой Мефодий также опровергает усвоенные Оригеном платоновские учения о теле как «темнице души» и о предсуществовании душ. Из греческого оригинала сохранились фрагменты; почти полностью (лишь с некоторыми сокращениями) диалог сохранился в славянской версии. Святой Епифаний Кипрский включил значительную часть диалога в свой «Панарион» (64, 12 — 62).

Только в славянской версии сохранился трактат «О жизни и разумной деятельности».

Патриарх Фотий (Библиотека, No 235) сделал выписку из сочинения св. Мефодия «О рожденном». Речь в ней идет о некоем Ксеноне, защищающем учение Оригена о совечности материи Богу; автор диалога выступает против Ксенона. Исследователи считают, что этот диалог идентичен упомянутому Сократом диалогу «Ксенон» (Церк. ист., 6, 13).

Бл. Иероним упоминает (О знам. мужах, 83 и др.) книги св. Мефодия «Против Порфирия», трактаты «О чревовещательнице» и «О мучениках». Эти сочинения утрачены. Книги «Против Порфирия» были первым ответом со стороны христианского автора на 15 книг «Против христиан», написанных около 270 г. философом-неоплатоником Порфирием.

Экзегетические

В славянском переводе сохранились три экзегетических трактата св. Мефодия. Первый из них называется «О различении яств и о телице, упоминаемой в книге Левит». В нем св. Мефодий аллегорически изъясняет ветхозаветные предписания относительно различных родов пищи. Второй экзегетический трактат называется «О проказе». Он написан в форме диалога между Еввулием и Систелием и представляет собой аллегорическое толкование 13-й главы книги Левит. Сохранилось также несколько фрагментов из этого трактата на греческом языке. Третий трактат называется «О пиявице, о которой говорится в книге Притчей, и о словах «Небеса поведают славу Божию»» — это изъяснение Притч. 30, 15 и Пс. 18, 2.

С именем св. Мефодия дошли фрагменты «Толкования на книгу Иова». Бл. Иероним (О знам. мужах, 83) в числе творений св. Мефодия упоминает также «Толкование на книгу Бытия» и «Толкование на Песнь Песней» — оба произведения утрачены.

Неподлинные

Святому Мефодию было приписано «Откровение о последних временах», появившееся предположительно в VII в. и пользовавшееся исключительной популярностью в средние века.

С именем св. Мефодия известны проповеди «О Симеоне и Анне», «В Неделю ваий» и «На Вознесение» (последняя известна только в армянской версии). Стилистически они значительно отличаются от сочинений св. Мефодия и написаны в позднейшую эпоху.

БИБЛИОГРАФИЯ

Творения, оригинальный текст

Migne, PG. T. 18, 9—408.
SChr., t. 95: Le banquet (H. Musurillo). Paris, 1963.

Творения, русский перевод

Мефодий, епископ Патарский. Полное собрание его творений // Пер. под ред. Е. Ловягина. — СПб., 1877. — То же: 2-е изд. — СПб., 1905.
Священномученик Мефодий. Диалог св. священномученика Мефодия «О свободе воли»/Русский пер., изложение и предисл. епископа Михаила (Чуб)//Богословские труды. — М., 1964. — Сб. 3. - С. 187-208.
Извлечение из славянского сборника творений св. священномученика Мефодия/Русский пер. и предисл. епископа Михаила (Чуб)//Богословские труды. — М., 1961. — Сб. 2. — С. 143—205.

Литература

Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно — русской литературах: Исследование и тексты. — М., 1897.
Михаил (Чуб), архиепископ. Греческая философия и литература в творениях св. Мефодия//Богословские труды. — М., 1975. — Сб. 14. - С. 134-143.
Михаил (Чуб), архиепископ. К вопросу об источниках богословия св. священномученика Мефодия: Священное Писание в творениях св. Мефодия//Богословские труды. — М., 1975. — Сб. 13. - С. 172-180.
Михаил (Чуб), архиепископ. Предание Церкви в богословии св. Мефодия//Богословские труды. — М., 1975. — Сб. 14. — С. 126-133.
Михаил (Чуб), архиепископ. Святой священномученик Мефодий и его богословие//Богословские труды. — М., 1973. — Сб. 10. - С. 7-58; - М., 1973. - Сб. 11. - С. 5-54.
Модестов С. Св. Мефодий, еп. Патарский// Творения святых Отцов в русском переводе: Прибавления. — М., 1857. — Ч. 16. - С. 158-209.
Олейников Т. Учение св. Мефодия Патарского о девстве//Христианин. - 1912. - № 1. - С. 331-351.
Bonwetsch G. N. Die Theologie des Methodius von Olympus. — Berlin, 1903.
Buchheit V. Studien zu Methodios von Olympos. — Berlin, 1958.

Devresse R. Anciens commentateures grecs de l'Octateuque: Methode d'Olympe//Revue Biblique. — Paris, 1935. — P. 166—191.
Diekamp F. Über den Bischofssitz des hi. Martyrers und Kirchenvaters Methodius//Theologische Quartalschrift. — 1928. — P. 285—308.
Farges J. Les idêes morales et religieuses de M6thode d'Olympe: Contributions à l'étude des rapports du Christianisme et de l'Hell&iisme a la fin du troisi£me stecle. — Paris, 1929.
Fritschel G. Methodius von Olympus und seine Philosophie. — Leipzig, 1879.
Lundberg C. G. Methodius, Bishop of Olympus. — Stockholm, 1901.
Musurillo H. A. M6thode d'Olympe//Dictionnaire de spirituals. — Paris, 1979. — T. 10. — P. 1109—1117.
Patterson L. G. The Creation of the World in Methodius's Symposium // Studia Patristica. — 1966. —9. — P. 240—250.
Quensell K. Die wahre kirchliche Stellung und Tatigkeit des falschlich sogenannten Bischofs Methodius von Olympus. — Heidelberg, 1952.
Ullrich Fr. Enstehung und Entwicklung der Literaturgattung des Symposium. — Bd. 1—2. — Würzburg, 1908—1909.

ПИР ДЕСЯТИ ДЕВ, ИЛИ О ДЕВСТВЕ*

Лица разговаривающие: *Еввул и Григора.*

Лица вводные: *Арета, Агафа, Маркелла, Прокилла, Феофила, Фекла, Фалия, Тисиана, Феопатра, Домнина, Фаллуса.*

ВВЕДЕНИЕ. Цель сочинения. Путь к раю. Изображение и олицетворение добродетели. Агнос — символ девства. Маркелла — старшая и первая между девами Христовыми

Еввул. Очень благовременно пришла ты, Григора; я недавно искал тебя, желая узнать, какие были речи о девстве в обществе Маркеллы и прочих дев, собравшихся тогда на пиршество. Они, говорят, так великолепно и сильно рассуждали между собою, что не опустили ничего необходимо относящегося к этому предмету. Итак, если ты пришла для чего-нибудь другого, то отложи это до другого времени, а теперь не поленись рассказать по порядку все, о чем мы просим тебя.

Григора. Кажется, я обманулась в своей надежде, так как кто-то другой уже наперед рассказал о том, о чем ты спрашиваешь. Я думала, что ты еще ничего не слыхал о происходившем, и очень восхищалась и утешалась тем, что первая расскажу тебе. Потому я и поспешила скорее прийти сюда к вам, опасаясь этого самого, чтобы кто-нибудь другой не опередил меня.

Еввул. Успокойся, блаженная: мы ничего обстоятельно не узнали о происходившем. Говоривший не мог объяснить ничего более, кроме того, что происходили разговоры, а какие и как, он не мог ответить на вопросы.

Григора. Итак, если за этим я пришла сюда, хотите ли вы слышать обо всем сказанном с самого начала, или мне иное опустить, а припомнить только то, что найду достойным воспоминания?

Еввул. Нет, Григора, расскажи нам с самого начала, и о собрании, где оно происходило, и о яствах приготовленных, и о себе самой, как ты во шивала вино, а они

«...Кубки приемля златые,
Чествовали друг друга, на великое небо взирая»[1].

Григора. Ты всегда искусен в беседах и очень любознателен, так что просто всех превосходишь.

Еввул. Не время теперь, Григора, спорить с тобою об этом; о чем просим тебя, о том расскажи нам, как происходило с самого начала и не иначе.

Григора. Постараюсь. Но наперед ты сам ответь мне: знаешь ли ты дочь Философии Арету[2]?

" Пер. под ред. Е. Ловягина.
[1] *Гомер.* Илиада IV, 3—4.
[2] Арета от аретт| — добродетель.

Еввул. Что же?

Григора. В ее сад, находящийся на востоке, мы были приглашены срывать созревшие плоды и отправились, именно я, — мне рассказывала Феопатра, от нее я слышала, — Прокилла и Тисиана; каким, Григора, утесистым, трудным и крутым путем мы проходили! Когда же мы приближались к тому месту, — продолжала Феопатра, — то нас встретила какая-то величественная и благообразная, молча и благопристойно выступавшая женщина, одетая в весьма светлую, как бы из снега, одежду; вся она была поистине некоторой божественной и дивной красотой; стыдливость с великой важностью выражалась на лице ее. Такой взгляд страшный, соединенный с приятной кротостью, — говорила она, — не знаю видала ли я когда-нибудь. Она была совершенно без прикрас и не имела ничего неестественного. Подошедши с великою радостью, она каждую из нас, как мать, увидевшая после долгого отсутствия, обняла и поцеловала и говорила: «Дщери мои, ко мне, сильно желающей ввести вас в сад нетления, с трудом пришли вы, испытав на пути различные опасности от змей; и, наблюдая, видела, как часто вы уклонялись, и боялась, чтобы вы, как-нибудь сбившись с дороги, не погибли в утесах; но благодарение Жениху, Которому я обручила вас, дети мои (2 Кор. 11, 2), Который помог устроиться всему по желаниям [вашим]!» Между тем, как она говорила это, мы, — говорила Феопатра, — достигли ограды, так как двери еще были открыты (Мф. 25, 10), и нашли уже пришедших Феклу, Агафу и Маркеллу, намеревавшихся приступить к ужину. Тогда, — говорила она, — Арета сказала: «Войдите и вы возлечь здесь наряду с этими подругами». Всех же нас, пировавших там, я думаю, — говорила она мне, — было числом десять'.

Сама местность была чрезвычайно красивая и исполненная великой приятности. Благорастворенный воздух, озаренный чистыми лучами света, легко колебался; посредине ключ тихо, подобно елею, источал приятнейшее питье; вытекающая из него прозрачная и чистая вода составляла источники, а эти, разливаясь рекою, напаивали всю местность, доставляя обильную влагу. Были там различные деревья, изобилующие свежими осенними плодами, которые, вися, представляли одну прекрасную картину; также всегда цветущие луга, усеянные благоухающими и разнообразными цветами, от которых ветер нежно разносил приятнейший запах. А вблизи находился агнос[2], высокое дерево, под которым мы расположились, так как оно было весьма широко и тенисто.

Еввул. Ты, блаженная, изображаешь второе райское жилище.

Григора. Ты говоришь правду. Итак, когда мы насладились вся-

[1] Лиц, участвовавших в пире и разговоре, было одиннадцать; но здесь говорится о приглашенных на пир девах без Ареты, в дом которой они были приглашены.
[2] Агнос (букв, агнец) — душистое растение, символ чистоты и целомудрия.

кими яствами и различными сладостями, так что не оставалось никаких приятностей, тогда, — говорила она, — вошла Арета и предложила следующее: «Отроковицы, краса моего радушия, прекрасные девы, возделывающие непорочными руками нетленные сады Христовы; уже довольно было яств и угощения; всего у нас достаточно и с избытком. Чего же еще хотелось бы мне и чего я ожидаю? Того, чтобы каждая из вас сказала похвальную речь девству. Пусть начнет Маркелла, так как она сидит первою, и притом старше других. Когда же она прекрасно исполнит это дело, то я почту за стыд для себя, если не сделаю ее примером подражания, увенчав венком мудрости». Таким образом, помнится мне, — говорила она, — Маркелла тотчас и начала говорить следующее.

РЕЧЬ I. МАРКЕЛЛА

ГЛАВА I. Трудность и превосходство девства. Упражнение в учении необходимо для дев

«Девство есть нечто чрезвычайно великое, дивное и славное, и, если можно сказать откровенно, следуя Священным Писаниям, оно — питомник нетления, цвет и начаток его. Оно только одно есть превосходнейший и прекраснейший подвиг. Поэтому и Господь обещает вход в Царство Небесное тем, которые сами себя сделали девственниками, когда в Евангелии говорит о различии скопчества (Мф. 19, 12), потому что очень редко и трудно для людей девство; и, чем оно выше и величественнее, тем бблыним подвергается опасностям. Нужны крепкие и мужественные природные силы, которые, стремительно воспарив над потоком сладострастия, направляют колесницу души в высоту и не уклоняются от этой цели до тех пор, пока, легко перенесшись через мир быстрейшим полетом мысли и ставши поистине у небесного свода, не узрит прямо самого нетления, исходящего из чистых недр Вседержителя. Земля не в состоянии производить этот нектар; одно небо может источать его. Ибо девство, хотя ходит по земле, но, нужно думать, касается небес. Некоторые, стремившиеся к нему и взиравшие только на конец его, приступив с неомытыми ногами и несовершенными в трудах, возвратились с половины пути, не получив надлежащего направления мыслей от этого подвига, потому что не только нужно сохранять тела чистыми, подобно как храмам не следует оказываться лучше святынь их; но нужно, чтобы души — эти святыни тел — были соблюдаемы, украшаясь правдою. А соблюдаются и очищаются они более тогда, когда, нелеоностно соревнуя слушать божественные изречения, не престают дотоле, пока не достигнут того, что есть «истинное», приходя к дверям мудрых (Сир. 6, 36). Как солью истребляются гной, и гнилость, и все вредное в мясе, так и в деве все неразумные плотские пожелания обуздываются учением. Душа, не орошаемая, как бы солью, глаголами Христовыми, по необходимости портится и производит червей, подобно как царь Давид, раскаиваясь со слезами, взывал в горах: *Смердят и гноятся раны мои* (Пс. 37, 6), потому что он не обуздал самого себя, как бы солью, целомудрием, но по нерадению увлекся похотью и засмердел прелюбодеянием. Поэтому в книге Левит (2, 13) запрещается приносить в жертву Господу Богу всякий дар, если он не осолится солью. А для нас едкой солью, очищающей на пользу, служит всякое духовное упражнение в Писаниях, без которого душа не может разумно принести себя в жертву Вседержителю. *Ибо вы — соль земли* (Мф. 5, 13), — сказал Господь апостолам. Итак, деве всегда нужно стремиться к доброму и отличаться между первенствующими в мудрости и не иметь никакого нерадения и легкомыслия, но подвизаться и помышлять о приличном девству, постоянно очищая разумом грязь сладострастия, чтобы какая-нибудь малая скрывшаяся гнилость не произвела червя невоздержания. *Ибо незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом* (1 Кор. 7, 34), — говорит блаженный Павел. Между тем многие, считая слушание (Святого Писания) делом маловажным, думают, что они имеют большую заслугу, если на короткое время обращают к нему слух свой, который нужно было бы заградить; потому что душе легкомысленной, низкой и воображающей себя мудрой не следует сообщать божественного учения. И не смешными ли можно назвать тех, которые в вещах маловажных употребляют все усилия, чтобы наилучшим образом достигнуть желаемого, а к предметам необходимым, через которые у них особенно усиливается любовь к целомудрию, не прилагают величайшего усердия?

ГЛАВА II. Девство — небесное растение, поздно узнанное. Как устроено возвышение человека к совершенству

Растение девства ниспослано людям с небес поистине к великому преуспеянию, и потому оно не было открыто первым поколениям. Тогда род человеческий был еще немногочислен и ему нужно было размножаться и совершенствоваться. Поэтому не было непристойным, что древние вступали в супружество со своими сестрами, до тех пор пока пришедший закон определил и, запретив казавшееся прежде хорошим, объявил это грехом, называя проклятым открывающего наготу сестры своей (Лев. 18, 9; 20, 17); Бог попечительно оказывал помощь роду нашему, соответственную времени, как родители поступают с детьми. Они не тотчас с самого младенчества приставляют к ним учителей, но, позволяя им в детском возрасте забавляться играми, подобно юницам, сначала посылают их к учителям, лепечущим вместе с ними; когда же они сбросят юношеский пух ума, то посылают их заниматься высшими науками, а затем еще более высшими. Так, нужно думать, Бог и Отец всех обращался и с

j f

нашими предками; пока еще мир не был наполнен людьми, то человек был как бы младенец и ему нужно было прежде размножаться и таким образом возрастать в мужа. А когда он был населен от концов до концов своих и человечество беспредельно распространилось, то Бог не допустил людям оставаться при прежних нравах, имея в виду, чтобы они, переходя от одного к другому, постепенно более и более приближались к Небесам, пока не сделаются совершенными, достигнув величайшего и высочайшего учения — девства; именно чтобы они сначала перешли от смешения с сестрами к вступлению в брак с посторонними женщинами, потом чтобы не совокуплялись со многими, подобно четвероногим животным, как бы родившиеся для совокупления, затем чтобы они не были прелюбодеями, а потом далее перешли бы к целомудрию и от целомудрия к девству, в котором, научившись возвышаться над плотью, безбоязненно вступили бы в безмятежную пристань нетления.

ГЛАВА III. Браки с сестрами прекращены образованием Авраама. Со времен пророческих отвергнуто многоженство. Сама супружеская чистота ограниченна

Чтобы кто-нибудь не стал обвинять эту речь в недостатке свидетельств из Писаний, мы предложим и свидетельства пророков и тем еще более докажем истинность вышесказанного. Так, Авраам, первый получив Завет обрезания, обрезывая часть собственной своей плоти, кажется, указывал не на что иное, как на то, чтобы более не рождать детей от потомков одного семени, научая каждого отсекать удовольствие совокупления с собственной сестрой, как бы со своей плотью. Так сближение и сожитие со своими сестрами прекращено со времен Авраама; сожитие же со многими женами уничтожено со времен пророческих. *Не ходи вслед похотей твоих и воздерживайся от пожеланий твоих,* — говорит Премудрый (Сир. 18, 30). *Ибо вино и женщины развратят разумных* (Сир. 19, 2). И в другом месте: *Источник твой да будет у тебя твой, и утешайся женою юности твоей* (Притч. 5, 15; 18). Т. е. он отвергает многоженство. Иеремия же прямо называет похотливыми *конями* тех, которые вступают в связь с различными женщинами (5, 8). *Ибо плодородное множество нечестивых не принесет пользы и прелюбодейные отрасли не дадут корней в глубину,* — говорит Премудрый (Прем. 4, 3). Впрочем, чтобы нам не слишком распространяться, приводя пророческие изречения, представим еще, как целомудрие преемствовало супружеству с одной женой, мало-помалу ослабляя плотское сладострастие, доколе совершенно не обуздало обычного стремления к совокуплению. Вот, наконец, уже представляется прямо отказывающийся от такого образа жизни. *Господи,* — говорит он, — *Отче и Владыко жизни моей, не оставь меня на волю их. Возношение очей — отврати от меня. Пожелание чрева и сладострастие да не*

овладеют мною (Сир. 23, 1, 4—5). И в поучающей всем добродетелям книге Премудрости Дух Святой, открыто побуждая слушателей к воздержанию и целомудрию, громогласно воспевает так: *Лучше бездетность с добродетелью, ибо память о ней бессмертна; она признается и у Бога и у людей. Когда она присуща, ей подражают, а когда отойдет, стремятся к ней; и, в вечности увенчанная, она торжествует, как одержавшая победу непорочными подвигами* (Прем. 4, 1-2).

ГЛАВА IV. Один Христос научил девству, открыто предсказывая Царство Небесное. Уподобление Богу должно совершаться при свете божественных добродетелей

Итак, о человечестве в разные времена, как оно, начав со смешения с сестрами, перешло к воздержанию, сказано; остается сказать о девстве; постараемся же посильно сказать и об этом. И прежде всего нужно объяснить, почему из многих пророков и праведников, возвещавших и совершавших многое и прекрасное, никто не прославлял и не избрал девства? Потому что преподать это учение предоставлено было одному Господу, так как Он один, пришедши, научил человека шествовать к Богу. Ибо первосвященнику, первопророку и первоангелу надлежало назваться и перводевственником. В древности человек еще не был совершенным и потому еще не был в состоянии вместить совершенство — девство. Он, сотворенный по образу Божию, еще имел нужду в том, чтобы быть по подобию [Божию]. Для исполнения этого посланное в мир Слово наперед приняло наш образ, запятнанный [у нас] многими грехами, дабы мы, ради которых Оно приняло его, могли опять получить образ Божественный. Ибо быть в точности по подобию Божию возможно тогда, когда мы, отпечатлев черты его человеческой жизни в самих себе, как бы на досках, подобно искусным живописцам, сохраним их, изучая тот путь, который Он Сам открыл. Для того Он, будучи Богом, и благоволил облечься в человеческую плоть, чтобы и мы, взирая как бы на картине на божественный образ жизни Его, могли подражать начертавшему ее. Ибо Он не иное мыслил, а иное делал, и не иное считал прекрасным, а иному учил, но, что поистине было полезно и прекрасно, тому Он и учил, то и делал.

ГЛАВА V. Христос, сохранив плоть нерастленной в девстве, побуждает к соблюдению девства. Небольшое число девственников в сравнении с множеством других святых

Что же Господь, Истина и Свет, сделал, пришедши в мир? Он, приняв плоть, сохранил ее нерастленной — в девстве. Так и мы, если хотим быть подобными Богу и Христу, должны стараться соблюдать девство. Ибо подобие Божие состоит в воздержании от ра-

стления. А что вочеловечившееся Слово стало перводевственником, и первопастырем, и первопророком Церкви, это *объяснил* нам вдохновенный Христом Иоанн в книге Откровения, сказав: *И взглянул я, и вот, Агнец стоит на горе Сионе, и с Ним сто сорок четыре тысячи, у которых имя Его и имя Отца Его написано на челах. И слышал я голос с неба, как шум от множества вод и как звук сильного грома; и услышал голос как бы гуслистов, играющих на гуслях своих. Они поют новую песнь пред престолом и пред четырьмя животными и старцами; и никто не мог научиться сей песни, кроме сих ста сорока четырех тысяч, искупленных от земли. Это суть те, которые не осквернились с женами: ибо они девственники; это суть те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел* (Откр. 14, 1 —4). Притом заметь, как велико достоинство девства перед Богом: *Они искуплены из людей, как первенцы Богу и Агнцу, и в устах их нет лукавства; они непорочны и следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел* (Откр. 14, 4—5). Этим он хочет ясно внушить нам, что таким числом, т. е. ста сорока четырьмя тысячами, издревле определено количество девственников, между тем как других святых неопределенное множество. Ибо замечательно, чтб он прибавляет, говоря о прочих: *И взглянул я, и вот из всех языков и племен и всех народов великое множество, которого никто не мог перечислить* (Откр. 7, 9). Итак, он представляет, как я сказала, бесчисленное множество других святых, а девственников весьма небольшое число сравнительно с составляющими бесчисленное множество.

Такова, Арета, моя речь тебе о девстве. Если я опустила что-нибудь, то пусть дополнит следующая за мною Феофила».

РЕЧЬ II. ФЕОФИЛА

ГЛАВА I. Похвалою девству не уничтожаются браки

«Итак, — говорила она, — Феофила сказала следующее: «Так как Маркелла, прекрасно начав речь, не вполне докончила ее, то мне представляется необходимым постараться докончить эту речь. Что человек постепенно дошел до девства при помощи Бога, побуждавшего его от времени до времени, это, по моему мнению, прекрасно изложено; а что будто поэтому уже не нужно рождать детей — этого сказать нельзя. Из Писаний, мне кажется, ясно видно, что по появлении девства Слово [Божие] не отвергло деторождения. Если луна больше звезд, то этим не уничтожается свет прочих звезд. Начнем с Книги Бытия, чтобы почтить старейшее Писание. Определение Божие и заповедь о деторождении (Быт. 1, 28), конечно, и доныне исполняется; Создатель еще доселе образует человека. Это совершенно ясно, так как Бог доселе, подобно художнику, образует мир, как и Господь научил, сказав: *Отец Мой доныне делает* (Ин.

5, 17). Вот если бы реки уже окончили свое течение, излившись в морское вместилище, если бы свет был совершенно отделен от тьмы (а теперь он еще отделяется), если бы суша перестала производить плоды с пресмыкающимися и четвероногими животными и предопределенное число людей исполнилось, — тогда, конечно, следовало бы воздерживаться и от деторождения. А теперь необходимо, чтобы человек и со своей стороны действовал по образу Божию, так как мир еще стоит и устрояется. *Плодитесь,* — сказано, — *и размножайтесь* (Быт. 1, 28). И не следует гнушаться определением Творца, вследствие которого и мы сами стали существовать. Началом рождения людей служит ввержение семени в недра женской утробы, чтобы кость от костей и плоть от плоти, быв восприняты невидимой силой, снова были образованы в другого человека тем же Художником. Таким образом, нужно думать, исполняется изречение: *Вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей* (Быт. 2, 23).

ГЛАВА II. Рождение подобно образованию первой Евы из ребра и кости Адама. В обыкновенном рождении Бог есть Создатель людей

На это, быть может, указывает и сонное наступление, наведенное на первозданного (Быт. 2, 21), предызображая услаждение мужа при сообщении, когда он в жажде деторождения приходит в исступление, расслабляясь снотворными удовольствиями деторождения, чтобы нечто, отторгшееся от костей и плоти его, снова образовалось, как я сказала, в другого человека. Ибо когда нарушается телесная гармония от раздражения при сообщении, то, как говорят нам опытные в брачном деле, вся мозговая и плодотворная часть крови, состоящая из жидкообразной кости, собравшись из всех членов, обратившись в пену и сгустившись, извергается детородными путями в животворную почву женщины. Поэтому справедливо сказано, что человек оставляет отца и матерь, как забывающий внезапно обо всем в то время, когда он, соединившись с женою объятиями любви, делается участником плодотворения, предоставляя Божественному Создателю взять у него ребро, чтобы из сына сделаться самому отцом. Итак, если и теперь Бог образует человека, то не дерзко ли отвращаться от деторождения, которое не стыдится совершать сам Вседержитель своими чистыми руками? Он сказал Иеремии: *Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя* (Иер. 1,5). И Иову сказал: *Или ты, взяв брение, создал животное, и самое словесное [животное] сотворил на земле* (Иов 38, 14)? И Иов с благоговением, обращаясь к Нему, говорит: *Твои руки трудились надо мною и образовали меня* (10, 8). Не нелепо ли отвергать брачные узы, тогда как еще и после нас ожидаются будущие мученики и противники лукавого, для которых Слово обещало сократить те дни

(Мф. 24, 22; Мр. 13, 20)? Если впоследствии деторождение признано Богом за худое дело, как сказала, то как же они, родившись вопреки определению и воле Божественной, могут предстать благоугодными пред Богом? Или не следует ли признать рожденных подложными, а не богорожденными, если они образуются, подобно фальшивой монете, вопреки воле и определению [творческой] силы? Иначе мы должны приписать и людям способность создавать людей».

ГЛАВА III. Толкование места из Писания. Незаконнорожденные бывают не только верующими, но иногда и предстоятелями

Маркелла, прервав ее, сказала: «Великая ошибка оказывается в твоей речи, Феофила, и противное тому, что ты сказала; и неужели ты думаешь укрыться, напустив такого тумана? Вот то возражение, которое, быть может, предложит кто-нибудь, требуя отчета от тебя, как мудрейшей: что ты скажешь о рождающихся незаконно от прелюбодеяния? Ты допустила, что необычно и невозможно кому-нибудь войти в мир без воли и действия великой силы Бога, устрояющего ему [телесную] хижину. И чтобы ты не прибегла как бы к надежной стене к свидетельству Писания, которое говорит: *Дети прелюбодеев будут несовершенны* (Прем. 3, 16), то и против этого он кротко возразил тебе, сказав: однако мы часто видим, что зачатые от незаконных связей при совершенном чревоношении рождаются зрелым плодом.

Если же ты, ухищряясь, еще скажешь: почтенный, под *несовершенством* я разумею отчуждение от преподанной Христом правды, к которой принадлежат совершенные, то он ответит: однако, блаженная, очень многие незаконнорожденные тем не менее не только причисляются к пастве братии, но даже нередко бывают избираемы в руководители их. Если же очевидно все свидетельствует, что и рожденные от прелюбодеяния достигают совершенства, то надобно думать, что Дух предвозвестил не о зачатиях и рождениях, но, может быть, о прелюбодействующих в отношении к истине, которые, искажая Писание неправыми мнениями, порождают несовершенную мудрость, примешивая заблуждение к благочестию. Поэтому, когда отнят у тебя и этот предлог, изволь отвечать, что и рождающиеся от прелюбодеяния рождаются по воле Божией. Ибо ты сказала, что невозможно плоду человеческому достигнуть зрелости, если не образует и не одушевит его Господь».

ГЛАВА IV. Объяснение человеческого рождения и действия в нем Божия

Феофила, как бы схваченная посредине сильным противником, смутилась и, едва переводя дух, сказала: «Ты, блаженная, требуешь объяснения этого вопроса посредством примера, чтобы тебе еще более убедиться, что творческая сила Божия, простирающаяся на все, особенно действует сама в рождении людей, взращивая посеянное на плодотворной почве. Подлинно нужно обвинять не то, что сеется, а того, кто бесстыдно бросает собственное семя на чужую ниву, как наемник за малое удовольствие, на прелюбодейных ложах. Представь наше рождение в жизнь подобным чему-нибудь, например такому дому, который имеет вход, обставленный высокими горами; а самый дом простирается далеко вниз, снабжен с внешней стороны до вершин входа множеством отверстий и имеет круглый вид с этой стороны». «Представляю», — сказала Маркелла. «Потом вообрази, что внутри сидит ваятель, чтобы делать множество статуй; еще представь, что ему извне через отверстия обильно доставляется глиняное вещество многими людьми, между тем как самого художника никто не видит. Допусти, что этот дом покрыт мглою и облаками и им извне ничего не видно, кроме одних отверстий». «Пусть, — сказала та, — будет и это». «Еще то, что каждому из сотрудников, доставляющих глиняное вещество, назначено одно отверстие, в которое он один только должен слагать собственное вещество, не касаясь других. А если кто-нибудь опрометчиво дерзнет открыть отверстие, назначенное для другого, тому пусть угрожают огонь и бичи. Представь же и следующее затем. Ваятель изнутри, обходя отверстия и принимая находящееся в каждом из них порознь глиняное вещество, образует его и, образовав в течение нескольких месячных периодов, возвращает наружу через то же отверстие, следуя заповеди: обрабатывать безразлично всякое способное к обработке глиняное вещество, хотя бы оно было кем-нибудь внесено неправильно через чужое отверстие. Вещество ни в чем невиновно, и потому оно, как невиновное, должно быть обрабатываемо и образуемо; а того, кто, вопреки установлению и заповеди, положил его в чужое отверстие, дблжно наказывать, как злодея и преступника. Не глиняное вещество нужно обвинять, а того, кто сделал это вопреки священному повелению, так как он по распутству, принесши, положил его в чужое отверстие тайно, с насилием». «Ты говоришь весьма справедливо», — сказала Маркелла.

ГЛАВА V. Святой Отец продолжает изъяснять тот же предмет

«Итак, по окончании всего этого, остается тебе, мудрейшая, приложить весь этот пример к вышесказанному. Дом подобен невидимой природе нашего рождения, а вход, обставленный горами, — нисхождению и вселению душ с небес в тела; отверстия — женщинам и вообще женскому полу; ваятель — творческой силе Божией, которая, под покровом рождения распоряжаясь нашею природою, внутри невидимо облекает нас в человеческий образ, устрояя одеяния для душ. Приносящим же глиняное вещество нужно уподобить

мужчин и вообще мужеский пол, когда они в жажде деторождения ввергают семя в естественные женские проходы, как там глиняное вещество в отверстия. Это семя, делаясь причастным божественной, так сказать творческой, силы, само по себе не должно считаться причиной непотребных раздражений. Между тем художество постоянно обрабатывает предлагаемое вещество. Никакая вещь сама по себе не должна считаться злом, но она делается такой от злоупотребления пользующихся ею. Употребляемое благопристойно и целомудренно выходит благопристойным, а употребляемое постыдно и непристойно выходит постыдным. Так, чем виновно железо, приобретаемое для земледелия и художеств, в том, что некоторые оттачивали его для гибельных междоусобных войн? Чем [виновны] золото, или серебро, или медь и вообще всякое обрабатываемое произведение земли в том, что некоторые, неблагодарно согрешая против своего Творца, обращают их в свои разнообразные истуканы? Также если кто-нибудь доставит ткацкому художеству шерсть, приобретенную воровством, то художество обрабатывает предлагаемое вещество, обращая внимание только на одно, способно ли оно к обработке, и не отвергая ничего пригодного для него; потому что украденное вещество, как бездушное, здесь нисколько не виновно. Оно должно быть обрабатываемо и украшаемо, а унесший его беззаконным хищением должен быть наказан. Так и осквернителей браков и нарушителей прекрасной гармонии струн жизни, разгорячающихся страстию и доводящих похоть до прелюбодеяния, дблжно обуздывать и наказывать, потому что они хищнически наносят вред плодотворным союзам в чужих садах; а семени, как там шерсти, следует быть образуемым и одушевляемым.

ГЛАВА VI. Попечение Божие о незаконнорожденных людях. Им даны ангелы—хранители

И для чего мне распространять речь, приводя столько примеров? Природа без Божественного содействия в столь короткое время не могла бы совершить такого дела. Подлинно, кто сплотил несплоченную сущность костей? Кто соединил члены так, что они натягиваются жилами и двигаются, сгибаясь около суставов? Кто приготовил внутренние проходы для крови и нежную артерию для дыхания? Или кто другой, примешав к влаге кровь, как бы закваску, образовал из брения нужную плоть, как не один высочайший Художник, созидающий человека — нас — в разумный и одушевленный свой образ и из влажных и мельчаших семян, как бы из воска, устрояющий нас в утробе? Кто печется, чтобы плавающий внутри зародыш не задохся от влаги и тесноты сосудов? Или кто после рождения и появления на свет сообщает слабому и малому высокий рост, красоту и силу, если не тот же, как я сказала, высочайший Художик Бог, творческой силой составляющий и живописующий образы Христовы? Поэтому мы и находим в богодухновенных Писаниях, что дети, хотя бы рожденные от прелюбодеяния, вверяются ангелам — хранителям. Если бы они родились вопреки воле и определению этого блаженного существа — Бога, то как они могли бы быть вверяемы ангелам для воспитания с великой нежностью и охраной? И как они могли бы призвать на Суд Христов своих родителей, чтобы обвинить их? Господи, — скажут они, — Ты не отказал нам в этом общем свете [жизни]; а они предали нас на смерть, презрев заповедь Твою. *Ибо дети,* — говорится в Писании, — *рождаемые от беззаконных сожитий, суть свидетели разврата против родителей при допросе их* (Прем. 4, 6).

ГЛАВА VII. Разумная душа — от самого Бога. Девство — не единственное благо, хотя лучшее и предпочтительное

Может быть, кто-нибудь еще станет утверждать и найдет между людьми нерассудительными и неразумными мнение, будто плотяной покров души, насаждаемый людьми, образуется сам собою без определения Божия; но, конечно, никто не поверит тому, кто стал бы учить, что вместе со смертными телом также насаждается и бессмертное существо души. Бессмертное и нестареющее вдыхает в нас один Вседержитель, и Он один есть Творец невидимого и негибнущего. *И вдунул в лице его дыхание жизни,* — говорится в Писании, — *и стал человек душою живою* (Быт. 2, 7). А против тех художников, которые на погибель людям делают человекообразные статуи, не способные к познанию своего Создателя, в научающей всем добродетелям книге Премудрости говорится: *Сердце их пепел, и надежда их ничтожнее земли, и жизнь их презреннее грязи: ибо они не познали сотворившего их и вдунувшего в них деятельную душу, и вдохнувшего в них дух жизни* (Прем. 15, 10— 11).

Этот Творец всех людей есть Бог. И потому, как говорит апостол, *Он хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4). Так как и это рассуждение почти окончено, то, наконец, надобно сказать, что следует отсюда. Кто тщательно изучит область свойственного человеку по природе, тот убедится, что не следует гнушаться деторождением, но дблжно хвалить и предпочитать девство.

Ибо потому только, что мед слаще и приятнее других вещей, не следует считать горькими остальные плоды, которые также имеют прирожденную им приятность. В подтверждение этого представлю достоверного свидетеля, Павла, который говорит: *Поэтому выдающий замуж свою девицу поступает хорошо, а не выдающий поступает лучше* (1 Кор. 7, 38). Так Писание, предлагая лучшее и более желательное, не запрещает всего другого, но заповедует предоставлять каждому свойственное ему и полезное. Для одних оно не находит девство еще доступным, но другим не желает, чтобы они осквер-

нялись постыдными раздражениями, а с самого начала пеклись и помышляли о равноангельском преобразовании тел, в котором, по неложному изречению Господа, *ни женятся, ни выходят замуж* (Мф. 22, 30). Ибо не всем вверяется нескверное и ведущее к Царству Небесному скопчество (Мф. 19, 12), но только тем, которые могут сохранить цвет девства всегда цветущим и непорочным. И в пророческом слове Церковь уподобляется цветущему и разнообразнейшему лугу, как украшенная и увенчанная не только цветами девства, но цветами деторождения и воздержания; ибо *в ризах позлащенных, преиспещренная предстоит царица одесную жениха* (Пс. 44, 10). Вот и я, Арета, привношу посильное со своей стороны в рассуждение об истине». «Когда Феофила сказала это, то, — говорила Феопатра, — приятный говор произошел между всеми девами, хвалившими речь. Когда же утихли, то после продолжительного молчания встала Фалия, ибо ей предоставлено было говорить третьей после Феофилы. Начав в свою очередь, она, я думаю, сказала следующее».

РЕЧЬ III. ФАЛИЯ

ГЛАВА I. Сравнение слов Книги Бытия (2, 23—24) со словами ап. Павла в Послании к Ефесянам (5, 28—32)

«Ты, Феофила, — сказала она, — мне кажется, превосходишь всех и делом и словом и никому не уступаешь в мудрости. Никто не станет укорять твою речь, как бы он ни был сварлив и склонен к препирательству. Но, блаженная, только одно из всего, сказанного правильно, по-видимому, смущает и тяготит меня, при представлении моем о том, что такой мудрый и исполненный Духа муж — разумею Павла — напрасно не сравнил бы союза первозданного человека и его жены со Христом и Церковью (Еф. 5, 32), если бы Писание не заключало здесь ничего выше простых слов и исторического события. Ибо если это место Писания дблжно понимать буквально о союзе мужа и жены, то для чего Апостол, упомянув о нем и, я думаю, желая руководить нас на путь духовный, относящееся к Еве и Адаму иносказательно относит ко Христу и Церкви? Место из Книги Бытия гласит так: *и сказал Адам: вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа своего. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть* (Быт. 2, 23 — 24). Апостол, обращая внимание на это место, не желает принимать его , как я сказала, в буквальном смысле, чувственно, о союзе мужа и жены, как делаешь ты. Ты, объясняя эти слова в физическом смысле, допустила, что Писание говорит только о зачатиях и рождениях; ибо [ты сказала], чтобы мог родиться другой человек, как кость, взятая от костей, для этого живые тела, созревшие для рождения подобно деревам, соединяются во время зачатия. А он, в духовном смысле относя эти слова ко Христу, поучает так: *любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь: потому что мы члены тела Его. Поэтому оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. Тайна сия велика; я говорю по отношению ко Христу и к Церкви* (Еф. 5, 28 — 32)».

ГЛАВА II. Переходы в речах ап. Павла. Характер его учения, не заключающего в себе никаких противоречий. Небезопасно обращать все в аллегорию

«Но пусть не смущает тебя то, что он, говоря об одном, переходит к другому, так что подумаешь, будто он примешивает и привносит нечто, не относящееся к предмету, уклоняясь от своей цели, как и здесь. Ибо, намереваясь, как видно, обстоятельно изложить учение о девстве, он наперед предрасполагает к своему предмету, употребляя вначале более снисходительный образ речи. Таков характер его речей, весьма разнообразный и постепенно усиливающийся; он начинает с низшего и переходит к более высокому и величественному, потом снова ниспускаясь в глубину, оканчивает то простейшим и легким, то труднейшим и возвышенным, не привнося, однако, этими переходами ничего чуждого главным предметам, но, соединяя все это некоторой дивной связью, сводит к одной предположенной у него цели предмета.

Итак, мне нужно обстоятельнее раскрыть смысл апостольских слов, не отвергая ничего из вышесказанного. Ты, Феофила, мне кажется, достаточно и ясно раскрыла их, изложив слова Писания более безопасным образом, так, как они читаются. Конечно, опасно пренебрегать текстом, как он сказан, особенно в Книге Бытия, где излагаются непреложные повеления Божии, устроившие вселенную, сообразно с которыми еще и теперь мир управляется самым совершенным образом и в совершенной соразмерности, пока сам Законодатель, устроивший мир, пожелав преобразовать его, снова иным повелением не разрушит прежних законов природы. Но так как не следует оставлять эти слова с неполным и как бы полухромающим объяснением, то мы придадим ему и другое соответственное значение, вникнув глубже в Писание; ибо не должно оставлять без внимания того, как Павел, возвышаясь над буквальным чтением, относит эти слова ко Христу и Церкви».

ГЛАВА III. Сравнение первого и второго Адама

И во-первых, надобно исследовать, может ли быть сравниваем с Сыном Божиим Адам, оказавшийся падшим через преслушание и

услышавший: *прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3, 19). Как может быть назван *рожденным прежде всякой твари* (Кол. 1, 15) тот, кто образован из персти после земли и тверди? Как может почитаться *древом жизни* (Откр. 2, 7) тот, кто за преслушание изгнан, чтобы он опять *не простер руки [к древу жизни] и вкусивши от него не стал жить вечно* (Быт. 3, 22)? Сравниваемое должно быть во многом подобно и соответственно тому, с чем сравнивается, а не иметь в себе противоположные и несходные свойства. Так, оказался бы благоразумным не тот, кто решился бы уподоблять неравное равному или гармонию негармонии, но [кто сравнил бы] равное с равным по природе, хотя бы оно было равно в немногом, и белое с белым по природе, хотя бы оно [было белым] в весьма малой степени и представляло в себе немного белизны последнего, отчего и само называется белым. Равное же, гармоническое и светлое, как несомненно ясно для всякого, есть то, что безгрешно и нетленно, т. е. Премудрость; а неравное и негармоническое есть то, что смертно и греховно и извергнуто по неодобрению и подверглось осуждению.

ГЛАВА IV. Продолжение о том же предмете

Почти такие, я думаю, представляются возражения теми, которые не допускают сравнения первого человека со Христом, кажется, не обращая внимания на мудрость Павла. Поэтому мы посмотрим, как правильно Павел сравнил Адама со Христом, полагая, что он (Адам) не образ только и подобие (Христа), но именно он сам и стал Христом оттого, что на него низошло Слово, существующее прежде веков. Ибо надлежало, чтобы перворожденный от Бога, первая и единородная отрасль, т. е. Премудрость, вочеловечилась, соединившись с первозданным, первым и первородным из людей человеком, чтобы таким образом Христос был человеком, исполненным чистого и совершенного Божества, и Богом, вместившимся в человеке; ибо весьма сообразно было, чтобы древнейший веков и высший архангелов, восхотев обращаться с людьми, вселился в древнейшего и первого из людей — Адама. Таким образом, возобновляя бывшее вначале и восстановляя от Девы и Духа, Он образует того же самого (Адама); ибо и вначале, когда земля была еще девственна и невозделана, Бог, взяв персть, без семени образовал из нее разумнейшее животное (человека).

ГЛАВА V. Изъяснение места из пророчества Иеремии

Пусть предстанет достоверным и ясным свидетелем моим пророк Иеремия, который говорит: *и сошел я в дом горшечника, и вот он работал свою работу на кружале. И сосуд, который он делал, развалился в руках его, и он снова сделал из него другой сосуд, какой ему вздумалось сделать* (Иерем. 39, 3 — 4). Когда созданный

из персти Адам был, так сказать, мягким и влажным и еще не успел, подобно обожженной глине, окрепнуть в нетлении, то грех, подобно текучей и капающей воде, разрушил его. Поэтому Бог, желая снова восстановить и образовать его из персти таким же *сосудом в чести* (2 Тим. 2, 21), сначала сделав его твердым и крепким в девственной утробе, соединив и смешав его со Словом, вывел его в жизнь несокрушимым и невредимым, чтобы он по рождении, когда устремятся на него извне потоки тления, опять не подвергся разрушению, как поучает Господь и в известной притче об обретении овцы, где Господь мой говорит к предстоящим: *кто из вас, имея сто овец и потеряв одну из них, не оставит девяноста девяти в пустыне и не пойдет за пропавшею, пока не найдет ее? А нашедши, возьмет ее на плечи свои; и пришедши домой, созовет друзей и соседей и скажет им: порадуйтесь со мною, я нашел свою пропавшую овцу* (Лк. 15,4-6).

ГЛАВА VI. Целостное число духовных овец. Человек — второй после ангелов лик во славу Божию. Объяснение притчи о погибшей овце

Это и был и есть поистине Тот, Который *в начале был у Бога и был Бог* (Ин. 1, 1), Повелитель и Пастырь небесных [существ], Которому повинуются и следуют все разумные [существа] и Который стройно правит и исчисляет сонмы разумных Ангелов. А число этих бессмертных существ, разделенных на роды и чины, будет равным и совершенным тогда, когда присоединится к этой пастве человек; ибо и он создан был не подлежащим тлению, чтобы прославлять Царя и Творца всех, воспевая соответственно раздающимся с неба голосам ангельским. Но так как случилось, что он, преступив заповедь, пал тяжким и пагубным падением и подвергся смерти, то Господь говорит, что Он сам сошел с небес в мир, оставив чины и воинство Ангелов. Ибо [в той притче] горы означают небеса, а девяносто девять овец — силы, и начала, и власти, оставив которые Начальник и Пастырь сошел отыскать погибшую овцу. Оставалось включить в этот свиток и в это число человека, тем, что сам Господь облекся в него и понес его, дабы он, обуреваемый треволнениями и напастями, как я сказала, опять не подвергся потоплению. Таким образом, Слово восприняло человека, чтобы через Себя Самого разрушить пагубное осуждение, поразив змия. Ибо следовало лукавому быть побежденным не через кого-либо другого, а через того, над которым он считал себя властвующим, обольстив его; потому что иначе невозможно было разрушиться греху и осуждению, как только так, чтобы тот самый человек, по вине которого было сказано: *прах ты, и в прах ты возвратишься* (Быт. 3, 19), быв воссоздан, уничтожил это определение, перешедшее от него на всех, дабы как прежде в Адаме все умирали, так наоборот во

Христе, воспринявшем Адама, все оживали (1 Кор. 15, 22).

ГЛАВА VII. Дела Христовы, свойственные Богу и человеку, принадлежат Ему самому как единому

Что человек, сделавшись орудием и одеянием Единородного, совершает то, что и Сам вселившийся в него, — об этом, мне кажется, довольно сказано; а что здесь нет несогласия, об этом нужно еще рассудить кратко. Кто говорит, что прекрасное по своей природе, и праведное, и святое по своей природе, по участию в котором и другие [существа] делаются прекрасными, есть Премудрость, существующая с Богом, и что, наоборот, порочное, и неправедное, и злое есть грех, тот говорит весьма справедливо. Подлинно, два предмета крайне противоположны друг другу: жизнь и смерть, нетление и тление. Жизнь есть равенство, а тление — неравенство; справедливость и мудрость есть согласие, а безумие и несправедливость — несогласие. Человек же, находясь посредине между ними, не есть ни сама справедливость, ни сама несправедливость; но быв поставлен в середине между нетлением и тлением, если к которому из них, увлекшись, преклонится, то и говорится о нем, что он изменился в природу одержавшего верх. Склонившись к тлению, он делается тленным и смертным, а [склонившись] к нетлению, — нетленным и бессмертным. Так, находясь между древом жизни и [древом] познания добра и зла, он от плодов которого вкусил, в образ того и изменился (Быт. 2, 9), не быв сам ни древом жизни, ни древом тления, но оказавшись смертным от общения и союза с тленным, а от общения и союза с Жизнью — опять нетленным и бессмертным, как и Павел учит, когда говорит: *тление не наследует нетления* и смерть жизни (1 Кор. 15, 50), справедливо называя тлением и смертью то, что растлевает и убивает, а не то, что подвергается тлению и умирает; нетлением же и жизнью - то, что дает бессмертие и животворит, а не то, что получаст бессмертие и оживотворяется. Итак, человек не есть ни несогласие и неравенство, ни равенство и согласие; но когда он принял несогласие (т. е. преслушание и грех), то стал несогласным и безобразным, а когда он принимает согласие (т. е. правду), то делается стройным и благоприличным орудием, так что Господь — это нетление, победившее смерть, — благозвучно воспевает воскресение в плоти [Своей], не допуская ее опять сделаться наследием тления. Теперь и об этом довольно сказано.

ГЛАВА VIII. Кости и плоть Премудрости. Ребро, из которого образована духовная Ева, есть Дух Святой. Жена, помощница Адама, есть обрученные Христу девы

Так немаловажными доказательствами из Писания подтверждено, что первозданный справедливо может быть сравниваем с самим

Христом не только как образ, изображение и подобие Единородного, но как бы делающийся самой Премудростью и Словом. Соединившись с Премудростью и Жизнью, подобно воде, человек становится тем, чем был сам вселившийся в него чистый Свет. Поэтому апостол справедливо отнес ко Христу то, что относится к Адаму, и таким образом оказывается весьма сообразным, что из костей и плоти Его произошла Церковь, для которой Слово, оставив Отца Небесного, сошло на землю, чтобы вселиться в жену и, уснув истощанием страдания, добровольно умерло за нее, *чтобы представить Себе Церковь славною и непорочною, очистив ее банею водною* (Еф. 5, 26-27), для принятия духовного и блаженного семени, которое сеет Сам внушающий и насаждающий во глубине ума; а Церковь, подобно жене, принимает и образует его для рождения и воспитания добродетели. Итак, слова Писания: *плодитесь и размножайтесь* (Быт. 1, 28) — надлежащим образом исполняются, когда Церковь со дня на день возрастает в величии, красоте и численности вследствие союза и общения со Словом, Которое еще и теперь нисходит к нам и подвергается истощанию при воспоминании страданий. Иначе Церковь не могла бы собрать верующих и возродить их банею пакибытия, если бы Христос, истощив Себя за них, чтобы вместиться в них через возобновление страданий, как я сказала, снова не умирал — сошедши с небес и, соединившись со Своей женой, Церковью, не попускал исходить из ребра Своего некоторой своей силе, чтобы все зиждущиеся на Нем возрастали, возрождаясь этой банею, воспринимая от костей и плоти Его, т. е. от святости и славы Его. Ибо тот говорит весьма справедливо, кто говорит, что кости и плоть Премудрости суть мудрость и добродетель, а ребро — Дух истины, Утешитель, от Которого, заимствуя, просвещаемые возрождаются в нетление. Никто не может сделаться причастным Святой Духу и стать членом Христовым, если наперед Слово, сошедши и на него, не подвергнется истощанию как бы сну, чтобы и он, восставши от сна с уснувшим для него и воссоздавшись, мог получить обновление и возрождение Духа. Ибо он, собственно, Дух истины, семивидный, по словам пророка (Ис. 11, 2), может быть назван ребром Слова, от Которого заимствуя Бог по истощании Христа, т. е. после вочеловечения и страдания, приготовляет Ему помощницу, т. е. соединившиеся с Ним и уневестившиеся Ему души.

Так в Писаниях часто называется само общество и собрание верующих, Церковь, в которой совершеннейшие по степени преуспеяния составляют как бы одно лицо и тело Церкви. И подлинно лучшие и яснее усвоившие истину, как избавившиеся от плотских похотей через совершенное очищение и веру, делаются Церковью и помощницей Христа, как бы девой, по словам апостола, соединяясь с Ним и уневещиваясь Ему, чтобы, приняв чистое и плодотворное семя учения, с пользою содействовать проповеди для спасения других. А несовершенные и еще начинающие спасительное учение возрастают

и образуются, как бы в материнском чреве, от более совершенных, пока они, достигнув зрелости — возрождения, приобретут величие и красоту добродетели и потом по преуспеянии сами, сделавшись Церковью, будут содействовать рождению и воспитанию других детей, во вместилище души, как бы в утробе, непреложно осуществляя волю Слова.

ГЛАВА IX. Действие благодати в апостоле Павле

Так следует рассуждать и о бывшем с приснопамятным Павлом. Когда он еще не был совершенным во Христе, то наперед рождается и питается млеком от Анании, который проповедовал ему и обновил его крещением, как говорится в Деяниях (9, 10 — 19). А когда он возмужал и благоустроился, достигнув духовного совершенства, и сделался помощником и невестой Слова, восприняв и возрастив в себе семена жизни, тогда, бывший прежде младенец, стал Церковью и матерью, рождая и сам уверовавших через него во Христа, доколе в них не родился, изобразившись, Христос: *дети мои,*— говорит он, — *для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* (Гал. 4, 19); и еще: *я родил вас во Христе Иисусе благовествованием* (1 Кор. 4, 15). Поэтому так следует относить сказанное об Адаме и Еве к Церкви и Христу. Это поистине великая и надмирная тайна, которой я, по слабости и тупости ума, не в силах объяснить сообразно с ее достоинством и величием. Впрочем, нужно попытаться, ибо надлежит сказать вам и следующее затем.

ГЛАВА X. Учение того же апостола о целомудрии

Павел, призывая всех к святости и целомудрию, сказанное о первозданном и Еве отнес ко Христу и Церкви, во-вторых, в том смысле, чтобы таким образом заставить умолкнуть невежд, лишив их предлогов. Они, предаваясь своим чрезмерным похотям сладострастия, дерзают извлекать из Писаний смысл, противный православному, выставляя его в защиту своего невоздержания, именно из следующих слов: *сказал Бог: плодитесь и размножайтесь,* и еще: *потому оставит человек отца своего и мать свою* (Быт. 1, 28; 2, 24) — и не стыдятся уклоняться от Духа, но, как бы для того и родились, раздувают зарождающуюся и еще тлеющую похоть, воспламеняя ее раздражениями. Поэтому он, весьма сильно поражая их коварные ухищрения и выдуманные предлоги, дошедши до заповеди о том, как мужья должны относиться к женам, и сказав, что так, как к Церкви Христос, *предавший Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова* (Еф. 5, 26), обращается к Книге Бытия, припоминая слова, сказанные о первозданном, и объясняя и их сообразно со смыслом излагаемого им предмета, чтобы не

подать повода злоупотреблять этими словами тем, которые под предлогом деторождения предаются телесному сладострастию.

ГЛАВА XI. О том же предмете

Ибо смотрите, девы, как он, желая, чтобы верующие по мере сил были целомудренны, старается доказать им превосходство девства множеством доводов. Он говорит: *о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины* (1 Кор. 7, 1), ясно уже этим выражая, что хорошее дело — не касаться женщины, наперед поставив и определив это безусловно. Потом, сознавая немощь и наклонность невоздержанных к совокуплению, он позволил тем, которые не могут владеть плотью, лучше иметь своих жен, чем падать, гнусно предаваясь блуду. Затем тотчас после этого позволения он прибавил: *чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим* (1 Кор. 7, 5). Это значит: если вы, люди, не можете быть совершенно целомудренными по причине телесного сластолюбия, то я позволяю вам лучше иметь общение с собственными женами, чтобы вы, считаясь давшими обет воздержания, не подвергались постоянному искушению от диавола, разжигаясь на чужих [жен].

ГЛАВА XII. Павел — пример для вдовых и тех, которые могли бы не иметь жен

Рассмотрим же тщательно сам текст; в нем апостол позволил это многим не безусловно, но прибавил наперед причину, по которой он поступил так. Сказав: *хорошо человеку не касаться женщины,* он тотчас прибавил: *но, во избежание блуда, каждый имей свою жену,* т. е. по причине опасения блуда, если вы не будете в состоянии обуздывать сластолюбия; *и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием. Впрочем сие сказано мною как позволение, а не как повеление* (1 Кор. 7, 1—6). Весьма предусмотрительно [сказано] и это. Словами *как позволение* он выразил, что он дает совет, а не *повеление-,* потому что повеление он употребляет касательно целомудрия и того, чтобы не касаться женщины, а позволение, как я сказала, касательно тех, которые не могут обуздывать похоти. Итак, касательно единобрачных, как мужчин, так и женщин, которые уже состоят в браке или еще будут состоять, он так заповедует; а о потерявших своих жен мужьях или женах, [потерявших] мужей, нам опять надобно тщательно исследовать изречение апостола, как он заповедует: *Безбрачным же,* — говорит он,— *и вдовам говорю: хорошо им оста-*

ватпъся, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться (1 Кор. 7, 8 — 9). И здесь он продолжает отдавать преимущество воздержанию. Ибо, представив самого себя величайшим примером, он приглашает слушателей соревновать ему в таком подвиге, научая, что бывшему женатым на одной жене лучше остаться с самим собою, как и он. Но если бы для кого-нибудь по причине разжжения и похоти телесной это было неудобоисполнимо, то он дает такому позволение вступать во второй брак, не объявляя этим второбрачия хорошим делом, а только считая его лучшим разжжения.

Подобно тому, как если кто-нибудь в день Пасхи[1] и поста принес пищу тяжко больному и советовал по болезни вкусить принесенного, сказав: «Поистине, почтенный, прекрасное дело и следовало бы и тебе, подобно нам, терпеливо сохранять воздержание, потом насладиться одними с нами благами; ибо сегодня совершенно запрещено вспоминать о пище; но так как ты, удрученный болезнью, ослабел и не можешь перенести этого, то мы в виде позволения советуем тебе вкусить пищи, чтобы тебе, по причине болезни, не имеющему сил противиться пожеланию пищи, не умереть» — так и апостол здесь, сказав сначала, что он желал бы, чтобы все оставались целомудренными, подобно ему, потом удрученным болезнью страстей, чтобы они вследствие раздражения к деторождению не устремлялись на прелюбодеяние, дозволил второбрачие, считая его лучше разжжения и распутства.

ГЛАВА XIII. Объясняется учение Павла о девстве

О воздержании и браках, и целомудрии, и сожитии в замужестве, и о том, какая от них бывает польза для приобретения праведности, почти уже окончена моя речь; о девстве же остается еще сказать, есть ли какие-нибудь заповеди относительно его. Итак, нужно рассудить и об этом. Вот что говорит апостол: *относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным. По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так. Соединен ли ты с женой? не ищи развода. Остался ли без жены? не ищи жены. Впрочем, если и женишься, не согрешишь; и если девица выйдет замуж, не согрешит. Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль* (1 Кор. 7, 25 — 28).

Весьма осторожно начав речь о девстве и намереваясь предложить совет, кому угодно, отдавать дочь свою замуж, чтобы в делах святости ничто не было по необходимости и принуждению, но по свободному произволению души, [потому что это угодно Богу], — он хочет говорить об этом, т.е. относительно замужества девицы, не в виде повеления и воли Господней. Именно, сказав: *если девица и выйдет замуж, не согрешит,* он опять предусмотрительно ограничивает это снисхождение, объявляя, что дает такой совет как человеческое позволение, а не божественное.

Далее после слов: *если девица выйдет замуж, не согрешит,* — он тотчас прибавил: *но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль* (1 Кор. 7, 28), т. е. я, щадя вас, други, дал такое позволение, если уже вы предпочитаете так рассуждать, чтобы не показалось, будто я влеку вас силою к этому и принуждаю когонибудь. Впрочем, если вы, будучи не в состоянии переносить девства, более склоняетесь к этому позволению, то и при этом, я думаю, для вас полезнее умерять плотские раздражения, не давая своим членам, под предлогом позволения вступать в брак, нечистого употребления. Поэтому он прибавляет: *я вам сказываю, братия: время уже коротко; так что имеющие жен должны быть, как не имеющие* (1 Кор. 7, 29).

Потом опять настойчиво убеждая к тому же, он так ведет речь, чтобы еще сильнее утвердить расположение к девству. В дополнение к вышесказанному он буквально говорит следующее: *я хочу, чтобы вы были без забот. Неженатый заботится о Господнем; а женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужнею и девицею: незамужняя заботится о Господнем, чтобы быть святою и телом и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу* (1 Кор. 7, 32 — 34). Без сомнения, ясно для всех, что заботиться о Господнем и угождать Богу гораздо лучше, нежели заботиться о мирском и угождать жене. Кто же так глуп и слеп, чтобы не понять отсюда, что увещание Павла клонится больше к девству? *Говорю это,* — продолжает он, — *для вашей же пользы, не с тем, чтобы наложить на вас узы, но чтобы вы благочинно [служили Господу]* (\ Кор. 7, 35).

ГЛАВА XIV. Девство есть дар Божий, и решимость на него не всяким безрассудно должна быть принимаема

Кроме вышесказанного, представь и то, что, по учению Павла, расположение к девству даруется Богом. Поэтому тех из невоздержанных, которые решаются на него из тщеславия, он отвергает, советуя вступать в брак, чтобы во время зрелого возраста, когда начнутся плотские волнения и страсти, они не посрамились, раздражаясь в душе. Посмотрим же, как он учит. *Если кто,* — говорит он, — *почитает неприличным для своей девицы то, чтобы она, будучи в зрелом возрасте, оставалась так, тот пусть делает, как хочет; не согрешит; пусть таковые выходят замуж* (1 Кор. 7, 36).

Здесь он, собственно, предпочитает брак посрамлению для тех, которые, решившись оставаться в девстве, потом унывают и тяго-

---

[1] Под Пасхой здесь подразумеваются дни воспоминания страданий Христова, ближайшие к празднику Пасхи, и в особенности Великая Суббота.

тятся, и на словах из стыда перед людьми представляются воздержанными, а на Деле не могут долее оставаться в девстве. Тому же, кто по собственному и свободному расположению решается соблюдать свою плоть девственной, не будучи стесняем нуждой (1 Кор. 7, 37) (т. е. страстью, возбуждающей в чреслах похоть, потому что тела, как известно, бывают различных свойств), и притом, если он соревнует, и подвизается, и твердо пребывает в своем обете, и прекрасно выдерживает его до конца, [Павел] заповедует быть твердым и соблюдать это, отдавая преимущество девству. Кто может, говорит он, и старается сохранить свою плоть девственной, тот делает лучше; а кто не может и вступает в законный брак, а не растлевает себя тайно, тот поступает хорошо. Впрочем, об этом довольно. Желающий пусть возьмет в руки Послание к Коринфянам и, вникнув подробно в написанное там, пусть потом рассмотрит сказанное нами и сравнит, есть ли между тем и другим полное согласие и единомыслие.

Вот что и я по силам приношу тебе, Арета, в рассуждение о девстве».

Еввул. Весьма многословно, Григора, но едва коснулась она предмета, измерив и проплыв обширнейшее море слов.

Григора. Кажется, так; но будем припоминать по порядку и в точности излагать и остальное, что, мне кажется, еще раздается в моих ушах, прежде, нежели оно улетит и исчезнет, потому что у стариков легко изглаживается из памяти недавно слышанное.

Еввул. Скажи же, мы для того и сошлись, чтобы охотно послушать эти речи.

Григора. Итак, когда Фалия, как ты сказал, совершив свое безмятежное плавание, сошла на землю, то Феопатра, по порядку сменив ее, как она сама говорила, сказала следующее.

РЕЧЬ IV. ФЕОПАТРА

ГЛАВА I. Необходимо прославлять добродетель всякому, у кого есть к тому способность

«Если бы мудрость словесного искусства, девы, стояла на одной и той же степени и постоянно шла одним и тем же путем, то не было бы никакого способа не наскучить вам для меня, решающейся говорить о предмете уже рассмотренном. Но так как есть множество оборотов и способов речи, при помощи Бога, *многократно и многообразно* вдохновляющего нас (Евр. 1, 1), то какая надобность таиться и страшиться? Притом не безвинен тот, кто, будучи причастен благодати, не станет прославлять прекрасного благодарственными речами и не будет порицать дурного. Поэтому и мы будем восхвалять это блистательнейшее и почтеннейшее из дарований, светило Христово, девство. Это — пространнейший и обильнейший путь Духа.

Поэтому, о чем говорить нам покажется приличным и соответственным вышесказанному, с того и надобно начать рассуждение.

ГЛАВА II. Целомудрие и девство даны Богом в охрану людям, чтобы они избавлялись от нечистоты пороков

Мне кажется, я точно дознала, что нет ничего столь действительного для возвращения в рай, для восстановления в нетление и примирения с Богом и столь спасительного для людей, руководствующего нас к жизни, как девство. Постараюсь теперь раскрыть это, как понимаю, чтобы вы, ясно услышав о силе упомянутого дарования, узнали, какие оно доставило нам блага. В древности, после того как человек за преслушание был изгнан [из рая] и переселен, поток тления разлился широко и, несясь с необычайной стремительностью, не только вовне беспорядочно увлекал все встречающееся, но и, вторгаясь внутрь, потоплял души. Одни из них, часто подвергаясь этим нападениям, увлекались слепо и бесчувственно, оставив управление своими ладьями, потому что не имели за что бы ухватиться твердое. Ибо душевные чувства, как утверждают сведущие в этом, быв поражаемы нападающими извне страстями и подвергаясь потоку вторгающейся внутрь волны безумия, тотчас сбиваются с прямого пути, не имея возможности от помрачения благополучно проходить все его естественное течение. Поэтому Бог, сжалившись над нами, находившимися в таком положении и не имевшими сил восстать и оправиться, послал с небес превосходнейшую и славнейшую помощь — девство, чтобы, прикрепив к ней наши тела, подобно кораблям, мы наслаждались тишиной и безвредно вошли в пристань, как свидетельствует и Святой Дух. Это содержится в сто тридцать шестом псалме, где души, переселившиеся и взятые отсюда и уже шествующие со Христом на небе, радостно воспевают благодарственную песнь Богу, что они не были увлечены земными и телесными волнениями. Потому и фараон египетский, говорят, стал образом диавола, когда повелел беспощадно бросать в реку младенцев мужского пола, а женский пол оставлять в живых (Исх. 1, 16): ибо и диавол, царствовавший от Адама до Моисея над великим Египтом, т. е. над миром, старался ввергать в потоки страстей и убивать мужские и разумные порождения души; а плотские и безумные старается он умножать и увеличивать.

ГЛАВА III. Объясняется псалом Давида «На реках Вавилонских». Что означают арфы, повешенные на вербах? Верба — символ девства. Вербы, напоенные водами

Но, чтобы нам не отступить от предмета, возьмем в руки и объясним тот псалом, который воспевают Богу чистые и непорочные души. *При реках Вавилона,—* говорят они,— *там сидели мы и плакали,*

когда вспоминали о Сионе; на вербах посреди его повесили мы наши арфы (Пс. 136, 1—2). Арфами они ясно называют свои [телесные] хижины, которые, связав ветвями девства, они повесили на дереве, чтобы они не могли быть отторгнуты и опять увлечены потоком невоздержания. Ибо Вавилон, означающий *смятение,* или *смешение* (Быт. 11, 9), указывает на здешнюю, окруженную водами жизнь, среди которой мы, пока находимся в мире, утопаем в реках порока, постоянно устремляющихся на нас. Поэтому мы и страшимся и взываем к Богу с плачем и рыданием, чтобы арфы наши (т. е. тела) не погибли, быв отторгнуты волнами сластолюбия от дерева девства. Ибо верба в Священных Писаниях везде принимается за образ девства (Лев. 23, 40; Ис. 44, 4); потому что цвет ее, истертый в воде и выпитый, погашает все, что возбуждает похоть и сладострастие, а иногда делает совершенно бесплодным и непроизводительным всякое детородное пожелание, как заметил и Гомер, поэтому назвавший вербы *губящими плоды*[1]. И у Исаии говорится, что *праведники будут расти, как ивы при потоках вод* (44, 4). Подлинно, ветвь девства вырастает крепко и пышно тогда, когда праведник и тот, кому поручено соблюдать и возделывать ее, напаяется тихими потоками Христовыми, орошаясь премудростью. Как это дерево обыкновенно зеленеет и растет от воды, так и девство обыкновенно цветет и возрастает, укрепляясь [священными] речениями, так что всякий может повесить на нем свою арфу.

ГЛАВА IV. Писатель продолжает объяснение того же места

Итак, если реки Вавилонские, как утверждают мудрые, суть потоки сладострастия, возмущающие и растлевающие душу, то вербы должны означать целомудрие, посредством которого, привешивая, мы возвышаем орудия похоти, тяготеющие вниз и погружающие ум, чтобы они, нисходя по протокам невоздержания, подобно червям, не смешались с нечистотами и гнилостью. Бог даровал девство как полезнейшее и действительное средство к достижению нетления, послав в нем союзника тем, которые желают и стремятся к нему; их псалмопевец разумеет под именем Сиона, который означает блистательную любовь и заповедь о ней; так как слово *Сион* значит: *заповедь наблюдения*[2]. Так будем рассуждать и о дальнейшем. О чем же говорят души, утверждая, что пленившие требовали от них *петь песнь Господню на земле чужой?* Без сомнения, они учат, что Евангелие есть священная и таинственная песнь, которую только грешники и прелюбодеи воспевают перед лукавым. Ибо они преступают заповеди, исполняя волю духов злобы, и бросают святыню псам и жемчуг перед свиньями (Мф. 7,6), подобно тем, о которых с негодованием говорит пророк: *и вне читали закон* (Амос. 4, 5)'. Не за то пророк сильно укоряет их и провозглашает виновными в преступлении, что они выходили читать закон за ворота Иерусалима или [за двери] домов, но за то, что, нарушая заповеди и совершая нечестие перед Богом, они лицемерно, как будто благочестивые, читали заповеди, а в душе не принимали их, не содержали с верою, напротив, презирали, отвергая их своими делами. Поэтому они и поют песнь Господню на земле чужой, низким образом извращая и толкуя закон, ожидая чувственного царства и возлагая свои надежды на эту чуждую землю, о которой Слово [Божие говорит], что она пройдет (2 Петр. 3, 10), и в которой пленившие увлекают их приятностями, коварно доводя до обольщения.

[1] Одиссея, X, 510.
[2] С еврейского Ziwah, заповедь; и Zijum, знак, памятник.

ГЛАВА V. Свойства девственниц, которыми украсившись они усвояются одному мужу — Христу

Возвещающие Евангелие безумным подобны поющим песнь Господню на земле чужой, которой возделыватель не Христос; а облекшиеся и сияющие чистейшей, светлой, непорочной, благочестивой и благовидной красотой девства, оставшиеся бесплодными и непроизводительными в отношении к преходящим и прискорбным страстям, не поют песни на земле чужой, потому что не туда они стремятся надеждами, не предаются пагубным наслаждениям смертных тел и не низко понимают смысл заповедей, но прекрасно и благородно, с высоким разумением внимают горним обетованиям, жаждая небесного и сродного им жилища. Поэтому и Бог, радуясь таким помыслам их, с клятвой обещает даровать им превосходные почести, поставить впереди и посадить их во главе веселия. Он так говорит: *если я забуду тебя, Иерусалим, — забудь меня, десница моя; прилипни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего* (Пс. 136, 5 — 6). Иерусалимом называет Он, как я сказала, эти самые чистые и непорочные души, которые, воздержно вкушая питие девства неоскверненными устами, обручаются *единственному мужу,* чтобы предстать на небе *Христу чистою девою* (2 Кор. 11, 2), одержав победу *непорочными подвигами* (Прем. 4,2). Так и пророк Исайя возглашает: *восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою* (60, 1). А что эти обетования исполнятся по воскресении (Флп. 3, 11), это ясно для всякого; ибо Дух Святой пророчествует не об иудейском известном городе, но о том небесном и поистине блаженном городе Иерусалиме, который есть собрание душ, которые Бог, по Его словам, ясно обещает поставить впереди, первыми, во главе веселия новых веков, поселив их, облеченных блистательнейшей красотой девства, в чистом жилище незаходимо-

' По переводу 70-ти толковников.

го света, за то, что они не думали совлекать с себя украшение невест, т. е. омрачать ум гнусными помыслами.

ГЛАВА VI. Девство везде и всегда должно быть соблюдаемо и восхваляемо

Подлинно, слова Иеремии: *забывает ли девица украшение свое и невеста — наряд свой* (2, 32) — означают то, чтобы не распускать и не ослаблять уз целомудрия перед соблазнами и обольщениями. Ибо под словом «грудь», конечно, разумеются мысли и ум наш; а «грудная повязка» — этот пояс, связывающий и укрепляющий расположение души к девству,— есть любовь к Богу, который [пояс] Предводитель наш и Пастырь, Владыка и Жених Иисус да поможет мне и вам, прекрасные девы, сохранить до конца неослабным и запечатленным; потому что нелегко найти другую помощь людям лучше этого сокровища, угодного и приятного Богу. Поэтому я утверждаю, что все должны почитать девство и всегда соблюдать и восхвалять его. Этих начатков речей от нас да будет достаточно для тебя, Арета, как для шутки, так и не для шутки». «Принимаю этот дар, — сказала Арета, — но предлагаю говорить после тебя Фаллусе; потому что мне нужно от каждой из вас выслушать по речи». Фаллуса, помедлив немного и как бы углубившись в себя, сказала.

РЕЧЬ V. ФАЛЛУСА

ГЛАВА I. Обет девства есть великое приношение

«Прошу тебя, Арета, быть мне и теперь помощницей, чтобы речь моя оказалась достойной, во-первых, тебя, а потом и [прочих присутствующих. Я убеждена, достаточно научившись из Священных Писаний, что подвиг девства есть величайшая и превосходнейшая жертва и дар, достойнее которого люди не могут ничего другого принести Богу. Подлинно, многие во время закона совершили много прекрасных дел по обетам, но совершившими великий обет назывались только те, которые по свободной воле пожелали посвятить [Богу] самих себя. Так говорится в одном месте: *и сказал Господь Моисею, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: мужчина или женщина, который даст великий обет, соблюдать чистоту пред Господом...* (Числ. 6, I)[1]. Иной обещает принести и посвятить в храм золотые и серебряные сосуды, другой — посвятить десятину от плодов, иной — (десятину) от имений, другой — самое лучшее из стад, иной — все имущество; но никто из них еще не может назваться давшим великий обет Господу, а только тот, кто всецело посвятил Богу самого себя.

[1] По переводу 70-ти толковников.

ГЛАВА II. Что значит принесение Авраамом в жертву трилетней телицы, трилетней козы и трилетнего овна? Всякий возраст должен быть посвящаем Богу. Трикратная смена стражи и наш возраст

Надобно постараться перед вами, девы, надлежащим образом объяснить смысл Писания касательно предложенного предмета. Кто отчасти соблюдает себя и внимателен к себе, а отчасти развлекается и согрешает, тот не всецело посвящает себя Богу. Ибо надобно совершенно всего себя посвятить [Богу], как по душе, так и по телу, чтобы быть вполне благоустроенным и не иметь недостатка. Поэтому и Аврааму Бог повелевает: *возьми,* — говорит, — *Мне трилетнюю телицу, трилетнюю козу, трилетнего овна, горлицу и молодого голубя* (Быт. 15, 9). Прекрасно. Смотри, как Он и здесь внушает тоже: «Принеси Мне и соблюди то, что не было под ярмом и плугом, именно душу свою, как телицу, также и плоть и ум: первую как бы козу, ибо она ходит по стремнинам и утесам; а последний как бы овна, чтобы он, прыгая, не пал и не уклонился от истины; таким образом ты, Авраам, будешь совершенным и непорочным, посвятив Мне и душу, и чувство, и ум», — которые символически Он назвал трилетними телицей, козой и овном, как бы указывая на правильное понятие о Троице. А может быть, Он намекает на первый, средний и последний путь нашей жизни и нашего возраста, желая, как и вполне следует, чтобы мы посвящали Ему и детский, и мужеский, и старческий возрасты, провождая целомудренную жизнь, как и Господь наш Иисус Христос говорит в Евангелиях, заповедуя так: *да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи; и вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны вы; ибо он посадит вас, и, подходя, станет служить. И если во вторую и в третью стражу [найдет так], то блаженны вы* (Лк. 12, 35 — 38). Смотрите, девы, как Он, представляя три ночных стражи, вечернюю, вторую и третью, и три прибытия свои, указал на три смены нашего возраста, детскую, мужескую и старческую, чтобы прийти и взять нас от мира, хотя бы мы были в первом возрасте, т. е. детьми, если Он найдет нас готовыми и чистыми и не преданными ничему порочному, также хотя бы во втором, хотя бы в третьем. Ибо вечерняя стража есть время цветущего возраста человека и юности, когда ум начинает смущаться, увлекаясь развлечениями жизни, а плоть его созревает и предается страсти; вторая, когда он делается совершенным мужем, и ум начинает достигать устойчивости и твердости против смятения и тщеславия; а третья, когда пожелания большей частью прекращаются, и плоть уже увядает и склоняется к старости.

ГЛАВА III. Самое лучшее — с детства упражняться в добродетели

Посему, зажегши в сердце неугасимый светильник веры и препоясавши чресла целомудрием, дблжно бодрствовать и постоянно ожидать Господа, чтобы Он, захочет ли взять кого-либо из нас в первом возрасте, или во втором, или в третьем, пришедши и нашедши нас готовыми и исполнившими заповеданное, упокоил в недрах Авраама, Исаака и Иакова. *Благо человеку,* — говорит Иеремия,— *когда он несет иго в юности своей* (Плач. 3, 27), и от Господа не удаляется душа его (Иер. 17, 5). Поистине благо тому, кто, с детства подклонив выю под учение божественное, до старости не сбрасывает этого всадника, сидящего над чистыми мыслями, потому что лукавый постоянно увлекает ум к худшему. Напротив, кто, не перенося целомудрия, этого возницы, обуздывающего и укрощающего коня нечестия, не предается удовольствиям и наслаждениям посредством зрения или слуха, вкуса, обоняния и осязания? Иной, имея в виду что-нибудь другое, будет думать иначе, а мы утверждаем, что совершенно посвящает самого себя Богу тот, кто с детства старается хранить и плоть свою чистой, соблюдая девство. Ибо оно скоро доставляет посвятившим себя ему вожделенные великие дары надежд, ослабляя пагубные страсти и раздражения души. Объясним же, каким образом мы можем посвящать себя Господу.

ГЛАВА IV. Какой же обет и посвящение Богу — совершенны?

Итак, заключающаяся в Книге Чисел заповедь о великом обете (Числ. 6, 2) указывает на то, что величайший из всех обетов есть обет девства. Ибо, очевидно, тогда я всю себя посвящаю Господу, когда стараюсь сохранить плоть не только непричастной совокуплению, но незапятнанной и другими нечистотами. *Незамужняя,* — говорит апостол, — *заботится о Господнем, как угодить Господу* (1 Кор. 7, 34), не только так, чтобы получить славу хромающей на одну сторону добродетели, но чтобы с обеих сторон, по словам апостола, и телом и духом быть святой, посвящая члены свои Господу. А что значит совершенно посвятить себя Господу, об этом надобно сказать. Если я буду раскрывать уста свои для чего-нибудь одного и закрывать для другого, например, если буду раскрывать для объяснения Писаний, чтобы по возможности православно и великолепно прославлять Бога, и закрывать, прилагая к ним *дверь ограждения* (Пс. 140, 3), чтобы не говорить пустого, то уста мои действуют и посвящены Богу; *язык мой* стал *тростию* (Пс. 44, 2), орудием мудрости; ибо через него явственными письменами пишет духовное Слово, просвещающее ум глубиною и силою Писаний, Господь, вечный *книжник скорописец;* так как Он один скоро и быстро пишет и исполняет волю Отца, слыша слова: *спешит грабеж, ускоряет добыча* (Ис. 8, 1). Этого книжника тростию и становится язык мой. Ему он девственно предан и посвящен, как прекрасная трость, пишущая прекраснее поэтов и ораторов, раскрывающих учения человеческие. Также если я приучу глаза не устремляться с вожделением на красоту телесную и не услаждаться непристойными зрелищами, но созерцать горнее, то и глаза мои девствуют и посвящены Господу. Если я, заградив уши от злословия и пустословия, буду открывать их для Слова Божия, посещая мудрых (Сир. 6, 36), то слух свой я посвятила Господу. Если я буду удерживать руки от ростовщичества, от перепродажи, от любостяжания, от нанесения ударов, то и руки мои действуют для Бога. Если я удержу ноги от хождения по путям разврата, то и ноги я посвятила [Богу], ходя не на судилища и пиршества, где бывают люди нечестивые, но употребляя их на исполнение какой-либо заповеди. Что мне за тем остается, если я действую и по сердцу, посвятив Господу все помышления его, если не думаю ни о чем дурном, если нет во мне ни гордости, ни гнева, и днем и ночью занимаюсь законом Господним? Это и значит быть чистым великой чистотой, обещаться великим обетом (Числ. 6, 1).

ГЛАВА V. Обет девства и постановление о нем в законе, Виноградные лозы — Христос и диавол

Я постараюсь объяснить вам, девы, и следующие за тем предписания, так как и они касаются ваших обязанностей, составляя законоположения о девстве и требования, научающие, от чего дева должна воздерживаться и удаляться. Там написано так: *и сказал Господь Моисею, говоря, объяви сынам Израилевым и скажи им: если мужчина или женщина даст великий обет соблюдать чистоту пред Господом, то он должен воздерживаться и от вина, и крепкого напитка и не должен употреблять ни уксусу из вина, ни уксусу из напитка, и ничего приготовленного из винограда не должен пить, и не должен есть ни сырых, ни сушеных виноградных ягод во все дни обета своего* (Числ. 6, 1—4)[1]. Это значит: кто обрек и посвятил себя Господу, тот не должен срывать плодов с дерева нечестия, потому что они всегда производят опьянение и исступление. Ибо мы знаем из Писаний, что есть два рода винограда, которые растут отдельно друг от друга и различны между собою. Один доставляет бессмертие и правду, а другой бывает причиной неистовства и безумия. Виноград, отрезвляющий и веселящий (Зах. 9, 1 — 7; Пс. 103, 15), радостно производящий из глаголов своих, как бы из ветвей, грозды дарований, источающие любовь, есть Господь наш Иисус Христос, который ясно говорит апостолам: *я есть истинная виноградная лоза, вы ветви, а Отец Мой — виноградарь* (Ин. 15, 1 —5).

[1] По переводу 70-ти толковников.

Дикий же и смертоносный виноград, источающий неистовство, яд и гнев, есть диавол, как говорит Моисей, описывая его так: *виноград их от виноградной лозы Содомской и с полей Гоморрских; ягоды ядовитые, грозды их горькие; вино их яд драконов и гибельная отрава аспидов* (Втор. 32, 32 — 33). Им насыщаясь, жители Содома дошли до такого неистовства, что предались противоестественному бесплодному мужеложеству (Быт. 18, 20; 19, 5). Им упиваясь, современники Ноя впали в неверие и погибли под водами потопа (Быт. 6, 7). Отсюда почерпая, Каин обагрил братоубийственные руки и осквернил землю родственной кровью (Быт. 4, 8). Им упиваясь, народы возбуждают ярость свою к убийственным войнам друг против друга. Не в такое приходит человек исступление и умопомешательство от вина, как от зависти и гнева; не столько пьянеют и неистовствуют от вина, сколько от скуки, от любовной страсти, от невоздержанности. От этого винограда запрещено вкушать деве, чтобы она, оставаясь трезвенной и неусыпляемой от житейских забот, возжигала Слову светильник, сияющий светом правды. *Смотрите же за собою,* — говорит Господь, — *чтобы сердца ваши не оттягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот не постиг вас, как сеть* (Лк. 21, 34).

ГЛАВА VI. Сикер — вино искусственное и поддельное, и также опьяняющее. Деве нужно остерегаться и от того, что близко ко греху. Девы — жертвенник фимиама

Деве запрещено касаться каким-либо образом не только того, что приготовляется из этого винограда, но и того, что сходно и сродно с ним; так, крепким напитком называется всякое искусственное и поддельное вино, будет ли оно приготовлено из фиников или из других древесных плодов. И эти напитки столь же сильно омрачают разум, как и употребление вина. И если сказать вам правду, то мудрые называют сикером все, что, подобно виноградному вину, производит опьянение и исступление души. Поэтому, чтобы дева, охраняя себя только от существенных грехов нечестия, не осквернялась подобным и сродным с ними, от одного воздерживаясь, а другому предаваясь, например украшаясь тканями отличных одежд или камнями и золотом и другими телесными украшениями, которые также опьяняют душу, — для этого предписывается, чтобы она не предавалась чрезмерно женскому легкомыслию, смеху, притворству и пустословию, которые кружат и смущают ум, как и в других местах внушает [Писание], когда говорит: *не ешьте гиены и тому подобных, и крота и тому подобных* (Лев. 11, 27 — 29). Ибо тот самый прямой и краткий путь к небу, чтобы не только не брать с собою ничего препятствующего и вредного для человека, склонного к сладострастию и наслаждениям, но и подобного тому. Подлинно, сонм девственниц есть бескровный жертвенник, как говорит предание;

таким великим и славным стяжанием является девство. Поэтому всячески дблжно соблюдать его незапятнанным и чистым, непричастным плотских нечистот, и ставить его пред [ковчегом] откровения внутри Святого Святых позлащенным премудростью и воскуряющим фимиам любви Господу. *Сделай Мне,* — говорит Он, — *кроме жертвенника, обложенного медью, для всесожжения, на котором приносились жертвы, другой жертвенник из дерев негниющих, обложи его золотом, и поставь его пред завесою, которая пред ковчегом откровения, против крышки, которая на ковчеге откровения; где Я буду открываться тебе. На нем Аарон будет курить благовонным курением, каждое утро, когда он приготовляет лампады, будет курить на нем всегдашнее курение пред Господом в роды ваши. Не будет приноситься на нем никакого иного курения, ни всесожжения, ни приношения хлебного, и возлияния не будет возливаться на нем* (Исх. 27, 2 — 3; 30, 1—9).

ГЛАВА VII. Церковь находится в середине между тенями закона и небесными истинами

Если закон, по словам апостола, духовен и заключает в себе образы *будущих благ* (Евр. 10, 1), то, сняв с него покрывало письмен, мы можем открыто видеть непокровенную истину. Евреям было заповедано украсить скинию, подобие Церкви, чтобы они могли посредством чувственных предметов предвозвещать образ божественных. Ибо образец, показанный на горе, на который взирая Моисей устроил скинию (Исх. 30, 40), был точным отражением небесного селения, перед которым мы теперь служим яснее прообразов, но темнее самой истины. Сама истина, какова она есть сама по себе, еще не пришла к нам — людям, которые здесь не можем переносить созерцания чистого нетления, как не можем смотреть на лучи солнечные. Евреи возвещали тень образа, третью от истины; мы же светло величаем образ небесного селения. А сама истина в точности откроется по воскресении, когда мы *не гадательно и отчасти, а лицем к лицу* (1 Кор. 13, 12) будем созерцать святую скинию, тот небесный город, *которого художник и строитель Бог* (Евр. 11, 10).

ГЛАВА VIII. Два жертвенника — вдовы и девы. Золото — символ девства

«Иудеи предвозвещали о нашем, а мы возвещаем о небесном, так как скиния была символом Церкви, а Церковь — небес. Если это так, если скиния, как я сказала, принимается за образ Церкви, то необходимо, чтобы жертвенники служили какими-нибудь знаками принадлежности Церкви. Жертвенник, обложенный медью, можно уподобить старческому отделу вдов; ибо они суть одушевленный

жертвенник Божий, на который приносили тельцов, и десятины, и другие добровольные дары, посвящаемые в жертву Господу; а жертвенник, обложенный золотом, который находился внутри Святого Святых пред ковчегом откровения и на который запрещено было приносить жертву и возлияния, надобно сравнить с девственницами, укрепившими нерастленные совокуплением тела свои нетленным золотом. В похвалу золота указывают на два свойства его: на то, что оно не подвергается ржавчине, и на то, что по цвету своему оно несколько уподобляется солнечным лучам; оно справедливо и служит символом девства, которое не допускает пятна и порока (Еф. 5, 27) и постоянно сияет светом Слова. Поэтому оно и стоит внутри Святого Святых, весьма близко и пред самою завесою, вознося чистыми руками, как бы фимиам, молитву Господу в приятное благоухание, как внушает и Иоанн, говоря, что фимиамы в чашах двадцати четырех старцев суть молитвы святых (Откр. 5, 8). Вот что тебе, Арета, и я без приготовления посильно приношу в рассуждение о девстве».

Когда Фаллуса сказала это, — говорила Феопатра, — то Арета коснулась жезлом Агафы, которая, почувствовав, тотчас встала и отвечала.

РЕЧЬ VI. АГАФА

ГЛАВА I. Превосходство девы, соблюдающей свою красоту. Душа создана по подобию образа Божия, т. е. Сына. Диавол — обольститель души

«Так как ты, Арета, сама возбуждаешь великое дерзновение и уверенность и желание сказать что-нибудь хорошее, то и я постараюсь привести что-нибудь к рассуждению об этом предмете по моим силам, а не соответственно тому, что уже сказано. Ибо я не могу рассуждать наравне с тем, что так прекрасно и блистательно отделано. Кажется, я навлекла бы на себя обличение в неразумии, если бы решилась равняться с превосходнейшими в мудрости. Итак, если вы будете снисходительны и к тем, которые говорят как случится, то я приступлю к речи, впрочем, со всей тщательностью. Начну отсюда. Девы! Мы все приходим в сей мир одаренными красотой несравненной, сродной и близкой с Премудростью. Души в точности соответствуют Родившему и Образовавшему их в особенности тогда, когда они, сияя чистой красотой подобия [с Ним] и чертами того первообраза, созерцая который Бог образовал их имеющими бессмертный и нетленный вид, остаются такими. Ибо Он — эта красота нерожденная и бесплотная, не имеющая начала и не причастная разрушению, неизменная, нестареющая и ни в чем не нуждающаяся, Сам в Себе и по Себе Свет, обитающий в неизреченном и неприступном жилище (1 Тим. 6, 16), преизбытком могущества содержащий и творящий и

образующий все, создал душу по подобию Своего Образа. Потому она и разумна и бессмертна; ибо она, быв создана по образу Единородного, как я сказала, имеет несравненную красоту. Потому и духи злобы (Еф. 6, 12), по нечистой любви к ней, строят козни, стараясь осквернить этот богоподобный и вожделенный вид ее, как изображает и пророк Иеремия в обличение Иерусалима: *у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд с любовниками твоими* (Иерем. 3, 3), говоря о той, которая отдает сама себя на осквернение враждебным силам. Эти любовники суть диавол и ангелы его, которые своим вмешательством стараются запятнать и осквернить словесную и разумную красоту нашего ума и желают прелюбодействовать со всякой душой, обрученной Господу».

ГЛАВА II. Притча о десяти девах

Итак, если кто сохранит эту красоту незапятнанной, неповрежденной и такой, какой запечатлел ее Сам создавший и украсивший ее по подобию вечного и разумного Существа, Которого человек есть образ и подобие, явившись как бы прекраснейшим и священным Его изображением, то он, переселившись отсюда в город блаженных, т. е. на небеса, поселится как бы во храме. Красота же наша всего лучше и надежнее сохраняется чистой тогда, когда она, ограждаясь девством, не чернится извне огнем растления, но, оставаясь одинаковой сама в себе, украшается правдой, обручившись Сыну Божию, как и Сам Он говорит, когда заповедует, чтобы в наших телах, как бы в светильниках, горел свет девства (Мф. 25). Десять дев означают души, верующие в Иисуса Христа; а числом десять изображается прямой единственный путь на небеса. Но пять из них были благоразумные и мудрые, другие же пять — глупые и неразумные; ибо они не позаботились наполнить свои сосуды елеем, не исполнившись правды. Под последними разумеются те, которые стремятся достигнуть цели девства и пристойно и трезвенно исполняют все, ведущее к достижению этой вожделенной цели, но, разглашая и тщеславясь этим намерением, ослабевают и побеждаются преходящей суетой мира и оказываются более начертывающими тень добродетели, нежели исполняющими саму одушевленную истину.

ГЛАВА III. Стремление и предначинания к девству бывают одинаковы, а последствия различны

Слова: *подобно Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху* (Мф. 25, 1), выражением десятеричного числа указывают на то, что ими избран был один и тот же путь жизни. Ибо они отправились, согласившись между собою на одно и то же дело, и потому полагаются в числе десяти, что имели, как я сказала, одно и то же намерение; но не одинаково

они вышли навстречу жениху. Одни из них в изобилии и на будущее время запасли пищу для светильников, питающихся елеем; а другие, заботясь только о настоящем, были беспечны. Разделение их на равные числа по пяти означает пять чувств, которые многие называют вратами мудрости и которые одни из них сохранили чистыми и девственными от грехов, а другие, напротив, исказили множеством неправд, предавшись нечестию. Они, при своем девстве воздерживаясь от дел правды, принесли более греховных плодов, отчего и произошло то, что они были отвергнуты и остались вне божественных чертогов. Ибо, делаем ли мы что-нибудь доброе или грешим, через эти [чувства] исполняются и добрые и злые дела. И как Фаллуса сказала, что есть девственность глаз, ушей, языка и прочих чувств, так и здесь пятью девами называется всякая сохранившая неповрежденной верность пяти проводников добродетели — зрения, вкуса, обоняния, осязания и слуха, когда она восприятия пяти чувств представляет чистыми Христу, светло сияя, подобно светильнику, святостью каждого из них. Поистине наше тело есть пятисвещный светильник, который душа, неся подобно факелу, представит в день Воскресения Жениху Христу, выразив проявляющуюся через все чувства светлую веру, как Он Сам научил, сказав: *огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся* (Лк. 12, 49), называя землей наши (телесные) хижины, в которых Он желал скорее возжечь животворное и пламенное действие Своего учения. А елей надобно уподобить мудрости и правде. Ибо, когда душа изобилует ими и проводит их в тело, то неугасимое пламя добродетели поднимается вверх, озаряя людей добрыми делами так, что прославляется Отец Небесный (Мф. 5, 16).

ГЛАВА IV. Что значит елей в светильниках?

Такой же елей приносили и те [ветхозаветные], по книге Левит, *елей чистый, выбитый, для освещения, чтобы горел светильник; вне завесы пред Господом* (Лев. 24, 2 — 3). Но им повелено было поддерживать самый слабый свет от вечера до утра. Ибо их светильник, питаемый делами и верой народа, кажется, соответствовал пророческому слову, прямо указывающему на целомудрие, а Храм (соответствовал) *уделу наследия* (Пс. 104, 11), так как светильник может светить только в одном доме. Посему этому светильнику надлежало гореть до наступления дня: *пусть возжигают его,* — сказано там, — *до утра* (Лев. 24, 3), т. е. до пришествия Христа; потому что когда воссияло Солнце девства и правды, то нет нужды в светильнике. Итак, доколе этот народ приносил необходимое для питания светильника, доставляя елей (добрыми) делами, дотоле у них не угасал светильник целомудрия, но всегда блистал и светил *в удел наследия.* Когда же этот елей оскудел оттого, что они уклонились от

веры в невоздержание, то светильник совершенно погас, дабы девы преемственно, как бы свыше озаряя мир нетлением, опять засветили эти светильники. Поэтому и ныне должно приносить в изобилии чистый елей добрых дел и мудрости, очищенный от всякого влекущего долу тления, дабы, в ожидании замедлившего Жениха, и наши светильники также не погасли. Это замедление есть время до пришествия Христова; дремота и сон дев — отшествие от жизни; полночь — царство антихриста, когда ангел-истребитель пройдет по (нашим) жилищам; а раздавшийся крик: *вот, Жених идет, выходите Ему навстречу* (Мф. 25, 6) — голос с небес и трубный звук, когда святые, по воскресении всех их, будут восхищены на облаках и пойдут в сретение Господу (1 Фес. 4, 16—17). Ибо надобно заметить, после этого крика *встали все девы,* — как говорит Слово (Божие), т. е. после голоса с небес мертвые воскреснут, как учит и Павел, когда говорит: *Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубы Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде* (1 Фес. 4, 16), т. е. (телесные) хижины, которые умерли, разлучившись с душами. *Потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем* (1 Фес. 4, 17); это он говорит о душах. Ибо мы, живущие, собственно суть наши души, которые вместе с телами, опять воспринятыми, на облаках пойдут навстречу [Господу], неся светильники, украшенные не чуждым и мирским украшением, но светом мудрости и целомудрия, исполненным эфирного сияния, подобно сияющим звездам.

ГЛАВА V. Награда девства

Таково торжество нашего таинства, прекрасные девы; таковы священнодействия посвященных в таинство девства; таковы награды чистых подвигов целомудрия (Прем. 4, 2). Я делаюсь невестой Слова и получаю в приданое вечный венец нетления и богатство от Отца; и вечно торжествую, увенчанная блестящими и неувядающими цветами мудрости; ликую на небе с Мздовоздаятелем Христом, близ безначального и бесконечного Царя. Я стала священосицей Незаходимого Света и воспеваю новую песнь в обществе Архангелов, прославляя новую благодать Церкви; ибо сонм дев всегда следует за Господом и торжествует вместе с Ним, где бы Он ни был. Это выражает и Иоанн, упоминая о ста сорока четырех тысячах (Откр. 7, 4). Итак, шествуйте, юные дщери новых веков! Шествуйте, наполняйте ваши сосуды правдой! Ибо уже время встать и идти навстречу Жениху. Шествуйте, смело проходя мимо забав и прелестей житейских, смущающих и очаровывающих душу; ибо вы получите обещанное. «Клянусь Тем, Кто указал нам путь жизни»[1].

---

[1] Гекзаметр, составленный применительно к ст. 47 так называемых «Золотых стихов» Пифагора.

Этот венок, сплетенный из пророчеств, и я собрала с пророческих лугов, и приношу тебе, Арета».

Когда Агафа так прекрасно окончила свою речь, говорила она, и удостоилась похвалы от тех, перед которыми произносила ее, тогда Арета еще предложила говорить Прокилле. Она же, вставши и занявши место перед палаткою, сказала следующее.

РЕЧЬ VII. ПРОКИЛЛА

ГЛАВА I. Какой истинно достойный способ хваления? Отец больше Сына по силе начала, но не по существу. Девство — лилия. Души верных и девы; единая невеста единого Христа

«Отставать мне, Арета, не следует даже и после таких речей, мне, несомненно верующей в многообразную Премудрость Божию, которая может богато и различно одарять тех, кого хочет. Мореплаватели говорят, что иногда для плавающих на кораблях дует один и тот же ветер; а между тем разные, управляя своим плаванием различно, направляются не в одну и ту же сторону. Для одних этот ветер, дуя прямо в корму, делается попутным, а для других он дует сбоку; однако и тех и других плавание совершается весьма удобно. Так и *разумный, святый и единородный Дух Премудрости* (Прем. 7, 22), тихо вея свыше из отеческих сокровищ и навевая на всех нас приятное дыхание ведения, да поможет безопасно совершить течение слова. Однако мне пора уже начать речь.

Истинный и основательный способ хвалы, девы, один тот, когда хвалящий представляет свидетеля, высшего хвалы и всего хвалимого. Ибо таким образом можно ясно убедиться, что словесная похвала делается не из угождения, не по необходимости, не по мнению, а по истине и нелицеприятному суду. Так и пророки, и апостолы, полнее рассуждая о Сыне Божием и богословствуя, что Он выше всех людей, не ангельскими словами подтверждали хвалы Ему, но Тем самим, от Которого зависит сила и власть всего. Ибо надлежало, чтобы больший всех прочих после Отца получил свидетельство от одного Отца, Который *более Его* (Ин. 14, 28). Поэтому и я буду подтверждать похвалы девству не человеческим мнением, а Тем, Который печется [о нас] и Который выше всего, объяснив, что Он есть возделыватель его, и любитель красоты его, и достоверный свидетель. Это может ясно видеть всякий желающий в Песни Песней, где Сам Христос, восхваляя твердо пребывающих в девстве, говорит: *что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами* (2, 2), сравнивая дар девства с лилией по чистоте, благоуханию, приятности и красоте. Подлинно девство есть весенний цветок, нежно произрастающий на своих всегда белых листьях цвет нетления. Поэтому Он и не стыдится открыто выражать свою любовь к

цветущей красоте его. *Пленила сердце мое ты, сестра моя, невеста,* — говорит Он далее, — *пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей. О, как прекрасна грудь твоя, и благоухание одежд твоих лучше всех ароматов! Сотовый мед каплет из уст твоих, невеста, мед и молоко под языком твоим, и благоухание одежды твоей подобно благоуханию Ливана! Запертый сад — сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник* (Песн. 4, 9 — 12). Такие похвалы воспевает Христос тем, которые вступили на поприще девства, изображая их под одним именем невесты, так как невеста должна соответствовать жениху и по названию приспособляться к нему; равно как должна быть чистой и непорочной, подобно запечатанному саду, в котором растут всякие ароматы небесного благоухания, чтобы один Христос, пришедши, срывал их, произросших от бестелесных семян. Ибо ничто плотское не удостаивается любви Слова, так как Оно по существу своему не услаждается ничем телесным, например руками, или лицом, или ногами, но взирает на невещественное и духовное и им утешается, не прикасаясь к красоте телесной.

ГЛАВА II. Объяснение места из Песни Песней (4, 9—12)

Заметьте, девы, что слова Его к невесте: *ты пленила сердце мое одним взглядом очей твоих,* — относятся к зрительному оку разума, когда внутренний человек, очистив его, ясно созерцает истину. Ибо всякому известно, что есть два чувства зрения: одно — душевное, а другое — телесное, но не о любви своей к телесному свидетельствует Слово, а только к духовному, когда говорит: *ты пленила сердце мое одним взглядом очей твоих, одним ожерельем на шее твоей.* Это значит: ты вожделенным взором мудрости твоей возбудила любовь в сердце Моем, сияя внутри светлой красотой целомудрия. Шейными ожерельями называются надеваемые на шею цепи, составленные из разнообразных и драгоценных камней. Души, заботящиеся о теле, надевают это чувственное украшение на внешнюю шею тела для обольщения зрителей, а девственные души придают себе внутри украшение, состоящее поистине из драгоценных и разнообразных камней: свободы, великодушия, мудрости, любви, мало заботясь о таких временных украшениях, которые, подобно листьям, несколько времени цветут и вместе с изменением тела увядают. Таким образом, у человека оказываются два украшения, из которых к внутреннему нетленному благоволит Господь, свидетельствуя, что *сердце Его пленилось одним ожерельем на шее невесты,* как бы выражая то, что Он возлюбил сияющее светом одеяние внутреннего человека, как свидетельствует и псалмопевец, говоря: *вся слава дочери царя внутри* (Пс. 44, 14).

ГЛАВА III. Девы, как мученицы, занимают первое место между близкими ко Христу

Впрочем, да не подумает кто-нибудь, что прочее общество верующих отвергается, вообразив, будто мы только — одни девы — будем введены в наследие обетования, и не сообразив, что там будут разные сонмы, и обители, и разряды, сообразно с верой каждого. Это и Павел изображает так: *иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе. Так и при воскресении мертвых* (1 Кор. 15, 41—42). И Господь свидетельствует, что не всем будут даны одни и те же почести, но одним Он присвояет Царство Небесное, другим обещает наследие земли, иным — созерцание Отца (Мф. 5). Так и здесь Он предвозвещает, что святой сонм дев, как первый разряд, войдет вместе с Ним в покой новых веков, как бы в брачный чертог. Ибо они принадлежат к мученикам, перенося телесные тягости не какое-нибудь краткое время, но страдая во всю жизнь и не убоявшись подвизаться поистине олимпийским подвигом девства; поэтому они, как сопротивляющиеся жестоким пыткам удовольствия, и опасениям, и скорбям, и другим бедствиям человеческого нечестия, прежде всех получают почести, занимая лучшее место обетования. Притом эти только души Слово называет своею избранной и истинной невестой, а прочие — сожительницами, и девицами, и дочерьми в следующих словах: *есть шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа, но единственная — она, голубка моя, чистая моя; единственная она у матери своей, отличенная у родительницы своей. Увидели ее дочери\ и — превознесли ее, царицы и наложницы, и — восхвалили ее* (Песн. 6, 8 — 9). То есть хотя много есть дочерей Церкви, но только одна есть избранная и возлюбленнейшая в очах Ее больше всех; это — сонм девственниц.

ГЛАВА IV. Объяснение места из книги Песнь Песней (6, 8—9). Царицы — души святых, живших до потопа. Сожительницы — души пророков. Божественное семя для рождения духовных плодов в книгах пророков. Тайный брак Слова с пророческими душами

Если же кто недоумевает, находя эти слова [Писания] еще недостаточно объясненными, и желает, чтобы они были полнее раскрыты в духовном их смысле, что такое царицы и девицы, то мы скажем, что они могут относиться к тем, которые от начала в течение веков отличались праведностью, как то: жившие прежде потопа, жившие после потопа и жившие со времени Христа. Так, невеста есть Церковь, а царицы — те царственные, угодившие Богу души, которые жили прежде потопа, т. е. времен Авеля, и Сифа, и Эноха; сожительницы же — души живших после потопа пророков, с которыми Господь вступая в общение как с сожительницами, прежде нежели Церковь соединилась с Ним, сеял в них истинные глаголы нетленного и чистого любомудрия, чтобы они, зачавши веру, родили *дух спасения* (Ис. 26, 18)[1]. Ибо такие плоды, приносящие приснопамятную славу, рождают те души, с которыми входит в общение Христос. Если вы, девы, захотите взглянуть в писания Моисея, или Давида, или Соломона, или Исаии, или последующих пророков, то вы увидите, какие спасительные для жизни плоды свои оставили они вследствие общения с Сыном Божиим. Поэтому Слово [Божие] мудро назвало души пророков сожительницами, потому что Он имел общение с ними не так явно, как с Церковью, за которую совершено заклание упитанного тельца (Лк. 15, 23).

[1] По переводу 70-ти толковников.

ГЛАВА V. Шестьдесят цариц: почему исчислено шестьдесят и почему они названы царицами? Превосходство святых первого века

Кроме того, чтобы ничто из необходимого не ускользнуло от вашего внимания, нужно объяснить, почему исчислено цариц шестьдесят, сожительниц восемьдесят, девиц столько, что и сосчитать нельзя, а невеста — одна. И во-первых, надобно сказать о шестидесяти. Здесь шестьюдесятью царицами, я думаю, называются те, которые от первозданного до Ноя преемственно угождали Богу, потому что они не имели нужды в предписаниях и законах для спасения, так как для них было еще недавним устройство мира в шесть дней. Они понимали, как Бог сотворил мир в шесть дней и что произошло в раю, как человек, получивши заповедь не касаться древа познания, пал, быв увлечен виновником зла (Быт. 3, 3). Поэтому [Писание] символически и назвало шестьюдесятью царицами эти души, которые вскоре по сотворении мира преемственно питали любовь к Богу и были, если можно так выразиться, почти порождениями первого века и близкими к шестидневному творению, потому что они жили, как я сказала, непосредственно после шести дней творения. Ибо они пользовались великой честью, беседуя с ангелами и часто созерцая Бога наяву, а не во сне.

Посмотрите, какое дерзновение имел пред Богом Сиф, какое Авель, какое — Енос, какое — Энох, какое — Мафусал, какое — Ной, первые любители правды и первые из *первенцев, написанных на небесах* (Евр. 12, 23), наследовавшие Царство как некоторый начаток растений во спасение, как произросший ранний плод Богу. Впрочем, о них довольно.

[1] По переводу 70-ти толковников.

ГЛАВА VI. Кто такие восемьдесят сожительниц? Преподанное пророками учение о воплощении

Еще надобно сказать о сожительницах. У тех, которые жили после потопа, познание Бога было более отдаленное и они имели нужду в другом учении, которое послужило бы им врачевством и помощью при распространявшемся идолопоклонстве. Поэтому, чтобы род человеческий не был омрачен забвением добра, Бог поручил Сыну Своему внушить пророкам будущее пришествие Свое в жизнь во плоти, во время которого возвестится радость духовного восьмого дня и ведение, доставляющее отпущение грехов и воскресение; ибо через него отсекаются человеческие страсти и тление[1]. Поэтому ряд пророков со времен Авраама по важности обрезания, в котором заключается восьмеричное число и от которого зависит и закон, назван восьмидесятые сожительницами, так как прежде обручения Церкви со Словом они первые, восприявши божественные семена, предвозвестили духовное обрезание в восьмой день.

ГЛАВА VII. Девицы — древние праведники. Церковь — единственная невеста, превосходнее всех прочих

Затем девицами, которым нет числа, называется множество тех, которые жили праведно под руководством высших и юношески и усердно боролись со грехом. Но из них ни царицы, ни сожительницы, ни девицы не сравниваются с Церковью. Ибо она, совершенная и избранная преимущественно перед всеми ими, состоящая и соединенная из всех апостолов, есть невеста, превосходящая всех красотой цветущей юности и девства. Поэтому она и ублажается и восхваляется другими, так как она обильно и видела и слышала то, чего те желали хотя бы на короткое время видеть, но не видели, и слышать, но не слышали. *Блаженны,* — сказал Господь ученикам, — *очи ваши, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали* (Мф. 13, 16 — 17). Потому пророки и ублажают Церковь и удивляются ей, что, чего они сами не сподобились слышать и видеть, того она удостоилась и сделалась причастницею. *Ибо шестьдесят цариц и восемьдесят наложниц и девиц без числа, но единственная — она, голубка моя, чистая моя* (Песн. 6, 8 — 9).

[1] Здесь имеется в виду христианское крещение, которое соответствует ветхозаветному обрезанию, совершавшемуся **в восьмой день** после **рождения младенца.**

ГЛАВА VIII. Человеческая природа Христа — единственная голубка Его

Иначе можно разуметь под невестой пречистую плоть Господа, для [восприятия] которой Он оставил Отца, снизошел сюда, соединился с ней и вместился в ней, вочеловечившись. Образно она названа голубкой потому, что это животное ручное, домашнее и охотно живущее вместе с людьми. Ибо она одна, так сказать, оказалась чистой, и непорочной, и превосходящей всех добротой и красотой праведности, так что никто даже из высоко угодивших Богу не может стать возле нее по сравнительному достоинству добродетели. Поэтому она и удостоилась быть соучастницей Царства Единородного, сочетавшись с Ним. И описанная в сорок четвертом Псалме царица, из многих ставшая одесную Бога, облеченная в золотое украшение добродетели, которой красоты возжелал Царь, есть, как я сказала, та пречистая и блаженная плоть, которую Само Слово, вознесши на небеса, посадило одесную Отца, облеченную в золотую одежду, т. е. в нетленные свойства, которые символически названы *золотыми украшениями* (Пс. 44, 14)[1]; ибо эта одежда составляется и сплетается из различных совершенств (как-то: девства, мудрости, веры, любви, терпения и прочих добродетелей), которые, прикрывая неблаговидность плоти, украшают человека золотым украшением.

ГЛАВА IX. Девы следуют непосредственно за царицей и невестой

А что вещает Дух в дальнейших словах Псалма после посаждения на престоле одесную Отца того Человека, Которого восприняло Слово, на это надобно обратить внимание. *За нею,* — говорит он, — *ведутся к Царю девы, подруги ее, приводятся с веселием и ликованием, входят в чертог Царя* (Пс. 44, 15 — 16). Здесь, кажется, весьма ясно Дух восхваляет девство и обещает, что за невестой Господа, как мы изложили, вторыми приступят к Всемогущему с радостью и веселием девы, окруженные и сопровождаемые ангелами. Так поистине достолюбезна и вожделенна красота девства, что вслед за Царицей, которую Господь вознес и представил безгрешной Отцу, приводится сонм ликующих дев, удостоенный второго места после невесты. Эти упражнения в слове о девстве и от нас, Арета, приносятся тебе на усмотрение».

Когда Прокилла высказала это, то Фекла сказала: «Теперь, после нее, моя очередь говорить, и я радуюсь, что мне присуще словесное искусство и что я чувствую себя внутри подобно цитре, настроенной и приготовленной сказать стройно и благоприлично».

[1] По преводу 70-ти толковников.

Арета: Прекрасно, Фекла, с удовольствием взираю на твое усердие, которое внушает мне уверенность, что ты подаришь мне речь, по силе своей соответствующую предмету; у тебя нет недостатка в знании круга философских наук и вякой учености, а что касается до евангельского божественного учения, то что и говорить о тебе, обогащенной премудростью Павла?

РЕЧЬ VIII. ФЕКЛА

ГЛАВА I. Производство слова «девство* в смысле почти «обожествления». «Добродетель» почему так называется?

«Итак, начнем речь прежде всего с самого названия, почему этот высший и блаженный образ жизни назван девством; затем, каков он, и какую имеет силу, и, наконец, какие приносит плоды. Ибо почти все едва ли знают о нем, хотя он превосходнее множества других свойств добродетели, какими мы стараемся очищать и украшать душу. Девство (itaouevia) через перемену одной буквы получает название почти обожествления (rcaoDeia), так как оно одно уподобляет Богу, владеющему им и посвященному в его нетленные тайны, выше чего невозможно найти другого блага, столь чуждого [мирской] радости и печали, которым оживляясь, крылья души поистине возрастают и делаются легкими, привыкая ежедневно возлетать выше человеческих забот. Если наша жизнь, как говорят мудрецы, есть публичное состязание, а мы выходим как бы на театре представлять драму истины, т. е. правду, между тем как против нас действуют и строят козни диавол и демоны, то нам необходимо устремлять взор горё и, воз летая, возвышаться и избегать очарований обольстительного голоса их и действий, прикрытых извне видом целомудрия, избегать более, нежели гомеровских сирен. Между тем многие, увлекаясь обманчивыми удовольствиями, теряют крылья и тяготятся вести нашу жизнь вследствие ослабления и недеятельности у них тех сил, которыми укрепляются в существе своем крылья целомудрия, поднимающие вверх то, что клонится к телесному растлению. Поэтому и ты, Арета[1], получила такое имя, как всегда шествующая с чистейшими мыслями, или потому, что ты сама по себе [избранная], или потому, что других поднимаешь и возносишь на небо; будь же ты мне руководительницею в речи, которую говорить ты сама приказала.

ГЛАВА II. Высокий образ мыслей и твердость святых дев. Вступление дев в блаженные обители прежде других

Те, которые потеряли крылья и предались удовольствиям, не отстают от здешних скорбей и забот, пока они, подчинившись страстной похоти невоздержания, не будут отвергнуты и удалены от области истины, как предавшиеся вместо стыдливого и целомудренного деторождения диким удовольствиям любви. Напротив, те, которые обладают хорошими крыльями и легко поднимались из сей жизни в места надмирные и видели издали то, чего никто из людей не видел, т.е. сами луга нетления, в изобилии произрастающие цветы несравненной красоты, постоянно стремятся к ним, вспоминая тамошние зрелища, и поэтому считают маловажными здешние воображаемые блага: богатство, славу, знаменитость рода, замужество, и ничего такого не считают важным. Но хотя бы кому-нибудь из них предстояло отдать тело свое зверям или огню на истязание, они с готовностью и без уныния переносят страдания, по любви и стремлению к тем благам; так что им кажется, что они, обращаясь в мире, не находятся в мире, но мыслью и желанием уже находятся в обществе жителей небесных. Подлинно крыльям девства по их природе свойственно не склоняться к земле, а возноситься на небо, в чистый эфир, в жизнь равноангельскую. Поэтому сохранившие точно и верно свое девство для Христа по призвании и переселении отсюда первые удостаиваются победных наград, получая от Него увенчание цветами нетления. Ибо говорят, что как скоро такие души оставляют мир, то встречающие дев ангелы с великим славословием сопровождают их на упомянутые луга, к которым они стремились и прежде, издалека созерцая их тогда, когда, еще находясь в телах, воображали предметы божественные.

ГЛАВА III. Жребий и наследие девства

Пришедши туда, [говорят], они созерцают некоторые дивные, и блистательные, и блаженные красоты, какие трудно выразить на языке человеческом. Ибо там существует сама правда и мудрость, сама любовь, и истина, и целомудрие, и прочие столь же прекрасные цветы и произрастения мудрости, которых одни только воображаемые тени мы здесь видим как бы во сне и думаем, что они состоят из дел человеческих; потому что здесь нет никакого ясного образа их, но одни только неясные очертания, которые мы и чувствуем, часто смутно воображая их. Здесь никто никогда не созерцал глазами величия, или вида, или красоты самой правды, или мудрости, или мира; а там они созерцаются в самой сущности, как они существуют, всецело и ясно. Ибо там есть древо самого целомудрия, древо любви, древо мудрости, и, как плоды здешних растений, например винограда, гранатового и яблочного деревьев, так точно плоды и тех растений срываются и вкушаются, только срывающие не стареют и не умирают, но возрастают в бессмертии и божественности, подобно тому как и первозданный, от которого мы все происходим, прежде падения и ослепления очей его, находясь в раю, наслаждал-

[1] От осретт] — добродетель.

ся плодами, так как, по Божию определению, человек был поставлен возделывателем и хранителем растений мудрости. Ибо такие же плоды возделывать поручено было и первому Адаму. И пророк Иеремия признает, что они существуют особо в каком-то месте, удаленном на великое расстояние от нашей вселенной, когда, оплакивая отпадших от вечных благ, говорит: *Познай, где находится мудрость, где сила, где знание, чтобы вместе с тем узнать, где находятся долгоденствие и жизнь, где находится свет очей и мир, кто нашел место ее или кто взошел в сокровищницы ее* (Вар. 3, 14 — 15)? Итак, в сокровищницы этих добродетелей, говорят, девы вступают и наслаждаются плодами их, орошаясь обильным и благоприятным светом, который, подобно источнику, изливает из них Бог, освещающий ту жизнь незаходимым светом; а они ликуют, благозвучно прославляя Бога. Ибо их объемлет воздух чистый и такой, в котором никогда не заходит солнце.

ГЛАВА IV. Увещание к соблюдению девства. Предлагается объяснение места из Откр. 12, 1—6

Итак, девы, дочери чистого целомудрия, мы стремимся к жизни блаженной и Царству Небесному. Ревнуйте и вы усердно о той же славе девства, как и предшественницы ваши, не много заботясь о здешней жизни. Ибо немало способствуют блаженству нерастление и девство, возвышая саму плоть на горнюю высоту и осушая влажность и бренную тяжесть ее высшей силой. Пусть же не заглушает вашего слуха нечистота, пресмыкающаяся по земле; пусть печаль не нарушает радости, ослабляя надежды на лучшее. Но без уныния отгоняйте от себя случающиеся с вами несчастья, не смущая разума воплями. Пусть всегда побеждает вера, и свет ее пусть рассеивает призраки, наводимые лукавым на сердце. Как иногда луна, сияя, наполняет небо блеском и воздух весь становится прозрачным — и вдруг черные облака, набежав откуда-нибудь с запада, немного затемняют свет ее, однако не уничтожают его, потому что тотчас рассеиваются силою ветра, — так точно и вы, девы, сияющие в мире девством, подвергаясь скорбям и затруднениям, не теряйте надежд. Ибо Духом будут рассеяны навеваемые лукавым облака, если и вы, как ваша Мать, родившая Девственного Младенца мужеского пола на небе (Откр. 12, 5), не убоитесь подстерегающего и преследующего змия. О ней я скажу вам несколько подробнее; ибо теперь благоприятный к тому случай. *И явилось на небе великое знамение,* — говорит Иоанн в Апокалипсисе,— *жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд. Она имела во чреве и кричала от болей и мук рождения. И другое знамение явилось на небе: вот, большой красный дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадем. Хвост его увлек с неба третью часть звезд и поверг их на землю. Дракон сей стал перед женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родит, пожрать ее младенца. И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхищено было дитя ее к Богу и престолу Его. А жена убежала в пустыню, где приготовлено было для нее место от Бога, чтобы питали ее там тысячу двести шестьдесят дней* (Откр. 12, 1—6). Повествуемое о жене и драконе, кратко сказать, этим оканчивается; но найти объяснение этого и высказать словами — превыше наших сил; впрочем, надобно решиться, веруя в Повелевшего *исследовать Писания* (Ин. 5, 39). Итак, если и вы согласны на это, то нет препятствий приступить к делу. Во всяком случае, простите, если я не в состоянии буду в точности выразить смысл Писания.

ГЛАВА V. Жена, рождающая при враждебном драконе, есть Церковь; ее священнолужение и благодать

Явившаяся на небе жена, облеченная в солнце и увенчанная двенадцатью звездами, которой подножием служила луна, и имевшая во чреве и кричавшая от болей и мук рождения, — это в собственном и точном смысле есть Мать наша, девы, некоторая сила, сама по себе отличная от детей своих, которую пророки, ввиду приписываемых ей свойств, называли то Иерусалимом, то Невестой, то горой Сионской, то Храмом и Скинией Божией. Ибо сила, стремящаяся к просвещению, по словам пророка: *Светись Иерусалим,* — как взывал к ней Дух, — *ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою. Ибо вот, тьма покроет землю, и мрак — народы; а над тобою воссияет Господь, и слава Его явится над тобою. И придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию. Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются, идут к тебе; сыновья твои издалека идут и дочерей твоих на руках несут* (Ис. 60, 1—4), — есть Церковь, дети которой все вместе придут к ней по воскресении, стекшись к ней отовсюду; а она, достигнув невечернего света и облекшись сиянием Слова, словно одеждой, будет радоваться. Ибо каким другим драгоценнейшим или достойнейшим украшением надлежало бы украшаться царице, которая облекается в свет, как в одежду, чтобы сделаться невестой Господа, для чего она и призвана Отцом? Приступите же, возвысившись умом, посмотрите, подобно как [смотрите] на брачных дев, на эту великую жену, которая сияет чистой и непорочной, всецелой и неувядающей красотой, ни в чем не уступающей сиянию света, вместо одежды облеченную в сам свет, вместо драгоценных камней украшенную на голове сияющими звездами. Ибо, что для нас одежда, то для нее свет; что для нас золото или блестящие камни, то для нее звезды не такие, какие находятся на видимом своем месте, но лучшие и блистательнейшие, так что здешние могут считаться не более как их образами и подобиями.

ГЛАВА VI. Дело Церкви — рождение детей в крещении. Она как бы свет луны при крещении. Полнолуние страдания Христова

То выражение, что она вступила *на луну,* по моему мнению, в переносном смысле указывает на веру очищающихся от [греховного] тления посредством крещения, потому что свет луны много походит на теплую воду и она имеет влияние на всю влажную стихию. Таким образом, при вере и обращении нашем как бы в образе луны предстоит Церковь, испытывая муки рождения и возрождая душевных в духовных, пока не достигнется полнота народов, почему она и есть мать наша. Ибо как жена, приняв безвидное семя мужа, в известный период времени рождает целого человека, так точно и Церковь, можно сказать, постоянно зачиная прибегающих ко Христу и образуя их по образу и подобию Христа, в известный период времени соделывает их гражданами той блаженной жизни. Поэтому она необходимо должна предстоять при крещении, как рождающая очищаемых им. Поэтому действие ее при крещении и называется луной, потому что возрождаемые, обновляясь, сияют новым блеском, который есть новый свет; потому они и называются *новопросвещенными,* чем в переносном смысле она указывает им на духовное полнолуние, период страдания [Христова] и всегда новое воспоминание о нем, пока не явится сияние и совершенный свет великого дня.

ГЛАВА VII. Рождение от жены в Апокалипсисе есть рождение не Христа, а верующих в крещении

Если же кто (нисколько не трудно сказать еще яснее), не удовлетворившись сказанным, возразит: почему вам, девы, предлагается объяснение вопреки смыслу Писания, тогда как в Апокалипсисе определенно говорится, что Церковь рождает младенца мужеского пола, а вы допускаете, что плодовитое рождение ее совершается омовением крещаемых? На это мы скажем: но, любитель словопрения, и тебе нельзя доказать, что рождаемый есть сам Христос. Ибо таинство вочеловечения Слова исполнилось задолго до Апокалипсиса; Иоанн же повествует о настоящем и будущем. Притом Христос, задолго рожденный, не был восхищен по рождении к престолу Божию из опасения, чтобы змий не причинил ему вреда (Откр. 12, 5); но для того Он и родился и сошел с Престола Отчего, чтобы укротить дракона, выдержав нападения его на плоть. Таким образом, и тебе необходимо признать, что Церковь имеет во чреве крещаемых, как и у Исаии в одном месте Дух говорит: *Еще не мучилась родами, а родила; прежде нежели наступили боли ее, избегла и разрешилась сыном. Кто слыхал таковое? Кто видал подобное этому? Возникала ли страна в один день? Рождался ли народ в один раз, как Сион, едва начал родами мучиться, родил сына* (Ис. 66, 7 — 8)? Кого же избегла? Конечно, дракона, чтобы этот духовный Сион родил народ, мужа, который бы, не имея женских слабостей и изнеженности, вступил в единение с Господом и укреплялся в ревности.

ГЛАВА VIII. Мужи суть верующие, в крещении уподобляющиеся Христу. Святые сами помазанники

Однако возвратимся к началу и станем объяснять сказанное, пока по порядку дойдем до конца. Итак, посмотри, не найдешь ли ты вероятным то, как исполняется слово [Божие]. По моему мнению, о Церкви сказано, что она рождает младенца мужеского пола; потому что просвещаемые получают черты, изображение и мужественный вид Христа, тогда как в них отпечатлевается образ Слова и рождается в них через истинное вёдение и веру так, что в каждом духовно рождается Христос. Для этого Церковь и носит во чреве и испытывает муки рождения, доколе не изобразился в нас родившийся Христос (Гал. 4, 19), чтобы каждый из святых через причастие Христу родился помазанником [Христом]. В этом смысле и говорится в одном месте Писания: *Не прикасайтесь к помазанникам Моим и пророкам Моим не делайте зла* (Пс. 104, 15), так как крещенные во Христа с причастием Духа делаются помазанниками, а Церковь здесь содействует изображению в них Слова и преображению их. Это подтверждает и Павел, который ясно учит так: *Для сего преклоняю колени мои пред (Богом и) Отцом, от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле, да даст вам по богатству благости Своей крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верою вселиться Христу в сердца ваши* (Еф. 3, 14 — 17). Ибо необходимо в душах возрождаемых отпечатлевается и изображается Слово истины.

ГЛАВА IX. Сын Божий, Который сам всегда существует, ныне рождается в душах и чувствах верующих

С вышесказанным, кажется, весьма сходно и согласно то, что изречено свыше от самого Отца Христу, пришедшему на Иордан для крещения водой: *Ты Сын Мой; Я ныне родил Тебя* (Пс. 2, 7; Мф. 3, 17). Ибо надобно заметить о том, что Он есть Сын Его, [Отец] сказал неограниченно по времени: Ты *еси,* — говорит Ему; а не: Ты *стал,* выражая, что Он не недавно происшедши получил усыновление, и, не существовавши прежде потом получил довершение, но что Он, быв рожден издревле, есть и будет одним и тем же. А слова: *Я ныне родил Тебя* — значат: Я восхотел Существовавшего на небесах прежде веков родить и в мире, т. е. прежде неведомого сделать ведомым. Подлинно для тех людей, которые еще не чувствуют многоразличной премудрости Божией, Христос еще не ро-

дился, т. е. еще не познан, еще не открылся, еще не явился. Если же и они восчувствуют таинство благодати, то и для них, когда они обратятся и уверуют, Он рождается через ведение и разумение. Поэтому о Церкви справедливо говорится, что Она всегда образует и рождает младенца мужеского пола — Слово. Итак, о рождении ее посильно сказано. Теперь следует перейти к сказанному о драконе и о прочем. Попытаемся же еще, девы, как-нибудь объяснить и это, нисколько не страшась величия притчей Писания. Если же что встретится затруднительное в этих словах, то я опять постараюсь как бы перевести вас через реку.

ГЛАВА X. Дракон — диавол. Звезды, увлеченные с неба хвостом дракона, — еретики. Числа Троицы, т. е. исчисление Лиц Ее. Заблуждение касательно Их

Дракон великий, красный, многообразный, многовидный, семиглавый, рогоносный, увлекающий третью часть звезд, подстерегающий, чтобы пожрать младенца рождающей жены, есть диавол, строящий козни, подстерегающий, чтобы извратить преданный Христу ум просвещенных и возродившийся в них образ и подобие Слова. Но он не достигает цели и не уловляет добычи, так как возрожденные восхищаются на высоту к престолу Божию, т. е. вверх к божественному седалищу и непоколебимому основанию истины возвышается ум обновленных, научившихся созерцать тамошнее и представлять тамошнее, дабы он не был обольщен драконом, пресмыкающимся долу. Ибо ему не позволяется губить тех, которые стремятся и взирают горё. Звезды же, которые он, касаясь их вершины концом хвоста, совлекает на землю, суть еретические секты. Ибо собрания иноверных надобно назвать темными, мрачными и низко вращающимися звездами; потому что и они присваивают себе звание небесного и веру во Христа, пребывание души на небесах и близость к звездам, как бы чада света; но они низлагаются, будучи увлекаемы кознями дракона, потому что не остаются внутри тройственного образа благочестия, уклоняясь от православного его богопочтения. Поэтому они и названы третьею частью звезд, как заблуждающиеся касательно одного из чисел Троицы, то касательно [Лица] Отца, как Савеллий, говоривший, что пострадал Сам Вседержитель, то касательно [Лица] Сына, как Артема, и те, которые утверждали, что Он родился призрачно, то касательно [Лица] Духа, как Евионеи, доказывающие, что пророки говорили по собственному побуждению. О Маркионе же, и Валентине, и последователях Елкесея, и других лучше и не упоминать.

ГЛАВА XI. Жена, родившая сына и живущая в пустыне, есть Церковь. Пустыня дев и святых. Совершенство чисел и тайн. Равенство и совершенство числа шесть. Приложение числа шесть ко Христу. Из этого же числа создание мира и вся стройность его

Рождающая и родившая в сердцах верующих младенца мужеского пола — Слово и удалившаяся непорочной и невредженной от ярости зверя в пустыню есть, как мы сказали, мать наша Церковь. Пустыня, в которую она пришла и питается там тысячу двести шестьдесят дней (Откр. 12, 6), поистине свободная от зол, непроизводительная и бесплодная для тления, неудободоступная и неудобопроходимая для многих, но плодоносная, и питательная, и цветущая, и удободоступная для святых, исполненная мудрости и произрастающая жизнь, — это есть прекрасная и богатая растениями и благовонная обитель добродетели, где *льются ароматы, когда поднимается ветер с севера и приносится ветер с юга* (Песн. 4, 16), и все исполнено божественной росы, быв увенчано неувядающими растениями бессмертной жизни, где и мы теперь собираем цветы и чистыми перстами плетем для царицы пурпуровый и блистательный венок девства. Ибо невеста Слова украшается плодами добродетели. А тысяча двести шестьдесят дней, в течение которых мы, девы, находимся здесь, есть такое точное и превосходное вёдение об Отце и Сыне и Духе, которым радуется и веселится мать наша, возрастая в это время до явления новых веков, когда она в небесном собрании будет не посредством знания провидеть, но ясно созерцать «сущее», пребывая вместе со Христом. Ибо тысяча, слагающаяся из десяти сотен, составляет совершенное и полное число и поэтому служит символом Отца, который Сам Собою сотворил и в Себе Самом содержит все. Двести, слагающиеся из двух совершенных чисел, служат символом Святого Духа, так как Он сообщает вёдение о Сыне и Отце. А шестьдесят, заключая в себе число шесть, взятое десять раз, служит символом Христа; потому что число шесть, начиная с единицы, слагается из собственных делителей, так что в нем нет ни недостатка, ни излишка; разделяясь на своих делителей, оно вполне слагается из них. Так, если число шесть разделить на одинаковые части одинаковыми делителями, то из разделенных частей опять вполне составляется то же количество. И во-первых, оно по разделении на два дает три, по разделении на шесть дает единицу и из них опять вполне слагается в самого себя. Ибо, давая по разделении на два три, и по разделении на три — два, и по разделении на шесть — единицу, оно при сложении трех, двух и единицы опять делается вполне шестью[1]. А все то, что не нуждается для своей полноты в

[1] Число шесть называется совершенным потому, что и сумма, и произведение простых делителей его равны самому и между собою, т. е. 6=1+2+3=1x2x3.

другом и никогда не делается больше самого себя, необходимо есть совершенное. Из прочих же чисел одни более чем совершенны, как, например, двенадцать, ибо по разделении на два оно дает шесть, на три — четыре, на четыре — три, на шесть — два и на двенадцать — единицу; а эти числа, на которые оно может делиться, быв сложены, превышают двенадцать, которое, таким образом, не остается равным своим делителям, как число шесть; а другие менее чем совершенны, как, например, восемь; ибо по разделении на два оно дает четыре, на четыре — два и на восемь — единицу; числа же, на которые оно делится, быв сложены, составляют семь, и потому оно нуждается еще в единице для своего восполнения — не так, как шесть, которое во всяком случае остается равным самому себе. Поэтому это последнее и прилагается к Сыну Божию, который из полноты Божества низшел в здешнюю жизнь. *Уничижив же Себя и приняв образ раба* (Флп. 2, 7), Он опять вошел в полноту Своего совершенства и достоинства. Ибо, умалившись в Самом Себе и, так сказать, разрешившись на Свои части, Он опять из Своего умаления и этих частей Своих вошел в Свою полноту и величие, никогда и при умалении не переставая быть совершенным. Кроме того, и во всем создании мира и стройности его оказывается содержащимся это число, так как в шесть дней Бог создал небо и землю и все, что в них, творческой силой Слова, объемлющего число шесть, по которому существует тройственный вид, составляющий тела. Ибо долгота, широта и глубина составляют тело, а число шесть и составляется из этих трех сторон. Впрочем, теперь не благовременно раскрывать это подробно, чтобы, оставив настоящий предмет, нам не рассуждать о постороннем.

ГЛАВА XII. Девы приглашаются к подражанию Церкви, живущей в пустыне и побеждающей дракона

Итак, пришедши в эту бесплодную для зол пустыню, Церковь питается здесь, возносясь до небес на крыльях девства, которые Слово [Божие] назвало *крыльями большого орла* (Откр. 12, 14; Иез. 17, 3), победив змия и отогнав от своего полнолуния неблагоприятные облака. Для того, между прочим, и предложены все эти речи, чтобы научить вас, прекрасные девы, посильно подражать матери и не смущаться скорбями, превратностями и бедствиями жизни, дабы вам вместе с нею смело войти в брачный чертог с горящими светильниками. Итак, не страшитесь козней и клевет этого зверя, но бодро приготовляйтесь к борьбе, вооружившись спасительным шлемом, и броней, и препоясанием (Еф. 6, 14 — 17). Ибо вы нанесете ему великое поражение, устремившись на него с великой отвагой и благодушием; и, конечно, он не устоит, видя противниц, выступивших с высшей помощью; но тотчас предоставит вам трофей семи родов борьбы[1]. Это многоглавый и многоличный зверь —

«Лев головою, задом дракон и коза [серединой];
Страшно дышал он пожирающим пламенем бурным»[2];
«Но того поразил Беллерофонт; а этого — Царь Христос;
Многих сгубил он, и никто не мог бы снести
Изрыгаемой из уст его гибельной пены»[3], —

если бы наперед Христос не нанес ему поражения и не сделал его совершенно бессильным и презренным для нас.

ГЛАВА XIII. Семь диадем зверя низлагаются победоносным девством. Десять рогов дракона — противоположные десяти заповедям пороки. Мысль о судьбе — величайшее зло

Поэтому, имея мужественный и бодрый дух, вооружитесь против гордого зверя; отнюдь не отступайте, смущаясь его дерзостью; за это получите великую славу, если, одержав победу, отнимите находящиеся на нем семь венцов, за которые нам и предстоит состязание и борьба, по учению Павла (Еф. 6, 12). Ибо та, которая наперед преодолеет диавола и умертвит семь голов, сделается обладательницей семи венцов добродетели, совершив великие подвиги девства. Так голова дракона есть невоздержание и роскошь; сокрушивший ее украсится венцом целомудрия. Его же голова — страх и уныние; поправший ее получит венец мученичества. Его же голова — неверие и безумие и прочие подобные виды нечестия; поразивший и умертвивший их удостоится за это почестей, многообразно сокрушив силу дракона. А десять рогов и рожнов, которые он носит на головах, как сказано (Откр. 12, 3), суть десять сопротивлений десятословию, прекрасные девы, которыми он обыкновенно поражает и низвергает души многих, замышляя и изобретая противное заповеди: *Люби Господа твоего* (Втор. 6, 5) — и прочим заповедям. Вот его рог пламенный и исполненный горечи — блуд, которым он низвергает невоздержанных; вот прелюбодеяние, вот ложь, вот сребролюбие, вот воровство и другие близкие и сродные им пороки, которые свирепствуют, выросши на человекоубийственных головах его; вы же, исторгнув их при помощи Христовой, возложите на ваши божественные головы цветущие венцы в награду за победу над драконом. Ибо наша обязанность — предпочитать высшее и ставить его выше земного, сохраняя ум самостоятельным и самовластным вне всякой необходимости, при свободном избрании благоугодного, не раболепствуя судьбе и случаям. Так, человек не может быть госпо-

---

[1] Семь родов борьбы, составляющих упражнения на общественных греческих играх, упоминаются здесь применительно к семи головам Дракона.
[2] Химера, описанная в Илиаде (VI, 181 — 182).
[3] Дополнение нескольких гекзаметров к стихам Гомера принадлежит, вероятно, самому автору.

дином самого себя и добродетельным, если он не будет соображаться с человеческим примером Христа и жить, изображая себя по Его первообразу и подражая Ему. Подлинно величайшее из всех зол, усвоенное многими, состоит в том, что относят причины грехов к движениям звезд и говорят, что жизнь наша управляется необходимостью судьбы, как делают весьма надменные наблюдатели звезд; ибо они, веруя больше по догадкам, нежели по благоразумному рассуждению, тому, что находится в середине между истиной и ложью, — много уклонились от созерцания действительно существующего. Поэтому, если ты позволишь, Арета, при окончании моей речи, которую ты сама, госпожа, приказала произнести, я постараюсь при твоем содействии и сочувствии против недовольных и сомневающихся в истине наших слов, что человек властно свободен разъяснить, что люди «по своему безрассудству без судьбы терпят бедствия»[1], предпочитая приятное полезному».

Арета. Я позволяю и буду содействовать; ибо с присоединением и этого речь будет совершенно прекрасной.

ГЛАВА XIV. Учение математиков, поскольку оно относится к познанию звезд, не совсем достойно отвержения. Двенадцать знаков Зодиака — названия баснословные

Фекла. Итак, еще скажем посильно об этом и прежде всего обнаружим обольщение хвалящихся тем, будто они одни знают, каким образом устроен мир по предложениям египтян и халдеев. Они утверждают, что окружность мира подобна выпуклостям как бы обделанного шара, в котором земля занимает место центра и средоточия. Так как эта окружность, говорят они, шарообразна, то при равных расстояниях одинаковых частей в середине вселенной необходимо должна находиться земля, около которой, как происшедшей прежде всего, вращается небо. Ибо если окружность составилась из средоточия и центра (без центра невозможно описать круга, и самый круг невозможен без центра), то не следует ли, говорят они, что прежде всего образовались земля, и ее хаос, и бездна? Подлинно в бездну и хаос низверглись эти несчастные! Они, познав Бога, не прославили Его как Бога и не возблагодарили, но осуетились в умствованиях своих и омрачилось несмысленное их сердце (Рим. 1, 21), и притом тогда, как их же мудрецы говорили, что нет ничего из земнородного почтеннее и старше Олимпийских [богов]. Поистине познавшие Христа не остаются всегда детьми, как эллины[2], которые, затмив истину более мифами и вымыслами, нежели словесным искусством,

[1] Одиссея. 1, 34; ср. 1, 7. Илиада IV, 409.

[2] Имеется в виду отзыв об эллинах, сказанный Солону одним египетским жрецом, что эллины всегда остаются детьми (Платон Тимей; Климент Ал. Строматы 1, **21. 128).**

и поставив человеческие бедствия в связь с небесными предметами, не стыдятся изображать окружность вселенной геометрическими знаками и фигурами и учить, что небо украшено подобиями птиц и рыб и земных животных и что качества звезд произошли от приключений с древними людьми, так что у них движения планет зависят от этих телесных существ; ибо, говорят они, звезды вращаются около двенадцати животных, будучи увлекаемы движением зодиакального круга, так что из их сочетания можно усматривать имеющее случиться со многими, судя по их сближению друг с другом и отклонению, равно как по восхождению и захождению. По их мнению, небо, шаровидное и имеющее в земле свой центр и средоточие, потому что все прямые линии, падающие от окружности на землю, равны между собою, оказывает влияние посредством объемлющих его кругов, из которых больший называется меридианом, второй, рассекающий его на равные части, — горизонтом, третий, пересекающий их, — экватором, по сторонам которого находятся два тропика: летний и зимний — один в северной части, а другой в южной, кроме того, так называемая ось, около которой находятся медведицы, как, например, северная вне тропика. Медведицы, вращаясь около самих себя и посредством полюсов производя давление на ось, производят движение всего мира, имея головы свои обращенными к бедрам друг друга и не соприкасаясь с нашим горизонтом. Зодиак же, говорят они, касается всех кругов, совершая косвенное движение; в нем находятся двенадцать животных, которые называются двенадцатью знаками, начиная с Овна до Рыб, и, по сказанию их, поступили в число созвездий по баснословным причинам. Так, говорят они, Овен есть тот, который перевез [через Эллеспонт] Эллу, дочь Афаманта, с Фриксом к скифам; Телец — в честь Зевса, который в виде вола переправил Европу на Крит; так называемый Млечный Путь, начинающийся при соединении Рыб с Овном, говорят, проистек из сосцов Иры для Иракла по повелению Зевса. Таким образом, по их мнению, до Европы, Фрикса и Диоскуров (близнецов) и других знаков Зодиака, помещенных в число созвездий из людей и животных, не было рока (yeveoi^A)[1], но без рока жили наши предки. Попытаемся же, не будем ли мы в состоянии уничтожить ложь, подобно врачам, употребив против нее целительные врачества речи, имея в виду истину, следующим образом.

ГЛАВА XV. Доказательства от новизны судьбы и рока. Древние люди — золотой род. Веские доказательства против [веровавших в рок] математиков

О жалкие, если бы для людей лучше было подлежать року, не-

[1] Под словом yeveci^A здесь, очевидно, понимается влияние знаков Зодиака на рождение и жизнь людей, т. е. рок, судьба.

же ли не подлежать, то почему рока не было с самого начала, как произошел род человеческий? Если же он был, то какая была нужда помещать между созвездиями Льва, Рака, Близнецов, Деву, Тельца, Весы, Скорпиона, Овна, Стрельца, Рыб, Козерога, Водолея, Персея, Кассиопею, Кифея, Пегаса, Гидру, Ворона, Чашу, Лиру, Дракона и других, которых, наблюдению научившись, по вашим словам, многие постигли это математическое или, лучше сказать, противонаучное предведение? Итак, или действительно издавна был рок, тогда напрасна постановка этих существ [в числе созвездий]; или его не было, и потом Бог привел жизнь в лучшее состояние и направление, между тем как прежние люди переживали худшее время; но древнейшие лучше нынешних; поэтому они и названы золотым родом. Следовательно, нет рока. Если солнце, объезжая эти круги и проходя в известные времена года знаки Зодиака, производит изменения и перемены времен, то каким образом те, которые жили до помещения между созвездиями этих животных и до украшения ими неба, могли благополучно существовать, когда еще не были отделены лето, осень, зима и весна, влиянием которых телесная природа растет и укрепляется? Между тем они благополучно существовали и были долговечнее и крепче нынешних, так как Бог и в то время одинаково устроял времена. Следовательно, небо получило разнообразие не от этих знаков. Если солнце и луна и прочие звезды, существующие для определения и соблюдения чисел времени (Быт. 1, 17), для украшения неба и изменения времен года, божественны и превосходнее людей, то они сами необходимо должны проводить жизнь превосходнейшую, блаженную, мирную и гораздо лучшую нашей жизни по правде и добродетели, совершая стройное и благополучное движение. Если же они причиняют несчастия и худые настроения смертным и служат виновниками непотребств, превратностей и приключений жизни, то они несчастнее людей, взирая на землю и на жалкие и беззаконные действия [смертных], и проводят жизнь нисколько не лучше людей, если наша жизнь зависит от их отклонения и движения.

ГЛАВА XVI. Другие многочисленные доказательства, направленные против тех же математиков

Если никакое действие не бывает без желания и желание без нужды, Божество же ни в чем не имеет нужды и, следовательно, не помышляет о причине зла, и если звезды по своей природе ближе к Богу и по добродетели превосходнее самых лучших людей, то следует, что звезды не замышляют зла [людям] и ни в чем не нуждаются. Кроме того, всякий, кто убежден, что солнце, луна и звезды божественны, согласится с нами, что они весьма далеки от зла и земных действий, как недоступные для страстей, удовольствия и скорби, ибо такие постыдные ощущения не свойственны небесным

существам. Если же они по природе своей чужды этому и ни в чем не имеют нужды, то как они могут причинять людям то, чего они сами не желают и чему сами не причастны? Утверждающие, что человек не свободен, а управляется неизбежной необходимостью и неписанными повелениями судьбы, нечестиво относятся к самому Богу, считая Его виновником и устроителем человеческих зол. Ибо если Он неизреченной и непостижимой премудростью стройно управляет всем круговым движением звезд, держа бразды правления вселенной, а звезды производят свойства добра и зла в жизни, привлекая к ним людей узами необходимости, то, по их мнению, Бог есть виновник и податель зол. Между тем, по убеждению всех, Бог не есть виновник никакого зла; следовательно, нет рока.

Всякий хоть несколько рассудительный согласится, что Бог благ, праведен, премудр, истинен, благодетелен, не причиняет зол, непричастен страсти и все тому подобное, если же справедливые лучше несправедливых и несправедливость отвратительна для них; Бог же, как праведный, радуется справедливости, и несправедливость отвратительна для Него, как противоположная и враждебная справедливости, то, следовательно, Бог не есть виновник несправедливости. Если полезное, несомненно, есть добро, а целомудрие полезно и для дома, и для жизни, и для друзей, то, значит, целомудрие есть добро. И если целомудрие по свойству своему есть добро, а невоздержание противоположно целомудрию, противоположное же добру есть зло, то, значит, невоздержание есть зло. И если невоздержание по свойству своему есть зло, от невоздержания же происходят прелюбодеяния, кражи, ссоры и убийства, то, значит, преступная жизнь по свойству своему есть зло. А Божество по природе своей непричастно злу. Следовательно, не рок есть причина добра и зла. Если целомудренные лучше невоздержанных и невоздержание отвратительно для них, Бог же, как непричастный страстям, радуется целомудрию, то, значит, невоздержание отвратительно и для Бога.

А что целомудренное действие, как добродетель, лучше невоздержного действия, как порока, это можно видеть на царях, правителях, военачальниках, женах, детях, гражданах, господах, рабах, пестунах, учителях, потому что каждый из них при своем целомудрии бывает полезен и самому себе и обществу, а при невоздержании вреден и самому себе и обществу. И так как есть некоторое различие между порочными и добродетельными, невоздержанными и целомудренными и жизнь добродетельных и целомудренных лучше, а жизнь противоположных хуже, и живущие лучше — близки и любезны Богу, а живущие хуже — далеки и противны для Него, то утверждающие, будто по роковой необходимости справедливость и несправедливость есть одно и то же, не различают порока и добродетели, невоздержания и целомудрия, что невозможно. Ибо если добро и зло противоположны, а несправедливость есть зло и противоположна справедливости, справедливость же есть добро; а добро

враждебно злу, и зло неодинаково с добром, то, значит, справедливость есть не что иное, нежели несправедливость. Следовательно, Бог не есть виновник зол и не радуется [людям] злым, не содействует им Слово, как благое. Если же существуют порочные, то они порочны по недостатку разума, а не влиянию рока, «по своему безрассудству без судьбы претерпевая бедствия»[4]. Если рок заставляет убивать кого-либо и обагряет руки кровью убийства, а закон запрещает это, определяя наказание злодеям и угрозами отменяя внушения рока, как-то: причинять несправедливость, прелюбодействовать, воровать, отравлять, — то, значит, закон противоположен року. Ибо что рок определяет, то закон запрещает; а что закон запрещает, то делать рок принуждает; следовательно, закон враждебен року. А если они враждебны, то, значит, законодатели [существуют и действуют] не по року, потому что, определяя противное року, они разрушают рок. Итак, или существует рок, и тогда не следовало бы существовать законам, или существуют законы, и, следовательно, они существуют не по року. Но, говорят, без рока невозможно ни родиться кому-либо, ни совершиться чему-либо, потому что никто не может и пальцем двинуть без судьбы; следовательно, по року являлись законодатели: Минос, Дракон, Ликург, Солон и Залевк — и постановляли законы, запрещая прелюбодеяния, убийства, насилия, грабежи, кражи, как действия не существующие и не бывающие по року. Если же и эти действия бывают по року, то законы постановлялись не по року, потому что рок не стал бы разрушать самого себя, отменяя сам себя и восставая сам на себя, то постановляя законы, запрещающие прелюбодеяния и убийства, и обвиняя и наказывая злодеев, то производя убийства и прелюбодеяния. Но это невозможно, потому что нет ничего противного самому себе, враждебного с самим собою, разрушительного для самого себя и несогласного с самим собою. Следовательно, нет рока. Если все, что происходит, происходит по року и без рока ничто не бывает, то неизбежно [допустить], что и закон произошел от рока. Но закон уничтожает рок, научая, что добродетель приобретается и исполняется тщательностью, а порок может быть избегаем и происходит от недостатка воспитания. Следовательно, нет рока. Если рок производит то, что [люди] обижают друг друга и бывают обижаемы друг другом, то какая нужда в законах? Если они [существуют] для того, чтобы наказывать виновных, так как Бог печется об обижаемых, то лучше было бы, чтобы злые не поступали по судьбе, нежели после преступления были исправляемы законами. Но Бог благ и премудр и устрояет все лучшее. Следовательно, нет рока. Причинами грехов бывают или воспитание и нравы, или страсти душевные и похоти телесные. Что из этого ни было бы причиной того, чего оно бывает причиной, Бог не есть тому причина. Если лучше быть справедливым, нежели несправедливым, то почему человек не бывает таким сам по себе с самого рождения? Если же он впоследствии вразумляется учением и законами, чтобы сделаться лучшим, то, значит, он вразумляется как свободный, а не как злой по природе. Если порочные рождаются порочными по року, определением Провидения, то они не подлежат осуждению и наказанию по законам, как живущие по своей собственной природе, потому что они не могут измениться. И еще: если добрые, живя по своей природе, заслуживают похвалы, хотя рок причиной того, что они добры, то и злые, живя по своей природе, также не должны быть обвиняемы справедливым судьей. И если нужно сказать прямо, то всякий живущий по присущей ему природе нисколько не грешит. Ибо не сам он сделал себя таким, но судьба, и живет он по ее побуждению, влекомый неизбежной необходимостью; поэтому нет ни одного злого. Однако злые существуют, и зло достойно порицания и противно Богу, как доказано в речи; а добродетель достолюбезна и похвальна, когда Бог постановил закон для наказания злых. Следовательно, нет судьбы.

[4] *Гомер.* Одиссея I, 34.

ГЛАВА XVII. Желания плоти и духа: порок и добродетель

Впрочем, для чего мне распространять речь, истрачивая время на такие обличения, когда я уже изложила более необходимое для убеждения и склонения к полезному и когда сделала, хотя и в немногих словах, ясным для всех разногласие их выдумки с самой собою, так что даже ребенок может видеть их заблуждение и понять, что от нас зависит делать добро или зло, а не от звезд? В нас есть два движения, два естественных желания — плоти и духа (Гал. 5, 17) — различные между собою и потому получившие два названия: добродетели и порока. Следовать же нам дблжно лучшему и полезнейшему водительству добродетели, избирая прекрасное вместо худого. Однако об этом уже довольно; удержу речь, потому что стыжусь и сожалею, что после речей о девстве принуждена была излагать мнения метеорологов, или тщенаблюдателей, которые с надменностью тратят время жизни, употребляя его только на басноcловные выдумки. Вот тебе, госпожа Арета, и от нас принесены дары, составленные из божественных изречений».

Еввул. Как, Григора, поразительно и прекрасно говорила Фекла!

Григора. А что, если бы ты слышал саму ее, когда речь ее текла обильным и быстрым потоком с великой приятностью и отрадой? Каждый слушавший восхищался цветистым образом речи; так одушевленно и поистине живописно излагала она то, о чем говорила, между тем как лицо ее румянилось от стыдливости, а вся она отличалась белизною и по телу и по душе.

Еввул. Справедливо, Григора, ты сказала это, и нет в этом ничего ложного. Ибо я узнал мудрость ее и из других ее доблестей, из

речей, какие она говорила, и дел, какие совершала, доказывая чрезвычайную любовь свою ко Христу; и как достославно она часто претерпевала великие и первостепенные подвиги мученические, оказывая великодушие, равное усердию, и силу телесную, равную твердости намерений!

Григора. Весьма справедливо говоришь и ты; но не будем терять времени. Об этом нам можно будет и в другое время часто беседовать. А теперь мне надобно пересказать тебе речи и прочих дев, как я обещала, именно Тисианы и Домнины, которые еще остались. Итак, когда Фекла, сказав это, окончила речь, то, говорила Феопатра, Арета приказала говорить Тисиане, а эта, улыбнувшись и вышедши к ней, сказала:

РЕЧЬ IX. ТИСИАНА

ГЛАВА I. Девство — главное украшение истинной кущи. Что означает семь дней, предписанных Иудеям для празднования кущей? Неизвестность предела этого семеричного числа, и никому не открыто, когда совершится будущее окончание мира. Устройство мира еще продолжается

«Арета, возлюбленная краса любителей девства! И я прошу тебя оказать мне твою помощь, чтобы у меня не было недостатка в слове после столь многих и разнообразных речей. Поэтому я оставляю вступительные и предварительные слова речей, чтобы, потратив время на составление их надлежащим образом, мне не отступить от самого предмета речи, от того, как славно, и почтенно, и величественно девство. Бог, желая научить истинных израильтян, как дóлжно праздновать и чтить истинный праздник кущей, изображает это в книге Левит, объясняя, что каждый должен больше всего украшать чистотой свою собственную кущу. Приведу самые слова Писания, из которых, несомненно, будет ясно для всех, как и для Бога благоугоден и приятен этот подвиг девственной чистоты: *А в пятнадцатый день седьмого месяца, когда вы собираете произведения земли, празднуйте праздник Господень семь дней; а в восьмой день покой. В первый день возьмите себе ветви красивых дерев, ветви пальмовые и ветви дерев широколиственных и верб и ветви агноса речного, и веселитесь пред Господом Богом семь дней в году. Это постановление вечное в роды ваши. В седьмой месяц празднуйте его. В кущах живите семь дней. Всякий туземец Израильтянин должен жить в кущах, чтобы знали роды ваши, что в кущах поселил Я сынов Израилевых, когда вывел вас из земли Египетской. Я Господь Бог ваш* (Лев. 23, 39—43). Конечно, Иудеи, [витая около одного текста Писания, как шмели около листьев овощей, а не около цветов и плодов, как пчела], будут утверждать, что эти слова и предписания относятся к той куще, которую они сами устрояют, как

будто Бог утешается теми тленными украшениями, которые они разнообразно устрояют из древесных ветвей; но они не понимают богатства будущих благ, как все это есть не что иное, как дуновение и образные тени, предвозвещающие воскресение нашей павшей на земле [телесной] скинии, которую, обратно получив бессмертной в седьмое тысячелетие, мы будем праздновать великий праздник истинных Кущей в новом и непреходящем мире, когда будут собраны земные плоды и люди уже не будут рождать и рождаться и когда Бог успокоится от дел мироздания. Ибо, как в шесть дней Бог создал небо и землю и совершил весь мир, а в седьмой день почил от дел своих, которые творил, и благословил день седьмой и освятил его (Быт. 2, 1—2) и как преобразовательно в седьмой месяц, когда уже собраны земные плоды, нам повелено праздновать Господу, — так, когда этот мир достигнет до седьмого тысячелетия, тогда Бог, поистине совершив вселенную, *возвеселится о* нас (Пс. 103, 31). Теперь еще все устрояется могущественной волей и непостижимой силой Его, земля еще произращает плоды и воды собираются в свои вместилища; свет еще отделяется [от тьмы] и число людей еще увеличивается; солнце восходит для управления днем и луна — для управления ночью (Быт. 1, 16); четвероногие, звери и пресмыкающиеся происходят из земли, а птицы и рыбы — из влажной стихии. А тогда, когда исполнятся времена и Бог перестанет совершать эти творения, в седьмой месяц — в великий день Воскресения — будет праздноваться в честь Господу наш праздник кущей, которого символы и образы представлены в книге Левит, которые и нужно объяснить, чтобы уразуметь открытую истину. Этого *послушает мудрый,* — говорится в Писании, — *и умножит познания и уразумеет притчу и замысловатую речь, слова мудрецов и загадки их* (Притч. 1, 5—6). Поэтому да устыдятся Иудеи, не постигающие глубины Писаний и думающие, что закон и пророки говорили все о плотском, между тем сами стремясь к мирскому и внешнее богатсво предпочитая душевному. Тогда как Писания содержат образы предметов двоякого рода, прошедших и будущих, они, несчастные, уклонившись от этого, принимают прообразы будущего, как бы уже прошедшего; так о заклании агнца они думают, что таинство агнца есть только воспоминание спасения отцов их в Египте, когда при избиении первенцев египетских они спаслись, окропив кровью косяки домов своих, но не поняли, что оно было еще предвещательным прообразом заклания Христа, которого кровью огражденные и запечатленные души при сожжении вселенной и погибели первородных чад сатаны спасутся от гнева [Божия], потому что наказующие ангелы будут отступать от начертанной на них печати этой крови.

ГЛАВА II. Прообраз, образ истина — закон, благодать, слава. Человек создан бессмертным. Смерть введена для истребления греха

Это сказано мною для примера в доказательство того, что Иудеи, считая данное им образом уже прошедшего, лишились надежды будущих благ, не хотевши признать ни предвещательных прообразов образов, ни самих образов истины. Между тем закон есть прообраз и тень образа, т. е. Евангелия, а Евангелие — образ самой истины. Ибо древние и закон пророчески предвозвестили нам свойства Церкви, а Церковь — свойства новых веков. Поэтому мы, приняв Христа, который сказал: *Я есмь истина* (Ин. 14, 6), убеждены, что тени и прообразы уже прекратились, и спешим к истине, возвещая действительные образы ее. Ибо мы еще *знаем отчасти и как бы сквозь тусклое стекло,* потому что еще не настало для нас совершенное (т. е. Царство Небесное и воскресение), *когда то, что отчасти, прекратится* (1 Кор. 13, 10—12). Тогда крепко поставятся скинии всех нас, когда по соединении и сращении костей с плотию тело воскреснет. Тогда поистине мы будем праздновать день радости пред Господом, когда получим новые скинии, которые уже не умрут или не разрушатся *в прах земли* (Дан. 12, 2).

Наша скиния и прежде была неразрушающейся, но от преступления поколебалась и пала, а Бог разрушает грех смертью, чтобы грешный человек, будучи бессмертным с живущим в нем грехом, не остался вечно осужденным. Поэтому он и подвергся смерти, не будучи смертным или тленным, и душа отделяется от плоти, чтобы через смерть умерщвлялся грех, который уже не может жить в умершем. Итак, по смерти и истреблении греха я опять восстаю бессмертной и воспеваю Бога, спасающего через смерть детей [своих] от смерти, и законно праздную в честь Его, украсив свою скинию — плоть — добрыми делами, как [евангельские] девы, пятью горящими светильниками (Мф. 25, 7).

ГЛАВА III. Каким образом каждый должен приготовляться к будущему воскресению?

На испытание в первый день воскресения приношу ли я заповеданное, украшена ли я плодами добродетели, осенена ли ветвями девства? Представь, что воскресение есть устроение кущи. Представь, что принимаемое на устройство этой кущи суть дела правды. Итак, разбираю требующееся в первый день, т. е. в тот день, в который я предстаю на суд, украсила ли я свою кущу тем, что заповедано, находится ли в ней то, что нам повелевается в здешнем мире приобрести, а там принести Богу? Займемся же рассмотрением того, что следует далее. *В первый день,* — говорится, — *возьмите себе красивый древесный плод, и ветви пальмовые, и ветви дерев широколиственных и верб и ветви агноса речного, и веселитесь пред Господом Богом вашим* (Лев. 23, 40).

Под красивейшим плодом древесным необрезанные сердцем Иудеи разумеют лимонное дерево — по его величине — и не стыдятся утверждать, что Бог, которому недостаточны для всесожжения все животные земные и ливан для курения, чтится лимонным деревом. И притом, о упорные, если красиво лимонное дерево, то разве не более красива виноградная лоза? Разве не красиво гранатовое дерево? Разве не красива яблоня и другие плодовые деревья, которые гораздо лучше лимонного? Так и Соломон, упоминая в Песни Песней (4, 13 — 14) обо всех этих прекрасных деревьях, умолчал только о лимонном. Но они, неразумные, впали в заблуждение, не поняв, [что здесь говорится] о древе жизни, которое прежде произрастало в раю, а теперь для всех произрастила Церковь, которое приносит прекрасный и красивый плод веры. Этот-то плод мы и должны принести, пришедши в первый день праздника на суд Христов, и если мы не будем иметь такого плода, то не будем праздновать вместе с Богом и, по словам Иоанна, не будем *иметь участия в воскресении первом* (Откр. 20, 6).

Ибо древо жизни есть первородная из всех Премудрость. *Она,* — говорит пророк, — *древо жизни для тех, которые приобретают ее, и твердыня для тех, которые опираются на нее, как на Господа* (Притч. 3, 18); *древо, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое* (Пс. 1, 3), т. е. учение и мудрость, доставляемая в надлежащее время приходящим к водам искупления. А тот, кто не уверовал во Христа, кто не познал, что Он есть начало и древо жизни, кто не может показать Богу кущу свою украшенной прекраснейшим из прекрасных плодов, как будет праздновать? Как будет веселиться? Хочешь ли узнать прекрасный плод этого дерева? Посмотри на слова Господа нашего Иисуса Христа, как они *прекраснее* [слов] *сынов человеческих* (Псал. 44, 3). Прекрасный плод произрос через Моисея — закон; но он не был так прекрасен, как Евангелие, ибо тот был только прообразом и тенью будущих вещей, а этот — истина и благодать жизни. Прекрасен был плод пророков, но не так прекрасен, как возделываемый из этого [Евангелия] плод нетления.

ГЛАВА IV. Ум, очистившись от пороков, становится проницательнее. Украшение души и порядок добродетелей. Любовь — ветвиста и плодовита. Девство — крайнее из всех украшений. Само пользование браком должно быть целомудренно

В первый день возьмите себе красивый древесный плод и ветви пальмовые (Лев. 23, 40), — говорится об упражнении в божественном учении, которым душа очищается и украшается, побеждая стра-

сти, между тем как грехи из нее выметаются, подобно сору, и выбрасываются. Ибо на этот праздник должны приходить чистые и украшенные, тщательно снабдившие себя трудами и подвигами добродетели, как бы прикрасами; потому что ум, очищенный прилежными трудами и подвигами от различных потемняющих его помыслов, становится проницательнее к истине. Так и в Евангелии вдова нашла кодрант, когда вымела дом и выбросила сор (Лк. 15, 8; Мк. 12, 42), т. е. страсти, помрачающие и потемняющие душу и умножающиеся от нашей изнеженности и беспечности. Итак, кто хочет быть на празднике тех кущей и находиться вместе со святыми, тот прежде всего пусть приобретет прекрасный плод — веру, потом пальмовые ветви — упражнение и занятие Писаниями, затем цветущие и широколиственные ветви любви, которые [Писание] повелевает взять после пальмовых ветвей, весьма метко назвав любовь широколиственными ветвями, потому что она есть как бы ветвистое, всецело плодовитое и тучное растение, не имеющее голых или пустых мест, но везде полное — и на сучьях, и на стволе. Такова и любовь: она никогда не бывает пустой или бесплодной. Ибо *если я продам имение мое и раздам нищим, если отдам тело мое на сожжение и если приобрету такую веру, что и горы могу переставлять, а любви не имею, то я ничто* (1 Кор. 13, 2—3). Итак, любовь есть плодовитое дерево и широколиственнейшее из всех, как изобилующая и исполненная благодатных даров. Потом что еще предлагает оно взять? Ветви вербовые, говорит, называя вербовыми ветвями правду, потому что праведники, по словам пророка, *растут, как трава посреди воды и как ивы при потоках вод* (Ис. 44, 4), процветая мудростью. Кроме всего этого, заповедуется приносить для украшения кущи ветви агноса, так как это дерево по самому названию означает девство, которым украшается все вышесказанное. Пусть же отойдут прочь невоздержанные и по своему сладострастию отвергающие девство! Как могут войти на праздник со Христом не украсившие своей кущи ветвями девства, этим богонасажденным блаженным растением, которым должны облекаться и осенять свои чресла поспешающие на этот праздник и брак? Вникните же, прекрасные девы, в само Писание и заповеди, как Слово [Божие] поставило девство в заключение всех вышесказанных добродетелей, научая, сколь оно прекрасно и вожделенно при воскресении и как без него никто не получит обетованных благ; его мы, девствующие, преимущественно и возделываем и приносим Господу. Впрочем, его имеют и те, которые девственно живут со своими супругами; они приносят как бы отрасли от ствола его, произращающие целомудрие, не достигая и не касаясь верхних и великих его ветвей; однако тем не менее и они приносят хотя малые отрасли девственности. А похотливые, хотя и не предающиеся прелюбодеянию, но с одной и законной женой обращающиеся невоздержанно, как будут праздновать, как будут веселиться, когда они не украсили своей кущи, т. е. плоти, ветвями

агноса и не внимали сказанному: *И имеющие жен должны быть как не имеющие* (1 Кор. 7, 29)?

ГЛАВА V. Тайна кущей

Поэтому я утверждаю, что те, которые стремятся к подвигам и отличаются великим благоразумием, должны больше всех ревностно чтить девство, как полезнейшее и славнейшее [всего]; ибо в новом и непреходящем мире, если кто окажется не украшенным ветвями девства, тот не получит покоя, как не исполнивший заповеди Божией по закону, и не войдет в землю обетования, не праздновав наперед праздника кущей. Одни только праздновавшие в кущах вступают в Святую Землю, отправившись от так называемых кущей, пока не достигнут храма и города Божия, т. е. перейдут к высшей и славнейшей радости, как показывают и прообразы, бывшие у Иудеев. Ибо, как они, вышедши из пределов Египта и начав странствование, пришли в кущи и, оттуда опять отправившись, пришли в землю обетованную, так и мы. Так и я, отправившись отсюда и вышедши из Египта — сей жизни, сначала достигаю воскресения, этого истинного праздника кущей, и, там поставив мою кущу, украшенную плодами добродетели, в первый день праздника Воскресения, во время суда, праздную вместе со Христом тысячелетие покоя, называемое семью днями, эту истинную субботу. Потом, следуя за Иисусом, *прошедшим небеса* (Евр. 4, 14), прихожу, как и они, после покоя праздника кущей в *землю* обетованную, на небеса, не оставаясь в кущах, т. е. [телесная] моя скиния не остается такой же, но после тысячелетия изменяется из вида человеческого и тленного в ангельское величие и красоту, а там наконец из *дивного места селения* (Пс. 41, 5) по окончании праздника Воскресения мы, девы, перейдем к большему и лучшему, — взойдем в самый *дом Божий,* находящийся выше небес, со *гласом радости и славословия празднующего сонма,* как говорит псалмопевец (Пс. 41, 5). Это праздничное украшение и я по мере сил моих, приношу в дар тебе, госпожа Арета».

Еввул. Весьма тревожусь я, Григора, представляя себе, в каком смущении была теперь Домнина, как волновалось ее сердце и как она боялась, что у нее не достанет слов и что она скажет хуже прочих дев, когда уже было сказано о предмете так много и так разнообразно. Если она действительно обнаруживала смущение, то в заключение скажи и об этом. Я удивлюсь, если она могла сказать что-нибудь, когда ей досталось говорить последней.

Григора. Что она была смущена, Еввул, об этом мне говорила Феопатра; но у нее не недостало слов. Когда окончила Тисиана, Арета обратила взор к ней и сказала: «Выйди и ты, дочь моя, и скажи речь, чтобы наш пир был вполне совершенным», Домнина, сильно покраснев, едва переведши дух и вставши, стала молиться и просила Премудрость [Божию] быть ей помощницей. По окончании

молитвы, говорила она, тотчас явилась у нее смелость и какая-то божественная уверенность объяла ее, и она сказала:

РЕЧЬ X. ДОМНИНА

ГЛАВА I. Одно девство производит и совершает то, что душа управляется наилучшим образом

«И я, Арета, оставив длинные вступления, постараюсь по силам приступить к самому предмету, чтобы, распространяясь о постороннем, не употребить на речь об этом слишком много времени, ибо, я думаю, гораздо благоразумнее не заводить издалека прежде рассуждения о предмете длинных речей, услаждающих слух, но тотчас же отвечать на данный вопрос. С этого я и начну, потому что уже время. Ничто не может, прекрасные девы, приносить столько добра человеку, как девство. Одно девство производит и совершает то, что душа управляется наилучшим и успешнейшим образом и избавляется от зол и зараз мира. Ибо, как скоро Христос научил нас соблюдать его и показал нам чрезвычайную красоту его, разрушено царство диавола, прежде постоянно пленявшего и порабощавшего всех, так что никто из древних не был благоугодным Богу[1], но все подвергались грехопадениям, так как закон не был в состоянии освободить людей от растления, пока девство, преемствовав закону, не стало управлять людьми по заповедям Христа. Подлинно древние не склонялись бы так часто к ссорам и убийствам, разврату и идолопоклонству, если бы законная праведность была достаточна им для спасения. Между тем они тогда часто подвергались великим и многим падениям, а с тех пор, как Христос вочеловечился, украсил и вооружил плоть девством, жестокий тиран, руководитель невоздержания, низложен и господствуют мир и вера, оттого что люди уже не так склонны к идолопоклонству, как прежде.

ГЛАВА II. Изъяснение места Судей (9, 8—15). Аллегорическое сказание о деревьях, искавших себе царя

Но, чтобы кому-нибудь не показалось, что я неправо мудрствую, предлагаю только вероятную догадку и говорю неосновательно — приведу и я вам, девы, из Ветхого Завета письменное пророчество в доказательство того, что я говорю истину, именно из книги Судей, где уже ясно предвозвещено царство девства. Там говорится: *Пошли некогда дерева помазать над собою царя и сказали маслине: царствуй над нами. Маслина сказала им: оставлю ли я тук мой, который прославили Бог и люди и пойду ли скитаться по деревам? И сказали дерева смоковнице: иди*

[1] Т. е. настолько, насколько христианские девственники.

ты, царствуй над нами. Смоковница сказала им: оставлю ли я сладость мою и хороший плод мой и пойду ли скитаться по деревам? И сказали дерева виноградной лозе: иди ты, царствуй над нами. Виноградная лоза сказала им: оставлю ли я сок мой, который веселит Бога и людей, и пойду ли скитаться по деревам? Наконец, сказали все дерева терновнику: иди ты, царствуй над нами. Терновник сказал деревам: если вы поистине поставляете меня царем над собою, то идите, покойтесь под тенью моею; если же нет, то выйдет огонь из терновника и пожжет кедры Ливанские (Суд. 9, 8 — 15).

Очевидно, что это сказано не о деревьях, растущих из земли. Деревья, бездушные и корнями прикрепленные к земле, не могли сами собою собираться для избрания царя, но, конечно, это говорится о душах, которые прежде вочеловечения Христова, изобилуя грехопадениями, с мольбою приступали к Богу, чтобы склонить Его на снисхождение к ним и царствовать [над ними] с милостью *(гХгоС,)* и кротостью, которую Писание представило под образом маслины *(еХ-*аш), потому что *масло* полезно для тела, облегчает страдания и болезни и служит для освещения.

Всякий свет в светильниках увеличивается от подливаемого масла; так и милосердие Божие избавляет от смерти, и помогает человечеству, и питает свет сердца. Рассудите же, не обозначает ли этим Писание заповеди, которые были даны со времени первозданного до Христа и в подражание которым коварный диавол своими вымыслами обольщал род человеческий: смоковнице оно уподобило заповедь, данную человеку в раю, так как после обольщения он тотчас прикрыл свою наготу листьями смоковницы (Быт. 3, 7); а виноградной лозе — заповедь, данную Ною при потопе, так как он был осмеян (Быт. 9, 22), уснув от вина; маслине же — заповеди, данные Моисею в пустыне, так как пророческий дар, этот святой елей, оскудевал в наследии [Божием — иудеях], когда они предавались беззакониям; а терновнику — заповеди, данные апостолам для спасения мира, так как через них мы научились девству, которому одному диавол не мог противопоставить какое-либо обольстительное подобие.

Поэтому и Евангелий дано четыре, так как Бог четыре раза благовестил человечеству и руководил его четырьмя законодательствами, которых времена ясно означаются различием плодов. Так, смоковница по своей сладости и красоте представляет бывшую сладость рая до преступления человека (Быт. 3, 23), ибо случается, и очень часто, что Дух Святой принимает плод смоковницы в лучшем смысле, как мы покажем после (Иер. 8, 13). Виноград же по причине веселия, происходящего от вина, и радости спасшихся от гнева [Божия] и потопа выражает избавление их от страха и заботы и перемену на радость, а маслина по свойству плода своего — елея означает милосердие Бога, Который опять после потопа, когда люди обрати-

лись к безбожию, оказал долготерпение, так что дал закон и являлся некоторым и как бы елеем возгревал уже погасавший свет добродетели.

ГЛАВА III. Терновник и агнос — символ девства. Четыре Евангелия, т. е. провозвестия, или правила, ко спасению

Терновник есть то же, что агнос: одни называют его терновником, а другие — агносом; и, может быть, по сродству этого растения с девством оно так названо — терновником и агносом, терновником — по терпкости и непригодности к удовольствиям, а агносом — по всегдашней девственности. Поэтому и об Илии, убежавшем от женщины Иезавели, Слово [Божие] говорит, что он сначала скрылся под терновником (3 Цар. 19, 4) и, быв услышан, укрепился и принял пищи; потому что для избегающих похоти и женщины, т. е. удовольствия, прибежищем и покровом возросло древо девства, со времени пришествия Перводевственника Христа воцарившееся над людьми. Ибо так как первые законодательства, данные при Адаме, Ное и Моисее, не могли спасти человека, то одно Евангельское законодательство спасло всех. Поэтому смоковница, как сказано, и не приняла царства над деревьями, под которыми разумеются люди, а под под смоковницей — заповедь, т. е. хотя человек после падения и желал опять быть под господством добродетели и не лишаться нетления сладостного рая, но за преступление был отринут и изгнан далеко, как еще не имевший возможности и неспособный быть под господством нетления.

И вот после падения ему сначала посылается проповедь через Ноя, дабы он мог, если бы был внимателен, спастись от греха хотя через эту заповедь, обещавшую отдохновение от бедствий и радость (Быт. 5, 20), если бы он соблюдал ее всеми силами, подобно как и виноградная лоза обещает произвести вино для трудящихся и возделывающих ее. Но это законодательство не воцарилось над человечеством, потому что его не послушались, хотя Ной ревностно проповедовал его.

Впрочем, когда стали уже тонуть и задыхаться от воды, то начали раскаиваться и обещать, что они будут подчиняться заповедям; но, несмотря на это, были лишены воцарения, т. е. лишены помощи от проповеданной заповеди потому, что пренебрегли теми людьми, которым Бог певелел помогать, и спасать, и утешать их, как-то: Ноем и бывшими с ним, почему Дух с укоризною и отвечал им: «Упорные, как приду я к вам, которые бесплодны мудростию и ничем не отличаетесь от сухих дерев, прежде не веровав мне, проповедовавшему удаление от настоящих [благ]?»

ГЛАВА IV. Закон недействителен для спасения. Последний закон девства под видом терновника

Когда, таким образом, и эти люди оказались недостойными Божественного попечения и когда род человеческий снова впал в заблуждение, Бог опять послал при Моисее закон, который бы царствовал над ними и напоминал о правде. Но они, далеко уклонившись и от него, впали в идолопоклонство. Поэтому Бог предал и их междоусобиям, изгнаниям и пленениям, между тем как закон отказался спасать их. Подвергшись бедствиям, они опять с горестью обещали повиноваться заповедям, пока, наконец, Бог в четвертый раз, сжалившись над человеком, не послал для царствования девство, которое в Писании последовательно названо терновником. Оно, истребляя удовольствия, вместе с тем угрожает, что если все не будут повиноваться ему беспрекословно и по истине, то оно всех истребит огнем, потому что после него уже не будет другого закона или учения, но суд и огонь. С того времени наконец человек и начал поступать праведно и твердо веровать в Бога и удаляться от диавола. Таким образом, девство послано людям как полезнейшее средство. Только ему одному диавол не мог противопоставить подобного способа обольщения, как [он делал] с прочими законодательствами.

ГЛАВА V. Подражательная во всем злоба диавола. Два рода смоковниц и виноградных лоз

Так как смоковница по сладости плода и красоте своей, как я сказала, принимается за образ райской сладости, то диавол, обольстив человека подобиями ее, уловил в свои сети, внушив прикрыть наготу тела листьями смоковницы, т. е. сладострастным раздражением вследствие раздражающего свойства их. А затем спасшихся от потопа, напоив до опьянения питьем, подобным винограду духовного веселия, он также подверг осмеянию, обнажив человека от добродетели.

Сказанное мною еще яснее будет из следующего. Вражеская сила всегда подражает внешнему виду добродетели и правды не для исполнения их по истине, а для обольщения и притворства. Дабы увлечь к смерти избегающих смерти, она украшается внешним видом бессмертия. Так, она хочет казаться и смоковницей и виноградом, производить и сладость и веселие, принимая вид ангела света (2 Кор. 11, 14) и подобием богопочтения обольщая многих. В Писаниях мы находим, что есть два различных рода смоковниц и виноградных лоз. *Смоквы хорошие — весьма хороши* и *смоквы горькие весьма горьки* (Иер. 24, 3). *Вино, которое веселит сердце человека* (Пс. 103, 15), и *вино — яд драконов и гибельная отрава аспидов* (Втор. 32, 33). Но как скоро, наконец, воцарилось над людьми девство, то обольщение обличено и препобеждено, так как Перводев-

ственник Христос ниспроверг его; и истинная смоковница и истинная виноградная лоза стали приносить плоды после того, как над всеми приняло власть девство, как возвещает и пророк Иоиль. *Не бойся, земля,* — говорит он, — *радуйся и веселись, ибо Господь велик, чтобы совершить это. Не бойтесь, животные, ибо пастбища пустыни произрастили траву, дерево принесло плод свой, смоковница и виноградная лоза оказали свою силу. И вы, чада Сиона, радуйтесь и веселитесь о Господе Боге вашем; ибо Он дал пищу в правду* (Иоил. 2,21 —23). Деревами виноградным и смоковничным, произращавшими для чад духовного Сиона плоды в правду, он называет прежние законодательства, которые стали приносить плоды по вочеловечении Слова, когда воцарилось над нами девство, между тем как прежде, по причине греха и великого заблуждения, они были бессильны и не произращали отраслей.

Ибо истинная виноградная лоза и истинная смоковница не могли доставлять нам пищу, способствующую к жизни, пока процветала смоковница неистинная и разнообразно украшенная для обольщения; когда же Господь иссушил ложные и подражавшие истинным дерева, сказавши горькоплодной смоковнице: *Да не будет впредь от тебя плода вовек* (Мф. 21, 19), тогда истинно плодоносные расцвели и произрастили пищу в правду.

Случается, и многократно, что виноградная лоза прилагается к самому Господу (Ин. 15, 1), а смоковница — к Духу Святому, так как Господь веселит, а Дух врачует сердца людей. Поэтому и Езекии повелено было сначала приложить себе пласт смокв (4 Цар. 20, 7; Ис. 38, 21), чтобы исцелиться, что означает плод Духа, т. е. любовь, по словам апостола, который говорит: *Плод же Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22 — 23), которые по причине сладости их пророк назвал смоквами. И Михей говорит: *Каждый будет сидеть под своею виноградною лозою и под своею смоковницею, и никто не будет устрашать их* (Мих. 4, 4). Очевидно, что прибегшие и успокоившиеся под покровом Духа и Слова не будут страшиться и бояться возмутителя сердец.

ГЛАВА VI. Тайна видения пророка Захарии

Что маслина означает законодательство, данное при Моисее, это объясняет пророк Захария, говоря так: *И возвратился тот Ангел, который говорил со мною и пробудил меня, как пробуждают человека от сна его, и сказал он мне: что ты видишь? и отвечал я: вижу, вот светильник, весь из золота, и чашечка для елея наверху его, и две маслины — одна с правой стороны чашечки, другая с левой стороны ее* (Зах. 4, 1—3).

И спустя немного, когда пророк спросил, что значат две маслины с правой и с левой стороны светильника и две масличные ветви близ

двух трубочек, Ангел сказал в ответ: *Это два помазанные елеем, предстоящие Господу всей земли* (Зах. 4, 14), называя так две первородные силы, предстоящие Богу[1], которые в этом доме (4, 9 — 10) посредством ветвей мерно проводят духовный елей Божий, чтобы он имел свет Божественного ведения. Ибо две ветви двух маслин суть закон и пророки, которых призвание состояло в мерном устроении наследия и которых произрастил Христос и Дух Святой, потому что мы еще не могли вместить всего плода и величия этих растений прежде, нежели девство стало владычествовать и царствовать над миром, а только ветви их, т. е. закон и пророчества, мы предварительно возделывали, и притом умеренно, часто подвергались падениям. Подлинно, кто мог когда-либо совершенно вместить Христа или Духа, не сделавшись наперед чистым? А подвиг, приготовляющий душу с детства к вожделенному и достолюбезному прославлению, с легкостью делающий для нее этот мир немучительным здесь и доставляющий за маловременные труды великие награды там, — это есть доставляющее телам нашим бессмертие девство, которое все люди должны охотно предпочитать и прославлять: одни потому, что совершившие подвиг девства делаются через него невестами Слова, другие потому, что им освобождаются от осуждения: *Прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3, 19). Такова тебе, Арета, и от меня посильная речь о девстве, которую, хотя она и умеренна и невелика, прошу тебя, госпожа, благосклонно принять от меня, избранной говорить последней».

РЕЧЬ XI. АРЕТА

ГЛАВА I. Истинных и непорочных девственниц немного. Девство — подвиг. Фекла — главнейшая из дев

«Принимаю, сказала Арета, — говорила Феопатра, — и вполне хвалю тебя. Весьма хорошо, хотя и не совсем ясно, но, тщательно воспользовавшись сказанным, ты изложила предмет, составив не пустословную речь для услаждения слушателей, а напоминание об исправлении и бодрствовании. Ибо, кто говорит, что дблжно ставить девство выше [других] моих упражнений и любить его прежде всего прочего, тот говорит справедливо. Многие думают, что они почитают и соблюдают его, но на самом деле почитают его, так сказать, немногие. Подлинно не тогда человек почитает его, когда старается соблюдать свою плоть непричастной удовольствию совокупления, а между тем не воздерживается от всего другого; напротив, еще более бесчестит его тот, кто предается низким пожеланиям, пе-

[1] Это выражение не может иметь отношения к Сыну Божию и Святому Духу, о которых здесь говорится, а употреблено применительно к описанному видению светильника с двумя маслинами около его вершины.

ременяя одни удовольствия на другие. Когда кто-нибудь старается преодолевать внешние пожелания, а между тем надмевается гордостью, то по тому самому, что он может обуздывать плотские похоти, а между тем всех считает за ничто, он еще не признается почитающим девство — напротив, он бесчестит его, оскорбляя высокомерием, тем, что очищает внешность *чаши и блюда* (Мф. 23, 25), плоть, тело, а сердце свое оскверняет гордостью и честолюбием. И тот, кто предается страсти к богатству, не есть ревностный почитатель девства — напротив, он больше всего бесчестит его, предпочитая малую выгоду тому, с чем не может сравниться ничто из житейских драгоценностей. Ибо всякое богатство и *золото* пред ним как *ничтожный песок* (Прем. 7, 9). И тот, кто чрезмерно любит самого себя и старается наблюдать полезное только для одного себя, а не заботится о ближних, не почитает девства — напротив, и он бесчестит его, ибо, нарушая свойственную девству любовь и человеколюбие, он далеко отстоит от достойных причастников его. Подлинно не следует девственникам, с одной стороны, соблюдать девство, а с другой — осквернять себя дурными делами и непотребными пожеланиями; с одной стороны, обещать сохранять чистоту и целомудрие, а с другой — быть нечистым и грешить; также, с одной стороны, исповедовать удаление от забот о мирских благах, а с другой — приобретать и заниматься ими; но [дблжно] соблюдать все члены неприкосновенными и непричастными растлению, не только служащие к раздражению и совокуплению, но и более их деятельные. Ибо смешно было бы детородные члены соблюдать девственными, а язык не соблюдать; или язык соблюдать девственным, а зрение, или слух, или руки не соблюдать такими; или все эти члены иметь и соблюдать девственными, а сердце не соблюдать, но блудодействовать гордостью и гневливостью. Поэтому, кто намеревается не погрешать в подвиге девства, тому дблжно соблюдать все члены и чувства свои чистыми и огражденными, подобно тому как кормчие ограждают связи кораблей, чтобы вторгающийся грех не мог иметь доступа внутрь. С великими занятиями непременно случаются и великие падения; и истинному добру зло более враждебно, нежели недобру. Так, многие, думавшие, что девство состоит [только] в обуздании похотливых пожеланий, а обо всем прочем не радевшие, потерпели падение и в отношении к нему и навлекли укоризны на тех, которые правильно стремятся к нему, как доказали вы — образец во всем, сами соблюдающие девство и делом и словом. Итак, свойства девственницы, какова она должна быть, теперь изображены; вас же, прекрасно состязавшихся речами, я, слушавшая самолично, объявляю всех победительницами и увенчиваю, но Феклу — венком бблыпим и густейшим, как первую из вас и наиболее отличившуюся».

ГЛАВА II. Фекла стройно поет песнь, а прочие девы подпевают ей. Иоанн Креститель — исповедник девства. Церковь — невеста Божия, непорочная дева

Сказав это, Арета приказала всем встать, — говорила Феопатра, — и вместе под агносом благоговейно воспеть Господу благодарственную песнь, а начинать и предшествовать — Фекле. Итак, когда все встали, — говорила она, — то Фекла, ставши посреди дев и по правую сторону Ареты, начала стройно петь; а прочие, ставши кругом, как бы в виде хора, подпевали ей.

ПРИПЕВ[1]

Для Тебя, Жених, я девствую и, держа горящие светильники, Тебя встречаю я (Мф. 25, 7).

ПЕСНЬ

Свыше, девы, раздался звук голоса, воскрешаюший мертвых, призывающий всех встречать Жениха в белых одеждах и со светильниками на востоке. Встаньте, пока Царь не вошел внутрь за двери.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Удалившись от многоплачевного счастья смертных, удовольствий приятной жизни и любви, я желаю укрыться в Твоих живописных объятиях и непрестанно созерцать Твою красоту, Блаженный.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Оставив смертное брачное ложе и дорогой дом, к Тебе, Царь, я пришла в чистых одеждах, чтобы и мне вместе с Тобою войти внутрь всеблаженного чертога.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Избежав бесчисленных обольстительных козней змия, также пламени огня и смертоносных нападений диких зверей, Тебя, Блаженный, я ожидаю с небес.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Забыла я отечество (Пс. 44, И), ища Твоей благодати, забыла хоры сверстниц-дев и гордость матери и родных, ибо Ты сам, Христе, все для меня.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Ты — Податель жизни, Христе; радуйся, свет незаходимый; прими сей возглас; хор дев взывает к Тебе, совершенный Цвет, Любовь, Радость, Разум, Премудрость, Слово.

Отверсты модиˆрями ФриймРи: меня в чертог, светоносная Цари-

[1] Предлагаемая песнь, состоящая из 24 строф с отдельным припевом, имеет алфавитный акростих из 24 букв греческого алфавита.

ца, непорочная, прекрасная, Невеста, дышущая красотою; и мы предстанем Христу, прославляя брак Твой, всеблаженная Отроковица.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Горько плачут теперь жалкие девы вне дверей и горестно взывают, что, погасив свет светильников, не успели войти в сокровищницу радостей (Мф. 25, 11).

Для Тебя, Жених, я девствую...

Уклонившись от священного пути, они, несчастные, не позаботились приобрести больше елея для путей жизни, но, неся не горевшие светлым пламенем светильники, стенают во глубине души.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Чаши, наполненные сладким нектаром, предложены; будем пить, девы; это — небесное питие, которое Жених предложил достойно призванным на брак.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Авель, ясно прообразуя смерть Твою, Блаженный (Быт. 4, 10), окровавленный, сказал, взирая на небо: умоляю, безжалостно убитого рукою брата приими меня Ты, Слово.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Величайшую награду за девственность получил мужественный отрок Твой, Слово, Иосиф (Быт. 39, 12); ибо жена, пламеневшая похотью, насильно влекла его на преступное ложе; а он, нисколько не смутившись, убежал нагим, взывая:

Для Тебя, Жених, я девствую...

Новую жертву Богу принес Иеффай — не познавшую мужа дочь (Суд. 11, 39), подобно агнице; она же, мужественно представляя образ плоти Твоей, Блаженный, громко взывала:

Для Тебя, Жених, я девствую...

Смелая Иудифь удачной хитростью обезглавила иноземного вождя народов, прельстив его красивым видом и не потерпев осквернения в членах своего тела (Иуд. 13, 8), и победоносно воззвала:

Для Тебя, Жених, я девствую...

Увидев благовидную красоту Сусанны, два судьи воспламенились к ней страстной любовью (Дан. 13, 19—20) и сказали: «Любезная жена, мы пришли, желая тайно разделить с тобой брачное ложе»; она же дрожащим голосом сказала:

Для Тебя, Жених, я девствую...

Гораздо лучше мне умереть, нежели, предав ложе вам, развратники, терпеть вечное осуждение Божие на огненные мучения (Дан. 13, 23). Спаси меня, Христе, от этого и ныне.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Предтеча Твой, омывавший очистительными потоками людей, злым человеком беззаконно был отведен на смерть за девственность; оросив же землю пролитою своею кровию, восклицал к Тебе, Блаженный:

Для Тебя, Жених, я девствую...

И Твоя Родительница, благодатная, непорочная, нетленная Дева, нося в чистом чреве Тебя, бессеменно зачатого, подверглась подозрению, как бы предавшая ложе (Мф. 1, 18—19), но, имея внутри плод, восклицала [к Тебе], Блаженный:

Для Тебя, Жених, я девствую...

Желающие видеть брачный день Твой, Блаженный (Мф. 2, 1), приходят, сколько Ты сам свыше призвал их, Царь ангелов, принося величайшие дары Тебе, Слово, в чистых одеждах.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Песнями ныне мы, служительницы чертога Твоего, величаем Тебя, блаженная Богоневеста, чистая Дева—Церковь, белая, как снег, темноволосая, целомудренная, непорочная, возлюбленная.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Миновалось тление и трудные плачевные болезни; разрушена смерть; погибло всякое безумие; умерла душепагубная скорбь, и внезапно опять воссияла смертным радость Христа Бога.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Рай уже не остается пустым без смертных; ибо опять по Божественному повелению, как прежде, обитает в нем человек, избегший разных козней змия, нетленным, бесстрашным, Блаженный.

Для Тебя, Жених, я девствую...

Воспевая ныне новую песнь, хор дев превозносит до небес Тебя, Царица, весь светло увенчанный белыми цветами лилий и держащий в руках горящие светильники.

Для Тебя, Жених, я девствую...

0 Блаженный, живущий в пречистых обителях небесных, содержащий все вечной властью [Своей]! Приими и нас, предстоящих, От1Дл# мещ с Женим Т^йвстврутрь дерджОТорще- светильники, Тебя встречаю я (Мф. 25, 7).

ГЛАВА III. Кто лучше: воздержные ли или обладающие невозмутимостью души? Опасность борьбы у девственников. Счастье невозмутимости. Чистые и спокойные души божественны и узрят Бога. Добродетель, испытанная искушениями, заслуживает предпочтение

Еввул. Достойно, Григора, Фекла получила первую награду.

Григора. Действительно достойно.

Еввул. А что, скажи мне, Телмисская гостья"? Удивляюсь, если

[1] Город Телмисс, находившийся в Ликии, недалеко от Патар, славился языческими прорицателями. Здесь под именем Телмисской гостьи разумеется или вообще языческая мудрость, не достигавшая высоты христианских истин, или та личность, которая сообщила Еввулу о пире дев прежде Григоры, но не могла рассказать подробностей, как сказано в начале этого сочинения.

она осталась спокойною, узнав об этом пиршестве, и не прилетела тотчас, как птица на корм, послушать разговаривающих.

Григора. Говорят, что она находилась при Мефодии, когда он расспрашивал об этом самом у Ареты. Прекрасное и блаженное дело — иметь такого учителя и руководителя, как Арета.

Еввул. Впрочем, Григора, каких людей мы назовем лучшими — тех ли, которые не чувствуют похоти и воздерживаются от похоти, или тех, которые чувствуют похоть, но соблюдают девство?

Григора. Конечно, тех, которые не чувствуют похоти; потому что они имеют и ум и чувство неоскверненные и совершенно нерастленны, не согрешая ни в чем.

Еввул. Прекрасно и разумно, Григора, клянусь целомудрием. Впрочем, позволь мне сказать несколько слов против этого, чтобы мне крепче удостовериться и чтобы никто уже не разубедил меня.

Григора. Говори против этого сколько хочешь. Я могу, Еввул, вполне убедить тебя, что не чувствующий похоти лучше чувствующего похоть, и уже никто не разубедит тебя.

Еввул. Прекрасно; я радуюсь, что ты так великодушно отвечаешь мне и этим доказываешь, как ты обогатилась мудростью.

Григора. Кажется, ты шутишь, Еввул.

Еввул. Почему же?

Григора. Потому, что этими словами ты скорее насмехаешься надо мною, нежели говоришь правду.

Еввул. Не говори этого, блаженная; я действительно весьма уважаю твою мудрость и благоразумие. Я сказал это потому, что, по словам твоим, ты не только знаешь, но и берешься научить другого касательно того, о чем многие мудрецы часто разногласят между собою.

Григора. Скажи мне, на самом ли деле ты не согласен с тем, что не чувствующие похоти решительно превосходнее чувствующих похоть и воздерживающихся? Или только забавляешься теперь надо мною?

Еввул. Как забавляюсь, когда я признаюсь, что не знаю этого? Впрочем, скажи мне, мудрейшая, чем отличаются не чувствующие похоти и соблюдающие себя чистыми от чувствующих похоть и соблюдающих девство?

Григора. Прежде всего тем, что у них сама душа чиста и в ней постоянно обитает Дух Святой, так как она не развлекается и не помрачается мечтами и помыслами невоздержания и потому не терпит вреда от похоти; но они во всех отношениях, и по телу и по сердцу, бывают недоступны для похоти, наслаждаясь миром без страстей. А те, посредством зрения обольщаясь извне призраками и допуская похоти притекать к сердцу, подобно потоку, тем самым часто оскверняются и думают, что они борются и противятся удовольствиям, между тем как в уме бывают поражаемы.

Еввул. Итак, людей, наслаждающихся миром и не смущаемых

похотью, мы должны назвать чистыми?

Григора. И очень. О таких людях Бог, представляющий в блаженствах несомненно верующих в Него как бы богами, говорит, что они с дерзновением *узрят Бога* (Мф. 5, 8), потому что они, не имея ничего помрачающего или смущающего око души, чтобы устремляться к божественному созерцанию, и находясь вне всех мирских желаний, не только, как я сказала, сохраняют плоть свою чистой от смешения, но и сердце недоступным для помыслов невоздержания; а в таком сердце, как в храме, особенно обитает и покоится Дух Святой.

Еввул. Послушай же. Я думаю, что мы вернее дойдем до решения того, кто лучше, таким образом: скажи мне, называешь ли ты кого-нибудь хорошим кормчим?

Григора. Да.

Еввул. Кого же — того ли, который спасал корабль во время больших и опасных бурь, или того, который управлял им в тихую, безветренную погоду?

Григора. Бывшего среди больших и опасных бурь.

Еввул. Так и душу, обуреваемую треволнениями страстей и не ослабевающую и не утомляющуюся, но мужественно направляющую корабль, т. е. плоть, к пристани целомудрия, мы должны назвать лучш'и1о)?аэтличн®йшде1а^^^ть]котораяплавает при тихой погоде.

Еввул. Ибо подвергаться нападениям дуновений злого духа и не быть ниспровергаемым и побеждаемым, но всецело стремиться ко Христу и сильно бороться со сладострастными пожеланиями — это заслуживает большей похвалы, нежели соблюдение девства с легкостью, без волнений.

Григора. Кажется.

Еввул. А что Господь? Разве не известно, что Он отдает преимущество чувствующему похоть и воздерживающемуся перед не чувствующим похоти и соблюдающим девство?

Григора. Где же?

Еввул. Там, где Он, сравнивая благоразумного человека с хорошо основанным [на камне] домом, представляет его непоколебимым, не могущим упасть от дождя, и рек, и ветров (Мф. 7, 24), кажется, уподобляя бурям похоти, а камню — постоянную и непоколебимую твердость души в девственной чистоте.

Григора. Кажется, ты говоришь правду.

Еввул. И из врачей, не того ли ты называешь лучшим, который отлииоа при важных болезнях и исцелил многих?

Еввул. А того, который еще ничего не сделал и вовсе не имел на своих руках больных, не называешь ли ты всегда неопытнейшим?

Григора. Да.

Еввул. Так и душу, которая владеет более расслабленным телом

и болезненные наклонности его к удовольствиям удерживает врачевствами целомудрия, не следует ли назвать более способной к врачеванию, нежели ту, которой досталось управлять телом здоровым и бесстрастным?

Григора. Следует назвать.

Еввул. И в борьбе тот ли борец лучше, который имеет великих и сильных противников и в постоянной борьбе с ними не бывает преодолеваем, или тот, который не имеет противников?

Григора. Очевидно, что имеющий.

Еввул. Следовательно, и в борьбе тот борец есть отличнейший, который имеет противников?

Григора. Необходимо.

Еввул. Также совершенно необходимо допустить, что и душа, которая борется с движениями похоти, не увлекается ими, а, напротив, устраняет себя и противится им, оказывается более сильной, нежели не чувствующая похоти.

Григора. Справедливо.

Еввул. Что же? Как тебе кажется, Григора, сильно бороться с движениями дурных пожеланий не значит ли иметь более мужества?

Григора. И очень.

Еввул. А это мужество не есть ли сила добродетели?

Григора. Очевидно.

Еввул. Если же сила добродетели есть терпение, то душа возмущаемая, но сильно противящаяся пожеланиям, не оказывается ли сильнее невозмущаемой?

Григора. Так.

Еввул. Если же она сильнее, то и превосходнее?

Григора. Так.

Еввул. Итак, из вышесказанного следует, что душа, чувствующая похоть и воздерживающаяся, превосходнее не чувствующей этого и воздерживающейся.

Григора. Ты говоришь правду; впрочем, я желала бы еще обстоятельнее поговорить с тобой об этом. Если тебе угодно, то завтра я опять приду послушать тебя. А теперь, как видишь, нам уже пора обратиться к заботам и о внешнем человеке.